ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1957

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шестой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с ноября 1848 по июль 1849 года. Большую часть шестого тома, так же как и пятого тома Сочинений, составляют статьи Маркса и Энгельса, опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung» — единственной газете, которая в тогдашнем демократическом движении представляла точку зрения пролетариата.

На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс, применяя материалистическую диалектику к анализу текущих событий, вскрывали подлинную суть политических конфликтов, как выражения острейшей борьбы классов, определяли расстановку и соотношение классовых сил на политической арене и, исходя из этого, намечали тактическую линию пролетариата на различных этапах германской и европейской революции. Теоретически обобщая богатый опыт масс в революционную эпоху, Маркс и Энгельс развивали политические идеи научного коммунизма, разрабатывали дальше основные положения исторического материализма и марксистской политической экономии.

Том открывается статьями Маркса, написанными в обстановке острого политического кризиса и подготовки контрреволюционного переворота в Пруссии. Анализируя ход европейской революции, развивавшейся по нисходящей линии, и отмечая ряд побед, одержанных контрреволюцией, Маркс рассматривал готовившийся в Пруссии государственный переворот как третий акт европейской драмы, первым актом которой было поражение французского пролетариата в июньские дни, вторым — падение 1 ноября 1848 г. революционной Вены.

Через посредство «Neue Rheinische Zeitung» Маркс стремился предупредить народные массы о надвигающейся решительной схватке, подготовить их для отпора наступающей контрреволюции. В статьях «Берлинский кризис», «Контрреволюция в Берлине» и других Маркс характеризует политическую обстановку в Пруссии в ноябре 1848 г. и доказывает, что назревший конфликт между королевской властью и прусским Национальным собранием может быть разрешен только силой.

Маркс требует от прусского Национального собрания решительных революционных действий: ареста министров как государственных преступников, смещения и объявления вне закона всех чиновников, не повинующихся решениям Национального собрания. Он выдвигает лозунг отказа от уплаты налогов с целью отнять у контрреволюционного правительства одно из средств борьбы против народа. Маркс видит в кампании, которая должна развернуться в связи с отказом от уплаты налогов, средство развязывания революционной энергии масс, начало нового этапа революции, который в случае успеха должен завершиться свержением королевской власти и полной победой народа.

В воззвании Демократического окружного комитета Рейнской провинции (см. настоящий том, стр. 19) Маркс призывает демократические союзы устраивать народные собрания, чтобы побудить население к отказу от уплаты налогов. В этом первом воззвании Окружного комитета Маркс предостерегает против насильственного сопротивления взиманию налогов, чтобы предотвратить изолированные, разрозненные восстания в Рейнской провинции. Во втором воззвании (см. настоящий том, стр. 33), после того как прусское Национальное собрание само приняло постановление об отказе от уплаты налогов и это движение стало приобретать более широкий, массовый характер, Маркс призывает к сопротивлению всеми средствами взиманию налогов, к организации вооруженных народных ополчений для отпора врагу, к созданию комитетов безопасности. В комитетах безопасности, распоряжения которых должны были рассматриваться как единственно законные, Маркс видел зародыши временных революционных органов власти, которые должны были прийти на смену реакционному чиновничьему аппарату, сохранившемуся в неприкосновенности после мартовской революции. В противовес прусскому Национальному собранию, ограничившемуся призывом к пассивному сопротивлению взиманию налогов, Маркс призывает в своих статьях *та насилие отвечать всеми средствами насилия. Пассивное* сопротивление должно опираться на *сопротивление*

активное. В противном случае оно уподобится сопротивлению теленка, которого мясник тащит на убой» (см. настоящий том, стр. 32).

В своих статьях в «Neue Rheinische Zeitung» и в воззваниях Рейнского окружного комитета демократов Маркс намечал решительную и смелую программу действий для всех немецких демократов. Эти документы представляют огромный интерес для изучения тактики Маркса в критический период германской революции.

Однако прусское Национальное собрание не пошло дальше призывов к пассивному сопротивлению; широкое, массовое движение, начавшееся в Рейнской провинции, не нашло активной поддержки в других провинциях Пруссии. В результате этого контрреволюция одержала новую победу: 5 декабря 1848 г. прусское Национальное собрание было распущено. В статье «Государственный переворот контрреволюции» Маркс писал: «Национальное собрание пожинает теперь плоды своей длительной слабости и трусости. Оно дало возможность заговору против народа в течение ряда месяцев спокойно готовиться, усиливаться и окрепнуть — и теперь оно пало его первой жертвой» (см. настоящий том, стр. 108).

В ряде статей — «Буржуазия и контрреволюция», «Монтескьё LVI», «Берлинская «National-Zeitung» — первичным избирателям», «Кампгаузен» и других, — а также в своей речи на процессе Рейнского окружного комитета демократов Маркс рассматривает с точки зрения исторического материализма причины победы контрреволюции в Пруссии; он вскрывает характер и особенности мартовской революции в Германии и показывает, чем она существенно отличалась от своих исторических предшественниц — буржуазных революций в Англии и во Франции в XVII и XVIII веках. Если в Англии и Франции революция привела к созданию нового политического строя, соответствующего капиталистическому способу производства, то мартовская революция «преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру» (см. настоящий том, стр. 247). Если в Англии и Франции буржуазия действительно стояла во главе революционного движения, то прусская буржуазия стремилась прийти к власти не путем революции, а путем мирной сделки с королевской властью. Маркс показывает, что позиция Кампгаузена и Ганземана в революции объяснялась не личными качествами этих политических деятелей, а материальными интересами того класса, который они представляли. Прусская буржуазия готова

была из страха перед поднимающимся пролетариатом пойти на любой компромисс с силами старого общества. Буржуазия во что бы то ни стало стремилась оставаться на «почве законности», отказываясь, таким образом, от решительной борьбы против сил феодального общества и оставляя старое, несколько подновленное помещичье и бюрократическое государство. Охраняя феодальную собственность из-за боязни покушений на собственность буржуазную, прусская буржуазия оттолкнула от себя своего необходимого союзника в борьбе с феодализмом — крестьянство. Тем самым она заранее сама обрекала себя на поражение, создавала условия для победы контрреволюции.

В своей речи на процессе Рейнского окружного комитета демократов Маркс разоблачил истинный смысл пресловутой «почвы законности», как стремления навязать старые законы новому обществу, путем революции утверждающему свои права. Развивая учение о базисе и надстройке, Маркс доказывает, что, вопреки фантазии юристов, не общество основывается на законе, а наоборот, закон должен основываться на обществе; он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей. Сохранение старых законов наперекор новым потребностям и запросам общественного развития подготовляет общественные кризисы, которые разрешаются в виде политических революций.

Подводя итоги половинчатой мартовской революции, Маркс доказывает, что неизбежным результатом отстаивания «почвы законности» и пресловутой «теории соглашения» должен был явиться острый политический конфликт, который и разразился в Пруссии в ноябре 1848 г. и завершился государственным переворотом 5 декабря.

Маркс рассматривает этот конфликт менаду королевской властью и Национальным собранием как борьбу между двумя государственными властями, двумя суверенами. Но две суверенные власти не могут одновременно, бок о бок, функционировать в одном государстве. Борьбу между ними должна была решить материальная сила. Маркс вскрывает глубокие классовые корни этой борьбы. Он доказывает, что это не был политический конфликт двух парламентских фракций на почве одного общества, а конфликт между двумя обществами, социальный конфликт, принявший политическую форму. Это была борьба между королевской властью, как представительницей старого, феодально-аристократического общества, и Национальным собранием, как представителем современного буржуазного общества.

Опровергая обвинения, выдвинутые против Рейнского окружного комитета демократов, Маркс доказывает, что отказ от уплаты налогов был естественным и законным средством самообороны народа, что народ был вправе ответить на насилие насилием. Маркс последовательно и решительно отстаивает суверенитет народа, его право на революцию, на активное вмешательство в ход истории: «Когда корона совершает контрреволюцию, народ с полным правом отвечает революцией» (см. настоящий том, стр. 272).

Речь Маркса на процессе Рейнского окружного комитета демократов, так же как речи его и Энгельса на судебном процессе «Neue Rheinische Zeitung», представляет собой блестящий образец использования судебной трибуны для пропаганды революционных взглядов, для обличения властей, для разоблачения планов контрреволюции. В своих речах на процессе «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс отстаивали права революционной печати, первую задачу которой они видели в том, чтобы подорвать все основы существующего реакционного политического строя.

После контрреволюционного переворота в Пруссии Маркс и Энгельс еще более укрепились в своем мнении, что судьбы европейской революции решаются не в экономически отсталой Германии, а в наиболее развитых капиталистических странах тогдашней Европы — Франции и Англии.

В ряде статей — «Революционное движение в Италии», «Революционное движение» и других Маркс рассматривает путь, который был пройден европейской революцией и контрреволюцией в 1848 году. Он вновь и вновь возвращается к июньскому поражению французского пролетариата, которое повлекло за собой поражение его противника — республиканской французской буржуазии, а на всем европейском континенте — поражение буржуазии и крестьянства, боровшихся против феодального абсолютизма, и новое порабощение угнетенных наций, ответивших на февральскую революцию борьбой за независимость. Маркс подчеркивает, таким образом, что судьбы европейской революции тесно связаны с судьбой самого передового класса — пролетариата.

Подводя итоги европейской революции, Маркс приходит к выводу, что «главным плодом революционного движения 1848 года является не то, что выиграли народы, а то, что они потеряли, — *потеря их иллюзий*» (см. настоящий том, стр. 148). Все иллюзии февральской и мартовской революций, богатых мечтаниями, благими намерениями и цветистым красноречием, были безжалостно растоптаны стремительным ходом истории,

жестокостями контрреволюции. Маркс призывает народ усвоить уроки, преподанные контрреволюцией, чтобы своевременно и бесстрашно применить эти уроки в грядущих схватках.

Все статьи Маркса и Энгельса, написанные после контрреволюционного переворота в Пруссии, проникнуты надеждой на близость победоносной пролетарской революции во Франции, которая послужила бы толчком для революционного подъема в странах Европы, в том числе и в Германии. Этот новый подъем, как надеялись Маркс и Энгельс, должен был привести к завершению буржуазно-демократической революции в Германии и переходу к революции пролетарской. Эти идеи о буржуазно-демократической революции, как прологе революции социалистической, нашли свое развитие в теории непрерывной революции, сформулированной основоположниками марксизма на опыте революций 1848—1849 годов.

Главного противника пролетарской революции во Франции Маркс видел в буржуазной Англии — стране, «которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир». Маркс считал в то время, что старая Англия может быть сокрушена лишь мировой войной, которая создаст условия для победоносного восстания чартистов — партии английского пролетариата. Статья «Революционное движение», где подводятся итоги европейской революции в 1848 году, заканчивается словами: **«Революционное восстание французского рабочего класса, мировая война** — таковы перспективы 1849 года» (см. настоящий том, стр. 160).

Как указывал впоследствии Энгельс, в суждениях основоположников марксизма в 1848—1849 годах о перспективах европейской революции сказалась некоторая переоценка зрелости экономического развития стран европейского континента, откуда вытекало представление о непосредственной близости социалистической революции в этих странах.

Возлагая главные свои надежды на революционную инициативу французского пролетариата, Маркс и Энгельс в то же время с неослабным вниманием следили за ходом борьбы в других странах Европы. Они горячо поддерживали борьбу угнетенных народов за свою свободу. В ряде статей Маркс и Энгельс выступали в защиту независимости Польши, высоко оценивая значение освободительной борьбы польского народа для европейской демократии. В статьях «Революционное движение в Италии», «Провозглашение республики в Риме», «Война в Италии и Венгрии», «Поражение пьемонтцев» Маркс и Энгельс с горячей симпатией говорили о борьбе итальянского народа за свое освобождение. Они видели главную причину его

поражений в предательской политике королевской власти Пьемонта. «Против измены и трусости правительства», писал Энгельс, «имеется только одно средство: революция» (см. настоящий том, стр. 412). Вместо того, чтобы противопоставлять австрийцам только регулярную армию и ограничиваться обычными способами ведения войны, итальянский народ, писал Энгельс, должен поднять массовое восстание, развернуть революционную, партизанскую, подлинно национальную войну, чтобы навсегда покончить с австрийским гнетом.

Ряд статей в настоящем томе — «Борьба в Венгрии», ««Kolnische Zeitung» о борьбе мадьяр», «Война в Италии и Венгрии», «Венгрия» — посвящены венгерской революции. С огромным вниманием и симпатией следили Маркс и Энгельс за революционной борьбой венгерского народа против реакционной Габсбургской монархии. Анализируя ход военных действий в Венгрии, Энгельс придавал особенное значение тому обстоятельству, что руководители венгерской революции сумели провести ряд мер, которые обеспечили революции поддержку со стороны крестьянства. Он подчеркивал также народный, партизанский характер, который приняла война в Венгрии, и высоко оценивал решительные революционные методы борьбы с врагом, которые применяло правительство Кошута.

Маркс и Энгельс рассматривали национальный вопрос как составную часть общей проблемы европейской революции. В зависимости от того, в чьих интересах было национальное движение того или другого народа, чьим объективно орудием оно являлось, они делили народы на революционные и контрреволюционные. К революционным народам они относили поляков, венгров и итальянцев, борьба которых способствовала ослаблению основных реакционных государств тогдашней Европы — России, Пруссии и Австрии. Летом 1848 г. Маркс и Энгельс отнеслись с горячим сочувствием к национальному движению чехов, в частности к пражскому восстанию. Однако после подавления этого восстания в движении славянских народов, населявших Австрию, взяли верх реакционные буржуазно-помещичьи элементы; в результате этого Габсбургской монархии и русскому царизму удалось использовать эти народы для подавления революции в Германии и Венгрии. В связи с изменением содержания и объективного характера национального движения этих славянских народов Маркс и Энгельс оценивают их как контрреволюционные.

Ленин, рассматривая позицию Маркса и Энгельса по национальному вопросу в 1848—1849 гг., писал, что такая точка зрения была в то время единственно правильной, «ибо в 1848 г.

были исторические и политические основания различать «реакционные» и революционно-демократические нации. Маркс был нрав, осуждая первые и стоя за вторые. Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии. В 1848 и следующих гг. эти общие интересы состояли в первую голову в борьбе с царизмом» (В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 139).

В статьях «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм» Энгельс выступает против националистической идеологии, какую бы форму она ни принимала, — против пангерманизма и панславизма. Однако наряду с правильной исторической оценкой движения ряда славянских народов, входивших в состав Австрии, как движения, противоречившего в то время интересам германской и европейской революции, в статьях Энгельса содержатся некоторые ошибочные положения об исторических судьбах этих народов. Энгельс высказывает взгляд, будто эти народы уже не способны сыграть прогрессивную роль в дальнейшем ходе исторического развития и осуждены якобы на гибель как самостоятельные народы. В этих статьях дается также одностороннее изображение процесса покорения ряда славянских народов немцами как процесса прогрессивного, связанного с распространением культуры и цивилизации. Это утверждение противоречит той картине хищнической, захватнической политики немецких государств на востоке Европы, которую нарисовал сам Энгельс в других своих произведениях (серия статей «Прения по польскому вопросу во Франкфурте» в т. 5 настоящего издания и статья «Познань» в настоящем томе). Взгляды Энгельса на историческое будущее славян, входивших в состав Австрийской империи, были связаны с его представлением о роли малых народов в историческом процессе. Энгельс считал, что дальнейший ход исторического развития, основной тенденцией которого является централизация, приведет к утрате этими малыми народами своей самостоятельности и к поглощению их крупными и более жизнеспособными нациями. В качестве примера Энгельс приводил гэлов в Шотландии, бретонцев во Франции, басков в Испании. С этой же точки зрения Энгельс оценивал захват Соединенными Штатами Америки части территории Мексики. Однако при оценке судеб малых народов Энгельс не учел, что, капитализму, наряду с тенденцией к централизации, свойственна и другая тенденция — борьба малых народов за свою независимость, их стремление к созданию собственной государственности. Ошибочные взгляды Энгельса на историческую роль некоторых славянских народов объясняются также и тем, что в 1848—1849 годах марксистская

разработка национального вопроса находилась еще в начальной стадии, и опыт национальных движений малых народов был еще сравнительно невелик. Следует отметить также и те оговорки относительно судеб этих славянских народов, которые содержатся в статьях Энгельса. «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю,* они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность. Революция с этого самого момента была бы заинтересована в их освобождении, и частные интересы немцев и мадьяр отступили бы перед более важными интересами европейской революции» (см. настоящий том, стр. 299). Развитие входивших в состав Австрии славянских народов за сто лет, прошедших со времени написания этих произведений Энгельса, убедительно доказало жизнеспособность и стойкость этих народов, которые завоевали себе свободу и независимость, создали свою собственную государственность и успешно строят социалистическое общество.

Систематически и глубоко освещая на страницах «Neue Rheinische Zeitung» борьбу сил революции и контрреволюции в различных странах Европы, Маркс и Энгельс в то же время огромное внимание уделяли анализу хода событий после контрреволюционного государственного переворота в Пруссии. Главную задачу немецкой демократии они видели в том, чтобы отстаивать шаг за шагом свои еще сохранившиеся позиции в печати, на народных собраниях, в парламенте.

В статьях «Три новых законопроекта», «Гогенцоллернский общий план реформ», «Гогенцоллернский законопроект о печати» подвергаются резкой критике внесенные правительством Мантёйфеля законопроекты, которые, являясь достойным дополнением к дарованной королем 5 декабря 1848 г. урезанной конституции, должны были вернуть страну к патриархальному варварству старопрусского законодательства.

Статьи Энгельса — «Проект адреса второй палаты», «Дебаты в Берлине по вопросу об адресе», «Заседание второй палаты в Берлине 13 апреля», «Дебаты по поводу закона о плакатах» — посвящены критике деятельности второй палаты прусского ландтага. Анализируя дебаты во второй палате, Энгельс с возмущением отмечал, что ее депутаты, в том числе и представители крайней левой, вместо того чтобы открыто отстаивать демократические права народа, делают в угоду парламентскому приспособленчеству одну уступку за другой. Энгельс обвинял лидеров мелкобуржуазной демократии, этих «новоиспеченных рыцарей парламентской трибуны», в том, что они надеются добиться парламентскими методами того, чего можно добиться только

революционными методами, силой оружия. В статьях Маркса и Энгельса, входящих в настоящий том, содержится острая Критика буржуазного парламентаризма и намечена тактика революционных депутатов в парламенте, главной особенностью которой является органическое сочетание парламентской деятельности с внепарламентской борьбой народных масс.

Деятельность самих Маркса и Энгельса в 1848—1849 годах была неразрывно связана с революционной борьбой масс.

Весной 1848 г., когда Маркс и Энгельс приехали в Германию, разобщенность и недостаточная политическая сознательность пролетариата, организационная слабость и малочисленность Союза коммунистов определили единственно правильную в этих условиях тактику пролетариата — активное участие в буржуазной революции на крайнем левом крыле демократического движения. Руководствуясь этой тактикой, Маркс, Энгельс и их сторонники вступили в демократические организации, где они твердо отстаивали позиции революционного пролетариата, не делая никаких принципиальных уступок мелкобуржуазным демократам, показывая их половинчатость и непоследовательность, толкая их на решительные действия.

Ареной политической деятельности Маркса и Энгельса, кроме «Neue Rheinische Zeitung» и кёльнского Демократического общества, явился также кёльнский Рабочий союз, через посредство которого Маркс, Энгельс и их сторонники стремились поднять классовую сознательность и организованность рабочих не только в Кёльне, но и во всей Рейнской провинции.

В ходе революции росла политическая сознательность и активность немецких рабочих, они все более проникались пониманием своих собственных классовых целей и освобождались от влияния мелкобуржуазных демократов. Опыт борьбы показал, что в решительной схватке с контрреволюцией лидеры мелкобуржуазной демократии не могут быть надежными союзниками. В связи с изменением обстановки Маркс, Энгельс и их сторонники, продолжая действовать совместно с демократами в ряде общих политических вопросов (как, например, выборы во вторую палату прусского ландтага), практически приступают к созданию самостоятельной политической организации пролетариата. С этой целью они осуществляют ряд мер по реорганизации и укреплению кёльнского Рабочего союза. Эти меры проводятся в острой борьбе против фракционной, раскольнической деятельности Готшалька и его сторонников (см., например, постановление филиала кёльнского Рабочего союза в приложениях к настоящему тому, стр. 642—644).

Весной 1849 г., в связи с обострением классовой борьбы в Германии, революционной войной в Венгрии и начавшимся подъемом революционного движения во Франции, особенно назрела необходимость самостоятельной организации пролетариата. Поддержанные передовыми, наиболее сознательными элементами немецких рабочих, Маркс, Энгельс и их сторонники 14 апреля 1849 г. выходят из Рейнского окружного комитета демократов и таким образом организационно порывают с лидерами мелкобуржуазной демократии (см. настоящий том, стр. 462). Вслед за этим руководимый ими кёльнский Рабочий союз принимает решение о выходе из объединения демократических союзов Рейнской провинции и об установлении связи с общегерманским объединением рабочих союзов. Организационно порывая с мелкобуржуазной демократией, Маркс и Энгельс и в дальнейшем не отказывались от совместных действий с ней в борьбе с общим врагом.

Изменение тактики Маркса и Энгельса, предпринятое год спустя после начала мартовской революции, основывалось на учете перемен, происшедших за это время в расстановке классовых сил в Германии, а также тех изменений, которые произошли в сознании немецких рабочих. Последнему во многом способствовала «Neue Rheinische Zeitung», которая все более открыто выступала как орган революционного пролетариата.

В ряде статей — «Буржуазный документ», «Монтескьё LVI», ««Kolnische Zeitung» о выборах» — Маркс на конкретных фактах показывает беспощадную жестокость прусской буржуазии по отношению к рабочим и разоблачает ее лицемерные попытки заигрывать с пролетариатом, ее демагогические предвыборные обещания разрешить одним махом «социальный вопрос». Полемизируя против путаных теоретических рассуждений «Kolnische Zeitung» по поводу «социального вопроса» как такового, Маркс вскрывает его конкретный классовый характер. Он доказывает, что вопреки надеждам буржуазии на то, что пролетариат, мелкая буржуазия и крестьянство проголосуют за дарованную королем конституцию, эти классы заинтересованы в установлении демократической республики — государственной формы, которая дает им больше возможности для защиты своих интересов. «Разве не эти именно классы являются наиболее радикальными, наиболее демократическими классами всего общества? Разве не пролетариат является как раз специфически *революционным* классом?» (См. настоящий том, стр. 229.)

Лозунг борьбы за единую демократическую германскую республику, который последовательно отстаивали Маркс и

Энгельс, означал не только устранение отживших форм политического строя, господства реакционного класса помещиков, но и революционное решение вопроса об объединении Германии, об уничтожении вековой раздробленности страны, мешавшей ее прогрессивному экономическому и политическому развитию.

Как и в ряде ранее написанных статей, Маркс и Энгельс решительно выступают против планов объединения Германии «сверху» под главенством одной из феодальных монархий — Австрии или Пруссии (статья «Франкфуртское собрание»). Вместе с тем основоположники марксизма борются и против южногерманских мелкобуржуазных республиканцев, которые стремились превратить Германию в федеративную республику по примеру Швейцарии.

В статьях, написанных во время своего вынужденного пребывания в Швейцарии — «Бывшее княжество», «Новые представительные учреждения. — Успехи движения в Швейцарии», «Выборы в Федеральный суд», «Портреты членов Федерального совета», «Национальный совет», «Швейцарская пресса»,— Энгельс нарисовал жанровые картинки политической жизни Швейцарии, являвшейся в такой же мере образцовой буржуазной федеративной республикой, как Бельгия слыла образцовой страной буржуазной монархии. Энгельс подчеркивает местную, кантональную ограниченность политической жизни тогдашней мещанской Швейцарии, характерные для большинства ее политических деятелей предрассудки, узость кругозора, мелочность и крохоборство.

Решительно отвергая мелкобуржуазные планы превращения Германии в федеративную республику по швейцарскому образцу, Маркс и Энгельс доказывали, что особенности социально-экономического и политического развития Германии настоятельно требуют ликвидации раздробленности страны, партикуляризма, обилия мелких государств и диктуют необходимость создания единой демократической германской республики.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что революционной Германии придется отстаивать свою свободу и независимость в борьбе не только против внутренних, но и против внешних врагов, и в первую очередь в борьбе против основных сил европейской контрреволюции — буржуазной Англии и феодально-абсолютистской России. Маркс и Энгельс разоблачали русский царизм как главный оплот феодально-монархической реакции в Европе, без сокрушения которого невозможна победа европейской революции и подлинное объединение Германии.

Главное внутреннее препятствие революционному объединению Германии Маркс и Энгельс видели в реакционной прусской монархии Гогенцоллернов, которая являлась оплотом старых, отживших сил феодального общества. В статьях «Подвиги Гогенцоллернов», «Новая прусская конституция», «Новая военно-полевая хартия», «Моему народу» и других яркими красками нарисована история возвышения правящей прусской династии с помощью грабительских захватов, вероломства и насилия и показана ее подлая роль душителя освободительного движения народа.

Другим препятствием на пути объединения Германии была феодально-абсолютистская Австрия. Пока существовала империя Габсбургов, не могло быть и речи об освобождении угнетенных народов, об установлении подлинно демократического строя во всей Германии.

Маркс и Энгельс продолжали свою критику общегерманского Национального собрания, которое, вместо того чтобы решительно покончить с силами контрреволюции в Германии, попустительствовало им. Депутаты «франкфуртского лягушечьего болота» занимались профессорско-филистерской болтовней об основных правах германского народа, отказывая этому народу в его исконном основном праве — праве на восстание (см. статьи «Франкфуртское собрание», «Доклад франкфуртской комиссии об австрийских делах», «Вена и Франкфурт», «Прусский пинок франкфуртцам»). Когда же франкфуртское Национальное собрание закончило, наконец, разработку германской имперской конституции, она оказалась лишь листком бумаги, так как немецкие государи не пожелали признать эту конституцию.

Весной 1849 г. в Рейнской провинции и в других областях Западной Германии вспыхнули народные восстания в защиту имперской конституции. Маркс и Энгельс выступили в поддержку этого движения, несмотря на ограниченность его целей. Массовый характер, который приняло это движение, они объясняли тем, что «народ видит в каждом, пусть даже жалком шаге на пути к объединению Германии шаг к устранению мелких государей и к освобождению от непосильного гнета налогов» (см. настоящий том, стр. 499). На страницах «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс приветствовали развернувшуюся борьбу народных масс, в которой видную роль играли рабочие. Энгельс принял активное участие в восстании в Эльберфельде (см. статью «Эльберфельд»).

Мужественная и непримиримая позиция «Neue Rheinische Zeitung», руководившей революционной борьбой масс, с самого

начала навлекла на нее ожесточенные преследования со стороны прусского правительства и судебных властей. Против редакторов газеты был возбужден целый ряд процессов. Однако процесс против «Neue Rheinische Zeitung» 7 февраля 1849 г. и судебный процесс против Рейнского окружного комитета 8 февраля 1849 г. приняли нежелательный для прусского правительства оборот. Обличительные речи Маркса и Энгельса, восторженно встреченные присутствовавшей публикой, привели к их оправданию судом присяжных и вызвали огромный рост популярности редакторов «Neue Rheinische Zeitung».

Прусское правительство не отказалось от своих планов так или иначе заставить замолчать «Neue Rheinische Zeitung». В мае 1849 г., после неудачи разрозненных восстаний в Рейнской провинции, прусские власти отдали приказ о высылке Маркса из Пруссии как не имеющего прусского подданства. Полицейские репрессии против Маркса и других редакторов газеты привели к прекращению выхода «Neue Rheinische Zeitung» 19 мая 1849 года. В последнем номере, напечатанном красной краской, Маркс и Энгельс, подводя итог славной борьбе газеты за дело революции, со всей силой подчеркнули отличающий ее дух пролетарского интернационализма: *«... разве душа июньской революции не была душой нашей газеты?»* (см. настоящий том, стр. 548). Пролетарский интернационализм органически сочетался в газете с защитой подлинных национальных интересов германского народа. Редакция газеты с полным правом могла сказать: «Мы спасли революционную честь нашей родины».

В прощальном обращении «К кёльнским рабочим» редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!»** (см. настоящий том, стр. 564).

Особое место в настоящем томе занимают две экономические работы Маркса — «Наемный труд и капитал» и тесно связанная с этим произведением рукопись «Заработная плата».

В основу «Наемного труда и капитала», опубликованного в виде серии передовых статей в «Neue Rheinische Zeitung» в апреле 1849 г., были положены лекции, прочитанные Марксом n декабре 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Публикуя эту работу, Маркс ставил себе задачей обрисовать экономические отношения, составляющие материальную основу классовой борьбы в капиталистическом обществе. Он стремился дать пролетариату теоретическое оружие, глубоко научное понимание того, на чем зиждется в капиталистическом обществе классовое господство буржуазии и наемное рабство рабочих. В отличие от «Нищеты философии», где эко-

номические воззрения Маркса были изложены в полемической форме, в «Наемном труде и капитале» они излагаются в систематизированном и популярном виде, доступном для рабочих. В сравнении с «Нищетой философии» «Наемный труд и капитал» является шагом вперед в разработке экономического учения Маркса.

В работе «Наемный труд и капитал» Маркс вскрывает сущность производственных отношений буржуазного общества, основанных на эксплуатации труда наемных рабочих. Показывая взаимную обусловленность существования капитала и наемного труда, Маркс в то же время со всей силой подчеркивает антагонистический характер этих отношений. В противовес проповедникам гармонии труда и капитала, Маркс вскрывает коренную противоположность их интересов. Рассматривая все экономические категории исторически, Маркс определяет капитал, как *«буржуазное производственное отношение,* производственное отношение буржуазного общества» (см. настоящий том, стр. 442). В этой работе Маркс продолжает развивать исходные положения для разработки своей теории прибавочной стоимости. Он приходит к выводу, что рост капитала, развитие производительных сил буржуазного общества, рост техники, широкое применение машин, — все это ведет к усилению эксплуатации пролетариата, к росту нищеты и бедствий класса наемных рабочих, которые являются производителями материальных богатств. Таким образом, в этом произведении Маркс формулирует в общем виде положение об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме — одно из наиболее важных положений марксистской политической экономии.

В настоящем издании «Наемный труд и капитал» печатается в том виде, в каком эта работа была опубликована в «Neue Rheinische Zeitung». Как указывает Энгельс, Маркс в это время еще не довел до конца своей критики буржуазной политической экономии. Это было сделано лишь к концу 50-х годов. Поэтому в его работе «Наемный труд и капитал» содержатся выражения и целые фразы, которые с точки зрения позднейших работ Маркса являются неудачными и даже неверными. При издании этой работы для массового читателя в 1891 г. Энгельс внес в нее ряд изменений, которые в настоящем издании указаны в подстрочных примечаниях. Эти изменения относятся, как отмечал Энгельс, к одному пункту: согласно прежнему тексту «Наемного труда и капитала», рабочий продает капиталисту свой труд, согласно внесенным Энгельсом изменениям — рабочую силу. Разъясняя смысл этих изменений, Энгельс писал,

что речь идет здесь не о словах, а об одном из важнейших пунктов экономической теории, непонимание которого завело классическую политическую экономию в тупик. Выход из этого тупика нашел Маркс. Как писал Энгельс в предисловии ко второму тому «Капитала», Маркс доказал, что «труд не имеет стоимости. Как деятельность, создающая стоимость, он так же не может иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота — особой температуры, электричество — особой силы тока. Покупается и продается как товар не труд, а рабочая *сила.* Как только она становится товаром, ее стоимость измеряется трудом, воплощенным в ней как в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для ее производства и воспроизводства» (К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 16—17). Товар рабочая сила обладает особым свойством — создавать стоимость, быть источником стоимости, и притом источником большей стоимости, чем та, которую он сам имеет. Создаваемая рабочим прибавочная стоимость присваивается капиталистом. Учением о прибавочной стоимости, разработанным в конце 50-х годов и получившим классическое обоснование в «Капитале», Маркс раскрыл тайну капиталистической эксплуатации.

Тесно примыкающая к «Наемному труду и капиталу» рукопись «Заработная плата» представляет, по-видимому, конспект Маркса для ряда последних лекций, прочитанных им в Брюсселе. Эта рукопись, носящая фрагментарный характер и не предназначавшаяся Марксом для печати, представляет все же большой интерес, так как она во многом дополняет содержание «Наемного труда и капитала». В то же время к ней целиком можно отнести те замечания, которые были сделаны Энгельсом в 1891 г. во введении к «Наемному труду и капиталу».

В этой рукописи Маркс рассматривает влияние роста производительных сил на заработную плату и приходит к выводу, что доля капитала, приходящаяся на машины и на сырье, возрастает гораздо быстрее, чем доля, идущая на содержание рабочих. Хотя понятия постоянного и переменного капитала тут еще отсутствуют, все же в этой рукописи Маркс близко подходит к разработанному им позднее положению об органическом строении капитала. Маркс приходит к выводу, что всякое развитие новой производительной силы в условиях капитализма оказывается оружием против рабочих.

Большой интерес представляет критика Марксом различных проектов облегчения положения рабочих, имеющих целью отвлечь их от классовой борьбы, как то: создание сберегательных касс, введение производственного образования и, на-

конец, мальтусовская теория. Утверждая, что по закону природы население растет быстрее, чем жизненные средства, Мальтус предлагал уменьшить конкуренцию между рабочими путем сокращения деторождения. Маркс уделяет особое внимание разоблачению «всей глупости, низости и лицемерия» доктрины Мальтуса, которая превращает общественные явления в явления природы, рассматривает нищету пролетариата как его собственную вину и наказывает его за это.

В разделе о рабочих союзах Маркс рассматривает эти объединения рабочего класса как средство подготовки его к свержению старого общества с его классовыми противоречиями. Анализируя отношения между трудом и капиталом и вскрывая эксплуатацию рабочих, Маркс в то же время подчеркивает исторически прогрессивную роль наемного труда, производственных отношений капиталистического общества, без которых не были бы созданы материальные средства для освобождения пролетариата и основания нового общества, а сам пролетариат не достиг бы такой ступени развития, когда он становится способным совершить революцию в старом обществе и революционизировать самого себя.

В конце тома помещен ряд материалов и документов, написанных Марксом и Энгельсом после прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung», в мае — июле 1849 года. Это два заявления в редакции газет, а также статья Энгельса «Революционное движение в Пфальце и Бадене» и статья Маркса «13 июня» — о неудачном выступлении мелкобуржуазных демократов в Париже.

В разделе «Из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса», кроме рукописи Маркса «Заработная плата», помещены две не опубликованные в свое время статьи Энгельса о положении во Франции накануне президентских выборов в декабре 1848 г. — «Рабочий класс Франции и президентские выборы» и «Прудон».

В приложениях к тому печатается ряд документов, отражающих практическую революционную деятельность Маркса и Энгельса, их руководство борьбой широких народных масс. В числе этих документов — материалы о деятельности Маркса и Энгельса в кёльнском Рабочем союзе, а также сообщения о демократических банкетах, в которых они принимали участие. В приложения включены также материалы о преследованиях Маркса и Энгельса со стороны судебных и полицейских властей; эти материалы рисуют трудную и напряженную обстановку, в которой редактировалась «Neue Rheinische Zeitung» и развертывалась деятельность Маркса и Энгельса по организации и политическому воспитанию народных масс.

Произведения Маркса и Энгельса, помещенные в настоящем томе, представляют богатый материал для уяснения теоретических и тактических положений, выдвинутых основоположниками марксизма в ходе революции 1848—1849 годов.

* * *

Как уже указывалось в предисловии к пятому тому Сочинений, установление авторства статей К. Маркса и Ф. Энгельса, печатавшихся в «Neue Rheinische Zeitung», представляет большую трудность из-за отсутствия подписей под статьями, ограниченности свидетельств самих авторов и отсутствия рукописных оригиналов. Кроме того, многие статьи носят на себе следы совместного труда обоих авторов. Когда невозможно было установить, кому из двух авторов — Марксу или Энгельсу— принадлежит та или иная статья, в концовках отсутствует указание авторства.

В тех случаях, когда заглавие статьи, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

В настоящий том включено 56 статей К. Маркса и Ф. Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений. Некоторые из них были опубликованы в русском переводе в советских журналах. Остальные публикуются на русском языке впервые, что оговорено в редакционных концовках к этим статьям. Большинство документов, помещенных в приложениях, также публикуется на русском языке впервые.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

НОЯБРЬ 1848—ИЮЛЬ 1849

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ

ИЗ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

9 НОЯБРЯ 1848—19 МАЯ 1849

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС [1]

Кёльн, 8 ноября. Положение кажется очень запутанным, но оно очень просто.

Король, как верно отмечает *«Neue Preusische Zeitung»*[2], стоит *«на широчайшей основе»* своих *«унаследованных, освященных божьей милостью»* прав.

На другой стороне стоит *Национальное собрание, не имеющее совершенно никакой основы;* оно должно лишь учредить, положить основу.

Два суверена!

Промежуточным звеном между ними обоими является *Кампгаузен, теория соглашения*[3].

Как только оба суверена не смогут или не захотят прийти к соглашению, они превращаются в двух враждебных суверенов. *Король* имеет *право* бросить перчатку Собранию, *Собрание* имеет *право* бросить перчатку королю. *Большее право* на стороне *большей силы.* Сила испытывается *борьбой.* Борьба испытывается *победой.* Обе силы могут доказать свое право только *победой,* а спою неправоту — только *поражением.*

Король отнюдь не был до сих пор *конституционным* королем. Он *абсолютный* монарх, который соглашается на конституционный режим — или не соглашается.

Собрание не было до сих пор *конституционным,* оно — *учредительное собрание*[*]. До сих пор оно стремилось учредить конституционный режим. Оно может отказаться от своего *стремления* — или не отказаться.

[*] Игра слов: «konstitutionell» — «конституционный», «konstituierend» — «учредительный». *Ред.*

Обе стороны, король и Собрание, до поры до времени мирились с конституционным церемониалом.

Требование короля об образовании, вопреки большинству палаты, угодного ему министерства Бранденбурга является требованием *абсолютного короля.*

Притязание палаты *непосредственно* через депутацию запретить королю образование министерства Бранденбурга является притязанием *абсолютной палаты.*

И король и Собрание погрешили против конституционного соглашения.

И король и Собрание вернулись каждый на свою первоначальную позицию — король сознательно, а палата бессознательно.

Преимущество на стороне короля.

Право на стороне *силы.*

Правовая фразеология на стороне *бессилия.*

Министерство *Родбертуса* оказалось бы нулем, ибо плюс и минус парализуют друг друга.

Написано К. Марксом 8 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 138, 9 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

БЫВШЕЕ КНЯЖЕСТВО [4]

Из Невшательской республики, 7 ноября. Вам интересно будет услышать кое-что и о маленькой стране, которая еще до последнего времени наслаждалась прелестями прусского господства, но которая первой из всех подвластных прусскому королю стран водрузила знамя революции и прогнала прусское отеческое правительство. Я говорю о бывшем «княжестве Нёйенбург и Валендис»[5], где теперешний министр-президент г-н Пфуль делал первые шаги на административном поприще в качестве губернатора и был смещен народом в мае этого года, еще до того, как он сумел пожать лавры в Познани и получить вотумы недоверия на посту премьера в Берлине. Эта маленькая страна носит теперь гордое название «Republique et Canton de Neuchatel»[*], и, пожалуй, недалеко то время, когда последний невшательский гвардеец будет чистить свой зеленый мундир в Берлине. Должен признаться, что я испытывал забавное чувство удовлетворения от того, что через пять недель после моего бегства от прусской святой германдады[6] я снова могу беспрепятственно разгуливать по территории, которая de jure[**] считается еще прусской.

Республика и кантон Невшатель находится, впрочем, безусловно в гораздо лучшем положении, чем блаженной памяти княжество Нёйенбург и Валендис; это видно из того, что при недавних выборах в швейцарский Национальный совет республиканские кандидаты получили более 6000 голосов, тогда

[*] — «Республика и кантон Невшатель». *Ред.*
[**] — юридически. *Ред.*

как кандидаты роялистов, или «бедуинов», как их здесь называют, собрали всего около 900 голосов. В Большой совет также избраны почти исключительно республиканцы, и только одна маленькая горная деревушка Ле-Пон, где господствуют аристократы, послала своим представителем в Невшатель бывшего королевско-прусско-княжески-нёйенбургского государственного советника Калама, который несколько дней тому назад был вынужден принести в Невшателе присягу на верность республике. Вместо старого королевского «Constitutionnel neuchatelois» сейчас в Ла-Шо-де-Фон, самом крупном, наиболее развитом в промышленном отношении и наиболее республикански настроенном городе кантона, выходит «Republicain neuchatelois»[7] — совсем неплохая газета, хотя она и издается на очень скверном французском языке Швейцарской Юры.

Часовая промышленность Юры и кружевное производство округа Траверсталь*, являющиеся основными источниками существования этой маленькой страны, начинают работать все лучше и лучше, и, несмотря на снежный покров, достигающий здесь уже фута в толщину, к горцам постепенно возвращается их прежняя жизнерадостность. Что же касается «бедуинов», то они бродят с очень мрачными минами, тщетно выставляют напоказ прусские цвета на своих брюках, рубашках и шапках и напрасно со вздохами мечтают о возвращении почтенного Пфуля и декретов, начинающихся словами: «Nous Frederic-Guillaume par la grace de Dieu»**. Прусские цвета, черные шапки с белыми кантами, здесь, на Юре, на высоте 3500 футов над уровнем моря, наводят такую же тоску и вызывают такие же двусмысленные шутки, как и у нас на Рейне; если бы не швейцарские флаги и огромные плакаты с надписью «Republique et Canton de Neuchatel», можно было бы подумать, что находишься у себя дома. Впрочем, я рад сообщить, что *немецкие рабочие* сыграли в невшательской революции такую же решающую и в высшей степени почетную роль, как и во всех революциях 1848 года. Потому-то аристократы и питают к ним такую сильную ненависть.

Написано Ф. Энгельсом 7 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 140, 11 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Французское название: Валь-де-Травер. *Ред.*

** — «Мы, Фридрих-Вильгельм, божьей милостью». *Ред.*

НОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. — УСПЕХИ ДВИЖЕНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ

Берн, 9 ноября. Позавчера здесь собрались новые законодательные органы Союза — швейцарский Национальный совет и Совет кантонов [Standerat]. Город Берн сделал все возможное, чтобы оказать им самый блистательный и подкупающий прием. Было все, что полагается в таких случаях: музыка, праздничные шествия, стрельба из пушек, колокольный звон, иллюминация. Заседания открылись в тот же день, позавчера. Национальный совет, избранный на основе всеобщего избирательного права и пропорционально численности населения (Берн посылает 20 депутатов, Цюрих — 12, самые маленькие кантоны по 2—3 депутата), состоит в преобладающем своем большинстве из либералов с радикальным оттенком. Решительно радикальная партия имеет весьма значительное количество мандатов, а консервативная партия располагает только шестью-семью голосами из общего количества более ста голосов. Совет кантонов, в котором каждый кантон представлен двумя депутатами, а каждый полукантон — одним, по своему составу и характеру почти ничем не отличается от последнего Союзного сейма [Tagsatzung]. Старые кантоны [Urkantonli] опять послали несколько истых приверженцев Зондербунда[8], и вследствие косвенных выборов реакционные элементы, хотя и имеющие незначительное меньшинство, все же представлены в Совете кантонов большим числом депутатов, чем в Национальном совете. Вообще Совет кантонов — это тот же Союзный сейм, подновленный в результате отмены императивных мандатов[9] и признания правомочными голосов полукантонов; он оттеснен на задний план вновь созданным

Национальным советом. Совет кантонов играет неблагодарную роль сената или палаты пэров, роль тормоза в противовес Национальному совету, охваченному, как это предполагается, неудержимым стремлением к нововведениям, роль наследника зрелой мудрости и осмотрительной рассудительности предков. Это достопочтенное и солидное учреждение уже сейчас разделяет участь своих собратьев, из которых двое поныне здравствуют в Англии и в Америке, а третий уже скончался во Франции; прежде чем Совет кантонов успел обнаружить признаки жизни, печать уже пренебрегает им и занимается только Национальным советом. Почти никто о нем не говорит, а если бы он заставил заговорить о себе, то тем хуже было бы для него.

Национальный совет, хотя он и должен представлять всю швейцарскую «нацию», уже на первом заседании показал образец если не узко-кантонального духа, то во всяком случае чисто швейцарского разлада и крохоборства. Для избрания председателя Совета потребовалось три голосования, хотя только три кандидата, к тому же все трое бернцы, имели серьезные шансы на избрание. Это были гг. Оксенбейн, Функ и Нёйхаус; первые два — представители бернских старорадикалов, третий же является представителем старолиберальной, полуконсервативной партии. В конце концов был избран г-н Оксенбейн 50 голосами из 93, т. е. очень незначительным большинством. Можно еще понять, что цюрихцы и другие moderados[10] противопоставили г-ну Оксенбейну мудрого и многоопытного Нёйхауса, но то обстоятельство, что г-н Функ, принадлежащий к тому же самому направлению, что и Оксенбейн, был выставлен в качестве конкурирующей кандидатуры против последнего и дважды участвовал в баллотировке, показывает, как мало еще консолидированы и дисциплинированы партии. Во всяком случае в результате избрания Оксенбейна радикалы одержали победу в первом турнире партий, — В последовавших затем выборах вице-председателя абсолютное большинство голосов было собрано только в пятом туре голосования! В противовес этому солидный и опытный Совет кантонов уже в первом голосовании избрал почти единогласно своим председателем цюрихского moderado — Фуррера. Те и другие выборы уже в достаточной мере показывают, как различен дух обеих палат и как неизбежны в скором времени расхождения и конфликты между ними.

Следующим интересным предметом дебатов будет вопрос о главном городе Союза. Интерес швейцарцев к этому вопросу вызван тем, что многие из них заинтересованы в нем материально; для заграницы вопрос будет интересен тем, что именно эти дебаты яснее всего покажут, в какой мере покончено со

старым местным патриотизмом и кантональной ограниченностью. Наиболее энергично конкурируют между собой Берн, Цюрих и Люцерн. Берн старается доказать — но безуспешно, — что Цюрих должен довольствоваться федеральным университетом, а Люцерну достаточно иметь Федеральный суд [Bundesgericht]. Берн, во всяком случае, единственно подходящий город, так как он является местом, где немецкая Швейцария переходит во французскую, так как он — главный город самого большого кантона и так как он становится центром всего швейцарского движения. Ясно, что для того, чтобы приобрести какое-то влияние, Берн должен иметь также университет и Федеральный суд. Но попробуйте втолковать это швейцарцам, каждый из которых является фанатическим приверженцем главного города своего кантона! Очень возможно, что более радикальный Национальный совет будет голосовать за радикальный Берн, а солидный Совет кантонов — за солидный и высокомудрый Цюрих. Тогда действительно нелегко будет найти выход из положения.

В *Женеве* уже три недели царит большое возбуждение. На выборах в Национальный совет реакционные патриции и буржуа, которые, будучи обладателями вилл, держат почти в феодальной зависимости деревни вокруг Женевы, провели при помощи своих крестьян всех трех кандидатов. Но бюро объявило эти выборы недействительными на том основании, что поступило больше избирательных бюллетеней, чем было выдано. Только эта кассация выборов успокоила революционных рабочих из Сен-Жерве, которые уже толпами ходили по улицам и кричали: «Aux armes!»*. Поведение рабочих в течение последующих восьми дней было столь угрожающим, что буржуа предпочли совсем не участвовать в голосовании, чем провоцировать революцию с непременными ужасами, которые им уже представлялись; тем более, что правительство грозило подать в отставку, если реакционные кандидаты еще раз окажутся избранными. Между тем радикалы изменили свой избирательный список, выставили несколько более умеренных кандидатов и, наверстав то, что было упущено в смысле агитации, получили при новых выборах 5000—5500 голосов, почти на тысячу голосов больше, чем собрали реакционеры на предыдущих выборах. Три реакционных кандидата почти совсем не собрали голосов, больше всего голосов получил генерал Дюфур, за которого было подано 1500 голосов. Восемь дней спустя происходили выборы в Большой совет. Город избрал 44 радикала.

* — «К оружию!» *Ред.*

а сельские районы, которые должны были послать 46 членов Большого совета, избрали почти исключительно реакционеров. «Revue de Geneve»[11] продолжает еще полемизировать с буржуазными газетами по поводу того, являются ли все 46 избранных депутатов реакционерами или некоторые из них будут голосовать за радикальное правительство. Это покажет ближайшее будущее. Положение в Женеве может стать еще более запутанным, ибо если правительство, избираемое здесь непосредственно народом, будет вынуждено подать в отставку, то при новых выборах может легко получиться, как это имело место при повторных выборах в Национальный совет, что реакционному большинству в Большом совете будет противостоять правительство радикалов. К тому же не подлежит сомнению, что женевские рабочие ждут только благоприятного случая, чтобы путем новой революции закрепить завоевания 1847 года[12], которым угрожает опасность.

В общем и целом Швейцария сделала значительный шаг вперед по сравнению с началом 40-х годов. Но ни с одним классом не произошло столь разительных перемен, как с рабочим классом. В то время как в среде буржуазии, особенно в старинных патрицианских семьях, еще почти безраздельно царит дух старомодной местной ограниченности, в лучшем случае принявшей более современные формы, швейцарские рабочие достигли больших успехов в своем развитии. Раньше они обособлялись от немцев, нелепейшим образом щеголяли своим «свободно-швейцарским» национальным высокомерием, жаловались на «проходимцев-иностранцев» и не принимали участия в современном движении. Теперь все это изменилось. С того времени как условия труда стали хуже, с того времени как Швейцария демократизировалась, а особенно с того времени, как мелкие путчи сменились европейскими революциями и боями, такими как июньские бои в Париже и октябрьские в Вене, — с этого времени швейцарские рабочие все более и более втягиваются в политическое и социалистическое движение; они стали относиться по-братски к иностранным рабочим, особенно к немецким, и уже по чванятся своим «свободным швейцарским духом». Во французской и во многих местностях немецкой Швейцарии немцы и немецкие швейцарцы без всяких различий состоят в одном п том же рабочем союзе, и союзы с преобладающим большинством швейцарцев постановили примкнуть к проектируемой и отчасти уже созданной организации немецких демократических союзов. В то время как радикальнейшие из радикалов официальной Швейцарии в лучшем случае мечтают о единой и неделимой Гельветической республике, от швейцар-

ских рабочих можно часто услышать мнение, что вся самостоятельность маленькой Швейцарии в условиях готовящейся европейской бури, пожалуй, скоро полетит к черту. И подобные «изменнические» мысли эти пролетарии высказывают с полным хладнокровием и равнодушием, без единого слова сожаления! Все швейцарцы, которых мне довелось видеть, проявляли большое сочувствие к борцам Вены, но у рабочих это сочувствие доходило до настоящего фанатизма. О Национальном совете, о Совете кантонов, о путче церковников во Фрейбурге[13] не говорилось ни слова, зато Вена, Вена была с утра до вечера у всех на устах. Можно было подумать, что Вена опять, как до времен Телля[14], являлась столицей для швейцарцев, что они снова стали австрийцами, Распространялись сотни слухов, о них спорили, в них сомневались, им верили, их снова опровергали, обсуждались всевозможные варианты; а когда, в конце концов, определенно подтвердилось известие о поражении, которое понесли героические венские рабочие и студенты вследствие превосходящих сил и варварства Виндишгреца, это произвело на швейцарских рабочих такое впечатление, как будто в Вене решалась их собственная судьба, как будто там потерпело поражение дело их собственной родины. Это настроение, разумеется, нельзя еще считать всеобщим, но оно ежедневно все шире распространяется среди швейцарского пролетариата, и то обстоятельство, что во многих местах это настроение уже преобладает, является для такой страны, как Швейцария, громадным шагом вперед.

Написано Ф. Энгельсом 9 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 143, 15 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В БЕРЛИНЕ

I

Кёльн, 11 ноября. *Министерство Пфуля* представляло собой *«недоразумение»;* его истинный смысл заключается в *министерстве Бранденбурга.* Министерство Пфуля *было указателем содержания,* министерство Брандепбурга — это само *содержание. Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге*[15]**. Так гласит надгробная надпись дома Бранденбургов!**[16] Император Карл V вызвал удивление тем, что велел похоронить себя при жизни[17]. Но написать на своем надгробном камне злую шутку — это почище императора Карла V с его карательным уголовным уложением[18].

Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге!

Однажды некий король Пруссии появился в Собрании. Он не был настоящим Бранденбургом. Маркиз фон Бранденбург, появившийся два дня тому назад в Собрании, был настоящим прусским королем.

Гауптвахта в Собрании, Собрание на гауптвахте! — Это значит: *Бранденбург в Собрании, Собрание в Бранденбурге!*

Или, быть может, *Собрание в Бранденбурге* — ведь Берлин, как известно, находится в провинции Бранденбург — возьмет верх... над *Бранденбургом в Собрании?* Будет ли Бранденбург искать защиты в Собрании, как некогда Капет в другом собрании?[19]

Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге — какая многозначительная, двусмысленная, чреватая событиями формула!

Народы, как известно, гораздо легче справляются с *королями* чем с *законодательными собраниями.* История знает

целый ряд безрезультатных возмущений народа против национальных собраний. В истории известны только два важных исключения из этого правила. Английский народ в лице *Кромвеля* разогнал *Долгий парламент,* а французский народ в лице *Бонапарта — Законодательный корпус.* Но Долгий парламент уже долгое время был *охвостьем,* а Законодательный корпус — *трупом.*

Быть может, *короли* имели больший успех, чем народы в *мятежах против законодательных собраний?*

Карл I, Яков II, Людовик XVI, Карл X представляют в этом отношении малообнадеживающую галерею предшественников.

Но в *Испании* и *Италии* имеются более утешительные прецеденты. А недавно в *Вене?*

Однако не следует забывать, что в Вене заседал *конгресс народов* и что *славянские народные представители,* за исключением поляков, перешли с барабанным боем в императорский лагерь[20].

Война венской камарильи с рейхстагом была одновременно войной *славянского* рейхстага против *немецкого* рейхстага. Напротив, в Берлинском собрании раскол произведен не *славянами,* а *рабами*[*], а рабы — это не партия, это в лучшем случае охвостье партии. Дезертировавшая берлинская правая[21] не делает вражеский лагерь сильнее, она заражает его смертельной болезнью — *предательством.*

В Австрии *славянская* партия *победила вместе* с камарильей; теперь она будет *бороться с* камарильей за плоды победы. Если победит берлинская камарилья, ей не придется делить победу с *правыми* или отстаивать ее против *правых;* она даст им *на чай* и — *пинок ногой.*

Прусская корона, с своей точки зрения, *правомерно* Противопоставляет себя Собранию в качестве *абсолютной короны.* Но Собрание действует *неправомерно,* не противопоставляя себя короне в качестве *абсолютного собрания.* Прежде всего оно должно было вынести решение об *аресте* министров как *государственных преступников — государственных преступников против народного суверенитета.* Всякого чиновника, повинующегося другим приказам, кроме приказов Собрания, оно должно было подвергнуть *изгнанию,* объявить *вне закона.*

Между тем может оказаться, что *политическая* слабость, с которой Национальное собрание выступает в *Берлине,* превратится в его *гражданскую* силу в *провинциях.*

Буржуазия весьма охотно превратила бы путем *полюбовного соглашения феодальное королевство* в *буржуазное королевство.* Лишив феодальную партию гербов и титулов, оскорбительных

[*] Игра слов; «Slaven» — «славяне», «Sklaven» — «рабы». *Ред.*

для ее буржуазной гордости, а также связанных с феодальной собственностью доходов, нарушающих буржуазный способ присвоения, она весьма охотно заключила бы союз с феодальной партией и вместе с нею поработила бы народ. Но старая бюрократия не хочет унизиться до роли служанки буржуазии, для которой она была до сих пор деспотической наставницей. Феодальная партия не хочет принести в жертву на алтарь буржуазии свои привилегии и свои интересы. И, наконец, корона видит в элементах старого феодального общества — общества, которое она увенчивает собой, как его уродливое порождение,— свою настоящую, родственную ей общественную основу, в то время как в буржуазии она усматривает чуждую ей, искусственную почву, на которой она может только зачахнуть.

Романтическое право *«божьей милостью»* буржуазия превращает в прозаическое *право, основанное на документе,* господство благородной крови в господство бумаги, королевское солнце в буржуазную астральную лампу.

Поэтому королевская власть не поддалась льстивым уговорам буржуазии. На половинчатую революцию буржуазии корона ответила полной контрреволюцией. Она толкнула буржуазию обратно в *объятия революции, народа,* провозгласив: *Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге.* Если мы признаёмся, что не ожидаем от буржуазии ответа, достойного ситуации, то, с другой стороны, мы должны отметить, что и корона в своем восстании против Национального собрания прибегает к лицемерной половинчатости и прячет свою голову под конституционный покров в тот самый момент, когда пытается сбросить этот обременительный покров.

Бранденбург добивается того, чтобы *германская централь-лая власть приказала ему произвести государственный переворот. Гвардейские полки введены в Берлин по приказу центральной власти.* Берлинская контрреволюция происходит по приказу германской центральной власти. Бранденбург приказывает Франкфуртскому собранию дать ему такой приказ. Собрание отказывается от своего суверенитета в тот самый момент, когда намеревается утвердить его. Г-н Бассерман, конечно, ухватился обеими руками за возможность играть роль слуги под видом господина. Но он имеет то удовлетворение, что господин, с своей стороны, играет роль слуги.

Какой бы ни выпал жребий в Берлине, *дилемма* поставлена: *король* или *народ,* — и народ победит с лозунгом: *Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге.*

Мы можем еще пройти тяжелую школу, но это подготовительная школа — **полной революции.**

II

Кёльн, 11 ноября. *Европейская революция* совершает *круговорот.* Она началась в Италии, в Париже она приняла европейский характер, в Вене мы наблюдали первый отзвук февральской революции, в Берлине — отзвук венской революции. В Италии, в Неаполе, европейская *контрреволюция* нанесла свой первый удар, в Париже — в июньские дни — она приняла европейский характер, в Вене мы наблюдали первый отзвук июньской контрреволюции, в Берлине она завершается и компрометирует себя. *Из Парижа галльский петух снова разбудит Европу своим криком*[22].

Но в *Берлине контрреволюция компрометирует себя. В Берлине все компрометирует себя, даже контрреволюция.*

В *Неаполе* лаццарони соединяются с королевской властью против буржуазии.

В *Париже* происходит величайшая историческая битва из всех когда-либо происходивших. Буржуазия соединяется с лаццарони против рабочего класса.

В *Вене* — целый рой национальностей, ожидающих от контрреволюции своего освобождения. Кроме того — тайные козни буржуазии против рабочих и академического легиона. Борьба в рядах самого гражданского ополчения. Наконец, атака со стороны народа, дающая повод для атаки со стороны двора.

В *Берлине нет ничего подобного.* Буржуазия и народ на одной стороне, унтер-офицеры — на другой.

Врангель и *Бранденбург,* два субъекта без головы, без сердца, без собственных взглядов, настоящие солдафоны — таков антипод этого брюзжащего, умничающего, нерешительного Национального собрания.

Воля — пусть даже воля осла, быка, солдафона! *Воля*— вот единственный козырь, противопоставляемый безвольным нытикам мартовской революции. И *прусский двор, столь же мало обладающий волей, как и Национальное собрание,* выискивает

двух самых глупых людей в монархии и говорит этим львам: *будьте представителями воли.* Пфуль еще обладал крупицей ума. Но перед *абсолютной глупостью* в ужасе отступают резонеры мартовских завоеваний.

«Против глупости бессильны даже боги»[23], —

восклицает ошеломленное Национальное собрание.

И эти Врангели, эти Бранденбурги, эти тупоголовые субъекты, которые способны *хотеть,* потому что не обладают собственной волей, потому что хотят того, что им *приказано,* которые слишком глупы, чтобы усомниться в приказах, отдаваемых им срывающемся голосом и дрожащими губами, — они тоже *компрометируют* себя тем, что не идут *напролом* — единственное дело, на которое пригодны эти *тараны.*

Врангель не идет дальше заявления, что он признает только такое Национальное собрание, которое подчиняется приказу! *Бранденбург* обучается парламентским манерам, и после того как он возмутил палату своим грубым, отталкивающим унтер-офицерским диалектом, он позволяет «превзойти в тирании самого тирана» и подчиняется приказу Национального собрания, униженно *прося* дать ему слово, которое он только что хотел *взять.*

«Лучше б мне в овчине вошью быть,
Чем таким отважным дурнем!»[24]

Спокойное поведение Берлина *радует* нас; благодаря ему терпят крушение идеалы прусского унтер-офицерства.

Но Национальное собрание? Почему оно не выскажется за mise hors la loi*, почему оно не объявит людей вроде Врангеля вне закона, почему ни один депутат не выступит среди штыков Врангеля, не потребует его изгнания и не обратится с речью к солдатам?

Пусть берлинское Национальное собрание перелистает «Moniteur»[25] — «Moniteur» за 1789—1795 годы.

А что должны делать *мы* в этот момент?

Мы должны отказаться платить налоги. Какой-нибудь Врангель или Бранденбург понимают, — ибо эти молодцы учатся арабскому языку у хигланов[26], — что они носят саблю и получают мундир и жалованье. Но *откуда* берутся сабля, мундир и жалованье, — этого они не понимают.

Существует только лишь одно средство одержать победу над королевской властью, и именно до *наступления антииюньской*

* — объявление вне закона. *Ред.*

революции в Париже, которая будет иметь место в декабре месяце[27].

Королевская власть оказывает противодействие не только народным массам, но и буржуазии.

Поэтому побеждайте ее на буржуазный манер.

А как победить королевскую власть на буржуазный манер?

Надо взять ее измором.

А как взять ее измором?

Надо отказаться платить налоги.

Подумайте об этом хорошенько! Ни принцы Прусские, ни Бранденбурги и Врангели не производят *солдатского хлеба.* Вы, вы сами производите солдатский хлеб.

III

Кёльн, 13 ноября. Подобно тому как депутаты французского Национального собрания нашли однажды запертым помещение, официально предназначенное для заседаний, и были вынуждены заседать в *зале для игры в мяч,* так депутаты прусского Национального собрания были вынуждены перекочевать в *тир*[28].

В экстренном выпуске нашей газеты, напечатанном сегодня утром, помещено сообщение нашего берлинского корреспондента, пишущего под значком О, о принятом в тире постановлении, согласно которому *Бранденбург* объявлен *государственным преступником;* в отчете *«Kolnische Zeitung»*[29] об этом умалчивается.

Между тем мы только что получили письмо от одного **депутата Национального собрания,** в котором *дословно* говорится следующее:

Национальное собрание единогласно (242 голосами) объявило, что этой мерой (роспуск гражданского ополчения) Бранденбург поставил себя в положение государственного преступника и что каждый, способствующий активно или пассивно проведению в жизнь этой меры, должен рассматриваться как государственный преступник.

Всем известно, насколько заслуживает доверия информация *Дюмона.*

В силу того, что Национальное собрание объявило *Бранденбурга государственным преступником,* **сама собой** отпадает **обязанность платить налоги.** *Никто не обязан платить налоги правительству государственной измены.* Завтра мы подробно расскажем нашим читателям, **как в самой старой конституционной стране, в Англии,** при подобных коллизиях практикуется **отказ от уплаты налогов**[30]. Впрочем, *само правительство государственной измены* указало народу правильный путь, **немедленно прекратив уплату налогов На-**

циональному собранию (жалованье депутатам и т. д.), чтобы **взять его измором**.

Вышеупомянутый депутат пишет нам далее:

«Гражданское ополчение не сдаст оружия».

Итак, борьба становится, по-видимому, неизбежной, и ***долг Рейнской провинции — поспешить на помощь берлинскому Национальному собранию людьми и оружием.***

Написано К. Марксом 11, 13 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 141, во втором выпуске № 141 и в № 142; 12 и 14 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Третья статья этой серии на русском языке публикуется впервые

*КАВЕНЬЯК И ИЮНЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ [31]

Э. Жирарден жалок в своей апологии империалистского кретина, *«маленького констебля»*[32] — *Луи-Наполеона;* он неплох в своей атаке на Кавеньяка, эту шпагу г-на Марраста. Начиная с 7 ноября, г-н Жирарден печатает в одном номере за другим филиппики против *героя европейской буржуазии,* влюбившейся в его арабский ночной колпак[33]. С присущим ей вероломством она пожертвовала им ради *«сипехсалара»*[*] *Елачича,* нынешнего *кумира* европейских лавочников.

Мы сообщаем нашим читателям весь этот acte d'accusation[**] газеты «Presse»[34]. В отличие от всех европейских газет большого и малого формата мы оценили *июньскую революцию* именно так, как это подтвердила история. Мы считаем необходимым время от времени возвращаться к главным моментам и к главным действующим лицам *июньской революции,* ибо она представляет собой центр, вокруг которого вращаются европейская революция и контрреволюция. Удаление от июньской революции, — как мы выразились в то время, когда она происходила, — означало приближение к зениту контрреволюции, которая должна была обойти Европу. Возврат к июньской революции — это подлинное начало европейской революции. Итак, назад к Кавеньяку, *творцу осадного положения!*

Написано К. Марксом 13 ноября 1848 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 142, 14 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

[*] — главнокомандующего. *Ред.*
[**] — обвинительный акт. *Ред.*

ОБРАЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА РЕЙНСКОЙ ПРОВИНЦИИ [35]

ВОЗЗВАНИЕ

Кёльн, 14 ноября. Рейнский окружной комитет демократов призывает все демократические союзы Рейнской провинции немедленно созвать свои союзы и во всех окрестных местностях устроить народные собрания с целью побудить все население Рейнской провинции к отказу от уплаты налогов как наиболее целесообразному средству противодействия насилиям, совершаемым правительством по отношению к собранию прусских народных представителей.

Необходимо отговаривать от какого бы то ни было насильственного сопротивления возможному взиманию налогов административным путем; наряду с этим следует рекомендовать неучастие в торгах при принудительной продаже имущества.

Для обсуждения мер, которые должны быть приняты в дальнейшем, Окружной комитет считает необходимым созвать конгресс представителей союзов, на который эти представители приглашаются в четверг, 23 с. м., в 9 часов утра (в зал Эйзера, на Комедиенштрассе).

Кёльн, 14 ноября 1848 г.

От имени Окружного комитета:

Карл Маркс. Шнейдер II

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 143, 15 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МИНИСТЕРСТВО — НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Город Бранденбург ничего не желает знать о министерстве Бранденбурга и посылает Национальному собранию благодарственный адрес.

Вся страна признает в своих адресах только власть Национального собрания.

Министерство совершает новую государственную измену, когда оно, в нарушение Habeas Corpus Act[36] ***и без согласия на то со стороны Национального собрания, объявляет осадное положение и с помощью штыков изгоняет из тира Национальное собрание.***

Место Национального собрания — среди народа, а не в пределах той или иной каменной громады. Если его изгоняют из Берлина, оно будет заседать в любом другом месте, в Бреславле*, Кёльне или другом городе, по своему собственному усмотрению. Такое решение оно приняло на своем заседании 13-го числа.

Берлинцы издеваются над осадным положением и отнюдь не намерены ему подчиняться. Никто не сдает оружия.

Из разных местностей на помощь Национальному собранию спешат вооруженные люди.

Гвардейцы отказываются повиноваться приказам. Солдаты все чаще братаются с народом.

Силезия и Тюрингия охвачены восстанием.

Мы, со своей стороны, призываем вас, граждане: посылайте деньги Центральному комитету демократов в Берлин; контрре-

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*

волюционному правительству, напротив, не платите никаких налогов. Национальное собрание заявило, что отказ от уплаты налогов имеет законное основание. Оно до сих пор еще не вынесло постановления об этом, считаясь с интересами чиновников. *Лечение голодом* научит этих чиновников уважать силу граждан я сделает их самих хорошими гражданами.

Заставьте врага голодать и не платите налогов! Нет ничего глупее, как предоставлять правительству, совершившему государственную измену, средства для борьбы с народом, а первое средство из всех средств — это *деньги.*

Написано К, Марксом 15 ноября 1848 г.

Напечатано в экстренном выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 143, 15 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАЯВЛЕНИЕ

Кёльн, 16 ноября. «Kolnische Zeitung» в своем номере от 16 ноября ставит «Воззвание Рейнского окружного комитета демократов» в совершенно вымышленную связь с будто бы разосланным по провинциям крайней левой прусского Национального собрания *«Заверением»* по поводу отказа от уплаты налогов. Нижеподписавшимся ничего не известно по поводу распространяемого членами крайней левой известия о состоявшемся уже постановлении Национального собрания об отказе от уплаты налогов.

Карл Маркс. Шнейдер II

Написано 16 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 145, 17 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Extra-Blatt

zu Nr. 143 der Neuen Rheinischen Zeitung.

Mittwoch, den 15. November.

Das Ministerium ist in Anklagezustand versetzt.

Die Stadt Brandenburg will nichts wissen von dem Ministerium Brandenburg und schickt eine Dank-Adresse an die Nationalversammlung.

Das ganze Land erkennt in seinen Adressen nur die Regierung der Nationalversammlung an.

Das Ministerium begeht neuen Hochverrath, indem es im Gegensatze zu dem Habeas-Corpus-Act ohne Genehmigung der Nationalversammlung den Belagerungszustand ausgesprochen und die Nationalversammlung selbst mit Bajonnetten aus dem Schützenhause vertrieben hat.

Die Nationalversammlung hat ihren Sitz im Volke, nicht in dem Umkreis dieser oder jener Steinhaufen. Vertreibt man sie aus Berlin, so wird sie in einem andern Orte tagen, in Breslau, Köln oder wo es ihr gutdünkt. Sie hat in ihrer Sitzung vom **13.** diesen Beschluß gefaßt.

Die Berliner moquiren sich über den Belagerungszustand und lassen sich in keiner Weise durch denselben einschränken. Niemand liefert die Waffen ab.

Von verschiedenen Gegenden sind Bewaffnete der National-Versammlung zur Hülfe geeilt.

Die Garden verweigern den Gehorsam. Die Soldaten fraternisiren immer mehr mit dem Volke.

Schlesien und Thüringen sind in vollem Aufstande.

Wir aber, Bürger, rufen euch zu: Schickt Geld dem demokratischen Centralausschusse nach Berlin. Zahlt dagegen keine Steuern an die contrerevolutionäre Regierung. Die National-Versammlung hat erklärt, daß die Steuerverweigerung rechtlich begründet sei. Sie hat sie noch nicht beschlossen aus Rücksicht für die Beamten. Die **Hungerkur** wird diese Beamte die Macht des Bürgers kennen lehren, und sie selbst zu guten Bürgern machen.

Hungert den Feind aus und verweigert die Steuern! Nichts thörichter als einer hochverrätherischen Regierung Mittel zum Kampfe gegen die Nation zu bieten und das Mittel aller Mittel ist — **Geld.**

Das Vaterland in Gefahr.

Heute Mittwoch den 15. November Mittags halb 1 Uhr

Versammlung

der Landwehrmänner und Reservisten aller Waffengattungen einschließlich deren Offiziere im Eiser'schen Saale.

Der Gerant: Korff.

Druck J. W. Dietz, unter Hutmacher 17.

Страница экстренного выпуска «Neue Rheinische Zeitung»
со статьей «Министерство на скамье подсудимых»

ИСПОВЕДЬ БЛАГОРОДНОЙ ДУШИ [37]

Кёльн, 16 ноября. Мы предсказывали правым, что их ждет в случае победы камарильи: подачка *на чай* и — *пинок ногой*[*].

Мы ошиблись. Исход борьбы еще не решен, а они уже получают от своих хозяев *пинки,* ничего не получив *на чай.*

«Neue Preusische Zeitung», «рыцарша креста ландвера» «с богом за короля и отечество»[38], *официальный орган нынешних властителей,* в одном из своих последних номеров называет депутатов *Цвейфеля* (обер-прокурора в Кёльне) и *Шлинка* (советника апелляционного суда в Кёльне) — как бы вы думали, читатель? —*«революционными брюхами [Magen]»* (в «Neue Preusische Zeitung» написано: «Magen»). Она говорит о *«невыразимом умственном убожестве и недомыслии»* этих господ. Она находит, что даже *«бред Робеспьера»* несравненно выше фантазий этих *«господ из центральной комиссии». Avis a Mess. Zweiffel et Schlink!*[**]

В том же номере этой газеты *Пинто-Ганземан*[39] объявлен *«вождем крайней левой»,* а против вождей крайней левой та же газета знает только одно средство — *военно-полевой суд, веревку. Avis a M. Pinto-Hansemann*[***]*, экс-министра дела и констеблей*[40]*!*

Для *правительственного вестника, «Neue Preussche Zeitung»* слишком наивно-откровенна. Она чересчур громко выбалтывает разным партиям то, что скрыто в протоколах santa casa[41].

---

[*] См. настоящий том, стр. 11. *Ред.*
[**] — К сведению гг. Цвейфеля и Шлинка! *Ред.*
[***] — К сведению г-на Пинто-Ганземана. *Ред.*

Когда в средние века хотели предсказать будущее, обращались к Вергилию. Во времена прусского брюмера 1848 года обращаются к «Neue Preusische Zeitung», чтобы не ломать себе голову над предсказанием будущего. Приведем новые примеры. Что готовит камарилья *католикам?*

Слушайте!

В № 115 *«Neue Preusische Zeitung»* читаем:

«Столь же неверно, будто государство» (т. е. королевско-прусское государство, государство креста ландвера домартовского периода) *«приобрело* **узко-конфессиональный** *характер и с этой односторонней точки зрения руководило религиозными делами.* **Правда, упрек этот, будь он справедлив, явился бы безусловной похвалой.** *Но он несправедлив,* ибо *известно,* что наше правительство определенно отказалось от **доброй старой позиции *евангелического* правления».**

Известно, что *Фридрих-Вильгельм III* сделал религию отраслью *военной дисциплины* и вразумлял диссентеров полицейской дубинкой, Известно, что *Фридрих-Вильгельм IV,* в качестве одного из двенадцати малых пророков, хотел через посредство министерства *Эйххорна — Бодельшвинга — Ладенберга* насильственно обратить народ и науку в *религию Бунзена.* Известно, что даже при министерстве *Кампгаузена поляков* грабили, предавали огню, избивали прикладами столько же за то, что они *поляки,* сколько и за то, что они *католики. Померанцы* всегда почитали за должное *протыкать саблей* иконы божьей матери в Польше и *вешать* католических священников.

Преследования *протестантских диссентеров* при *Фридрихе-Вильгельме III* и *Фридрихе-Вильгельме IV* тоже факт общеизвестный.

Первый бросал в крепости протестантских пасторов, отказывавшихся принять изобретенные им самим требник и догматику. Сей муж был великим изобретателем по части солдатских мундиров и требников. А второй? А министерство *Эйххорна?* Достаточно только назвать министерство Эйххорна.

Но все это еще пустяк!

«Наше правительство определенно отказалось от доброй старой позиции евангелического правления».

Так ждите же *реставрации* Бранденбурга — Мантёйфеля, *католики Рейнской провинции, Вестфалии* и *Силезии!* Прежде вас пороли *розгами,* впредь вас будут бичевать *скорпионами. Вы «определенно» познакомитесь* «с *доброй старой позицией* **евангелического** *правления»!*

Мы уж не говорим о *евреях,* которые со времени эмансипации своей секты повсюду стали, по крайней мере в лице своих верхов, *во главе контрреволюции,*— что их ожидает?

Даже не стали дожидаться победы, чтобы швырнуть их обратно в гетто.

В *Бромберге** правительство снова вводит для них старые правила, ограничивающие свободу передвижения, и лишает таким образом евреев одного из элементарнейших человеческих прав, провозглашенных в 1789 г., — права свободного передвижения из одного места в другое.

Таков *«один»* аспект правления словоохотливого **Фридриха-Вильгельма IV** под эгидой *Бранденбурга — Мантёйфеля — Ладенберга.*

В номере от 11 ноября *«Neue Preusische Zeitung»* соблазняла «*либерально-конституционную* партию» разговорами о *благосостоянии.* Однако она уже тогда с опаской покачивала головой по поводу *конституционалистов.*

«Пока что наши *конституционалисты* все еще *страшно боятся* открыто *признать себя* в своих клубах или публичных органах *реакционерами».*

Но тут же газета успокоительно и метко добавляет:

«Каждый в отдельности» (либеральный конституционалист) «давно уже не скрывает, что сейчас единственное спасение в *законной реакции»,*

т. е. в том, чтобы сделать закон реакционным пли реакцию законной, чтобы возвести реакцию в закон.

В номере от 15 ноября «Neue Preusische Zeitung» уже не церемонится с *«конституционалистами»,* которые хотели бы возвести *реакцию* в *закон,* но не приемлют министерства Бранденбурга — Мантёйфеля, потому что оно хочет *контрреволюции* sans phrase**.

«Ординарных конституционалистов», — говорит газета, — «нужно *предоставить их собственной судьбе»!*

Вместе пойманы, вместе и повешены!

К сведению ординарных конституционалистов!

В чем же состоит *экстраординарный конституционализм Фридриха-Вильгельма IV* под эгидой Бранденбурга — Мантёйфеля — Ладенберга?

Официальный правительственный орган, «рыцарша креста ландвера» «с богом за короля и отечество», выбалтывает тайны *экстраординарного конституционализма.*

«Самым простым, прямым и безопасным целительным средством» было бы, конечно, «перенести Собрание в другое место» — из столицы в казарму, из Берлина в Бранденбург.

* Польское название: Быдгощ. *Ред.*
** — без прикрас. *Ред.*

Однако этот перенос заседаний является, как проговаривается *«Neue Preusische Zeitung»,* только *«пробой».*

«Надо», — говорит она, — *«испробовать, не «врнет ли себе Собрание в результате перенесения его в другое место, наряду с внешней свободой действий, также и внутреннюю свободу».*

В Бранденбурге Собрание будет *внешне свободно.* Оно там не будет больше находиться под влиянием блуз, оно будет под одним лишь влиянием усатых держиморд.

Ну, а *внутренняя свобода?*

Освободится ли Собрание в Бранденбурге от предрассудков и пагубных революционных умонастроений XIX века? Станет ли там, в Бранденбурге *его душа* настолько *свободной,* чтобы вновь провозгласить феодальное право охоты и весь заплесневелый хлам прочих феодальных повинностей, сословные различия, цензуру, податное неравенство, дворянские привилегии, абсолютную королевскую власть и смертную казнь, от чего в таком восторге Фридрих-Впльгельм IV, расхищение и расточение национального труда

«пройдохами бледными
с видом святым любви, надежды и веры»[42],

голодными захолустными юнкерами, гвардейскими лейтенантами и выслуживающимися карьеристами, — станет ли Собрание даже в Бранденбурге настолько *внутренне свободным,* чтобы все эти атрибуты старого позора вновь провозгласить *официальным символом веры?*

Известно, что контрреволюционная партия провозгласила конституционный лозунг: *«Завершать выработку конституции!»*

Орган министерства Бранденбурга — Мантёйфеля — Ладенберга *не желает* больше носить *эту маску.*

«Положение вещей», — признается этот *официальный орган,* — «дошло до того, что теперь нам *уже не может помочь даже и столь желанное завершение выработки конституции.* Ибо зачем *дальше скрывать,* что документ, продиктованный народным представителям, *параграф за параграфом,* под угрозой дыбы и виселицы и *насильно вырванный* этими представителями у *короны,* ***будет,*** *считаться обязательным только до тех пор, пока его будут отстаивать с помощью самого грубого насилия».*

Итак, снова *отменить, параграф за параграфом,* скудные народные права, отвоеванные Национальным собранием в Берлине, —такова задача Национального собрания в Бранденбурге!

А если оно не *реставрирует* полностью, *параграф за параграфом,* весь старый хлам, то оно этим докажет, что, хотя оно и обрело в Бранденбурге *«внешнюю свободу действий»,* оно все же не вернуло себе желательную для Потсдама *внутреннюю свободу.*

Как же должно действовать правительство против духовной закоренелости, против *внутренней несвободы* перебравшегося в Бранденбург Собрания?

«Следовало бы распустить его!»— восклицает *«Neue Preusische Zeitung».*

Но *народ,* — вдруг приходит ей в голову, — быть может, *внутренне еще менее свободен,* чем Собрание?

«Может возникнуть опасение», — пожимает она плечами, — «не дадут ли новые первичные выборы еще более плачевный результат, чем предшествовавшие».

Народ располагал бы на первичных выборах внешней свободой действия. Но как обстоит дело с внутренней свободой?

That is the question!*

Ведь параграфы Собрания, которое явится результатом новых первичных выборов, могут превзойти старые по своей крамольности.

Что же предпринять против «старых» параграфов?

«Рыцарша креста ландвера» становится в торжественную позу.

«Кулак породил их» (старые параграфы, выработанные после 19 марта), *«кулак их и уничтожит — именем бога и закона».*

Кулак восстановит «доброе старое правление».

Кулак — последний аргумент короны; *кулак* будет последним аргументом народа.

Пусть же народ прежде всего оградит себя от нищенски алчных кулаков, которые таскают из его карманов цивильные листы и... пушки. Кичливые кулаки быстро отощают, как только народ перестанет откармливать их. *Пусть народ прежде всего откажется платить налоги* — а потом он сосчитает, на чьей стороне *больше кулаков,*

Все так называемые мартовские завоевания *будут считаться обязательными только до тех пор, пока их будут в состоянии отстаивать с помощью самого грубого насилия. Кулак их породил, кулак их и уничтожит.*

Так говорит *«Neue Preusische Zeitung»,* а слово «Neue Preusische Zeitung» — это слово Потсдама. Итак, долой иллюзии! *Народ должен положить конец мартовским компромиссам, в противном случае им положит конец корона.*

Написано К. Марксом 16 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 145, 17 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Вот в чем вопрос! (Шекспир. «Гамлет».) *Ред.*

«KOLNISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 16 ноября. Редакция «Kolnische Zeitung» в номере от 16 ноября таким великолепнейшим образом характеризует самое себя:

«При *наших постоянных колебаниях* между боязнью анархии сегодня и боязнью реакции завтра живо вспоминаются слова Лютера: «Человек подобен пьяному крестьянину: если он с одной стороны взбирается на лошадь, то падает снова с другой стороны»».

Страх — это пафос «Kolnische Zeitung».

Написано К. Марксом 16 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 145, 17 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДОЛОЙ НАЛОГИ!!!

Кёльн, 16 ноября. Берлинские газеты сегодня не получены, за исключением *«Preusischer Staats-Anzeiger», «Vossische Zeitung»*[43] *и «Neue Preusische Zeitung».*

Разоружение гражданского ополчения проведено в «квартале тайных советников»[44], и только в этом квартале. Речь идет о том самом батальоне, который 31 октября предательски расстреливал рабочих-машиностроителей[45]. Разоружение такого батальона на пользу народному делу.

Национальное собрание снова изгнано с помощью вооруженной силы из Кёлльнской ратуши[46]. Депутаты направились после этого в гостиницу Милснц, где они, наконец, приняли единогласно, ***226 голосами,*** следующее постановление об *отказе от уплаты налогов:*

«Министерство Бранденбурга не имеет права распоряжаться государственными средствами и собирать налоги до тех пор, пока Национальное собрание не сможет свободно продолжать свои заседания в Берлине.

Это постановление вступает в силу 17 ноября.

Национальное собрание, 15 ноября»

Таким образом, с сегодняшнего дня налоги отменяются!!! Уплата налогов является государственной изменой, отказ от уплаты налогов — первый долг гражданина!

Написано К. Марксом 16 ноября 1848 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 145, 17 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИКАЗ ЭЙХМАНА

Кёльн, 18 ноября.

Призывы к отказу от уплаты налогов, ставшие достоянием гласности, обязывают меня обратиться по этому поводу с серьезным предупреждением к вверенной моему попечению провинции.

После того как король официально изъяснил веские причины перемещения Национального собрания из Берлина, после того как большая часть депутатов признала право короны, а германское Национальное собрание, равно как и центральная власть во Франкфурте, согласились с этим признанием, я не намерен присоединяться к мнению, создающемуся у жителей Рейнской провинции относительно этого акта правительства.

Уже мое служебное положение обязывает меня всеми находящимися в моем распоряжении средствами противодействовать всякому посягательству на законы и их исполнение, без чего не может существовать ни одно государство. Подобное посягательство я усматриваю в призывах к отказу от уплаты налогов, необходимых для поддержания порядка и законности, налогов, которые установлены законом и могут быть изменены только в силу закона.

Зная по собственному опыту, с каким уважением жители провинции относятся к законам, я не могу допустить мысли, что они встанут на путь нарушения законов, что повлекло бы за собой тяжелые последствия; наоборот, я верю, что они непоколебимо будут отражать подобные покушения на их честь и на общее благо. Если же, против ожидания, эта моя уверенность все-таки будет обманута, я рассчитываю, что все провинциальные и местные власти употребят все силы, предоставляемые им законами, чтобы заставить население платить налоги, и без всяких колебаний исполнят свой служебный долг.

Кёльн, 17 ноября 1848 г.

Обер-президент Рейнской провинции

(подпись) Эйхман

Таково содержание ответа экс-министра и обер-президента *Эйхмана* на обращение «Рейнского комитета демократов»*.

Было ли известно г-ну Эйхману, когда он писал это свое послание к фессалоникийцам, *постановление Национального собрания об отказе от уплаты налогов?*

Раньше Эйхман представлял Бранденбургов — Мантейфелей в лоне правительства Пфуля. Теперь он представляет их, находясь во главе Рейнской провинции. Эйхман — это олицетворение *правительственной контрреволюции* в Рейнской провинции.

Приказы г-на Эйхмана имеют, следовательно, такую же цену, как и приказы г-на Бранденбурга. *Отдачей под суд за государственную измену* рано или поздно должным образом завершится карьера г-на Эйхмана, этого достойного мужа, который в молодости с неутомимым рвением заточал в крепость «государственных преступников».

Г-н обер-президент Эйхман объявляет себя в вышеупомянутом приказе *открытым врагом Национального собрания,* в полную противоположность силезскому обер-президенту г-ну *Пиндеру,* являющемуся, как известно, монархистом. *Следовательно,* г-н Эйхман *перестал быть обер-президентом,* подобно тому как его повелитель Бранденбург перестал быть министром. *Г-н Эйхман сам отрешил себя от должности.* Чиновники, исполняющие его контрреволюционные приказы, делают это на свой собственный страх и риск.

Если жители Рейнской провинции хотят оказать Национальному собранию поддержку более действенную, чем только посылка адресов, если они не хотят с тупой покорностью пасть на колени перед кнутом, то они должны заставить *всех должностных лиц,* особенно *регирунгспрезидентов, ландратов, бургомистров* и городских чиновников, *официально* заявить, признают ли *они* Национальное собрание и намерены ли выполнять его постановления? **Oui ou non?**** В случае отказа сделать такое заявление или в случае прямого противодействия постановлениям Национального собрания эти чиновники должны быть, во-первых, *смещены* и, во-вторых, объявлены *государственными преступниками;* на их место должны быть назначены временные *комитеты безопасности,* распоряжения которых должны рассматриваться как единственно законные. Там, где контрреволюционные власти будут насильственными мерами препятствовать организации и деятельности этих комитетов безопасности,

* См. настоящий том, стр. 19. *Ред.*

** — Да или нет? *Ред.*

следует на насилие отвечать всеми средствами насилия. Пассивное сопротивление должно опираться на сопротивление активное. В противном случае оно уподобится сопротивлению теленка, которого мясник тащит на убой.

Написано К. Марксом 18 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 147, 19 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВОЗЗВАНИЕ [47]

Кёльн, 18 ноября. Рейнский окружной комитет демократов призывает все демократические союзы Рейнской провинций принять и провести в жизнь следующие мероприятия:

1) После того как прусское Национальное собрание само вынесло постановление об отказе от уплаты налогов, насильственному взиманию их должно быть повсеместно оказано сопротивление всеми средствами.

2) Повсюду необходимо организовать народное ополчение для отпора врагу. Лица, не имеющие средств, должны быть снабжены оружием и снаряжением на средства общин или за счет добровольных взносов.

3) Повсюду надлежит потребовать от властей официального заявления, признают ли они постановления Национального собрания и намерены ли их выполнять. В случае отказа следует создавать комитеты безопасности, и притом, по возможности, по соглашению с общинными советами. Общинные советы, противодействующие законодательному собранию, должны быть переизбраны всеобщим народным голосованием.

Кёльн, 18 ноября.

От имени Рейнского окружного
комитета демократов:
Карл Маркс. Карл Шаппер. Шнейдер II

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 117, 19 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВЫБОРЫ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СУД

Берн, 18 ноября. Вчера я сообщил вам имена восьми избранных ранее членов Федерального суда. На вчерашнем совместном заседании[48] были дополнительно назначены: *Жолли* из Френбурга (один из депутатов Национального совета от этого кантона, выборы в котором были кассированы), д-р Карл *Бреннер,* редактор базельской «Schweizerische National-Zeitung»[49], и адвокат *Яух* из Ури; таким образом, число членов Федерального суда было доведено до полного состава — до 11 судей. Председателем был назначен *Керн,* заместителем председателя д-р *К. Пфиффер.*

Как вам известно, Национальный совет кассировал выборы в кантоне Фрейбург, потому что к голосованию были допущены только те избиратели, которые готовы были присягнуть новой конституции Швейцарского союза. На следующий день он подтвердил свое решение, отклонив почти единогласно (73 голосами против 13) предложение Функа о том, чтобы этот вопрос решался *обоими* советами. Это решение не только вызвало местные пересуды в самом Берне, но и послужило поводом к очень резким пререканиям между радикалами немецкой и французской Швейцарии. Дело в следующем: согласно конституции Швейцарского союза, впервые созываемый Национальный совет должен быть избран всеми швейцарцами, достигшими 20 лет и пользующимися избирательными правами в своем кантоне. Все остальное положение о выборах, весь распорядок и более подробные указания предоставляются на усмотрение отдельных кантонов. Требуемая фрейбургскими властями присяга является условием для предоставления избирательного права и в некоторых других кантонах; в этих кантонах каждый швейцарский гражданин, который впервые использует свое избирательное право, должен

принести присягу кантональной конституции. Ясно, что составители новой конституции имели *намерение* обеспечить на выборах всеобщее избирательное право; но по *буквальному смыслу* конституции правительство Фрейбурга имеет право, а при данных обстоятельствах, когда оно противостоит компактному враждебному большинству, руководимому попами, оно даже обязано было либо потребовать присяги, либо подать в отставку. Немецкие радикалы придерживаются намерения законодателя, а французские, во главе с Ваадтом*, основываются на букве конституции, дабы спасти правительство Фрейбурга и столь желательные для них 5 голосов радикалов в Национальном совете. Они объявляют решение Национального совета косвенным одобрением мятежа фрейбургского епископа[50], мятежа, который привел бы — и это мнение совершенно справедливо — к падению радикального правительства Фрейбурга и к восстановлению в этом кантоне правительства Зондербунда. Немецкие радикалы именуют радикалов Берна и других областей немецкой Швейцарии «теоретиками», «сочинителями пустых абстракций», «доктринерами» и т. д. Это верно, что радикалы немецкой Швейцарии, в большинстве своем адвокаты, зачастую слишком придерживаются своей юридической точки зрения, в то время как жители кантона Ваадт и женевцы, прошедшие революционную французскую школу, более сильны в политике и не столь почтительно относятся к юридическим нормам.

Наиболее решительной газетой этого французско-швейцарского направления является лозаннский «Nouvelliste Vaudois»[51], «орган революции, объявляемой перманентной» — так называют его консервативные и даже умеренные либералы. Эта газета, стиль которой вообще не лишен остроумия и легкости, открыто поднимает знамя красной республики, выступает в защиту июньских инсургентов в Париже, называет смерть Латура в Вене «грандиозным актом правосудия суверенного народа» и с горькой иронией высмеивает пиетистски-реакционный «Courrier Suisse»[52], который, закатив глаза, вопит по поводу подобных ужасов. Этот «Nouvelliste» к тому же является органом сильной партии в правительстве Ваадта, можно даже сказать органом большинства в этом правительстве, тем не менее в Ваадте царит полный порядок, народ спокоен, с преданностью и энтузиазмом относится к своему правительству, как это вновь показали выборы в Национальный совет.

Согласно полуофициальному сообщению «Revue de Genève», Женева ратифицирует с небольшими оговорками, обусловленными

* Французское название: Во. *Ред.*

прежними конкордатами, решение епархиальной конференции относительно фрейбургского епископа (оно вам уже должно быть известно[53]). Остальные кантоны епархии уже ратифицировали это решение. Как только поступят все решения о ратификации, сообщает газета дальше, епископ Марийе будет отпущен на свободу, так как кантон Фрейбург заявил, что он намерен прекратить начатое против епископа уголовное следствие по поводу участия в недавней попытке восстания.

С нетерпением ожидаются результаты голосования относительно столицы Швейцарского союза. Если не будет избран Берн, — а предзнаменование этого видят в том обстоятельстве, что ни председатель, ни заместитель председателя Федерального совета не являются бернцами, — то здесь возникнет движение, результатом которого будет падение Оксенбейна, переход власти в руки радикального большинства (Штемпфли, Ниггелер, Штокмар и др.) и пересмотр только что принятой конституции Швейцарского союза. Дело в том, что согласно конституции в том случае, если 50000 швейцарских граждан, пользующихся избирательным правом, потребуют пересмотра конституции, то для этой цели должны быть распущены оба совета и избран новый их состав. Один Берн без труда сможет собрать такое количество подписей, не считая множества лиц, которые смогли бы прибыть из передовых романских кантонов, привлекаемые перспективой установления однопалатной системы и большей централизации. Однако всякого рода предположения относительно результатов голосования обоих швейцарских советов совершенно бесполезны: бесконечная раздробленность, это неизбежное историческое следствие федеративной республики, не поддающееся описанию переплетение интересов и непостижимая путаница побуждений, которыми в таких случаях руководствуются, — все это делает бессмысленными всякие разговоры относительно вероятностей и возможностей.

Написано Ф. Энгельсом 18 ноября. 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 150, 23 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

МАГИСТРАТ

Кёльн, 20 ноября. Кёльнский общинный совет послал в Берлин петицию, в которой слезно молит короля сместить министерство, чтобы спасти королевскую власть.

Кёльнский магистрат, resp.* г-н Дюмон и К°, обращается к королю, в то время как вся Рейнская провинция отворачивается от короля, чтобы обратиться к Учредительному собранию. Г-н Дюмон, resp. магистрат, хочет спасти короля, в то время как Рейнская провинция думает только о том, чтобы спасти себя. Как будто спасение короля совместимо со спасением Рейнской провинции! В тот момент, когда короли и императоры спасают себя с помощью осадного положения и бомбардировок, магистрат хочет спасти короля. Кто уполномочил магистрат спасать короля и посылать ему петицию, являющуюся выражением величайшего лакейского пресмыкательства кёльнских тунеядцев? После всего, что произошло между королем и кёльнским магистратом, последний ни о чем другом не молит, как о том, чтобы снова получать панки.

Если бы кёльнский магистрат больше заботился о решении берлинских депутатов, чем о самодержавных притязаниях короля и о его спасении, он давно бы уже распорядился занять городские ворота Кёльна, чтобы воспрепятствовать взиманию налогов и выполнить волю Национального собрания. Кёльнский магистрат должен быть поэтому немедленно смещен. Со всеми чиновниками судебного и налогового ведомства, которые не будут со всей энергией препятствовать взиманию

* — respective — или. *Ред.*

налогов, следует поступать, как с государственными преступниками.

Если город Кельн не сместит свой магистрат и немедленно не пошлет в Берлин двух новых депутатов вместо тех, которые сбежали, то он заслуживает — *кнута*.

Написано К. Марксом 20 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 148, 21 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВОЗЗВАНИЕ

Кёльн, 20 ноября.

Демократы Рейнской провинции/

Вместо того, чтобы послать приказ о явке в суд обер-президенту Эйхману, известный обер-прокурор **Цвейфель** прислал вашему Комитету через судебного следователя **Лёйтхауса** приказ явиться завтра в суд по обвинению в открытом призыве к мятежу.

Ожидают беспорядков; комендатура Кёльна в полной готовности; согласно приказу, исходящему от министерства государственной измены, Кёльн в связи с этим должен быть объявлен на осадном положении.

Расстройте эти расчеты. Что бы ни случилось с нами, сохраняйте спокойствие.

Конгресс состоится при любых обстоятельствах[54].

Рейнская провинция будет бороться до последней капли крови, но не подчинится господству сабли.

Карл Маркс. Карл Шаппер. Шнейдер II

Написано 20 ноября 1848 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 148, 21 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

О ПРОКЛАМАЦИИ МИНИСТЕРСТВА БРАНДЕНБУРГА — МАНТЁЙФЕЛЯ ПО ПОВОДУ ОТКАЗА ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Кёльн, 21 ноября. Министерство Бранденбурга — Мантёйфеля разослало всем королевским окружным управлениям приказ о насильственном взимании налогов.

Министерство Бранденбурга — Мантёйфеля, стоящее на противозаконной почве, рекомендует насильственные меры против отказывающихся платить налоги и снисхождение по отношению к несостоятельным плательщикам.

Таким образом, оно устанавливает две категории неплательщиков. Одни не платят во исполнение воли Национального собрания, а другие не платят потому, что не в состоянии платить. Намерения министерства слишком ясны. Оно хочет расколоть демократов; оно хочет побудить крестьян и рабочих причислить себя к неплательщикам по несостоятельности и таким образом отколоть их от неплательщиков по соображениям законности, лишив тем самым последних поддержки первых. Но план этот потерпит крах. Народ понимает, что он несет солидарную ответственность за отказ от уплаты налогов, так же как раньше он нес солидарную ответственность за их уплату.

Решит борьба между двумя силами — силой платящей и силой оплачиваемой.

Написано К. Марксом 21 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 149, 22 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОБЕР-ПРОКУРОР И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 21 ноября. Кто стоит на почве закона, обер-президент Эйхман или редакторы «Neue Rheinische Zeitung»? Кого следует отправить в тюрьму, редакторов «Neue Rheinische Zeitung» или обер-президента Эйхмана? Этот вопрос предстоит теперь разрешить прокуратуре в лице Цвейфеля. Станет ли прокуратура в лице Цвейфеля на сторону министерства Бранденбурга или обер-прокурор Цвейфель, как старый сотрудник «Neue Rheinische Zeitung»[55], станет на сторону своих коллег? Этот вопрос предстоит теперь разрешить публике.

«Neue Rheinische Zeitung» настаивала на прекращении уплаты налогов еще до постановления Национального собрания; она отстаивала законность еще до того, как это сделала законодательная власть. И если это предвосхищение законности является незаконным, то редакция «Neue Rheinische Zeitung» в течение целых шести дней стояла на незаконной почве. Г-н Цвейфель мог бы вести следствие против нас в течение шести дней, но на седьмой день ему следовало бы охладить свое инквизиторское рвение.

Однако на седьмой день, когда сотворение мира было закончено и г-н Цвейфель праздновал день субботний, а Национальное собрание возвело отказ от уплаты налогов в закон, — президент Эйхман обратился к г-ну Цвейфелю с предложением начать следствие против тех, кто спровоцировал отказ от уплаты налогов. Кто спровоцировал отказ от уплаты налогов? Редакция «Neue Rheinische Zeitung» или Национальное собрание в Берлине? Кого должен арестовать г-н Цвейфель — своих старых сотоварищей, берлинских депутатов, или своих старых

коллег, редакторов «Neue Rheinische Zeitung», или же префекта, г-на Эйхмана? Пока г-н Цвейфель не арестовал еще никого.

Поэтому мы предлагаем, чтобы какой-нибудь другой Цвейфель арестовал г-на Цвейфеля за то, что он до дня субботнего не арестовал редакторов «Neue Rheinische Zeitung», а после дня субботнего — г-на Эйхмана.

Написано К. Марксом 21 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 149, 23 ноября 1848 г.

Печатается, по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОКУРАТУРА В БЕРЛИНЕ И КЁЛЬНЕ

Кёльн, 21 ноября. В Берлине прокуратура складывает оружие перед *государственным преступником.* Главный прокурор, г-н Зете, вместо того, чтобы выполнить требование Национального собрания и принять должные меры против государственного преступника Бранденбурга, подает в отставку.

Рейнский окружной комитет демократов, стремящийся возможно шире распространить законное постановление Национального собрания и призывающий к тому, чтобы сорвать планы *государственного преступника,* привлекается к ответственности кёльнским прокурором по обвинению — в *мятеже* (?!).

«У кого сила, у того и право». — Представители *права* повсюду стоят на стороне *силы.*

Написано К. Марксом 21 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 149, 22 ноября, 1848 г.

Печатается, по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ФРАНКФУРТСКОЕ СОБРАНИЕ

Кёльн, 22 ноября. Франкфуртский парламент объявил решение Берлинского собрания об отказе от уплаты налогов недействительным как противозаконное. Тем самым Франкфуртский парламент стал на сторону Бранденбурга, на сторону Врангеля, на сторону специфического пруссачества. Франкфурт переселился в Берлин, а Берлин — во Франкфурт. Германский парламент находится в Берлине, а прусский — во Франкфурте. Прусский парламент стал германским, а германский — бранденбургско-прусским. Пруссия должна была раствориться в Германии, а германский парламент во Франкфурте хочет теперь, чтобы Германия растворилась в Пруссии!

Германский парламент! Кому придет в голову говорить о каком-то германском парламенте после тяжелых событий в Берлине и Вене? После смерти Роберта Блюма ни один человек не интересовался больше жизнью благородного Гагерна. После образования министерства Бранденбурга — Мантёйфеля ни один черт не интересовался больше каким-то Шмерлингом. Господа профессора, которые «делали историю» для своего личного удовольствия, должны были допустить бомбардировку Вены, убийство Роберта Блюма, варварство Виндишгреца! Господа, которые так пеклись об истории немецкой культуры, предоставили какому-то Елачичу и его хорватам применять культуру на практике! Пока профессора создавали теорию истории, история продолжала свой бурный бег, совершенно не заботясь об истории господ профессоров.

Постановление, принятое третьего дня, уничтожило Франкфуртский парламент. Это постановление бросило Франкфурт-

ский парламент в объятия государственного преступника Бранденбурга. Франкфуртский парламент совершил государственную измену и должен быть предан суду. Если весь народ восстает с протестом против акта королевского произвола, если этот протест осуществляется абсолютно законным путем, путем отказа от уплаты налогов, а собрание профессоров, без всякого на то права, объявляет этот отказ от уплаты налогов, это восстание всего народа противозаконным, то это собрание ставит себя вне закона, оно совершает государственную измену.

Долг всех членов Франкфуртского собрания, которые голосовали против такого решения, выйти из состава этого «в бозе почившего Союзного сейма». Долг всех демократов избрать утих вышедших из парламента «пруссаков» членами германского Национального собрания в Берлине вместо выбывших «немцев». Национальное собрание в Берлине не является «частью», оно есть целое, так как оно правомочно принимать решения. Бранденбургское же собрание во Франкфурте станет «частью», так как к 150 депутатам, выход которых из парламента стал необходимостью, безусловно присоединятся еще многие другие депутаты, которые не захотят участвовать в учреждении франкфуртского Союзного сейма. Франкфуртский парламент! Он боится красной республики и декретирует *красную монархию!* Мы не хотим *красной* монархии, мы не хотим, чтобы окрашенная в алый цвет корона Австрии простерла свою власть над Пруссией, и поэтому заявляем, что германский парламент совершил государственную измену! Впрочем, мы оказываем ему слишком много чести; мы придаем ему политическое значение, которое он давно утратил. Франкфуртскому парламенту уже вынесен самый суровый приговор: игнорирование его постановлений и — забвение.

Написано К. Марксом 22 ноября. 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 150, 23 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОВСЮДУ

Кёльн, 22 ноября. Мы предсказывали кёльнскому магистрату, что он получит пинки в ответ на петицию, направленную им королю*. Мы ошиблись. Магистрат, правда, получил пинки, но не от короля, а от Мантёйфеля — Бранденбурга. Tant pisi** Мы говорили далее, что после постановления Франкфуртского парламента долг левых — выйти из его состава***. Как мы узнали, вышли не только левые, но и левый центр для того, чтобы организовать демократический Центральный комитет. Tant mieux!****

Осадное положение повсюду — таковы достижения мартовской революции. Дюссельдорф на осадном положений! Город осаждают для того, чтобы его завоевать. Все города Пруссии один за другим объявляются на осадном положении для того, чтобы их снова завоевывать. Вся Пруссия должна быть вновь завоевана, так как вся Пруссия возмутилась против Пруссии. Каким образом осуществляется осадное положение? Путем разоружения граждан. Каким образом можно вторично объявить на осадном положении такой город как Кёльн, если он уже разоружен? Вернув ему сперва оружие. Объявить Кёльн вторично на осадном положении — это значит дать Кёльну оружие. Да здравствует осадное положение!

Написано К. Марксом 22 ноября 1848 г.

Напечатано в экстренном выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 150, 23 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* См. настоящий том, стр. 37—38. *Ред.*

** — Тем хуже! *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 45. *Ред.*

**** — Тем лучше! *Ред.*

ГЕРМАНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ [56]
И ШВЕЙЦАРИЯ

Кёльн, 24 ноября. В комедиях прошлого столетия, особенно во французских, непременно фигурировал слуга, увеселяющий публику тем, что он ежеминутно получает колотушки, тумаки, а в наиболее эффектных сценах — даже пинки ногой. Роль такого слуги, разумеется, неблагодарна, но она кажется завидной в сравнении с той ролью, которая разыгрывается на сцене нашего франкфуртского имперского театра,. — в сравнении с ролью имперского министра иностранных дел. Слуги в комедиях обладают, по крайней мере, одним средством отомстить за себя — остроумием. А имперский министр!

Будем справедливы. 1848 год ни одному из министров иностранных дел не приносит роз. Пальмерстон и Нессельроде были до сих пор довольны тем, что их оставляли в покое. Напыщенный Ламартин, который своими манифестами вызывал слезы даже у немецких старых дев и вдов, должен был с поломанными и потрепанными крыльями сойти, пристыженный, со сцены. Его преемник Бастид, который всего лишь год тому назад, в качестве официального глашатая войны, изливал в «National» и мало известной «Revue nationale»[57] добродетельное возмущение по поводу трусливой политики Гизо, теперь проливает по вечерам тихие слезы при чтении своего oeuvres complеtes de la veille[*] и при горькой мысли, что он сам с каждым днем все больше опускается до уровня Гизо добропорядочной республики. Все-таки у этих министров имеется одно утешение: если в большом они не могли похвастаться успехами, то

[*] — полного собрания вчерашних сочинений. *Ред.*

в малом — в датском, сицилийском, аргентинском, валашском и других отдаленных вопросах — они могли взять реванш. Даже прусский министр иностранных дел г-н Арним, когда он заключал неприятное перемирие с Данией, испытывал то удовлетворение, что он не только был обманут, но и сам обманул кое-кого, —и этим обманутым оказался... имперский министр!

В самом деле, имперский министр иностранных дел, единственный из всех, играл совершенно пассивную роль, получая удары, но никому решительно их не раздавая. С первого дня своего вступления в должность он служил излюбленным козлом отпущения, на которого все его коллеги из соседних государств изливали свою желчь, на котором все они вымещали мелкие неприятности дипломатической жизни, выпадавшие в той или иной мере на долю каждого из них. И когда его били и терзали, он не раскрывал рта, подобно агнцу, ведомому на заклание. Может ли кто-либо сказать, что имперский министр хоть пальцем его тронул? Поистине, германская нация никогда не забудет, что г-н Шмерлинг с такой решительностью и последовательностью отважился восстановить традиции былой Священной Римской империи.

Нужно ли нам еще удостоверять мужественное терпение, проявленное г-ном фон Шмерлингом, перечислением его дипломатических успехов? Нужно ли нам возвращаться к путешествию г-на Макса Гагерна из Франкфурта в Шлезвиг, к этому достойному повторению путешествия блаженной памяти Софии из Мемеля в Саксонию?[58] Нужно ли нам снова вытаскивать на свет всю назидательную историю датского перемирия? Нужно ли нам останавливаться на неудачном предложении посредничества в Пьемонте и на дипломатической поездке г-на Хекшера с познавательной целью на имперский счет? В этом нет нужды. Факты слишком свежи в памяти и слишком красноречивы, чтобы нужно было хотя бы упоминать о них.

Но все имеет свои границы, и, в конце концов, даже самый терпеливый человек должен когда-нибудь показать, что и у него есть зубы, — говорит немецкий обыватель. Верный этому правилу класса, который наши почтенные государственные мужи объявляют громадным благонамеренным большинством Германии, г-н фон Шмерлинг наконец тоже ощутил потребность показать, что и у него есть зубы. Агнец, обреченный на заклание, стал искать козла отпущения и решил, что нашел его, наконец, в лице Швейцарии. Швейцария — каких-нибудь два с половиной миллиона жителей, вдобавок республиканцев, прибежище, откуда Геккер и Струве вторглись в Германию[59] и сильно встревожили новую Священную Римскую империю, —

разве можно найти лучший и вместе с тем более безопасный случай доказать, что «великая Германия» зубаста?

Немедленно была отправлена «энергичная» нота в главный кантон[60] Берн по поводу происков эмигрантов. Однако главный кантон Берн в сознании своей правоты не менее энергично ответил «великой Германии» от имени «маленькой Швейцарии». Это отнюдь не испугало г-на Шмерлинга. Он поразительно быстро стал еще более зубастым, и уже 23 октября была составлена новая, еще «более энергичная» нота, которая 2 ноября была вручена Берну. На этот раз г-н Шмерлинг уже грозил неблагонравной Швейцарии розгами. Берн, еще более быстрый в своих действиях, чем имперский министр, ответил уже через два дня с таким же спокойствием и твердостью, как и раньше, и г-н Шмерлинг должен теперь, следовательно, пустить в ход свои «распоряжения и меры» против Швейцарии. Он уже самым серьезным образом занят этим, как это было им заявлено во Франкфуртском собрании.

Если бы эта угроза представляла собой обычный имперский фарс, каких мы уже так много видывали в этом году, мы не стали бы тратить по этому поводу ни одного слова. Но так как совершенно невозможно преувеличить недомыслие наших имперских Дон-Кихотов или, вернее, имперских Санчо в управлении иностранными делами их острова Баратария, то легко может случиться, что вследствие этого столкновения с Швейцарией мы навлечем на себя различные новые осложнения. Quid-quid delirant reges и т. д.[61]

Ознакомимся поэтому несколько подробнее с имперской нотой Швейцарии.

Известно, что швейцарцы плохо говорят по-немецки и немногим лучше пишут на этом языке. Но ответная нота главного кантона со стороны стиля представляет собой законченный шедевр, достойный пера Гёте, по сравнению с школярским, неуклюжим, не находящим нужных выражений немецким языком имперского министерства. Швейцарский дипломат (как говорят, союзный канцлер Шисс) как будто нарочно писал особенно чистым, плавным и изысканным стилем, чтобы и в этом отношении составить иронический контраст ноте имперского регента, которая наверняка не могла бы быть написана хуже даже какой-нибудь красной епанчой Елачича. В имперской ноте встречаются фразы, которые совсем невозможно понять, встречаются, как мы увидим дальше, и в высшей степени неуклюжие фразы. Но разве как раз эти фразы не написаны «на *языке прямодушия,* которое правительство имперского регента всегда будет вменять себе в обязанность в международных сношениях»?

Не лучше обстоит дело у г-на Шмерлинга и в отношении содержания. В первом же абзаце он напоминает

«о том факте, что по поводу германской ноты от 30 июня с. г. на заседаниях Союзного сейма в течение нескольких недель, еще до ответа на эту ноту, дебаты велись в таком тоне, который сделал бы пребывание представителя Германии в Швейцарии тогда невозможным» (вот вам образец стиля!)[62].

Главный кантон достаточно добродушен — он доказывает «правительству имперского регента» на основании протоколов Союзного сейма, что эти дебаты, «продолжавшиеся несколько педель», ограничиваются одним-единственным коротким заседанием в течение *одного-единственного* дня. Мы видим, что наш имперский министр, вместо того, чтобы справиться по документам, предпочитает доверять своей сбивчивой памяти. Мы найдем еще немало доказательств этого.

Впрочем, правительство имперского регента может видеть в этой любезности главного кантона, в готовности, с какой он приходит на помощь его слабой памяти, доказательство «добрососедского отношения» Швейцарии. В самом деле, если бы правительство имперского регента решилось говорить в ноте подобным образом о дебатах в английском парламенте, сухое высокомерие Пальмерстона просто-напросто указало бы ему на дверь! Прусский и австрийский посланники в Лондоне могут ему порассказать, что говорится публично об их соответствующих государствах и нотах, причем никому не приходит в голову, что пребывание этих посланников в Лондоне стало вследствие этого невозможным. Эти школяры хотят преподать Швейцарии урок международного права, а сами не знают даже того, что в дебатах суверенных собраний их касается только то, что постановлено, а отнюдь не то, что там говорится! Эти мастера логики утверждают в той же ноте, что «Швейцария должна знать, что нападки на свободу печати не могут исходить от Германии» (достаточно перепечатать эти строки в «Neue Rheinische Zeitung», чтобы они прозвучали злой иронией!), — и даже решаются посягать на свободу дебатов в государственном органе, являвшемся в то время в Швейцарии верховной властью!

«Никакого спора о принципах в данном случае нет. Речь идет не о праве убежища и не о свободе печати. Швейцария должна знать, что нападки на эти права не могут исходить от Германии. Германия неоднократно заявляла, что не потерпит злоупотребления ими, она утверждала, что право убежища не должно превращаться в промысел для Швейцарии» (что сие значит?), «в военное положение для Германии» (право убежища — военное положение, — что за язык!), «что должна быть разница между приютом для преследуемого и притоном для разбойников».

«Притон для разбойников»! Разве Ринальдо Ринальдини и все разбойничьи атаманы, появлявшиеся у Готфрида Бассе в Кведлинбурге, спустились со своими шайками с Абруцских гор к Рейну, чтобы в подходящий момент разграбить Верхний Баден? Или Карл Моор наступает из Богемских лесов? Не оставил ли Шиндерганнес[63] племянника, который в качестве «племянника своего дяди»[64] хочет из Швейцарии заявить претензии на продолжение своей династии? Да ничего подобного! Струве, сидящий в баденской тюрьме, г-жа Струве и несколько рабочих, которые *без всякого оружия* перешли границу, — вот «разбойники», имевшие в Швейцарии свой «притон» или будто бы имеющие его там по сию пору. Имперская власть, не удовлетворяясь захваченными в плен людьми, на которых она может выместить свою злобу, настолько потеряла всякий стыд, что через Рейн кидает бранные слова вдогонку тем, кому посчастливилось ускользнуть от ее преследований.

«Швейцария знает, что от нее отнюдь не требуют преследования печати, что речь идет не о газетах и листовках, а об их авторах, которые у самой границы днем и ночью ведут гнусную контрабандную войну против Германии, занимаясь массовым протаскиванием зажигательных сочинений».

«Протаскивание»! «Зажигательные сочинения»! «Гнусная контрабандная война»! Выражения становятся все более изящными, все более дипломатическими, — но разве правительство имперского регента не «вменяет себе в обязанность придерживаться языка прямодушия»?

И в самом деле, язык его отличается замечательным «прямодушием»! Правительство отнюдь не требует от Швейцарии преследования печати; оно говорит не о «газетах и листовках», а только об «их *авторах»*. Деятельности этих последних надлежит положить конец. Но, честное «правительство имперского регента», когда в Германии возбуждают процесс против какой-нибудь газеты, например, против «Neue Rheinische Zeitung», о ком идет тогда речь — о газете, которая находится у всех в руках и уже не может быть изъята из обращения, или же об «авторах», которых сажают в тюрьму и отдают под суд? Это благородное правительство отнюдь не требует преследования печати, оно требует лишь преследования *авторов,* сотрудничающих в органах печати. Честные люди! Изумительный «язык прямодушия»!

Эти авторы «ведут гнусную контрабандную войну против Германии, занимаясь массовым протаскиванием зажигательных сочинений». Такое преступление «разбойников» поистине непростительно, тем более, что оно совершается «днем и ночью»,

и тот факт, что Швейцария терпит это, является вопиющим нарушением международного права.

Из Гибралтара в Испанию ввозятся контрабандой целые корабли английских товаров, и испанские попы заявляют, что англичане, «протаскивая евангелические зажигательные сочинения», например библии на испанском языке, изданные библейским обществом, ведут гнусную контрабандную войну против католической церкви. Барселонские фабриканты тоже проклинают гнусную контрабандную войну, которая ведется из Гибралтара против испанской промышленности посредством тайного ввоза английского коленкора. Но стоило бы испанскому посланнику хотя бы раз пожаловаться на это — и Пальмерстон ответил бы ему: thou blockhead*, ведь для того-то мы и взяли Гибралтар! До сих пор все другие правительства обладали достаточным тактом, вкусом и рассудительностью, чтобы не жаловаться в нотах на контрабанду. Но наивное правительство имперского регента говорит столь «прямодушным языком», что совершенно откровенно заявляет, будто бы Швейцария нарушает международное право, если баденские таможенные чиновники плохо выполняют свои обязанности.

«Швейцарии, наконец, небезызвестно, что право других стран сопротивляться такому *безобразию* не может зависеть от того, хватает ли у швейцарских властей силы или желания помешать ему».

Правительству имперского регента, по-видимому, совершенно «небезызвестно, что право» Швейцарии оставлять в покое тех, кто подчиняется законам страны, хотя бы даже они путем протаскивания и т. д. вели гнусную контрабандную войну и т. д., «не может зависеть от того, хватает ли у *немецких* властей силы или желания помешать» этой контрабанде. Правительству имперского регента не мешает поразмыслить об ответе Гейне тому гамбуржцу, который надоедал ему своими жалобами по поводу большого пожара:

Свои законы и помпы свои
Пожарные улучшайте[65], —

и тогда ему больше не понадобится выставлять себя на посмешище благодаря прямоте своего языка.

«Спор идет только о фактах», — говорится дальше, и мы, следовательно, наконец, услышим о других значительных фактах, кроме гнусной контрабандной войны. Ждем с нетерпением.

«Высокое правительство главного кантона требует, ссылаясь на свою неосведомленность, чтобы ему было доставлено определенное доказа-

* — эх, ты, дубина. *Ред.*

тельство действий, которое могло бы подтвердить возводимые против швейцарских властей обвинения».

Каждому ясно, что это вполне разумное требование со стороны высокого правительства главного кантона. И правительство имперского регента, наверное, охотно выполнит это справедливое требование?

Ничуть не бывало! Послушайте только:

«Но состязательная процедура в переговорах между правительствами об общеизвестных вещах не и обычае народов.»

Вот суровый урок международного права для заносчивой маленькой Швейцарии, которая полагает, что может так же дерзко обращаться с правительством имперского регента великой Германии, как некогда маленькая Дания. Ей не мешает помнить о датском перемирии и быть поскромнее; в противном случае ее может постигнуть та же участь.

Когда от соседнего государства требуют выдачи уголовного преступника, то прибегают к состязательной процедуре, как бы ни было «общеизвестно» его преступление. Но состязательная процедура или, вернее, простое доказательство виновности, которого требует Швейцария, прежде чем принять меры, — не против бежавших в эту страну уголовных преступников и не против эмигрантов, нет, против ее *собственных чиновников,* избранных на основе демократического избирательного права,— такое доказательство «не в обычае народов»! Поистине, «язык прямодушия» ни на минуту не изменяет себе! Нельзя *более откровенно* признаться в отсутствии каких бы то ни было доказательств.

А затем следует град вопросов, перечисляющих все эти общеизвестные факты.

«Разве кто-нибудь сомневается в занятиях немецких подстрекателей и Швейцарии?»

Конечно, никто, как никто не сомневается также в занятиях г-на Шмерлинга во Франкфурте. Совершенно ясно, что немецкие эмигранты в Швейцарии большей частью чем-нибудь «занимаются». Вопрос лишь в том, *чем* они занимаются, а этого, очевидно, не знает сам г-н Шмерлинг, — иначе он сказал бы об этом.

«Разве кто-нибудь сомневается в эмигрантской прессе?»

Конечно, никто. Но ведь сам г-н Шмерлинг заявляет, что нападки на свободу печати не могут исходить от Германии. А если бы они имели место, Швейцария, наверное, сумела бы их отразить. Что же в таком случае означает этот вопрос?

Если мы переведем его с «языка прямодушия» на простой человеческий язык, то он может значить только одно: Швейцария должна отменить свободу печати для эмигрантов. A un autre, Monsieur de Schmerling!*

«Разве Германии следует доказывать перед Европой факты паломничества в Муттенц?»

Конечно, нет, хитроумное «правительство имперского регента»! Подсказать, что эти паломничества были причиной вторжения Струве или причиной какого-нибудь другого предприятия, дающего больше оснований для жалобы против Швейцарии, — доказать это правительству имперского регента было бы ничуть не предосудительно, но, увы, отнюдь не легко.

Главный кантон и на этот раз столь любезен, что делает больше, чем «в обычаях народов», и напоминает г-ну Шмерлингу о том, что паломничества в Муттенц[66] имели отношение как раз к *Геккеру,* что Геккер был *против* второго вторжения, что он даже уехал в Америку, чтобы рассеять все сомнения относительно его намерений, что среди паломников были видные члены германского Национального собрания. Главный кантон достаточно деликатен, даже пред лицом неделикатной ноты г-на Шмерлинга, чтобы не упомянуть о втором и решающем доводе, а именно, что «паломники» ведь снова возвратились в Германию и там в любой момент могли быть привлечены к ответственности правительством имперского регента за любое наказуемое деяние, за все свои «происки» в Муттенце. Тот факт, что этого не случилось, лучше всего доказывает, что у правительства имперского регента нет никаких данных для обвинения паломников, что, следовательно, оно тем менее может упрекать в этом отношении швейцарские власти.

«Или собрания в Бирсфельде»?

«Язык прямодушия»—прекрасная вещь. Тому, кто, подобно правительству имперского регента, «вменил себе в обязанность в международных сношениях» придерживаться этою языка, достаточно лишь доказать, что в Бирсфельде происходили собрания вообще или же собрания эмигрантов, чтобы иметь возможность упрекать швейцарские власти в грубом нарушении международного права. Другие смертные должны были бы, конечно, сперва доказать, что именно противоречащего международному праву происходило на этих собраниях. Но ведь это «общеизвестные факты», настолько общеизвестные, что — готов биться об заклад — среди читателей «Neue Rhei-

* — Как бы не так, г-н фон Шмерлинг! *Ред.*

nische Zeitung» не найдется и трех, которые бы знали, о каких собраниях говорит г-н Шмерлинг.

«А вооружения злоумышленников, имеющих возможность заниматься своими происками вдоль границы, в Рейнфельдене, Цурцахе, Готлибене и Лауфене?»

Слава богу! Наконец-то мы узнаём нечто более определенное о «занятиях» эмигрантов! Мы были несправедливы к г-ну фон Шмерлингу, предположив, что он не знает, чем занимаются эмигранты. Он знает не только, *чем* они занимаются, — он знает также, *где* они этим занимаются. *Где* они занимаются? В Рейнфельдене, Цурцахе, Готлибене и Лауфене — вдоль границы. *Чем* они занимаются? «Своими происками!»

«Они занимаются своими происками!» Чудовищное попрание всего международного права — эти их происки! Чем же занимается в таком случае правительство имперского регента, чтобы не допустить попрания международного права? Уж не «бесчинствами»* ли?

Но г-н фон Шмерлинг говорит о «вооружениях». И так как многие из городов, где, к ужасу всей империи, эмигранты занимаются своими происками, входят в кантон Аарау, то главный кантон берет его для примера. Он снова делает больше чем нужно, больше чем «в обычаях народов», и предлагает доказать путем «состязательной процедуры», что тогда в кантоне Аарау жило только двадцать пять эмигрантов, что из них только десять приняли участие во втором добровольческом походе Струве, да и они перешли в Германию *невооруженными.* Вот в чем заключались все «вооружения». Но разве это имеет значение? Остальные пятнадцать, которые остались, как раз и были самыми опасными. Они остались, очевидно, только для того, чтобы и в дальнейшем беспрепятственно «заниматься своими происками».

Таковы веские обвинения «правительства имперского регента» против Швейцарии. Больше оно ничего не может предъявить, да и не считает нужным это делать, потому что это «не в обычае народов» и т. д. А если Швейцария настолько утратила стыд, что не считает себя сраженной этими обвинениями, то «решения» и «меры» правительства имперского регента не замедлят произвести свое сокрушительное действие. Миру любопытно узнать, какого характера будут эти решения и меры; это тем более любопытно, что г-н Шмерлинг готовит их в величайшей тайне и даже Франкфуртскому собранию не желает

* Игра слов: «ihr Wesen treiben» — «заниматься происками», «ihr Unwesen treiben» — «бесчинствовать». *Ред.*

сообщить никаких подробностей насчет этого: Между тем швейцарская пресса уже доказала, что все репрессивные меры, какие может применить г-н Шмерлннг, причинят гораздо больше вреда Германии, чем Швейцарии, и, судя по всем сообщениям, швейцарцы с величайшим спокойствием ожидают «мер и решений» правительства имперского регента. Сохранят ли такое же спокойствие господа министры во Франкфурте, в особенности, если в это время будут получены английская и французская ноты, это мы еще посмотрим. Одно лишь несомненно: все это должно закончиться, как и датская война, новым позором, который, впрочем, на этот раз падет на голову одной лишь *официальной* Германии.

Написано Ф. Энгельсом 24 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 153, 26 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МАНТЁЙФЕЛЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Кёльн, 24 ноября. *Министр Мантёйфель заявил вчера находящимся в Берлине имперским комиссарам, что прусское правительство не подчинится постановлению Франкфуртского собрания об образовании популярного министерства*[67]*, так как это касается* **внутренней** *политики страны.*

Таким образом, *Мантёйфель* согласен с нами в том, что и постановление Франкфуртского собрания относительно **отказа от уплаты налогов**[*] лишено всякого значения и силы, так как оно относится только к **внутренней** политике страны.

Впрочем, возможно, что министерство Бранденбурга — Мантейфеля поможет превратить *Рейнскую провинцию в вопрос внешней политики для Пруссии.*

Написано 24 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 153, 26 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 44. *Ред.*

ДРИГАЛЬСКИЙ — ЗАКОНОДАТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН И КОММУНИСТ [68]

Кёльн, 24 ноября. Дюссельдорф объявлен на осадном положении, Министерство Бранденбурга — Врангеля нашло в лице гг. *Шпигеля — Дригальского* достойных представителей. Первый из этих господ — простой регирунгспрезидент, но второй соединяет в себе разнообразные качества: он не только генерал-лейтенант и командир дивизии — в качестве такового он фигурирует в списке личного состава, как и в качестве «высшего» законодателя города и всей общины Дюссельдорфа, — он является также писателем и говорит о себе самом, что он в то же время «гражданин» и — *коммунист,* и все это «с богом за короля и отечество». Оба эти господина, как простой, так и многоцветный, нашли, что в Дюссельдорфе законный порядок может поддерживаться только *чрезвычайными* мерами; поэтому они сочли себя «вынужденными», «в целях охраны законного порядка», объявить всю общину Дюссельдорфа на осадном положении.

Мы уже давно знаем, что правительство Бранденбурга может держаться только при помощи *чрезвычайных* мер; мы знаем, что оно уже давно утратило бы свое положение, если бы страна не находилась на осадном положении. Осадное положение — это и есть *законное положение* правительства Бранденбурга.

«Осадное положение, господа, означает *военное положение»,—* заявил министр-президент фон *Пфуль* на согласительном заседании 29 сентября. Тогда речь шла о городе и крепости Кёльне, тогда речь шла о восстании, постановления судебных властен не могли приводиться в исполнение, законная власть — гражданское ополчение — не могла поддерживать спокойствие, строились

баррикады; силе можно было противопоставить только силу. Так, по крайней мере, утверждали защитники осадного положения, они, по крайней мере, еще старались соблюсти внешнюю видимость ссылками на якобы установленные факты. Теперь все это делается гораздо проще; Дюссельдорф не охвачен восстанием, деятельность судов ни на минуту не нарушается, гражданское ополчение было готово в любой момент выполнить законные приказы, нельзя даже сослаться на устаревшие *инструкции* 1809 г., на которые тогда главным образом ссылались, ибо Дюссельдорф не является крепостью. Но Дюссельдорф с редкой энергией высказался *за отказ от уплаты налогов,* и этого было достаточно для обоих Бранденбургов, чтобы восстановить законный порядок, т. е. объявить город *вне закона.*

Мы не входим в рассмотрение обвинений, которые должны послужить предлогом для объявления осадного положения. Мы рекомендуем их вниманию судебных властей как *ложные* обвинения, так как в подтверждение их нигде не приводится требуемое законом доказательство; это — клеветнические обвинения, подпадающие под действие статей 367 и сл. Уголовного кодекса. Мы хотим указать здесь лишь на противозаконные действия в целях охраны законного порядка, в которых повинны гг. *Шпигель* и *Дригальский.*

После того как эти господа объявили осадное положение и *«таким образом* высшая власть перешла к военному ведомству», «коммунист и гражданин» Дригальский издает следующие приказы:

1) Законно существующие власти сохраняют свои функции, и принимаемым ими мерам оказывается самая решительная поддержка.

Это значит, что законно существующие власти, поскольку они существуют *на законном основании,* упраздняются, но сохраняют свои функции для поддержки г-на фон Дригальского.

«Я рассчитываю», — говорит Дригальский в своем обращении к «согражданам», — «что все благонамеренные жители облегчат мне *исполнение законов,* а *власти со всей решительностью окажут мне в этом поддержку».*

Г-н Дригальский не только создает законы, но и применяет их по своему благоусмотрению; законно существующие власти — его янычары. А «независимые» судьи дюссельдорфского окружного суда и г-н обер-прокурор со всеми своими сотрудниками совершенно спокойно терпят все это! Они не находят ни малейшего нарушения закона в том, что отстранены от своей должности; они превозносят законодателя Дригальского и рады тому, что такой ценой могут по-прежнему получать свое жалованье.

Неужели вам не стыдно, господа, при сабельном режиме издавать приказы об аресте и производить следствие? Или, быть может, арест г-на *Лассаля,* который, будучи, к сожалению, слишком твердо уверен в своем законном праве и в защите судебных властей, не захотел укрыться от осадного положения, является лишь актом личной мести г-на *Дригальского?* Может быть, втихомолку против этого человека и его сообщников уже возбуждено и ведется следствие по статьям 114, 123, 124?

Второй закон г-на Дригальского гласит:

«Все союзы, преследующие политические и социальные цели, распускаются».

Какое дело г-ну Дригальскому до § 4 закона от 6 апреля? Если, согласно этому параграфу, «все прусские подданные имеют право в целях, не противоречащих существующим законам, объединяться в общества без предварительного полицейского разрешения», то это, очевидно, одно из тех «завоеваний», которые должны быть возможно скорое отняты обратно, а значит — несовместимы с законодательством Дригальского.

Третий и *четвертый* законы. Г-н фон *Дригальский* регулирует уличное движение и часы торговли в ресторанах. Он издает закон против сборищ, как будто Дюссельдорф превратился в Париж. Но г-н Дригальский велик не только как полицейский — он обнаруживает также несомненный талант ночного сторожа: он регулирует и часы отдыха после работы.

Пятый закон;

«Гражданское ополчение впредь до его реорганизации распускается и должно сегодня же сдать оружие».

Закон этот беззаконен во многих отношениях. Отметим:

a) Гражданское ополчение *распускается.* Согласно обычным законам, а именно согласно закону от 17 октября о гражданском ополчении, последнее может быть распущено только по королевскому указу. Может быть, у г-на фон Дригальского имеется тайный королевский указ, скрываемый от других? Почему же он тогда не опубликует его, как опубликовал заявление оберпостдиректора Мауренбрехера[69]? Правда, это заявление как лживое тотчас же вызвало опровержение дюссельдорфского гражданского ополчения. Но у г-на фон Дригальского нет никакого королевского указа — он действует на основании своей собственной верховной власти и присваивает себе королевские функции, хотя и является *королевски*-настроенным *«гражданином* и *коммунистом».*

b) Гражданское ополчение *не только отстранено от несения службы.* Г-н фон Дригальский не довольствуется присвое-

нием себе только власти регирунгспрезидента. Что касается беззакония, то оно достаточно проявилось уже в одном факте отстранения ополчения от несения службы. Параграф 4 закона от 17 октября гласит:

Если гражданское ополчение какой-нибудь общины или округа отказывается следовать приказу властей или вмешивается в действия общинных, административных или судебных властей, регирунгспрезидент может временно отстранить его от несения службы с указанием причин.

Таким образом, отстранение от несения службы могло исходить только от регирунгспрезидента, а никак не от генерал-лейтенанта, не от командира дивизии, не от гражданина, и наконец, не от коммуниста, хотя бы то был «королевско-прусский коммунист».

По у г-на Дригальского имеются свои основательные причины выступать в качестве самодержца, не считаясь с инстанциями. Если бы он имел дело с гражданским ополчением лишь как регирунгспрезидент, он не мог бы его *разоружить*. Но

c) «гражданское ополчение должно сегодня же сдать оружие». Простое отстранение от несения службы отнюдь не дает еще права отобрать оружие. В противном случае временно отстраненные офицеры тоже должны были бы отдавать свою шпагу. Но г-н Дригальский прав. Если бы гражданское ополчение могло сохранить свое оружие, оно, вероятно, не допустило бы, чтобы *Дригальский* отстранил его от несения службы; оно выполнило бы свое назначение, как его определяет § 1 закона.

d) Г-н фон Дригальский требует сдачи оружия *ему.* Так как он уже чувствует себя призванным выступать в роли самодержца, то его не останавливает и королевский указ относительно осуществления закона об учреждении гражданского ополчения. Параграф 3 этого указа гласит:

«Оружие, предоставленное государством общинам, *во всяком случае* остается до вышеуказанного момента *в распоряжении общин».*

«Городское управление и общинный совет» Дюссельдорфа не имеют возражений против приказа г-на Дригальского. Вместо того, чтобы протестовать против такого беззакония и вступиться за права общины, они призывают граждан к «спокойному, законному поведению» по отношению к их новому диктатору.

Шестой закон.

«Лица, уличенные в открытом и вооруженном сопротивлении распоряжениям законных властей или своими изменническими действиями подвергающие войска опасности или причиняющие им вред, *предаются военному суду».*

Согласно закону об охране личной свободы[70], *никто не может быть предан иному суду, кроме того, который установлен законом. Военные суды и чрезвычайные комиссии являются незаконными. Недопустимы угрозы наказанием или назначение каких-либо других кар, кроме тех, которые установлены законом.* Согласно этому же закону, действие настоящего постановления *ни при каких условиях* не может быть приостановлено на какое-либо время или для какой-нибудь местности, *даже в случае войны или восстания.* Потому что, согласно § 8, даже и в этом случае могут временно отменяться только §§ 1 и 6, и то лишь *по постановлению и под ответственность министерства.* Тем не менее г-н фон Дригальский вводит военный суд для гражданских лиц. Нет ничего удивительного в том, что он приказывает производить аресты, что он для этой цели нарушает неприкосновенность жилища; ведь если эти постановления и могут быть на время приостановлены, то уж, во всяком случае, не г-ном фон Дригльским. Впрочем, безразлично, верить ли утверждению «Dusseldorfer Zeitung», что арест Лассаля был произведен без соблюдения требуемых формальностей, или уверению «Kolnische Zeitung», что арест последовал по распоряжению судебного следователя. «Kolnische Zeitung», разумеется, становится на сторону военного коменданта, чтобы осрамить судебного следователя. Как бы то ни было, арест этот незаконен, потому что при беззаконном режиме не может быть законных действий. При военном положении прекращается действие гражданской юрисдикции. Если судебный следователь остается при исполнении своих обязанностей, то он попадает в положение *военного аудитора,* и его сводом законов становятся статьи *воинского устава.* Дюссельдорфская прокуратура хорошо поняла это свое новое положение. В самом деле, если бы она признавала еще за собой ту компетенцию, какую устанавливает рейнское уголовное судопроизводство, она уже давно вмешалась бы, хотя бы на основании § 9 Habeas Corpus Acte, который гласит:

«Не требуется предварительного согласия властей для привлечения к судебной ответственности гражданских и военных должностных лиц за нарушения вышеприведенных постановлений, совершенные ими путем превышения своих полномочий».

Чтобы вполне уяснить себе силу наших рейнских учреждений, остается еще только посмотреть, одобрен ли образ действий дюссельдорфской прокуратуры генеральным прокурором г-ном *Николовиусом,* под надзором которого состоят все чиновники судебной полиции и даже судебные следователи. Депутации, которая вчера отправилась к нему, чтобы побудить его проявить

свою служебную власть в связи с дюссельдорфскими событиями, *г-н Николовиус* якобы ответил, что в его распоряжении нет статьи закона, на основании которой он мог бы вмешаться. Мы говорим: «г-н Николовиус якобы ответил», — хотя эти слова нам переданы из вполне достоверного источника. И, однако, мы не можем этому поверить, потому что в противном случае мы должны были бы допустить, что у г-на Николовиуса совершенно вылетел из памяти Code pénal[71], а также все законы, изданные после марта этого года.

Написано К. Марксом 24 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 153, 26 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* ТРИ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССА
ПРОТИВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 24 ноября. В настоящее время против *«Neue Rheinische Zeitung»* возбуждены три судебных процесса, если не считать того, что *Энгельс, Дронке, Вольф* и *Маркс* привлечены к судебной ответственности по обвинению в мнимых политических преступлениях, «несовместимых с журналистской деятельностью». — Из хорошо осведомленного источника нам сообщают, что, кроме того, против **«непристойной газеты»** — так официально называет нашу газету ci-devant[*] прокурор и теперешний обер-прокурор *Геккер* (c'est du Hecker tout pur[**])[72] — начато не менее дюжины следственных дел.

Первое преступление. Насильственное покушение на девственную *«деликатность»* шести королевско-прусских жандармов и короля кёльнской прокуратуры, г-на обер-прокурора *Цвейфеля*[73] — народного представителя in partibus infidelium[***], который заседает пока не в Берлине и не в Бранденбурге, а в *Кёльне* на Рейне. «На Рейне! На Рейне растет наш виноград!»[74] Мы, со своей стороны, также предпочитаем Рейн — Шпрее и гостиницу Диш — гостинице Миленц[75].

Va pour la delicatesse des gensdarmes![****] Что же касается «деликатности» г-на *Цвейфеля,* то для нас она является «noli me tangere!»[*****]. Мы были охвачены нравственным возмущением по поводу неделикатного вотума недоверия выборщиков, кото-

[*] — бывший. *Ред.*
[**] — это подлинный Геккер. *Ред.*
[***] — в стране неверных, в чужих краях. *Ред.*
[****] —Допустим, что и жандармам свойственна деликатность! *Ред.*
[*****] — «не тронь меня!*, т. е. неприкосновенной. *Ред.*

рые, по имеющимся слухам, заставили Цвейфеля снять свою кандидатуру. В качестве верных хранителей девственной *«деликатности»* г-на *Цвейфеля,* мы просим его *публично опровергнуть заявление г-на Вейнхагена* из Клеве. Г-н *Вейнхаген* опубликовал в «Neue Rheinische Zeitung» заявление за своей подписью, в котором он утверждает, что может сообщить факты, оскорбительные для «чести и деликатности» г-на Цвейфеля. Он в состоянии даже *доказать* эти факты, но вынужден воздерживаться от их опубликования до тех пор, пока г-н Цвейфель прикрывается параграфом Code pénal*, согласно которому всякое, даже серьезнейшим образом обоснованное разоблачение преследуется как *клевета,* если это разоблачение не может быть подтверждено приговором суда или аутентичными документами. Мы апеллируем, таким образом, к «чести и деликатности» г-на *Цвейфеля!*

Второе преступление. Просто Геккер и раздвоенный Геккер.

Третье преступление. Это преступление, совершенное в 1848 **г.**, преследуется по требованию *имперского министерства. Преступление — Шнапганский! Фельетон в роли преступника!*[76]

Говорят, что имперское министерство в своем обвинительном акте именует «Neue Rheinische Zeitung» самой дурной газетой из всей «дурной печати». Со своей стороны, мы считаем имперскую власть самой смехотворной властью из всех смехотворных властей.

Написано К. Марксом 24 ноября 1848 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 153, 26 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — Уголовного кодекса. *Ред.*

ПОРТРЕТЫ ЧЛЕНОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОВЕТА

Берн, 24 ноября. Читателям «Neue Rheinische Zeitung» небезынтересно будет узнать некоторые подробности о лицах, которые теперь призваны под контролем обоих советов управлять Швейцарией и которые только что приступили к своей деятельности. Пять членов Федерального совета без всяких оговорок дали согласие на свое избрание, один, г-н Фуррер, дал согласие занимать этот пост временно, до весны, относительно согласия седьмого (Мунцингера) не существует никаких сомнений.

Председатель Федерального совета, г-н *Фуррер,* является типичным цюрихцем. Как сказали бы во Франции, он имеет l'air еminemment bourgeois*. Одежда, осанка, черты лица, — все, вплоть до очков в серебряной оправе, с первого взгляда говорит о том, что это «гражданин свободного имперского города», который, будучи президентом главного кантона и соответственно Союзного сейма, стал, правда, несколько более цивилизованным, по все же остался «до мозга костей провинциалом». Главной заслугой г-на Фуррера, одного из наиболее солидных адвокатов «швейцарских Афин» (так любит цюрихский мещанин называть свой городок с его 10000 жителей), является то, что его непрестанные усилия и его умеренный либерализм привели к свержению сентябрьского правительства в Цюрихе[77] и снова вернули к руководству в кантоне партию прогресса. В качестве председателя Союзного сейма он остался верен своим принципам. Умеренный прогресс во внутренних делах и строжайший ней-

* — в высшей степени буржуазную внешность. *Ред.*

тралитет во внешних вопросах — такова была проводимая им политика. То, что он стал теперь председателем Федерального совета, является скорее результатом случая, чем определенного намерения. На этот пост охотнее избрали бы бернца; но тогда пришлось бы выбирать только между Оксенбейном, к которому большинство относилось с антипатией, и Нёйхаусом, который теперь, в 1848 г., занимает такую же консервативную позицию, как и 5—6 лет назад, и потому совсем не был избран в Федеральный совет. В таком затруднительном положении пришлось остановить выбор на цюрихце, а в этом случае Фуррер оказался безусловно наиболее подходящей кандидатурой. Таким образом, нельзя считать, что Фуррер совершенно точно представляет большинство Федерального собрания, но он по крайней мере является представителем большинства немецкой Швейцарии.

Заместитель председателя *Дрюэ* — во всех отношениях противоположность Фурреру, и в то же время он лучший представитель, какого могла избрать французская Швейцария. Если Фуррер является слишком умеренным для большинства и тем более для радикального меньшинства, то Дрюэ слишком радикален для большинства. Если Фуррер — умеренный буржуазный либерал, то Дрюэ — решительный сторонник красной республики. Известна выдающаяся роль, которую играл Дрюэ в последних революционных событиях в своем кантоне; менее известны, но тем более значительны его заслуги перед своим кантоном (Ваадтом) во многих других отношениях. Дрюэ, социалистический демократ типа Луи Блана, первоклассный знаток государственного права, наиболее энергичный и трудолюбивый деятель во всей Швейцарии, представляет собой тот элемент в Федеральном совете, который постепенно должен приобретать все большее и большее влияние и оказывать наиболее благотворное действие.

Оксенбейн, руководитель волонтеров, боровшихся против Люцерна, председатель Союзного сейма, вынесшего решение о войне с Зондербундом, полковник бернских резервистов в этой кампании, благодаря своей предшествующей деятельности приобрел известность и популярность не только в Швейцарии, но и во всей Европе. Но менее известна его деятельность со времени февральской революции. В какой-то мере социалистический характер этой революции, мероприятия временного правительства во Франции и все движение французского пролетариата — все это немало напугало этого democrate pur*,

* — чистого демократа. *Ред.*

которого французы причислили бы к партии National. Он постепенно сближался с умеренным направлением. Особенно во внешней политике, где он проявил так много энергии перед войной с Зондербундом и во время этой войны, он все больше и больше склонялся к старой системе так называемого строгого нейтралитета, которая в действительности представляет собой не что иное, как политику консерватизма и попустительства по отношению к реакции. Так, в качестве президента главного кантона он медлил с признанием Французской республики и вел себя по меньшей мере двусмысленно в итальянских делах. К этому надо добавить, что благодаря необузданной страстности, которую он проявлял, председательствуя в Союзном сейме, и которая часто имела своим результатом его предвзятое отношение к радикалам, он нажил себе много врагов среди них, и особенно среди радикалов французской Швейцарии. Если бы при избрании члена Федерального совета от Берна можно было выбирать не только между ним и Нёйхаусом, Оксенбейн собрал бы значительно меньше голосов.

Полковник *Фрей-Эрозе* из Ааргау считается одним из наиболее способных военных деятелей Швейцарии. Он был начальником генерального штаба во время кампании против Зондербунда. Подобно большинству швейцарских штабных офицеров, он в течение долгого времени участвовал в политической жизни своего кантона и благодаря этому хорошо знаком с делами гражданской администрации. На своем новом посту он будет во всяком случае с пользой трудиться в военном департаменте. По своим политическим взглядам он принадлежит к решительным либералам своего кантона.

Государственный советник *Франсини* из Тессина является безусловно одним из наиболее уважаемых общественных деятелей всей Швейцарии. В течение долгих лет он неустанно трудился в своем кантоне. Это было главным образом его заслугой, что в 1830 г., еще *до* июльской революции, презираемый, считавшийся политически отсталым Тессин первым во всей Швейцарии и без революции заменил старую олигархическую конституцию демократической; он же стоял во главе революции 1840 г., вторично свергнувшей пробравшихся к власти попов и олигархов. Тот же Франсини после этой революции заново организовал управление, которое было приведено реакционерами в полный беспорядок, повел борьбу против воровства, мошенничества, подкупов и растрат и, наконец, насколько это позволяли возможности бедной горной области, заново организовал школьное обучение, пришедшее в полный упадок под руководством монахов. Тем самым он отнял у священников главное средство влия-

ния на народ; и последствия этого стали с каждым годом все больше сказываться в растущем доверии тессинцев к своему правительству. Кроме того, Франсини является одним из наиболее образованных экономистов Швейцарии и автором лучшего труда по швейцарской статистике («Статистика Швейцарии». Лугано, 1827. «Новая статистика Швейцарии», 1848)[78]. Он является решительным радикалом и в Федеральном совете скорее примкнет к Дрюэ, чем к Оксенбейну и Фурреру. Тессинцы высоко ценят этого долголетнего руководителя своего правительства в частности и за его «почетную бедность».

Правительственный советник *Мунцингер* из Золотурна— наиболее влиятельный деятель своего кантона; с 1830 г. он почти непрерывно представлял в Союзном сейме этот кантон, которым он фактически управлял в течение ряда лет. По словам полурадикальной газеты французской Швейцарии, «Gazette de Lausanne»[79], ему свойственно cacher sous les apparences de la bonhomie un esprit fin et pen̲e̲trant*; это значит, что он обладает той мелкой хитростью, скрытой под внешностью добродушного простака, которая в имперских городах считается дипломатическими способностями. В остальном он — умеренный прогрессист a̲ la** Фуррер и требует, чтобы Швейцария заботилась только о своих собственных делах, предоставив большую европейскую политику богу и лорду Пальмерстону. Поэтому он весьма неблагосклонно отзывается об иностранных эмигрантах, которые до сих пор приносили Швейцарии одни только неприятности. Вкупе с «швейцарским афинянином» д-ром Эшером он недавно в Тессине снова продемонстрировал свое отношение к этому вопросу. Вообще Фуррер и Мунцингер наилучшим образом представляют в Федеральном совете предрассудки и ограниченность «просвещенных» жителей немецкой Швейцарии.

Наконец, г-н *Нефф* из Санкт-Галлена, о котором я могу сообщить только очень немного. Говорят, что он значительно содействовал улучшению управления своим кантоном, а также отличился и в других отношениях. В общем в кантоне Санкт-Галлен, если судить по швейцарским газетам, живут самые богатые и солидные люди, но беда этих солидных людей в том, что о них очень мало знают, и во всяком случае им, очевидно не хватает инициативы. Все же в своей области, как административный деятель, г-н Нефф имеет, по-видимому, некоторые заслуги. По своим политическим взглядам он занимает проме-

* — скрывать под видом добродушия тонкий и проницательный ум. *Ред.*
** — на манер. *Ред.*

жуточную позицию между Фуррером и Оксенбейном; он решительнее, чем первый, но не заходит так далеко, как это можно ожидать от второго, судя по его предшествующей деятельности.

Такой состав Федерального совета не оставляет сомнений относительно политики, которую будет проводить Швейцария в ближайшее время. Это та же самая политика, какую проводил старый Союзный сейм и главный кантон Берн под руководством Оксенбейна, а затем Функа (который без Оксенбейна является круглым нулем). Во внутренней политике — строгое соблюдение новой конституции Швейцарского союза, в которой все еще отводится слишком большое место суверенитету кантонов; во внешней политике — строгий нейтралитет, разумеется более строгий или более мягкий, смотря по обстоятельствам, в частности особенно строгий по отношению к Австрии. Умеренная партия имеет решительный перевес, и возможно, что г-н Оксенбейн в большинстве вопросов будет голосовать вместе с ней.

Однако для того чтобы понять, как меньшинство, как Дрюэ и Франсини при таких обстоятельствах могли согласиться быть избранными в Федеральный совет, имея приятную перспективу все время оставаться в меньшинстве, как такая коллегия вообще может совместно управлять, — для того чтобы попять все это, надо либо быть швейцарцем, либо ознакомиться с тем, как управляется Швейцария. Здесь, где все органы исполнительной власти обсуждают вопросы коллегиально, здесь исходят из такого принципа: займи только свое место; хоть ты сегодня и в меньшинстве, но все же, возможно, тебе удастся принести пользу; а затем, кто знает, не окажешься ли ты через год или два в большинстве, вследствие чьей-либо смерти, увольнения и т. д. Таков естественный результат того факта, что правящие коллегии образуются путем выборов. В этом случае каждая партия старается, так же как и в законодательных собраниях, провести одного или нескольких кандидатов и таким образом по крайней мере закрепиться в коллегии, обеспечить себе меньшинство, до тех пор пока она не сможет добиться большинства. Если кандидаты отказываются дать согласие на избрание, партия не возражает против этого, что непременно произошло бы в более крупных странах. Но Федеральный совет отнюдь не похож на Commission du pouvoir executif[80], и между положением Дрюэ и положением Ледрю-Роллена существует огромная разница.

Швейцарская печать единодушно утверждает, что Федеральный совет состоит из первоклассных талантов. Тем не менее я

сомневаюсь, чтобы какой-нибудь член этого Совета, за исключением Дрюэ и Франсини, смог когда-либо играть выдающуюся роль в более крупной стране и чтобы три остальных члена, за исключением Фрей-Эрозе и Оксенбейна, смогли выдвинуться там на сколько-нибудь значительную, даже *второстепенную* роль.

Написано Ф. Энгельсом 24 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 155, 29 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДОКЛАД ФРАНКФУРТСКОЙ КОМИССИИ ОБ АВСТРИЙСКИХ ДЕЛАХ

Кёльн, 27 ноября. Лет 40 тому назад жили люди, которые описывали «Германию в ее глубочайшем унижении»[81]. Хорошо, что они уже отправились ad patres[*]. Теперь они не могли бы написать подобной книги: они не могли бы придумать названия для нее, а если бы выбрали старое, то впали бы в противоречие сами с собой.

Ведь для Германии всегда имеется, говоря словами английского поэта, «beneath the lowest deep a lower still»[**].

Мы полагали, что с заключением датского перемирия исчерпан наибольший позор. Нам казалось, что после выступления имперского посла Раумера в Париже, Хекшера в Италии, комиссара Штедмана в Шлезвиг-Гольштейне и после обеих нот Швейцарии унижение Германии уже достигло предела. Выступление обоих имперских комиссаров по *австрийскому* вопросу доказывает, что мы заблуждались. С какой невероятной бесцеремонностью обращаются немецкие имперские комиссары с честью Германии, какую тупоумную неспособность, трусость или предательство могут таить в себе господа старые либералы,— видно в достаточной мере из только что появившегося «Доклада комиссии по австрийским делам и т. д.»[82], особенно из помещенных в нем двадцати документов.

13 октября гг. Велькер и Мосле выезжают по поручению центральной власти из Франкфурта «для посредничества в *венских* делах». Неискушенные в новой центральной дипломатии

* — к праотцам. *Ред.*
** — «под самой большой глубиной еще бо́льшая глубина» (Мильтон. «Потерянный рай»). *Ред.*

люди ожидали спустя несколько дней сообщения о прибытии этих господ в Вену. Тогда еще не было известно, что у имперских комиссаров имеются собственные маршруты. Посланцы имперского регента Эйзеле и Бейзеле[83] направились в *Вену* кратчайшим путем — через *Мюнхен.* Руководствуясь известной дорожной картой из «Иобсиады»[84], они прибыли туда вечером 15 октября. До полудня 17 октября они изучали венские события в трогательном единении с баварскими министрами и австрийским поверенным в делах. В своем первом письме г-ну Шмерлингу они дают отчет о своих предварительных изысканиях. В Мюнхене их обоих вдруг осенило. Они страстно желают прибытия «третьего коллеги», по возможности пруссака, «так как благодаря этому нам легче будет выполнить великую миссию». Но г-н «коллега» не является. Надежда на троицу рушится, бедная пара должна пуститься в свет одна. Но что станется теперь с «великой миссией»? Великая миссия путешествует в карманах гг. Велькера и Мосле в Пассау. Еще до перехода через австрийский Рубикон «великая миссия» посылает впереди себя прокламацию. «Там страшно было, на той стороне!»[85]

«Население», — пишет Велькер Шмерлингу, — «здесь, на австрийской границе, тоже отнюдь не свободно от революционных и террористических настроений»; мало того: «даже национальная гвардия Кремса только благодаря вмешательству военной охраны моста оказалась не в состоянии разрушить этот мост перед проездом своего императора и, следовательно, как бы захватить его в плен».

Кто из читателей будет столь жестокосерд, чтобы не оценить в полной мере этих чувств благородной политико-энциклопедической души [Staats-Lexikon-Seele][86]! С полудня 18-го до утра 20-го оба господина подкрепляли свои силы в Пассау, после чего они отправились в Линц.

13 октября они выехали из Франкфурта, 20-го вечером они уже в Линце. Разве эта невероятная быстрота передвижения не является достаточным доказательством важности их «великой миссии»? Может быть, особые инструкции побуждали их к такой чрезвычайной поспешности? Достаточно сказать, что ровно через семь дней эти господа прибывают в Линц. В этом городе, который при своем «многочисленном фабричном населении, уже обработанном венскими эмиссарами», пробуждал в г-не Велькере во время его пребывания в Пассау тревожные предчувствия, не было обнаружено абсолютно никаких признаков виселицы, рисовавшейся, вероятно, его взору и взору его второго г-на коллеги. Наоборот:

«вся национальная гвардия во главе с офицерами и со своими музыкантами... выстроившаяся торжественно, с развевающимся германским

знаменем, встретила нас вместе с собравшимся народом многократными возгласами «ура»».

Итак, Линц — революционный Содом — превращается в благонамеренный город, достаточно простодушный, чтобы торжественно принять наших великолепных имперских комиссаров. Зато тем мрачнее рисуется в отчетах Велькера — Мосле г-ну Шмерлингу Вена — как безбожнейшая Гоморра, как геенна огненная анархии и т. п.

21-го господа сели на пароход и отправились в Кремс. С дороги они сообщают во Франкфурт, что в Линце для них был выставлен почетный караул, что стража стала перед ними во фронт и тому подобные важные вещи. Одновременно с этим они составляют три письма: Виндишгрецу, министру Краусу и президиуму рейхстага.

Если кого-либо не вполне удовлетворила более чем восьмидневная деятельность наших имперских комиссаров, то ему следует поехать с ними теперь, в ночь с 21 на 22 октября, в Штаммерсдорф, в штаб-квартиру Виндишгреца. Здесь центральная власть в лице своих комиссаров предстает перед нами во всей красе. «Виндишгрец», — говорят Велькер — Мосле, — «с *некоторой резкостью* отклонил всякое вмешательство с нашей стороны». Другими словами: они получили пинки и должны убираться подобру-поздорову. «Мало того: он не захотел даже взглянуть на наши полномочия», — жалуется Велькер своему министру Шмерлингу. И в довершение огорчения: Виндишгрец не предлагает стоящей перед ним олицетворенной центральной власти ни капли вина, даже ни рюмки водки.

И вот наши комиссары снова садятся в карету, печально напевая: «О ты, Германия, и т. д.»[87], и направляются... в Вену? Боже упаси! — в Ольмюц[*], «в резиденцию императорского двора». И они прекрасно поступили. Не будь этого, весь имперский фарс остался бы без завершения, в комедии посредничества не хватало бы последнего акта. Если Виндишгрец отнесся к ним, как к глупым школьникам, то в Ольмюце они встретили «со стороны императора и императорской фамилии *гораздо более предупредительный прием»* (см. стр. 11 доклада, письмо № 6). Они были приглашены к столу, и «мы», — пишут они далее г-ну Шмерлингу, — «удостоились *весьма милостивого* приема». Не немецкая лакейская натура сказывается здесь — отнюдь нет, — а искреннейшая благодарность, находящая соответствующее выражение в песне; «После стольких страданий и т. д.»[88].

---

[*] Чешское название: Оломоуц. *Ред.*

Но после всяческих угощений и возлияний все ещё остается выполнить пресловутую «великую миссию». Оба наших комиссара письменно обращаются к министру барону фон *Вессенбергу*.

«Ваше превосходительство» (так начинается письмо от 25 октября), «мы почтительно просив *милостиво* назначить нам час, когда Вам угодно будет принять изъявление пашей благодарности за благосклонный прием, оказанный нашей миссии и нам со стороны его королевско-императорского величества и Вашего превосходительства, и сообщить нам Ваши взгляды и решения по поводу следующих пунктов, относящихся к выполнению нашей миссии».

«Следующие пункты» многословно говорят только о том, что комиссары желают получить разрешение отправиться в Вену для посредничества.

Все это письмо, как и второе письмо к Вессенбергу, составлено в столь витиеватом канцелярском стиле прошлого столетия, так насыщено безмерной любезностью и подобострастием, что просто приятно сейчас же вслед за ним прочитать ответы Вессенберга. В этой переписке оба комиссара выглядят по сравнению с австрийским министром, как два неотесанных мужика рядом с тонко воспитанным дворянином, перед которым они делают на гладком паркете свои потешные реверансы и стараются употреблять самые изысканные выражения.

Вессенберг отвечает на вышеприведенное письмо:

«Высокородные господа! Должен просить извинения за то, что так поздно отвечаю на ваше сегодняшнее письмо... Что касается вашего благого намерения сделать в Вене еще одну попытку ликвидировать тамошние раздоры, то мне кажется необходимым прежде всего поставить вас в известность о теперешнем положении там. Дело в том, что сейчас речь может идти не о переговорах с какой-либо партией, а исключительно о подавлении мятежа» и т. д. (ср. стр. 16 доклада).

Вместе с этим ответом он возвращает им их полномочия.

Они повторяют свою просьбу в письме от 27 октября:

«Мы должны», — говорят они, — «считать настоятельным долгом еще раз *покорнейше просить* Ваше превосходительство, а в Вашем лице — императорское правительство по возможности скорее отправить нас под надежной охраной в Вену с благожелательными и примирительными поручениями и предложениями, дабы в этом ужасном кризисе использовать умиротворяющее и личное влияние, которое воплощено в нас и в нашей миссии».

Мы видели, как действовало это «умиротворяющее и личное влияние» в течение 14 дней после выезда за ворота Франкфурта.

Оно производит на Вессенберга столь сильное впечатление, что в своем ответе он умалчивает об их просьбе. Он сообщает

им некоторые, к тому же наполовину неверные сведения из Вены и иронически замечает:

«Впрочем, то обстоятельство, что мятежи, подобные мятежу пролетариев в Вене, нелегко подавить без применения принудительных мер, еще недавно было подтверждено событиями во Франкфурте!»

Таким доводам гг. Велькер и Мосле никак не могли противостоять; они поэтому отказываются от дальнейших попыток и со своим «умиротворяющим и личным влиянием» выжидают, что покажут события.

28 октября они снова докладывают Шмерлингу о своей «великой миссии». По предложению Вессенберга, они передают свою депешу курьеру, которого Вессенберг посылает во Франкфурт. В путь отправляется курьер, но не депеша. Только 6 ноября прибывает она во Франкфурт. Если бы они не побывали за императорским столом, если бы императорская фамилия и в особенности эрцгерцог Карл не беседовали с ними так дружелюбно, комиссары должны были бы совсем потерять голову от стольких неудач.

Затем следует двухдневное молчание. После стольких трудов «умиротворяющее влияние» предается субботнему отдыху.

Но вот 30 октября Вессенберг сообщает им официальное известие о сдаче Вены. Их решение принято. Правда, еще 28 октября они полагали (стр. 14 доклада), что «по-видимому, у него» (Виндишгреца) «так же, как здесь» (в Ольмюце) «у влиятельных лиц *слишком* преобладает мысль не только об усмирении Вены, но и о мстительном наказании за совершенное незаконное деяние». Но потом Вессенберг заверил их — и как мог имперский комиссар после этого еще отважиться усомниться! — что «в использовании этой победы австрийское правительство будет руководствоваться принципами, способными обеспечить ему расположение его подданных».

«Мы можем, таким образом, предполагать», — восклицают Велькер — Мосле, исполненные имперского пафоса, — «что наши предложения *все же* возымели некоторое влияние!» Все же возымели? О, конечно! Вы превосходнейшим образом забавляли в течение восьми дней Вессенберга, эрцгерцога Карла, Софию и К°. Вы служили для облегчения королевско-императорского пищеварения, *Велькер — Мосле!*

«Итак, после этого заверения министра мы считаем нашу миссию выполненной и завтра» (31 октября) «отправимся в обратный путь через Прагу».

Так заканчивается последнее донесение гг. Велькера — Мосле!

И в самом деле, вы правы, ваша «великая миссия» примирения и посредничества была выполнена. Зачем же вам теперь отправляться в Вену? Разве не апостолы гуманности — Виндишгрец и Елачич — были хозяевами города? Разве красные епанчи и королевско-императорские войска не проповедовали евангелие мира и конституционной свободы языком грабежа, поджогов, убийств и насилий,— языком, понятным для каждого?

Как сильно сказалось ваше «умиротворяющее влияние», как великолепно выполнили вы свою задачу — об этом свидетельствуют предсмертные хрипы убиваемых, крики отчаяния насилуемых, об этом свидетельствуют тысячи людей, томящихся в тюрьмах, об этом говорит нам окровавленная тень *Роберта Блюма.*

Ваша задача состояла в том, чтобы в дополнение к трилогии, инсценированной Виндишгрецем, Елачичем и Вессенбергом, помочь разыграть в Ольмюце также и фарс. Эта задача достойно разрешена вами: вы с превеликим мастерством сыграли до конца роль *«одураченных дядюшек»,* если не какую-нибудь похуже.

Написано 27 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №154, 28 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Переeод с немецкого

НОВОСТИ

Кёльн, 28 ноября. «Neue Rheinische Zeitung» писала в номере от 17 ноября:

«Мы уж не говорим о *евреях,* которые со времени эмансипации своей секты повсюду стали, по крайней мере в лице своих верхов, *во главе контрреволюции,* — что их ожидает? Даже не стали дожидаться победы, чтобы швырнуть их обратно в гетто»*.

Тогда мы ссылались на правительственные распоряжения в *Бромберге***. Сегодня мы считаем необходимым сообщить о гораздо более убедительном факте. Большая масонская ложа «Три короны» в Берлине — как известно, *принц Прусский* является верховным главой прусских масонов, подобно тому как *Фридрих-Вильгельм IV* является верховным главой прусской религии — объявила о прекращении деятельности ложи *«Минерва»* в *Кёльне.* Почему? *Потому что она приняла в число своих членов евреев. К сведению евреев!*

Случайно попавший нам в руки циркуляр министерства Бранденбурга всем окружным управлениям требует от последних организовать *массовые преследования руководителей клубов.*

Из достоверного источника сообщают, что *Кёльн, Дюссельдорф, Ахен* и т. д. получат от нашего всемилостивейшего государя в виде рождественского подарка имперские войска, а именно *австрийцев.* Вероятно, это будут *хорваты,*

---

* См. настоящий том, стр. 24—25. *Ред.*

** Польское название: Быдгощ. *Ред.*

сережаны, чехи, рацы, сербы и т. д., дабы и в Рейнской провинции, как в Вене, были установлены «порядок и спокойствие». Впрочем, говорят, что Рейнская провинция граничит не с *Россией,* а с *Францией. К сведению всемилостивейшего государя!*

Написано 28 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 155, 29 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ОРГАН МАНТЁЙФЕЛЯ И ИОГАНН. —
РЕЙНСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И КОРОЛЬ ПРУССИИ

Кёльн. «Neue Preusische Zeitung» подтверждает уже переданное нами заявление *Мантёйфеля*[*] по поводу франкфуртской центральной власти и Франкфуртского собрания. Орган Мантёйфеля говорит:

> **«Обращение имперского регента могло быть продиктовано самыми лучшими намерениями. Но мы, пруссаки, должны его решительно отвергнуть — прусский народ должен это сделать не менее решительно, чем корона».**

Орган Мантёйфеля высказывает то, чего мы сами от всей души желаем.

Тот же официоз следующим образом поучает нас об обязательности франкфуртских решений:

> *«Мы, пруссаки, не знаем другого господина, кроме нашего короля. Только те из франкфуртских решений, которые он одобрит, будут для нас обязательны, и именно потому, что* **Он»** (прусский стиль!) *«их одобрил, а не по какой-либо иной причинен.*

Мы, *«пруссаки»!!!* Нам, *жителям Рейнской провинции,* посчастливилось на великом торге людьми в Вене заполучить нижнерейнского *«великого герцога»,* не выполнившего затем условий, на которых он был объявлен «великим герцогом»[89]. *«Король Пруссии»* существует для нас лишь в силу решения берлинского *Национального собрания,* а так как для нашего нижнерейнского *«великого герцога»* никакого берлинского *Нацио-*

---

[*] См. настоящий том, стр. 57. *Ред.*

нального собрания не существует, то и для нас не существует никакого *«короля Пруссии».* Нижнерейнскому великому герцогу мы достались в результате торга народами! Когда мы вырастем настолько, что перестанем признавать торговлю человеческими душами, мы потребуем от «нижнерейнского великого герцога» предъявить свой **«документ на право владения».**

Написано 29 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 156, 30 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ

Кёльн, 29 ноября. Наконец-то, после шестимесячных почти непрерывных поражений демократии, после ряда неслыханных триумфов контрреволюции, снова появляются симптомы приближающейся победы революционной партии. Италия — страна, восстание которой явилось прелюдией к европейскому восстанию 1848 г., поражение которой явилось прелюдией к падению Вены, — Италия поднимается во второй раз. Тоскана добилась своего демократического министерства, и Рим только что завоевал себе такое же министерство.

10 апреля в Лондоне, 15 мая и 25 июня в Париже, 6 августа в Милане, 1 ноября в Вене[90] — таковы четыре важные даты европейской контрреволюции, четыре вехи, отмечающие быстро пройденные этапы ее недавнего триумфального шествия.

В Лондоне 10 апреля не только была *сломлена* революционная мощь чартистов, но и *нанесен первый удар революционизирующему влиянию февральской победы.* Те, которые правильно оценивают Англию и ее место в современной истории, не могли удивляться тому, что революции континента пока что бесследно проходили мимо нее. Англия — страна, которая посредством своей промышленности и торговли господствует над всеми находящимися в революционном брожении народами континента и в силу своего господства над азиатскими, американскими и австралийскими рынками сравнительно мало зависит от торговли с этими странами, страна, где сильнее всего развиты, доведены до наибольшей остроты противоречия современного буржуазного общества, классовая борьба между буржуазией и пролетариатом,—Англия больше, чем какая-либо другая

страна развивается своим собственным, самостоятельным путем. Англии не нужно топтаться, подобно временным правительствам на континенте, чтобы приблизиться к разрешению вопросов, к уничтожению противоречий, разрешение и уничтожение которых является ее призванием прежде, чем какой-либо другой страны. Англия не заимствует революцию у континента— Англия, когда пробьет ее час, сама *продиктует революцию континенту.*

Таково было положение Англии, таково было необходимое следствие этого положения, и поэтому победа «порядка» 10 апреля вполне понятна. Но кто не помнит, как эта победа «порядка», этот первый ответный удар на удары февраля и марта повсюду дал новую опору контрреволюции, окрылил так называемых консерваторов смелыми надеждами! Кто не помнит, как поведение лондонских специальных констеблей тотчас же вызвало повсюду в Германии подражание со стороны всего гражданского ополчения! Кто не помнит, какое впечатление произвело это первое доказательство того, что вспыхнувшее движение не является непреодолимым!

Париж 15 мая тотчас же дополнил победу английской партии застоя. 10 апреля воздвигло плотину на пути революционного потока, волны которого достигли наибольшей высоты. 15 мая сломило его силу у самого истока. 10 апреля доказало, что февральское движение не является неудержимым; 15 мая доказало, что повстанческому движению в Париже можно поставить преграду. Революция, разбитая в своем центре, должна была, естественно, потерпеть поражение также и на периферии. И это с каждым днем все больше сказывалось в Пруссии и в мелких немецких государствах. Но революционное движение было еще достаточно сильно, чтобы оказались возможными две победы народа в Вене: первая — тоже 15 мая, вторая — 26 мая, а победа абсолютизма в Неаполе, одержанная также 15 мая, своими эксцессами подействовала скорее как противовес победе порядка в Париже. Не хватало еще чего-то; не только революционное движение должно было потерпеть поражение в Париже, — с вооруженного восстания в самом Париже должен был быть сорван ореол непобедимости. Только тогда контрреволюция могла обрести спокойствие.

И это произошло в *Париже* в четырехдневном бою с 23 по 26 *июня.* Четыре дня пушечной пальбы положили конец неприступности баррикад, непобедимости вооруженного парода. Разве Кавеньяк не доказал своей победой, что законы военного искусства более или менее одинаковы на улице и в дефиле, в действиях против баррикады или против засеки и бастиона?

Что 40000 недисциплинированных вооруженных рабочих, без пушек и гаубиц и при отсутствии подвоза боевых припасов, не дольше четырех дней могут противостоять организованной армии из 120000 старых солдат и 150000 национальных гвардейцев, поддерживаемых лучшей и самой многочисленной артиллерией и обильно снабжаемых боевыми припасами? Победа Кавеньяка явилась самым грубым подавлением меньшего числа бойцов в семь раз более многочисленным противником, самой бесславной победой, когда-либо одержанной, и тем более бесславной, чем больше крови она стоила, несмотря на колоссальный перевес сил. И, однако, весь мир дивился ей, как чуду, ибо эта победа превосходящей силы отняла у парижского народа, у парижской баррикады ореол непобедимости. В лице 40000 рабочих триста тысяч солдат Кавеньяка победили не только 40000 рабочих, — они победили, сами того не сознавая, европейскую революцию. Мы все знаем, какая неудержимо стремительная реакция началась с того дня. Теперь не оставалось уже никаких сдерживающих моментов; консервативная сила победила народ в Париже гранатами и картечью, и то, что оказалось возможным в Париже, могло быть повторено в любом другом месте. Демократии не оставалось ничего иного, как проделать после этого решительного поражения возможно более почетное отступление и, по крайней мере, отстаивать шаг за шагом свои позиции в печати, на народных собраниях и в парламентах, — позиции, которые уже невозможно было удержать.

Следующим большим ударом явилось *падение Милана.* Обратное завоевание Милана Радецким является, действительно, первым событием европейского значения после парижской июньской победы. Двуглавый орел на куполе миланского собора означал не только поражение всей Италии — он означал также возрождение центра тяжести европейской контрреволюции, возрождение *Австрии.* Италия разбита и Австрия возрождена — чего еще могла желать контрреволюция! И действительно, с падением Милана сразу же ослабела в Италии революционная энергия, пал Мамиани в Риме, демократы были побеждены в Пьемонте; и одновременно с этим реакционная партия в Австрии снова подняла голову и с новой энергией принялась опутывать сетью своих интриг все провинции из своего центра — штаб-квартиры Радецкого. Только теперь Елачич перешел в наступление, только теперь полностью осуществился великий союз контрреволюции с австрийскими славянами.

Я не говорю о мелких интермеццо, в которых контрреволюция одерживала местные победы и завоевывала отдельные провинции, не говорю о франкфуртском поражении и т. п. Все

это имеет местное, пожалуй национальное, но отнюдь не европейское значение.

Наконец, 1 ноября было завершено дело, начатое в день Кустоцы[91]: как Радецкий вступил в Милан, так Виндишгрец и Елачич вступили теперь в Вену. Метод Кавеньяка применен к самому большому и активному очагу германской революции — и с успехом. Революция в Вене, как и в Париже, потоплена в крови, погребена в дымящихся развалинах.

Но весьма вероятно, что победа 1 ноября вместе с тем означает момент, когда начинается обратное движение и наступает кризис. Попытка в точности повторить венский подвиг в Пруссии потерпела неудачу. В самом благоприятном случае, даже если страна перестанет поддерживать Учредительное собрание, корона может рассчитывать только на половинчатую, не решающую победу, и во всяком случае первое обескураживающее впечатление венского поражения ослаблено неуклюжей попыткой повторить его во всех подробностях.

И в то время как север Европы или уже снова ввергнут в рабство 1847 года, или с трудом отстаивает от контрреволюции завоевания первых месяцев, внезапно вновь поднимается Италия. Ливорно — единственный итальянский город, для которого падение Милана явилось толчком к победоносной революции, — Ливорно, наконец, увлек своим демократическим подъемом всю Тоскану и добился определенно-демократического министерства, наиболее определенного из всех существовавших когда-либо в условиях монархии, и такого определенного, каких мало бывало в республиках, — министерства, которое на падение Вены и возрождение Австрии отвечает призывом к созданию итальянского учредительного Национального собрания. И революционная искра, которую это демократическое министерство бросило в итальянский народ, зажгла пожар: в Риме народ, национальная гвардия и армия восстали, как один человек, низвергли лавирующее контрреволюционное министерство, добились демократического министерства, и первым из требований, принятия которых они добились, было: правительство на основе итальянского национального принципа, т. е. внесенное Гверрацци предложение о посылке представителей в итальянское Учредительное собрание.

Что за этим последуют Пьемонт и Сицилия, — не подлежит никакому сомнению. Они последуют, как последовали в прошлом году.

Что же дальше? Явится ли это второе воскресение Италии на протяжении трех лет, подобно предшествовавшему, зарей нового подъема европейской демократии? Очень похоже на это. Чаша

контрреволюции переполнена. Франция готова броситься в объятия авантюриста, лишь бы только избавиться от господства Кавеньяка и Марраста, Германия разъединена больше, чем когда бы то ни было, Австрия раздавлена, Пруссия накануне гражданской войны — все, решительно все иллюзии февраля и марта безжалостно растоптаны стремительным ходом истории.

Поистине, народу больше уж нечему учиться на опыте новых побед контрреволюции!

Пусть же при надвигающихся событиях парод *своевременно* и *бесстрашно* применит уроки этих последних шести месяцев.

Написано К. Марксом 29 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 156, 30 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПОДЛОСТЬ НЕМЕЦКИХ ПРОФЕССОРОВ

Кёльн, 29 ноября. Лакейская природа немецких профессоров нашла свое идеальное выражение в лице ученых господ из Берлина и Галле. Такого холопского образа мыслей устыдился бы даже русский крепостной. Благочестивый буддист, набожно проглатывающий экскременты своего далай-ламы, с изумлением выслушает весть о буддистах из Берлина и Галле; их проституирование перед королевской властью «божьей милостью» покажется ему баснословным. Он поверит в истинность этого, лишь когда ему покажут адресы профессоров Берлина и Галле к прусскому королю от 24 и 21 ноября с их собственноручными подписями.

«Была уничтожена свобода обсуждения, жизнь депутатов находилась под угрозой, попраны были достоинство Собрания, честь нации, и самые благонамеренные и справедливые предложения, имевшие целью прекращение этого господства террора, разбивались о сопротивление тех, кому он был нужен».

Прибегая к подобного рода наглой лжи и уверяя в своей прирожденной собачьей преданности, 80 берлинских профессоров — и в их число Хенгстенберг, Шёнлейн, Эренберг, Бёк, оба Гримма и др. — фабрикуют адрес королю, в котором эти ученые ослы выражают свое одобрение насильственным действиям министерства Бранденбурга.

Таково же содержание и адреса 19 профессоров из Галле, которые при этом так далеко заходят в своем комизме, что говорят о «важности своей профессии».

Суть обоих адресов — это неописуемое бешенство по поводу *отказа от уплаты налогов.* Оно и понятно! Исчезнут налоги — и обанкротится привилегированная ученость. Достаточно

малейшей угрозы кошельку этого алчного профессорского отродья, чтобы вся паука стала метать громы и молнии. Их монополия коренится в королевской власти «божьей милостью». Они пишут королю адресы с заверениями в своей преданности — это значит, что они по гроб жизни преданы своей собственной монополии. Если народ одержит окончательную победу, то, несмотря на всю «важность их научной профессии», эти господа сумеют быстро стать на сторону столь проклинаемого ими теперь народного суверенитета. Но народ крикнет им тогда: «Слишком поздно!» — и быстро положит конец всей мерзости привилегированной учености.

Написано 29 ноября 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 156, 30 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ГОСПОДИН РАУМЕР ЕЩЕ ЖИВ

Кёльн, 6 декабря. Недавно мы упоминали об адресах с выражением верноподданнических чувств, врученных королю профессорами Галле и Берлина. Сегодня мы можем сообщить, что г-н фон Раумер, имперский посол in partibus*, в данный момент дежурящий в передней у Бастида и Кавеньяка, полностью приобщился к профессорскому позору, заявив о своем присоединении к этим адресам. От имперского посла вроде г-на Раумера в сущности нельзя было ожидать чего-либо иного. Но его заявление, по-видимому, вызвано еще и другой причиной. Г-н Раумер уже много месяцев совершенно забыт в Германии. В своем стремлении каким-либо образом вынырнуть из этого забвения он жадно ухватился за случай, предоставленный ему его берлинскими коллегами-бонзами, и поспешил опубликовать наскоро состряпанное заявление. Это произведеньице Раумера помещено в последнем номере «Preusischer Staats-Anzeiger».

Написано в декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 162, 7 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — в чужих краях. *Ред.*

* ВТОРАЯ СТАДИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Кёльн, 6 декабря. Контрреволюция вступила в свою вторую стадию. Национальное собрание распущено. «Высочайшей милостью» без дальнейших околичностей возвещена октроированная конституция.

С лицемерной игры в «соглашение», которая началась в мае, упал теперь последний фиговый листок.

Мартовская революция объявлена не существовавшей, и королевская власть «божьей милостью» празднует свою победу.

Камарилья, юнкерство, бюрократия и вся реакция в мундире и без оного ликуют по случаю того, что глупый народ, наконец, снова загнан в стойло «христианско-германского» государства.

Написано К. Марксом 6 декабря 1848 г.

Напечатано в экстренном выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 162, 7 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ

Берн, 6 декабря. Кто в этот период европейских бурь интересуется Швейцарией? Пожалуй, никто, кроме имперской власти, которой за каждым кустом на левом берегу Рейна, от Констанца до Базеля, чудится притаившийся в засаде волонтер. Тем не менее Швейцария — важный для нас сосед. Сегодня конституционная Бельгия является официальным образцовым государством[92], но кто в переживаемое нами бурное время поручится за то, что завтра таким официальным образцовым государством не станет Швейцария? Я уже и теперь знаю немало суровых республиканцев, только и мечтающих о том, чтобы перенести с того берега Рейна швейцарский политический строй с большими и малыми федеральными, национальными советами, советами кантонов и т. д., т. е. превратить Германию в Швейцарию большого формата, а затем благочестиво и благопристойно вести мирную и спокойную жизнь в качестве члена Большого совета или ландаммана кантона Баден, Гессен или Нассау.

Итак, Швейцария во всяком случае должна интересовать нас, немцев, и то, что думают, говорят и делают швейцарцы, нам могут в ближайшее время преподнести в качестве образца. Поэтому нам вовсе не мешает уже заранее в известной мере ознакомиться с тем, какие нравы и каких людей породили двадцать два кантона Швейцарского союза в своей федеративной республике.

Естественно, что мы должны прежде всего познакомиться со сливками швейцарского общества, т. е. с теми людьми, которых сам швейцарский народ избрал своими представителями;

я разумею Национальный совет, заседающий в ратуше города Берна.

Всякого, кто находится на трибуне Национального совета, поражает разнообразие лиц, посланных швейцарским народом в Берн для обсуждения общих для всего народа вопросов. Человек, который уже раньше не повидал значительную часть Швейцарии, едва ли поймет, каким образом в маленькой стране с территорией в несколько сот квадратных миль и с населением менее двух с половиной миллионов человек может существовать такое пестрое собрание. Но в этом нет ничего удивительного; Швейцария — страна, в которой говорят на четырех различных языках: немецком, французском, итальянском (или, вернее, ломбардском) и романском, страна, в которой существуют бок о бок различные ступени культуры — от самой передовой машинной промышленности до самого настоящего пастушеского быта. Швейцарский Национальный совет объединяет сливки всех этих национальностей и ступеней культуры и поэтому совсем не выглядит национальным.

В этом полупатриархальном собрании не может быть и речи об определенных местах, об обособившихся партиях. Радикалы сделали слабую попытку занять крайние левые места, но это им, видимо, не удалось. Каждый садится там, где ему заблагорассудится, и зачастую меняет свое место три-четыре раза в течение одного заседания. Однако большинство членов имеют свои излюбленные места, которые они обычно и занимают, и таким образом собрание все же делится на две части, довольно резко отличающиеся друг от друга. Три передних полукруглых скамьи занимают люди с резко выраженными чертами лица, большей частью с бородой, тщательно причесанные, в костюмах, сшитых по парижской моде; здесь сидят представители французской и итальянской Швейцарии, или «романцы», как их здесь называют; на этих скамьях говорят почти исключительно по-французски. Но позади романцев сидит до странности пестрое общество. Правда, там не видно крестьян в швейцарских национальных костюмах, наоборот, это люди, на одежде которых лежит известный отпечаток цивилизации; иногда встречается даже более или менее модный фрак, у его обладателя в большинстве случаев благопристойное лицо; затем с полдюжины швейцарских офицеров в штатском, очень похожих друг на друга; они имеют скорее торжественный, нежели воинственный вид, лица и одежда их несколько старомодны и вообще они в какой-то степени напоминают Аякса из «Троила и Крессиды»[93]; наконец, основная масса, состоящая из не поддающихся описанию лиц и костюмов, в большей или меньшей степени

пожилых и старомодных господ; они совершенно непохожи друг на друга, каждый характерен в своем роде и в большинстве своем они так и просятся на карикатуру. Тут представлены все разновидности мелкого буржуа, campagnard endimanché* и кантональной олигархии; но все они одинаково почтенны, все до ужаса серьезны, все в одинаковых тяжелых серебряных очках. Это — представители немецкой Швейцарии, основная масса собрания, посланная более мелкими кантонами и отдаленными округами крупных кантонов.

Председательское кресло в этом собрании занимает известный доктор Роберт Штейгер из Люцерна, несколько лет тому назад приговоренный к смертной казни при правительстве Зигварта-Мюллера, теперь — председатель швейцарского Федерального собрания. Штейгер — человек невысокого роста, приземистый, с характерными чертами лица, которые производят приятное впечатление на фоне седых волос и темных усов, несмотря на неизбежные серебряные очки. Он выполняет свои обязанности с большим спокойствием и, пожалуй, с несколько излишней сдержанностью.

Каковы люди, такова и дискуссия. Одни только «романцы», да и то не все, говорят вполне культурным языком, соблюдая риторические формы. Бернцы, которые из всех жителей немецкой Швейцарии больше всего заимствовали романские нравы, ближе всего подходят к ним. У них можно еще заметить некоторый темперамент. Цюрихцы, эти сыны швейцарских Афин, говорят с солидностью и внушительностью, составляющими нечто среднее между языком профессора и цехового мастера, но всегда «интеллигентно»! Офицеры говорят с торжественной медлительностью, не особенно умело и содержательно, но зато так решительно, как будто за ними стоит их батальон в полной боевой готовности. Наконец, основная масса этого собрания выставляет ораторов более или менее благомыслящих, осторожных, тщательно взвешивающих все доводы и все же в конце концов всегда отстаивающих свои кантональные интересы; почти все они говорят очень нескладно, часто руководствуясь своими собственными грамматическими правилами. Когда дело касается обсуждения расходов, то инициатива большей частью исходит от них, в особенности от представителей старых кантонов. Кантон Ури уже приобрел в этом отношении вполне заслуженную репутацию в обоих советах.

Дискуссия поэтому в общем бледна, спокойна, посредственна. В Национальном совете очень мало талантливых ораторов,

* — по-воскресному разодетого крестьянина. *Ред.*

которые могли бы иметь успех и в более крупном собрании; я знаю только двух таких — Лувини и Дюфура, и, пожалуй, еще Эйтеля. Правда, я еще не слышал некоторых депутатов, пользующихся большим влиянием; но ни их успехи в собрании, ни газетные отчеты об их речах не дают основания ожидать многого. Только Нёйхаус, говорят, блестящий оратор. Впрочем, как могут развиться ораторские способности в собраниях, представляющих в лучшем случае несколько сот тысяч человек и вынужденных заниматься самыми ничтожными местными вопросами! Блаженной памяти Союзный сейм был скорее дипломатическим, нежели законодательным собранием; на его примере можно было учиться тому, как давать запутанные инструкции и находить выход из положения, но не тому, как увлечь и повести за собой собрание. Речи депутатов Национального совета ограничиваются поэтому в большинстве случаев мотивированным голосованием, причем каждый оратор излагает сущность дела, заставляющую его голосовать за или против, и поэтому без всякого смущения повторяет то, что до тошноты повторялось уже предыдущими ораторами. Особенно речи представителей большинства отличаются такой патриархальной непосредственностью. И раз уж кто-нибудь из этих господ получил слово, он, разумеется, пользуется случаем, чтобы поболтать и высказать свое мнение также и по поводу всех инцидентов, имевших место в течение дискуссии, хотя с ними давно уже покончено. Среди этой непринужденной болтовни простаков несколько главных ораторов с трудом пытаются удержать нить прений, и после окончания заседания признаешься, что едва ли слыхивал что-нибудь более скучное. Мещанство, придающее некоторую оригинальность physique[*] собрания, так как оно редко встречается в столь классической форме, au moral[**] так же плоско и скучно здесь, как и повсюду: мало темперамента, а об остроумии не может быть и речи. Один только Лувини говорит с захватывающей, страстной силой; Дюфур — единственный, импонирующий чисто французской ясностью и точностью речи. Фрей от кантона Базель являет образец юмористического стиля, к которому иногда довольно успешно прибегает и полковник Бернольд. Жителям французской Швейцарии совершенно несвойственно остроумие французов. С тех пор, как существуют Альпы и Юра, на их склонах не было изобретено ни одного сколько-нибудь сносного каламбура, не было подано ни одной быстрой и меткой реплики.

[*] — внешнему виду. *Ред.*
[**] — в духовном отношении. *Ред.*

Житель французской Швейцарии не только serieux*, он grave**.

Прения, которые я хочу описать здесь подробнее, касаются тессинского инцидента и итальянских эмигрантов в Тессине. Обстоятельства этого дела известны: так называемые происки итальянских эмигрантов в Тессине дали повод к нежелательным мерам со стороны Радецкого; главный кантон Берн послал в Тессин комиссаров Федерального правительства, облеченных широкими полномочиями, а также бригаду солдат; восстании в Вельтлине*** и в Валле Интельви побудило некоторых эмигрантов вернуться в Ломбардию, что им и удалось сделать, несмотря на бдительность швейцарской пограничной стражи; они перешли границу, впрочем, без оружия, приняли участие в восстании и после поражения инсургентов, опять-таки без оружия, вернулись из Валле Интельви на территорию Тессина. откуда были высланы тессинским правительством. В это время Радецкий усилил свои репрессии в пограничной полосе и удвоил свой нажим на комиссаров Федерального правительства.

Эти последние потребовали высылки всех без исключения эмигрантов; тессинское правительство отказалось это сделать; главный кантон подтвердил распоряжения комиссаров; тессинское правительство апеллировало к собравшемуся в это время Федеральному собранию. Национальный совет должен был обсудить эту апелляцию и приведенные обеими сторонами фактические данные, касавшиеся главным образом поведения тессинцев по отношению к комиссарам и швейцарским войскам.

Большинство назначенной по этому вопросу комиссии предложило выслать из Тессина *всех* итальянских эмигрантов, интернировать их во внутренней Швейцарии, запретить въезд новых эмигрантов в Тессин и вообще подтвердить и продлить распоряжения главного кантона. Докладчиком комиссии был г-н Казимир Пфиффер из Люцерна. Но пока я пробирался на места для публики сквозь густые ряды слушателей, г-н Пфиффер успел закончить свой довольно сухой доклад, и слово получил г-н Пьода.

Г-н Пьода, государственный секретарь в Тессине, представляющий в единственном числе меньшинство комиссии, вносит предложение о высылке только тех эмигрантов, которые принимали участие в последнем восстании и по отношению к которым, следовательно, имеется определенное основание для принятия мор. Г-н Пьода, майор и командир батальона во время

* — серьезен. *Ред.*
** — суров. *Ред.*
*** Итальянское название: Вальтеллина. *Ред.*

войны против Зондербунда[94], несмотря на свой мягкий облик блондина, проявил тогда при Айроло большое мужество и удерживал в течение недели свои позиции против более многочисленного, лучше обученного и лучше вооруженного корпуса противника, занимавшего к тому же более выгодные позиции. Речь Пьода отличается такой же мягкостью и эмоциональностью, как и его внешность. Так как он в [совершенстве владеет французским языком н говорит без всякого акцента, я принял его сначала за жителя французской Швейцарии и был весьма удивлен, когда узнал, что он итальянец. Однако когда он перешел к упрекам, направленным по адресу тессинцев, когда он в противовес этим упрекам нарисовал картину поведения швейцарских войск, которые вели себя в Тессине почти как во вражеской стране, когда он начал горячиться, он проявил если не страстность, то все же живое, чисто итальянское красноречие, прибегая то к античным формам, то к своеобразному современному, иногда преувеличенному ораторскому пафосу. К чести его надо признать, что в этом отношении он сумел соблюсти меру, и эти места его речи были очень эффектны. Но в целом все его выступление было слишком длинно и слишком эмоционально. Жители немецкой Швейцарии обладают aes triplex[*] Горация, и все красивые сентенции, все благородные чувства доброго Пьода отскочили от их широкой и твердой груди, не произведя никакого впечатления.

После него на трибуну поднялся г-н доктор Альфред Эшер из Цюриха. A la bonne heure[**] — это именно такой человек, comme il en faut pour la Suisse[***]! Г-н доктор Эшер — комиссар Федерального правительства в Тессине, вице-председатель Национального совета, если не ошибаюсь, сын известного механика, инженера Эшера, проложившего Линтский канал и построившего огромный машиностроительный завод близ Цюриха. Г-н доктор Эшер является не столько цюрихцем, сколько «швейцарским афинянином». Его фрак и жилет изготовлены лучшим marchand tailleur[****] Цюриха; чувствуется похвальное и порой небезуспешное стремление следовать требованиям парижских модных журналов; но все-таки ощущается также влияние исконной местной ограниченности, заставляющей закройщика следовать привычным здешним образцам. Какова одежда, таков и человек. Светлые волосы подстрижены очень тщательно, но в ужасающе мещанском вкусе, так же как

[*] — тройной медной броней (Гораций, «Оды»). *Ред.*
[**] — В добрый час. *Ред.*
[***] — какой нужен Швейцарии. *Ред.*
[****] — портным. *Ред.*

и борода, ибо наш швейцарский Алкивиад носит, конечно, бороду — каприз цюрихца из «хорошей семьи», сильно напоминающий Алкивиада первого. Когда г-н доктор Эшер, заменяя на несколько минут Штейгера, занимает председательское кресло, он проделывает этот маневр со смешанным оттенком достоинства и элегантного безразличия, в чем ему мог бы позавидовать г-н Марраст. Чувствуется, что он старается использовать эти несколько минут, чтобы в мягком кресле дать отдых своей спине, уставшей от сидения на жесткой скамье. Словом, г-н Эшер настолько элегантен, насколько это вообще возможно в швейцарских Афинах; к тому же он богат, красив, крепкого телосложения и не старше 33 лет. — Бернским дамам грозит опасность в лице этого цюрихского Алкивиада.

Г-н Эшер, кроме того, очень бегло и хорошо говорит по-немецки, насколько это вообще доступно уроженцу швейцарских Афин; он изрекает аттические идиомы с дорическим акцентом, по без грамматических ошибок, на что способен далеко не всякий депутат Национального совета от немецкой Швейцарии; говорит он с ужасающей торжественностью, как и все швейцарцы. Если бы г-ну Эшеру было 70 лет, то он не мог бы выражаться более торжественно, нежели в своей речи два дня тому назад, а между тем он один из самых молодых депутатов этого собрания. Кроме того, он обладает еще одним не свойственным швейцарцам качеством. Каждый житель немецкой Швейцарии имеет для всех своих речей, при всех обстоятельствах, в течение всей своей жизни только один жест. Г-н доктор Керн, например, протягивает правую руку в сторону, подняв ее под прямым углом; точно такой же жест и у офицеров, с той лишь разницей, что они держат руку прямо перед собой, не протягивая ее в сторону; г-н Таннер из Аарау после каждого третьего слова отвешивает поклон; г-н Фуррер делает такие же поклоны то прямо, то в пол-оборота направо и налево; словом, если собрать всех депутатов Национального совета, говорящих на немецком языке, то получится довольно полный телеграфный код. Жест г-на Эшера состоит в том, что он протягивает руку прямо перед собой и проделывает ею движение, в точности напоминающее движение рычага насоса.

Что касается содержания речи г-на доктора Эшера, то мне нет необходимости вновь перечислять вслед за ним жалобы комиссаров, тем более, что почти все эти жалобы были перепечатаны большинством немецких газет из «Neue Zurcher-Zeitung». Нового в этой речи не было абсолютно ничего.

Цюрихскую торжественность сменила итальянская страстность: после г-на доктора Эшера — полковник Лувини.

Лувини— превосходный солдат, которому кантон Тессин обязан всей своей военной организацией, он руководил военными действиями во время революции 1840 года; в августе 1841 г., благодаря своей находчивости и энергии, он в течение одного дня подавил попытку свергнутых олигархов и попов напасть со стороны Пьемонта и произвести контрреволюционный переворот. Во время войны с Зондербундом он лишь потому был единственным, попавшим в плен, что его покинули бюнденцы. Лувини быстро вскочил с места, чтобы защитить своих соотечественников от нападок Эшера. Хотя упреки г-на Эшера и были сделаны напыщенным, но внешне спокойным тоном школьного учителя, они отнюдь не были лишены язвительности; напротив, всякому известно, что доктринерская премудрость сама по себе уже достаточно невыносима и оскорбительна.

Лувини возражал со всей страстностью старого солдата и тессинца, который является швейцарцем в силу случайности, а итальянцем — по натуре. Разве здесь не ставят прямо в упрек тессинцам то, что они «симпатизируют итальянской свободе»? Да, это верно, тессинцы симпатизируют Италии, и я горжусь этим и не перестану денно и нощно молить бога об освобождений этой страны от ее угнетателей. Да, вопреки тому, что говорил г-н Эшер, тессинцы спокойный и мирный народ; но если им ежедневно и ежечасно приходится наблюдать, как швейцарские солдаты братаются с австрийцами, с полицейскими отрядами человека, имя которого я никогда не могу произнести без глубочайшей душевной горечи, с наемниками Радецкого, — как же могут они сохранять спокойствие, они, на чьих глазах, так сказать, хорваты творят самые отвратительные жестокости? Да, тессинцы спокойный и мирный народ, но когда к ним посылают швейцарских солдат, которые становятся на сторону Австрии, которые иногда сами ведут себя подобно хорватам, тогда они, конечно, не могут оставаться спокойными и мирными! (Затем следует перечисление фактов, характеризующих поведение швейцарских войск в Тессине.) Достаточно уж тяжело и грустно находиться под ярмом и в рабстве у чужестранцев, но это терпишь в надежде, что наступит день, когда удастся изгнать чужестранцев; но когда твои же братья и союзники тебя порабощают, когда, так сказать, набрасывают тебе петлю на шею, это поистине...

Звонок председателя прервал оратора. Лувини призвали к порядку. Он произнес еще несколько фраз и довольно раздраженно и резко закончил свою речь.

После пылкого Лувини на трибуну поднимается полковник Михель из Граубюндеиа. Бюнденцы, за исключением говоря-

щих по-итальянски жителей Мизокса*, издавна недружелюбно относились к своим соседям-тессинцам, и г-н Михель остался верен этим традициям своей родины. Говоря в высшей степени торжественно-добродетельным тоном, он попытался бросить тень на заявления тессинца, разразился целым потоком неуместных оскорблений и клеветы по адресу народных масс Тессина и даже проявил полное отсутствие такта и благородства, упрекнув тессинцев в том, что они (совершенно справедливо) возлагают на соотечественников Михеля — бюнденцев вину за свое поражение при Айроло. Он закончил свою речь любезным предложением возложить на тессинское правительство часть пограничных расходов.

На этом, по предложению Штейгера, дебаты были прерваны.

На следующее утро первым получил слово г-н полковник Берг из Цюриха. Г-н полковник Берг — я не стану описывать его внешность, ибо, как я уже отметил выше, все офицеры в немецкой Швейцарии похожи друг на друга, — г-н Берг является командиром расположенного в Тессине цюрихского батальона, наглое поведение которого Лувини иллюстрировал множеством примеров. Г-н Берг, естественно, должен был взять под защиту свой батальон, но так как он вскоре исчерпал собранные для этой цели факты и доводы, то он перешел к чрезвычайно резким личным выпадам против Лувини.

«Лувини», —сказал он, — «должен был бы постыдиться говорить здесь о воинской дисциплине и тем самым ставить под сомнение дисциплину одного из лучших и самых крепких батальонов. Ибо если бы со мной произошло то, что произошло с г-ном Лувини, то я бы давно уже подал в отставку. С г-ном Лувини произошло то, что в войне против Зондербунда он был разбит со своей армией, превосходящей неприятеля по численности, и, получив приказ о наступлении, ответил, что это, мол, невозможно, так как его войска деморализованы и т. д. Впрочем, я намерен поговорить по этому поводу с г-ном Лувини не здесь, а в другом месте; я люблю смотреть своему противнику прямо в лицо».

Все эти и множество других провокационных заявлений и оскорблений произносились г-ном Бергом то тоном, исполненным достоинства, то с раздражением. Он, очевидно, хотел подражать страстной риторике Лувини, но потерпел полное фиаско.

Так как история в Айроло уже дважды упоминалась в моей корреспонденции и теперь вновь всплывает на свет, то я хочу вкратце напомнить о главных обстоятельствах этого дела. План Дюфура в войне с Зондербундом состоял в следующем: в то время как главная армия наступала на Фрейбург и Люцерн, тессинцы

* Итальянское название: Мезокко. *Ред.*

должны были проникнуть через Сен-Готард, а бюнденцы через Обераль в Урзернскую долину, освободить и вооружить тамошнее свободолюбивое население, отрезать с помощью этой диверсии Валлис от старых кантонов и разделить главную люцернскую армию Зондербунда на две части. Этот план не удался, во-первых, вследствие занятия Сен-Готарда урийцами и валлисцами еще до начала военных действий, а во-вторых, вследствие медлительности бюнденцев. Бюнденцы совершенно не мобилизовали католического ополчения, а мобилизованные части поддались влиянию католического населения и на собрании в Верховном суде в Дисентисе отказались продолжать наступление. Тессин был таким образом предоставлен самому себе, и если вспомнить, что военная организация этого кантона была еще очень молода и что вся тессинская армия насчитывала всего около 3 тысяч человек, то становится понятной слабость Тессина по сравнению с Зондербундом. Кантоны Ури, Валлис и Унтервальден тем временем получили подкрепление в 2000 человек с артиллерией и прорвались 17 ноября 1847 г. со всеми своими силами через Сен-Готард в Тессин. Тессинские войска были расположены эшелонами от Беллинцоны до Айроло вдоль Левентинской долины; их резервы находились в Лугано. Войска Зондербунда, скрытые густым туманом, заняли все высоты вокруг Айроло, а когда туман рассеялся, Лувини увидел, что его позиция потеряна без единого выстрела. Он, однако, приготовился отразить атаку, и после многочасового сражения, в котором тессинцы дрались с величайшим мужеством, его войска были опрокинуты превосходившим его по численности противником. Вначале отступление прикрывалось некоторыми воинскими частями, однако окруженные с флангов и обстрелянные с высот артиллерией тессинские рекруты скоро обратились в беспорядочное бегство, которое удалось приостановить лишь за Моэзой, в восьми часах от Айроло. Кто знает Сен-Готардскую дорогу, тому должно быть ясно, какие огромные преимущества имеет наступающая с гор армия, в особенности если у нее имеется артиллерия, и понятно, что отступающая с гор армия не может задержаться в каком-нибудь месте и развернуть свои силы в узкой долине. К тому же тессинцы, действительно принимавшие участие в этом сражении, отнюдь не превышали по численности войска Зондербунда, а наоборот. В этом поражении, не имевшем, впрочем, дальнейших последствий, был виноват, следовательно, не Лувини, а во-первых, его немногочисленные и необученные войска, во-вторых, неблагоприятные условия местности, в-третьих и главным образом, не явившиеся вовремя бюнденцы, которые спокойно распивали вельтлинское вино в Дисентисе,

вместо того, чтобы находиться в Оберальпе, и, наконец, post festum* послали два батальона через Сен-Бернар на помощь тессинцам. И эту победу Зондербунда в единственном месте, где численное превосходство было на его стороне, ставят в упрек тессинцам те, которые позорно покинули их в решающий момент, или те, которые завоевали себе дешевые лавры в сражениях при Фрейбурге и Люцерне, где они сражались трое против одного!

Как вы знаете, следствием этих выпадов Берга против Лувини была дуэль, в которой романец основательно разделался с цюрихцем.

Однако вернемся к прениям. Г-н доктор Керн от Тургау поднялся на трибуну, чтобы поддержать предложение большинства. Г-н Керн — типичный швейцарец, высокий, широкоплечий, с приятным выразительным лицом и несколько театральной прической — таким добропорядочный швейцарец должен представлять себе олимпийского Юпитера; одеждой он несколько напоминает ученого, в его взгляде, тоне и манерах — непоколебимая решительность. Г-н Керн считается одним из самых дельных и проницательных юристов Швейцарии. «Со свойственной ему логикой» и высокопарной торжественностью председатель Федерального суда начал подробно излагать свою точку зрения по тессинскому вопросу; но скоро он до такой степени мне наскучил, что я предпочел отправиться в «Кафе Итальен» и выпить стакан валлисского вина.

Когда я вернулся, после Керна уже успели выступить Альмерас из Женевы, Хомбергер, Бланшне из Ваадта** и Кастольди из Женевы — более или менее крупные местные фигуры, слава которых в Швейцарии только еще зарождается. На трибуне стоял Эйтель из Ваадта.

Г-н Эйтель может считаться в Швейцарии, где рост людей настолько же больше обычного, как и размеры рогатого скота, человеком небольшого роста, хотя во Франции его считали бы jeune homme fort robuste***. У него красивое, тонкое лицо, светлые усы и светлые вьющиеся волосы; как и все жители кантона Ваадт, он гораздо больше напоминает француза, нежели другие жители романской Швейцарии. Мне нет надобности добавлять, что он является одним из самых видных представителей ультра-радикального, красно-республиканского направления в кантоне Ваадт. К тому же он еще молод — безусловно не старше Эшера. Г-н Эйтель с большой резкостью выступил против комиссаров Федерального правительства:

* — буквально: после праздника, т. е. с запозданием. *Ред.*
** Французское название: Во. *Ред.*
*** — весьма рослым молодым человеком. *Ред.*

«Они вели себя в Тессине так, как будто Тессин не суверенное государство, а провинция, которой они управляют в качестве проконсулов; поистине, если бы эти господа вели себя подобным образом во французском кантоне, их бы живо попросили убраться оттуда! А эти господа, вместо того, чтобы благодарить бога за то, что тессинцы так спокойно переносят их замашки завоевателей и их фантазии, жалуются еще на плохой прием!»

Г-н Эйтель говорит очень хорошо, но несколько многословно. Ему, как и всем французским швейцарцам, не хватает остроумия.

Старый Штейгер тоже произнес несколько слов со своего председательского кресла в пользу предложения большинства, а затем на трибуну вторично поднялся наш Алкивиад-Эшер, чтобы снова повторить то, что он уже сказал раньше. На этот раз, впрочем, он попытался прибегнуть к риторическому приему, в котором, однако, за три версты можно было заметить школьную выучку:

«Либо мы нейтральны, либо мы не нейтральны, но и в том и в другом случае мы должны быть последовательными до конца; а старая швейцарская верность требует от нас, чтобы мы сдержали свое слово, даже если бы оно было дано деспоту».

Из этой новой и убедительной мысли неутомимая рука г-на Эшера подобно насосу выкачала целый поток торжественной декламации; покончив с этим, Алкивиад, явно довольный собой, вернулся на свое место.

Поднявшийся затем на трибуну г-н Таннер из Аарау, председатель Верховного суда, худощавый человек среднего роста, говорил очень громко о самых неинтересных вещах. Его речь по существу была не чем иным, как стократным повторением одной и той же грамматической ошибки.

Его сменил г-н Морис Барман из французского Валлиса. Глядя на него, никто не поверит, что он в 1844 г. так храбро дрался у Пон-де-Триента, когда верхне-валлисцы во главе с Кальберматтеном, Ридматтеном и прочими маттенами* совершили в этом кантоне контрреволюционный переворот. У г-на Бармана спокойно-мещанская, но отнюдь не неприятная внешность; он говорит степенно и несколько отрывисто. Он возражал против личных выпадов Берга по адресу Лувини и высказался за предложение Пьода.

Г-н Баттальини из Тессина, несколько мещанского вида человек, которого злоязычный наблюдатель сравнил бы с доктором Бартоло из «Фигаро»[95], зачитал по-французски в за-

* Игра слов: «Matten» — составная часть упомянутых в тексте фамилий, а татже «альпийские луга». *Ред.*

щиту своего кантона длинное рассуждение о нейтралитете, которое содержало совершенно правильные принципы, по было выслушано без особого внимания.

Вдруг разговоры и беготня в собрании прекратились. Наступила торжественная тишина, и взоры всех присутствующих обратились к безбородому, лысому старику с большим орлиным носом, начавшему свою речь на французском языке. Этот маленький старик, который своим простым черным костюмом и всем своим вполне штатским видом больше всего напоминал ученого и обращал на себя внимание лишь своим выразительным лицом и живым, проницательным взором, был не кто иной как генерал *Дюфур,* тот самый Дюфур, чья дальновидная стратегия почти без кровопролития эадушила Зондербунд. Как он не похож на немецко-швейцарских офицеров этого собрания! Все эти Михели, Циглеры, Берги и т. д., эти простоватые рубаки, эти педантичные солдафоны производят рядом с маленьким невзрачным Дюфуром чрезвычайно своеобразное впечатление; сразу видно, что Дюфур — человек, который направлял все военные действия против Зондербунда, а эти Аяксы, проникнутые сознанием собственного достоинства, были лишь простыми орудиями — исполнителями его решений. Поистине, Союзный сейм сделал правильный выбор и нашел нужного человека.

Но подлинное изумление испытываешь лишь тогда, когда слушаешь речь Дюфура. Этот старый офицер инженерных войск, который в течение всей своей жизни занимался лишь организацией артиллерийских училищ, составлением регламентов и инспектированием батарей, который никогда не вмешивался в парламентские дебаты, никогда не выступал публично, говорит с поразительной уверенностью, легкостью, изяществом, точностью и ясностью и не имеет себе равных в швейцарском Национальном совете. Эта maiden-speech[*] Дюфура по тессинскому вопросу по своей форме и содержанию произвела бы огромнейшее впечатление во французской палате; она во всех отношениях значительно превосходит трехчасовую речь Кавеньяка[**], принесшую ему славу первого парижского адвоката, — насколько можно судить по тексту этой речи, опубликованному в «Moniteur». Что же касается красоты языка, то она вдвойне заслуживает восхищения, когда это касается женевца. Национальный язык Женевы — это кальвинистски реформированный французский язык с его протяжным, грубым

[*] — первая парламентская речь. *Ред.*
[**] — Годфруа Кавеньяка. *Ред.*

произношением, бедный, монотонный, бесцветный. Но Дюфур говорил не на языке женевцев, а на настоящем, чистейшем французском языке. К тому же его взгляды были так по-солдатски благородны, в *лучшем* смысле этого слова, что по сравнению с ними еще ярче выступала профессиональная зависть, соперничество и мелочная кантональная ограниченность немецко-швейцарских офицеров.

«Меня весьма радует, что у всех на устах слово нейтралитет», —сказал Дюфур. — «Но в чем состоит нейтралитет? Он состоит в том, что мы не предпринимаем или не позволяем предпринимать ничего такого, что могло бы угрожать мирным отношениям между Швейцарией и ее соседями. Не меньше, но и не больше. Следовательно, мы имеем право предоставлять убежище эмигрантам, и этим правом мы гордимся. Мы считаем это своим долгом по отношению к тем, кого постигло несчастье, однако лишь при одном условии: чтобы эмигранты подчинялись нашим законам, чтобы они не предпринимали ничего такого, что могло бы угрожать нашей внутренней и внешней безопасности. Я вполне понимаю, что изгнанный тиранией патриот стремится и на пашей территории бороться за свободу своей родины. Я не хочу упрекать его в этом, но и нам в таком случае следует подумать, как поступить. Поэтому, если эмигрант берется за перо или за винтоввку и направляет их против соседнего правительства, то мы его за это не вышлем, что было бы несправедливо, а удалим от границы, интернируем его. Это диктуется соображениями нашей собственной безопасности и уважением к соседним государствам; не меньше, но и не *больше.* Если же мы выступаем не только против волонтера, проникшего на чужую территорию, но и против брата, отца этого волонтера, против того, кто ведет себя спокойно, то мы делаем больше того, что мы обязаны делать, мы уже не нейтральны, мы становимся на сторону чужого правительства, на сторону деспотизма против его жертв. («Браво» на всех скамьях.) И именно теперь, когда Радецкий, человек, которому вряд ли симпатизирует кто-либо из присутствующих в этом собрании, когда этот человек требует от нас такого несправедливого удаления из пограничной полосы *всех* эмигрантов, когда он подкрепляет свои требования угрозами, даже враждебными мероприятиями, именно теперь нам меньше всего подобает выполнять несправедливое требование более сильного противника, так как может создаться впечатление, что мы уступаем превосходящей силе, что мы приняли это решение, потому что этого потребовал более сильный противник. (Браво.)»

К сожалению, я не могу дать более подробного и более точного изложения этой речи. Здесь нет стенографов, и мне приходится писать по памяти. Достаточно сказать, что Дюфур поразил все собрание как своим ораторским талантом и простотой своего выступления, так и приведенными им вескими аргументами; затем, заявив, что он поддерживает предложение Пьода, он вернулся под общие аплодисменты на свое место. Мне никогда не приходилось слышать аплодисментов во время дискуссии в Национальном совете. Это решило дело; после выступления Дюфура говорить было больше не о чем, и предложение Пьода было принято.

Однако это не устраивало задетых за живое рыцарей мелких кантонов, и на предложение прекратить прения они 48-ю голосами высказались за их продолжение. За прекращение прений голосовало только 42 человека, следовательно дискуссия была продолжена. Г-н Вейон из Ваадта предложил передать все это дело на решение Федерального совета. Г-н Питте из Ваадта, красивый мужчина, типичный француз, выступил за предложение Пьода, говорил гладко, но многословно и в доктринерском тоне, и прения, казалось, начали угасать, когда, наконец, на трибуне появился президент Союза г-н Фуррер.

Г-н Фуррер — человек в расцвете лет, который может служить дополнением к Алкивиаду-Эшеру. Если последний представляет швейцарские Афины, то г-н Фуррер представляет Цюрих. Если Эшер напоминает профессора, то Фуррер скорее напоминает цехового мастера. Вместе они дают полное представление о Цюрихе.

Г-н Фуррер, конечно, человек, придерживающийся безусловного нейтралитета, и поэтому, почувствовав после речи Дюфура серьезную угрозу своей системе, он должен был прибегнуть к самым крайним мерам, чтобы обеспечить себе большинство. Хотя г-н Фуррер всего три дня тому назад стал президентом Союза, тем не менее он доказал, что не хуже Дюшателя и Ганземана умеет сводить дебаты к вопросу о доверии правительству. Он заявил, что Федеральный совет с нетерпением ожидает постановления Национального совета, ибо это постановление будет иметь своим последствием решающий поворот во всей политике Швейцарии и т. д. Несколько разукрасив эту captatio benevolentiae[*], on постепенно перешел к изложению своей точки зрения и точки зрения большинства Федерального совета по этому вопросу, а именно, что политика нейтралитета должна оставаться незыблемой и что мнение большинства комиссии является также мнением большинства Федерального совета. Все это он произнес с таким торжественным достоинством и с такой настойчивостью, что вопрос о доверии правительству так и сквозил в каждом слове его речи. Здесь необходимо напомнить, что в Швейцарии исполнительная власть не является самостоятельной силой наряду с законодательной властью, как в конституционной монархии или но новой французской конституции; она является лишь выразительницей и орудием законодательной власти. Следует иметь в виду, что здесь вовсе не существует такого обычая, чтобы исполнительная власть подавала в отставку, если решение законодательного собрания

[*] — попытку завоевать благосклонность (риторический прием). *Ред.*

расходится с се намерениями; наоборот, она обычно самым послушным образом выполняет это решение и ждет лучших времен. А так как исполнительная власть также представляет собой выборный совет, в среде которого также существуют различные оттенки, то не имеет особенного значения, если меньшинство в исполнительном совете получает по некоторым вопросам большинство в законодательном совете. А тут, по меньшей мере, два члена Федерального совета, Дрюэ и Франсини, были за Пьода и против Фуррера; следовательно, эта апелляция Фуррера к собранию была с точки зрения швейцарских обычаев и взглядов совершенно непарламептарной. Но не все ли равно! Веский голос г-на президента Союза снова придал храбрости рыцарям мелких кантонов, и когда он вернулся на свое место, раздалось даже, впрочем, быстро затихшее «браво» и требование прекратить прения.

Однако старый Штейгер был настолько справедлив, что дал предварительно слово г-ну Пьода, как докладчику меньшинства. Пьода говорил с тем же спокойствием и корректностью, как и раньше. Он еще раз опроверг все обвинения, подведя краткий итог прениям. Он с большой теплотой защищал своего друга Лувини, которого его пылкое красноречив, может быть, увлекло несколько далеко, но который, и этого никогда не следует забывать, сохранил свой кантон для Швейцарии. В заключение он коснулся Айроло и высказал свое сожаление по поводу того, что это слово было здесь упомянуто, и притом упомянуто той стороной, от которой он меньше всего этого ожидал.

«Мы действительно потерпели поражение при Айроло», — сказал он. — «Но как это произошло? Мы были одни, на наш маленький, малонаселенный кантон набросились всеми силами старые кантоны и Валлис, которые, несмотря на наше храброе сопротивление, подавили нас. Мы действительно были разбиты. Но вам ли» (обращаясь к Михелю) «упрекать нас в этом? Вы, господа, вы виновны в том, что мы были разбиты; вы должны были быть в Оберальпе и ударить с фланга на войска Зондербунда, и именно вы не пришли туда, именно вы оставили нас на произвол судьбы, и поэтому мы были разбиты. Да, вы пришли, госиода, но тогда, когда было уже слишком поздно, когда все уже было кончено, — тогда, наконец, вы пришли!»

Полковник Михель вскочил разъяренный, красный как рак и заявил, что все это ложь и клевета. Призванный к порядку негодующими возгласами и звонком председателя, он продолжал более спокойно. Ему, мол, ничего не известно о том, что он должен был быть в Оберальпе. Он знает только, что, получив приказ, он первым пришел на помощь тессинцам.

Пьода отвечал ему так же спокойно, как и раньше: у него, мол, и в мыслях не было обвинить лично г-на Михеля; он гово-

рил лишь о граубюнденцах вообще, а то, что они должны были поддержать тессинцев со стороны Оберальпа — это ведь неопровержимый факт. Если г-ну Михелю это неизвестно, то это легко объясняется тем, что он в то время командовал только батальоном, и, следовательно, общие планы похода могли быть ему неизвестны.

Этой интермедией, которая повлекла за собой еще разного рода личные объяснения между этими господами вые стен собрания и завершилась, наконец, удовлетворившими обе стороны заявлениями, прения закончились. Голосование происходило поименно. Французы и четыре-пять немцев голосовали с тес-синцами, большинство немецких швейцарцев — против них; у Тессина было отнято право предоставления убежища, требования Радецкого были удовлетворены, был провозглашен нейтралитет любой ценой, и г-н Фуррер мог быть доволен собой и Национальным советом.

Таков швейцарский Национальный совет, где заседает цвет государственных мужей Швейцарии. Я нахожу, что от других законодателей они отличаются только одной добродетелью: большим *терпением.*

Написано Ф. Энгельсом 6 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 165 и во втором выпуске № 165, 10 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Кёльн, 7 декабря. Национальное собрание распущено. Представители народа разогнаны «божьей милостью».

К произведенному с такой наглостью государственному перевороту министерство в своей мотивировке этого акта насилия присовокупляет еще злейшую насмешку[96].

Национальное собрание пожинает теперь плоды своей длительной слабости и трусости. Оно дало возможность заговору против народа в течение ряда месяцев спокойно готовиться, усиливаться и окрепнуть — и теперь оно пало его первой жертвой.

Вместе с тем и народ искупает то, в чем он погрешил — из великодушия или, вернее, по глупости — в марте, затем в апреле и мае и, наконец, так называемым «пассивным сопротивлением». Теперь он получил урок, который, надо надеяться, послужит ему на пользу. Следующая его победа положит конец политике «соглашения» и всем прочим фразам и лицемерию.

Написано К. Марксом 7 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitug» № 163, 8 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

БУРЖУАЗИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

I

Кёльн, 9 декабря. Мы никогда не скрывали этого. Наша почва — не *почва законности,* а *революционная почва.* Теперь правительство, со своей стороны, отказалось от лицемерия законности. Оно стало на революционную почву, ибо и *контрреволюционная* почва является *революционной.*

В § 6 закона от 6 апреля 1848 г. сказано:

«Будущим представителям народа должно принадлежать во всяком случае право голоса при издании всех *законов,* равно как установление государственного бюджета и *право утверждения налогов».*

Параграф 13 закона от 8 апреля 1848 г. гласит:

«Созываемое на основе настоящего закона собрание призвано *установить* по соглашению с короной *будущую конституцию;* на время своего существования оно пользуется правами бывших государственных сословий, в частности — правом утверждения налогов».

Теперь правительство прогоняет согласительное собрание[97] к черту, самовольно диктует стране soi-disant[*] конституцию[98] и само утверждает себе налоги, в которых ему отказали народные представители.

Прусское правительство оглушительным ударом покончило с кампгаузениадой, представлявшей собой нечто вроде торжественной *Иобсиады законности [Rechts - Jobsiade]*[99]. Творец этой эпопеи, великий *Кампгаузен,* из мести продолжает спокойно оставаться во Франкфурте в качестве посла этого самого прусского правительства и интриговать с Бассерманами в интересах того же прусского правительства. Этот Кампгаузен, который изобрел теорию соглашения, чтобы спасти

[*] — так называемую. *Ред.*

почву законности, т. е. чтобы прежде всего мошенническим путем лишить революцию подобающего ей почета, одновременно изобрел и мины, которые должны были впоследствии взорвать на воздух почву законности вместе с теорией соглашения.

Этот человек ввел *косвенные* выборы, давшие такое собрание, которому правительство в момент его внезапного возмущения могло скапать грозным голосом: **Trop tard!**[*] Он призвал обратно принца Прусского, главаря контрреволюции, и не постеснялся при помощи официальной лжи превратить его бегство в путешествие с познавательной целью[100]. Он сохранил в силе старое прусское законодательство о политических преступлениях и старые суды. При нем старая бюрократия и старая армия выиграли время для того, чтобы оправиться от своего испуга и полностью перестроиться. Все главные деятели старого режима остались в неприкосновенности на своих местах. При Кампгаузене камарилья вела войну в Познани, в то время как сам он вел войну в Дании. Война с Данией должна была послужить громоотводом для «чрезмерного патриотического пыла»[101] немецкой молодежи, которая, сверх того, после своего возвращения подверглась надлежащему полицейскому воздействию; эта война должна была доставить известную популярность генералу Врангелю и его пресловутым гвардейским полкам и вообще реабилитировать прусскую военщину. Как только эта цель была достигнута, эта мнимая война должна была быть закончена любой ценой — путем позорного перемирия, которое тот же Кампгаузен согласовал с германским Национальным собранием во Франкфурте-на-Майне. Результатами войны с Данией были: назначение *«главнокомандующего в обеих Марках»*[102] и возвращение в Берлин изгнанных оттуда в марте гвардейских полков.

А война, которую потсдамская камарилья под покровительством Кампгаузена вела в *Познани!*

Война в Познани представляла собой нечто большее, чем войну против прусской революции. Это было падение Вены, поражение Италии, поражение июньских героев. Это была первая решительная победа русского царя над европейской революцией. И все это происходило под покровительством великого *Кампгаузена,* мыслящего друга истории[103], рыцаря больших дебатов, героя соглашательства.

При *Кампгаузене* и с его помощью контрреволюция овладела, таким образом, всеми решающими позициями; она обеспечила себе готовую к бою армию в то время, как собрание соглашателей занималось дебатами. При министре дела *Ганземане-Пинто*[104]

[*] — Слишком поздно! *Ред.*

старая полиция получила новую форму, и началась столь же ожесточенная, сколь и мелочная борьба буржуазии против народа. При *Бранденбурге* было сделано заключение из этих предпосылок. Для этого потребовалось только лишь одно — усы и сабля вместо головы.

Когда Кампгаузен ушел в отставку, мы сказали о нем:

«Он сеял реакцию в духе буржуазии, а пожнет ее в духе аристократии и абсолютизма»[105].

Мы не сомневаемся, что его превосходительство прусский посол *Кампгаузен* в настоящий момент причисляет себя самого к феодалам и что он спокойнейшим образом примирится с «недоразумением», которое с ним произошло.

Однако не надо питать иллюзий; не надо приписывать всемирно-исторической инициативы какому-то Кампгаузену, какому-то Ганземану, этим людям среднего калибра. Они были только рупорами класса. Их речи, их действия были только официальным эхом класса, выдвинувшего их на авансцену. Они представляли только крупную буржуазию — на авансцене.

Представители этого класса составляли *либеральную оппозицию* в мирно почившем *Соединенном ландтаге,* который на минуту был вновь пробужден к жизни Кампгаузеном[106].

Господам из этой либеральной оппозиции бросали упрек в том, что они изменили своим принципам после мартовской революции. Это заблуждение.

Крупные землевладельцы и капиталисты, которые одни только были представлены в Соединенном ландтаге, словом представители золотого мешка, разбогатели и стали более образованными. С одной стороны, с развитием буржуазного общества в Пруссии, т. е. с развитием промышленности, торговли и земледелия, старые сословные различия потеряли свою материальную основу.

Само дворянство в значительной мере обуржуазилось. Вместо верности, любви и веры оно стало торговать преимущественно свекловицей, водкой и шерстью. Главным местом турнира для пего стал рынок шерсти. С другой стороны, абсолютистское государство, у которого в ходе развития исчезла из-под ног старая общественная основа, превратилось в оковы для нового буржуазного общества с его изменившимся способом производства и изменившимися потребностями. Буржуазия должна была заявить притязание на участие в политической власти уже в силу своих материальных интересов. Только она сама была способна удовлетворять посредством законов свои торговые и промышленные потребности. Она должна была взять управление этими своими «священнейшими интересами» из рук изжившей себя, столь же невежественной, сколь и высокомерной бюрократии.

Она должна была потребовать права контроля над государственными финансами, созидателем которых она себя считала. Отняв у бюрократии монополию так называемой образованности и сознавая свое значительное превосходство над ней в действительном понимании потребностей буржуазного общества, она вознамерилась также добиться политического положения, соответствующего ее общественному положению. Для достижения своей цели она должна была получить возможность свободно обсуждать свои собственные интересы, воззрения, а также действия правительства. Это она называла *«правом свободы печати».* Она должна была получить возможность беспрепятственно *объединяться в союзы.* Это она называла *«правом свободы союзов».* Точно так же должна была она добиваться *свободы совести* и тому подобного как необходимого следствия *свободной конкуренции.* И прусская буржуазия накануне марта 1848 г. была на верном пути к осуществлению всех своих желаний.

Прусское государство испытывало финансовые затруднения. Его кредит иссяк. В этом заключался секрет созыва «Соединенного ландтага». Правда, правительство сопротивлялось своей судьбе, оно немилостиво распустило «Соединенный ландтаг», но нужда в деньгах и отсутствие кредита неизбежно привели бы его в конце концов в объятия буржуазии. Подобно феодальным баронам, короли божьей милостью издавна обменивали свои привилегии на звонкую монету. Освобождение крепостных представляло первый, конституционная монархия — второй великий акт этой исторической сделки во всех христианско-германских государствах. «L'argent n'a pas de maitre»[*], но maitres перестают быть maitres, как только они оказываются demonetises (лишенными денег).

Итак, либеральная оппозиция в «Соединенном ландтаге» представляла собой не что иное, как оппозицию буржуазии против формы правления, уже не соответствовавшей ее интересам и потребностям. Для того чтобы стать в оппозицию ко двору, она должна была искать расположения[**] народа.

Она, быть может, в самом деле воображала, что составляла оппозицию *в интересах* народа.

Естественно поэтому, что она могла добиваться от правительства прав и свобод *для себя* лишь под видом *прав* и *свобод для народа.*

Эта оппозиция, как уже было сказано, находилась на верном пути, когда разразилась *февральская буря.*

[*] — «Деньги не имеют хозяина». *Ред.*
[**] Игра слов: «Hof» — «двор», «den Hof machen» — «искать расположения». *Ред.*

II

Кёльн, 11 декабря. Когда пронесся мартовский потоп — потоп en miniature*, — на поверхности берлинской земли остались после него не какие-нибудь чудовища, не революционные колоссы, а существа старого типа, приземистые буржуазные фигуры — либералы «Соединенного ландтага», представители сознательной прусской буржуазии. Провинции, имевшие наиболее развитую буржуазию, *Рейнская провинция* и *Силезия,* поставили главный контингент для новых министерств. За ними — целый хвост рейнских юристов. По мере того как буржуазия оттеснялась на задний план феодалами, в министерствах Рейнская провинция и Силезия уступали место старопрусским провинциям. Министерство Бранденбурга связано еще с Рейнской провинцией только через одного эльберфельдского тори. *Ганземан* и *фон дер Хейдт!* Эти два имени воплощают для прусской буржуазии всю разницу между мартом и декабрем 1848 года!

Прусская буржуазия была брошена на вершины государственной власти, но не так, как она хотела, путем *мирной сделки с короной,* а благодаря *революции.* Не свои собственные интересы, а *интересы народа* должна была она защищать против короны, т. е. против *себя самой,* так как *народное движение* расчистило ей дорогу. По корона в ее глазах представляла только божественный покров, за которым должны были скрываться ее собственные земные интересы. Неприкосновенность *ее* собственных интересов и соответствующих им политических форм должна была означать в переводе на конституционный язык *неприкосновенность короны.* Отсюда мечты немецкой и особенно прусской буржуазии о *конституционной монархии.* Поэтому, хотя февральская революция вместо со своими

* — в миниатюре. *Ред.*

отголосками в Германии была выгодна для прусской буржуазии, так как отдала в ее руки кормило государственного корабля, вместе с тем она спутала ее расчеты, так как ее господство было связано теперь с такими условиями, которых она не хотела и не могла выполнять.

Буржуазия палец о палец не ударила. Она позволила народу сражаться за нее. Поэтому переданная ей власть представляла собой не власть полководца, победившего своего противника, а власть комитета безопасности, которому победоносный народ доверил охрану своих собственных интересов.

Кампгаузен еще чувствовал все неудобства такого положения, и вся слабость его министерства проистекает из этого чувства и обстоятельств, которыми оно было вызвано. Нечто вроде краски стыда окрашивает поэтому самые бесстыдные акты его правительства. Откровенное *бесстыдство* и *наглость* были привилегией *Ганземана.* Красноватый *оттенок* составляет единственную разницу между этими двумя художниками.

Не следует смешивать *мартовскую революцию в Пруссии* ни с *английской* революцией 1648 года, ни с *французской* 1789 года.

В 1648 году буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви.

В 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви.

Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию.

В обеих революциях буржуазия была тем классом, который *действительно* стоял во главе движения. *Пролетариат* и *не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения* либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 годах во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным *способом. Весь французский терроризм* был не чем иным, как *плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии,* с абсолютизмом, феодализмом и мещанством.

Революции 1648 и 1789 годов не были *английской* и *французской* революциями; это были революции *европейского* масштаба. Они представляли не победу *определенного* класса общества над *старым политическим строем;* они *провозглашали политический строй нового европейского общества.* Буржуазия победила в них; но *победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя,* победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями. Революция 1648 года представляла собой революцию семнадцатого века по отношению к шестнадцатому, революция 1789 года — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции.

Ничего подобного не было в прусской мартовской революции,

Февральская революция уничтожила конституционную монархию на деле и власть буржуазии в идее. Прусская мартовская революция должна была установить конституционную монархию в идее и власть буржуазии на деле. Далекая от того, чтобы стать европейской революцией, она представляла собой только жалкий отголосок европейской революции в отсталой стране. Вместо того чтобы опередить свой век, она отставала от него более чем на полстолетия. Она с самого начала была вторичным явлением, а ведь известно, что вторичные заболевания труднее поддаются лечению и вместе с тем больше разрушают организм, чем первоначальная болезнь. Дело шло не о создании нового общества, а о возрождении в Берлине общества, почившего в Париже. Прусская мартовская революция не была даже национальной, германской, она с самого начала была провинциально-прусской. Венское, кассельское, мюнхенское — всякого рода провинциальные восстания протекали рядом с ней и оспаривали у нее первенство.

В то время как революции 1648 и 1789 годов были преисполнены безграничным чувством гордости оттого, что они были венцом творения, берлинская революция 1848 года кичилась тем, что она представляла собой анахронизм. Ее свет

был подобен свету далеких звезд, который доходит до нас, жителей Земли, спустя 100000 лет после того, как погасло излучавшее его светило. Прусская мартовская революция представляла в миниатюре — она вообще все представляла в миниатюре — подобную звезду для Европы. Ее свет был светом, который излучало давно уже истлевшее общество.

Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она сама оказалась враждебно противостоящей пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату. Она увидела во враждебной позиции по отношению к себе не только класс *позади* себя, но и всю Европу *перед* собой. В отличие от французской буржуазии 1789 года прусская буржуазия не была тем классом, который выступает от имени *всего* современного общества против представителей старого общества, монархии и дворянства. Она опустилась до уровня какого-то *сословия,* обособленного как от короны, так и от народа, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама уже принадлежала к старому обществу; она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества; она стояла у руля революции не потому, что за ней стоял народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя; она находилась во главе не потому, что представляла инициативу повой общественной эпохи, а только потому, что выражала недовольство старой общественной эпохи; то был пласт старого государства, который сам не пробил себе дороги, по силой землетрясения был выброшен на поверхность нового государства; без веры в себя, без веры в народ, брюзжа против верхов, страшась низов, эгоистичная по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам; не доверяющая своим собственным лозунгам, с фразами вместо идей, боящаяся мирового урагана и эксплуатирующая его в свою пользу; лишенная всякой энергии, представляющая собой сплошной плагиат, она пошла, потому что в ней нет ничего оригинального, она оригинальна в своей пошлости, она торгуется сама с собой, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без

всемирно-исторического призвания — точно старик, над которым тяготеет проклятье, осужденный на то, чтобы извращать первые молодые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам — старик без глаз, без ушей, без зубов, полная развалина, — такой очутилась *прусская буржуазия* после мартовской революции у руля прусского государства.

III

Кёльн, 15 декабря. *Теория соглашения,* которую буржуазия, достигшая власти в лице министерства *Кампгаузена,* немедленно провозгласила в качестве «самой широкой» основы прусского contrat social*, отнюдь не была пустой теорией; напротив, она выросла на древе *«золотой»* жизни.

Мартовская революция отнюдь не подчинила суверена божьей милостью суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство, пойти на сговор с буржуазией, *вступить в соглашение* со своим старым соперником.

Корона пожертвует для буржуазии дворянством, буржуазия пожертвует для короны народом. При этом условии монархия станет буржуазной, а буржуазия монархической.

После марта существуют только эти две силы. Они служат друг другу в качестве громоотвода революции. Все это, разумеется, на *«самой широкой демократической основе».*

В этом заключался *секрет теории соглашения.*

Торговцам маслом и шерстью[107], которые образовали первое министерство после мартовской революции, понравилась их роль — прикрывать обнаженную корону полами своей плебейской одежды. Они испытывали величайшее наслаждение при мысли о том, что получат доступ ко двору и что, отрекаясь скрепя сердце из чистого великодушия от своей суровой римской позы — римской позы Соединенного ландтага, — они принесут в жертву свою былую популярность, чтобы заполнить ею пропасть, которая угрожает поглотить корону. Как важничал министр *Кампгаузен* в роли *повивальной бабки* конституционного трона! Сей муж был явно тронут самим собой и своим собственным великодушием. Корона и ее окружение скрепя

* — общественного договора. *Ред.*

Neue Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

№ 165. Köln, Sonntag den 10. Dezember. 1848.

Keine Steuern mehr!!!

Страница «Neue Rheinische Zeitung»
со статьей К. Маркса «Буржуазия и контрреволюция»

сердце терпели это унизительное покровительство и делали bonne mine a mauvais jeu* в ожидании лучших времен.

Полуразложившаяся армия, дрожащая за свои должности и оклады бюрократия, присмиревшее феодальное сословие, вождь которого отправился в конституционное путешествие с познавательной целью, легко при помощи нескольких сладких слов и реверансов одурачили bourgeois gentilhomme**.

Прусская буржуазия *номинально* обладала властью, она ни минуты не сомневалась в том, что силы старого государства без всяких задних мыслей предоставили себя в ее распоряжение и все без исключения превратились в покорных приверженцев ее собственного всемогущества.

Этой химерой была опьянена буржуазия не только в министерстве, но и в пределах всей монархии.

Единственными геройскими подвигами прусской буржуазии после марта были выступления, нередко кровавые, гражданского ополчения против безоружного пролетариата; разве эти подвиги не нашли добровольных и преданных пособников в лице армии, бюрократии и даже феодалов? Единственные усилия, на которые оказались способны местные представители буржуазии, *общинные советы,* — навязчивый и подлый сервилизм которых был позже по заслугам растоптан сапогом Виндишгрецев, Елачичей и Вельденов, — единственные геройские подвиги этих общинных советов после мартовской революции заключались в их патриархально-суровых предостережениях по адресу народа; разве они не были встречены с почтительным изумлением онемевшими регирунгспрезидентами и притихшими дивизионными генералами? Могла ли прусская буржуазия сомневаться после этого в том, что старая вражда армии, бюрократии, феодалов растворилась в их почтительной преданности буржуазии — этому великодушному победителю, обуздывающему самого себя и анархию?

Положение было ясно. Перед прусской буржуазией была теперь только одна задача: поудобнее устроиться у власти, устранить мешающих анархистов, восстановить опять «спокойствие и порядок» и собрать налоги, не взысканные во время мартовской бури. Речь могла идти еще только о том, чтобы сократить до минимума *издержки производства* буржуазной власти и обусловившей ее мартовской революции. Оружие, которое прусская буржуазия в своей борьбе против феодального общества и короны вынуждена была потребовать себе от имени

* — хорошую мину при плохой игре. *Ред.*
** — мещанина во дворянстве. *Ред.*

народа — право союзов, свобода печати и т. д., — разве не надо было сломать это оружие, находившееся в руках обманутого народа, которому оно уже не нужно было для борьбы *за* буржуазию и который обнаруживал опасное намерение пустить его в ход *против* нее?

Буржуазия была убеждена в том, что на пути к *соглашению* ее с короной, на пути к сделке буржуазии со старым, покорившимся своей участи государством стояло явно только лишь одно препятствие, одно-единственное препятствие, народ — *puer robustus sed malitiosus,* как говорил Гоббс[108]. *Народ* и *революция!*

Революция представляла *законное основание прав народа;* на основании революции он предъявлял свои буйные притязания. Революция была векселем, переведенным народом на буржуазию. Благодаря революции буржуазия пришла к власти. В день прихода ее к власти исполнился срок платежа по этому векселю. Буржуазия должна была *опротестовать* этот вексель.

Революция — это означало в устах народа следующее: вы, буржуазия, составляете Comité du salut public, Комитет общественного спасения, в руки которого мы передаем власть не для того, чтобы вы *заключили соглашение* с короной в ваших интересах, а для того, чтобы вы отстояли *против* воли короны наши интересы, интересы народа.

Революция была протестом народа против соглашения буржуазии с короной. Поэтому буржуазия, вступающая в соглашение с короной, *должна была протестовать* против —*революции.*

И это произошло при великом *Кампгаузене. Мартовская революция не была признана.* Берлинское национальное представительство, *отклонив* предложение о признании мартовской революции, конституировалось как *представительство прусской буржуазии,* как *собрание соглашателей.*

Это Собрание объявило совершившееся несовершившимся. Оно громогласно заявило перед лицом прусского народа, что народ не объединялся с буржуазией для того, чтобы устроить революцию против короны, а что он устраивает революцию для того, чтобы объединить против себя самого корону с буржуазией! Так было уничтожено *законное основание прав* революционного народа и обретена *почва законности* для консервативной буржуазии.

Почва законности!

Брюггеман и в его лице *«Kolnische Zeitung»* так много болтали, измышляли и хныкали по поводу «почвы законности»,

столько раз теряли и находили вновь, разрушали и чинили эту «почву законности», перебрасывали ее из Берлина во Франкфурт и из Франкфурта в Берлин, суживали и расширяли, превращали из простой почвы в паркетный пол, из паркетного пола в двойное дно (как известно, главное орудие балаганных фокус-пиков), а из двойного дна в бездонную ловушку, что почва законности в конце концов законно превратилась для наших читателей в почву *«Kolnische Zeitung»;* они могут спутать девиз прусской буржуазии с личным девизом г-на Йозефа Дюмона, необходимую идею *прусской* мировой истории — с произвольной навязчивой идеей *«Kolnische Zeitung»* и видеть в почве законности только ту почву, на которой произрастает «Kolnische Zeitung».

Почва законности, и притом прусская почва законности!

Но что же такое эта почва законности, на которой после марта находятся рыцарь больших дебатов Кампгаузен, вновь воскрешенный призрак Соединенного ландтага и собрание соглашателей, — есть ли это конституционный закон 1815 г., или закон о ландтагах 1820 г., или рескрипт 1847 г., или же избирательный и согласительный закон от 8 апреля 1848 года[109]?

Ничего подобного.

«Почва законности» означала просто, что революция не обрела своей почвы, а старое общество не утратило своей почвы, что мартовская революция была только «происшествием», давшим «толчок» к давно уже подготовлявшемуся в недрах старого прусского государства «сговору» между троном и буржуазией, потребность в котором сама корона уже признала в своих прежних высочайших указах и только считала его до марта но «неотложным». Словом, «почва законности» означала, что буржуазия хочет после марта вести переговоры с короной на тех же самых основаниях, как и до марта, как будто никакой революции не произошло, как будто Соединенный ландтаг без революции достиг своей цели. «Почва законности» означала, что законное основание прав народа, революция, отсутствует в contrat social, заключенном между правительством и буржуазией. Буржуазия выводила свои притязания из старопрусского законодательства, дабы народ не мог вывести никаких притязаний из новопрусской революции.

Разумеется, идеологические кретины буржуазии, ее газетные писаки и им подобные, выдавали это приукрашивание буржуазных интересов за подлинные интересы буржуазии и убеждали в этом себя и других. В голове какого-нибудь Брюггемана фраза о почве законности превратилась в действительную субстанцию.

Министерство *Кампгаузена* выполнило свою задачу, задачу *посредничества* и *перехода.* Оно явилось *посредником* между буржуазией, поднявшейся на плечах народа, и буржуазией, уже не нуждавшейся в поддержке парода; между буржуазией, якобы защищавшей народ против короны, и буржуазией, действительно защищавшей корону против парода; между буржуазией, которая откололась от революции, и буржуазией, которая уже оформилась как ядро контрреволюции.

Соответственно своей роли, министерство Кампгаузена в своей девственной стыдливости ограничивалось *пассивным сопротивлением* революции.

Правда, оно отвергало революцию в теории, но на практике оно только *противилось* ее требованиям и только *относилось терпимо* к восстановлению старых государственных властей.

Тем временем буржуазия решила, что она достигла уже того пункта, когда *пассивное сопротивление* должно перейти в *активное наступление.* Министерство *Кампгаузена* ушло в отставку не потому, что оно допустило ту или иную ошибку, а просто потому, что оно было *первым* министерством после мартовской революции, потому что оно было *министерством мартовской революции* и в силу своего происхождения должно было еще прятать свое подлинное лицо представителя буржуазии под маской народного диктатора. Это его двойственное происхождение и двусмысленный характер еще обязывали его соблюдать по отношению к суверенному народу известные условности, сдержанность и осторожность, которые стали в тягость буржуазии и с которыми уже не нужно было считаться второму министерству, вышедшему непосредственно из собрания соглашателей.

Отставка министерства Кампгаузена явилась поэтому загадкой для трактирных политиканов. За ним последовало *министерство дела,* министерство *Ганземана,* так как буржуазия намеревалась перейти от периода, когда она *пассивно* предавала народ короне, к периоду *активного* подчинения народа власти буржуазии, осуществляемой по соглашению с короной. *Министерство дела* было *вторым* министерством *после* мартовской революции. В этом состоял весь его секрет.

IV

Кёльн, 29 декабря.

«Господа! В денежных делах нет места сентиментам!»[110]

В этих немногих словах Ганземан резюмировал весь либерализм Соединенного ландтага. Этот человек был необходимым главой министерства, вышедшего из самого собрания соглашателей, министерства, которое должно было превратить *пассивное сопротивление* народу в *активное наступление* на народ, *министерства дела.*

Ни в одном прусском министерстве не было столько *буржуазных* имен! Ганземан, Мильде, Меркер, Кюльветтер, Гирке! Даже *фон Ауэрсвальд,* придворная этикетка этого министерства, принадлежал к либеральной, т. е. подлаживающейся к буржуазии, аристократии кёнигсбергской оппозиции. Один только *Рот фон Шреккенштейн* представлял среди этой презренной черни старую бюрократизированную прусскую феодальную аристократию. *Рот фон Шреккенштейн!* Это — давно отжившее заглавие забытого разбойничье-рыцарского романа блаженной памяти *Гильдебрандта!*[111] Но *Рот фон Шреккенштейн* являлся только феодальной оправой буржуазного бриллианта. *Рот фон Шреккенштейн* в составе буржуазного министерства — это нечто вроде надписи гигантскими буквами: «Прусское феодальное дворянство, армия, бюрократия следуют за восходящей звездой прусской буржуазии». Эти мощные силы предоставили себя в ее распоряжение, и буржуазия помещает их перед своим троном, как на старых геральдических эмблемах перед троном государя помещали медведя. Рот фон Шреккенштейн должен быть лишь таким медведем буржуазного министерства.

26 июня министерство Ганземана представилось Национальному собранию. Только с *июля* началось его настоящее существование. *Июньская революция* представляла собой фон

министерства дела, как *февральская революция* — фон министерства посредничества.

Прусская буржуазия использовала против народа кровавую победу парижской буржуазии над парижским пролетариатом, так же как прусская корона использовала против буржуазии кровавую победу хорватов в Вене. Скорбь прусской буржуазии об австрийском ноябре была *отмщением* за скорбь прусского народа о французском июне. В своей близорукой ограниченности немецкие филистеры отождествляли себя с французской буржуазией. Они не сокрушили никакого трона, они не устранили феодального общества, а тем более его пережитков; им не приходилось сохранять общество, созданное ими самими. После июня, как и после февраля, как и в начале XVI века, как и в XVIII веке, они собирались, по своему исконному обычаю пройдох и барышников, присвоить три четверти дохода от чужой работы. Они не подозревали, что за французским июнем их подстерегает австрийский ноябрь, а за австрийским ноябрем— прусский декабрь. Они не подозревали, что если во Франции буржуазия, сокрушившая троны, видит перед собой только одного врага — пролетариат, то прусская буржуазия, борющаяся с короной, имеет только одного-единственного союзника — народ. Не потому, что их не разделяют противоположные враждебные интересы, а потому, что их обоих еще объединяет *один и тот же* интерес — необходимость борьбы против третьей силы, равно угнетающей их обоих.

Министерство Ганземана рассматривало себя как *министерство июньской революции.* И в каждом прусском городе филистеры, в противовес «красным разбойникам», превращали себя в «добропорядочных республиканцев», — при этом они не переставали быть честными роялистами и не замечали, что их «красные» носили *черно-белые*[112] кокарды.

В своей тронной речи от 26 июня Ганземан легко разделался с кампгаузеновской мистически-туманной «монархией на *самой широкой демократической основе».*

«Конституционная монархия на основе двухпалатной системы и совместное осуществление законодательной власти обеими палатами и короной» — к этой сухой формуле свел он загадочный лозунг своего вдохновенного предшественника.

«Реформа самых необходимых отношений, несовместимых с повой государственной конституцией, освобождение собственности от окон, препятствующих в большей части монархии ее *выгодному использованию,* реорганизация судопроизводства, реформа налогового законодательства, в частности, *отмена освобождения от уплаты налогов* и т. п.», и прежде всего *«укрепление государственной, власти,* необходимое для охраны за-

воеванной» (гражданами) *«свободы* против реакции» (т. е. использования свободы в интересах феодалов) «и анархии» (т. е. использования свободы в интересах парода) «и для *восстановления нарушенного доверия», —*

такова была программа министерства, программа добившейся своего министерства прусской буржуазии, классическим представителем которой является *Ганземан.*

В «Соединенном ландтаге» Ганземан был самым резким и циничным противником доверия, ибо *«в денежных делах, господа, нет места сентиментам!»* Но в министерстве Ганземан провозгласил неотложной задачей *«восстановление нарушенного доверия»,* ибо — на этот раз он обращался к *народу,* как раньше к *трону: «Господа! В денежных делах нет места сентиментам!»* Раньше речь шла о доверии, которое *дает* деньги, теперь — о доверии, которое *делает* деньги; раньше — о *феодальном* доверии, о преисполненном покорности доверии к богу, королю и отечеству, теперь — о *буржуазном* доверии, доверии к предпринимательской деятельности, к способности капитала приносить проценты и к платежеспособности деловых людей, о коммерческом доверии. Речь идет не о вере, любви и надежде, а о *кредите.*

«Восстановление нарушенного доверия!» В этих словах Ганземан выразил навязчивую идею прусской буржуазии.

Кредит покоится на уверенности в том, что по-прежнему будет продолжаться эксплуатация наемного труда капиталом, пролетариата — буржуазией, мелкой буржуазии — крупной. Всякое политическое движение пролетариата, какого бы то ни было рода, хотя бы руководимое непосредственно буржуазией, колеблет поэтому доверие, кредит. «Восстановление нарушенного доверия» означало, таким образом, в устах Ганземапа следующее:

Подавление всякого политического движения в среде пролетариата и во всех слоях общества, интересы которых не совпадают прямо с интересами класса, полагающего, что он находится у кормила правления.

Ввиду этого рядом с «восстановлением нарушенного доверия» Ганземан поставил *«укрепление государственной власти».* Он ошибался только насчет природы этой «государственной власти». Он хотел укрепить государственную власть, которая служит кредиту, буржуазному доверию, а укрепил лишь государственную власть, которая требует доверия и в особо трудных случаях прибегает к картечи, ибо она не пользуется никаким кредитом. Он хотел сэкономить на издержках производства буржуазной власти, а вместо этого обременил буржуазию многими миллионами, которых стоила реставрация прусской феодальной власти.

В отношении рабочих Ганземан высказался весьма лаконично: он-де имеет для них в кармане панацею. Но раньше чем вынуть ее из кармана, нужно прежде всего восстановить «нарушенное доверие». Для того, чтобы восстановить доверие, рабочий класс должен положить конец своему увлечению политикой и вмешательству в государственные дела и вернуться к своему старому, привычному образу жизни. Если он последует этому совету и доверие будет восстановлено, то таинственная панацея во всяком случае окажется действенной уже по одному тому, что она будет больше не нужна и не применима, ибо ведь в этом случае будет устранена сама болезнь — нарушение буржуазного порядка. Л к чему лекарство, когда нет никакой болезни? Если же парод будет упорствовать, —ну, что ж, тогда он *«укрепит* государственную власть», полицию, армию, суды, бюрократию, он натравит на народ своих медведей, ибо «доверие» превратится в «денежное дело», а *«в денежных делах, господа, нет места сентиментам!»*

Это может показаться Ганземану смешным — но программа его была *честной* программой, полной благих намерений.

Он хотел укрепить государственную власть не только против анархии, т. е. против народа, но и против реакции, т. е. против короны и феодальных интересов, поскольку последние попытались бы утвердиться в противовес золотому мешку и *«необходимейшим», т. е.* самым скромным политическим притязаниям буржуазии,

Министерство дела уже самим своим составом выражало протест против этой «реакции».

От всех прежних прусских министерств оно отличалось именно тем, что его настоящим *министром-президентом был министр финансов.* Сотни лет прусское государство тщательнейшим образом скрывало, что военное ведомство, внутренняя и внешняя политика, церковное и школьное ведомство и даже министерство двора, так же как вера, надежда и любовь, подчинены прозаическим *финансам.* Министерство дела поставило во главу угла эту неприятную буржуазную истину, сделав своим главой г-на Ганземана — человека, вся министерская программа которого, как и его оппозиционная программа, резюмировалась в словах:

«Господа! В денежных делах нет места сентиментам!»

Монархия в Пруссии превратилась в «денежное дело».

Перейдем теперь от программы министерства дела к его делам.

Угроза *«укрепления государственной власти»* против *«анархии»,* т. е. против рабочего класса и всех слоев городского насе-

ления, которые не удовлетворялись программой г-на Ганземана, оказалась весьма серьезной. Можно даже сказать, что, если не считать повышения налога на свекловичный сахар и водку, эта *реакция* против так называемой *анархии,* т. е. против революционного движения, представляла единственное серьезное дело министерства дела.

Множество процессов по делам печати на основе прусского права или, в случае его неприменимости, на основе Code pénal*, многочисленные аресты на том же «достаточном основании» (формула Ауэрсвальда), введение в Берлине института констеблей[113], причем на каждые два дома приходился один констебль, полицейские покушения на свободу союзов, натравливание солдатни на непокорных граждан, натравливание гражданского ополчения на непокорных пролетариев, осадное положение, как устрашающий пример, — все эти деяния ганземановских времен еще свежи в памяти. Описывать их подробно нет надобности.

Кюльветтер резюмировал эту сторону деятельности министерства дела в следующих словах:

«Государство, желающее быть истинно свободным, должно иметь в качестве исполнительной власти значительный полицейский персонал»,

на что сам Ганземан пробормотал следующий, ставший у него уже неизменным, комментарий:

«Это окажет также значительное содействие восстановлению доверия, оживлению парализованной торговой деятельности».

При министерстве дела *«укрепились»,* таким образом, старопрусская полиция, прокуратура, бюрократия, армия — на *содержании,* а значит и на *службе* у буржуазии, как воображал Ганземан. Словом, они *«укрепились».*

В противовес этому настроение пролетариата и буржуазной демократии характеризуется *одним* фактом. В ответ на избиение несколькими реакционерами нескольких демократов в Шарлоттенбурге народ штурмовал в Берлине резиденцию министра-президента. Столь популярным стало министерство дела. На следующий день Ганземан предложил закон против мятежных сборищ и собраний под открытым небом. Так хитро интриговал он против реакции.

Таким образом, действительная, осязаемая, общеизвестная деятельность министерства дела носила чисто *полицейский* характер. В глазах пролетариата и *городской* демократии это

* — Уголовного кодекса. *Ред.*

министерство и собрание соглашателей, большинство которого было представлено в министерстве, а также прусская буржуазия, большинство которой составляло большинство в согласительном собрании, представляли не что иное, как *старое,* несколько подновленное *полицейское и бюрократическое государство.* К этому добавилось еще возмущение против буржуазии, ибо буржуазия господствовала и, в лице *гражданского ополчения,* превратилась в составную часть полиции.

Таковы были «мартовские завоевания» в глазах народа — они состояли в том, что и либеральные господа буржуа приняли на себя *полицейские* функции. Итак, двойная полиция!

Не в делах министерства дела, а лишь в его проектах органических законов обнаруживается вполне ясно, что оно только в интересах буржуазии *«укрепляло полицию»,* это законченное выражение старого государства, и толкало ее к действиям.

В предложенных министерством Ганземана проектах *муниципального устава, суда присяжных, закона о гражданском ополчении собственность* в той или иной форме всегда является границей между теми, кто *по закону пользуется правами,* и теми, кто *ими не пользуется.* Правда, во всех этих законопроектах сделаны самые раболепные уступки королевской власти, ибо в ее лице буржуазное министерство надеялось приобрести ставшего безвредным союзника, но зато тем беспощаднее выступает господство капитала над трудом.

Закон о гражданском ополчении, санкционированный согласительным собранием, был обращен против самой буржуазии и должен был дать законный повод для ее разоружения. Правда, буржуазия воображала, что этот закон получит силу только после издания муниципального устава и обнародования конституции, т. е. после укрепления ее господства. Опыт, приобретенный прусской буржуазией в связи с законом о гражданском ополчении, должен был бы научить ее кое-чему; ей следовало бы понять, что все, что она до сих пор делает, как ей кажется, против народа, обращается только против нее самой.

Итак, для народа министерство Ганземана сводилось *практически* к старопрусской полицейщине, а *теоретически* — к оскорбительным различиям между буржуа и не-буржуа *по бельгийскому образцу*[114].

Перейдем теперь к другой стороне министерской программы, к *борьбе против реакции.*

В этом отношении министерство может предъявить больше благих пожеланий, чем дел.

К благим пожеланиям *буржуазии* относятся: распродажа доменов частным собственникам мелкими участками, подчинение банковских учреждений началу свободной конкуренции, превращение Seehandlung[115] в частное учреждение и т. п.

Беда министерства дела заключалась в том, что все его экономические атаки против феодальной партии происходили под эгидой *принудительного займа,* а его реформаторские попытки вообще превращались в глазах народа в чисто финансовые мероприятия, вызванные необходимостью пополнить кассу укрепленной «государственной власти». В результате Ганземан нажил ненависть одной партии, не приобретя признания другой. В самом деле, нельзя отрицать, что он только тогда осмеливался всерьез наступать на феодальные привилегии, когда этого требовали наиболее близкие министру финансов *«денежные дела», денежные дела* в понимании *министерства финансов.* В этом ограниченном смысле он обращался к феодалам со словами:

«Господа! В денежных делах нет места сентиментам!» Таким образом, даже его положительные буржуазные устремления против феодалов носили ту же полицейскую окраску, как и его отрицательные меры по *«оживлению торговой деятельности».* Ведь *полиция* на языке политической экономии именуется *фиском.* Повышение налога на свекловичный сахар и водку, проведенное Ганземаном в Национальном собрании и превращенное в закон, возмутило людей денежного мешка, сторонников «бога, короля и отечества» в Силезии, в Марках, в Саксонии, в Восточной и Западной Пруссии и т. д. В то время как эта мера вызвала в старопрусских провинциях гнев земельных собственников, связанных с промышленностью, не менее сильное недовольство возбудила она среди буржуазных владельцев винокуренных заводов в Рейнской провинции, увидевших, что в результате этого они поставлены в еще более неблагоприятные условия конкуренции по сравнению со старопрусскими провинциями. И в довершение всего эта мера восстановила и рабочий класс старых провинций, для которого она не означала и не могла означать ничего другого, как *вздорожание одного из предметов первой необходимости.* Итак, от этой меры не осталось ничего другого, кроме пополнения кассы «укрепленной государственной власти»! Этого примера достаточно, ибо это — единственное дело министерства дела против феодалов, которое *действительно* было проведено на деле, единственный законопроект в этом направлении, действительно ставший законом.

«Проекты» Ганземана об отмене освобождений от уплаты поразрядного и *поземельного налогов*[116], как и его проект

подоходного налога, вызвали настоящую свистопляску среди помещиков — поклонников «бога, короля и отечества». Они ославили его *коммунистом,* и еще поныне прусская «рыцарша креста» трижды осеняет себя крестным знамением при упоминании имени Ганземана. Это имя звучит для нее, как Фра Дьяволо[117]. Отмена освобождений от уплаты поземельного налога, эта единственная существенная мера, предложенная прусским министром в славные времена собрания соглашателей, потерпела крушение из-за *принципиальной ограниченности левой.* И сам Ганземан сделал эту ограниченность правомерной. Должна ли была левая открывать новые источники доходов для поддержки министерства *«укрепленной государственной власти»,* прежде чем будет выработана конституция и проведена присяга на верность конституции?

Министерство, буржуазное par excellence[*], оказалось столь неудачливым, что самые радикальные его мероприятия были парализованы радикальными членами собрания соглашателей. Оно оказалось столь убогим, что весь его крестовый поход против феодализма свелся к *повышению налогов,* одинаково ненавистному всем классам, а незрелым плодом всей его глубокомысленной финансовой политики явился *принудительный заем.* Эти две меры в конце концов предоставили только *субсидии для похода контрреволюции против самой буржуазии.* Но *феодалы* успели убедиться в «злонамеренных» планах *буржуазного* министерства. Таким образом, даже в финансовой борьбе прусской буржуазии против феодализма обнаружилось, что в своей непопулярности и бессилии она сумела даже *деньги* собрать только *против себя САМОЙ,* а — *в денежных делах, господа, нет места сентиментам!*

Если буржуазному министерству удалось восстановить против себя в равной мере городской пролетариат, буржуазную демократию и феодалов, то оно сумело также оттолкнуть и враждебно настроить против себя даже угнетаемый феодализмом *класс крестьян,* в чем ему усердно помогало *собрание соглашателей.* Вообще но следует забывать, что в продолжение половины своего существования это собрание находило в лице министерства Ганземана своего доподлинного представителя и что буржуазные мученики сегодняшнего дня были вчера пажами Ганземана.

Внесенный при Ганземане Патовым проект освобождения от феодальных повинностей (см. нашу прежнюю критику его[118]) представлял жалкий плод бессильнейших поползновений бур-

[*] — по преимуществу. *Ред.*

жуазии отменить феодальные привилегии, эти «отношения, несовместимые с новой государственной конституцией», и страха буржуазии перед революционным покушением на какой бы то ни было вид собственности. Жалкий, трусливый, узкий эгоизм до такой степени ослеплял прусскую буржуазию, что она оттолкнула от себя своего *необходимого союзника — крестьянство.*

3 июня депутат *Ханов* внес предложение,

«чтобы все ведущиеся переговоры касательно улаживаний отношений между помещиками и крестьянами и о выкупе повинностей немедленно приостанавливались по требованию одной из сторон впредь до издания нового закона об этом, построенного на справедливых принципах».

И только *в конце сентября,* т. е. спустя четыре месяца, при министерстве Пфуля согласительное собрание приняло проект закона о приостановке ведущихся между помещиками и крестьянами переговоров, причем все либеральные поправки были отклонены и предписано было «временно оставить в силе установленные текущие повинности» и «взыскивать спорные платежи и недоимки».

В *августе,* если не ошибаемся, собрание соглашателей признало *«не неотложным»* предложение *Ненштиля о «немедленной отмене барщинных повинностей»;* могли ли после этого крестьяне считать для себя неотложным делом сражаться за это собрание соглашателей, которое отбросило их назад по сравнению с фактическим положением, завоеванным ими после марта?

Французская буржуазия начала с освобождения крестьян. При помощи крестьян она завоевала Европу. Прусская буржуазия настолько погрязла в своих *самых узких,* ближайших интересах, что легкомысленно потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контрреволюции.

Официальная история падения буржуазного министерства известна.

Под крылышком этого министерства «государственная власть» настолько «укрепилась», энергия народа была до такой степени парализована, что диоскуры Кюльветтер — Ганземан должны были уже 15 июля выпустить обращение ко всем регирунгспрезидентам монархии, направленное против реакционных происков чиновников и, в частности, ландратов; что позднее наряду с собранием соглашателей в Берлине стало заседать *«собрание дворянства и крупных землевладельцев для охраны»* их привилегий[119]; что, наконец, в противовес так называемому берлинскому

Национальному собранию, в Оберлаузице[*] 4 сентября собрался унаследованный от средневековья «общинный ландтаг для охраны угрожаемых прав собственности землевладельцев».

Энергия, которую правительство и так называемое Национальное собрание проявили перед лицом этих симптомов контрреволюции, приобретавших все более угрожающий характер, нашла свое достойное выражение в бумажных обращениях. Штыки, пули, тюрьмы и полицейские имелись у буржуазного министерства только для народа, *«для восстановления нарушенного доверия и оживления торговой деятельности».*

События в *Швейднице*[120], где солдатня предательским образом пустила в ход оружие прямо против буржуазии из гражданского ополчения, пробудили, наконец, Национальное собрание от его апатии. 9 августа оно решилось на геройский акт, на приказ по армии Штейна — Шульца, который в качестве крайнего средства принуждения взывал к *чувству деликатности* прусских офицеров[121]. Недурное средство принуждения! Но разве роялистская честь не запрещала офицерам следовать требованиям буржуазной чести?

7 сентября, через месяц после принятия собранием соглашателей приказа по армии Штейна — Шульца, оно вторично решило, что его постановление является действительным постановлением и должно быть приведено в исполнение министрами. Ганземан уклонился от этого и 11 сентября подал в отставку, предварительно назначив себя самого директором банка с ежегодным окладом в 6000 талеров, ибо — *в денежных делах, господа, нет места сентиментам!* Наконец, *25 сентября* собрание соглашателей с благодарностью выслушало из уст *Пфуля* весьма смягченную формулу признания приказа по армии Штейна — Шульца, приказа, который к тому времени, вследствие параллельного приказа по армии Врангеля и концентрации войск в Берлине, свелся к *скверной шутке.*

Достаточно только сопоставить указанные даты и историю приказа по армии Штейна — Шульца, чтобы убедиться в том, что этот приказ по армии не был *настоящей* причиной отставки Ганземана. Неужто Ганземан, не испугавшийся признания революции, испугался какой-то бумажной прокламации? Неужто Ганземан, который всякий раз, когда портфель выпадал из его рук, снова поднимал его, на этот раз из обывательской раздражительности оставил его на министерской скамье для всякого желающего? Нет, наш Ганземан — не мечтатель! Ганземан был просто обманут, как вообще была обманута буржуазия,

[*] Польское название: Верхняя Лужица. *Ред.*

которую он представлял. Его уверили в том, что корона ни при каких условиях не допустит его падения. Его вынудили растерять последние остатки популярности, чтобы в конце концов принести его в жертву злобе захолустных юнкеров и освободиться от буржуазной опеки. Кроме того, согласованный с Россией и Австрией план военных действий требовал, чтобы во главе кабинета был поставлен генерал, назначенный камарильей помимо собрания соглашателей. При буржуазном министерстве старая «государственная власть» достаточно «укрепилась» для того, чтобы решиться на этот coup*.

Пфуль обманул ожидания. Победа хорватов в Вене сделала даже такого человека, как Бранденбург, пригодным орудием.

При министерстве Бранденбурга собрание соглашателей было с позором разогнано, подверглось насмешкам, издевательствам, унижениям и преследованиям, а *народ* в решающий момент остался *равнодушным. Поражение* собрания означало *поражение прусской буржуазии, конституционалистов,* т. е. *победу демократической партии,* как бы дорого ни пришлось последней заплатить за эту победу.

А *октроированная* конституция?

Как-то раз было сказано, что никогда «клочок бумаги» не станет между королем и *его* народом[122]. Теперь говорят иначе: *только клочок бумаги* может стать между королем и *его* народом. *Настоящая* конституция Пруссии — *осадное положение.* Октроированная французская конституция содержала только один параграф — 14-й, который ее отменял[123]. Каждый из параграфов октроированной прусской конституции представляет собой своего рода § 14.

Этой конституцией корона октроирует новые привилегии — *самой себе.*

Она предоставляет самой себе право распускать палаты in indefinitum**. Она предоставляет министрам право издавать в промежутках между парламентскими сессиями любые законы (в том числе о собственности и т. п.). Она предоставляет депутатам возможность обжаловать эти действия министров, но с риском попасть в разряд «внутренних врагов» в обстановке осадного положения. Она, наконец, предоставляет самой себе право, если весною акции контрреволюции поднимутся, поставить на место этого витающего в воздухе *«клочка бумаги»* какую-нибудь христианско-германскую Magna Charta[124], *органически* выросшую из средневековых сословных различий, или вообще положить конец игре в конституцию. Даже в этом

---

* — удар, решительное действие. *Ред.*

** — на неопределенный срок. *Ред.*

последнем случае консервативная часть буржуазии сложила бы руки и произнесла бы слова молитвы:

«Господь дал, господь взял, да славится имя господне!»

История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает, что в Германии невозможна чисто *буржуазная революция* и установление *буржуазной власти* в форме *конституционной монархии,* что возможна либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо *социально-республиканская революция.*

Но и жизнеспособная часть буржуазии должна будет опять проснуться от своей апатии — порукой этому служит прежде всего тот *чудовищный счет,* которым контрреволюция ошеломит ее весной, а ведь, как резонно заявляет наш Ганземан:

Господа! В денежных делах нет места сентиментам!

Написано К. Марксом 9, 11, 15 и 29 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 165, 169, 170 и 183; 10, 15, 16 и 31 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

НОВЫЙ СОЮЗНИК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Кёльн, 11 декабря. Контрреволюция приобрела нового союзника — швейцарское Федеральное правительство.

Уже пять дней тому назад мы узнали из вполне надежного источника, что распространяемые в последнее время слухи о подготовляемом вторжении немецких эмигрантов в Баден, о вооружениях у границы, о фантастическом сражении при Лёррахе между волонтерами и имперскими войсками, — что все эти. странные слухи-«согласованы» между господствующей в швейцарском Федеральном совете партией Фуррера — Оксенбейна — Мунцингера и германской имперской властью, дабы дать указанной партии предлог для принятия мер против эмигрантов и таким образом способствовать установлению доброго согласия с имперской властью.

Мы не поделились тотчас же этой вестью с нашими читателями, потому что не могли сразу поверить в возможность подобной интриги. Мы ждали подтверждения, и подтверждение не заставило себя долго ждать.

Обращало на себя внимание уже то обстоятельство, что слухи эти распространялись франкфуртскими, а не баденскими газетами, между тем как последние у себя на месте должны были бы лучше и раньше всех знать обо всем этом.

Затем бросалось в глаза, что «Frankfurter Journal»[125] уже 1 декабря получил сообщение из Берна о том, что Федеральный совет издал циркуляр по поводу эмигрантов и командировал комиссара, тогда как бернские газеты, из которых некоторые («Verfassungs-Freund» и «Suisse») непосредственно связаны с членами Федерального совета, поместили сообщение об этом только 3 декабря.

Теперь, наконец, перед нами лежит напечатанный в «Suisse» циркуляр кантональным правительствам, и если раньше мы могли еще сомневаться относительно вступления Швейцарии в новый Священный союз, то теперь все сомнения устранены.

Циркуляр прежде всего отмечает *слухи о* новых вооружениях политических эмигрантов и о подготовляемом новом вторжении на территорию Бадена. Этими слухами, относительно которых вся Швейцария и весь Баден знают, что они вымышлены, циркуляр *мотивирует* новые чрезвычайные меры против эмигрантов. Постановления Федерального собрания о Тессине упоминаются лишь для обоснования компетенции, а не обязанности Федерального совета принимать эти меры; наоборот, *определенно признается* существенная разница положения в Тессине и в северных кантонах.

Затем — следующие предписания:

1) Все эмигранты, которые участвовали в походе Струве или же вообще не представляют личных гарантий спокойного поведения, подлежат удалению из пограничных кантонов.

2) Все без различия эмигранты подлежат бдительному надзору.

3) Федеральному совету, а также всем пограничным кантонам должны быть представлены списки эмигрантов, подпадающих под действие пункта 1.

4) Вопрос о возможных случаях исключения из общего правила об интернировании решается представителем Федерального правительства д-ром Штейгером, указаниям коего вообще надлежит следовать.

За этим следует требование *«строго»* выполнять эти указания, так как в противном случае, если окажется необходимым вызывать войска, расходы будут отнесены за счет соответствующего пограничного кантона.

Весь циркуляр составлен в резких выражениях, в высшей степени оскорбительных для эмигрантов, и заканчивается словами:

«Швейцария не должна превращаться в сборный пункт для иностранных партий, которые имеют столь превратное представление о своем положении на нейтральной территории и так часто грубо нарушают интересы страны, гостеприимно их принимающей».

Достаточно сравнить эти резкие выражения с языком ноты 4 ноября; достаточно принять во внимание, что слухи, на которых основывается циркуляр, *заведомо ложны;* что, как пишут нам сегодня с границы, представитель Федерального правительства д-р Штейгер *уже закончил* инспектирование кантона Ааргау,

на который имперская власть больше всего жаловалась, и нашел, что эмигранты, о которых идет речь, давно уже интернированы и ему здесь нечего больше делать (он уже в Листале); что, согласно ноте 4 ноября, — и швейцарская пресса (например, «Schweizer Bote», «Basel-landschaftliches Volksblatt»[126], «National-Zeitung» и др.) давно это доказала — все пограничные кантоны давно уже выполнили свои обязанности; достаточно, наконец, вспомнить, что после продолжительной неизвестности, после самых противоречивых сообщений о закрытии границы, теперь уже в течение двух-трех дней все получаемые нами швейцарские газеты и письма в один голос утверждают, что *никакие* принудительные меры не будут применены против Швейцарии, — и более того, что приказ об усилении надзора за лицами, переходящими через границу, отданный отдельным пограничным постам, был отменен уже спустя 24 часа; достаточно сопоставить все это, чтобы судить, не подтверждают ли факты до мельчайших деталей сделанное нами выше сообщение.

Да и без этого известно, что гг. Фуррер, Оксенбейн, Мунцингер и др. давно уже горят желанием раз навсегда положить конец «проискам эмигрантов».

Мы поздравляем г-на Шмерлинга с его новыми друзьями. Мы только желаем ему, чтобы в том случае, если и *ему* придется когда-нибудь очутиться в Швейцарии в качестве эмигранта, — а ведь это легко может случиться еще до того, как истечет трехлетний срок полномочий теперешнего Федерального совета, — чтобы эти его друзья не причислили его к эмигрантам, «не представляющим личных гарантий».

Написано 11 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 166, 12 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

КЛЕВЕТА «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 13 декабря. Статья от 4 июля в «Neue Rheinische Zeitung», послужившая поводом к назначенному на 20-е число этого месяца в суде присяжных процессу против ответственного издателя нашей газеты *Корфа,* ее главного редактора *Маркса* и редактора *Энгельса,* заканчивается следующими словами:

«Таковы, следовательно, дела *министерства дела,* министерства левого центра, *министерства, являющегося переходом к стародворянскому, старобюрократическому, старопрусскому министерству.* Как только г-н Ганземан сыграет свою *переходную роль,* он получит отставку».

«Левая в Берлине должна, однако, уразуметь, что старая власть может спокойно дозволить ей одерживать маленькие парламентские победы и составлять большие конституционные проекты, лишь бы самой тем временем завладеть всеми действительно решающими позициями. *Она смело может признавать революцию 19 марта в палате, если только вне палаты эта революция будет разоружена».*

«В одно прекрасное утро левая, возможно, убедится, что ее парламентская победа совпадает с ее действительным поражением. Быть может, развитие Германии и нуждается в подобных контрастах. Министерство дела признает революцию в принципе для того, чтобы на практике осуществлять контрреволюцию»[127].

События показали, в какой мере «Neue Rheinische Zeitung» оклеветала прусское правительство и его оруженосцев.

Написано К. Марксом 13 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 168, 14 декабря 1848 г

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОЦЕСС ГОТШАЛЬКА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

I

Кёльн, 21 декабря. Сегодня утром начался процесс против *Готшалька, Аннеке* и *Эссера* на чрезвычайной сессии здешнего суда присяжных.

Обвиняемые были доставлены *в кандалах,* как самые обыкновенные уголовные преступники, из нового дома заключения в здание суда, где находились довольно значительные вооруженные силы.

Нашим читателям известно, что в суде присяжных, как он организован сейчас, мы меньше всего усматриваем какую-либо гарантию. Ценз предоставляет определенному классу привилегию выделять из своей среды присяжных заседателей. Способ составления списков присяжных предоставляет правительству монопольное право отбирать из привилегированного класса угодных ему лиц. А именно, господин регирунгспрезидент составляет список определенного числа лиц, выделяемых им из списков присяжных всего округа; *судебные* представители правительства производят чистку, сокращая этот список, если нам не изменяет память, до 36 человек. Наконец, в момент, когда суд присяжных действительно формируется, прокуратура имеет право в третий раз подвергнуть чистке последний список, этот продукт классовой привилегии и двойной правительственной дистилляции, и вычеркнуть всех, кроме последней требуемой дюжины.

Было бы настоящим чудом, если бы при таком устройстве суда присяжных обвиняемые, открыто выступившие против привилегированного класса и существующей государственной власти, не попали прямо в руки своих самых беспощадных врагов.

Но совесть присяжных,— возразят нам, — *совесть,* можно ли требовать большей гарантии? Ах, mon dieu[*], совесть зависит от знаний[**] и от всего образа жизни человека.

У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто неспособен мыслить. У человека, у которого нет другого призвания к тому, чтобы стать присяжным, кроме ценза, и совесть цензовая.

«Совесть» привилегированных — это ведь и есть привилегированная совесть.

Хотя, таким образом, суд присяжных, при его нынешнем устройстве, представляется нам органом для сохранения привилегий некоторых, а отнюдь не органом для обеспечения прав всех; хотя, в частности, и в настоящем случае прокуратура самым широким образом использовала свое право вычеркнуть из последнего списка последнюю дюжину неугодных ей имен, — мы все же ни секунды не сомневаемся в *оправдании* обвиняемых. Гарантией нам служит *обвинительный акт.* Когда читаешь его, то кажется, что это — выдержанная в ироническом тоне защитительная речь Готшалька и его товарищей.

Резюмируем этот *обвинительный акт,* который можно сравнить только с обвинительным актом против Меллине и его товарищей (процесс Рискон-Ту в Антверпене)[128].

В Кёльне существует Рабочий союз[129]. Готшальк был председателем этого союза, Аннеке и Эссер — членами его комитета. Рабочий союз, сообщает нам обвинительный акт,

«имел свой особый, редактировавшийся Готшальком орган — «Arbeiter-Zeitung», и те, кому не приходилось лично присутствовать на заседаниях союза, могли ознакомиться по этой газете с опасными *тенденциями,* союза, которые имеют целью угодить пролетариату, ведут к коммунизму и к низвержению существующего строя».

Итак, можно было ознакомиться с *тенденциями,* а не с *противозаконными действиями. Доказательство:* до ареста Готшалька и других прокуратура не возбуждала судебного преследования против «Arbeiter-Zeitung», а *после* ареста Готшалька газета была осуждена только один раз — в результате чудовищного процесса, который был инсценирован здешней прокуратурой по обвинению в оскорблении здешней прокуратуры, возбужденному здешней прокуратурой[130].

«Сама «Arbeiter-Zeitung»», —признает, однако, обвинительный акт, — «по-видимому нисколько не старалась затушевать что-либо в своих отчетах об этом» (т. е. о заседаниях Рабочего союза, его комитета и его филиалов).

---

[*] — боже мой. *Ред.*

[**] Игра слов: «Gewissen» — «совесть», «Wissen» — «знания». *Ред.*

Значит, если «Arbeiter-Zeitung» нельзя было привлечь к судебной ответственности за ее «отчеты» о заседаниях Рабочего союза, то и сам Рабочий союз нельзя было привлечь к судебной ответственности за эти же заседания.

Против «Рабочего союза» говорит только то, что говорит и против «Arbeiter-Zeitung», — *неугодная тенденция этого союза.* Неужели к числу мартовских завоеваний относятся и *тенденциозные процессы,* процессы против тенденций, так и оставшихся тенденциями? До сих пор наши *сентябрьские законы*[131] еще не изданы. Готшальк и другие были арестованы и посажены на скамью подсудимых отнюдь не за противозаконные отчеты «Arbeiter-Zeitung» или противозаконные заседания Рабочего союза. Обвинительный акт не скрывает того, что не прошлая деятельность Рабочего союза привела в движение судебную машину, а — слушайте:

«14—17 июня с. г. во Франкфурте собрался конгресс депутатов от множества образовавшихся в Германии демократических союзов. Готшальк и Аннеке присутствовали в качестве депутатов от кёльнского Рабочего союза. Конгресс, как известно, *публично* высказался *за демократическую республику,* и *здешние власти ожидали отголосков этого движения,* когда на воскресенье 25 июня было снова назначено общее собрание Рабочего союза в Гюрценихе».

Здешние власти ожидали отголосков франкфуртского движения. Но какое же движение происходило во Франкфурте? *Демократический конгресс публично* высказался за *неугодную* тенденцию *демократической республики.* Стало быть, ожидали *«отголосков»* этой *«тенденции»* и готовились к борьбе с *этим эхом.*

Как известно, *демократический конгресс* во Франкфурте и избранный для выполнения его решений *Центральный комитет* в Берлине[132] заседали без всяких помех со стороны правительств.

Немецкие правительства должны были, следовательно, несмотря на *неугодную им тенденцию,* признать законность франкфуртского конгресса и намеченной им организации демократической партии.

Но кельнские власти «все же *ожидали» отголосков* франкфуртского движения. Они ждали повода уличить Готшалька и его товарищей в нарушении закона. Чтобы создать этот повод, полицейское управление командировало 25 июня «полицейских комиссаров *Луттера* и *Хюннемана»* на общее собрание Рабочего союза в Гюрценихе и «особо вменило им в обязанность наблюдать за всем, что там будет происходить». На этом же общем собрании случайно присутствовал «переплетчик Иоганн *Мальтезер»,* который, как с сожалением отмечает обвинительный акт, *«был бы главным свидетелем, если бы*

не состоял на службе у полиции», т. е., другими словами, если бы он не был *платным полицейским шпионом.* И, наконец, на этом собрании оказался, вероятно из чистейших побуждений патриотического фанатизма, **«референдарий фон Гроте»,** который передает речь Аннеке на общем собрании «подробнее всех, *ибо он записал ее тут же во время заседания».*

Итак, ясно: кёльнские власти *ожидали,* что 25 июня *Готшальком* и его товарищами *будет совершено преступление.* Были приняты все полицейские меры, чтобы констатировать это преступление в случае, если оно совершится. А уж если власти чего-нибудь *«ожидают»,* они не любят *ждать* понапрасну.

«На основании донесений» полицейских комиссаров, командированных, чтобы констатировать *ожидаемое* преступление, и на основании сведений от других подручных

«власти возбудили 2 июля судебное преследование против Готшалька и Аннеке за произнесенные ими» (читай: *ожидавшиеся)* «на этом открытом собрании бунтовщические речи. 3 июля они были арестованы, а их бумаги конфискованы.

5 июля, после допроса ряда свидетелей и поступления новых данных, следствие было распространено на всю предшествующую деятельность руководителей Рабочего союза, в связи с чем привлечены к ответственности и некоторые его члены, например, бондарь *Эссер* и другие. Результаты, которые дало следствие против обвиняемых, относятся частью к их речам в Рабочем союзе, частью к их бумагам и к распространявшимся ими печатным материалам».

Результаты, которые действительно дало следствие, заключаются в том, — *и мы завтра докажем это на основании самого обвинительного акта,* — что ожидавшееся на 25 июня движение свелось к движению властей (к этому отклику франкфуртского движения); что *Готшальк и его товарищи должны были поплатиться шестимесячным строгим предварительным заключением за обманутые 25 июня ожидания властей. Нет ничего опаснее, как обмануть надежды властей на получение медали за спасение отечества.* Никому не хочется обмануться в своих ожиданиях, а тем паче *представителям государственной власти.*

Если весь способ, каким было *инсценировано* преступление 25 июня, доказывает, что власти были единственными творцами этой криминалистской драмы, то знакомство с материалами следствия позволяет нам оценить по достоинству ту хитроумную изобретательность, с какой этот пролог был растянут на шесть месяцев.

Мы цитируем дословно из книги «Тенденциозный политический процесс против Готшалька и его товарищей; опубликовано М. Ф. Аннеке. Издание «Neue Kolnische Zeitung»»[133].

«Через пять-шесть недель после начала предварительного следствия судебный следователь Лёйтхаус, сменивший г-на Гейгера, который получил повышение и был назначен на пост полицейдиректора, объявил следствие законченным. Однако прокурор Геккер, ознакомившись с делом, выставил новые *требования,* к которым присоединился и следователь. По истечении 14 дней предварительное следствие было вторично закончено. После того как г-н Геккер еще раз не спеша изучил дело, *он опять предъявил ряд новых требований.* Судебный следователь отказался удовлетворить их, равно как и судебная палата. Г-н Геккер апеллировал в обвинительный сенат, и эта инстанция предписала одни из его требований удовлетворить, а в других отказать. К числу последних относилось, например, требование *возбудить следствие, только лишь на основании* найденного в портфеле Аннеке *списка лиц из разных частей Германии,* против всех этих лиц, числом до 30 или 40 человек...

Когда масштабы следствия благополучно удалось расширить до таких размеров и дальше уж никак нельзя было затягивать следствие, судебная палата 28 сентября отдала распоряжение передать дело в обвинительный сенат. Последний 10 октября утвердил обвинение, и 28 октября генеральный прокурор подписал обвинительный акт.

Очередная квартальная сессия суда присяжных, начавшаяся 9 октября, была, таким образом, благополучно упущена для этого процесса.

На 27 ноября была назначена чрезвычайная сессия. *И эту сессию постарались упустить:* документы предварительного следствия были посланы в министерство юстиции с ходатайством о передаче процесса в другой суд присяжных. Однако министерство юстиции не нашло достаточных к тому оснований, и в конце ноября дела обвиняемых *Готшалька, Аннеке* и *Эссера* были, наконец, переданы на рассмотрение чрезвычайной сессии здешнего суда присяжных, назначенной на 21 декабря».

Во время этого длинного пролога *первый судебный следователь Гейгер был назначен исполняющим обязанности полицейдиректора,* а *прокурор Геккер — на пост обер-прокурора.* Так как по этой своей новой должности г-н *Геккер* был *незадолго до начала* чрезвычайной сессии переведен из *Кёльна* в *Эльберфельд,* то он не предстанет перед судом присяжных одновременно с обвиняемыми.

II

Кёльн, 22 декабря. В какой день состоялось общее собрание в Гюрценихе, на котором должно было быть констатировано *ожидавшееся»* преступление? Оно состоялось *25 июня. 25* июня было днем окончательного поражения *июньских инсургентов* в Париже. В какой день власти возбудили судебное дело против Готшалька и его товарищей? 2 июля, т. е. в тот момент, когда прусская буржуазия и ее тогдашний союзник — правительство — в мстительном упоении считали, что настал час для расправы со своими политическими противниками. *3 июля* Готшальк и его товарищи были арестованы. *4 июля нынешнее контрреволюционное* министерство в лице *Ладенберга* вступило в министерство *Ганземана.* В тот же день *правая* берлинского собрания соглашателей решилась на *государственный переворот:* принятое большинством голосов решение относительно *Польши* она просто-напросто отменила на *том же заседании,* воспользовавшись тем, что часть левых разбежалась[134].

Сопоставление этих дат говорит о многом. Мы могли бы подтвердить свидетельскими показаниями, что «некое» лицо 3 июля заявило: «Арест Готшалька и его товарищей произвел на публику благоприятное впечатление». Но достаточно просмотреть номера *«Kolnische Zeitung», «Deutsche Zeitung»* и *«Karlsruher Zeitung»*[135] за указанные даты, чтобы убедиться, что в эти дни в Германии и, в частности, в *Кёльне* тысячекратно отозвалось не «эхо» мнимого *«франкфуртского движениям,* а скорее «эхо» *«кавеньякского движения».*

Наши читатели помнят: 25 июня кёльнские власти «ожидали» отголосков «франкфуртского движения» в связи с общим собранием Рабочего союза в Гюрценихе. Они помнят далее, что судебное следствие против Готшалька и его товарищей было возбуждено не на основании какого-либо действительного преступления Готшалька и других, совершенного *до* 25 июня, а исключительно лишь в силу *ожидания* властей, что 25 июня

будет, наконец, совершено какое-нибудь осязаемое преступление.

Надежды на 25 июня не сбылись, и 25 июня 1848 г. внезапно превращается в 1848 год. Обвиняемым *инкриминируется движение 1848 года.* Готшальк, Аннеке, Эссер обвиняются в том, что

«в *течение 1848 года»* (обратите внимание на растяжимость этого выражения) «они составили *заговор* в Кёльне с целью изменения и ниспровержения существующего правительства и возбуждения гражданской войны посредством подстрекательства граждан к вооружению друг против друга *или же»* (внимание!) *«или же* подстрекали к покушениям и к тому *подобным целям* посредством речей на открытых собраниях, посредством печатных произведений и расклейки плакатов».

Итак: составили *заговор «или же»* **никакого** заговора **не** «составили». Но во всяком случае подстрекали «к покушениям и к *тому подобным* целям», т. е. к покушениям и тому подобным делам! Как великолепен этот юридический стиль!

Так гласит постановление обвинительного сената о возбуждении судебного дела.

В заключительном абзаце самого обвинительного акта упоминание о *заговоре опущено,* и Готшальк, Аннеке и Эссер обвиняются *«согласно этому»* в том, что

«в *течение 1848 года* они своими речами на открытых собраниях и печатными произведениями *прямо* подстрекали своих сограждан к *насильственному* изменению конституции; к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой, причем, однако, эти подстрекательства не увенчались успехом. Преступление предусмотрено статьей 102 в соединении со статьями 87 и 91 Уголовного кодекса».

Так почему же власти не привлекли их к суду *в течение 1848 года* до 2 июля?

Впрочем, прежде чем говорить о *«насильственном изменении конституции»,* эти господа должны были бы *сначала* доказать, что *существовала,* какая-нибудь *конституция.* Корона *доказала* противное, разогнав к черту собрание соглашателей. Если бы соглашатели были сильнее короны, они, быть может, доказали бы то же самое *обратным путем.*

Что касается подстрекательства «к *вооруженному* восстанию против королевской власти и к *вооружению* одной части граждан против другой», то это обвинительный акт доказывает:

1) речами обвиняемых в течение 1848 года,

2) ненапечатанными и

3) напечатанными документами.

Ad 1)*. *Речи* дают обвинительному акту следующий corpus delicti**:

* — К пункту 1). *Ред.*
** —состав преступления. *Ред.*

На заседании от 29 мая Эссер объявил «республику» «средством избавления рабочих от бедствий». Подстрекательство к вооруженному восстанию против королевской власти! Готшальк заявил, что «реакционеры приведут к учреждению республики». Некоторые рабочие жаловались, что им нечем «поддерживать свое существование». Готшальк ответил им: «Вы должны научиться объединяться, отличать своих друзей от своих замаскированных врагов, должны научиться самостоятельно вести свои собственные дела».

Явное подстрекательство к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой!

Обвинительный акт резюмирует свои доказательства в следующих словах:

> «Свидетели, члены и не-члены союза, допрошенные относительно этих прежних собраний, вообще отзываются о Готшальке и Аннеке, особенно о первом, не иначе, как с похвалой. По их словам, он всегда предостерегал от эксцессов, стремился скорее успокаивать, чем возбуждать массы. Правда, при этом он указывал на республику, как на конечную цель своих стремлений, которая, однако, может быть достигнута не уличным мятежом, а лишь убеждением большинства народа в том, что вне республики нет спасения. *Стремясь, таким образом, как это ясно видно, постепенно подрывать основы существующего строя, он, конечно, не раз бывал вынужден обуздывать нетерпение грубой толпы».*

Именно тем, что обвиняемые *успокаивали* массы вместо того, чтобы *возбуждать* их, они *ясно* доказали свою злонамеренную тенденцию *постепенно подрывать основы существующего строя,* т. е. *законно* использовать *в неугодном* для властей *направлении* свободу печати и право союзов. И это обвинительный акт называет *«подстрекательством к вооруженному восстанию против королевской власти* и к *вооружению одной части граждан против другой»!!!*

Но вот, наконец, наступает *«ожидавшееся»* властями общее собрание *25 июня.* По поводу этого собрания, — говорит обвинительный акт, — *«имеются подробные свидетельские показания».* И что же сообщают эти подробные показания? Что Готшальк сделал доклад о франкфуртских событиях; что обсуждался вопрос об объединении трех демократических союзов в Кёльне[136]; что Готшальк произнес «заключительную речь», которая привлекла к себе особое внимание **Мальтезера и референдария фон Гроте** и заканчивалась следующим *«кульминационным пунктом»:* «для выжидания требуется больше мужества, чем для безрассудного натиска. Нужно подождать, пока реакция сделает шаг, который даст толчок к провозгла-

шению республики». Явное подстрекательство к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой!!!

Что касается *Аннеке,* то ему в обвинительном акте не вменяется в вину *«ничего другого,* кроме того, что во время прений *об объединении трех союзов»* (трех демократических союзов в Кёльне) «он очень горячо высказался за это объединение, причем обращался к собранию со словами *«граждане республиканцы»».*

Выступление за *«объединение»* трех демократических союзов в Кёльне есть явное *«подстрекательство к вооружению одной части граждан против другой»!*

А обращение «граждане республиканцы»! **Гг. Мальтезер и фон Гроте** могли почувствовать себя обиженными таким обращением. Но разве генерал *фон Дригальский* не обращается к самому себе и к дюссельдорфским гражданам со словами *«граждане коммунисты»?*

Если это все, что удалось извлечь из *«ожидавшегося»* общего собрания 25 июня, то не удивительно, что властям пришлось прибегнуть к формуле «в *течение 1848 года».* Так они и сделали, стараясь собрать сведения о движении этого года, наложив арест на письма и печатные материалы, конфисковав, например, три номера «Arbeiter-Zeitung», которые можно было купить по 4 пфеннига за штуку на любой улице.

Из конфискованных ими писем власти убедились, однако, какой *«политический фанатизм»* царит в Германии в 1848 году. Особенно «фанатичным» представляется им адресованное Готшальку письмо профессора *Карла Хенкеля* из Марбурга. В наказание они доносят об этом письме кургессенскому правительству и с удовлетворением узнают, что против профессора возбуждается судебное преследование.

В конечном же счете из писем и печатных материалов вытекает, что в 1848 году в головах и на бумаге царил всяческий фанатизм и вообще происходили события, похожие, как две капли воды, на *«вооруженное восстание против королевской власти и на вооружение одной части граждан против другой».*

Итак, Готшальк и его товарищи занимались всеми этими делами, а власти узнают лишь об *«отголосках»* этого удивительного движения путем конфискации печатных материалов и писем обвиняемых!

Написано К. Марксом 21 и 22 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 175 и 176; 22 и 23 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРУССКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ПРУССКОЕ СУДЕЙСКОЕ СОСЛОВИЕ

Кёльн. Главным плодом революционного движения 1848 года является не то, что выиграли народы, а то, что они потеряли, — *потеря их иллюзий.*

Июнь, ноябрь, декабрь 1848 года — таковы гигантские вехи пути, который прошло в своем разочаровании и отрезвлении сознание европейских народов.

Среди последних иллюзий, сковывающих немецкий народ, на первом месте стоит его *суеверное почтение* к *судейскому сословию.*

Прозаический северный ветер прусской контрреволюции ломает и этот цветок народной фантазии, истинной родиной которого является Италия — вечный Рим.

Действия и заявления *рейнской кассационной палаты, высшего трибунала в Берлине, окружных судов в Мюнстере, Бромберге, Ратиборе*[*] против *Эссера, Вальдека, Темме, Кирхмана, Гирке* доказывают еще раз, что французский *Конвент* был и остается маяком всех революционных эпох. Он положил начало революции тем, что декретом *сместил всех чиновников.* Судьи тоже не более как чиновники, о чем перед всей Европой свидетельствуют вышеназванные суды. Турецкие кади и китайские коллегии мандаринов смело могут скрепить своей подписью недавние указы этих *«высоких»* судов против своих коллег.

Нашим читателям известны уже указы высшего трибунала в Берлине и окружного суда в Ратиборе. Сегодня мы, займемся *окружным судом в Мюнстере*[137].

[*] Польские названия: Быдгощ, Рацибуж. *Ред.*

Но предварительно еще несколько слов об имеющей свою резиденцию в Берлине *рейнской кассационной палате,* этом summus pontifex* рейнской юриспруденции.

Как известно, рейнские юристы (за немногими похвальными исключениями) не нашли более неотложного дела в прусском собрании соглашателей, как лечить прусское правительство от его старых предрассудков и застарелой вражды. Они доказали ему на деле, что их былая оппозиция едва ли многим отличается от оппозиции французских парламентов до 1789 года: у тех и других — лишь упорное, приукрашенное либеральными фразами отстаивание своих *цеховых интересов.* Как во французском Национальном собрании 1789 г. либеральные члены парламента, так и в прусском Национальном собрании 1848 г. либеральные рейнские юристы были *храбрейшими из храбрых* в армии сервилизма. Рейнско-прусская прокуратура превзошла старопрусских следователей своим «политическим фанатизмом». Рейнские юристы должны были, естественно, блюсти свою репутацию и *после* роспуска собрания соглашателей. Лавры старопрусского высшего трибунала не давали спать рейнско-прусской кассационной палате. Ее шеф-президент *Зете* обратился к старшему ревизионному советнику *Эссеру* (не смешивать с кёльнскими «благонамеренными Эссерами»**) с таким же посланием, какое председатель высшего трибунала *Мюлер* адресовал тайному советнику высшего трибунала *Вальдеку.* Но рейнско-прусская палата сумела превзойти старопрусскую палату. Председатель рейнской кассационной палаты перещеголял своего конкурента тем, что совершил грубую *бестактность,* ознакомив через посредство «Deutsche Reform»[138] берлинскую публику с письмом к г-ну Эссеру еще до того, как отправил его самому г-ну Эссеру. Мы убеждены, что *вся Рейнская провинция* ответит на письмо г-на Зете *грандиозным адресом нашему убеленному сединами почтенному земляку г-ну Эссеру.*

Не что-то гнило в «королевстве датском»[139], а решительно *все!*

А теперь — в *Мюнстер!*

Наши читатели уже слышали о протесте окружного суда в Мюнстере против возвращения к своим обязанностям его директора *Темме.*

Дело обстоит следующим образом:

Министерство контрреволюции внушило, прямо или косвенно, тайному высшему трибуналу, рейнской кассационной

* — верховном жреце. *Ред.*

** Имеются в виду кёльнские адвокаты Эссер I и Эссер II. *Ред.*

палате и окружным судам в Бромберге, Ратиборе и Мюнстере, что королю неугодно, чтобы Вальдек, Эссер, Гирке, Кирхман и Темме вернулись на свои высокие судейские посты, так как они продолжали заседать в Берлине и участвовали в принятии постановления об отказе от уплаты налогов. Следовательно, означенные учреждения должны-де протестовать против этого.

Высокие судебные палаты (в первый момент рейнская кассационная палата колебалась — великие артисты достигают своего успеха не тем, что выступают первыми, а тем, что выступают последними) все без исключения последовали этому внушению и отправили протесты из Берлина и в Берлин. *Окружной суд в Мюнстере* оказался настолько глупым, что обратился *непосредственно к королю* (так называемому *конституционному* королю) с протестом против *Темме,* где говорится буквально следующее:

«Своим участием в незаконных заседаниях фракции Национального собрания, деятельность которого была в это время прервана, он открыто выступил против правительства Вашего величества, а голосуя за постановление об отказе от уплаты налогов, вступил на революционную почву и пытался разжечь в нашем отечестве пожар анархии».

И далее говорится:

«Нашему правовому сознанию, требованиям со стороны публики в отношении безупречности директора окружной судебной коллегии, обязанностям последнего в деле воспитания начинающих судебных чиновников и его положению по отношению к низшим судебным чиновникам противоречит то, что после таких фактов вышеозначенный *Темме* остается на своем посту в здешней коллегии. Поэтому мы считаем долгом своей совести всеподданнейше выразить Вашему величеству наше настоятельное желание быть поставленными вне служебных отношений к директору Темме».

Адрес подписан всей коллегией, за исключением единственного советника, зятя *министра юстицииРинтелена.*

Этот министр юстиции 18 декабря послал г-ну Темме в Мюнстер копию приведенного адреса *«на его решение»,* после того как Темме, *не встретив никаких возражений со стороны трусов,* приступил уже там снова к исполнению своих служебных обязанностей.

Утром 19 декабря Темме, как сообщает «Dusseldorfer Zeitung», явился в первый раз на пленарное заседание окружного суда и занял свое место директора рядом с заместителем шеф-президента фон Ольферсом. Сейчас же после открытия заседания он попросил слова и произнес вкратце приблизительно следующее:

«Он получил от министра юстиции рескрипт с приложением копии одного документа, а именно заявления «высокой коллегии», к которой он в настоящее время имеет честь принадлежать; в заявлении этом выра-

жается протест против возвращения его к своим обязанностям. Министр юстиции сообщил ему это заявление для ознакомления и «для принятия по этому поводу своего решения». Протест «высокой коллегии» имеет, очевидно, своим основанием его политическую деятельность; но об этой последней, как и вообще о своих политических взглядах, он не намерен здесь говорить, так как не обязан отчитываться в них перед «высокой коллегией». Что же касается его «решения», то он выразил его уже тем, что занял здесь свое место директора, и он должен заверить «высокую коллегию», что не покинет его, пока не будет принужден к этому судебным приговором. Впрочем, он не думает, что различие политических взглядов должно нарушать отношения между членами коллегии; с его стороны, по крайней мере, будет сделано все возможное для предотвращения этого».

Храбрейшие из храбрых были точно громом поражены. Они сидели безмолвно, неподвижно, окаменев, точно в коллегию мандаринов швырнули голову Медузы.

Храбрый окружной суд в Мюнстере! В своем служебном рвении он возбудил следствие против множества людей и посадил их в тюрьму за то, что они хотели привести в исполнение постановление Национального собрания об отказе от уплаты налогов. Своим заявлением по поводу г-на Темме, и притом непосредственно перед троном, храбрый окружной суд выступил в качестве одной из сторон, высказал *предвзятое мнение* до разбора дела и поэтому никак не может играть роль судьи по отношению к другой стороне.

Известно, что давление, которое простой народ Берлина будто бы оказывал на прусское Национальное собрание, послужило предлогом для первого государственного переворота министерства Бранденбурга[140]. Дабы не оказывать на депутатов никакого давления, министерство вдобавок продолжает начатую против них в Берлине *«дикую охоту»*[141] даже *после* возвращения депутатов на их постоянные местожительства!

Министр юстиции Рintелен говорит в своем предписании, публикуемом нами ниже:

«Умышленно распространяемое многими ложное мнение, будто действовавшие до сих пор уголовные законы, в особенности относительно преступлений против государства, утратили свою силу с марта этого года, значительно способствовало увеличению анархии и, возможно, оказало опасное влияние и на отдельные суды».

Большинство действий г-на Ринтелена и *полностью зависимых* от него судебных палат служат новым доказательством того, что со времени насильственного роспуска Национального собрания в Пруссии действует лишь *один* закон — *произвол берлинской камарильи.*

30 марта 1844 г. прусское правительство издало пресловутый дисциплинарный закон против судей, согласно которому

судьи могут быть смещены, переведены на другое место или уволены в отставку простым постановлением министерства. Последний *«Соединенный ландтаг»* отменил этот закон и вновь установил тот принцип, что судьи могут быть смещены, переведены или уволены в отставку только по судебному приговору. Октроированная конституция подтверждает этот принцип. Разве эти законы не попираются теми судебными палатами, которые, действуя по рецепту министра юстиции Ринтелена, путем *морального давления* хотят заставить своих политически скомпрометированных коллег подать в отставку? Разве эти судебные палаты не превращаются в офицерские корпорации, выбрасывающие из своей среды каждого, чьи политические взгляды не подходят под мерку их королевско-прусской *«чести»?*

А разве не существует у нас также закона, согласно которому *народные представители не подлежат привлечению к судебной ответственности* и *пользуются неприкосновенностью?*

Звук пустой!

Если бы *прусская конституция* уже не аннулировала самое себя своими же собственными параграфами и способом своего возникновения, ее аннулировало бы то простое обстоятельство, что ее последней гарантией является *высший трибунал в Берлине.* Конституция обеспечивается *ответственностью министров,* а *безответственность министров* обеспечивается октроированным для них судом, а именно *высшим трибуналом в Берлине,* имеющим в лице г-на *Мюлера* своего классического представителя.

Последние рескрипты высшего трибунала представляют собой, таким образом, не более и не менее как явную *кассацию октроированной конституции.*

В *Австрии* прямые *угрозы* правительства *разграбить банк*[142], который венский народ в момент своего величайшего и справедливейшего возмущения против финансового феодализма оставил *нетронутым,* убеждают *буржуазию* в том, что ее измена пролетариату поставила под удар именно то, что эта измена предполагала обеспечить, — *буржуазную собственность.* В *Пруссии буржуазия* видит, что в результате ее трусливого доверия к правительству и предательского недоверия к народу под угрозой находится необходимая *гарантия буржуазной собственности — буржуазное судопроизводство.*

При зависимом положении судейского сословия само, буржуазное судопроизводство становится зависимым от правительства, т. е. само буржуазное право уступает место произволу чиновников. La bourgeoisie sera punie par ou elle a peche — буржуазия будет наказана тем же, чем она погрешила, — *правительством.* Что угодливые заявления высших прусских

судебных палат являются лишь первыми симптомами предстоящего преобразования этих судебных палат в абсолютистском духе, — об этом свидетельствует следующее недавнее предписание министерства юстиции:

«Общим распоряжением от 8 октября с. г. мой предшественник по должности уже напомнил о том, что первенствующая задача судебных властей состоит в поддержании уважения к закону и в соблюдении его, что они лучше всего служат стране выполнением этой задачи, ибо истинная свобода может утвердиться только на почве закона. С тех пор, к сожалению, во многих местах обнаружились тягчайшие проявления анархической деятельности, издевающейся над законами и порядком; в отдельных частях страны имело место даже насильственное сопротивление властям, не везде встретившее энергичное противодействие. Ввиду столь печального положения вещей я обращаюсь теперь, когда правительство его величества короля сделало решительный шаг для спасения государства, находящегося на краю гибели, я обращаюсь теперь снова к судебным Властям и господам прокурорам всей страны, чтобы призвать их повсюду выполнять свой долг, невзирая на лица. Кто бы ни был виновный, он не должен уйти от немедленно приводимой в исполнение законной кары.

С особенно глубоким сожалением должен был я заключить как из отдельных сообщений местных властей, так и из официальных газет, что отдельные судебные чиновники, невзирая на особые обязанности, связанные с их профессией, отчасти дали увлечь себя на совершение явно незаконных действий, отчасти же не обнаружили достаточно мужества и неустрашимости, особенно необходимых для успешной борьбы с терроризмом. Я полагаю, что по отношению к таким лицам также будет устанавливаться состав преступления, а в случае необходимости будет возбуждаться следствие без послаблений и без всякого промедления, ибо чиновники, стоящие на страже правосудия, которым вверено сохранение уважения к закону, совершают двойное преступление, сами нарушая закон; а ускорение процедуры против них особенно необходимо, так как в руках подобных чиновников не должно оставаться отправление правосудия. В тех случаях, когда среди виновных находятся чиновники, против которых, согласно существующим правилам, не может быть предпринято формальное следствие или полагающееся в таких случаях временное отрешение от должности без согласия высшей инстанции, надлежит приступать к установлению фактов в видах обоснования следствия, не дожидаясь специального разрешения, а затем возможно скорее получать требуемое разрешение. Относительно референдариев и сверхштатных чиновников не следует забывать, что их увольнение с государственной службы регулируется особыми правилами.

Умышленно распространяемое многими ложное мнение, будто действовавшие до сих пор уголовные законы, в особенности относительно преступлений против государства, с марта этого года утратили свою силу,

значительно способствовало увеличению анархии и, возможно, оказало опасное влияние и на отдельные суды. Ввиду превосходного духа прусских судебных чиновников, который в общем сохранился и теперь, достаточно указания на известный юридический принцип, что законы сохраняют свою силу до тех пор, пока они не отменяются или не изменяются законодательным путем, а также на определенную формулировку статьи 108 конституционного акта от 5-го с. м., чтобы питать уверенность, что почтенные прусские чиновники ведомства юстиции, при всей их предан-

ности истинной нравственной и государственной свободе, выше всего будут ставить уважение к закону и порядок.

Руководствуясь этими принципами и презирая все личные опасности, мы будем идти вперед с уверенностью в победе над преступлением, над анархией. Именно таким путем мы существенно будем содействовать тому, чтобы столь блестящее прежде прусское государство возродилось в своей нравственной силе и не допускало бы больше, говоря словами одного мужественного депутата во Франкфурте, чтобы бесчестье и грубое насилие и впредь творили свое дело среди нас.

Господам председателям судов, а также г-ну генеральному прокурору в Кёльне надлежит сделать соответствующие указания подведомственным им чиновникам и поставить меня в известность относительно того, против каких чиновников и за какие проступки произведены отрешения от должности и начаты следствия.»

Берлин, 8 декабря 1848 г.

Министр юстиции *Ринтелен*

Когда в Пруссии, наконец, победит революция, ей не понадобится, как февральской революции, отменять особым декретом несменяемость старого судейского сословия. Она найдет акты отречения этой касты от своих привилегий в доподлинных заявлениях *рейнской кассационной палаты, высшего трибунала в Берлине, окружных судов Бромберга, Ратибора и Мюнстера.*

Написано К. Марксом около 23 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 177, 24 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Литературный люмпен-пролетариат г-на Дюмона, который с самым трогательным пассивным сопротивлением принимает все пинки «Neue Rheinische Zeitung», пытается отомстить тем, что доносит полиции на редакторов «Neue Rheinische Zeitung» по поводу статей, которых они *не* писали. Так, согласно «Kolnische Zeitung» от 25 декабря, *Фрейлиграт* якобы является автором корреспонденции из Кёльна в газете «Deutsche Schnellpost», которая выходит в Нью-Йорке, и *потому*-де принимал участие в кошачьем концерте, устроенном 3 ноября в честь патронов «Kolnische Zeitung». Лавры *«Мальтезера»*[*] явно не дают спать редакторам «Kolnische Zeitung».

Написано 26 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 179, 27 декабря 1848 г,

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] См. настоящий том, стр. 141—142. *Ред.*

НОВЫЙ «СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ»

Кёльн, 30 декабря. Что между Пруссией, Австрией и Россией еще несколько месяцев назад заключен новый «Священный союз»,—известно уже всему миру. Самый договор в скором времени будет извлечен на свет божий, и его окажется возможным предать гласности. Душой этого союза государей «милостью бога и кнута» является Россия. Но в то же время вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев. Действительно, везде, где проявляют свою деятельность абсолютизм и контрреволюция, мы всегда встречаем немцев, но нигде не встречаем мы их в большем числе, чем в центральном пункте перманентной контрреволюции — в русской дипломатии. Тут на первом месте граф Нессельроде — немецкий еврей; затем барон фон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии, и его подручный, адъютант императора, полковник граф Бенкендорф — тоже эстляндец. В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фонтон,—все немцы. Барон фон Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец, служит промежуточным и посредствующим звеном между Меттернихом и Пальмерстоном. Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров, не говоря уже о креатурах петербургского царя, занимающих в Германии высокие и высшие посты и вместе с тем щедро оплачиваемых Россией.

Нет нужды разъяснять — это всем известно,—какую роль в лагере врагов народа и в лагере Священного союза играет

австрийская эрцгерцогиня София, ныне императрица-мать. А сама София находится, в свою очередь, под сильнейшим влиянием великой княгини Елены, супруги великого князя Михаила и дочери принца Пауля Вюртембергского. Елена осуществляет теснейшую связь между Николаем и Софией и пользующимся дурной славой эрцгерцогом Людвигом.

В кругу этих лиц уже несколько месяцев тому назад обсужден и принят план, согласно которому австрийский военно-полевой император должен жениться на единственной оставшейся в живых дочери великокняжеской четы, чтобы новый «Священный союз» был таким путем неразрывно спаян и чтобы Россия могла все ближе подходить к своей цели — установлению в Германии неограниченного господства кнута.

Написано 30 декабря 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 183, 31 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Кёльн, 31 декабря. Никогда еще революционное движение не начиналось такой елейной увертюрой, как революционное движение 1848 года. Папа дал ему церковное благословение, эолова арфа Ламартина напевала нежные филантропические мотивы, в тексте которых говорилось о «fraternité», о братстве членов общества и целых народов.

«Обнимитесь, миллионы!
Поцелуй — вселенной всей»[143].

В настоящий момент папа, изгнанный из Рима, сидит в Гаэте под защитой кровожадного идиота Фердинанда, этот «iniciatore»[*] Италии[144] интригует против Италии с ее исконным смертельным врагом — Австрией, которой он в свои лучшие времена угрожал отлучением. Недавние президентские выборы во Франции дали статистическое доказательство непопулярности предателя Ламартина. Не было события более филантропического, гуманного и слабого, чем февральская и мартовская революции; ничто не сравнится по жестокости с неизбежными последствиями этого *гуманизма слабости.* Доказательства: Италия, Польша, Германия и прежде всего побежденные в июне.

Однако с поражением в июне французских рабочих июньские победители были сами побеждены. Ледрю-Роллен и остальные вожди Горы были оттеснены партией буржуазных республиканцев, партией «National»; партия «National» была оттеснена

[*] — «инициатор». *Ред.*

династической оппозицией, Тьером— Барро; эта последняя должна была бы уступить место легитимистам[145], если бы круговорот трех реставраций не был исчерпан и если бы Луи-Наполеон представлял нечто большее, нежели пустую урну, через посредство которой французские крестьяне заявили о своем вступлении в революционно-социальное движение, а французские рабочие послали свое проклятье всем деятелям прошлых этапов революции: Тьеру — Барро, Ламартину и Кавеньяку — Маррасту. Но отметим тот факт, что поражение революционного французского рабочего класса имело своим неизбежным следствием поражение республиканской французской буржуазии, которая только что учинила расправу над пролетариатом.

Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии означали в то же время новое порабощение национальностей, которые на крик галльского петуха ответили героическими попытками освобождения. Польша, Италия и Ирландия еще раз подверглись ограблению, осквернению, злодейским зверствам, учиненным прусской, австрийской и английской полицейщиной. Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали поражение средних классов во всех европейских странах, где средние классы, соединившись на момент с народом, ответили на крик галльского петуха кровавым восстанием против феодализма. Неаполь, Вена, Берлин! Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии означали в то же время победу Востока над Западом, поражение цивилизации в борьбе с варварством. В Валахии началось угнетение румын русскими и их Орудием — турками; в Вене хорваты, пандуры, чехи, сережаны и прочий сброд задушили германскую свободу, и в настоящий момент царь вездесущ в Европе. Низвержение буржуазии во Франции, победа французского рабочего класса, освобождение рабочего класса вообще — таков, следовательно, лозунг европейского освобождения.

Но та страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая уже однажды взяла на себя расходы европейской Реставрации, страна, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее резкой и бесстыдной форме, — *Англия* кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество еще во чреве матери. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях

любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия господствует над Англией.

Таким образом, освобождение Европы — будь то завоевание угнетенными национальностями независимости, будь то низвержение феодального абсолютизма — обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса. Но всякий социальный переворот во Франции неизбежно будет сокрушен английской буржуазией, мировой промышленной и торговой гегемонией Великобритании. Всякое частичное социальное преобразование во Франции и вообще на европейском континенте, поскольку имеется в виду его доведение до конца, есть и останется пустым благим пожеланием. А старая Англия будет сокрушена лишь *мировой войной,* которая одна только может предоставить чартистской партии, организованной английской рабочей партии, условия для победоносного восстания против своих могущественных угнетателей. Только тогда, когда чартисты окажутся во главе английского правительства, социальная революция перейдет из области утопии в область действительности. Но всякая *европейская война,* в которой замешана Англия, есть мировая война. Она будет вестись в Канаде и Италии, в Ост-Индии и Пруссии, в Африке и на Дунае. И европейская война будет первым следствием победоносной рабочей революции во Франции. Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контрреволюционных армий, по в результате этой войны она сама будет брошена в революционное движение, станет во главе его и искупит свою вину перед революцией XVIII века.

Революционное восстание французского рабочего класса, мировая война — таковы перспективы 1849 года.

Написано К. Марксом 31 декабря. 1848 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 184, 1 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

БУРЖУАЗНЫЙ ДОКУМЕНТ

Кёльн, 4 января. Общественная благотворительность, как известно, приняла в Англии, где господство буржуазии достигло наибольшего развития, самые благородные и самые великодушные формы. Английские workhouses*, эти общественные учреждения, в которых за счет буржуазного общества прозябает избыточное рабочее население, сочетают в поистине утонченной форме благотворительность с *местью,* которой буржуазия преследует несчастных, вынужденных обращаться к ее благотворительности. Бедняги не только получают самые скудные, самые жалкие средства существования, которых едва хватает на физическое воспроизводство, но их деятельность ограничивается возбуждающим отвращение, духовно и физически отупляющим, непроизводительным, бессмысленным трудом — например, работой на ступальном колесе. Дабы несчастные поняли, наконец, всю тяжесть своего преступления — преступления, заключающегося в том, что вместо того, чтобы, как обычно, быть объектом, эксплуатируемым и приносящим прибыль буржуазии, они, наоборот, превратились в источник расходов для своих прирожденных потребителей, подобно тому как оставшиеся на складе бочки спирта являются источником расходов для торговца спиртом, — дабы они научились чувствовать всю тяжесть этого преступления, их лишают всего, что оставляют даже самому закоренелому

* — работные дома. *Ред.*

преступнику: возможности общения с женами и детьми, развлечений, бесед — всего. Но даже и эта *«жестокая благотворительность»* английской буржуазии ни в малейшей мере не строится на каких-либо сентиментальных основах — она вся построена на основах весьма практических, легко поддающихся учету. С одной стороны, буржуазный порядок и коммерция могли бы сильно пострадать, если бы пауперы всей Великобритании вдруг были выброшены на улицу. С другой стороны, английская промышленность переживает то периоды лихорадочного перепроизводства, когда спрос на рабочие руки с трудом может удовлетворяться существующим предложением, а добывать их все же нужно, и как можно дешевле, то периоды торгового застоя, когда производство далеко опережает потребление и когда едва лишь половина рабочей армии может быть занята полезным трудом за половинную плату. Что более остроумного можно придумать, чем workhouses, дабы постоянно иметь наготове резервную армию для благоприятных периодов, а в неблагоприятные торговые периоды превращать ее в этих богоугодных заведениях в машины, лишенные воли, способности к сопротивлению, требований и потребностей?

Прусская буржуазия выгодно отличается от английской буржуазии тем, что она противопоставляет британскому политическому высокомерию, напоминающему нравы нечестивого Рима, всеподданнейшее благоговение, христианское смирение и кротость перед троном, алтарем, армией, бюрократией и феодализмом; тем, что она, — вместо того чтобы проникнуться коммерческой энергией, покоряющей целые части света, — занимается на китайский манер мелочной торговлей внутри страны и, с филистерской ограниченностью цепляясь за стародавний рутинный полуцеховой строй, пытается посрамить беспокойный гигантский дух изобретений в промышленности. Но в одном пункте прусская буржуазия приближается к своему британскому идеалу — *в бесстыдной жестокости по отношению к рабочему классу.* Если, взятая как целое, как корпорация, она и в этом отношении отстает от британцев, то это объясняется просто тем, что в общем и целом, как *национальный класс,* она, по недостатку мужества, ума и энергии, никогда ничего не добивалась и никогда ничего значительного не добьется. Она и не существует в национальном масштабе — она существует только как буржуазия *данной провинции, данного города, данной местности,* как сумма *частных лиц,* и в *этом* виде она еще более беспощадно выступает против рабочего класса, чем английская буржуазия. Почему народы со времени

Реставрации так тосковали, о Наполеоне, которого они только что приковали к уединенной скале в Средиземном море? Потому что легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота. Так, английский рабочий может ощущать некоторую национальную гордость по сравнению с немецким рабочим, потому что господин, который его угнетает, угнетает весь мир, между тем как господин немецкого рабочего, немецкий буржуа, сам *раб из рабов,* а нет ничего более ужасного, более унизительного, чем быть *рабом раба.*

В качестве исторического документа, свидетельствующего о цинизме нашей буржуазии по отношению к рабочему классу, мы дословно воспроизводим *«рабочую книжку»,* которую должны подписывать пролетарии, занятые на городских работах славного города Кёльна.

РАБОЧАЯ КНИЖКА

§ 1. Каждый рабочий должен *безусловно повиноваться* указаниям и распоряжениям *всех городских надзирателей,* которые в то же самое время являются *полицейскими чиновниками. Неповиновение и сопротивление влекут за собой немедленное увольнение.*

§ 2. *Без особого разрешения надзирателя строительных работ* ни один рабочий не имеет права переходить из одного отделения в другое или покидать место стройки,

§ 3. Рабочие, похищающие телеги, тачки или прочие принадлежности из другого отделения для использования их на работе в своем отделении, подлежат увольнению.

§ 4. Пьянство, нарушение спокойствия, затевание ссор, споров или драк влекут за собой немедленное увольнение с работы. — Кроме того, в *соответствующих случаях* виновные подвергаются преследованию в законном порядке со стороны надлежащих судебных учреждений.

§ 5. *Опаздывающий на десять минут* на место работы не получает никакой работы *в течение полдня;* после трех опозданий *может* последовать окончательное увольнение с работы.

§ 6. Если рабочие увольняются по собственной просьбе или в виде наказания, то они получают плату в ближайший установленный платежный день соответственно выполненной ими работе.

§ 7. Последовавшее увольнение рабочего отмечается в рабочей книжке. — Если увольнение последовало как наказание, то рабочему, *смотря по обстоятельствам,* воспрещается вновь поступать на работу на соответствующей постройке или на всех городских постройках.

§ 8. Об увольнении рабочих в виде наказания и о причине увольнения каждый раз доводится до сведения *полицейских властей.*

§ 9. Если рабочие хотят подать *жалобу на надзирателя стройки,* они должны подать ее *начальнику городских строительных работ* через выборную депутацию из трех рабочих. Этот начальник разбирает предмет жалобы на месте и *выносит свое решение.*

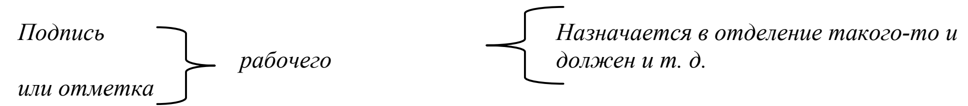
§ 10. Рабочее время устанавливается от половины седьмого утра до двенадцати часов дня и от часа пополудни до наступления вечерней темноты. (Какой прекрасный стиль!)

§ 11. На перечисленных условиях рабочий получает работу.

§ 12. Выплата заработной платы производится по субботам после полудня на месте строительных работ.

Присяжный надзиратель строительных работ, распоряжения которого подлежат немедленному исполнению

Кёльн

Подпись надзирателя строительных работ

Могут ли *русские* указы самодержца всея Руси своим подданным быть составлены в более азиатском духе?

Городским и даже *«всем городским* надзирателям, которые в то же самое время являются *полицейскими чиновниками»,* надлежит «безусловно повиноваться. *Неповиновение* и *сопротивление* влекут за собой *немедленное* увольнение». Таким образом, прежде всего — *пассивное повиновение/* Затем, согласно § 9, рабочим предоставляется право подавать «жалобы *начальнику городских строительных работ».* Этот паша решает безапелляционно — разумеется, *против рабочих,* уже по соображениям иерархии. А раз он решил, раз рабочие внесены в городской черный список,—то горе им, после этого они попадают под *надзор полиции.* И тогда исчезает последняя видимость их гражданской свободы, так как, по § 8, «об увольнении рабочих в виде наказания и о причине увольнения каждый раз доводится до сведения *полицейских властей».*

Но если вы, милостивые государи, уволили рабочего, если вы ему объявили о расторжении договора, по которому он отдает *свой труд* за *вашу заработную плату,* — какое вообще дело *полиции* до этого расторжения *гражданского договора?* Разве городской рабочий — каторжник? Или о нем *доносят полиции,* потому что он не оказал должного почтения нам — своему прирожденному, премудрому, важному и могущественному начальству? Разве не подняли бы вы на смех человека, который *донес бы* на вас *полиции,* потому что вы-де нарушили тот или иной договор о поставке, или не уплатили в срок по векселю, или же не в меру выпили под Новый год? Ну, конечно! Некогда дело касается рабочего, вы не считаете себя связанными гражданскими договорными отношениями — вы царствуете над ним со всем самодурством *господ божьей милостью!* И находящаяся у вас в услужении полиция должна вести кондуитный список рабочего.

Согласно § 5, опаздывающий на *десять минут* наказывается лишением работы на *половину рабочего дня.* Какое соответствие между проступком и наказанием! Вы опоздали на целые *столетия,* а рабочий не может опоздать на *десять минут* после половины седьмого, не потеряв *половины рабочего дня?*

Наконец, чтобы этот патриархальный произвол никоим образом не был нарушен и чтобы рабочий зависел исключительно от вашей прихоти, вы норму наказания предоставили, насколько это возможно, усмотрению ваших ливрейных лакеев. В *«соответствующих* случаях», т. е. в тех случаях, которые вам заблагорассудится считать соответствующими, вслед за увольнением и донесением полиции, согласно § 4, «виновные подвергаются преследованию в законном порядке со стороны надлежащих судебных учреждений». Согласно § 5, окончательное увольнение рабочего *«может»* последовать, если он в третий раз опоздает на десять минут после половины седьмого. При увольнении в виде наказания, по § 7, «рабочему, *смотря по обстоятельствам,* воспрещается вновь поступать на работу на *соответствующей* постройке или на *всех* городских постройках» и т. д. и т. д.

Какой простор для капризов раздраженного буржуа в этом уголовном кодексе наших городских Катонов — этих великих мужей, рабски пресмыкающихся перед Берлином!

На примере этого образцового закона можно видеть, *какую хартию октроировала бы народу наша буржуазия,* будь она у власти.

Написано К. Марксом 4 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 187, 5 января 1849 г.

Печатается на тексту газеты

Перевод с немецкого

БЮДЖЕТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ХРИСТИАНСКО-ГЕРМАНСКИЙ БЮДЖЕТ

Кёльн, 6 января. Во что обходится прусское правительство стране, мы, наконец, доподлинно узнали несколько дней тому назад. «Preusischer Staats-Anzeiger» показал нам, наконец, на примере государственного бюджета на 1849 год, как цинично нас до сих пор обманывали в бюджетах. Поразил этот новогодний подарок только тех, кому каждое слово нашего правительства божьей милостью казалось до сего времени святой истиной, а продолжавшееся с 1820 г. надувательство в области государственных финансов представлялось доказательством совершенства нашего полицейско-государственного бюджета.

Пруссия занимает около 5 тысяч квадратных миль и насчитывает немногим более 16 миллионов жителей.

Соединенные Штаты Северной Америки занимают территорию, поверхность которой теперь почти равна поверхности всей Европы, и насчитывают свыше 21 миллиона жителей.

Нельзя найти более подходящего исходного пункта для рассмотрения прусского бюджета на 1849 год, чем бюджет североамериканских свободных штатов.

Сравнение обоих бюджетов показывает, как дорого прусский буржуа должен платить за удовольствие иметь правительство божьей милостью, за жестокое обращение наемников этого правительства при осадном положении и без оного, за пренебрежительное отношение со стороны банды высокомерных чиновников и захолустных юнкеров. С другой стороны, обнаруживается, как дешево может содержать свое правительство мужественная буржуазия, сознающая свою мощь и решившая ею воспользоваться.

Оба бюджета сами по себе являются уже достаточным доказательством трусости, ограниченности и филистерства одних и сознания собственного достоинства, предусмотрительности и энергии других.

Все расходы Соединенных Штатов за 1848 год составляли 42811970 долларов. В эту сумму вошли расходы на мексиканскую войну — войну, которая велась на расстоянии 2 тысяч миль от резиденции центрального правительства. Можно себе представить, каких колоссальных расходов потребовала переброска армии и всех необходимых для нее предметов.

Доходы Союза составляли 35436750 долларов, в том числе 31757070 долларов от таможенных пошлин, 3328642 доллара от продажи государственных земель и 351037 долларов разных и случайных доходов. Так как ввиду военных издержек обычными доходами нельзя было покрыть все расходы, то дефицит был покрыт займами, облигации которых были раскуплены по цене выше al pari*. Спросите на денежном рынке, в состоянии ли «христианско-германское» правительство раздобыть хотя бы 1000 талеров на таких выгодных условиях!

В Соединенных Штатах финансовый год начинается 1 июля. До июля 1849 г. расходы вследствие мексиканской войны будут еще весьма значительны по сравнению с обычными расходами — конечно, не на прусский масштаб. Зато президент Полк в своем послании конгрессу обещает представить на следующий финансовый год, кончающийся 1 июля 1850 г., обычный бюджет мирного времени.

Каковы расходы этого могущественного государства — североамериканской буржуазной республики — в мирное время?

33213152 доллара, включая проценты (3799102 доллара) по государственному долгу и 3540000 долларов, подлежащих уплате Мексике 30 мая 1850 года.

Если вычесть обе последние суммы, которые фигурируют в бюджете как чрезвычайный расходы, то получится, что все правительство и управление Соединенных Штатов обходится меньше, чем в 26 миллионов долларов в год.

А сколько платят в год государству прусские граждане в *мирное время?*

Ответ довольно печальный. Этот ответ дает нам «Preusischer Staats-Anzeiger». Он гласит: *свыше 94 миллионов талеров в год!*

Таким образом, в то время как 21 миллион жителей североамериканской республики, при их благосостоянии, даже богатстве, отдают государственной кассе едва только 26 миллионов

* — нарицательной. *Ред.*

долларов, — *т. е. по прусскому курсу меньше 38 миллионов талеров,* — 16 миллионов пруссаков, при их относительной бедности, должны ежегодно бросать в пасть государственной казны 94 миллиона талеров, и она еще не желает довольствоваться этим.

Но не будем несправедливы!

Североамериканская республика имеет зато лишь избираемого на четыре года президента, который, правда, делает для страны больше, чем дюжина королей и императоров, вместе взятых. Однако он получает за это только скудное жалованье в 37 тысяч талеров (по прусскому курсу) в год. В этой ничтожной сумме в 37 тысяч талеров отражается вся скорбь христианско-германской души «с богом за короля и юнкерство». Никаких камергеров, придворных ювелиров, никакого поливания шоссе в Шарлоттенбурге для придворных дам, никаких охотничьих парков за счет граждан и т. д. О, это ужасно! Но самое ужасное то, что эти североамериканцы, этот покинутый богом народ, повидимому, даже не сознают этого ужаса, этой дикости.

Совсем не то у нас. Если мы платим даже в три и четыре раза больше, зато мы получаем удовольствие от таких вещей, каких у них нет и не может быть за 37 тысяч талеров. Мы испытываем радость и наслаждение от блеска богом благословенного двора, который — точно это не известно, но по приблизительному подсчету — обходится народу в 4—5 миллионов ежегодно.

В то время как американцы, эти глупые чудаки, приберегают по возможности свои деньги, чтобы окружить самих себя блеском и употребить их для своей собственной пользы, мы считаем своим христианско-германским долгом отказываться от собственного блеска, т. е. от своих денег, дабы могли блистать другие. Да и помимо блеска, каких только благодеяний не оказывает обильно снабжаемый из народного кармана двор массе бедных графов, баронов, просто «фонов» и т. п.! Многие из этих людей, способных только потреблять, а не производить, в конце концов разорились бы дотла, если бы не получали в деликатной форме милостыню от государства. Если бы мы захотели перечислить все благодеяния и преимущества наших порядков, нам бы и дня на это не хватило!

А как сильно отстают от нас американцы из-за своего ничтожного бюджета и во многих других отношениях!

У них, например, г-н обер-президент Бёттихер не получил бы подарка в 3 тысячи талеров из государственной кассы. Они сказали бы, что он вполне может удовлетвориться своим прекрасным жалованьем. Графам и баронам ничего не перепадало бы на воспитание детей. Североамериканская республика

сказала бы по сему случаю этим почтенным господам: alors il faut s'abstenir d'avoir des enfants![*] Какой-нибудь *«Хюзер»* не получал бы там каждый год 6 тысяч талеров наградных и должен был бы довольствоваться своим жалованьем, которое, может быть, даже было бы урезано до 3 тысяч талеров. И на это должен был бы жить человек, прусский человек, христианско-германский генерал? Какая нечестивая мысль! Apage![**]

У американцев, как и у г-на Ганземана, в денежных делах нет места сентиментам.

Они дали бы дон Карлосу, самое большее, несколько whippings[***], но никогда не дали бы ему 700 тысяч талеров, чтобы предоставить ему возможность вместе со своими грандами и монахами жить в свое удовольствие и бороться за меттерниховский легитимизм. На это способна только королевская власть божьей милостью, для которой во всякое время и по праву должен быть открыт народный карман.

Если американец платит государству ничтожные налоги, зато он, с другой стороны, имеет постоянную армию только в 10 тысяч человек, которая в военное время может быть очень быстро развернута в двухмиллионную армию крепких воинов. Американец даже в отдаленной степени не знает счастья употребления большей части налогов на содержание армии, которая в мирное время держит нас на осадном положении, жестоко расправляется с нами, наносит нам раны и расстреливает нас, и все это во имя славы и чести отечества.

Но что толку? Эти буржуазные республиканцы так упрямы, что знать не хотят наших христианско-германских порядков и даже предпочитают небольшие налоги высоким.

Столь же упорно немецкий буржуа настаивает на том, что королевскую власть божьей милостью с ее армией солдат и чиновников, с ее толпами пенсионеров, с ее наградными, экстраординарными выдачами и т. д. невозможно оплатить достаточно высоко.

Богач-республиканец из Северной Америки и прусский буржуа относятся друг к другу точно так же, как их бюджеты, как 37 к 94 миллионам. Один живет по собственной, другой — по божьей милости; этим-то они и отличаются друг от друга.

Написано 6 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 189, 7 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — в таком случае не надо плодить детей! *Ред.*
[**] — Что за нелепость! *Ред.*
[***] — ударов плетью. *Ред.*

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Кёльн, 8 января. Если пастор и кантор, пономарь и органист, цирюльник и ночной сторож, полевой стражник, могильщик и т. д. поздравляют нас с Новым годом, — то это столь же старый, сколь и вечно новый обычай, к котором/мы относимся равнодушно.

Но 1849 год не довольствуется старинным обычаем. Свое наступление он ознаменовал чем-то небывалым — новогодним поздравлением прусского короля.

На этот раз появилось новогоднее послание не к прусскому народу и не «К Моим возлюбленным берлинцам»[146], а «К Моей армии».

В этом новогоднем послании король «с гордостью» взирает на армию, ибо она осталась верной, *«когда»* (мартовский) *«мятеж нарушил мирное развитие либеральных учреждений, к которым Я хотел осмотрительно повести Мой народ».*

Прежде говорили о мартовских событиях, о «недоразумениях» и т. п. Теперь уже не нужно ничем прикрываться — и мартовские «недоразумения» преподносят нам как *«мятеж».*

Из королевского новогоднего поздравления на нас повеяло тем же духом, что и со столбцов «рыцарши креста». Подобно тому как в поздравлении говорится о «мятеже», так и в газете пишется о никому не известных делах «мартовских преступников», о преступном сброде, нарушившем в марте покой берлинской дворцовой жизни.

Если мы спросим, почему мартовский «мятеж» так особенно возмутителен, нам ответят: «потому что он нарушил мирное развитие либеральных (!!) учреждений и т. д.».

Если бы вы не покоились на Фридрихсхайне[147] — вы, мартовские мятежники, — вас бы теперь наградили «свинцом

и порохом» или пожизненной каторгой. Ведь вы, нечестивцы, нарушили «мирное развитие либеральных учреждений»! Нужно ли напоминать о королевско-прусском развитии «либеральных учреждений», о либеральнейшем развитии расточительности, о «мирном» распространении ханжества и королевско-прусского иезуитизма, о мирном развитии полицейского п казарменного духа, шпионства, надувательства, лицемерия, наглости и, наконец, самого отталкивающего, отупляющего влияния на народ наряду с самой циничной развращенностью так называемых высших классов? Мы тем менее нуждаемся в подобном напоминании, что нам достаточно оглянуться вокруг, достаточно протянуть руку, чтобы снова обнаружить перед собой в полном цвету «нарушенное развитие» и насладиться вторым изданием упомянутых «либеральных учреждений».

«Моя армия», — гласит далее королевское поздравительное послание, — «сохранила свою старую славу и покрыла себя новой славой».

Еще бы! Она покрыла себя такой славой, что, пожалуй, одни только хорваты могут претендовать на большую.

Но когда и где она покрыла себя такой славой? Во-первых, «она украсила свои знамена новыми лаврами, когда Германии понадобилось наше оружие в Шлезвиге».

Прусская нота майора Вильденбруха, адресованная датскому правительству[148], — вот та основа, на которой воссияла новая прусская слава. Вся система ведения войны вполне соответствовала этой ноте, которая уверяла датского кузена, что прусское правительство не замышляет ничего серьезного, что оно только бросает приманку республиканцам, а всем остальным пускает пыль в глаза, чтобы только выиграть время. А выиграть время — значит выиграть все. Потом можно будет прекрасно столковаться.

Г-н Врангель, относительно которого долгое время вводили в заблуждение общественное мнение, тайком, яко тать в нощи, покинул Шлезвиг-Гольштейн. Он ехал в штатском платье, чтобы не быть узнанным. В Гамбурге все содержатели гостиниц заявили, что не могут дать ему пристанище. Им дороже их дома, окна и двери, чем презираемые народом, но воплощенные в этом достославном господине лавры прусской армии. Не следует также забывать, что единственный успех бесполезных и бессмысленных маневров этой кампании, весьма напоминающих процедуру старых имперских судов (см. номера нашей газеты за то время[149]), состоял в стратегической ошибке.

Единственно, что поражает в этой кампании, — это необыкновенная дерзость *датчан,* которые упорно водили за нос

прусскую армию и совершенно отрезали Пруссию от мирового рывка.

Завершением прусской славы в этом отношении являются, сверх того, мирные переговоры с Данией и их результат — заключенное в Мальмё перемирие[150].

Если римский император, понюхав монету, полученную в уплату налога на отхожие места, мог сказать: «non olet» (не пахнет), то, наоборот, на прусских лаврах, пожатых в Шлезвиг-Гольштейне, неизгладимыми буквами начертано: «olet!» (воняет).

Во-вторых, «Моя армия победоносно преодолела трудности и опасности при подавлении восстания в великом герцогстве Познанском».

Что касается «победоносно преодоленных трудностей», то они заключаются в следующем: Пруссия, во-первых, использовала вызванную слащавыми словами Берлина благородную иллюзию поляков, которые в *«померанцах»* увидели немецких товарищей по оружию в борьбе против *России* и поэтому спокойно распустили свою армию, позволили померанцам вступить в страну и только тогда опять собрали рассеянные боевые силы, когда пруссаки с величайшей жестокостью стали расправляться с беззащитными. А геройские подвиги пруссаков! Не *на* войне, а *после* войны совершаются геройские подвиги «славной» прусской армии. Когда Мерославский был представлен июньскому победителю, первый вопрос Кавеньяка состоял в том, как это пруссаки ухитрились быть разбитыми при *Милославе* (мы можем это подтвердить показаниями свидетелей, слышавших все собственными ушами). 3000 поляков, кое-как вооруженных косами и пиками, дважды разбивают и дважды принуждают к отступлению 20000 пруссаков, хорошо организованных и в избытке снабженных оружием. Прусская кавалерия в своем диком бегстве сама опрокинула прусскую пехоту. Польские повстанцы удержали за собой Милослав, после того как они дважды изгоняли из города контрреволюцию. Но еще позорнее для пруссаков, чем их *поражение при Милославе,* была одержанная ими, наконец, *победа при Врешене*[*]*,* подготовленная их предшествующим поражением. Когда невооруженный, но сильный, как Геркулес, противник стоит против вооруженного пистолетами труса, то трус бежит и на приличном расстоянии расстреливает все свои патроны. Так поступили пруссаки при *Врешене.* Они отбежали на некоторое расстояние, откуда можно было обстреливать картечью, гранатами, начиненными 150 пулями, и шрапнелью людей, вооруженных пиками и косами, которыми, как известно, издали ничего нельзя сделать. Шрапнелью

[*] Польское название: Вжесня. *Ред.*

до сих пор стреляли только англичане в полудиких жителей Ост-Индии. И только бравые пруссаки, охваченные паническим страхом перед польской храбростью и сознающие свою слабость, обратили шрапнель против тех, кого называли согражданами. Понятно, им пришлось изыскивать способ, как на расстоянии массами убивать поляков. Вблизи поляки были слишком страшны. Вот какова была *славная победа при Врешене!* Но, как мы уже отметили, геройские подвиги прусской армии начинаются только *после* войны, подобно тому как геройские подвиги тюремщика начинаются только *после* приговора.

Что *эту* славу прусской армии история не забудет, — порукой тому тысячи поляков, которые в результате прусского предательства и черно-белого коварства были убиты шрапнелью, остроконечными пулями и т. п. и позже заклеймены адским камнем[151].

Об этом втором лавровом венке контрреволюционной армии в достаточной мере свидетельствуют сожженные прусскими героями села и города, убитые прикладами и заколотые штыками в своих домах польские жители, об этом свидетельствуют грабежи и всякого рода жестокости пруссаков.

Бессмертная слава этим прусским воякам в Познани, проложившим путь, по которому вскоре последовал неаполитанский палач[152], расстрелявший свою верную столицу и на 24 часа отдавший ее на поток и разграбление своей солдатне! Честь и слава прусской армии, отличившейся в познанской кампании! Ибо этот поход послужил блестящим примером хорватам, сережанам, ортоханам и другим ордам Виндишгреца и К°, в которых этот пример разжег страсть к подобным же подвигам, как это показали Прага (в июне), Вена, Пресбург* и пр.[153].

И в конце концов даже *это* мужество пруссаков пред лицом поляков было лишь результатом их страха перед русскими.

«Три — число всего прекрасного». Следовательно, и «Моя армия» должна была стяжать себе троекратную славу. И случай к тому представился. Ибо «ее участие в установлении порядка (!) в Южной Германии принесло новую славу прусскому имени».

Только вследствие злобы или мании преуменьшения можно отрицать, что «Моя армия» оказала Союзному сейму, — который после того, как его перекрестили, модернизировался и повелел именовать себя центральной властью, — превосходные полицейско-жандармские услуги. Точно так же нельзя оспаривать, что прусское имя стяжало несомненную славу в деле истребления южногерманского вина, мяса, сидра и т. д.

---

* Словацкое название: Братислава. *Ред.*

Отощавшие бранденбуржцы, померанцы и т. д. отрастили себе патриотическое брюшко, жаждущие утолили жажду и на постоях в Южной Германии с таким геройским мужеством уничтожали вообще все, что им подавали, что прусское имя приобрело там повсюду самое громкое признание. Жаль только, что не уплачено еще за постой по счетам: признание было бы еще более полным.

Слава «Моей армии», собственно, неисчерпаема. Но все же нельзя обойти молчанием, что «когда бы я ни обращался к армии, она, верная до конца и *связанная строгой дисциплиной,* всегда готова была мне служить»; с таким же восхищением можно сообщить потомству, что «Моя армия противопоставляла гнусной клевете бодрый дух и *благородную солдатскую доблесть».*

Это поздравление звучит весьма лестно для «Моей армии»: оно восхваляет ее «строгую дисциплину» и «благородную солдатскую доблесть», оно снова подчеркивает ее геройские подвиги в великом герцогстве* и тем самым вызывает приятное воспоминание о лаврах, которые она стяжала в Майнце, Швейднице**, Трире, Эрфурте, Берлине, Кёльне, Дюссельдорфе, Ахене, Кобленце, Мюнстере, Миндене и т. д. Мы же, все прочие, не принадлежащие к «Моей армии», получаем при этом возможность расширить наши ограниченные верноподданнические понятия. Оказывается, что расстрелы стариков и беременных женщин, кражи (близ *Острово* это было занесено в протокол), избиение мирных граждан прикладами и саблями, разрушение домов, ночные нападения со спрятанным под полой оружием на безоружных людей, разбой на больших дорогах (вспомним случай при Нёйвиде), — оказывается, что этот и подобный ему героизм на христианско-германском языке называется *«строгой дисциплиной», «благородной солдатской доблестью»!* Да здравствует солдатская доблесть и дисциплина, ибо жертвы разбоя, учиненного под этим флагом, уже больше не воскреснут!

Уже эти немногие места из королевско-прусского новогоднего поздравления, которых мы коснулись, показывают нам, что этот документ по своему значению и по своему духу может быть поставлен рядом с манифестом герцога Брауншвейгского 1792 года[154].

Написано К. Марксом. 8 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 190, 9 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Познани. *Ред.*

** Польское название: Свидница. *Ред.*

БОРЬБА В ВЕНГРИИ [155]

Кёльн, январь. В то время как в Италии уже наносится первый удар в ответ на наступление контрреволюции прошлым летом и осенью, на равнинах Венгрии заканчивается последний этап борьбы угнетателей против движения, вышедшего непосредственно из февральской революции. Новое итальянское движение является прологом движения 1849 года, война против мадьяр — эпилогом движения 1848 года. Возможно, что этот эпилог выльется еще в новую драму, которая подготовляется втайне.

Этот эпилог отличается столь же героическим характером, как первые, быстро следовавшие одна за другой сцены революционной трагедии 1848 года, как падение Парижа и Вены; своим героическим характером он выгодно отличается от жалких или незначительных эпизодов периода между июнем и октябрем. Последний акт 1848 года переходит через *терроризм* в первый акт 1849 года.

Впервые в революционном движении 1848 года, впервые после 1793 года нация, окруженная превосходящими силами контрреволюции, осмеливается противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить terreur blanche — terreur rouge*. Впервые за долгое время мы встречаем истинно революционный характер, человека, который отваживается от имени своего народа принять вызов на отчаянную борьбу, который воплощает для своей нации в одном лице Дантона и Карно, — *Людвига Кошута.*

* — белому террору — красный террор. *Ред.*

Перевес сил является поистине ужасающим. Вся Австрия, и в первых рядах 16 миллионов фанатизированных славян — против 4 миллионов мадьяр.

Массовое восстание, национальное производство оружия, выпуск ассигнаций, быстрая расправа со всяким, кто препятствует революционному движению, непрерывная революция,— словом, все основные черты славного 1793 года находим мы снова в Венгрии, вооруженной, организованной и воодушевленной Кошутом. Этой революционной организации, которая под страхом гибели должна быть закончена, так сказать, в 24 часа, недоставало в Вене; иначе Виндишгрец никогда не вступил бы в этот город. Посмотрим, вступит ли он в Венгрию, несмотря на эту революционную организацию.

Присмотримся поближе к происходящей борьбе и к борющимся партиям.

Австрийская монархия возникла из попытки объединить Германию в единую монархию таким же образом, как это делали французские короли вплоть до Людовика XI во Франции. Эта попытка потерпела неудачу из-за жалкой провинциальной ограниченности как немцев, так и австрийцев и из-за соответствующего всему этому мелкоторгашеского характера Габсбургской династии. Вместо всей Германии Габсбурги получили только те южногерманские земли, которые находились в непосредственной борьбе с разрозненными славянскими племенами или в которых немецкое феодальное дворянство и немецкое бюргерство совместно господствовали над угнетенными славянскими племенами. В обоих случаях немцы каждой провинции нуждались в поддержке извне. Такой поддержкой являлось для них соединение против славян, и это соединение осуществилось посредством объединения соответствующих провинций под скипетром Габсбургов.

Так возникла немецкая Австрия. Достаточно прочесть в любом учебнике истории о том, как возникала австрийская монархия, как она распадалась и вновь возникала, все время ведя борьбу против славян, чтобы убедиться в правильности нашего изложения.

К немецкой Австрии примыкает Венгрия. В Венгрии мадьяры вели такую же борьбу, как немцы в немецкой Австрии. Немцы, которые вклинились между славянскими варварами в эрцгерцогстве Австрии и Штирии, соединились с мадьярами, которые таким же образом вклинились между славянскими варварами на Лейте. Подобно тому как на юге и на севере, в Богемии*,

* — Чехии. *Ред.*

Моравии, Каринтии и Крайне, немецкое дворянство господствовало над славянскими племенами, германизировало их и таким образом втягивало их в европейское движение, — так и мадьярское дворянство господствовало над славянскими племенами на юге и на севере, в Хорватии, Славонии и в прикарпатских землях. Интересы тех и других были одинаковы, их противники были естественными союзниками. Союз между мадьярами и австрийскими немцами был необходимостью. Недоставало только большого события, сильного нападения на них обоих, чтобы сделать этот союз неразрывным. Таким событием явилось завоевание Византийской империи турками. Турки угрожали Венгрии и во вторую очередь Вене, и поэтому Венгрия на столетия неразрывно связалась с Габсбургской династией.

Но их общие враги постепенно ослабевали. Турецкая империя приходила в упадок, а у славян не было больше сил восставать против мадьяр и немцев. Часть немецкого и мадьярского дворянства, господствующего в славянских землях, ославянилась, и поэтому славянские нации сами оказались заинтересованными в сохранении монархии, которая должна была все более защищать дворянство против развивающейся немецкой и мадьярской буржуазии. Национальные противоречия исчезали, и Габсбургская династия изменила свою политику. Та самая Габсбургская династия, которая поднялась на германский императорский трон на плечах немецкого бюргерства, стала более решительно, чем какая-либо другая династия, защищать феодальное дворянство против буржуазии.

В этом духе действовала Австрия, участвуя в разделе Польши. Богатые галицийские старосты и воеводы, Потоцкие, Любомирские и Чарторыские, предали Польшу Австрии и стали вернейшей опорой Габсбургской династии, которая за это гарантировала их владения от покушений низшего дворянства и буржуазии.

Однако городская буржуазия все более богатела и приобретала все большее влияние, а прогресс земледелия, идущий вместе с прогрессом промышленности, изменил положение крестьян по отношению к помещикам. Движение буржуазии и крестьян против дворянства становилось все более угрожающим. А так как движение крестьян, которые повсюду являются носителями национальной и местной ограниченности, необходимо принимает местный и национальный характер, то вместе с ним опять возникла старая борьба между нациями.

При таком положении вещей Меттерних проделал свой мастерский трюк. Он лишил дворянство, за исключением

могущественнейших феодальных баронов, всякого влияния на государственное управление. Буржуазию он обессилил тем, что привлек на свою сторону самых могущественных финансовых баронов, — он должен был это сделать, этого требовало состояние финансов. Опираясь таким образом на высшую феодальную и финансовую знать, а также на бюрократию и армию, он в гораздо большей степени, чем все его соперники, осуществил идеал абсолютной монархии. Буржуазию и крестьянство каждой нации он держал в подчинении при помощи дворянства той же нации и крестьян каждой другой нации; дворянство каждой нации — с помощью страха перед буржуазией и крестьянством той же нации. Различные классовые интересы, национальная ограниченность и местные предрассудки, при всей своей сложности, очень хорошо уравновешивали друг друга и позволяли старому плуту Меттерниху свободно маневрировать. Каких результатов достиг он, натравливая один народ на другой, показывает галицийская резня[156], когда Меттерних подавил демократическое польское движение, начатое в интересах крестьянства, при помощи самих русинских[157] крестьян, зараженных религиозным и национальным фанатизмом.

1848 год первоначально создал в Австрии страшнейший хаос, предоставив на какой-то момент свободу всем этим различным народностям, до тех пор, по милости Меттерниха, порабощавшим друг друга. Немцы, мадьяры, чехи, поляки, моравы, словаки, хорваты, русины, румыны, иллирийцы, сербы вступали во взаимные конфликты, в то время как внутри каждой из этих наций тоже шла борьба между различными классами. Но скоро в этом хаосе возник порядок. Борющиеся разделились на два больших лагеря: на стороне революции оказались немцы, поляки и мадьяры; на стороне контрреволюции остальные, т. е. все славяне, кроме поляков, румыны и трансильванские саксы.

Откуда появилось это разделение наций, какими причинами оно объясняется?

Это разделение соответствует всей прежней истории данных народностей. Оно явилось началом разрешения вопроса о жизни или смерти всех этих больших и малых наций.

Вся прежняя история Австрии вплоть до настоящего времени свидетельствует об этом, это же подтвердил и 1848 год. Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это — *немцы, поляки, мадьяры.* Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны.

Что касается *поляков,* то мы отсылаем читателя к нашей статье о дебатах по польскому вопросу во Франкфурте[158]. Чтобы обуздать их революционный дух, еще Меттерних апеллировал к русинам; русины отличаются от поляков несколько иным диалектом и, главным образом, православной религией; они издавна принадлежали к Польше и лишь от Меттерниха узнали, что поляки — их угнетатели. Как будто в старой Польше сами поляки не подвергались такому же угнетению, как и русины, как будто при австрийском господстве Меттерних не был их общим угнетателем!

Так обстоит дело в отношении поляков и русин, которые, впрочем, благодаря своей истории и географическому положению, так резко отделены от собственно Австрии, что мы должны оставить их в стороне в нашем изложении, чтобы лучше разобраться в хаосе остальных народов.

Однако отметим еще то, что поляки обнаружили большое политическое понимание и истинно революционный дух, выступив теперь против панславистской контрреволюции в союзе со Своими старыми врагами — немцами и мадьярами. Славянский народ, которому свобода дороже славянства, уже одним этим доказывает свою жизнеспособность, тем самым уже гарантирует себе будущее.

Перейдем теперь к Австрии в собственном смысле слова.

Расположенная к югу от Судетских и Карпатских гор, в верхней долине Эльбы и в области среднего Дуная, Австрия в эпоху раннего средневековья была страной, населенной исключительно славянами. Эти славяне по языку и обычаям принадлежат к той же народности, что и турецкие славяне, сербы, босняки, болгары, фракийские и македонские славяне; эта народность, в отличие от поляков и русских, носит название южных славян. Кроме этих родственных славянских народностей, вся огромная область от Черного моря до Богемского леса и Тирольских Альп была населена только на юге Балкан немногочисленными греками и в области нижнего Дуная — рассеянными здесь и там валахами, говорящими на румынском языке.

В эту компактную славянскую массу вклинились с запада немцы, а с востока — мадьяры. Немецкий элемент завоевал западную часть Богемии и продвинулся по обеим сторонам Дуная вплоть до земель по ту сторону Лейты. Эрцгерцогство Австрия, часть Моравии, большая часть Штирии были германи-

зированы и, таким образом, отделили чехов и моравов от жителей Каринтии и Крайны. Трансильвания и средняя Венгрия вплоть до немецкой границы были таким же образом совершенно очищены от славян и заняты мадьярами, которые отделили здесь словаков и некоторые русинские местности (на севере) от сербов, хорватов и словенцев, подчинив себе все эти народы. Наконец, турки, по примеру византийцев, покорили славян к югу от Дуная и Савы, и историческая роль южных славян была навсегда сыграна.

Последней попыткой южных славян самостоятельно вмешаться в ход истории были гуситские войны, национально-чешская крестьянская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившая религиозную окраску. Эта попытка потерпела крушение, и с тех пор чехи все время оставались прикованными к Германской империи.

Напротив, победители славян — немцы и мадьяры — взяли в свои руки историческую инициативу в дунайских областях. Без помощи немцев и особенно мадьяр южные славяне превратились бы в турок, как это действительно произошло с частью славян, по крайней мере в магометан, каковыми поныне еще являются славянские босняки. А это для южных славян Австрии такая большая услуга, что за нее стоит заплатить даже переменой своей национальности на немецкую или мадьярскую.

Турецкое нашествие XV и XVI столетий представляло собой второе издание арабского нашествия VIII века. Победа Карла Мартелла[159] неоднократно повторялась под стенами Вены и на венгерской равнине. Как тогда при Пуатье, как позже при Вальштатте[160] во время нашествия монголов, так и теперь опасность опять угрожала всему европейскому развитию. А там, где речь шла о спасении последнего, какую роль могли играть несколько таких давно распавшихся и обессиленных национальностей, как австрийские славяне, тем более, что речь шла и об их собственном спасении?

Внутреннее положение соответствовало внешнему. Движущий класс, носительница движения, буржуазия была повсюду немецкой или мадьярской. У славян с трудом создается своя национальная буржуазия, а у южных славян это имело место только в отдельных случаях. А вместе с буржуазией в руках немцев или мадьяр находилась промышленность, находился капитал, развивалась немецкая культура, и в интеллектуальном отношении славяне тоже подчинялись немцам, вплоть до Хорватии. То же самое произошло — только позднее и потому в более слабой степени — в Венгрии, где мадьяры вместе с немцами стали во главе интеллектуального и торгового развития.

Но венгерские немцы, хотя и сохранили немецкий язык, стали по духу, характеру и обычаям настоящими мадьярами. Только вновь поселившиеся крестьяне-колонисты, евреи и трансильванские саксы составляют исключение и упорствуют, сохраняя свою ненужную национальность в чужой стране.

И если мадьяры несколько отставали в цивилизованности от австрийских немцев, то в последнее время они блестяще наверстали упущенное своей политической деятельностью. В период с 1830 до 1848 г. в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии, чем современные формы южногерманских конституций. А кто стоял здесь во главе движения? Мадьяры. Кто поддерживал австрийскую реакцию? Хорваты и словенцы.

Против этого мадьярского движения, как и против вновь пробуждающегося политического движения в Германии, австрийские славяне образовали свой Зондербунд — *панславизм.*

Панславизм возник не в России или Польше, а в Праге и в Аграме[161]. Панславизм — это союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь, Турции для борьбы против австрийских немцев, мадьяр и, возможно, против турок. Турки принимаются в расчет только в отдельных случаях и, как нацию, которая тоже находится в состоянии полного упадка, их можно оставить совершенно в стороне. Панславизм по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии, и потому он заведомо реакционен.

Эту реакционную тенденцию панславизм немедленно обнаружил двойным предательством: он принес в жертву своей жалкой национальной ограниченности единственную славянскую нацию, доныне выступавшую на стороне революции, — *поляков;* он *продал* себя и Польшу *русскому царю.*

Непосредственной целью панславизма является создание славянского государства под владычеством России от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического морей — государства, которое, помимо немецкого, итальянского, мадьярского, валашского, турецкого, греческого и албанского языков, охватывало бы приблизительно еще дюжину славянских языков и основных диалектов. Все это вместо взятое связывалось бы не теми элементами, которые до сих пор связывали Австрию и способствовали ее развитию, а абстрактными качествами славянства и так называемым славянским языком, разумеется общим для большинства населения. Но где существует это славянство, как не в голове некоторых

идеологов, где существует «славянский язык», как не в фантазии гг. Палацкого, Гая и К° и отчасти в старославянском богослужении русской церкви, не понятном уже ни одному славянину? В действительности все эти народы находятся на самых различных ступенях цивилизации, начиная с довольно высоко развитой (благодаря *немцам)* современной промышленности и культуры Богемии и кончая почти кочевым варварством хорватов и болгар; поэтому в действительности все эти нации имеют самые противоположные интересы. В действительности славянский язык этих десяти-двенадцати наций состоит из такого же числа диалектов, которые большей частью непонятны друг для друга и могут быть даже сведены к различным основным группам (чешская, иллирийская, сербо-болгарская); вследствие полного пренебрежения к литературе, из-за некультурности большинства этих пародов эти диалекты превратились в настоящий простонародный говор и, за немногими исключениями, всегда имели над собой в качестве литературного языка какой-нибудь *чужой,* неславянский язык. Таким образом, панславистское единство — это либо чистая фантазия, либо, — *русский кнут.*

А какие нации должны стать во главе этого большого славянского государства? Как раз нации, рассеянные и распыленные в продолжение тысячелетия, нации, в среду которых другие, неславянские народы *внедрили* элементы, способные к жизни и развитию, нации, спасенные победоносным оружием неславянских народов от поглощения их турецким варварством, маленькие народности, повсюду отделенные друг от друга, слабые, лишенные своей национальной силы, насчитывающие от нескольких тысяч до — самое большее — двух миллионов человек! Они настолько ослабели, что, например, болгары, народность наиболее сильная и грозная в средние века, в настоящее время известны в Турции только своим благодушием и мягкосердечием и считают за честь называться dobre chrisztian, добрыми христианами! Найдется ли среди этих народностей, не исключая чехов и сербов, хоть одна, которая имела бы национальную историческую традицию, сохраняемую народом и поднимающуюся над мелкими местными распрями?

Временем панславизма были VIII и IX века, когда южные славяне владели еще всей Венгрией и Австрией и угрожали Византии. Если тогда они не смогли противостоять нашествию немцев и мадьяр, если они не смогли добиться независимости и образовать прочное государство даже тогда, когда оба их врага, мадьяры и немцы, находились в ожесточенной борьбе между собой, как добьются они этого теперь, после того как

они в течение тысячелетия угнетались и утрачивали свои национальные особенности?

Нет ни одной страны в Европе, где в каком-нибудь уголке нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттесненных и покоренных нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти *обломки народов* становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции.

Таковы в Шотландии гэлы, опора Стюартов с 1640 до 1745 года.

Таковы во Франции бретонцы, опора Бурбонов с 1792 до 1800 года.

Таковы в Испании баски, опора дон Карлоса.

Таковы в Австрии панславистские *южные славяне;* это только *обломки народов,* продукт в высшей степени запутанного *тысячелетнего развития.* Вполне естественно, что эти также находящиеся в весьма хаотическом состоянии обломки народов видят свое спасение только в регрессе всего европейского движения, которое они хотели бы направить не с запада на восток, а с востока на запад, и что орудием освобождения и объединяющей связью является для них *русский кнут.*

Южные славяне, таким образом, еще до 1848 года ясно обнаружили свой реакционный характер; 1848 год раскрыл его перед всем миром.

Кто совершил австрийскую революцию, когда разразилась февральская буря? Вена или Прага? Будапешт или Аграм? Немцы и мадьяры или славяне?

Правда, нельзя отрицать, что среди образованных южных славян существовала небольшая демократическая партия, которая, хотя и не отказывалась от своей национальности, все же хотела отдать ее борьбе за свободу. Эта иллюзия, которой удалось привлечь к себе симпатии и среди западноевропейских демократов, симпатии, вполне оправдывавшиеся до тех пор, пока славянские демократы участвовали в борьбе с общим врагом, — эта иллюзия была рассеяна бомбардировкой Праги. После этого события все южнославянские народности, по примеру хорватов, предоставили себя в распоряжение австрийской реакции. Те вожаки южнославянского движения, которые продолжают еще болтать о равноправии наций, о демократической Австрии и т. п., являются либо глупыми фантазерами, как,

например, многие газетные писаки, либо негодяями, как Елачич. Их демократические клятвы стоят не больше, чем демократические клятвы официальной австрийской контрреволюции. Короче говоря, на деле восстановление южнославянской национальности начинается самыми свирепыми расправами с революцией в Австрии и Венгрии; это первая большая услуга, которую вожаки южногермаиского движения оказывают русскому царю.

Австрийская камарилья нашла поддержку только у славян, если не считать высшего дворянства, бюрократии и военщины. Славяне сыграли решающую роль в падении Италии, славяне штурмовали Вену, славяне в настоящий момент наступают со всех сторон на мадьяр. Их идеологами являются чехи во главе с Палацким, а предводителями их вооруженных сил — хорваты во главе с Елачичем.

И это — в благодарность за то, что немецкая демократическая печать в июне повсюду выражала сочувствие чешским демократам, когда их расстреливал Виндишгрец, тот самый Виндишгрец, который теперь является их героем.

Резюмируем:

В Австрии, за исключением Польши и Италии, немцы и мадьяры в 1848 году, как и вообще в продолжение последнего тысячелетия, взяли историческую инициативу в свои руки. Они — представители *революции.*

Южные славяне, уже тысячу лет тому назад взятые на буксир немцами и мадьярами, только для того поднялись в 1848 году на борьбу за восстановление своей национальной независимости, чтобы тем самым одновременно подавить немецко-венгерскую революцию. Они — представители *контрреволюции.* К ним присоединились две нации, тоже давно пришедшие в упадок и лишенные всякой исторической дееспособности: саксы и румыны Трансильвании.

Габсбургская династия, власть которой установилась путем объединения немцев и мадьяр в борьбе против южных славян, стремится теперь продлить остаток своего существования при помощи объединения южных славян в борьбе против немцев и мадьяр.

Такова политическая сторона вопроса. Перейдем теперь к военной стороне.

Область, населенная исключительно мадьярами, не занимает и третьей части всей Венгрии и Трансильвании. Начиная от Пресбурга*, к северу от Дуная и Тиссы и до Карпатских гор живут несколько миллионов словаков и небольшое количество русин. На юге, между Савой, Дунаем и Дравой, живут хорваты

* Словацкое название: Братислава. *Ред.*

и словенцы; далее к востоку, вдоль Дуная — сербская колония, насчитывающая более полумиллиона человек. Эти две славянские области связывают между собой валахи и саксы Трансильвании.

Итак, с трех сторон мадьяры окружены естественными врагами. Если бы словаки, занимающие горные проходы, были настроены менее безразлично, они, при отличной приспособленности их страны к партизанской войне, явились бы очень опасными противниками.

Но при данных условиях мадьярам приходится выдерживать с севера только наступление армий со стороны Галиции и Моравии. Напротив, на востоке румыны и саксы поднялись массами и примкнули к находящимся там австрийским войскам. Их позиции превосходны, отчасти вследствие горного характера местности, отчасти потому, что они занимают большую часть городов и крепостей.

Наконец, на юге банатские сербы, поддерживаемые немецкими колонистами, валахами, а также австрийским корпусом, прикрыты огромными Алибунарскими болотами и почти недоступны для нападения.

Хорваты прикрыты Дравой и Дунаем, и так как им дана в помощь сильная австрийская армия со всеми ресурсами, то они еще до октября двинулись на венгерскую территорию и без большого труда удерживают теперь свою оборонительную линию на нижней Драве.

Наконец, с четвертой стороны, со стороны Австрии, в настоящее время продвигаются сомкнутыми колоннами Виндишгрец и Елачич. Мадьяры окружены со всех сторон во много раз превосходящими силами противника.

Борьба напоминает борьбу против Франции в 1793 году, но с той разницей, что редко населенная и лишь полуцивилизованная страна мадьяр далеко не имеет в своем распоряжении тех ресурсов, которыми располагала тогда Французская республика.

Изготовленное в Венгрии оружие и боевые припасы неизбежно должны быть очень плохого качества; в особенности производство орудий никак не может быть быстро налажено. Страна значительно меньше Франции, и поэтому каждый дюйм уступленной территории является значительно большей потерей. У мадьяр остается только их революционный энтузиазм, их смелость и энергичная, быстрая организация, которую сумел дать им Кошут.

Однако это не означает, что Австрия уже выиграла войну.

«Если мы не разобьем императорские войска на Лейте, то разобьем их на Рабнице*; если не на Рабнице, то разобьем их у Пешта; если не у Пешта, то на Тиссе, но во всяком случае мы их разобьем»[162].

* Венгерское название: Репце. *Ред.*

Так сказал Кошут, и он делает все возможное, чтобы сдержать свое слово.

Даже с падением Будапешта у мадьяр останется еще большая нижневенгерская степь, местность, как бы нарочно созданная для кавалерийской партизанской войны и имеющая множество почти неприступных пунктов среди болот, где мадьяры могут закрепиться. А мадьяры, почти все мастера верховой езды, обладают всеми качествами для ведения такой войны. Если императорская армия осмелится вступить в эту пустынную область, где она должна будет весь свой провиант получать из Галиции или Австрии, ибо здесь она ничего, буквально ничего не найдет, то трудно сказать, как она сможет там удержаться. Продвижение сомкнутыми отрядами здесь невозможно; а разделившись на летучие отряды, она погибнет. Ее тяжеловесность неминуемо предаст ее в руки легких мадьярских конных отрядов, и она не сможет даже преследовать их в том случае, если бы ей удалось победить; а каждый отбившийся солдат императорской армии найдет в каждом крестьянине, в каждом пастухе смертельного врага. Война в этих степях подобна войне в Алжире, и науклюжей австрийской армии потребуются целые годы, чтобы закончить ее. А мадьяры будут спасены, если смогут продержаться хотя бы несколько месяцев.

Дело мадьяр далеко не так плохо, как хочет нас уверить подкупленный черно-желтый[163] энтузиазм. Они еще не побеждены. Но если они и падут, то падут с честью, как последние герои революции 1848 года, и поражение это будет лишь временным. Тогда на один момент славянская контрреволюция нахлынет на австрийскую монархию со всем своим варварством, и камарилья увидит, каковы ее союзники. Но при первом же победоносном, восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцу и мадьяры освободятся и кровавой местью отплатят славянским варварам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом.

Написано Ф. Энгельсом около 8 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 194, 13 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ШВЕЙЦАРСКАЯ ПРЕССА

Берн, 11 января. Швейцарская политическая пресса развивает с каждым годом все большую активность. Помимо двух десятков литературных журналов, в 22 кантонах Швейцарии выходит сейчас 98 политических газет. Говоря об этих органах печати, не следует представлять себе газеты большого формата, наподобие немецких или даже французских. За исключением нескольких газет, издающихся в кантоне Ваадт, речь идет о газетках, выходящих обычно на половине или на четвертушке печатного листа; из них лишь около дюжины выходит ежедневно, небольшое количество выходит пять раз, большинство — три раза, а некоторые — даже один раз в неделю; все они, за небольшим исключением, производят поистине жалкое впечатление по своему содержанию и литературной форме. Да и в самом деле, разве в здешних условиях кантональной ограниченности, в условиях только здесь возможной самой мелочной полемики, могут развиваться значительные журналистские таланты, разве могут действительно талантливые журналисты работать в этой убогой обстановке и ограничиваться рамками газетки, выходящей три раза в неделю на четвертушке листа!

Отличительной особенностью швейцарской прессы является ее бесцеремонность. Газеты говорят здесь друг другу такие вещи и, совершенно не стесняясь, позволяют себе такие дерзкие личные выпады, что рейнский прокурор, для которого статья 370 Code penal[164] священна, не мог бы прожить в этой стране и трех дней.

Но этим все и ограничивается. Если отвлечься от этой бесцеремонности, лишенной, впрочем, какого бы то ни было

остроумия, то не останется почти ничего, кроме самого низкого раболепия перед несносной ограниченностью маленького, к тому же еще раздробленного и сверх всякой меры чванливого народа допотопных альпийских пастухов, ограниченных крестьян и отвратительных мещан. Вполне понятно, что в больших странах газета выражает взгляды своей партии, что она никогда не выступает против интересов своей партии, и это обстоятельство не нарушает свободу полемики, так как каждое направление, даже самое передовое, имеет свои печатные органы. Но в ограниченных условиях Швейцарии самим партиям свойственна ограниченность, и печать так же ограниченна, как и партии. Отсюда узость кругозора, господствующая здесь во всем, отсюда отсутствие каких бы то ни было печатных органов, выражающих направления, правда, передовые, но давно уже известные даже в Германии, отсюда боязнь даже самых радикальных газет отступить хоть на йоту от ограниченной, рассчитанной только на ближайшее будущее программы своей партии, их боязнь критиковать даже самое ограниченное в швейцарской национальной ограниченности. Всякого осквернителя национальной святыни немедленно настигнет патриархальный суд Линча. Иначе для чего же нужны честному швейцарцу его кулаки?

Таков средний уровень швейцарской прессы. Выше этого уровня стоят лучшие газеты романской Швейцарии и Берна; ниже этого уровня находится большинство газет Восточной Швейцарии.

Начнем с прессы швейцарской столицы. В Берне уже происходит известная централизация швейцарской прессы. В этом городе теперь сконцентрирована вся пресса кантона Берн, и эта пресса начинает до некоторой степени завоевывать влияние, свойственное столичным газетам.

Главным органом реакционной или, как ее здесь именуют, аристократической партии является *«Schweizerischer Beobachter»,* которого «Berner-Zeitung» по праву называет органом швейцарских офицеров, состоящих на службе у иностранных государств. Эта достойная газетка (выходящая три раза в неделю) восхваляет геройские подвиги швейцарских хорватов в Италии, обливает грязью радикалов, выступает за капитуляции[165], льстит аристократам, воспевает Радецкого и Виндишгреца, оправдывает убийство Роберта Блюма, клевещет на революцию во всех странах и доносит правительству на эмигрантов. Эта благородная газета по существу обходится без редактора; она представляет собой набор различных корреспонденций и заметок праздношатающихся молодых людей

из патрицианских семей, а также искателей тепленьких местечек в муниципальном совете. Рядом с этой газетой можно по праву поставить «Intelligenzblatt», орган, первые полосы которого заполнены исключительно объявлениями, а последние — статьями, воспевающими ханжество и погоню за барышом патрициев-землевладельцев. «Biene» должна играть роль «Charivari»[166] этой партии. Но так как в наши дни господам патрициям приходится в общем больше плакать, чем смеяться, то юмор этой «Biene» невыносимо скучен и жалок.

Органом умеренной или либеральной партии, партии Оксенбейна, является в первую очередь *«Berner Verfassungs-Freund».* Эта газета, редактором которой состоит доктор, бывший профессор, Карл Херцог, считается полуофициальным органом Оксенбейна. Редактируемая более или менее опытной рукой, но совершенно бесталанно, газета ограничивается защитой действий правительства и Федерального совета, поскольку эти действия исходят от партии Оксенбейна. В вопросах, относящихся к восточным, в особенности к старым кантонам [Urkantonen], газета, разумеется, проявляет потрясающее свободомыслие, а в отношении внешнеполитических проблем она время от времени поднимает невероятную шумиху, чтобы, прикрываясь воинственной фразой, протащить самый беспринципный нейтралитет. Мало известная «Bundeszeitung» придерживается примерно того же направления, равно как и французская газета «Suisse», выходящая под редакцией пьемонтца Басси на плохом французском языке. Эта газета, не столь тесно связанная с правительством, как «Verfassungs-Freund», не менее усердно восхваляет находящееся у власти либеральное большинство и с большим упорством, но с малым успехом нападает на революционную печать французской Швейцарии, т. е. на «Nouvelliste Vaudois». В обсуждении итальянского вопроса, в чем принимает непосредственное участие ее редактор, газета ведет себя более порядочно. — Перечисленные три газеты выходят ежедневно.

Наибольшим количеством газет располагает радикальная партия. Главным ее органом является *«Berner-Zeitung»,* выходящая под редакцией адвоката Ниггелера, вице-президента Большого совета и члена Совета кантонов. Эта газета является органом решительно радикальной партии немецкой части кантона, представителем которой в кантональном совете [Regierungsrat] является директор финансов Штемпфли. Осуществление демократии в законодательстве и у правлении кантона, откуда еще предстоит вымести кучу мусора, максимальная централизация во всей Швейцарии, отказ при первой возможности

от политики нейтралитета — таковы основные принципы, которыми руководствуется эта газета.

В «Berner-Zeitung» сотрудничают наиболее видные представители бернских радикалов, и поэтому не приходится удивляться, что она является лучшей газетой не только кантона, но и всей немецкой Швейцарии. Если бы редакторы и сотрудники могли писать совершенно свободно, газета могла бы быть намного лучше, она могла бы говорить о единой и неделимой Гельветической республике, и притом с явно революционной окраской; но сейчас это еще невозможно; партия пока не позволяет этого. Наряду с «Berner-Zeitung» с 1 января выходит также ежедневно «Helvetie federale», являющаяся продолжением выходившей раньше в Прунтруте* (Юра) газеты «Helvetie», органа юрских радикалов и их руководителя, полковника и члена кантонального совета Штокмара. Старая «Helvetie» была бесспорно красной газетой; новая газета будет еще более решительно придерживаться этого направления.

«Schweizer-Zeitung» (раньше «Freier Schweizer») также стоит на позициях радикализма, но исключительно буржуазного, и поэтому ограничивается только требованием таких экономических реформ, которые выгодны господствующему имущему классу. Но, вообще говоря, и эта газета выходит за пределы обычной швейцарской кантональной ограниченности (нейтралитет, суверенитет кантонов и т. д.). Кроме перечисленных трех ежедневных газет, бернские радикалы издают еще единственную хорошую юмористическую газету в Швейцарии — *«Gukkasten»* Йенни. «Gukkasten» (выходящая раз в неделю) освещает только швейцарскую жизнь, и в особенности жизнь кантона Берн; но именно потому этой газете и удалось стать силой в государстве; она в значительной степени способствовала падению правительства Нёйхауса и сейчас стремится к тому, чтобы партия Оксенбейна не оставалась слишком долго у власти. Беспощадная сатира, посредством которой Йенни развенчивает всех лиц, стоящих у власти, вплоть до Оксенбейна, навлекла на него при правительстве Нёйхауса бесчисленное множество судебных процессов и кляуз, а после падения правительства Нёйхауса — угрожающие письма и преследования. Но все это ни к чему не привело, и еще сегодня важные персоны в Берне с большим беспокойством ожидают появления каждого нового субботнего номера газеты. Когда был расстрелян Блюм, газета напечатала очередную карикатуру, изображающую плаху с топором, окруженную множеством разбитых корон,

* Французское название: Поррантрюи. *Ред.*

а внизу подпись: «единственное спасение». В ответ на возмущение степенных бернских буржуа этой карикатурой газета в следующем номере поместила карикатуру с изображением фонарного столба, на котором висела корона, а внизу подпись: «Suaviter in modo, fortiter in re* — в память о Мессенхаузере».

«Seelander Anzeiger», издаваемый членом Национального и Большого советов И. А. Вейнгартом, был до нового года единственным представителем социалистического направления. «Seelander Anzeiger» проповедует странную смесь сентиментально-слезливого, филантропического социализма и красной революции. О первом он пишет для кантона Берн, а о красной революции — когда речь идет о загранице. В отношении литературной формы эта еженедельная газета — наихудшая из всех газет кантона. Впрочем, несмотря на свои христиански-мягкосердечные душевные излияния, г-н Вейнгарт в политике является сторонником самого решительного радикализма. Начиная с нового года, «Seelander Anzeiger» приобрел конкурента в лице другого еженедельника, *«Unabhangige»,* поставившего себе, правда, довольно неблагодарную задачу: в условиях кантона Берн и Швейцарии вообще найти почву для пропаганды основ социализма и для предложения мероприятий, имеющих целью устранить хотя бы самые вопиющие непорядки. Во всяком случае, «Unabhangige» — единственная газетка во всей Швейцарии, которая нашла правильный путь для распространения своих идей в этой стране; и если ее шансы на успех соответствуют той ярости, которую она уже вызвала среди высоких и высших властей, то перспективы этой газеты совсем не так уж плохи.

Из газет, выходящих вне Берна, я отмечу лишь одну: *«Evolution»*[167], как переименовал теперь свою «Revolution» руководитель волонтерских отрядов Беккер. Эта самая решительная из всех издающихся в Швейцарии газет призывает только к новой европейской революции и старается найти сторонников в окружающей среде. В благодарность за это дорожащие своим покоем буржуа ненавидят эту газету, и, кроме немецких эмигрантов в Швейцарии, Безансоне и Эльзасе, она находит мало читателей.

В следующей статье я остановлюсь подробнее на газетах, издающихся за пределами кантона Берн[168].

Написано Ф. Энгельсом 11 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 197, 17 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — «Мягко по форме, но крепко по существу». *Ред.*

МОНТЕСКЬЁ LVI

I

Кёльн, 20 января. «Достопочтенный» *Йозеф Дюмон* предоставляет анониму, который не им оплачивается, а его оплачивает и который в обращениях под редакционной чертой обрабатывает *первичных избирателей,* выступить со следующим внушением по адресу «Neue Rheinische Zeitung»:

««Neue Rheinische Zeitung», *органу демократии,* угодно было обратить внимание на заметки, опубликованные в нашей газете под заглавием *«К первичным избирателям»,* и указать, что они заимствованы из «Neue Preusische Zeitung».

В ответ на эту *ложь* мы заявляем, что эти заметки оплачиваются *как объявления,* что они, за исключением первой, заимствованной из «Parlaments-Correspondenz», написаны в Кёльне, и автор их до сих пор не только не читал «Neue Preusische Zeitung», но и не видал ее».

Мы понимаем, как важно для Монтескьё LVI закрепить свое право *собственности.* Мы понимаем также, как важно для г-на Дюмона заявление, что он *«получает плату»* даже за листовки и объявления, которые он набирает, печатает и распространяет в интересах своего собственного *класса, буржуазии.*

Что касается анонима, то ему известна французская пословица: «Les beaux esprits se rencontrent»*. Не его вина, если произведения его собственного ума как две капли воды похожи на рассуждения «Neue Preusische Zeitung» и «Прусских союзов»[169].

Мы *никогда не читали* его объявлений в «Kolnische Zeitung», а только бегло просматривали выходящие из дюмоновской типографии листовки, которые присылались к нам со

* — «Великие умы сходятся». *Ред.*

всех сторон. Но теперь, сравнивая их, мы находим, что эта макулатура одновременно играет роль и объявлений и листовок.

Чтобы искупить наше прегрешение перед анонимным Монтескьё LVI, мы наложили на себя тяжкую кару прочесть все его объявления в «Kolnische Zeitung» и представить его духовную частную собственность в качестве «общей собственности» на суд немецкой публики.

Здесь мудрость!

Монтескьё LVI занимается преимущественно *социальным вопросом.* Он нашел «самый легкий, самый простой путь» для его *решения* и предлагает свои моррисоновские пилюли с самым елейным, наивно-бесстыдным шарлатанским пафосом:

«Но самый легкий, самый простой путь для этого» (т. е. для решения социального вопроса), «это — принять октроированную 5 декабря прошлого года конституцию, пересмотреть ее, затем заставить всех присягнуть ей и, таким образом, придать ей силу. *Это для нас единственный путь к спасению... Следовательно,* тот, кто от всего сердца сочувствует страданиям своих бедных братьев, кто хочет накормить голодных и одеть нагих,—одним словом, тот, кто *хочет разрешить социальный вопрос,— пусть не выбирает тех, кто высказывается против конституции»* (Монтескьё LVI).

Голосуйте за Бранденбурга — Мантёйфеля — Ладенберга, и *социальный вопрос* будет решен «самым простым» и «самым легким путем»! Голосуйте за Дюмона, Кампгаузена, Витгенштейна или даже за dii minorum gentium*, вроде Компеса, Мевиссена и др., и *социальный вопрос* будет решен! «Социальный вопрос» за *один голос!* Кто «хочет накормить голодных и одеть нагих», пусть голосует за Ганземана и Штуппа! За каждый голос — одним социальным вопросом меньше! Принятие октроированной конституции — voila la solution du probleme social!**

Ни минуты не сомневаемся, что не только Монтескьё LVI, но и его патроны в «Союзе граждан»[170] не будут ждать принятия, пересмотра[171], присяги и утверждения октроированной конституции, чтобы «накормить голодных и одеть нагих». Для этого уже приняты меры.

Вот уже несколько недель, как здесь распространяются циркуляры, в которых капиталисты уведомляют мастеров-ремесленников, лавочников и т. д., что, принимая во внимание теперешнее положение дел, а также и то, что кредит стал возрождаться, процент по займам из филантропических соображений повышается с 4 до 5. —Первое решение социального вопроса!

* — буквально: «младших богов»; в переносном смысле: «второразрядных величин». *Ред.*

** — вот решение социального вопроса! *Ред.*

Здешний муниципальный совет составил в том же духе *«рабочую книжку»* для несчастных, которые умирают с голоду — или вынуждены продавать городу свои рабочие руки (ср. № 187 «Neue Rheinische Zeitung»*). Читатель, может быть, помнит, что в этой октроированной рабочим хартии сказано, что лишившийся работы рабочий отдается, согласно договору, под *надзор полиции.* —Второе решение социального вопроса!

В Кёльне муниципальный совет вскоре после мартовских событий основал столовую, недорогую, хорошо обставленную, с прекрасными, теплыми комнатами и т. д. *После* провозглашения октроированной конституции вместо этого помещения под столовую было отведено другое, находящееся в ведении управления богоугодными заведениями, — помещение, где не топят, где не хватает посуды, где не разрешается тут же, на месте, есть, а кварта какой-то похлебки продается за 8 пфеннигов.—Третье решение социального вопроса!

В Вене рабочие, пока город был в их руках, охраняли банк, дома и богатства бежавших буржуа. После своего возвращения те же самые буржуа донесли на этих «разбойников» Виндишгрецу, требуя, чтобы они были *повешены.* Безработные, обращавшиеся в муниципальный совет, были отправлены в армию, выступающую против Венгрии. — Четвертое решение социального вопроса!

В Бреславле** муниципальный совет и правительство спокойно бросили в жертву холере несчастных, которые должны были искать убежища в богадельне, лишив их физически необходимых средств существования, и только тогда обратили внимание на жертв своей жестокой благотворительности, когда эпидемия стала угрожать им самим. — Пятое решение социального вопроса!

В берлинском союзе «с богом за короля и отечество» один из друзей октроированной конституции выразил свою досаду по поводу того, что для соблюдения своих интересов и проведения в жизнь своих планов все еще приходится заигрывать с *«пролетариатом».*

Вот в чем разгадка «решения социального вопроса»!

«Прусские шпионы потому так и опасны, что им никогда но платят, — они всегда лишь надеются получить плату», — говорит наш друг Гейне. А прусские буржуа потому так и опасны, что они никогда не платят, а всегда лишь обещают платить.

---

* См. настоящий том, стр. 161—165. *Ред.*

** Польское название: Вроцлав. *Ред.*

Английские и французские буржуа позволяют себе в дни выборов расходовать много денег. Их приемы подкупа общеизвестны. Прусские буржуа — «о, это преумнейшие люди!» Слишком добродетельные и солидные, чтобы раскошеливаться, они расплачиваются *«решением социального вопроса».* Это ведь ничего не стоит! Однако Монтескьё LVI платит, по крайней мере, как официально заверяет Дюмон, то, что причитается за объявления в «Kolnische Zeitung» и в придачу — уже gratis* — преподносит решение *«социального вопроса».*

Практическая часть petites oeuvres** нашего Монтескьё сводится, таким образом, к следующему: Голосуйте за Бранденбурга — Мантёйфеля — Ладенберга! Избирайте Кампгаузена — Ганземана! Пошлите нас в Берлин, дайте нашим людям прежде всего утвердиться там! В этом *решение социального вопроса!*

Бессмертный *Ганземан* решил этот вопрос. Сперва восстановление порядка, дабы можно было восстановить кредит. Затем, как в 1844 г., когда «Моим дорогим силезским ткачам нужно и должно было помочь», — порох и свинец для решения «социального вопроса»!

Голосуйте поэтому за друзей октроированной конституции!

Но Монтескьё LVI принимает октроированную конституцию только для того, чтобы ее можно было вслед за тем пересмотреть и присягнуть ей.

Милейший Монтескьё! Раз ты принял конституцию, ты будешь ее пересматривать, лишь исходя из ее собственных основ, т. е. ты будешь ее пересматривать лишь постольку, поскольку это будет угодно королю и второй палате, состоящей из захолустных юнкеров, финансовых баронов, высших чиновников и попов. Этот единственно возможный пересмотр предусмотрительно указан уже в самой октроированной конституции. Он заключается в отказе от конституционной системы и в восстановлении старого христианско-германского *сословного строя.*

Это единственно возможный и единственно дозволенный пересмотр *после* принятия октроированной конституции, с чем не может не согласиться проницательный Монтескьё.

Практическая часть petites oeuvres Монтескьё LVI сводится, таким образом, к следующему: Голосуйте за Ганземана — Кампгаузена! Голосуйте за Дюмона — Штуппа! Голосуйте за Бранденбурга — Мантёйфеля! Примите октроированную

* — даром. *Ред.*
** — миниатюрных творений. *Ред.*

конституцию! Выбирайте выборщиков, которые принимают октроированную конституцию! И все это под предлогом решения «социального вопроса».

Да и на кой черт нам предлог, раз речь идет об октроированной конституции.

Однако наш Монтескьё, разумеется, предпослал своему практическому наставлению, как разрешить «социальный вопрос», т. е. основной сути своего гигантского труда, также и теоретическую часть. Рассмотрим же эту теоретическую часть.

Глубокомысленный философ сперва объясняет, *что такое «социальные вопросы».*

«Итак, что же такое, в сущности, социальный вопрос?

Человек должен и хочет жить.

Чтобы жить, человеку нужны жилище, одежда, пища.

Жилище и одежду природа совершенно не производит, пища в диком состоянии растет весьма редко и далеко не в достаточном количестве.

Поэтому человек сам должен заботиться об удовлетворении этих потребностей.

Это достигается трудом.

Поэтому труд есть первое условие нашей жизни — без труда мы ***не*** *можем жить.*

У первобытных народов каждый сам строил себе хижину, сам изготовлял себе одежду из звериных шкур, сам собирал себе плоды для еды. Таково было первобытное состояние.

Но если человеку ничего не нужно, кроме жилища, одежды, пищи, если он, следовательно, удовлетворяет только свои *физические* потребности, он стоит на одной ступени с животными. Ибо то же самое делает и животное.

Но человек — существо высшее по сравнению с животным, ему нужно больше для жизни: ему нужны радости, он должен подняться до моральной ценности. А этого он может достигнуть лишь в том случае если он живет в обществе.

Но как только люди стали жить в обществе, условия их жизни совершенно изменились. Они скоро заметили, что работать гораздо легче, когда каждый отдельный человек исполняет только одну определенную работу. И тогда одни стали шить одежду, другие строили дома, третьи заботились о пище, и первые давали вторым то, чего у них не было. Так сами собой образовались различные профессии людей; одни стали охотниками, другие ремесленниками, третьи земледельцами. Но люди и на этом не остановились, ибо человечество должно идти вперед. Люди начали изобретать. Было изобретено прядение и ткачество, научились копать железо, выделывать кожи. Чем больше появлялось изобретений, тем разнообразнее становились ремесла, тем легче становилось земледелие, которому ремесло дало плуг и заступ. Одни области труда помогали другим, все были тесно связаны между собой. Потом стали вступать в общение с соседними народами. У одного народа было то, в чем нуждался другой, — последний же имел то, чего не было у первого. Начался обмен. Так возникла *торговля,* а с нею новая отрасль человеческой деятельности. Так поднималась культура — с одной ступени на другую. От первых элементарных изобретений через столетия дошли, наконец, до изобретений нашего времени.

Так возникли у людей науки и искусства, и жизнь становилась все богаче, все разнообразнее. Врач лечил больных, священник проповедовал, купец торговал, земледелец обрабатывал поле, садовник разводил цветы, каменщик строил дома, которые столяр снабжал домашней утварью, мельник молол муку, из которой булочник выпекал хлеб. Одно было тесно связано с другим; никто не мог стоять особняком, никто не мог самостоятельно удовлетворять свои потребности.

Таковы общественные отношения.

Они совершенно естественно возникли сами собой. И если вы сегодня произведете революцию, которая разрушит все эти отношения до основания, а завтра вы опять начнете жить сначала, *то снова создадутся точно такие мое отношения, какие существуют теперь. В* течение тысячелетий так было у всех народов земного шара. И если теперь кто-нибудь проводит различие между рабочими и буржуазией, то это *наглая ложь. Мы все работаем,* каждый по-своему, каждый по своим силам и способностям. Врач работает, когда посещает больного, музыкант — когда он играет танцующим, купец — когда пишет свои письма. Все работают, каждый на своем месте».

Здесь мудрость! Имеющий уши да слышит!

Итак, что же такое, в сущности, физиологический вопрос?

Каждое физическое тело предполагает известную тяжесть, плотность и т. п. Каждое органическое тело состоит из разного рода составных частей; каждая из них выполняет свою особую функцию, и взаимодействующие органы тесно связаны друг с другом.

«Таковы физиологические отношения».

Монтескьё LVI, этого нельзя отрицать, обладает оригинальным талантом упрощать науку. Пожалуйте патент (без гарантии правительства) для Монтескьё LVI!

Продукты труда производятся только трудом. Без посева нет жатвы, без прядения нет пряжи и т. д.

Европа с восхищением склонится перед великим гением, который здесь, в Кёльне, сам, без всякой помощи «Neue Preusische Zeitung», открыл эти истины.

В процессе труда люди вступают в определенные отношения друг с другом. Происходит *разделение труда,* более или менее разнообразное. Один печет, другой кует, один мутит [wuhlt], другой ноет [heult][172], Монтескьё LVI пишет и Дюмон печатает. *Адам Смит,* вот у кого тебе надо учиться!

И эти открытия, что *труд* и *разделение труда* являются условиями существования всякого человеческого общества, позволяют Монтескьё LVI заключить, что *«различие сословий»* соответствует природе, что разница между «буржуазией и пролетариатом» — *«наглая ложь»,* что если бы даже *«революция»* сегодня разрушила до основания существующие «общественные отношения», то *«снова создадутся точно такие же*

отношения, какие существуют теперь», что, наконец, безусловно необходимо избрать выборщиков в духе Мантёйфеля и октроированной конституции, если от всего сердца «сочувствуешь страданиям своих бедных братьев» и хочешь заслужить уважение Монтескьё LVI.

«В течение тысячелетий так было у всех народов земного шара»!!! В Египте был труд и разделение труда — и *касты;* в Греции и Риме труд и разделение труда — и *свободные и рабы;* в средние века труд и разделение труда — и *феодалы* и *крепостные, цехи, сословия* и т. п. В наше время есть труд к разделение труда — и *классы,* из которых один владеет всеми орудиями производства и жизненными средствами, между тем как другой живет лишь до тех пор, пока он продает свой труд, а продает он свой труд лишь до тех пор, пока покупка этого труда обогащает класс работодателей.

И разве после этого не ясно, как день, *что «в течение тысячелетий у всех народов земного шара было то же самое»,* что в настоящее время происходит в *Пруссии,* ибо *труд и разделение труда* всегда существовали в той или другой форме? Или в действительности оказывается нечто обратное, а именно, что общественные отношения, отношения собственности, всегда ниспровергались как раз постоянными изменениями в способе труда и разделении труда?

В 1789 году буржуа не взывали к феодальному обществу: дворянство, останься дворянством; крепостной, останься крепостным; цеховой мастер, останься цеховым мастером, ибо без труда и разделения труда нет общества! Без вдыхания воздуха нет жизни! Вдыхайте поэтому удушливый воздух и не открывайте окон, — так рассуждает Монтескьё LVI.

Надо обладать всей наивно-глуповатой наглостью состарившегося в грубом невежестве немецкого имперского филистера, чтобы, вдолбив в свои ленивые мозги, да к тому же поверхностно и искаженно, азы политической экономии — труд, разделение труда, —изрекать, наподобие оракула, суждения по таким вопросам, на которых наше столетие ломает себе зубы.

«Без труда и разделения труда нет общества!

Поэтому

избирайте в выборщики друзей октроированной прусской конституции — и только друзей октроированной конституции».

Эта эпитафия когда-нибудь будет высечена большими буквами на стенах великолепного мраморного мавзолея, который благодарное потомство сочтет своим долгом воздвигнуть разрешившему социальный вопрос Монтескьё LVI (не смешивать

с Генрихом CCLXXXIV фон Рейс-Шлейц-Грейц-Лобенштейн-Эберсвальде[*]!).

Монтескьё LVI не утаивает от нас, *«где собака зарыта»* и что он помышляет сделать, как только он будет объявлен законодателем.

«Государство должно заботиться о том», — поучает он нас, — *«чтобы каждый получал такое образование, которое давало бы ему возможность научиться чему-нибудь путному».*

Монтескьё LVI никогда не слышал о том, что при существующих условиях разделение труда заменяет сложный труд простым трудом, труд взрослых — детским, труд мужской — женским, труд самостоятельного рабочего — автоматом; что, по мере того как развивается современная промышленность, образование рабочих становится излишним и невозможным. Мы отсылаем кёльнского Монтескьё не к *Сен-Симону* или *Фурье,* а к *Мальтусу* и *Рикардо.* Пусть наш простак изучит сперва элементарные основы современных отношений, прежде чем их улучшать и — изрекать суждения наподобие оракула.

«О лицах, которые вследствие болезни или старости впали в нужду, должна заботиться община».

А если община сама впала в нужду, что совершенно неминуемо при октроированных одновременно с конституцией 100-миллионных налогах и распространяющихся как эпидемия осадных положениях, — как тогда быть, Монтескьё?

«В тех случаях, когда новые изобретения или торговые кризисы уничтожают целые отрасли производства, государство должно прийти на помощь и позаботиться о пострадавших».

Как ни мало знаком кёльнский Монтескьё с положением вещей в этом мире, все же от его внимания едва ли могло укрыться, что «новые изобретения» и торговые кризисы столь же перманентны, как прусские министерские указы и почва законности. Новые изобретения в Германии вводятся только тогда, когда конкуренция с другими народами делает введение их жизненным вопросом; но разве вновь возникшие отрасли промышленности должны разориться, чтобы прийти на помощь погибающим отраслям? Возникающие благодаря изобретениям новые отрасли промышленности именно потому и возникают, что они производят более дешевые товары, чем погибающие отрасли. В чем же, черт возьми, было бы преимущество, если

[*] Намек на Генриха LXXII Рейс-Лобенштейн-Эберсдорф. *Ред.*

бы они должны были поддерживать погибающие отрасли? Что же касается государства или правительства, то, как известно, оно дает только по видимости. Прежде надо ему дать, чтобы оно дало. Но кто должен ему дать, Монтескьё LVI? Погибающая отрасль промышленности, чтобы еще быстрее погибнуть? Или возникающая, чтобы уже с самого начала захиреть? Или те отрасли промышленности, которые не затронуты новыми изобретениями, чтобы обанкротиться благодаря изобретению нового налога? Обдумай все это хорошенько, Монтескьё LVI!

А торговые кризисы, любезнейший? Когда разражается европейский торговый кризис, прусское государство больше всего беспокоится о том, каким образом выжать путем принудительных взысканий, и тому подобных мер из обычных источников налогов все до последнего гроша. Бедное прусское государство! Для того чтобы прусское государство могло обезвредить торговые кризисы, оно должно было бы, кроме национального труда, обладать еще каким-то третьим источником дохода в заоблачных сферах. Во всяком случае, если бы высочайшими новогодними пожеланиями, врангелевскими приказами по армии или мантёйфелевскими министерскими указами можно было из земли чеканить деньги, то «отказ *от уплаты налогов»* не посеял бы такого панического страха среди прусских «любезных верноподданных», и социальный вопрос был бы решен и без октроированной конституции.

Известно, что *«Neue Preusische Zeitung»* объявила нашего *Ганземана коммунистом* за то, что он намеревался отменить изъятия из налогового обложения. Наш Монтескьё, который никогда не читал «Neue Preusische Zeitung», *самостоятельно* приходит в Кёльне к мысли объявить «коммунистом» и «красным республиканцем» всякого, кто угрожает октроированной конституции! Итак, голосуйте за Мантёйфеля — или вы не только личные враги труда и разделения труда, но также коммунисты и красные республиканцы. Признайте новейшую «почву законности» Брюггемана — или откажитесь от Code civil[173]!

Фигаро, tu n'aurais pas trouve ca[*]!

Завтра подробнее о Монтескьё LVI!

[*] — ты бы до этого не додумался (Бомарше. «Безумный день, или женитьба Фигаро»), *Ред.*

II

Кёльн, 21 января. *Монтескье LVI пытается* сбыть первичным избирателям «дареного коня», октроированную конституцию, со всей мелкотравчатой хитростью многоопытного *барышника.* Он — Монтескье конской ярмарки.

Кто не желает октроированной конституции, тот желает республики — и не просто республики, а красной республики! К сожалению, на наших выборах речь идет меньше всего о республике — а тем более о красной республике. Речь идет просто вот о чем:

Стоите ли вы за старый *абсолютизм* вместе с подновленным *сословным строем,* или вы желаете буржуазной *представительной системы?* Хотите ли вы такого политического строя, который соответствовал бы «существующим социальным отношениям» прошлых столетий, или вам желателен политический строй, соответствующий «существующим социальным отношениям» вашего столетия?

Итак, речь идет в данном случае меньше всего о борьбе против буржуазных отношений собственности — борьбе, которая происходит во Франции и подготовляется в Англии. Скорее речь идет о борьбе против такого политического строя, который подвергает опасности *«буржуазные* отношения собственности» тем, что отдает кормило государственного корабля в руки представителей *«феодальных* отношений собственности» — короля божьей милостью, армии, бюрократии, захолустных юнкеров и немногих связанных с ними финансовых баронов и мещан.

С помощью октроированной конституции социальный вопрос разрешается в духе этих господ. Это не подлежит никакому сомнению.

Что такое *«социальный вопрос»* в понимании *чиновника?* Это — сохранение его жалованья и его прежнего господствующего над народом положения.

А что такое *«социальный вопрос»* в пониманий дворянства и дворянского крупного землевладения? Это — сохранение прежних привилегий феодального землевладения, захват дворянскими семьями самых доходных должностей в армии и на гражданской службе и, наконец, прямые подачки из государственной казны. Помимо этих ощутимых *материальных* и потому *«священнейших»* интересов господ «с богом за короля и отечество», речь идет для них, разумеется, также о сохранении тех социальных привилегий, которые отличают их породу от низшей породы буржуа, крестьян и плебеев. Старое Национальное собрание было разогнано именно потому, что оно осмелилось посягнуть на эти «священнейшие интересы». То, что упомянутые господа разумеют под «пересмотром» октроированной конституции, есть, как мы это показали выше, не что иное, как введение *сословной системы,* т. е. такого политического строя, который представляет «социальные» интересы феодальной знати, бюрократии и королевской власти божьей милостью.

Повторяем, не подлежит никакому сомнению, что «социальный вопрос» разрешается октроированной конституцией в духе дворянства и бюрократии, т. е. что она дарит этим господам такую форму правления, которая обеспечивает эксплуатацию народа этими полубогами.

Но разрешает ли октроированная конституция «социальный вопрос» в духе *буржуазии?* Другими словами, получает ли буржуазия такое государственное устройство, при котором она может свободно управлять общими делами своего класса — интересами торговли, промышленности, земледелия, при котором она сможет наиболее продуктивно расходовать государственные средства, организовать наиболее экономно финансовое управление, действительно охранять национальный труд вовне, а внутри — открыть все родники национального богатства, очистив их от феодального ила?

Разве история дает нам хотя бы один пример, когда бы буржуазия в состоянии была установить соответствующую ее материальным интересам форму политического строя совместно с октроированным ей божьей милостью королем?

Чтобы основать конституционную монархию, она должна была в Англии дважды изгонять Стюартов, во Франции — исконную династию Бурбонов, в Бельгии — представителя Нассауского дома[174].

Чем объясняется это явление?

Всякий наследственный король божьей милостью — это не отдельный индивидуум, это — воплощение старого общества

внутри нового общества. Государственная власть в руках короля божьей милостью — это государственная власть в руках старого общества, существующего только лишь в виде развалин, это государственная власть в руках феодальных сословий, интересы которых глубоко враждебны интересам буржуазии.

Но основой октроированной конституции является именно *«король божьей милостью».*

Подобно тому как феодальные элементы общества видят в короле божьей милостью своего *политического главу,* так и король божьей милостью видит в феодальных сословиях свою *социальную основу,* пресловутый *«оплот короны».*

Поэтому каждый раз, когда интересы феодалов и подвластных им армии и бюрократии сталкиваются с интересами буржуазии, королевская власть божьей милостью вынуждена идти на государственный переворот, и тогда подготовляется революционный или контрреволюционный кризис.

Почему было разогнано Национальное собрание? Только потому, что оно представляло интересы буржуазии против интересов феодализма, потому, что оно хотело устранить феодальные отношения, препятствующие развитию сельского хозяйства, подчинить армию и бюрократию интересам торговли и промышленности, положить предел расхищению государственной казны, отменить дворянские и бюрократические титулы.

Во всех этих вопросах речь шла *преимущественно* и *непосредственно* об *интересах буржуазии.*

Таким образом, *государственные перевороты* и *контрреволюционные кризисы* являются необходимыми условиями существования королевской власти божьей милостью, которую мартовские или иные события вынудили смириться и принять, против своей воли, внешнюю видимость буржуазной королевской власти.

Разве может восстановиться *кредит* при государственном строе, который с необходимостью ведет к государственным переворотам, контрреволюционным кризисам и осадным положениям?

Какое заблуждение!

Буржуазная промышленность *должна* разбить оковы абсолютизма и феодализма. Революция против абсолютизма и феодализма как раз и свидетельствует о том, что буржуазная промышленность достигла такой ступени развития, при которой она должна либо завоевать соответствующий ее интересам государственный строй, либо погибнуть.

Обеспеченная октроированной конституцией система бюрократической опеки — это смерть для промышленности. Вспомните только прусское управление горной промышленностью, фабричные регламенты и т. п.! Если английский фабрикант сравнит свои издержки производства с издержками производства прусского фабриканта, то он прежде всего отметит ту потерю времени, которую причиняет прусскому фабриканту необходимость соблюдения бюрократических предписаний.

Какой сахарозаводчик не помнит прусский торговый договор с Голландией 1839 года?[175] Какой прусский промышленник не краснеет при воспоминании о 1846 годе, когда прусское правительство в угоду австрийскому правительству запретило целой провинции вывоз товаров в *Галицию;* когда же в Бреславле разразилась эпидемия банкротств, прусское министерство с изумлением заявило, будто оно не знало, что вывоз в Галицию столь значителен и т. д.!

Люди той же породы будут поставлены октроированной конституцией у кормила правления, и даже самый «дар» этот исходят от тех же людей. Поэтому еще и еще раз подумайте об этом.

Случай с Галицией обращает наше внимание и на другой пункт.

Тогда прусское правительство принесло промышленность и торговлю Силезии в жертву контрреволюции в союзе с Австрией и Россией. Этот маневр будет постоянно повторяться. Банкиром прусско-австрийско-русской контрреволюции, у которого королевская власть божьей милостью вместе со своим «оплотом короны» всегда будет и всегда должна искать *внешней* поддержки, является *Англия.* Опаснейший противник немецкой промышленности — та же *Англия.* Мы полагаем, что эти два факта достаточно красноречивы.

Внутри — промышленность, стесненная бюрократическими путами, сельское хозяйство, стесненное феодальными привилегиями, вовне — торговля, проданная контрреволюцией Англии, — вот судьбы прусского национального богатства под эгидой октроированной конституции.

Доклад «финансовой комиссии» разогнанного Национального собрания пролил достаточно света на управление государственными финансами со стороны правительства божьей милостью.

Между тем этот доклад лишь в качестве примера отмечает суммы, взятые из государственной казны для укрепления шатающихся «оплотов короны» и для того, чтобы осыпать золотом иностранных претендентов на абсолютную королевскую власть (дон Карлос). Однако эти деньги, выжатые из

карманов остальных граждан для того, чтобы аристократия могла вести приличествующий ее положению образ жизни и чтобы «опора» феодальной королевской власти могла оставаться достаточно крепкой, являются лишь мелочью в сравнении со всем государственным бюджетом, октроированным одновременно с мантейфелевской конституцией. Прежде всего— *сильная армия,* дабы меньшинство могло властвовать над большинством; возможно большая армия чиновников, дабы возможно больше людей в силу своих личных интересов стали чуждыми общим интересам; расходование государственных средств самым непроизводительным образом, дабы богатство, как говорит «Neue Preusische Zeitung», не сделало *подданных* слишком дерзкими; изъятие из оборота возможно больших государственных средств, вместо того чтобы вложить их в промышленность, дабы правительство божьей милостью могло в легко предвидимые моменты кризиса самостоятельно выступать против народа, — таковы основные черты октроированной системы государственных финансов. Расходование взимаемых налогов таким образом, чтобы противопоставить государственную власть, как угнетающую, самостоятельную и священную силу, промышленности, торговле, сельскому хозяйству, вместо того, чтобы *низвести* ее до роли простого *орудия* буржуазного общества, — таков основной принцип октроированной прусской конституции!

По дарителю и дар! Каково нынешнее прусское правительство — такова и подаренная им конституция. Чтобы уяснить себе *враждебное отношение этого правительства к буржуазии,* достаточно присмотреться к его проекту *промыслового устава.* Под предлогом *движения вперед к ассоциации* правительство пытается вернуться *назад к цеховому строю.* Конкуренция заставляет производить все дешевле, поднимая производство на все более высокие ступени развития, т. е. с *возрастающим капиталом,* с *более развитой системой разделения труда* и с постоянно *расширяющимся применением машин.* Каждое новое разделение труда обесценивает прежнее мастерство ремесленника, каждая новая машина вытесняет сотни рабочих, каждое новое расширение производства, т. е. новое вложение капитала, разоряет мелкую торговлю и мелкобуржуазные предприятия. Правительство обещает охранять ремесло от фабричного производства, приобретенное мастерство — от разделения труда, мелкий капитал — от крупного капитала при помощи *феодальных цеховых учреждений.* Итак, немецкий и, в частности, прусский народ, который с трудом и лишь ценой крайнего напряжения сил спасает себя от полного поражения с борьбе

с английской конкуренцией, должен без сопротивления стать ее жертвой, ибо ему будет навязана такая организация промышленности, которая находится в противоречии с современными средствами производства и которая взорвана современной индустрией!

Разумеется, мы меньше, чем кто бы то ни было, желаем господства буржуазии. Мы первые подняли в Германии голос против нее, когда современные «люди дела», весьма довольные собой, проводили время в никчемных спорах.

Но мы говорим рабочим и мелким буржуа: уж лучше страдать в современном буржуазном обществе, создающем своей промышленностью материальные средства для основания нового общества, которое всех вас освободит, чем возвращаться к отжившей форме общества, которая под предлогом спасения ваших классов отбрасывает всю нацию назад, к средневековому варварству!

Но *социальной основой* правительства божьей милостью являются, как мы видели, средневековые сословия и средневековые порядки. Оно не годится для современного буржуазного общества. Оно вынуждено пытаться создать общество по своему подобию. Поэтому оно поступает *вполне последовательно,* пытаясь заменить свободную конкуренцию цеховым строем, механическое прядение — прялкой, паровой плуг — мотыгой.

Чем же объясняется, что при таких обстоятельствах прусская буржуазия, в полном противоречии с ее английской, французской и бельгийской предшественницами, громогласно провозглашает своим девизом октроированную конституцию (а с пей вместе и королевскую власть божьей милостью, бюрократию и юнкерство)?

Торговая и промышленная часть буржуазии бросается в объятия контрреволюции из страха перед революцией, как будто контрреволюция представляет собой что-либо иное, чем пролог революции!

Кроме того, существует некоторая часть *буржуазии,* которая равнодушна к общим интересам своего класса и преследует свои особые и даже враждебные ему интересы.

Это — финансовые бароны, крупные кредиторы государства, банкиры, рантье, богатство которых возрастает в той же мере, в какой растет народная бедность, и, наконец, люди, благополучие которых связано со старым государственным порядком, например, *Дюмон* и его литературный люмпен-пролетариат. Это — честолюбивые профессора, адвокаты и тому подобные люди, которые могут надеяться достигнуть видных постов только в таком государстве, где предательство

народных интересов правительству является доходным занятием.

Это — отдельные фабриканты, которые обделывают выгодные дела с правительством; поставщики, получающие крупные проценты от общей эксплуатации народных масс; мещане, значение которых падает в круговороте большой политической жизни; муниципальные советники, обделывающие под сенью прежних учреждений свои грязные частные делишки за счет общественных дел; торговцы маслом, ставшие ценой предательства революции превосходительствами и рыцарями ордена орла, обанкротившиеся торговцы сукном и железнодорожные спекулянты, сделавшиеся директорами королевского банка[176], и т. д. и т. д.

«Вот кто — друзья октроированной конституции». Если буржуазия *от всего сердца сочувствует этим своим бедным братьям* и если она хочет стать достойной уважения Монтескьё LVI, — пусть избирает

выборщиков в духе октроированной конституции.

Написано К. Марксом 20—21 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 201 и 202, 21 и 22 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРУССКИЙ ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ КОШУТА

Кёльн, 21 января. Только что мы получили следующий поучительный документ, напечатанный в «Oppelner Kreisblatt»:

«*Приказ об аресте.* По сообщению королевско-императорской австрийской правительственной комиссии в Кракове, в Венгрии приняты меры к тому, чтобы переправить Кошута под чужим именем через Бреславль в Гамбург. Предполагается, что он поедет по маршруту Мысловиц — Глейвиц — Козель*.

На основании распоряжения г-на обер-президента провинции Силезия приказываю полицейским властям, местным судам и жандармерии неусыпно следить за Кошутом, приметы которого сообщаются ниже. В случае появления Кошута на вашей территории подвергнуть его аресту и под охраной доставить мне для дальнейших распоряжений».

(Далее, как мы уже сообщали, следуют приметы Кошута.) Этот поучительный документ подписан:

«Оппельн, 17 января 1849 г.

Королевский ландрат Хофман»

Что скажут на это наши читатели? Божьей милостью Мантёйфели из Верхней Силезни не прочь арестовать великого агитатора Кошута в случае его поражения и благополучного перехода через границу и выдать его палачам для скорейшего помилования — свинцом и порохом. Если Кошут действительно будет выдан, то это будет *самой подлой изменой, самым постыдным нарушением международного права,* какое только знает история.

Правда, по старому законодательству Германского союза Пруссия обязана была выдавать немецкой Австрии, по требованию последней, политических эмигрантов, которым

* Польские названия: Мысловице, Гливице, Козле. *Ред.*

инкриминируются действия, совершенные на *территории Германского союза.* Революция уничтожила старое законодательство Германского союза, и *даже при правительстве Пфуля эмигранты из Вены* находились в Берлине в безопасности. Но в отношении *Венгрии* Пруссия не имеет подобных обязательств. Венгрия является независимым государством, и если Пруссия выдаст венгерских эмигрантов, которые обвиняются только в действиях, совершенных на территории Венгрии, то это будет такой же *бесстыдной подлостью,* как если бы она выдала России русских или польских эмигрантов.

Даже при режиме Бодельшвинга не осмеливались выдавать Австрии перешедших на территорию Пруссии эмигрантов из Галиции и Кракова. Но ведь тогда у нас была абсолютная монархия, а теперь мы являемся конституционным государством!

Больше того, если Кошут перейдет на прусскую территорию, то он будет не политическим эмигрантом, а *перешедшей на нейтральную территорию воюющей стороной.*

Немецкая Австрия, самостоятельный союз государств, ведет войну с другим самостоятельным государством — Венгрией; из-за чего ведется война, это Пруссии не касается. Даже в 1831 г. никто не посмел выдать России перешедших на прусскую территорию поляков; но ведь тогда у нас была абсолютная монархия, а теперь мы являемся конституционным государством!

Мы обращаем внимание общественного мнения на доброжелательные намерения прусского правительства в отношения Кошута. Мы убеждены, что этого будет достаточно для того, чтобы поднялась такая волна симпатий к личности величайшего деятеля 1848 года и такая буря возмущения по адресу правительства, что даже Мантёйфель не отважится выступить против этого.

Впрочем, Кошут еще находится у власти в Дебрецене, окруженный восторженной любовью всего венгерского народа, храбрые гусары Кошута еще скачут по венгерским пуштам[177], Виндишгрец еще стоит в нерешительности у топких берегов Тиссы, и ваши приказы об аресте вызывают скорее смех, чем страх!

Написано Ф. Энгельсом 21 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 207, 28 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

БЕРЛИНСКАЯ «NATIONAL-ZEITUNG» — ПЕРВИЧНЫМ ИЗБИРАТЕЛЯМ

I

Кёльн, 25 января. Время от времени, хотя и изредка, мы имеем удовольствие видеть, как из-под наносного пласта, оставшегося после двойного потопа — революции и контрреволюции,— поднимается верстовой столб добрых старых домартовских времен. Горы переместились, долины засыпаны, леса повалились на землю, но верстовой столб все еще стоит на старом месте, выкрашенный в старые цвета, и все еще красуется на нем старая надпись: «В Шильду[178]!»

Такой верстовой столб протягивает нам из № 21 *берлинской «NationaI-Zeitung»*[179] свою деревянную руку с надписью: *«Первичным избирателям.* В Шильду!»

Благонамеренный совет «NationaI-Zeitung» первичным избирателям прежде всего гласит:

«Настал час, когда прусский народ во второй раз приступает к осуществлению с трудом завоеванного всеобщего избирательного права» (как будто октроированное так называемое всеобщее избирательное право, с его различным истолкованием в каждой деревце, является таким же избирательным правом, как и завоеванное 8 апреля![180]), «из коего должны выйти люди, которым предстоит во второй раз высказать, каковы дух (!), мнение (!!) и воля (!!!) не отдельных сословий и классов, а всего народа».

Не будем говорить о напыщенно-неуклюжем стиле этой фразы, медленно, с трудом переводя дух, ковыляющей от одного слова к другому. Всеобщее избирательное право, говорит газета, должно раскрыть нам, в чем состоит воля не отдельных сословий и классов, а всего народа.

Прекрасно! А из кого состоит «весь народ»?

Из «отдельных сословий и классов».

А из чего составляется «воля всего народа»?

Из отдельных, противоречащих друг другу «воль отдельных сословий и классов», т. е. как раз из такой воли, которую «National-Zeitung» изображает прямой противоположностью «воле всего народа».

Ну и сильна же в логике эта «National-Zeitung»!

Но для «National-Zeitung» существует *единая* воля всего народа, которая является не суммой противоречащих воль, а одной единой определенной волей. Что же это такое?

Это — воля большинства.

А что такое воля большинства?

Это воля, вытекающая из интересов, жизненного положения, условий существования большинства.

Следовательно, для того, чтобы иметь одну и ту же волю, члены большинства должны иметь одинаковые интересы, одинаковое жизненное положение, одинаковые условия существования или же должны быть, хотя бы только временно, тесно связаны друг с другом в своих интересах, в своем жизненном положении, в условиях своего существования.

Говоря яснее: воля народа, воля большинства — это воля не отдельных сословий и классов, а *одного-единственного класса* и тех других классов и частей классов, которые подчинены этому одному господствующему классу в общественном отношении, т. е. в промышленном и торговом отношении.

«Но что же из этого следует?» Что воля всего народа — это воля господствующего класса?

Разумеется, и именно всеобщее избирательное право является той магнитной стрелкой, которая, хотя лишь после различных колебаний, все же в конце концов указывает на этот призванный к господству класс.

А эта добрейшая «National-Zeitung» все еще продолжает болтать, как это было в 1847 году, о воображаемой «воле всего народа»!

Но пойдем дальше. После этого возвышенного вступления «National-Zeitung» поражает нас таким многозначительным замечанием:

«В январе 1849 г. положение вещей иное, чем в столь богатые надеждами и возвышенными настроениями» (почему не молитвенными настроениями в придачу?) «майские дни 1848 года».

В ту пору стояло все в пышном цвету,
Ликовали солнечно дали,
И птицы томно пели там,
И люди надеялись, ждали, —
Мечтали..[181]

«Тогда, казалось, все были единодушны в том, что полностью и безотлагательно должны были быть осуществлены великие реформы, которые в Пруссии давно уже были бы проведены, если бы на заложенной в 1807—1814 гг. основе продолжалось дальнейшее строительство в тогдашнем духе и в соответствии с возросшим с тех пор уровнем культуры и понимания».

«Тогда, казалось, все были единодушны!» Великая, восхитительная наивность «National-Zeitung»! Тогда, когда гвардия, скрежеща зубами от бешенства, удалялась из Берлина, когда принц Прусский должен был поспешно бежать оттуда в куртке почтальона, когда высшее дворянство и верхи буржуазии должны были сдерживать свой гнев по поводу того унижения, которому подвергся король, когда у дворца народ заставил его снять шапку перед трупами мартовских жертв, — «тогда, казалось, все были единодушны»!

Ей-ей, это уж слишком — питать подобные иллюзии! Но теперь, после того как приходится признать себя обманутым, еще трезвонить на весь мир о своем обманутом легковерии, — поистине, c'est par trop bonhomme*!

И в чем же, «казалось, все были единодушны»?

В том, что *«должны были быть* осуществлены великие реформы, которые... *уже были бы* проведены, если бы... *продолжалось* дальнейшее строительство...»

В этом были — нет, *казалось,* что были, — все единодушны.

Великое мартовское завоевание, выраженное достойным языком!

И каковы же были эти «реформы»?

Развитие «основ 1807—1814 гг. в тогдашнем духе и в соответствии с возросшим с тех пор уровнем культуры и понимания».

То есть в духе 1807—1814 гг. и в то же время совсем в другом духе.

«Тогдашний *дух»* состоял попросту в весьма *материальном* давлении тогдашних французов на тогдашнюю прусскую юнкерскую монархию, а также в тогдашнем тоже мало благоприятном финансовом дефиците прусского королевства. Только для того, чтобы сделать буржуа и крестьянина способными платит!. налоги, чтобы провести для королевско-прусских подданных хотя бы по видимости некоторые из реформ, которые французы во множестве ввели в завоеванных частях Германии, — одним словом, чтобы как-нибудь снова заштопать расползавшуюся но всем швам, прогнившую монархию Гогенцоллернов, —

* — это уж слишком глупо! *Ред.*

только *ради этого* были введены куцые так называемые городовые положения, положения о выкупе, военные учреждения и т. п. Все эти реформы отличались только тем, что отставали на целое столетие от французской революции 1789 года, и даже от английской революции 1640 года. И это должно служить основой для охваченной революцией Пруссии?

Но старопрусское чванство всегда видит Пруссию в центре мировой истории, тогда как в действительности история постоянно волочит это «государство разума» по грязи. Это старопрусское чванство должно, понятно, игнорировать то обстоятельство, что Пруссия, пока она не получила пинков от французов, спокойно оставалась сидеть на неразвитых основах 1807—1814 гг. и не думала пошевелиться. Оно должно игнорировать то, что эти основы давно были забыты, когда славная бюрократически-юнкерская королевско-прусская монархия в феврале прошлого года получила от французов новый столь сильный толчок, что великолепнейшим образом покатилась вниз со своих «основ 1807—1814 годов». Оно должно игнорировать то, что для королевско-прусской монархии речь шла отнюдь не об этих основах, а только о предотвращении дальнейших последствий полученного от Франции толчка. Но все это прусское чванство игнорирует, а когда оно получает вдруг толчок, то кричит, призывая, как ребенок няньку, прогнившие основы 1807—1814 годов!

Как будто Пруссия 1848 года не является в отношении территории, промышленности, торговли, средств сообщения, культуры и классовых отношений совершенно другой страной, чем Пруссия «основ 1807—1814 годов»!

Как будто с того времени в ее историю не вступили два совершенно новых класса — промышленный пролетариат и свободное крестьянство; как будто прусская буржуазия 1848 года не отличается во всех отношениях от робкой, смиренной и благодарной мелкой буржуазии времен «основ»!

Но все это ни к чему. Бравому пруссаку ничего не требуется знать, кроме его «основ 1807—1814 годов». Это и есть основы, на которых будет вестись дальнейшее строительство — и все тут.

Начало одного из колоссальнейших исторических переворотов сводится всего-навсего к завершению одного из самых мелочных надувательств с мнимыми реформами — так понимают революцию в старой Пруссии!

И в этой самодовольно ограниченной фантазии из области отечественной истории «все, казалось, были единодушны» — правда, слава богу, только в Берлине!

Но последуем дальше.

«Те сословия и классы, которым приходилось отказываться от привилегий и преимуществ... которым надлежало в дальнейшем стать на равную ногу со всеми своими согражданами... казались готовыми к этому — исполненные убеждения, что старый порядок стал невозможен, что это соответствует их собственным правильно понятым интересам...»

Посмотрите на этого сладкоречивого и искренне смиренного буржуа — как он снова извращает революцию! Дворянство, попы, бюрократы, офицеры «казались готовыми» отказаться от своих привилегий не потому, что их принудил к этому вооруженный народ, не потому, что в первые моменты ужаса перед европейской революцией неудержимо растущая деморализация и дезорганизация в их собственных рядах сделали их неспособными к сопротивлению, — нот! Мирные, благожелательные и для обеих сторон выгодные «соглашения» (говоря языком г-на Кампгаузена) 24 февраля и 18 марта[182] «исполнили их убеждением», что ото «соответствует их собственным правильно понятым интересам»!

Мартовская революция и даже 24 февраля в правильно понятых интересах господ захолустных юнкеров, консисторских советников, регирунгсратов и гвардейских лейтенантов — да ведь это поистине колоссальное открытие!

Но, к сожалению, «теперь положение уже не то. Люди, извлекавшие выгоду из старого порядка и являющиеся его сторонниками, не только не помогают сами, *как этого требует их долг* (!), расчистить старый хлам и построить новый дом, но даже хотят укрепить старые развалины, под которыми почва так грозно заколебалась, и украсить их некоторыми по видимости приспособленными к новому времени формами».

«Теперь положение уже не то», каким оно, *казалось,* было в мае, т. е. теперь оно уже не то, каким оно не было в мае, или теперь оно то же самое, каким было в мае.

Таким языком пишут в берлинской «National-Zeitung» и вдобавок еще гордятся этим.

Одним словом: май 1848 и январь 1849 года отличаются друг от друга только *по видимости.* Раньше контрреволюционеры, *казалось,* сознавали свой долг — теперь они его действительно и откровенно не сознают, — и об этом скорбит мирный буржуа. Ведь *долг* контрреволюционеров — отречься от своих интересов в своих собственных правильно понятых интересах! Их *долг* — перерезать самим себе жизненные артерии, а между тем они этого не делают, — так жалуется сторонник правильно понятых интересов!

А почему ваши враги не делают теперь того, что, как вы говорите, является все-таки их долгом?

Потому что вы сами весной не выполнили *вашего* «долга», потому что тогда, когда вы были сильны, вы вели себя, как трусы, и дрожали перед революцией, которая должна была возвеличить вас и дать вам власть; потому что вы сами оставили в неприкосновенности старый хлам и самодовольно любовались в зеркале ореолом половинчатого успеха! А теперь, когда контрреволюция внезапно усилилась и попирает вас ногами, когда под *вашими* ногами почва грозно колеблется, — теперь вы требуете, чтобы контрреволюция стала вашей служанкой, чтобы она убрала хлам, для уборки которого вы были слишком слабы и трусливы, — она, сильная, должна жертвовать собой ради вас, слабых?

Детски-наивные глупцы! Но подождите немного — поднимется народ и одним могучим толчком повалит вас на землю вместе с контрреволюцией, на которую вы теперь так бессильно тявкаете!

II

Кёльн, 27 января. В своей первой статье мы не приняли во внимание одно обстоятельство, которое, казалось бы, все-таки могло послужить оправданием для «National-Zeitung»; «National-Zeitung» не свободна — она находится под гнетом *осадного подозрения.* А при осадном положении ей приходится, конечно, напевать:

Вели молчать, не требуй слова,
Затем, что тайна мой удел,
Тебе раскрыть всю душу я готова,
Но рок иного захотел!!![183]

Тем не менее даже при осадном положении газеты выходят не для того, чтобы говорить противоположное тому, что они думают, и, кроме того, осадное положение не имеет никакого отношения к первой половине упомянутой статьи, рассмотренной нами ранее.

Осадное положение неповинно в напыщенном, туманном стиле «National-Zeitung».

Осадное положение неповинно в том, что «National-Zeitung» создавала себе после марта всякого рода наивные иллюзии.

Осадное положение отнюдь не принуждает «National-Zeitung» превращать революцию 1848 года в охвостье реформ 1807— 1814 годов.

Одним словом, осадное положение отнюдь не заставляет «National-Zeitung» иметь те абсурдные представления о ходе развития революции и контрреволюции 1848 года, какие мы установили у нее два дня тому назад. Осадное положение властно только над настоящим, а не над прошедшим.

Поэтому в нашей критике *первой* половины упомянутой статьи мы совершенно не считались с осадным положением, но именно поэтому мы примем его во внимание сегодня.

Закончив свое историческое введение, «National-Zeitung» обращается затем к первичным избирателям со следующими словами:

«Дело идет о закреплении достигнутого прогресса, о сохранении сделанных завоеваний».

Какого «прогресса»? Каких «завоеваний»? «Прогресса», который выражается в том, что «ныне все уже не то», каким «казалось» в мае? Того «завоевания», что «люди, извлекавшие выгоду из старого порядка... не помогают сами, как этого требует их долг, расчистить старый хлам»? Или октроированных «завоеваний», которые «укрепляют старые развалины и украшают их некоторыми по видимости приспособленными к новому времени формами»?

Осадное положение, милостивые государи из «National-Zeitung», отнюдь не служит извинением бессмыслице и путанице.

«Прогресс», который в настоящее время так удачно «проложил себе путь», — это регресс к старой системе, и мы с каждым днем все дальше продвигаемся по этому прогрессивному пути.

Единственное «завоевание», оставшееся у нас, — и это совсем не специфически прусское, не «мартовское» завоевание, а результат европейской революции 1848 года — это всеобщая, самая решительная, самая кровожадная и самая насильственная контрреволюция, которая, впрочем, сама является лишь фазой европейской революции, и поэтому ее неизбежным плодом явится новый, всеобщий и победоносный революционный ответный удар.

Но, может быть, «National-Zeitung» знает это так же хорошо, как и мы, и только не смеет сказать это из-за осадного положения? Послушаем:

«Мы не хотим продолжения революции; мы враги всякой анархии, всякого насилия и произвола; мы хотим законности, спокойствия и порядка».

Осадное положение, милостивые государи, принуждает вас, самое большее, к тому, чтобы *молчать,* но не к тому, чтобы *говорить.* Поэтому приведенную сейчас фразу мы принимаем к сведению: если ее словами говорите *вы,* тем лучше; если же это говорит осадное положение, то вам не было надобности делаться его органом. Либо вы революционны, либо нет. Если вы не революционны, то мы заведомые противники; если вы революционны, то вы должны были *молчать.*

Но вы говорите с такой убежденностью, у вас столь добропорядочное прошлое, что мы спокойно можем допустить; осадное, положение к этому заявлению совершенно непричастно.

«Мы не хотим продолжения революции». Это значит: мы хотим продолжения контрреволюции. Ибо насильственная контрреволюция — таков исторический факт — либо вовсе не преодолевается, либо преодолевается только революцией.

«Мы не хотим продолжения революции» — это значит: мы признаем, что революция закончена, достигла своей цели. А целью, которой достигла революция к 21 января 1849 г., когда была написана вышеупомянутая статья, — этой целью была именно контрреволюция.

«Мы враги всякой анархии, всякого насилия и произвола».

Значит, враги также и той «анархии», которая наступает после всякой революции до того, как укрепились новые порядки, враги «насильственных действий» 24 февраля и 18 марта, враги «произвола», который беспощадно разрушает прогнивший строй и его обветшавшие законные устои!

«Мы хотим законности, спокойствия и порядка»!

В самом деле, момент выбран удачно для того, чтобы преклоняться перед «законностью, спокойствием и порядком», протестовать против революции и подхватывать пошлые вопли против анархии, насилия и произвола! Удачно выбран как раз тот момент, когда под охраной штыков и пушек революция официально клеймится как *уголовное преступление,* когда «анархия, насилие и произвол» неприкрыто осуществляются на практике указами за подписью короля, когда «закон», насильственно октроированный нам камарильей, всегда применяется *против* нас и никогда не стоит *за* пас, когда «спокойствие и порядок» состоят в том, что контрреволюцию оставляют в «покое», чтобы она могла восстановить *свой* старопрусский «порядок» вещей.

Нет, господа, вашими устами говорит не осадное положение — это говорит настоящий, переведенный на берлинский язык *Одилон Барро* со всей его ограниченностью, со всем его бессилием, со всеми его благими пожеланиями.

Ни один революционер не может быть столь бестактен, столь детски наивен, столь труслив, чтобы отрекаться от революции как раз в тот момент, когда контрреволюция празднует свои самые блестящие победы. Если он не может говорить — он действует, а если он не может действовать — он предпочитает совершенно молчать.

Но, быть может, господа из «National-Zeitung» ведут хитрую политику? Быть может, они для того выражаются так смиренно,

чтобы накануне выборов привлечь на сторону оппозиции еще часть так называемых умеренных?

Уже в первый день после того, как на нас обрушилась контрреволюция, мы сказали, что отныне существуют только две партии: «революционеры» и «контрреволюционеры»; только два лозунга: «демократическая республика» или «абсолютная монархия»*. Все, что находится посередине, это уже не партии— это лишь фракции. Контрреволюция сделала все, чтобы подтвердить сказанное нами. Выборы — самое блестящее подтверждение наших слов.

А в такое время, когда партии так резко противостоят друг другу, когда борьба ведется с величайшим ожесточением, когда только подавляющее превосходство сил организованной солдатни препятствует тому, чтобы борьба была решена с оружием в руках, — в такое время прекращается всякая политика посредничества. Нужно быть самим Одилоном Барро, чтобы в такое время играть роль Одилона Барро.

Но у наших берлинских Барро свои оговорки, свои условия, своп интерпретации. Они нытики [Heuler][184], но отнюдь не простые нытики; они нытики с оговорочкой, нытики из тихонькой оппозиции:

«Но мы хотим *новых* законов, каких требуют пробудившийся свободный дух народа и принцип равноправия; мы хотим *истинного демократически-конституционного* строя» (т. е. истинной бессмыслицы); «мы хотим спокойствия, которое держится *не на одних только* штыках и осадных положениях, — спокойствия, которое представляет собой политически и нравственно (!) обоснованное успокоение умов, вызванное подтвержденным делами и мероприятиями убеждением, что каждому классу народа его право и т. д. и т. п.»

Мы можем избавить себя от труда дописывать до конца эту фразу, составленную применительно к осадному положению. Достаточно сказать, что эти господа «хотят» не революции, а только небольшого букета из *результатов* революции: немного демократии, но также и немного конституционализма, некоторые новые законы, устранение феодальных учреждений, буржуазное равенство и т. д. и т. п.

Другими словами, господа из «National-Zeitung» и из круга бывшей берлинской левой, органом которых она является, хотят добиться от контрреволюции как раз того, из-за чего контрреволюция их разогнала.

Ничему не научились и ничего не позабыли!

---

* См. настоящий том, стр. 134. *Ред.*

Господа эти «хотят» все таких вещей, каких они никогда не добьются иначе, как путем новой революции. А новой революции они не хотят.

Ведь новая революция принесла бы им, кроме того, и нечто совершенно отличное от вышеприведенных скромно-буржуазных требований. И потому господа эти совершенно правы, не желая революции.

Но, к счастью, историческое развитие мало заботится о том, чего «хотят» или «пе хотят» господа Барро. Парижский прототип Барро тоже «хотел» 24 февраля добиться совсем скромных реформ, а в особенности министерского портфеля для себя; и едва он дождался того и другого, как волны захлестнули его, и он исчез со всеми своими добродетельными мелкобуржуазными сторонниками в революционном потопе. Вот и теперь, когда он, наконец, снова добился министерского поста, он снова «хочет» разных вещей; по ничто из того, чего он хочет, не осуществляется. Такова искони судьба всех Барро. Та же участь постигнет и берлинских Барро.

При осадном положении или без него они будут по-прежнему докучать публике своими благими пожеланиями. Самое большее, что им удастся, — это провести немногие из своих пожеланий на бумаге. А затем они получат отставку либо от короны, либо от народа. Но так или иначе, отставку они получат.

Написано К. Марксом 25—27 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 205 и во втором выпуске № 207; 26 и 28 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПОЛОЖЕНИЕ В ПАРИЖЕ

Париж, 28 января. Опасность народного восстания пока что устранена голосованием палаты *против* неотложности запрещения клубов, т. е. против запрещения клубов вообще. Но надвигается новая опасность: *опасность государственного переворота.*

Достаточно прочитать сегодняшний «National», чтобы сказать, что в *каждой строчке* виден страх перед государственным переворотом.

«Сегодняшнее голосование — смертельный удар для кабинета, и пусть гг. Одилон Барро, Фоше и tutti quanti* попробуют еще цепляться за свои портфели».

Пока «National» как будто еще настроен бодро. Но послушайте окончание фразы:

«... не восставая открыто против духа и буквы конституции?»

А что стоит гг. Одилону Барро, Фоше и tutti quanti открыто восстать против конституции? С каких это пор Барро и Фоше в восторге от конституции 1848 года?

«National» уже не *грозит* министрам — он убеждает их, что они должны подать в отставку, он убеждает президента, что он должен их уволить. И это в стране, где отставка министров после такого голосования уже тридцать лет считается само собой разумеющейся!

Президент республики, — говорит «National», — поймет, надо надеяться, что большинство палаты и кабинет совершенно расходятся друг с другом, что отставкой кабинета он укрепит

* — иже с ними. *Ред.*

свою связь с большинством, что только одно препятствие мешает установлению доброго согласия между ним и большинством — кабинет министров.

Мало того, «National» старается предоставить министерству возможность почетного отступления: он желает, чтобы было снято обвинение, предъявленное министрам. Голосование палаты — достаточная кара для них. Крайнюю же меру надо-де приберечь на тот случай, если министры действительно нарушат конституцию каким-нибудь определенным действием.

Да, — восклицает под конец «National», — все *обязывает* кабинет подать в отставку; его собственные заявления связывают его настолько, что он, по нашему мнению, вряд ли осмелится остаться у власти. Г-н Барро заявил сегодня вечером, что, если Собрание проголосует против неотложности предложения, *оно само* возьмет на себя ответственность за последующие события. Ну, и прекрасно, если прекращается ответственность, должна прекратиться также и власть. Коль скоро кабинет не желает нести ответственности за события, он не должен также и руководить ими. Сняв с себя ответственность, г-н Барро тем самым положил на трибуну свое прошение об отставке.

Короче говоря, «National» не верит в добровольную отставку министерства и столь же мало верит в его увольнение президентом.

По если министерство не намерено считаться с голосованием Собрания, то у него не остается ничего другого, как — *государственный переворот.*

Роспуск Национального собрания и подготовка монархической реставрации с помощью военной силы — вот что проглядывает из-за опасений «National» по поводу того, что министерство останется на своем посту.

Поэтому «National» и красные газеты умоляют народ во что бы то ни стало соблюдать спокойствие, не давать ни малейшего повода для насильственных мер, так как каждая вспышка мятежа может только укрепить падающий кабинет, только послужит на пользу роялистской контрреволюции.

Что государственный переворот все приближается, — доказывают столкновения между Шангарнье и офицерами мобильной гвардии. «Bouchers de Cavaignac»* не проявляют ни малейшего желания быть использованными для роялистского переворота. Поэтому они должны быть распущены. Они ропщут — и Шангарнье угрожает пустить в ход против них сабли, сажает их офицеров под арест.

* — «Мясники Кавеньяка». *Ред.*

Положение по видимости усложняется, но в действительности оно становится очень простым, таким простым, каким оно всегда бывает накануне революции.

Конфликт между Собранием и президентом с его министрами прорвался наружу. Франция не может дольше существовать под властью бессильных людей, которые управляли ею последние 10 месяцев. Дефицит, угнетенное состояние промышленности и торговли, бремя налогов, разоряющих земледелие, становятся с каждым днем все более невыносимыми. Крупные, решительные мероприятия становятся все более настоятельными, а каждое новое правительство оказывается еще более бессильным и бездеятельным, чем прежнее, пока, наконец, Одилон Барро не достиг вершин бездеятельности, за шесть педель не сделав абсолютно ничего.

Но этим он чрезвычайно упростил положение. После него уже невозможно никакое министерство «добропорядочной» республики. Смешанные правительства (временное правительство и Исполнительная комиссия[185]), правительство «National», правительство прежних левых, — все испробовано, все истрепано и отброшено. Очередь теперь за Тьером, а Тьер— ото неприкрытая монархическая реставрация.

Монархическая реставрация или *красная республика* — такова теперь единственная альтернатива во Франции. Кризис может затянуться еще на несколько недель, но он должен разразиться. Да и Шангарнье-Монк с его тремястами тысячами человек, которые в 24 часа могут целиком оказаться в его распоряжении, по-видимому, не намерен дольше ждать.

Вот чем объясняются опасения «National». Он сознает свою неспособность овладеть положением. Он знает, что всякая насильственная смена правительства приведет к власти его злейших врагов, что для него одинаково пагубна как монархия, так и красная республика. Отсюда его тоска по миролюбивой сделке, его любезность по отношению к министрам.

Скоро мы увидим, необходимо ли для окончательной победы красной республики, чтобы Франция на короткое время прошла через монархическую фазу. Это возможно, но мало вероятно.

Одно несомненно: «добропорядочная» республика трещит по всем швам, а после нее — правда, быть может, после нескольких кратких интермеццо — возможна только лишь *красная республика.*

Написано 28 января 1849 г.

*Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 209, **31** января 1849 г.*

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* СИТУАЦИЯ В ПАРИЖЕ

Кёльн, 30 января. Когда вчера утром в экстренном выпуске нашей газеты мы оповестили о том, что в Париже собирается разразиться гроза, те из первичных избирателей первой палаты, которые относятся к числу нытиков, написали под нашей листовкой: *Это вранье! нас не запугаете!* и т. д. в стиле обывательской ругани.

Эти жалкие людишки увидели в нашем экстренном выпуске простой избирательный маневр, как будто первая и вторая палаты или даже все прусское движение в целом могут побудить нас фальсифицировать историю европейской революции 1

Штупп — выборщик первой палаты! Рантье фон *Витгенштейн* — выборщик первой палаты! Судебный чиновник фон *Гроте* — выборщик первой палаты! И тем не менее революционное чудовище в Париже осмеливается снова рычать! Quelle horreur![*]

В сегодняшнем номере нашей газеты мы, между прочим, писали о ситуации в Париже:

«Опасность народного восстания пока что устранена голосованием палаты *против* неотложности запрещения клубов, т. е. против запрещения клубов вообще. Но надвигается новая опасность: *опасность государственного переворота*». «Если министерство не намерено считаться с голосованием Собрания, то у него не остается ничего другого, как — *государственный переворот.* Роспуск Национального собрания и подготовка монархической реставрации с помощью военной силы — вот

[*] — Какой ужас! *Ред.*

что проглядывает из-за опасений «National» по поводу того, что министерство останется на своем посту... Что государственный переворот все приближается, — доказывают столкновения между Шангарнье и офицерами мобильной гвардии... Положение по видимости усложняется, но в действительности оно становится очень простым, таким простым, каким оно всегда бывает накануне революции. Конфликт между Собранием и президентом с его министрами прорвался наружу... *Монархическая реставрация пли красная республика* — такова теперь единственная альтернатива во Франции... «Добропорядочная» республика трещит но всем швам, а после нее — правда, быть может, после нескольких кратких интермеццо — возможна только лишь *красная республика».*

В нашем экстренном выпуске мы предсказывали кризис на 29-е.

Печатаемые ниже корреспонденции из Парижа от 29-го покажут нашим читателям, насколько точны были наши сообщения и насколько метко мы обрисовали сегодня ситуацию во Франции.

Написано 30 января 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 209, 31 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Па русском языке публикуется впервые

«KOLNISCHE ZEITUNG» О ВЫБОРАХ

Кёльн, 30 января. «Kolnische Zeitung» тоже получила, наконец, отчеты о выборах, причем такого рода отчеты, которые проливают хоть немножко бальзама на ее раны.

«Демократические отчеты о выборах», — восклицает в радостном упоении почтеннейший Брюггеман, — «демократические отчеты о выборах» (т. е. отчеты «Neue Rheinische Zeitung») *«невероятно преувеличены.* Мы получаем теперь протесты со *всех сторон».*

Со всех сторон! «Kolnische Zeitung» собирается подавить нас тяжестью своих «протестов». Вероятно, две страницы сжатых сводок о результатах выборов, каждая из которых показывает «невероятное преувеличение» «Neue Rheinische Zeitung», каждая из которых свидетельствует о победе конституционалистов, должны вызвать яркую краску стыда на нашем лице?

Напротив.

«Мы получаем теперь протесты со всех сторон».

Почтеннейший Брюггеман не «преувеличивает». Он действительно получил в общей сложности целых *четыре* протеста: с запада (Трир), с севера (Хамм), с юга (Зигбург) и востока (Арнсберг)! Разве это не «протесты со всех сторон» против «невероятно преувеличенных демократических отчетов о выборах»?!

Предоставим пока «Kolnische Zeitung» наслаждаться верой в то, что в этих четырех решающих пунктах одержали победу конституционалисты. Это наслаждение и так уж отравлено скорбью по поводу того, что во многих пунктах конституционалисты все же оказались побежденными вследствие того, что «массы так легко совратить».

Наивное признание конституционалистов, что *им* не удается «совратить» «массы»!

Все же одно утешение остается у «Kolnische Zeitung». Какое же это утешение? То утешение, что кобленцский корреспондент «Deutsche Zeitung» является ее товарищем по несчастью, что при теперешних печальных обстоятельствах он нашел подходящие слова, достойные фигурировать на первых столбцах «Kolnische Zeitung»:

«Заметьте, что *политический вопрос* здесь, как и везде, отступает на задний план по сравнению с социальным вопросом, *всецело поглощается им».*

Еще несколько дней тому назад «Kolnische Zeitung» ничего и знать не хотела о социальном вопросе. Об этом потустороннем предмете она или совсем не говорила или говорила в несколько легкомысленном тоне (насколько «Kolnische Zeitung» вообще может быть легкомысленной). В отношении социального вопроса «Kolnische Zeitung» проявляла безбожное неверие и вольнодумство. И вдруг с ней происходит то, что произошло с рыбаком из «Тысячи и одной ночи»: как перед рыбаком встал гигантский дух, вышедший из распечатанного сосуда, выловленного со дна морского, так перед дрожащей «Kolnische Zeitung» неожиданно и угрожающе встал из избирательной урны гигантский призрак «социального вопроса». Почтеннейший Брюггеман в испуге падает на колени; его последняя надежда исчезает, призрак разом проглатывает весь его «политический вопрос» вместе с почвой законности и всем прочим — все то, что он с такой нежностью лелеял в течение многих лет.

Мудрая политика «Kolnische Zeitung»! Свое *политическое* поражение она пытается скрасить своим *социальным* поражением.

Это открытие, — что она разбита не только в области политической, но и в области социальной, — является величайшим «опытом, приобретенным «Kolnische Zeitung» после первичных выборов»!

Но, может быть, «Kolnische Zeitung» уже раньше проявляла энтузиазм в отношении «социального вопроса»?

В самом деле, Монтескьё LVI заявил в «Kolnische Zeitung», что социальный вопрос бесконечно важен и что признание октроированной конституции является решением социального вопроса[*].

Но признание октроированной конституции — это и есть в первую очередь то, что «Kolnische Zeitung» называет *«политическим* вопросом».

[*] См. настоящий том, стр. 193. *Ред.*

Итак, если *до* выборов социальный вопрос поглощался *политическим,* то *после* выборов политический вопрос поглощается *социальным.* В этом, стало быть, разница, в этом состоит опыт, приобретенный после первичных выборов, а именно, что *после* выборов считается правильным как раз противоположное тому что считалось непреложной истиной *до* выборов.

«Политический вопрос поглощается социальным вопросом!»

Оставим в стороне данное нами еще до выборов возможно более конкретное доказательство того, что не может быть и речи о «социальном вопросе», как таковом, что каждый класс имеет свой *собственный* социальный вопрос и что вместе с этим социальным вопросом определенного класса существует также и определенный политический вопрос для данного класса*. Оставим в стороне все эти легковесные — перед лицом серьезной и солидной «Kolnerin» — замечания и постараемся, поелику возможно, проследить ход мыслей и манеру изложения этой принципиальной и глубокомысленной газеты.

Под социальным вопросом «Kolnische Zeitung» подразумевает вопрос: как помочь мелкой буржуазии, крестьянству и пролетариату?

И вот теперь, когда во время первичных выборов мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат освободились от влияния крупной буржуазии, высшего дворянства и высших чиновников, теперь «Kolnische Zeitung» провозглашает: «Политический вопрос поглощается социальным вопросом»!

Прекрасное утешение для «Kolnische Zeitung»! Итак, то обстоятельство, что рабочие, крестьяне и мелкие буржуа явным большинством голосов провалили представителей крупной буржуазии и других видных конституционалистов, кандидатов «Kolnische Zeitung», это отнюдь не является поражением «конституционалистов», а означает лишь победу «социального вопроса»! То, что конституционалисты потерпели поражение, свидетельствует не о победе демократов, а о том, что политика отступила на задний план перед материальными вопросами.

Какова глубокомысленная основательность нашего соседа-публициста! Неужто эти мелкие буржуа, находящиеся на краю гибели, в восторге от октроированной конституции? Неужто эти крестьяне, задыхающиеся под ярмом ипотечной задолженности и ростовщиков или задавленные феодальными повинностями, восхищаются финансовыми и феодальными баронами, своими собственными эксплуататорами, в чьих интересах как

* См. настоящий том, стр. 201— 207. *Ред.*

раз и изобретена октроированная конституция? И, наконец, разве у этих пролетариев, одновременно страдающих от законодательного рвения наших бюрократов и от жажды наживы нашей буржуазии, имеется основание восторгаться тем, что октроированная конституция связывает новыми узами эти два класса, высасывающие соки из народа?

Разве все эти три класса не заинтересованы в первую очередь в уничтожении первой палаты, представляющей не эти классы, а их непосредственных врагов и угнетателей?

В самом деле, «Kolnische Zeitung» права: социальный вопрос поглощает политический, классы, недавно вступившие в политическое движение, будут в интересах «социального вопроса» голосовать против своих собственных политических интересов, за октроированную конституцию!

Могут ли мелкие буржуа и крестьяне, а тем более пролетарии найти лучшую форму государственного строя для защиты своих интересов, чем демократическая республика? Разве не эти именно классы являются наиболее радикальными, наиболее демократическими классами всего общества? Разве не пролетариат является как раз специфически *революционным* классом? — «Все равно», — восклицает «Kolnische Zeitung», — «социальный вопрос поглощает политический».

Если верить «Kolnische Zeitung», то победа социального вопроса является одновременно и победой октроированной конституции.

Но «социальный вопрос» «Kolnische Zeitung» имеет еще совершенно особое свойство. Прочтите отчет «Kolnische Zeitung» о выборах в первую палату и об их «счастливом исходе», состоящем в том, что г-н Йозеф Дюмон стал выборщиком. Тем самым собственный социальный вопрос «Kolnische Zeitung» уже решен, и перед этим фактом отступают на задний план все второстепенные «социальные вопросы», которые, вероятно, всплывут на поверхность при выборах в плебейскую вторую палату.

Как бы беспощадная буря грозно поднимающегося в данный момент в Париже всемирно-исторического «политического вопроса» не растоптала хрупкий «социальный вопрос» «Kolnische Zeitung»!

Написано К. Марксом 30 января 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 210, 1 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

КАМПГАУЗЕН

Кёльн, 3 февраля. Из вполне надежного источника мы узнали, что перед открытием палат министерство Бранденбурга выйдет в отставку и что г-н Кампгаузен представится палатам при их открытии в качестве нового министра-президента.

Мы были уверены, что подготовляется нечто подобное, когда несколько дней назад здешние друзья этого ловкого государственного деятеля стали распространять слух, будто ему опротивела политика:

Ах, я устал от суеты;
К чему и радости и горе?
О сладкий мир, придешь ли ты?
В твоей нуждаюсь я опоре[186].

Он намерен-де поэтому снова удалиться в тихую домашнюю жизнь и ограничить свои размышления менее волнующей областью — спекуляцией маслом.

Каждому проницательному человеку должно было быть ясно: г-н Кампгаузен почувствовал потребность снова быть приглашенным для спасения короны и, «тронутый своим собственным великодушием», пожелал вторично сыграть с присущим ему достоинством роль «повивальной бабки конституционного трона».

Буржуазная оппозиция палаты будет торжествовать по поводу этой парламентской «победы». Немцы забывчивы и легко прощают. Та самая левая, которая в прошлом году выступала против г-на Кампгаузена, будет с благодарностью приветствовать его вступление в должность как великую уступку со стороны короны.

Но для того, чтобы народ не дал вторично обмануть себя, мы вкратце напомним наиболее замечательные деяния этого «мыслящего» государственного деятеля.

Г-н Кампгаузен воскресил похороненный 18 марта *Соединенный ландтаг* и достиг соглашения с ним о некоторых основах будущей конституции.

Г-н Кампгаузен тем самым достиг соглашения относительно *почвы законности,* т. е. косвенного отрицания революции.

Г-н Кампгаузен осчастливил нас затем *косвенными выборами.*

Г-н Кампгаузен вторично отрекся от революции, от одного из ее главных результатов, превратив бегство принца Прусского в путешествие с познавательной целью и призвав его вернуться из Лондона.

Г-н Кампгаузен организовал гражданское ополчение так, что оно с самого же начала превратилось из вооружения народа в вооружение одного класса, и противопоставил друг другу народ и гражданское ополчение как враждебные силы.

Г-н Кампгаузен в то же время допустил, чтобы старопрусская бюрократия и армия реорганизовались и с каждым днем становились все более способными подготовить контрреволюционные государственные перевороты.

Г-н Кампгаузен допустил достопамятные расстрелы шрапнелью почти совершенно безоружных польских крестьян.

Г-н Кампгаузен начал войну с Данией, чтобы дать выход чрезмерному патриотическому пылу и восстановить популярность прусской гвардии. Достигнув этой цели, он изо всех сил помогал провести во Франкфурте подписанное в Мальмё гнусное перемирие, что было необходимо для похода Врангеля на Берлин.

Г-н Кампгаузен ограничился отменой некоторых реакционных старопрусских законов в Рейнской провинции, но сохранил в неприкосновенности все полицейское законодательство прусского права во всех старых провинциях.

Г-н Кампгаузен первый стал интриговать против — тогда еще безусловно революционного — единства Германии, созвав, во-первых, наряду с франкфуртским Национальным собранием свой берлинский согласительный парламент, а затем всеми способами борясь против постановлений и влияния Франкфуртского собрания.

Г-н Кампгаузен потребовал от своего Собрания, чтобы оно ограничило свои учредительные полномочия только лишь «согласительными» полномочиями.

Г-н Кампгаузен потребовал затем от Собрания обратиться к короне с адресом, в котором оно признало бы это ограничение

своих полномочий, — как если бы оно было конституционной палатой, которая может быть отсрочена или распущена по произволу.

Г-н Кампгаузен потребовал затем от него отречения от революции и даже превратил это в вопрос о доверии кабинету.

Г-н Кампгаузен внес в свое Собрание такой проект конституции, который мало чем отличается от октроированной конституции и который вызвал тогда всеобщую бурю возмущения.

Г-н Кампгаузен хвастался тем, что являлся министром посредничества, но это посредничество было не чем иным, как посредничеством между короной и буржуазией в целях совместной измены народу.

Г-н Кампгаузен, наконец, ушел в отставку, когда об этой измене полностью договорились и ее подготовили настолько, что она могла быть осуществлена на практике министерством дела и его констеблями.

Г-н Кампгаузен стал послом при так называемой центральной власти и занимал этот пост при всех министерствах. Он оставался послом в то время, когда в Вене войска хорват, русин и валахов попирали немецкую землю, подвергали обстрелу и предавали огню лучший из городов Германии и так возмутительно расправлялись с ним, как никакой Тилли не расправлялся с Магдебургом[187]. Он оставался послом и даже пальцем не шевельнул.

Г-н Кампгаузен остался послом при Бранденбурге, следовательно принял участие в прусской контрреволюции и дал согласие на то, чтобы его имя фигурировало в недавней прусской циркулярной ноте, открыто и без стеснения требующей восстановления старого Союзного сейма[188].

Г-н Кампгаузен вступает теперь, наконец, в министерство, чтобы прикрыть отступление контрреволюции и обеспечить нам на долгие времена ноябрьские и декабрьские завоевания.

Таковы некоторые из великих деяний Кампгаузена. Если он теперь сделается министром, то поспешит удлинить список этих деяний. Мы же, со своей стороны, будем вести им возможно более точный счет.

Написано К. Марксом 3 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 213, 4 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Zwei politische Prozesse.

Verhandelt vor den Februar-Assisen in Köln.

I.

Der erste Preßprozeß der Neuen Rheinischen Zeitung.

II.

Prozeß des Kreis-Ausschusses der rheinischen Demokraten.

Köln, 1849.

Verlag der Expedition der Neuen Rheinischen Zeitung.

Титульный лист брошюры «Два политических процесса» с текстом речей К. Маркса и Ф. Энгельса на судебных процессах в Кёльне

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» [189]

РЕЧЬ МАРКСА

Господа присяжные заседатели! Сегодняшний процесс имеет известное значение, ибо статьи 222 и 367 Code pénal[*], по которым предъявлено обвинение «Neue Rheinische Zeitung», — это единственные статьи рейнского законодательства, которые могут быть использованы властями против печати, если не говорить, конечно, о случаях прямого призыва к мятежу.

Все вы знаете, с каким особым пристрастием прокуратура преследует «Neue Rheinische Zeitung». Но до сих пор, несмотря на все ее старания, ей не удалось возбудить против нас обвинение в других преступлениях, кроме предусмотренных в статьях 222 и 367. Я считаю поэтому необходимым в интересах печати остановиться подробнее на этих статьях.

Но прежде чем приступить к юридическому анализу, позвольте мне сделать одно замечание личного характера. Прокурор назвал *низостью* следующее место инкриминируемой статьи: «Разве г-н Цвейфель не объединяет в своем лице исполнительную власть с законодательной? Быть может, лавры обер-прокурора должны прикрыть грехи народного представителя?» Господа! Можно быть очень хорошим обер-прокурором и в то же время плохим народным представителем. Может быть, г-н Цвейфель именно потому хороший обер-прокурор, что он плохой народный представитель. Прокуратура, по-видимому, плохо знакома с парламентской историей. Что лежит

[*] — Уголовного кодекса. *Ред.*

в основе вопроса о несовместимости, занимающего такое видное место в прениях конституционных палат? Недоверие к представителям исполнительной власти, подозрение, что представитель исполнительной власти слишком легко приносит интересы общества в жертву интересам существующего правительства, и поэтому он менее всего пригоден для роли народного представителя. А что, в частности, сказать о положении прокурора? В какой стране не признали бы эту должность несовместимой с высоким званием народного представителя? Я напомню вам о нападках во французской и бельгийской печати, во французской и бельгийской палатах на Эбера, Плугульма, Баве — нападках, направленных именно против этого весьма противоречивого совмещения в одном лице качеств генерального прокурора и депутата. Никогда эти нападки не влекли за собой судебного преследования, даже при министерстве Гизо, а Франция Луи-Филиппа и Бельгия Леопольда считались образцовыми конституционными государствами. В Англии, правда, дело обстоит иначе по отношению к attorney-general и sollicitor-general, но их положение существенно отличается от положения procureur du roi. Они скорее являются в большей или меньшей степени судебными чиновниками. Мы, господа, не конституционалисты, но мы становимся на точку зрения наших господ обвинителей, чтобы побить их на их же собственной почве их же собственным оружием. Поэтому мы и ссылаемся на конституционный обычай.

Прокурор хочет вычеркнуть целый период парламентской истории с помощью избитых фраз о морали. Я решительно отвергаю его упрек в низости и объясняю этот упрек его неосведомленностью.

Теперь я перехожу к разбору юридической стороны дела. Мой защитник* уже доказал вам, что без ссылки на прусский закон от 5 июля 1819 г. обвинение в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля было бы с самого начала несостоятельным. Статья 222 Code penal говорит только об *«outrages par paroles»,* о словесных оскорблениях, а не об оскорблениях в письменной или печатной форме. Но прусский закон 1819 г. имел своей целью дополнить, а не отменить статью 222. Прусский закон может распространить кары статьи 222 на оскорбления в письменной форме лишь в том случае, если Code карает аналогичные оскорбления в словесной форме. Письменные оскорбления должны иметь место в той же обстановке и при тех же условиях, какие предусматриваются статьей 222 в случае словесных

* — Шнейдер II. *Ред.*

оскорблений. Поэтому необходимо точно определить смысл статьи 222[*].

В мотивировке к статье 222 (Expose par M. le conseiller d'etat Berlier, seance du fevrier 1810[**]) мы читаем:

«Il ne sera donc ici question que des *seuls outrages* qui compromettent la *paix publique,* c-a-d. de ceux diriges contre les fonctionnaires ou agents publics dans l'exercice ou a l'occasion de l'exercice de leurs fonctions; dans ce cas ce n'est plus un particulier, c'est l'ordre public qui est blesse... La hierarchie politique sera dans ce cas prise en consideration: celui qui se permet *des outrages ou violences* envers un officier ministeriel est coupable sans doute, mais il commet un moindre *scandale* que lorsqu'il outrage un magistrat».

В переводе это означает следующее:

«Итак, дело здесь идет *только о таких* оскорблениях, которые нарушают *общественный порядок,* общественное спокойствие, т. е. об оскорблениях чиновников или должностных лиц при исполнении или в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей; при таких условиях ущерб причиняется уже не частному лицу, а общественному порядку... В этом случае будет приниматься во внимание политическая иерархия: тот, кто позволяет себе оскорбления или насилия по отношению к должностному лицу, несомненно виновен, но он вызывает этим меньший скандал, чем если бы он оскорбил судью»[***].

Вы видите, господа, из этой мотивировки, какую цель преследовал законодатель, составляя статью 222. Эта статья применима *«только»* в случаях оскорбления чиновников, когда нарушается общественный порядок, общественное спокойствие. Но когда нарушается общественный порядок, la paix publique? Только тогда, когда затевается мятеж с целью ниспровержения законов или когда ставятся препятствия применению существующих законов, т. е. когда оказывается сопротивление чиновнику, исполняющему закон, когда мешают, прерывают *служебные действия* чиновника при исполнении им своих обязанностей. Сопротивление может ограничиваться одним ропотом, оскорбительными словами, но оно может доходить и до насильственных актов, до насильственного противодействия. Outrage, оскорбление — это только низшая степень violence, неповиновения,

[*] Статья 222 дословно гласит: «Lorsqu'un ou plusieurs magistrats de l'ordre administratif ou judiciaire auront recu, dans *l'exercice de leurs fonctions ou a l'occasion de cet exercice,* quelque outrage par paroles tendant a inculper leur honneur ou leur delicatesse, celui qui les aura ainsi outrages sera puni d'un emprisonnement d'un mois a deux ans [Если одному или нескольким должностным лицам административного или судебного ведомства при *исполнении или в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей* будет нанесено какое-либо оскорбление словами с целью затронуть их честь или их деликатность, то лицо, оскорбившее их таким образом, карается тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет]». (Курсив Маркса. *Ред.*)

[**] — Изложено г-ном членом Государственного совета Берлье на заседании в феврале 1810 года. *Ред.*

[***] Курсив Маркса. *Ред.*

насильственного сопротивления. Поэтому в мотивировке и говорится «outrages *ou* violences», «оскорбления *или* насилия». По смыслу своему оба слова тождественны; но violence, насилие — только отягчающая вину форма outrage, оскорбления, наносимого исполняющему свои обязанности чиновнику.

Итак, в этой мотивировке предполагается: 1) что оскорбление наносится чиновнику при исполнении им служебных действий и 2) что оно наносится ему в его *личном присутствии.* Ни в каком другом случае нельзя говорить о действительном нарушении общественного порядка.

Вы увидите эту предпосылку во всем разделе, трактующем об «outrages et violences envers les depositaires de l'autorite et de la force publique», т. е. об «оскорблениях и насилиях, причиняемых тем, кто облечен государственным авторитетом и государственной властью». Различные статьи этого раздела устанавливают следующую градацию неповиновения: выражение лица, слова, угрозы, акты насилия; последние, в свою очередь, различаются по степени своей тяжести. Наконец, во всех этих статьях говорится об усилении наказания в том случае, если эти различные формы неповиновения происходят в зале судебного заседания. Вызванный здесь *«скандал»* считается наибольшим скандалом, а соблюдение законов, paix publique, считается нарушенным самым вопиющим образом.

Поэтому статья 222 применима к *письменным* оскорблениям чиновников лишь в том случае, если подобные оскорбления наносятся: 1) в личном присутствии чиновника, 2) во время исполнения им своих служебных обязанностей. Мой защитник привел вам, господа, подобный пример. Так, он сам подпал бы под действие статьи 222, если бы, например, теперь, во время заседания суда присяжных, оскорбил председателя в письменном обращении и т. д. Но этот параграф Code penal ни в коем случае не может быть применен к газетной статье, «наносящей оскорбление» через продолжительное время после исполнения чиновником своих служебных обязанностей и в его отсутствие.

Это толкование статьи 222 может объяснить вам кажущийся пробел, кажущуюся непоследовательность Code penal. Почему я в праве оскорбить короля, и в то же время я не в праве оскорбить обер-прокурора? Почему Code — в отличие от прусского права — не предусматривает кары за *оскорбление величества?*

Потому что король никогда не исполняет сам обязанности чиновника, а всегда поручает исполнение их другим, потому что король никогда не выступает по отношению ко мне лично, а лишь через своих представителей. Вышедший из французской революции деспотизм Code penal, как небо от земли, отличается

от патриархально-мелочного деспотизма прусского права. Наполеоновский деспотизм сокрушает меня, раз я действительно мешаю государственной власти, хотя бы только путем оскорбления чиновника, который, исполняя свои служебные обязанности, осуществляет по отношению ко мне государственную власть. Но вне исполнения этих служебных обязанностей чиновник становится обыкновенным членом гражданского общества, без каких бы то уи было привилегий, без каких бы то ни было исключительных средств защиты. Прусский же деспотизм противопоставляет мне чиновника, как некое высшее, священное существо. Качество чиновника как бы срастается с ним, как благодать священства с католическим священником. Прусский чиновник всегда является для прусского мирянина, т. е. не-чиновника, священнослужителем. Оскорбление такого священнослужителя, даже и не при исполнении им своих обязанностей, даже отсутствующего, вернувшегося к частной жизни, остается все же осквернением религии, кощунством. Чем выше чиновник, тем более тяжко осквернение религии. Поэтому величайшим оскорблением государственного священнослужителя является оскорбление короля, оскорбление величества, которое, согласно Code pe̲nal, просто невозможно с точки зрения уголовного права.

Но, скажут, если бы статья 222 Code pe̲nal говорила только об outrages чиновников «dans l'exercice de leurs fonctions», об оскорблении чиновников при исполнении ими своих служебных обязанностей, то не нужно было бы и доказывать, что законодатель подразумевает при этом *личное присутствие* чиновника — присутствие, которое является необходимым условием всякого подводимого под статью 222 оскорбления. Однако статья 222 прибавляет к словам: «dans l'exercice de leurs fonctions» еще слова: «a̲ l'occasion de cet exercice».

Прокурор переводит эти слова так: «в отношении их службы». Я докажу вам, господа, что перевод этот неверен и прямо противоречит мысли законодателя. Взгляните на статью 228 того же раздела. Мы там читаем: Виновный в нанесении *ударов* чиновнику «dans l'exercice de ses fonctions ou a̲ l'occasion de cet exercice» карается тюремным заключением на срок от двух до пяти лет. Можно ли это перевести: «В отношении его службы»? Разве можно наносить *относительные* удары? Разве здесь устраняется предпосылка о личном присутствии чиновника? Могу ли я наносить удары отсутствующему? Очевидно, это следует перевести так: «Виновный в нанесении ударов чиновнику *в связи с* исполнением им своих служебных обязанностей». Но в статье 228 дословно повторяется фраза из

статьи 222. Очевидно, слова «a l'occasion de cet exercice» имеют в обеих статьях одинаковое значение. Таким образом, эти дополнительные слова не только не исключают в качестве условия *личного присутствия* чиновника, но, наоборот, предполагают его.

История французского законодательства представляет вам еще одно убедительное доказательство этого. Вы помните, что во Франции в первое время Реставрации партии вступали между собой в ожесточенные стычки в парламентах, в судах; в Южной Франции дело доходило до поножовщины. Суды присяжных были тогда не чем иным, как военно-полевыми трибуналами победившей партии, расправлявшейся с партией побежденной. Оппозиционная печать беспощадно клеймила приговоры суда присяжных. Статья 222 не давала никакого оружия против этой нежелательной полемики, ибо она была применима лишь в случае оскорбления присяжных в суде, в их личном присутствии. Поэтому в 1819 г. сфабриковали новый закон, каравший всякие нападки на chose jugee, на произнесенный приговор. Code penal не знает подобной неприкосновенности судебного приговора. Разве стали бы дополнять его новым законом, если бы статья 222 говорила об оскорблениях *«в отношении»* исполнения служебных обязанностей?

Но что *же* означает дополнение: «a l'occasion de cet exercice»? Оно имеет целью просто обезопасить чиновника от нападок незадолго *до* исполнения или вскоре *после* исполнения им своих служебных обязанностей. Если бы статья 222 говорила только об «оскорблениях и насилиях», причиняемых чиновнику во время исполнения им своих служебных обязанностей, то я мог бы, например, спустить с лестницы судебного исполнителя после наложения им ареста на имущество и утверждать затем, что я его оскорбил лишь после того, как он перестал выступать передо мной в должности судебного исполнителя. Я мог бы, например, напасть по дороге на мирового судью, направляющегося верхом к моему жилищу с целью выполнения судебно-полицейских функций, избить его и уклониться от грозящей мне согласно статье 228 кары, ссылаясь на то, что я его избил не во время, а до исполнения им его служебных обязанностей.

Следовательно, дополнение «a l'occasion de cet exercice», *в связи* с исполнением служебных обязанностей, имеет целью обеспечить безопасность исполняющего свои обязанности чиновника. Оно относится к оскорблениям и насильственным действиям, которые происходят, правда, не непосредственно во время исполнения служебных обязанностей, но незадолго *до* или вскоре *после* этого, и притом — это имеет существенное значение — находятся в *живой* связи с исполнением служебных

обязанностей, т. е. при всех условиях предполагают *личное присутствие* оскорбляемого чиновника.

Нужны ли еще дальнейшие доказательства того, что § 222 неприменим к нашей статье, даже если бы мы оскорбили в ней г-на Цвейфеля? Когда инкриминируемая статья была написана, г-н Цвейфель *отсутствовал;* он жил тогда не в Кёльне, а в Берлине. Когда эта статья была написана, г-н Цвейфель исполнял обязанности не обер-прокурора, а соглашателя[190]. Следовательно, он не мог подвергнуться оскорблению или поношению как обер-прокурор, находящийся при исполнении своих обязанностей.

Но и независимо от всего моего предыдущего изложения можно иным путем доказать, что статья 222 неприменима к инкриминируемой статье «Neue Rheinische Zeitung».

Это явствует из различия, проводимого Code penal между *оскорблением* и *клеветой.* Точное определение этого различия вы найдете в статье 375. После статей о «клевете» здесь сказано:

«Quant aux injures ou aux expressions outrageantes qui ne renfermeraient l'imputation d'aucun fait precis» (в статье 367 о «клевете» это называется так: «des faits qui, s'ils existaient», факты, которые, если бы они были действительными *фактами),* «mais celle d'un vice determine... la peine sera une amende de seize a cinq cent francs». «Поношения или оскорбительные выражения, содержащие в себе обвинение не в определенном действии, а в определенном пороке... караются штрафом от шестнадцати до пятисот франков»/

В статье 376 мы читаем дальше:

«Все прочие поношения или оскорбительные выражения... влекут за собой простое административное наказание».

Итак, что подходит под категорию клеветы? Поношения, которые вменяют поносимому в вину *определенные факты.* Что подходит под категорию оскорбления? Обвинение в определенном пороке и оскорбительные выражения общего характера. Если я скажу: «вы украли серебряную ложку», то я возвожу на вас клевету в понимании Code penal. Если же я скажу: «вы — вор, у вас воровские наклонности», то я *оскорбляю* вас.

Но статья «Neue Rheinische Zeitung» вовсе не бросает г-ну Цвейфелю обвинений такого рода: г-н Цвейфель — предатель народа, г-н Цвейфель сделал гнусные заявления. Нет, в этой статье конкретно сказано: «Говорят, будто г-н Цвейфель заявил еще, что в течение недели покончит в Кёльне на Рейне с 19 марта, с клубами, со свободой печати и другими порождениями злополучного 1848 года».

Таким образом, г-ну Цвейфелю вменяется в вину вполне определенное заявление. Поэтому, если бы пришлось выбирать, какую из двух статей нужно в данном случае применить — 222 или 367, то нужно было бы остановиться не на статье 222 об оскорблениях, а на статье 367 о клевете.

Почему же прокуратура вместо статьи 367 применила к нам статью 222?

Потому, что статья 222 гораздо менее определенна и дает больше возможности обманным путем добиться осуждения человека, раз хотят, чтобы он был осужден. Посягательства на «delicatesse et honneur», на деликатность и честь, не поддаются никакому определению. Что такое честь, что такое деликатность? Что такое посягательство на них? Это целиком зависит от индивида, с которым я имею дело, от степени его образованности, от его предрассудков, от его самомнения. Здесь не может быть никакой нормы, кроме noli me tangere*, чванливого, мнящего себя неприкосновенным чиновничьего тщеславия.

Но и статья о клевете, статья 367, неприменима к статье в «Neue Rheinische Zeitung».

Статья 367 требует «fait precis», определенного факта, «un fait qui peut exister», факта, который может быть *действительным* фактом. Но ведь г-н Цвейфель не обвиняется в том, что он отменил свободу печати, закрыл клубы, уничтожил мартовские завоевания в том или ином месте. Ему ставится в вину лишь простое заявление. Между тем статья 367 предполагает обвинение в совершении определенных действий, которые, если бы они действительно имели место, повлекли бы для виновного в них преследование со стороны уголовной или исправительной полиции или, по крайней мере, навлекли бы на него презрение или ненависть граждан.

Но простое *заявление о* намерении сделать то-то и то-то не может послужить поводом для преследования меня ни со стороны уголовной, ни со стороны исправительной полиции. Нельзя даже утверждать, что оно непременно навлечет на меня ненависть или презрение граждан. Конечно, словесное заявление может быть выражением очень низкого, заслуживающего презрения и ненависти образа мыслей. Но разве в состоянии возбуждения я не могу сделать заявления, угрожающего поступками, на которые я совсем неспособен? Только поступки доказывают, насколько *серьезно* было заявление.

* — не тронь меня. *Ред.*

Кроме того, «Neue Rheinische Zeitung» пишет: *«Говорят,* будто г-н Цвейфель заявил...». Чтобы оклеветать кого-нибудь, я сам не должен ставить под сомнение свое утверждение, как это выражено здесь словом *«говорят»;* я должен выражаться категорически.

Наконец, господа присяжные, «citoyens», граждане, ненависть или презрение которых навлекло бы на меня обвинение в каком-нибудь действии, что, согласно статье 367, требуется для состава *клеветы,* эти citoyens, эти граждане в политических делах вообще больше не существуют. В этих делах существуют только приверженцы партий. То, что навлекает на меня ненависть и презрение среди членов одной партии, вызывает любовь и уважение со стороны членов другой партии. Орган теперешнего министерства, *«Neue Preusische Zeitung»,* обвинил г-на Цвейфеля в том, что он своего рода *Робеспьер*[*]. В глазах этой газеты, в глазах ее партии наша статья не навлекла на г-на Цвейфеля ненависти и презрения, а наоборот, освободила его от тяготеющей над ним ненависти, от тяготеющего над ним презрения.

Следует обратить сугубое внимание на это соображение не только в связи с данным случаем, а для всех случаев, когда прокуратура попыталась бы применить статью 367 к политической полемике.

Вообще, господа присяжные, если вы захотите применить статью 367 о клевете, как ее толкует прокуратура, к печати, то с помощью уголовного законодательства вы отмените свободу печати, которая была признана вами в конституции и завоевана революцией. Вы санкционируете таким образом любой произвол чиновников, вы дадите простор всякой официальной подлости, карая лишь разоблачение этой подлости. К чему же тогда лицемерное признание свободы печати? Если существующие законы вступают в явное противоречие с только что достигнутой ступенью общественного развития, то именно вашей обязанностью, господа присяжные, является сказать свое веское слово в борьбе между отжившими предписаниями закона и живыми требованиями общества. Тогда ваш долг опередить законодательство, пока оно не осознает необходимости удовлетворить потребности общества. Это самая благородная привилегия суда присяжных. В рассматриваемом случае, господа, задача эта облегчается вам самой буквой закона. Вы должны лишь толковать его в духе нашего времени, наших политических прав, наших общественных потребностей.

[*] См. настоящий том, стр. 23. *Ред.*

Статья 367 заканчивается следующими словами:

«La presente disposition n'est point applicable aux faits dont la loi autorise la publicite, ni a ceux que l'auteur de l'imputation etait, *par la nature de ses fonctions ou de ses devoirs, oblige de reveler ou de reprimer».* «Настоящее постановление неприменимо к действиям, которые закон разрешает предавать гласности, а также к таким, разоблачение или пресечение которых *было обязанностью* лица, возбудившего обвинение, *в силу его служебных функций или его долга»*[*].

Нет сомнения, господа, что законодатель не имел в виду свободную печать, когда он. говорил о *долге* разоблачения. Но так же мало думал он и о том, что этот параграф будет когда-нибудь применяться к свободной печати. Как известно, при Наполеоне не существовало никакой свободы печати. Поэтому, уж если вы хотите применять закон к такой ступени политического и социального развития, для которой он вовсе не предназначался, то применяйте его *целиком,* толкуйте его в духе нашего времени — и пусть на благо печати пойдет и заключительная фраза статьи 367.

Статья 367, в том ограничительном смысле, как ее толкует прокуратура, исключает доказательство истины и позволяет разоблачение лишь тогда, когда оно опирается на официальные документы или на состоявшиеся уже судебные приговоры. Но зачем же печати разоблачать post festum[**], уже после вынесения приговора? Она по своему призванию — общественный страж, неутомимый разоблачитель власть имущих, вездесущее око, стоустый глас ревниво охраняющего свою свободу народного духа. Если вы будете толковать статью 367 в этом смысле — а вы должны так толковать ее, если не хотите упразднить свободу печати в интересах правительственной власти, — то Code дает вам в то же время оружие против злоупотреблений со стороны печати. Согласно статье 372, если кто-либо выступит с разоблачением, то судебное преследование против него и приговор о наличии клеветы должны быть отложены, пока ведется следствие по поводу разоблачаемых фактов. Согласно статье 373, разоблачение, оказавшееся клеветническим, карается.

Господа! Достаточно бросить только беглый взгляд на инкриминируемую статью, чтобы убедиться, что «Neue Rheinische Zeitung», нападая на местную прокуратуру и жандармов, была весьма далека от какого бы то ни было *намерения* нанести оскорбление или возвести клевету, она лишь исполняла свой

---

[*] Курсив Маркса. *Ред.*
[**] — после праздника, т. е. после того, как событие произошло, задним числом. *Ред.*

долг разоблачения. Допрос свидетелей доказал вам, что относительно жандармов мы сообщили только действительно имевшие место факты.

Но вся суть статьи «Neue Rheinische Zeitung» заключается в предсказании последовавшей потом контрреволюции, в нападении на министерство Ганземана, которое ознаменовало свой приход к власти странным заявлением, что чем многочисленнее полиция, тем свободнее государство. Это министерство вообразило, что аристократия уже побеждена и что теперь у пего лишь одна задача: лишить народ его революционных завоеваний в интересах одного класса — буржуазии. Так оно подготовляло почву для феодальной контрреволюции. В инкриминируемой статье мы разоблачали всего-навсего лишь одно, выхваченное из окружающей нас среды, очевидное проявление систематической контрреволюционной деятельности министерства Ганземана и вообще немецких правительств.

Невозможно рассматривать аресты в Кёльне как изолированное явление. Чтобы убедиться в противном, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на тогдашние события. Незадолго до этого начались преследования печати в Берлине, для чего воспользовались параграфами старого прусского права. Несколько дней спустя, 8 июля, был арестован Ю. Вульф, председатель дюссельдорфского Народного клуба, и были произведены домашние обыски у ряда членов комитета этого клуба. Присяжные оправдали впоследствии Вульфа, да и вообще ни одно из политических преследований того времени не получило санкции суда присяжных. Того же 8 июля офицерам, чиновникам и сверхштатным чиновникам в Мюнхене было запрещено принимать участие в народных собраниях. 9 июля был арестован Фалькенхайн, председатель общества «Германия» в Бреславле. 15 июля обер-прокурор Шназе выступил в дюссельдорфском Союзе граждан с настоящей обвинительной речью против Народного клуба, председатель которого был 9-го арестован по его же требованию. Вот вам пример высокого беспристрастия прокуратуры, пример того, каким образом обер-прокурор выступает одновременно в качестве приверженца определенной партии, а приверженец партии — в качестве обер-прокурора. Невзирая на начатое против нас дело из-за наших нападок на Цвейфеля, мы разоблачили тогда Шназе[191]. Он, правда, поостерегся что-нибудь ответить нам. В тот самый день, когда обер-прокурор Шназе выступил со своей филиппикой против дюссельдорфского Народного клуба, королевским приказом был закрыт Демократический окружной союз в Штутгарте. 19 июля был распущен Демократический студенческий союз в Гейдельберге,

27 июля — все демократические союзы в Бадене, а вскоре затем в Вюртемберге и Баварии. И мы должны были молчать при таком явном предательском заговоре всех немецких правительств против народа? Прусское правительство не осмелилось тогда сделать то, на что решились баденское, вюртембергское и баварское правительства. Оно не осмелилось, потому что прусское Национальное собрание начало догадываться о контрреволюционном заговоре и становиться на дыбы против министерства Ганземана. Но, господа присяжные, я заявляю откровенно, с полнейшим убеждением в правоте своих слов: если прусская контрреволюция вскоре не разобьется о прусскую народную революцию, то и в Пруссии будет совершенно уничтожена свобода союзов и печати. Уже сейчас она частично уничтожена путем введения осадных положений. В Дюссельдорфе и в некоторых округах Силезии осмелились даже восстановить *цензуру.*

Но не только общее положение дел в Германии, общее положение дел в Пруссии обязывало нас следить с крайним недоверием за каждым шагом правительства, открыто разоблачать малейшие симптомы применяемой им системы. Местная кёльнская прокуратура давала нам особые поводы разоблачать ее перед общественным мнением как орудие контрреволюции. За один лишь июль мы должны были разоблачить три незаконных ареста. В первых двух случаях государственный прокурор Геккер промолчал, в третьем он сделал попытку оправдаться, но после нашего ответа умолк по той простой причине, что ему нечего было сказать[192].

И при таких обстоятельствах прокуратура осмеливается утверждать, что в данном случае мы имеем дело не с разоблачением, а с мелочной злостной клеветой? Этот взгляд покоится на каком-то странном недоразумении. Что касается лично меня, то заверяю вас, господа, что я охотнее занимаюсь великими всемирно-историческими событиями, что я предпочитаю анализировать ход истории, чем возиться с местными кумирами, с жандармами и прокуратурой. Какими бы великими ни мнили себя эти господа, в гигантских битвах современности они *ничто,* абсолютное *ничто.* Я считаю настоящей жертвой с нашей стороны, что мы решаемся ломать копья с *подобными* противниками. По, во-первых, таков уж долг печати — вступаться за угнетенных в непосредственно окружающей ее среде. И кроме того, господа, главной опорой здания рабства являются подчиненные политические и общественные власти, непосредственно сталкивающиеся с отдельными лицами, с живыми индивидами и их частной жизнью. Недостаточно вести борьбу вообще

с существующими отношениями и с высшими властями. Печати приходится выступать против *данного* жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата. В чем причина крушения *мартовской революции?* Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых, родившихся, выросших и поседевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит теперь в том, чтобы *подорвать все основы существующего политического строя.* (Возгласы одобрения со стороны присутствующих.)

РЕЧЬ ЭНГЕЛЬСА

Господа присяжные заседатели! Предыдущий оратор остановил свое внимание главным образом на обвинении в оскорблении обер-прокурора г-на Цвейфеля; позвольте мне теперь обратить ваше внимание на обвинение в клевете на жандармов. Дело идет прежде всего о тех статьях закона, на которые опирается обвинение.

Статья 367 Уголовного кодекса гласит:

«Виновен в клевете тот, кто в общественных местах или в общественных собраниях, или в аутентичном и официальном документе, или в *напечатанном* или ненапечатанном *сочинении,* которое было вывешено, *продано* или роздано, обвинил кого-нибудь в таких действиях, которые, если бы они действительно имели место, повлекли бы для виновного в них преследование со стороны уголовной или исправительной полиции или, по крайней мере, навлекли бы на него *презрение* или *ненависть граждан»**.

Статья 370 добавляет к этому:

«Если в законном порядке будет *установлена достоверность* факта, на котором покоится обвинение, то лицо, выдвинувшее обвинение, освобождается от всякого наказания. — *Законным доказательством* считается *лишь* такое, которое основано на *приговоре* или каком-нибудь ином *аутентичном документе»**.

Господа! Прокуратура дала вам *свое* толкование этих предписаний закона и на этом основании потребовала для нас обвинительного приговора. Ваше внимание уже обратили на то, что законы эти были изданы в те времена, когда над печатью тяготела цензура и когда вообще существовали совершенно иные политические отношения, чем теперь. Ввиду этого мой защитник** высказал тот взгляд, что вы не должны считать себя связанными этими устаревшими законами. Представитель прокуратуры присоединился к этому взгляду, по крайней мере в отношении статьи 370. Он выразился следующим образом: «для вас, господа присяжные заседатели, самое важное, конечно,

* Курсив Энгельса. *Ред.*
** — Шнейдер II. *Ред.*

установить, *доказана ли* достоверность разбираемых фактов», — и я приношу свою благодарность прокурору за это признание.

Но если бы вы и не придерживались того взгляда, что, по крайней мере, статья 370 в своем ограничении доказательства истины устарела, то, несомненно, вы согласитесь с тем, что приведенные статьи должны быть истолкованы иначе, чем это пытается сделать прокуратура. Привилегия суда присяжных в том и состоит, что присяжные могут толковать законы независимо от традиционной судебной практики, толковать их так, как им подсказывает их здравый смысл и их совесть. Против нас возбуждено судебное дело по статье 367 за то, что мы обвинили упомянутых жандармов в действиях, которые, если бы они действительно имели место, навлекли бы на них презрение и ненависть граждан. Если вы станете толковать эти слова «ненависть и презрение» в том смысле, какой хотела бы придать им прокуратура, то, пока остается в силе статья 370, совершенно уничтожается свобода печати. Как же может печать при таких условиях выполнять свой первый долг — долг защиты граждан от произвола чиновников? Лишь только она позволит себе разоблачить перед общественным мнением подобный акт произвола, ее привлекут к суду, и — если дело пойдет так, как этого хотела бы прокуратура — последуют приговоры к тюремному заключению, денежному штрафу и потере гражданских прав; исключением явится разве только такой случай, когда печать опубликует судебный приговор, т. е. выступит с разоблачением лишь тогда, когда оно уже потеряет всякий смысл!

Как мало подходят к нашей теперешней обстановке рассматриваемые пункты закона — по крайней мере, в толковании прокуратуры,— показывает сравнение со статьей 369. Там сказано;

> «Что касается клеветы, которая стала достоянием гласности при посредстве *иностранных газет,* то могут привлекаться к суду те, кто послал эти статьи в газеты... или кто содействовал *ввозу и распространению* этих газет в стране»*.

Согласно этой статье закона, господа, прокуратура обязана была бы ежедневно и ежечасно привлекать к суду королевско-прусских почтовых чиновников. Разве бывает хотя бы один день из трехсот шестидесяти пяти дней в году, когда бы прусская почта не содействовала рассылкой той или иной иностранной газеты «ввозу и распространению» клеветы в том смысле, какой ей придает прокуратура? И, однако, прокуратуре не приходит в голову возбуждать преследование против почтового ведомства.

---

* Курсив Энгельса. *Ред.*

Примите далее во внимание, господа, что статьи эти составлены были в те времена, когда ввиду цензурных условий *невозможно* было оклеветать *чиновников* в печати. Следовательно, эти статьи должны были, по мысли законодателя, охранять от клеветы *частных лиц,* а не *чиновников,* и только в этом случае они имеют смысл. Но с тех пор как была завоевана свобода печати, действия чиновников также могут становиться достоянием гласности; это коренным образом меняет все положение. И именно теперь, когда имеются подобные противоречия между старым законодательством и новой социально-политической обстановкой, именно в этих случаях должны выступать присяжные и приспособлять старый закон к новой обстановке путем нового его истолкования.

Но, как я уже сказал, сама прокуратура признала, что для вас, господа, самым важным — вопреки статье 370 — является вопрос о доказательстве истины. Поэтому-то она и пыталась ослабить приведенные нами на основании свидетельских показаний доказательства истины. Посмотрим же инкриминируемую газетную статью, чтобы убедиться, доказаны ли фактами выдвинутые в ней обвинения и действительно ли в них содержится состав клеветы. В начале статьи мы читаем следующее:

«Между 6 и 7 часами утра шесть или семь жандармов явились на квартиру Аннеке, сразу же грубо оттолкнули служанку» и т. п.

Господа, вы слышали показания Аннеке по этому вопросу. Вы помните, что я хотел специально задать свидетелю Аннеке еще раз вопрос по поводу грубого обращения со служанкой и что председатель нашел этот вопрос излишним, ибо этот факт-де в достаточной мере установлен, И вот я вас спрашиваю: возвели ли мы в этом отношении клевету на жандармов?

Далее: «В передней они от понукания переходят к рукоприкладству, причем один из жандармов вдребезги разбивает стеклянную дверь. Аннеке сталкивают с лестницы». Господа, вы слышали показание свидетеля Аннеке; вы помните слова свидетеля Эссера о том, как жандармы вышли с Аннеке «на всех парах» из дому и *втолкнули* его в карету; я спрашиваю, господа, еще раз: где же здесь клевета?

В статье имеется, наконец, место, правильность которого не доказана *с буквальной точностью.* Это следующее место: «Из этих четырех столпов правосудия один немного покачивался, уже с раннего утра преисполненный «духом»*, живительной влагой, водкой».

* Игра слов: «Geist» означает «дух», а также «спирт». *Ред.*

Я согласен с тем, господа, что на основе точного смысла слов Аннеке здесь установлено лишь следующее: «судя по поведению жандармов, их вполне можно было принять за пьяных», т. е. установлено лишь, что жандармы *вели себя,* как пьяные. Но, господа, примите во внимание то, что было нами сказано два дня спустя в ответ на возражение государственного прокурора *Геккера:* «Оскорбление могло бы относиться лишь к одному из господ жандармов, о котором говорилось, что он в ранний час *покачивался* по причинам более или менее спиритуальным или спиртуозным. Но если следствие подтвердит — в чем мы ни на минуту не сомневаемся — правильность фактов, т. е. грубого обращения, допущенного господами агентами государственной власти, то, по нашему мнению, мы только заботливейшим образом, со всем подобающим печати беспристрастием, подчеркнули, в собственных интересах обвиняемых нами господ, *единственное смягчающее вину обстоятельство;* а прокуратура превращает это продиктованное человеколюбием указание на единственное смягчающее вину обстоятельство в оскорбление!»[193].

Из этого вы можете видеть, господа, что мы сами настаивали на расследовании указанных фактов. Не наша вина, если расследование не было произведено. Впрочем, что касается упрека в пьянстве, то, спрашивается, что за беда для королевско-прусского жандарма, если о нем говорят, что он хлебнул водки немножко через край? Насчет того, можно ли рассматривать это как клевету, я готов апеллировать к общественному мнению всей Рейнской провинции.

И как может говорить прокуратура о клевете, когда эти якобы оклеветанные даже не названы, не указаны точно? Речь идет о «шести или семи жандармах». Кто они? Где они? Стало ли вам, господа, известно, что какой-нибудь *определенный* жандарм навлек на себя, благодаря этой статье, «ненависть и презрение граждан»? Закон требует определенным образом, чтобы оклеветанный индивид был точно указан; но в данном месте инкриминируемой статьи ни один определенный жандарм не может усмотреть оскорбление для себя, оскорбленной может считать себя, в крайнем случае, вся королевско-прусская жандармерия в целом. Она потому может чувствовать себя оскорбленной, что в газетах пишут, как члены этой корпорации безнаказанно прибегают к незаконным действиям и грубому обращению. Но, господа, нельзя считать преступлением обвинение королевско-прусской жандармерии вообще в грубом обращении. Я требую от прокуратуры, чтобы она указала мне то место в законе, согласно которому считаются наказуемыми оскорбление,

поношение, клевета на королевско-прусский жандармский корпус, если вообще здесь может быть речь о клевете.

Прокуратура усмотрела вообще в инкриминируемой статье лишь доказательство безудержной страсти к клевете. Статья эта, господа, была вам прочитана. Нашли ли вы в ней. что имевшие тогда место в Кёльне более или менее незначительные нарушения закона мы рассматривали сами по себе, что мы использовали их в своих интересах, раздували их в целях удовлетворения нашей мнимой злобы на низших чиновников? Наоборот, не указывали ли мы, что эти факты являются одним из звеньев в длинной цепи вылазок реакции, предпринятых тогда одновременно по всей Германии? Разве мы ограничились нападками на жандармов и прокуратуру в Кёльне, а не постарались вскрыть самую суть дела, проанализировать его истоки вплоть до тайного министерства в Берлине?[194] Но, конечно, не так опасно нападать на большое тайное министерство в Берлине, как на маленькую прокуратуру в Кёльне, и в доказательство этого факта мы стоим сегодня перед вами.

Обратите внимание на конец статьи. Там сказано: «Таковы, следовательно, дела министерства дела, министерства левого центра, министерства, являющегося переходом к стародворянскому, старобюрократическому, старопрусскому министерству. Как только г-н Ганземан сыграет свою переходную роль, он получит отставку».

Господа, вы, вероятно, помните события, имевшие место в августе прошлого года, вы помните, как за ненадобностью был «уволен» Ганземан, — правда, в приличной форме добровольной отставки — и как его сменило министерство Пфуля — Эйхмана — Кискера — Ладенберга, в буквальном смысле слова «стародворянское, старобюрократическое, старопрусское министерство».

Мы читаем дальше: «Левая в Берлине должна, однако, уразуметь, что старая власть может спокойно дозволить ей одерживать маленькие парламентские победы и составлять большие конституционные проекты, лишь бы самой тем временем завладеть всеми действительно решающими позициями. Она смело может признавать революцию 19 марта в палате, если только *вне* палаты эта революция будет разоружена».

Насколько правильным был этот взгляд, мне, разумеется, не стоит и доказывать. Вы сами знаете, как в той же самой мере, в какой росла мощь левой в парламенте, уничтожалась мощь народной партии *вне* палаты. Нужно ли мне перечислять вам оставшиеся безнаказанными зверства прусской солдатни в бесчисленных городах, введение то тут, то там осадного положе-

ния, разоружение во многих случаях гражданского ополчения и, наконец, геройский поход Врангеля против Берлина, чтобы показать вам, как действительно была разоружена революция, как старая власть фактически завладела всеми решающими позициями?

И под конец — замечательное пророчество: «В одно прекрасное утро левая, возможно, убедится, *что ее парламентская победа совпадает с ее действительным поражением».*

Как буквально сбылось все это! Тот самый день, когда левая получила, наконец, в палате большинство, был днем ее действительного поражения. Именно парламентские победы левой повлекли за собой государственный переворот 9 ноября, перенесение в другое место, отсрочку заседаний Национального собрания и, наконец, роспуск его и октроирование конституции. Парламентская победа левой в точности совпала с ее полнейшим поражением вне парламента.

Это столь буквально оправдавшееся политическое предсказание является, господа, результатом, итогом, выводом, извлеченным нами из насилий, творившихся по всей Германии, а в частности и в Кёльне. И после этого осмеливаются говорить о слепом пристрастии к клевете? Не похоже ли в действительности все дело на то, что мы, господа, предстали сегодня перед вами, чтобы понести ответственность за преступление, состоящее в том, что мы правильно указали на правильные факты и извлекли из них правильные выводы?

Резюмирую: вам, господа присяжные заседатели, предстоит решить в этот момент вопрос о свободе печати в Рейнской провинции. Если печати должно быть запрещено сообщать о том, что происходит на ее глазах, если при каждом щекотливом случае она должна дожидаться, пока будет вынесен судебный приговор, если она должна сперва справляться у каждого чиновника — начиная с министра и кончая жандармом, — не задеваются ли приводимыми фактами их честь или деликатность, независимо от того, верны ли факты или нет, — если печать будет поставлена перед альтернативой — либо искажать события, либо совершенно замалчивать их, тогда, господа, свободе печати приходит конец; и если вы желаете этого, тогда выносите нам *обвинительный* приговор!

Произнесено 7 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 221, 14 февраля 1849 г., а также опубликовано в отдельной брошюре: «Zweipolitische Prozesse», Koln, 1849, Verlag der Expedition der Neuen Rheinischen Zeitung

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРОЦЕСС ПРОТИВ РЕЙНСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА ДЕМОКРАТОВ [195]

РЕЧЬ МАРКСА

Господа присяжные заседатели! Если бы настоящий процесс был возбужден *до* 5 декабря, обвинение, выдвинутое прокуратурой, было бы мне понятно. Теперь же, *после* 5 декабря, я решительно не понимаю, каким образом прокуратура осмеливается еще ссылаться в своем обвинении против нас на законы, попранные самой королевской властью.

На чем основывает представитель прокуратуры свою критику Национального собрания, свою критику постановления об отказе от уплаты налогов? На законах от 6 и 8 апреля 1848 года. Но что сделало правительство, когда оно 5 декабря самовластно октроировало конституцию и навязало стране новый избирательный закон? Оно растоптало законы от 6 и 8 апреля 1848 года. Эти законы уже не существуют для сторонников правительства, — почему же они должны еще существовать для его противников? Правительство стало 5 декабря на *революционную* почву, а именно на почву *контрреволюции.* По отношению к нему существуют только революционеры или соучастники. Оно само превратило в мятежников всю массу граждан, которые опираются на существующие законы, которые отстаивают существующий закон против всякого его нарушения. *До* 5 декабря можно было придерживаться различных взглядов на перенесение места заседания Национального собрания, на его насильственный роспуск, на осадное положение в Берлине. *После* 5 декабря стало бесспорным фактом, что эти меры служили преддверием контрреволюции, что поэтому допустимы были все средства борьбы против фракции, которая, сама перестала признавать условия, делавшие ее

правительством, которую, следовательно, и страна не могла больше признавать правительством.

Господа! Корона могла сохранить, по крайней мере, видимость законности, но она пренебрегла этим. Она могла разогнать Национальное собрание и после этого поручить министерству обратиться к стране и сказать: «Мы решились на государственный переворот — обстоятельства принудили нас к этому. Формально мы преступили рамки закона, но бывают критические моменты, когда на карту ставится само существование государства. В такие моменты существует только *один* нерушимый закон — сохранение государства. Когда мы распускали Национальное собрание, никакой конституции не существовало. Поэтому мы не могли нарушить конституцию. Зато существовало два органических закона — от 6 и 8 апреля 1848 года. В действительности же существует только *один-единственный* органический закон — *избирательный закон.* Мы призываем страну приступить к новым выборам на основании *этого* закона. Перед Собранием, вышедшим из этих первичных выборов, предстанем мы, *ответственное министерство.* Мы надеемся, что это Собрание признает государственный переворот как *спасительный акт,* вынужденный обстоятельствами. Оно задним числом санкционирует этот государственный переворот. Оно скажет, что мы нарушили букву закона, чтобы спасти отечество. Пусть оно решает нашу судьбу».

Если бы министерство поступило таким образом, оно имело бы хотя бы *видимость основания* привлечь нас к вашему суду. Корона спасла бы видимость законности. Но она не могла, она *не хотела* этого.

В глазах короны мартовская революция была актом насилия. Один акт насилия может быть искоренен только другим таким же актом. Отвергнув новые выборы на основе апрельского закона 1848 г., министерство *отказалось от того, чтобы быть ответственным министерством, оно отменило тот самый суд, перед которым оно было ответственно.* Апелляция к народу по поводу Национального собрания была, таким образом, превращена министерством с самого начала в пустую видимость, в фикцию, в обман. Изобретя первую, основанную на цензовом избирательном праве палату как неотъемлемую часть законодательного собрания, министерство уничтожило органические законы, покинуло почву законности, фальсифицировало народные выборы, лишило народ возможности высказать какое-либо суждение о «спасительном деянии» короны.

Итак, господа, нельзя отрицать факта, ни один будущий историк не станет его отрицать: корона совершила революцию,

она ниспровергла существующий правовой порядок, она не может апеллировать к законам, которые она же сама так позорно попрала. Когда успешно совершают революцию, можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебный приговор. Их можно убрать с дороги как побежденных врагов, но нельзя судить их как преступников. После совершенной революции или контрреволюции нельзя обращать ниспровергнутые законы против *защитников* этих самых законов. Это — трусливое лицемерие законности, которое вы, господа, не станете санкционировать своим приговором.

Я сказал вам, господа, что правительство фальсифицировало мнение народа о «спасительном деянии короны». И все-таки народ уже высказался *против* короны — *за* Национальное собрание. Выборы во вторую палату — единственно законные выборы, ибо только они происходили на основании закона от 8 апреля 1848 года. И почти все, выступавшие за отказ от уплаты налогов, вновь избраны во вторую палату, многие — дважды и трижды. Даже обвиняемый вместе со мной Шнейдер II избран депутатом от Кёльна. Вопрос о праве Национального собрания выносить постановления об отказе от уплаты налогов, таким образом, фактически уже решен народом.

Но и независимо от этого верховного приговора вы все, господа, согласитесь со мной, что здесь нет преступления в обычном смысле слова, что здесь вообще нет нарушения закона, которое подлежало бы вашей юрисдикции. При обычных обстоятельствах публичная власть является исполнительницей существующих законов; преступник тот, кто нарушает эти законы или насильственно препятствует публичной власти их выполнять. В данном случае одна публичная власть нарушила закон; другая публичная власть — все равно, какая — отстаивала его. Борьба между двумя государственными властями не входит ни в компетенцию частного права, ни в компетенцию уголовного права. Вопрос о том, кто был прав, корона или Национальное собрание, — это вопрос истории. Все присяжные заседатели, все суды Пруссии, вместе взятые, не в состоянии его разрешить. Существует только одна сила, которая разрешит его, — это история. Поэтому я не понимаю, как могли посадить нас на скамью подсудимых на основании Code pénal*.

Что здесь речь шла о борьбе между двумя властями — а борьбу между двумя властями может решить только сила** — это, господа, было в одинаковой степени признано как революционной, так и контрреволюционной печатью. Орган

* — Уголовного кодекса. *Ред.*
** Игра слов: «Gewalt» означает «сила», а также «власть». *Ред.*

самого правительства провозгласил это незадолго до исхода борьбы. «Neue Preusische Zeitung» — орган нынешнего министерства — достаточно ясно признавала это. За несколько дней до кризиса она говорила приблизительно следующее: дело сейчас не в праве, а в силе, и все убедятся, что старая королевская власть божьей милостью еще обладает силой. «Neue Preusische Zeitung» правильно оцепила положение дела. Сила против силы. Борьбу между ними должна была решить победа. Победила контрреволюция, но пока окончился только первый акт драмы. В Англии борьба продолжалась свыше двадцати лет. Карл I не раз выходил победителем, но в конце концов он взошел на эшафот. И кто поручится вам, господа, что теперешнее министерство, что те самые чиновники, которые были и продолжают быть покорным орудием в его руках, не будут осуждены нынешней палатой или ее преемницами за государственную измену?

Господа! Представитель прокуратуры пытался обосновать свое обвинение законами от 6 и 8 апреля. Я вынужден был вам доказывать, что именно эти законы снимают с нас обвинение. Но не скрою от вас, что я никогда не признавал и никогда не стану признавать этих законов. Они никогда не имели силы для депутатов, которые были избраны народом, еще меньше могли они предписывать путь совершившейся в марте революции.

Как возникли законы от 6 и 8 апреля? В результате соглашения правительства с *Соединенным ландтагом.* Этим путем хотели сохранить преемственную связь со старым законным порядком и затушевать революцию, которая именно этот порядок устранила. Люди вроде Кампгаузена и т. п. считали очень важным спасти видимость законного развития. И как же спасали они эту видимость? С помощью ряда явных и нелепых противоречий, Встаньте, господа, на минуту на точку зрения старого закона! Разве уже одно существование министра Кампгаузена, *ответственного министра,* министра без чиновничьей карьеры, не было беззаконием? Положение Кампгаузена, как *ответственного министра-президента,* было незаконным. Этот *с точки зрения закона* несуществующий чиновник созывает Соединенный ландтаг, чтобы через него провести законы, на принятие которых этот самый ландтаг не имел *законных* полномочий. И эту внутренне противоречивую, самое себя опровергающую игру формами называли законным развитием, сохранением почвы законности!

Но оставим в стороне формальную сторону дела, господа! Что представлял собой Соединенный ландтаг? Он был представителем старых, отживших общественных отношений.

Революция совершилась именно против этих отношений. А представителям побежденного общества предлагают на утверждение органические законы, которые должны признать, направить, организовать революцию против этого старого общества! Что за нелепое противоречие! Ведь ландтаг был низвергнут вместе со старой королевской властью.

И здесь, господа, мы сталкиваемся лицом к лицу с пресловутой *почвой законности.* Я тем более вынужден остановиться на этом вопросе, что нас вполне справедливо считают противниками почвы законности и что законы от 6 и 8 апреля обязаны своим существованием лишь формальному признанию почвы законности.

Ландтаг прежде всего представлял крупную земельную собственность. А крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового, *феодального общества. Современное буржуазное общество, наше* общество, покоится, наоборот, на промышленности и торговле. Сама земельная собственность утратила все свои прежние условия существования, она стала зависимой от торговли и промышленности. Земледелие ведется поэтому в наши дни на промышленных началах, и старые феодалы опустились до положения фабрикантов скота, шерсти, зерна, свекловицы, водки и т. д., до положения людей, которые, подобно всем другим торговцам, торгуют этими продуктами промышленности! Как бы ни цеплялись они за свои старые предрассудки, фактически они превращаются в буржуа, производящих как можно больше с возможно меньшими затратами, покупающих там, где можно дешевле купить, и продающих там, где можно дороже продать. Следовательно, образ жизни, способ производства, способ извлечения дохода, свойственный этим господам, показывает всю фальшь их традиционного высокомерного самомнения. Земельная собственность, как господствующий общественный фактор, предполагает *средневековый способ производств а и обмена.* Соединенный ландтаг представлял этот средневековый способ производства и обмена, который давно перестал существовать и представители которого, как бы сильно они ни цеплялись за старые привилегии, не в меньшей мере принимают участие в наслаждении благами нового общества и эксплуатируют его в свою пользу. Новое буржуазное общество, покоящееся на совершенно иных основах, на изменившемся способе производства, должно было захватить и политическую власть; оно должно было вырвать из рук представителей интересов погибающего общества эту политическую власть, вся организация которой возникла на почве совершенно иных материальных общественных отношений. *Отсюда и революция.* Революция была, таким образом, направлена в той же мере против

абсолютной королевской власти, этого высшего политического выражения старого общества, как и против *сословного представительства,* которое представляло общественный порядок, давно уже уничтоженный современной промышленностью, или, самое большее, надменные обломки *сословий,* с каждым днем все более обгоняемых, оттесняемых, разрушаемых буржуазным обществом. Как же в таком случае могли прийти к нелепой мысли позволить Соединенному ландтагу — этому представителю старого общества — диктовать законы новому обществу, путем революции утверждающему свои права?

Это для того, говорят, чтобы сохранить *почву законности.* Но что же понимаете вы, господа, под сохранением почвы законности? Сохранение законов, относящихся к предшествовавшей общественной эпохе, созданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, — это означает возведение в закон только этих интересов, находящихся в противоречии с общими потребностями. Но общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивидуума. Вот этот Code Napoleon*, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX веке, находит в этом Кодексе только свое юридическое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится просто в пачку бумаги. Вы не можете сделать старые законы основой нового общественного развития, точно так же, как и эти старые законы не могли создать старых общественных отношений.

Из этих старых отношений они возникли, вместе с ними они должны и погибнуть. Они неизбежно изменяются вместе с изменяющимися условиями жизни. Сохранение старых законов наперекор новым потребностям и запросам общественного развития есть, в сущности, не что иное, как прикрытое благочестивыми фразами отстаивание не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов. *Это сохранение почвы законности* имеет целью сделать такие частные интересы *господствующими,* в то время как они *уже не господствуют;* оно имеет целью навязать обществу законы, которые осуждены самими условиями жизни этого общества, его способом

* — Кодекс Наполеона. *Ред.*

добывания средств к жизни, его обменом, его материальным производством; оно имеет целью удержать у власти законодателей, которые отстаивают только частные интересы; оно ведет к злоупотреблению государственной властью, чтобы интересы большинства насильственно подчинять интересам меньшинства. Оно ежеминутно становится, таким образом, в противоречие с существующими потребностями, оно тормозит обмен, промышленность, оно подготовляет *общественные кризисы,* которые разражаются в виде *политических революций.*

Вот истинный смысл приверженности к почве законности и сохранения почвы законности. И исходя из этой фразы о почве законности, покоящейся либо на сознательном обмане, либо на бессознательном самообмане, обосновывали созыв Соединенного ландтага, заставили этот ландтаг фабриковать органические законы для Национального собрания, сделавшегося необходимым благодаря революции и порожденного этой революцией. И на основании этих законов хотят судить Национальное собрание!

Национальное собрание представляло современное буржуазное общество в противоположность феодальному обществу, представленному в Соединенном ландтаге. Оно было избрано народом, чтобы самостоятельно выработать конституцию, которая соответствовала бы жизненным отношениям, пришедшим в столкновение с существовавшим до сих пор политическим строем и существовавшими прежде законами. Оно было в силу этого с самого начала суверенным, учредительным собранием. И если оно, несмотря на это, опустилось до соглашательской точки зрения, то это было лишь чисто формальной вежливостью по отношению к короне, простой церемонией. Мне незачем здесь вдаваться в рассмотрение вопроса, имело ли Собрание право, вопреки народу, становиться на позицию соглашения. Оно придерживалось мнения, что следует предотвратить столкновение с короной с помощью доброй воли обеих сторон.

Но одно уж несомненно: законы от 6 и 8 апреля, принятые по соглашению с Соединенным ландтагом, были формально недействительны. Материально они имеют только тот смысл, что формулируют и устанавливают условия, при которых Национальное собрание могло бы быть действительным выражением народного суверенитета. Законодательство Соединенного ландтага было лишь формой, которая избавляла корону от унизительной для нее необходимости провозгласить: я *побеждена!*

Теперь, господа присяжные заседатели, перехожу к более детальному разбору речи прокурора.

Прокурор сказал:

«Корона уступила часть власти, которая всецело находилась в ее руках. Даже в обыденной жизни отказ от чего-нибудь не идет дальше прямого смысла слов, в которых этот отказ сформулирован. Но закон от 8 апреля 1848 г. не предоставляет Национальному собранию права отказа от уплаты налогов и не назначает Берлин непременной резиденцией Национального собрания».

Господа! В руках короны находились *обломки* власти; корона поступилась властью, чтобы спасти ее обломки. Вы помните, господа, как король, тотчас же по вступлении на престол, в Кенигсберге и Берлине буквально ручался своим честным словом, что никогда не согласится на конституционный образ правления. Вы помните, как король в 1847 г. при открытии Соединенного ландтага давал торжественную клятву, что не потерпит клочка бумаги между собой и *своим* народом. А между тем после мартовских событий 1848 года король сам себя провозгласил в октроированной им конституции *конституционным* королем. Он поставил между собой и своим народом эту беспочвенную чужеземную галиматью — клочок бумаги. Рискнет ли представитель прокуратуры утверждать, что король добровольно опроверг столь явным образом свои торжественные заверения, что он добровольно перед лицом всей Европы взял на себя вину в вопиющей непоследовательности, допустив соглашение или конституцию? Король пошел на те уступки, к которым его *вынудила* революция. Не больше и не меньше!

Популярное сравнение представителя прокуратуры, к сожалению, ничего не доказывает. В самом деле, если я отказываюсь, то отказываюсь только от того, от чего я *определенно* отказываюсь. Если я вам делаю подарок, то с вашей стороны было бы поистине наглостью требовать от меня в силу моего дарственного акта дальнейших приношений. Но дарил-то после мартовских событий как раз народ; получала подарок корона. Само собой разумеется, что характер подарка должен устанавливаться дарителем, а не получателем, народом, а не короной.

Абсолютная власть короны была сломлена. Народ победил. Обе стороны заключили перемирие, и народ был обманут. Что народ был обманут — это, господа, взял на себя труд доказать вам сам представитель прокуратуры. Чтобы оспорить право Национального собрания на отказ от уплаты налогов, представитель прокуратуры обстоятельно разъяснял вам, что если нечто в этом роде и было в законе от 6 апреля 1848 г., то уж в законе от 8 апреля 1848 г. мы этого отнюдь не находим. Итак, этот промежуток времени был использован для того, чтобы через два дня отнять у народных представителей те права, которые были им предоставлены за два дня до этого. Мог ли представитель

прокуратуры с большим успехом скомпрометировать *честность* короны, мог ли он доказать более неопровержимо, что народ *хотели обмануть?*

Далее, представитель прокуратуры говорит:

«Право *перенесения места* и *отсрочки заседаний* Национального собрания вытекает из прерогатив исполнительной власти, и это признано во всех конституционных странах».

Что касается права *исполнительной власти переносить место заседания* законодательных палат, то я требую от представителя прокуратуры привести в доказательство этого утверждения хотя бы один закон или пример. В Англии, например, король мог бы в силу старого исторического права созвать парламент в любом угодном ему месте. Нет закона, в котором был бы указан Лондон в качестве законной резиденции парламента. Вам известно, господа, что в Англии вообще самые важные политические свободы санкционированы обычным правом, а не писаным законом; так обстоит, например, дело со свободой печати. Но если бы какому-нибудь английскому министерству взбрела в голову мысль перенести парламент из Лондона в Виндзор или Ричмонд, то достаточно было бы высказать эту мысль, чтобы убедиться в ее неосуществимости.

Правда, в конституционных странах корона имеет право *отсрочивать заседания* палат. Но не забудьте, что, с другой стороны, во всех конституциях определено, *на какое время* могут быть отсрочены заседания палат, после какого срока они снова должны быть созваны. В Пруссии не было никакой конституции — ее еще только предстояло создать; не было установленного законом срока созыва отсроченной палаты — а следовательно, не существовало и права короны на отсрочку. Иначе корона могла бы отсрочить созыв палаты на 10 дней, на 10 лет, навсегда. Где же была гарантия, что палаты будут когда-нибудь созваны или что они будут беспрепятственно заседать? Существование палат наряду с короной было предоставлено благоусмотрению короны, законодательная власть — если здесь вообще может быть речь о законодательной власти — превращена в фикцию.

Господа! Вы видите на этом примере, к чему приводит попытка приложить к конфликту между прусской короной и прусским Национальным собранием масштаб отношений, существующих в конституционных странах. Она приводит к *признанию абсолютной королевской власти.* С одной стороны, короне предоставляются права конституционной исполнительной власти, с другой стороны — не существует никакого закона, никакого обычая, никакого органического установления, которые

налагали бы на нее ограничения, свойственные конституционной исполнительной власти. Народному представительству ставится требование: при *абсолютном* короле ты должно играть роль *конституционной* палаты!

Нужно ли еще разъяснять, что в данном случае вовсе не *исполнительная власть* противостояла *законодательной власти,* что принцип конституционного разделения властей не может быть применим к *прусскому Национальному собранию* и прусской короне? Допустим, что вы не принимаете во внимание революцию, что вы придерживаетесь официальной *теории соглашения.* Но даже по этой теории друг другу противостояли две суверенные власти. Не подлежит сомнению, что из этих двух властей одна должна была уничтожить другую. Две суверенные власти не могут одновременно, бок о бок, функционировать *в одном государстве.* Это — нелепость вроде квадратуры круга. Борьбу между двумя верховными властями должна была решить материальная сила. Но не будем здесь вдаваться в исследование вопроса о том, возможно ли было соглашение или невозможно. Достаточно того, что две власти вступили во взаимоотношения друг с другом, чтобы заключить договор. И сам Кампгаузен допускал возможность того, что договор не состоится. С трибуны указывал он сторонникам соглашения на опасность, грозящую стране, если соглашение не состоится. Опасность заключалась • в той исходной позиции, которую занимало согласительное Национальное собрание по отношению к короне, а теперь, задним числом, хотят сделать Национальное собрание ответственным за эту опасность, отрицая эту его исходную позицию, превращая Собрание в *конституционную палату/* Хотят разрешить затруднение, абстрагируясь от него!

Мне кажется, я доказал вам, господа, что корона не имела права ни переносить место заседания, ни отсрочивать собрание соглашателей.

Но представитель прокуратуры не ограничился анализом вопроса, имела ли корона *право* перенести место заседания Национального собрания; он старается доказать *целесообразность* этого перенесения. «Разве не было бы целесообразно», — восклицает он,—«если бы Национальное собрание подчинилось короне и перебралось в Бранденбург?» Представитель прокуратуры находит, что целесообразность такого поступка обусловливается положением самой палаты. Она была-де несвободна в Берлине и т. д.

Но разве не ясна цель, которую преследовала корона, перенося Собрание? Разве сама корона не раскрыла истинный смысл всех официально приведенных мотивов этого перенесения?

Дело было вовсе не в свободе обсуждения — дело было в том, чтобы либо распустить Собрание и октроировать конституцию, либо путем созыва послушных заместителей создать фиктивное представительство. Когда же, вопреки ожиданию, в Бранденбурге оказалось правомочное число депутатов, тогда отбросили всякое лицемерие и объявили Национальное собрание распущенным.

Впрочем, само собой понятно, что корона не имела права объявлять Национальное собрание свободным или несвободным. Никто, кроме самого Собрания, не мог решать, обладает ли оно необходимой свободой обсуждения или не обладает. Что может быть удобнее для короны, как при всяком неугодном ей постановлении Национального собрания объявлять его несвободным, неспособным нести ответственность за свои решения и подвергать его отлучению!

Представитель прокуратуры говорил также об обязанности правительства охранять достоинство Национального собрания от терроризма берлинского населения.

Этот аргумент звучит как злая насмешка над правительством. Я уже не буду говорить об обращении с отдельными лицами, а эти лица были все же избранными представителями народа. Их всячески старались унизить, подвергали самым гнусным преследованиям, устроили нечто вроде «дикой охоты» на них[196]. Но не будем говорить о лицах. Как оберегали достоинство Национального собрания в смысле отношения к его *работе?* Его архивы были отданы на произвол солдатни, которая раскуривала трубки, топила печи документами отделений, королевскими посланиями, проектами законов, подготовительными материалами, топтала их ногами.

Не были соблюдены даже такие формальности, которые требуются при наложении ареста на имущество, — захватили архив, не составив даже его описи.

Явно стремились уничтожить всю так дорого обошедшуюся народу работу, чтобы иметь большую возможность оклеветать Собрание, чтобы стереть с лица земли планы реформ, ненавистные правительству и аристократам. Не смешно ли после всего этого утверждать, что правительство перенесло Национальное собрание из Берлина в Бранденбург из-за нежной заботы о его достоинстве?

Перехожу к аргументации представителя прокуратуры относительно *формальной силы* постановления об отказе от уплаты налогов.

Чтобы сделать постановление об отказе от уплаты налогов формально законным постановлением, — говорит представитель

прокуратуры, — Собрание должно было представить его на *санкцию короны.*

Но корона, господа, не находилась в непосредственных сношениях с Собранием — ее представляло министерство Бранденбурга. Следовательно, с этим министерством Бранденбурга — такой нелепости требует представитель обвинения — Собрание должно было договориться, чтобы объявить это министерство повинным в государственной измене, чтобы отказать ему в уплате налогов! Какой смысл имеет это требование, кроме того, что Национальное собрание должно было пойти на безусловное подчинение всякому требованию министерства Бранденбурга?

Постановление об отказе от уплаты налогов было формально недействительно еще и потому, — говорит представитель прокуратуры, — что только при *втором чтении* предложение может стать законом.

С одной стороны, не соблюдают *существенных* форм, которые обязаны выполнять по отношению к Национальному собранию, с другой стороны, требуют от Национального собрания соблюдения самых несущественных *формальностей.* Нет ничего проще! Какое-нибудь неугодное короне предложение проходит в первом чтении, — тогда второму чтению препятствуют силой оружия, и закон остается недействительным, так как не было второго чтения. Представитель прокуратуры упускает из виду сложившуюся в то время исключительную обстановку, когда народные представители принимали это постановление, находясь в зале заседаний под угрозой штыков. Правительство совершает один насильственный акт за другим. Оно бесцеремонно нарушило важнейшие законы, Habeas Corpus Akte, закон о гражданском ополчении[197]. Оно произвольно вводит неограниченный военный деспотизм под видом осадного положения. Оно прогоняет ко всем чертям самих народных представителей. И в то время как одна сторона нагло нарушает *все законы,* от другой стороны требуют самого щепетильного соблюдения даже *регламента!*

Я не знаю, господа, умышленное ли это извращение — я далек от мысли допустить это со стороны представителя прокуратуры — или это просто неосведомленность, когда он говорит: «Национальное собрание не хотело *примирения»,* оно «не искало примирения».

Если народ упрекает за что-нибудь берлинское Национальное собрание, то именно за его желание примирения во что бы то ни стало. Если члены этого Собрания сами испытывают раскаяние, то это раскаяние по поводу их мании соглашения. Именно эта мания соглашения постепенно оттолкнула от него

народ, именно она привела Собрание к тому, что оно утратило все свои позиции, наконец, именно она поставила Собрание под удары короны, когда это Собрание не имело за собой поддержки нации. Когда же Собрание захотело, наконец, проявить волю, оно оказалось одиноким и бессильным именно потому, что в надлежащее время оно не обладало волей и не умело проявлять ее. Впервые оно обнаружило эту манию соглашения, когда отреклось от революции и санкционировало *теорию соглашения,* когда оно с позиции революционного Национального собрания опустилось до положения двусмысленного общества соглашателей. Оно дошло в своем примиренческом бессилии до крайности, когда приняло за чистую монету фиктивное признание Пфулем приказа по армии, предложенного Штейном[198]. Само объявление этого приказа по армии превратилось в фарс, ибо он мог быть всего лишь комическим эхом врангелевского приказа по армии. И тем не менее вместо того, чтобы пойти дальше этого приказа, Собрание ухватилось обеими руками за смягчающую, лишающую его какого бы то ни было смысла переделку этого приказа министерством Пфуля. Чтобы избежать всякого серьезного конфликта с короной, Собрание приняло жалкую видимость демонстрации против старой реакционной армии за действительную демонстрацию. То, что не было даже видимостью разрешения конфликта, оно лицемерно объявило действительным его разрешением. Так мало жажды борьбы, так много примиренческих поползновений проявило это Собрание, которое представитель прокуратуры изображает сборищем каких-то дерзких забияк!

Нужно ли мне указывать еще на один симптом, свидетельствующий о примиренческом характере этой палаты? Вспомните, господа, о соглашении Национального собрания с Пфулем относительно закона о приостановке выкупов[*]. Если Собрание не смогло уничтожить врага в армии, ему прежде всего надлежало приобрести друга в лице крестьянства. Но и от этого оно отказалось. Оно считало, что важнее всего, важнее интересов его собственного самосохранения, искать примирения, избегать конфликта с короной, избегать его во что бы то ни стало. И это Собрание упрекают в том, будто оно не хотело примирения, будто оно не искало примирения?

Оно делало попытки примирения даже тогда, когда конфликт уже разразился. Вам известна, господа, брошюра *Унру*[199], сторонника центра. Вы должны были из нее увидеть, чего только не пробовали, чтобы избежать разрыва, как посылали к королю

[*] Ср. настоящий том, стр. 131. *Ред.*

депутации, которые не были к нему допущены, как отдельные депутаты пытались уговорить министров, которые с аристократическим высокомерием отказывались их принять, как Собрание хотело пойти на уступки, которые были подняты на смех. Собрание все еще стремилось заключить мир даже в тот момент, когда оставалось только готовиться к войне. И это Собрание представитель прокуратуры обвиняет в том, что оно не хотело примирения, что оно не делало попыток примирения!

Берлинское Национальное собрание явно предавалось величайшей иллюзии, оно не понимало своего собственного положения, условий своего собственного существования, когда *до* конфликта и даже *во время* конфликта считало возможным и старалось осуществить полюбовное соглашение, примирение с короной.

Корона не хотела примирения, она не могла желать примирения. Не будем обманывать себя, господа присяжные заседатели, относительно характера борьбы, которая разразилась в марте и которая велась потом между Национальным собранием и короной. Речь идет здесь не об обычном конфликте между министерством и парламентской оппозицией, речь идет не о конфликте между людьми, которые были министрами, и людьми, которые хотели стать министрами, речь идет не о партийной борьбе двух политических фракций в одной законодательной палате. Возможно, что так думали члены Национального собрания, принадлежавшие к большинству или к меньшинству. Но решающим является здесь не мнение соглашателей, а реальное историческое положение Национального собрания, как оно сложилось в результате европейской революции и обусловленной ею мартовской революции. То, что здесь происходило, не было политическим конфликтом двух фракций на почве *одного* общества — это был *конфликт между двумя обществами,* социальный конфликт, принявший политическую форму, — это *была борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом,* борьба между обществом *свободной конкуренции* и *обществом цехового строя,* между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания. Соответствующим *политическим* выражением старого общества была корона божьей милостью, опекающая всё и вся бюрократия, самостоятельная армия. Соответствующей *социальной* основой этой старой политической власти было привилегированное дворянское землевладение с его крепостными или полукрепостными крестьянами, мелкая патриархальная или организованная на цеховых началах промышленность, обособленные друг от друга сословия,

резкая противоположность между городом и деревней и прежде всего господство деревни над городом. Старая политическая власть — корона божьей милостью, опекающая всё и вся бюрократия, самостоятельная армия — чувствовала, что ее собственная материальная основа уходит у нее из-под ног, коль скоро совершалось покушение на основы старого общества: на привилегированное дворянское землевладение, на само дворянство, на господство деревни над городом, на зависимое положение деревенского населения и на законодательство, соответствующее всем этим условиям жизни, как например, муниципальное положение, уголовное законодательство и т. п. А Национальное собрание совершало такое покушение. С другой стороны, это старое общество чувствовало, что из его рук ускользает политическая власть, коль скоро корона, бюрократия и армия лишались своих феодальных привилегий. А Национальное собрание хотело уничтожить эти привилегии. Нет ничего удивительного поэтому, что армия, бюрократия, дворянство соединенными силами побуждали корону совершить государственный переворот, нет ничего удивительного, что и корона, которая знала, что ее собственные интересы теснейшим образом связаны со старым феодально-бюрократическим обществом, дала себя толкнуть на государственный переворот. *Корона* точно так же была *представительницей* феодально-аристократического общества, как *Национальное собрание* было *представителем* современного буржуазного общества. Условия существования этого последнего требуют, чтобы бюрократия и армия, эти прежние властители торговли и промышленности, были низведены до роли их орудий, *превращены* в простые органы буржуазного обмена. Буржуазное общество не может терпеть, чтобы земледелие было стеснено феодальными привилегиями, а промышленность — бюрократической опекой. Это противоречит его жизненному принципу свободной конкуренции. Оно не может терпеть, чтобы условия внешней торговли регулировались не интересами национального производства, а соображениями международной политики королевского двора. Оно должно подчинять финансовое управление потребностям производства, в то время как старое государство должно подчинять производство потребностям короны божьей милостью и штопанью заплат у тех, кто является оплотом королевской власти, социальной опорой этой короны. Подобно тому как современная промышленность действительно нивелирует все, так и современное общество должно уничтожить всякие правовые и политические перегородки между городом и деревней. В этом обществе существуют еще *классы,* но нет больше *сословий.* Его

развитие заключается в борьбе этих классов, но последние объединяются между собой против сословий и их королевской власти божьей милостью.

Королевская власть божьей милостью, это высшее политическое выражение, высший политический представитель старого феодально-бюрократического общества, не может поэтому делать современному буржуазному обществу никаких *искренних* уступок. Ее собственный инстинкт самосохранения, стоящее за ней общество, на которое она опирается, постоянно будут побуждать ее брать назад сделанные уступки, сохранять свой феодальный характер, идти на риск контрреволюционного переворота. После каждой революции контрреволюция является неизменно возобновляющимся условием существования королевской власти.

С другой стороны, и современное общество не может успокоиться, пока оно не разрушит и не устранит официальную унаследованную власть, при помощи которой насильственно сохраняется еще старое общество, пока оно не разрушит и ие устранит государственную власть этого общества. Господство королевской власти божьей милостью — это и есть господство отживших общественных элементов.

Итак, не может быть мира между этими двумя обществами. Их материальные интересы и потребности вызывают борьбу между ними не на жизнь, а на смерть. Одно должно победить, другое должно потерпеть поражение. Это — единственно возможное примирение между ними. А потому не может быть мира и между высшими политическими представителями обоих этих обществ — между короной и народным представительством. И Национальному собранию предстояло поэтому только одно из двух: либо уступить старому обществу, либо выступить против короны в качестве самостоятельной силы.

Господа! Представитель прокуратуры характеризовал *отказ от уплаты налогов* как меру, «которая потрясает *устои общества».* Отказ от уплаты налогов не имеет никакого отношения к устоям общества.

Вообще, чем объясняется, господа, что налоги, согласие на уплату налогов и отказ в этом играют такую важную роль в истории конституционализма? Объясняется это очень просто. Подобно тому как крепостные за наличные деньги выкупали привилегии у феодальных баронов, так и целые народы выкупают привилегии у феодальных королей. Королям нужны были деньги на войны с чужеземными народами, и особенно на борьбу с феодалами. Чем больше развивались торговля и промышленность, тем больше нуждались они в деньгах. Но в такой же мере

развивалось и третье сословие, бюргерское сословие, в такой же мере росли и денежные средства, которыми оно располагало. В такой же мере оно постепенно выкупало у королей с помощью налогов свои свободы. Чтобы гарантировать себе эти свободы, оно сохраняло за собой право через определенные сроки вновь определять денежное обложение — право согласия на уплату налогов и право отказа от их уплаты. В английской истории можно особенно детально проследить этот процесс.

В средневековом обществе налоги были, следовательно, единственной связью между нарождающимся буржуазным обществом и господствующим феодальным государством — связью, в результате которой государство вынуждено было делать уступки буржуазному обществу, считаться с его ростом, приспособляться к его потребностям. В современных государствах это право согласия на уплату налогов и право отказа в этом превратилось в контроль буржуазного общества над комитетом, управляющим его общими делами, т. е. над правительством.

Частичный отказ от уплаты налогов является поэтому неотъемлемой частью всякого конституционного механизма. Этот вид отказа от уплаты налогов имеет место каждый раз, когда отвергается *бюджет.* Текущий бюджет вотируется только на определенный срок; кроме того, палаты, в случае, если их заседания будут отсрочены, должны быть созваны вновь после очень короткого перерыва. В таких условиях корона не может сделаться независимой. Отклонение бюджета означает решительный *отказ* от уплаты налогов, пока новая палата не даст министерству большинства или пока корона не назначит министерства в духе новой палаты. Отклонение бюджета является, таким образом, *парламентской формой отказа от уплаты налогов.* В рассматриваемом нами конфликте эта форма была неприменима, так как конституция еще не существовала — ее только еще предстояло создать.

Но отказ от уплаты налогов в том виде, как он сейчас рассматривается, — отказ от уплаты налогов, не только отвергающий новый бюджет, по воспрещающий даже уплату текущих налогов, — тоже не является чем-то небывалым. В средние века к нему прибегали очень часто. Даже старый немецкий рейхстаг и старые феодальные бранденбургские сословия принимали постановления об отказе от уплаты налогов. И современные конституционные страны дают нам достаточно примеров этого. В 1832 г. отказ от уплаты налогов в Англии привел к падению министерства Веллингтона. И заметьте, господа, в Англии не парламент вынос постановление об отказе от уплаты

налогов, а сам народ собственной властью провозгласил и осуществил этот акт! А Англия — это историческая страна конституционализма. Я очень далек от того, чтобы отрицать это. Английская революция, приведшая Карла I на эшафот, началась с отказа от уплаты налогов. Североамериканская революция, окончившаяся провозглашением независимости Северной Америки от Англии, началась с отказа от уплаты налогов. Отказ от уплаты налогов может и в Пруссии явиться предвестником весьма неприятных событий. Но не Джон Гемпден возвел Карла I на эшафот, а его собственное упорство, его зависимость от феодальных сословий, его сумасбродная идея подавить силой непреоборимые требования нарождающегося нового общества. Отказ от уплаты налогов является лишь признаком раскола между короной и пародом, лишь доказательством того, что конфликт между правительством и пародом достиг напряженной, угрожающей степени. Не он вызывает раскол и конфликт — он только свидетельствует об их наличии. В наиболее серьезных случаях он влечет за собой свержение существующего правительства, существующего политического строя. Устоя общества этим совершенно не затрагиваются. Так и в данном случае отказ от уплаты налогов являлся именно средством самообороны общества от правительства, угрожавшего его устоям.

Представитель прокуратуры упрекает нас, наконец, в том, что мы в инкриминируемом воззвании пошли дальше, чем само Национальное собрание. «Во-первых, Национальное собрание не опубликовало своего постановления». Следует ли мне, господа, всерьез отвечать на то, почему постановление об отказе от уплаты налогов не было опубликовано даже в *Собрании узаконений?*

Кроме того, указывает он, Национальное собрание не призывало, как мы, к *насилию,* вообще не становилось, как мы, на революционную почву, а хотело удержаться на законной почве.

Прежде представитель прокуратуры изображал Национальное собрание как незаконное, теперь считает его уже законным — все для того только, чтобы изобразить нас преступниками. Но если взимание налогов объявляется незаконным, разве я не обязан насильственно сопротивляться насильственно совершаемому беззаконию? Поэтому даже с этой точки зрения мы были вправе на насилие ответить насилием. Впрочем, совершенно верно, что Национальное собрание хотело удержаться на чисто законной почве, на почве пассивного сопротивления. Перед ним было два пути: либо путь революционный — по этому пути оно не пошло, эти господа не хотели рисковать своими головами, — либо отказ от уплаты налогов, ограничи-

вавшийся пассивным сопротивлением. На этот путь Национальное собрание и вступило. Но народ должен был при осуществлении отказа от уплаты налогов стать на революционную почву. Поведение Национального собрания отнюдь не предрешало поведения народа. Национальное собрание само по себе не имело никаких прав — народ доверил ему только защиту своих собственных прав. Раз оно не действует согласно данному ему мандату — этот мандат теряет свою силу. Сам народ тогда собственной персоной выступает на сцену и действует на основании своей суверенной власти. Если бы, например, какое-нибудь Национальное собрание продалось какому-либо изменническому правительству, народ должен был бы прогнать обоих — и правительство и Национальное собрание. Когда корона совершает контрреволюцию, народ с полным правом отвечает революцией. Для этого ему не требуется согласия какого бы то ни было Национального собрания. А что прусское правительство пытается совершить государственную измену — это признало само Национальное собрание.

Резюмирую вкратце мою речь, господа присяжные заседатели. Представитель прокуратуры не может выдвигать против нас законы от 6 и 8 апреля 1848 г. после того, как сама корона порвала их. Эти законы сами по себе ничего не решают, так как они являются произвольной стряпней Соединенного ландтага. Принятое Национальным собранием постановление об отказе от уплаты налогов формально и материально имело законную силу. Мы в своем воззвании пошли дальше, чем Национальное собрание. Это было наше право и наша обязанность.

В заключение повторяю, что закончился только первый акт драмы. Борьба между двумя обществами — средневековым и буржуазным — будет снова вестись в политических формах. Те же конфликты возобновятся вновь, как только снова откроется Собрание. Орган министерства, «Neue Preusische Zeitung», уже пророчит: выбирали опять те же самые люди — значит, придется второй раз разгонять Собрание.

Но какой бы новый путь ни избрало новое Национальное собрание, неизбежным результатом может быть только: *полная победа контрреволюции* — или *новая победоносная революция!* Быть может, победа революции станет возможной только после завершения контрреволюции.

Произнесено 8 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 231 и 232; 25 и 27 февраля 1849 г. Опубликовано также в отдельной брошюре: «Zwei politische Prozesse», Koln, 1849, Verlag der Expedition der Neuen Rheinischen Zeitung

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРОЦЕСС ПО ПОВОДУ ОТКАЗА ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Кёльн, 9 февраля. Если приговор присяжных по судебному процессу нашей газеты, происходившему два дня тому назад, имел важное значение для печати, то вчерашнее оправдание Маркса, Шнейдера и Шаппера является решающим для всех судебных дел по поводу отказа от уплаты налогов, которые представлены на разбирательство в рейнские суды. Фактическая сторона дела была совершенно ясна и не подлежала никакому сомнению. В инкриминируемом документе сказано:

«Рейнский окружной комитет демократов призывает все демократические союзы Рейнской провинции принять и провести в жизнь следующие мероприятия:

1) После того как прусское Национальное собрание само вынесло постановление об отказе от уплаты налогов, насильственному взиманию их должно быть *повсеместно* оказано *сопротивление всеми средствами;*

2) повсюду необходимо организовать *народное ополчение для отпора врагу...*

3) повсюду надлежит потребовать от властей официального заявления, признают ли они постановления Национального собрания и намерены ли их выполнять. В случае отказа следует создавать *комитеты безопасности...* Общинные советы, противодействующие законодательному собранию, должны быть переизбраны *всеобщим народным голосованием»*[*].

Этот документ не нуждается в пояснениях. Независимо от вопроса, имеет ли решение об отказе от уплаты налогов законную

[*] См. настоящий том, стр. 33. *Ред.*

силу или нет, здесь был налицо явный случай подстрекательства к восстанию и гражданской войне. Обвиняемые также не скрывали, что под словом «враг» (см. пункт 2) следует подразумевать *внутреннего* врага, вооруженную силу правительства. Несмотря на это, государственные власти, утратив всякую надежду на возможность осуждения по этой статье Code, избрали более мягкую формулу обвинения: призыв к мятежу и сопротивлению представителям государственной власти (статья 209 и сл.).

Таким образом, подлежал решению чисто политический вопрос: имели ли обвиняемые право, опираясь на решение Национального собрания об отказе от уплаты налогов, подобным образом призывать к оказанию сопротивления государственной власти, организовать вооруженную силу для борьбы с вооруженной силой государства и по своему усмотрению смещать и назначать государственных чиновников.

Присяжные, после очень краткого совещания, дали на этот вопрос *утвердительный ответ.*

После такого приговора *Лассаль* и *Кантадор* будут, вероятно, тоже скоро освобождены. Едва ли следует ожидать, что кёльнский обвинительный, сенат отнесется к ним иначе, чем присяжные отнеслись к Марксу, Шнейдеру и Шапперу.

Впрочем, завтра мы еще вернемся к вопросу о Лассале. По-видимому, существует благожелательное намерение затянуть его дело до окончания ближайшей судебной сессии (в марте) и, таким образом, октроировать ему еще три месяца предварительного заключения. Надо, однако, надеяться, что приговор кёльнских присяжных расстроит подобного рода человеколюбивые планы. О том, как обращаются с Лассалем в дюссельдорфской тюрьме, мы сообщим завтра некоторые отрадные подробности*.

Написано К. Марксом 9 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 218, 10 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском, языке публикуется впервые

* Ср. настоящий том, стр. 283. *Ред.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Из Веймарского округа, 3 февраля. Под этой датой «Frankfurter Journal» напечатал следующую корреспонденцию:

«Наконец, приближаются дни, когда наш первый местный суд присяжных должен будет вынести приговор по предстоящему политическому процессу. После того как судебное разбирательство все время переносилось с одной недели на другую, суд, по имеющимся у нас сведениям, определенно назначен, наконец, на 15 сего месяца. Заседания суда начнутся слушанием обвинения против арестованных здесь и в Йене в октябре прошлого года руководителей демократической партии — д-ра Лафори, кандидата Роте, студента Амелунга, д-ра Отто и литератора Йеде. Названные лица являются почти единственными из громадной массы подвергшихся в те дни аресту лиц, против которых прокурор вообще мог собрать материал для обвинения. Следствие против арестованного тогда же литератора Дейнхардта из Веймара дало так мало материалов, что после того как Дейнхардт просидел два месяца в нездоровых условиях в тюрьме нашего уголовного суда, прокурор не смог даже предъявить ему никакого обвинения. У кандидата Ланге из Йены, арестованного тогда же, в тюрьме четыре раза шла кровь горлом, затем он в полумертвом состоянии был доставлен в Йену к своим родителям, где вскоре, 7 января сего года, скончался, после того как снова был подвергнут допросу со стороны уголовного суда в течение трех дней подряд. Наши присяжные заседатели будут очень удивлены, когда вместо планов государственной измены, слухи о которых так усиленно распространялись и обсуждались, суду будут представлены ничтожные и мелочные факты, на которых построено обвинение против вышеназванных лиц».

(Надо надеяться, что при ближайшей своей победе народ не будет столь простодушен или забывчив, чтобы оставить всех своих палачей на занимаемых ими постах, как он это сделал в марте. Можно с уверенностью сказать, что народ не замедлит

подвергнуть всю эту банду реакционных чиновников, и в первую очередь кровожадных и лицемерных законников, именуемых также «судьями», шестимесячному предварительному заключению в пенсильванских тюрьмах[200], а затем пошлет их для дальнейшего лечения на строительство железных и шоссейных дорог.)

Написано около 9 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 218, 10 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В «KOLNISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 10 февраля. При всем желании мы на прошлой недело не смогли уделить внимания даже нашим лучшим друзьям, нашим ближайшим соседям. Другие дела — всем известно, какие[201] — отняли все наше время. Поспешим же теперь наверстать упущенное и обратим свои взоры в первую очередь на соседних с нами публицистов.

Разделение труда осуществляется в «Kolnische Zeitung» редкостным ансамблем. Оставим в стороне последнюю часть газеты, третью и четвертую страницы, где благородный Вольферс восхваляет Бельгию и делает все возможное для того, чтобы Генрих V снова вступил на престол своих предков и октроировал конституцию «по бельгийскому образцу», и обратимся к фасаду газеты, к ее первой странице. Здесь наш друг Шюккинг занимает подвальчик, где предлагает любителям новейшую продукцию своей доктринерской фантазии и своего фантастического доктринерства в прозе и в стихах. Кто не знает интересных «политических бесед», в которых талантливый автор пытается, как он сам в этом признается, из свиной кожи немецкого профессора извлечь Мефистофеля, хотя ему удалось извлечь только Вагнера[202]. Над подвальчиком, в первом этаже, г-н Дюмон открыл свои просторные политические салоны, в которых великие мужи Брюггеман и Шванбек (не смешивать с Вейсбродтом) занимают публику. Брюггеман отвечает за *философскую* часть, за спасение принципа при всех катастрофах, за сохранение почвы законности, несмотря на все землетрясения, за элегический жанр, за лебединые песни и реквиемы. Шванбек несет ответственность за *декламационную* часть, за

возвышенную лирику, за нравственное возмущение, за дифирамбы и за бурю. Опьяненная восторгом фраза Шванбека достигает горных высот Олимпа, и если ее поступь не всегда тверда, все же она не перестает быть ритмичной. И действительно, на ее долю приходятся почти все непроизвольные гекзаметры, которыми так богата «Kolnische Zeitung».

Первым нам сегодня попадается на глаза как раз этот возвышенный Шванбек. В статье, de dato* Кёльн, 7 февраля, он просвещает нас относительно печальных последствий абсолютизма и печальных последствий революции.

Великий Шванбек обрушивает весь свой гнев на прусский народ за то, что тот или совсем не участвовал в выборах или выбирал не так, как надо.

«Это Национальное собрание *должно* закончить построение конституционно-монархического государства; и все же — кто еще сомневается и том, что одни в этом Собрании будут мешать этому построению потому, что они уже не монархисты, а другие потому, что, будучи сторонниками абсолютизма, они еще не стали конституционалистами, а все вместе именно потому, что они не являются сторонниками конституционной монархии? С двух противоположных полюсов будут бушевать ветры, преодоленное прошлое будет бороться с далеким, быть может недостижимым будущим, ц кто знает, не будет ли в этой борьбе утрачено настоящее!»

Обратите внимание, какой могучей силой отличается стиль этих классических строк. Каждая фраза звучит энергично и кратко, каждое слово дышит нравственным возмущением. Представьте себе по возможности живо борьбу между «преодоленным прошлым» и «далеким, быть может недостижимым будущим». Кому из вас не покажется, будто вы видите, как «преодоленное прошлое» все же настигает «быть может недостижимое будущее», как они, подобно двум фуриям, хватают друг друга за волосы и как именно из-за недостижимости одного и преодоленности другого все больше и больше утрачивается настоящее, в то время как с противоположных полюсов бушуют ветры!

Не вздумайте счесть это за пустяк. Ибо если нам позволено иметь суждение о таких великих мужах, то мы должны сказать: если у Брюггемана стиль обычно теряет власть над мыслью, то у Шванбека, наоборот, мысль теряет власть над стилем.

На самом деле, кто в добродетельном возмущении не потеряет власть над стилем, когда оказывается, что Собрание, которому не только прусский король, но и сама «Kolnische Zeitung» поручили закончить построение конституционно-монархического государства,—что это Собрание состоит из

* — датированной. *Ред.*

людей либо слишком левого, либо слишком правого направления для того, чтобы осуществить эту благородную цель? Особенно, когда с «противоположных полюсов бушуют ветры» и «Kolnische Zeitung» «утрачивает настоящее»!

Достаточно уж прискорбно для «Kolnische Zeitung», что народ выбирает депутатов, которые не хотят того, чего они, по мнению «Kolnische Zeitung», *«должны хотеть».* Но еще хуже для народа, если он насмехается над Шванбеком, выступающим в роли Кассандры[203], и вместо конституционно-монархического образцового человека из «великого центра нации» выбирает людей, либо переставших быть монархистами, либо еще не ставших конституционалистами. Tu l'as voulu, Georges Dandin![*] — с грустью воскликнет Шванбек, когда в грозном конфликте между преодоленным прошлым и, быть может, недостижимым будущим погибнет настоящее!

«Другими словами, признаки *реакции* и признаки *новой* или, вернее, *перманентной революции* не замедлили появиться».

После этого замечательного открытия Кассандра-Шванбек устремляет взор на Австрию. Взор Шванбека постоянно устремлен на Австрию. Австрия — его вторая родина; здесь он раньше возмущался тиранией венской демагогии, здесь он пожирает теперь мадьяр, здесь у автора возвышенных дифирамбов появляется, наконец, нежное чувство, слабые угрызения совести по отношению к тем, которых военно-полевые суды помиловали свинцом и порохом. Отсюда и нежные взоры, которые полный предчувствий пророк бросает в сторону Австрии в каждой своей передовице.

«Что же, собственно, изменилось?» (сиречь в Австрии). «Неограниченная бюрократия сменилась неограниченной демократией, а затем неограниченной военной властью, и в конце концов все осталось по-старому!»

Печальный результат революций, прискорбные последствия того, что пароды никогда не внемлют гласу непризнанных Кассандр! «В конце концов все осталось по-старому!» Правда, традиционное правительство Меттерниха во многом отличается от теперешней контрреволюционной военной диктатуры; и особенно изменился добродушный австрийский народ времен Меттерниха, ставший теперь народом, преисполненным революционной ярости; кроме того, из истории известно, что контрреволюция всегда приводила лишь к более основательной, более кровавой революции. Но какое это имеет значение? «В конце концов все осталось по-старому», и деспотизм остается деспотизмом.

[*] — Ты этого хотел, Жорж Данден! (Мольер, «Жорж Данден»), *Ред.*

Филистеры, политиканствующие за кружкой пива, составляющие, выражаясь словами Шванбека, «великий центр немецкой нации», эти простаки, которые при каждой временной неудаче революции кричат: «Какую пользу принесло восстание» ведь мы снова оказались на прежнем месте»; эти глубокие знатоки истории, не видящие дальше собственного носа, — все они будут восхищены, когда узнают, что великий Шванбек целиком разделяет их точку зрения.

После этого неизбежного обозрения Австрии Кассандра снова обращается к Пруссии, готовясь заглянуть в будущее. Надлежащим образом взвешиваются элементы реакции и элементы революции. Поочередно подвергаются тщательному рассмотрению монархия и ее прислужники, Врангель, осадное положение (с благим пожеланием относительно его отмены) и «Прусские союзы»[204]. Далее говорится следующее:

«Впрочем, после всего этого мы все же должны признать, что количественно паши реакционеры не представляют собой значительной силы. Гораздо хуже то, что *великий центр народа* до такой степени привык к абсолютизму, что он совершенно не разбирается в вопросах самоуправления, и все это только из-за *лени.* Вы, которые в громадном количестве отсутствовали на этих выборах... вы — настоящие сторонники абсолютизма!.. Во всем мире нет более отвратительного явления, чем народ, который *слишком ленив для свободной политической жизни».*

«Великий центр немецкого народа», ты не достоин своего Шванбека!

Этот «центр народа», который «слишком ленив для свободной политической жизни», — это, как выясняется позже, не кто иной как *буржуазия.* Прискорбное признание, горечь которого слегка смягчается самодовольным нравственным возмущением по поводу позорной «апатии» великого центра нации!

«Но гораздо хуже обстоит дело с печальными последствиями *революции.* В нашем народе гораздо больше, чем мы могли предположить, мечтателей и фантазеров, ловких демагогов» (наивное признание!) «и легкомысленной массы, не обладающей никакими политическими познаниями. 1848 год впервые показал нам, какое *громадное количество анархических элементов* было скрыто в этом спокойном, справедливом, здравомыслящем народе, который был охвачен каким-то смутным тяготением к революции, и как *удобное* средство совершать революции» (несомненно, гораздо более «удобное», чем писать глубокомысленные, полные дифирамбов передовицы в «Kolnische Zeitung») «начали считать... панацеей».

В то время, как «центр» слишком *ленив,* периферия, «чернь», «легкомысленная масса» слишком энергична. «Ловкие демагоги» в соединении с «громадным количеством анархических элементов», конечно, не могут не вызывать мрачных предчувствий в душе Шванбека, когда к тому же буржуазия находится во власти «лени» и «апатии»!

«Таков естественный ход вещей: удар вызывает контрудар».

После этого нового великого философского открытия, которое в будущем должно еще послужить темой для нескольких вдохновенных вариаций, Кассандра переходит к заключению и делает следующий вывод:

«Только тогда откроется путь к настоящей свободной политической жизни, когда *великий центр нации, сильная и просвещенная буржуазия,* станет достаточно единой и могущественной для того, чтобы не допускать этих отклонений ни вправо, ни влево. Перед нами лежит северогерманская газета, в которой... написано следующее: «... буржуазия уже теперь одержала победу над обеими крайними партиями — левых и правых,— и ей одной принадлежит будущее!» Мы опасаемся, что ликование это пока преждевременно. Если нужно еще доказательство этого, то таким доказательством явятся выборы в Пруссии».

Эти причитания выражают величайшее нравственное возмущение новейшей Кассандры испорченностью этого дурного мира, который не желает маршировать по указке «Kolnische Zeitung». Таков результат исследований Шванбека в области «преодоленного прошлого», «далекого, быть может недостижимого будущего» и сомнительного «настоящего»: подлинная, решающая борьба ведется не между феодально-бюрократической монархией и буржуазией, а также не между буржуазией и народом, — борьба ведется между монархией и народом, между *монархистами* и *республиканцами,* а *буржуазия, конституционалисты* уходят с поля битвы.

Мы не будем здесь пускаться в долгие рассуждения о том, верно ли, что буржуазия действительно отстранилась от борьбы, сделала ли она это из-за лени пли из-за слабости п что показывают выборы в Пруссии. Достаточно признания «Kolnische Zeitung», что в происходящей теперь борьбе буржуазия не стоит больше в первых рядах, что интересы, из-за которых идет борьба, не являются больше ее интересами и что борьба ведется за абсолютную монархию или за республику.

А теперь перелистайте «Neue Rheinische Zeitung», начиная с ноября прошлого года, и скажите, не писали ли мы в каждом номере и при каждом случае по поводу победы контрреволюции в Вене, по поводу победы контрреволюции в Берлине, по поводу октроированной конституции, не объясняли ли мы самым подробным образом в большой статье «Буржуазия и контрреволюция» и в ряде других статей, написанных до первичных выборов, как слабость и трусость немецкой буржуазии обусловили возможность контрреволюции и как контрреволюция, со своей стороны, оттолкнув буржуазию, сделала неизбежной непосредственную борьбу между остатками

феодального общества и крайним полюсом современного общества, между монархией и республикой! То, что мы три месяца тому назад признали исторически необходимым результатом всего хода германской революции, «Kolnische Zeitung» преподносит в виде путаных и расплывчатых предсказаний, как результат шарлатанских попыток угадать содержимое избирательной урны в предстоящих выборах 5 марта. И эти путаные и расплывчатые предсказания считаются таким открытием, что их тотчас же предлагают вниманию благосклонной публики в виде высокопарной и напыщенной передовицы под значком Δ. Наивная «Kolnerin»!

Написано К. Марксом 10 февраля 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische. Zeitung» № 219, 11 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЛАССАЛЬ

I

Кёльн, 10 февраля. Мы обещали вчера* вернуться к вопросу о *Лассале.* Вот уже 11 недель Лассаль сидит в дюссельдорфской тюрьме, и только теперь закончено следствие по поводу простых фактов, которых никто не отрицает, только теперь судебная палата выносит решение. Дело благополучно довели до того, что если судебная палата и обвинительный сенат пожелают руководствоваться максимальными законными сроками, они смогут затянуть дело до окончания предстоящей сессии дюссельдорфского суда присяжных и осчастливить узника добавочными тремя месяцами предварительного заключения!

И какого предварительного заключения!

Известно, что недавно депутация различных демократических союзов Кёльна вручила генеральному прокурору Николовиусу подписанный несколькими тысячами граждан адрес, в котором изложена просьба: 1) об ускорении следствия по делу дюссельдорфских политических узников, 2) о приличном обращении с ними во время предварительного заключения. Г-н Николовиус обещал по возможности принять во внимание эти справедливые требования.

Но вот пример того, как в дюссельдорфской тюрьме считаются с г-ном генеральным прокурором, с законами и с самыми обыкновенными требованиями приличия.

Один тюремный надзиратель позволил себе 5 января по отношению к Лассалю грубую брань, а в довершение этого отправился к начальнику и пожаловался ему, что Лассаль будто бы ему нагрубил.

* См. настоящий том, стр. 274. *Ред.*

Час спустя начальник в сопровождении судебного следователя появляется в камере Лассаля и, не здороваясь с ним, делает ему выговор по поводу происшедшего. Лассаль прерывает его замечанием, что среди воспитанных людей принято здороваться, когда входят к кому-нибудь в комнату, и что он считает себя вправе требовать от начальника этой вежливости.

Г-ну начальнику показалось, что это уж слишком. В бешенстве он наступает на Лассаля, оттесняет его к окну и, энергично жестикулируя, кричит, что есть мочи:

«Слушайте, вы здесь *мой* арестант и ничего больше; вы должны подчиняться тюремным правилам, а если вам это не нравится, то я прикажу бросить вас в *карцер,* а может быть, с вами произойдет и *что-нибудь похуже!*»

Тогда и Лассаль вышел из себя и заявил начальнику, что он не имеет никакого права наказывать его на основании тюремных правил, так как он — подследственный заключенный; что крик ничему не поможет и ничего не доказывает; что хотя это здание и тюрьма, *здесь* все же *его* комната, и если начальник (указывая на него пальцем) входит *сюда к нему,* то он должен здороваться с ним.

Тут начальник совсем потерял голову. Он бросился на Лассаля, замахнулся на него рукой и закричал:

«Не тычьте своим пальцем, а то я сейчас же собственноручно дам вам пощечину, чтобы...»

Лассаль тотчас же пригласил судебного следователя быть свидетелем этого неслыханно грубого обращения и отдал себя под его защиту. Судебный следователь попытался успокоить начальника, но это удалось только после того, как последний снова неоднократно повторил свою угрозу надавать Лассалю пощечин.

После такой назидательной сцены Лассаль обратился к государственному прокурору фон Аммону с предложением возбудить дело против начальника тюрьмы г-на Моррета. Действительно, насильственные действия начальника представляют собой не только грубое обращение и тяжелое оскорбление, но также и превышение власти.

Г-н фон Аммон ответил, что следствие по поводу превышения власти со стороны тюремных чиновников не может возбуждаться без предварительного разрешения административных властей, и рекомендовал Лассалю обратиться к правительству. Он сослался при этом на какой-то старый королевский указ 1844 года.

Статья 95 октроированной так называемой конституции гласит:

«Не требуется предварительного разрешения властей для судебного преследования гражданских или военных чиновников за нарушение закона, совершенное ими путем превышения служебных полномочий».

Статья 108 той же хартии определенно отменяет все законы, находящиеся в противоречии с этой статьей. Но тщетно ссылался Лассаль в обращении к государственному прокурору на статью 95 — г-н фон Аммон упорно настаивал на своей точке зрения в споре о подсудности и отделался от него таким милым замечанием: «Вы, по-видимому, забываете, что являетесь подследственным заключенным!»

Разве мы не были правы, говоря, что так называемая конституция направлена только против нас, а совсем не против господ чиновников?

Итак, угроза пощечинами, карцером и *телесным наказанием* — ибо это и есть то «худшее», что оставляет про запас г-н Моррет, — таково обещанное депутации «приличное обращение» с политическими заключенными!

Заметим кстати, что, согласно закону, тюрьмы предварительного заключения *обязательно* должны быть *отделены* от исправительных тюрем и что заключенные в тюрьмах предварительного заключения должны подвергаться совершенно другому режиму, чем заключенные, отбывающие наказание. Но в Дюссельдорфе нет особой тюрьмы предварительного заключения, и подследственные заключенные, после того как их незаконно сажают в исправительную тюрьму, должны вдобавок подчиняться *правилам для осужденных,* могут быть брошены в карцер и подвергнуты телесному наказанию! Чтобы добиться этой похвальной цели в отношении Лассаля, г-н Моррет созвал дисциплинарную комиссию, которая должна преподнести г-ну Лассалю эти удовольствия. А господа следователи и прокуроры, по-видимому, спокойно относятся ко всему этому или же прячутся за споры о подсудности!

Лассаль обратился к генеральному прокурору. Мы, со своей стороны, предаем гласности все дело, чтобы голос общественности поддержал жалобу заключенного.

Впрочем, мы слышали, что одиночное заключение Лассаля, наконец, прекращено, и он, по крайней мере, помещен в одну камеру с Кантадором.

II

Кёльн, 3 марта. Всем еще памятно такое нашумевшее дело: одна несчастная девушка была предана *суду присяжных* по обвинению в *детоубийстве.* Присяжные оправдали ее. После этого ее предали суду исправительной полиции за *сокрытие беременности.* Под всеобщий смех публики постановление судебной палаты о предании суду было кассировано.

Дюссельдорфская судебная палата идет по следам своей прославившейся предшественницы.

Постановлением дюссельдорфской судебной палаты от 22 февраля *Лассаль, Кантадор* и *Вейерс* преданы *суду присяжных по обвинению в произнесении мятежных речей.* Против этого нам возразить нечего. По постановлением той же самой судебной палаты *Лассаль* предается еще *вторично суду исправительной полиции* на том основании, что в *речи в Нёйссе*[205] он будто бы призывал к *«насильственному сопротивлению чиновникам»* (преступление, предусмотренное статьями 209, 217).

Констатируем прежде всего факты.

В числе обстоятельств, которыми мотивируется предание Лассаля суду присяжных, фигурирует *та же самая речь в Нёйссе.* Судебная палата указывает на то, что в этой речи он *«призывал к вооружению против государственной власти»* (преступление, предусмотренное статьями 87, 91, 102).

Таким образом, *за одну и ту же речь* Лассаль предается один раз суду присяжных, а второй раз — суду исправительной полиции. Если присяжные его оправдают, то он будет осужден судом исправительной полиции. А если суд исправительной полиции не осудит его, то он во всяком случае останется в предварительном заключении до тех пор, пока суд исправительной полиции его не оправдает. Каков бы ни был приговор присяжных — Лассаль остается лишенным свободы, и прусское государство спасено.

Повторяем, за *одну и ту же речь* Лассаль предается дюссельдорфской судебной палатой один раз суду присяжных, а второй раз суду исправительной полиции. Это *тот же самый* факт.

Но дело не только в этом.

Если в речи я «призываю к вооружению против государственной власти», то разве не само собой разумеется, что я призываю к «насильственному сопротивлению чиновникам»? Ведь *существование* государственной власти находит свое выражение именно в ее *чиновниках,* армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее физического воплощения, она представляет собой лишь тень, воображение, простое название. Низвержение правительства невозможно без насильственного противодействия его чиновникам. Если я призываю в речи к *революции,* то мне излишне добавлять: *«оказывайте насильственное противодействие чиновникам».* Следуя методу дюссельдорфской судебной палаты, надо было *бы всех* без исключения, преданных суду присяжных по статьям 87, 102 за подстрекательство к свержению правительства, привлекать затем к суду исправительной полиции по статьям 209, 217.

И разве в Code d'instruction criminelle[206] нет статьи, гласящей:

«Toute personne acquittee legalement ne pourra plus etre reprise ni accusee a raison du meme delit»?

Что *в переводе* означает:

«Лицо, законно оправданное, не может быть снова привлечено к суду или обвинено за то же правонарушение».

Но дело нисколько не меняется от того, предают ли меня *после* оправдательного приговора присяжных за то же самое правонарушение суду исправительной полиции или же *заранее* кассируют приговор присяжных тем, что заранее 1) предают меня суду присяжных и 2) одновременно за то же правонарушение привлекают к суду исправительной полиции.

Мы спрашиваем дюссельдорфскую судебную палату, не притупилась ли ее юридическая проницательность от чрезмерного патриотического рвения? Мы спрашиваем судебного следователя *Эбермейера,* совершенно ли он свободен от *личной вражды* к Лассалю? Мы спрашиваем, наконец, некоего чиновника дюссельдорфской прокуратуры, не сказал ли он: «Оправдание Кантадора и Вейерса не имеет для нас большого значения, но Лассаля мы во что бы то ни стало должны удержать в своих руках».

Сомневаемся, чтобы у Лассаля было такое же стремление оказаться на долгие времена занесенным в инвентарь *«подданных государства»* par excellence[*].

Дело Лассаля важно для нас не только потому, что речь идет о свободе и правах нашего согражданина, одного из наших партийных друзей. Оно важно прежде всего потому, что здесь речь идет о том, должна ли исключительная компетенция *суда присяжных в отношении политических преступлений* разделить участь всех так называемых *мартовских завоеваний* или нет, смогут ли и впредь состоящие на жалованье судейские чины низводить по своему произволу не состоящий на жалованье суд присяжных до роли только фиктивного суда — смогут ли они, в случае, если присяжные не признают какой-либо факт политическим преступлением или правонарушением, тотчас же передавать его, как обычное правонарушение, на рассмотрение суда исправительной полиции? Зачем вообще изъяли эти преступления и правонарушения из компетенции обычных судов и передали их суду присяжных? Предполагалось, очевидно, невзирая на честь и щепетильность состоящих на жалованье судей, что в политических процессах они защищают что угодно, но только не интересы обвиняемого.

Мы еще вернемся к этой теме[**].

Написано К. Марксом 10 февраля и 3 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 219 и 237; 11 февраля и 4 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — по преимуществу. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 482. *Ред.*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПАНСЛАВИЗМ [207]

I

Кёльн, 14 февраля. Мы достаточно часто указывали на то, что сладкие мечты, возникшие после февральской и мартовской революций, например мечтания о всеобщем братстве народов, о федеративной республике Европы и вечном мире, по существу прикрывали только безграничную растерянность и бездеятельность тогдашних идейных вожаков. Не видели или не желали видеть, что надо сделать для того, чтобы защитить революцию; не могли или не хотели провести никаких действительно революционных мер; ограниченность одних и контрреволюционные происки других — все это привело к тому, что вместо революционных дел народ получил только сентиментальные фразы. Высокопарный негодяй Ламартин был классическим героем этой эпохи, когда под поэтическими цветами и риторической мишурой скрывалась измена народу.

Народы, совершившие революцию, знают, как дорого им пришлось заплатить за то, что в своем простодушии они тогда поверили высокопарным словам и напыщенным уверениям. Вместо обеспечения безопасности революции — повсюду реакционные палаты, подкапывающиеся под революцию; вместо осуществления обещаний, данных на баррикадах, — победа контрреволюции в Неаполе, Париже, Вене, Берлине, падение Милана, война против Венгрии; вместо братского союза народов — возобновление Священного союза на более широкой основе под покровительством Англии и России. И те самые люди, которые еще в апреле и мае восторженно приветствовали высокопарные фразы эпохи, но иначе как с краской стыда вспоминают о том, как они позволили тогда обмануть себя дуракам и негодяям.

Горький опыт привел к убеждению, что «братский союз европейских народов» может быть осуществлен не при помощи пустых фраз и благих пожеланий, а лишь при помощи радикальных революций и кровавой борьбы; что речь идет не о братском союзе всех европейских народов под одним республиканским знаменем, а о союзе революционных народов против контрреволюционных, союзе, который может быть осуществлен не на *бумаге,* а только на *поле сражения.*

Во всей Западной Европе этот горький, но необходимый опыт уничтожил всякое доверие к ламартиновским фразам. Напротив, в Восточной Европе все еще существуют фракции, якобы демократические, революционные фракции, которые продолжают служить эхом этих фраз и сентиментальных чувств и проповедовать евангелие братства европейских народов.

Эти фракции — мы оставляем в стороне некоторых невежественных мечтателей-немцев, например г-на А. Руге и др.— суть *демократические панслависты* различных славянских народов.

Программа демократического панславизма лежит перед нами в виде брошюры *«Призыв к славянам.* Сочинение русского патриота Михаила *Бакунина,* депутата Славянского съезда в Праге». Кётен, 1848[208].

Бакунин — наш друг. Но это не помешает нам подвергнуть критике его брошюру.

Посмотрим, как в самом начале своего воззвания Бакунин разделяет иллюзии марта и апреля прошлого года:

«Первым признаком жизни революции был крик ненависти против старого угнетения, крик сочувствия и любви ко всем угнетенным национальностям. Народы... почувствовали, наконец, тот позор, которым старая дипломатия обременяла человечество, и поняли, что благополучии наций никогда не будет обеспечено до тех пор, пока в Европе хоть один народ будет жить под гнетом... Долой угнетателей! —раздался дружный клич, — слава угнетенным, полякам, итальянцам и всем другим! Не надо больше завоевательных войн, но надо довести до конца последнюю войну, главную борьбу революции за окончательное освобождение всех народов! Долой искусственные границы, насильственно проведенные конгрессами деспотов на основании так называемых исторических, географических, коммерческих и стратегических соображений! Не должно быть никаких других границ, кроме тех, которые установит суверенная воля самих народов на основе их национальных особенностей, — естественных границ, проведенных в духе справедливости и демократии. Таков единодушный крик всех народов» (стр. 6 и 7).

Уже в этих словах мы вновь обнаруживаем все мечтательное воодушевление первых месяцев революции. Здесь нет ни слова о существующих в действительности препятствиях такому всеобщему освобождению, о столь резко различающихся ступенях

цивилизации и об обусловленных этим различных политических потребностях отдельных народов. Слово «свобода» заменяет все это. О действительности здесь вообще нет речи, а поскольку с ней приходится считаться, она изображается как нечто абсолютно негодное, произвольно установленное «конгрессами деспотов» и «дипломатами». Этой дурной действительности просто противопоставляется мнимая народная воля со своим категорическим императивом, с абсолютным требованием «свободы».

Мы уже видели, кто оказался сильнее. Мнимая народная воля была так позорно обманута именно потому, что она доверилась столь фантастической абстракции от действительно существующих отношений.

«Революция полнотой своей власти объявила распущенными деспотические государства, прусское государство... Австрию... Турецкую империю... и, наконец, последнюю надежду деспотов, Российскую империю... и конечной целью всего этого она объявила всеобщую федерацию европейских республик» (стр. 8).

В действительности нам здесь, на Западе, должно казаться странным, что, после того как все эти прекрасные планы потерпели крушение при *первой* же попытке их осуществления, в них все еще усматривают нечто похвальное и великое. Ведь в том-то и была беда, что, хотя революция «полнотой собственной власти объявила распущенными деспотические государства», но одновременно она «полнотой собственной власти» и пальцем не пошевельнула для того, чтобы провести в жизнь свой декрет.

Тогда был созван Славянский съезд. Он стал целиком на точку зрения этих иллюзий. Послушайте:

«Живо чувствуя общие узы истории (?) и крови, мы поклялись, что не позволим вновь отделить нас друг от друга в нашей судьбе. Проклиная политику, жертвами которой мы так долго были, *мы сами утвердили за собой* право на полную *независимость* и *торжественно поклялись,* что последняя впредь должна быть *общей для всех славянских народов.* Мы признали независимость Богемии* и Моравии... мы протянули братскую руку немецкому народу, демократической Германии. От имени тех из нас, которые живут в Венгрии, мы предложили братский союз мадьярам, ярым врагам нашей расы... В своем освободительном союзе мы не забыли и тех наших братьев, которые стонут под игом турок. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды расчленяла Польшу... Все это мы высказали и вместе со всеми демократами всех народов (?) потребовали: свободы, равенства, братства всех наций» (стр. 10).

Эти требования демократический панславизм выставляет еще и поныне:

* — Чехии. *Ред.*

«Мы были тогда уверены в нашем деле... *справедливость* и *человечность* были всецело на нашей стороне, а на стороне наших врагов — только беззаконие и варварство. То были *не пустые мечты,* которым мы предавались, — то были идеи *единственно верной и необходимой политики,* политики *революции».*

«Справедливость», «человечность», «свобода», «равенство», «братство», «независимость» — до сих пор в панславистском манифесте мы не нашли ничего другого, кроме этих более или менее моральных категорий, которые, правда, очень красиво звучат, но в исторических и политических вопросах *ровно ничего не доказывают.* «Справедливость», «человечность», «свобода» и т. п. могут тысячу раз требовать того или другого; но если что-нибудь невозможно, оно в действительности не происходит и, несмотря ни на что, остается «пустой мечтой». Роль, которую масса славян играла после пражского съезда, должна была бы рассеять иллюзии панславистов; они должны были бы понять, что со всеми благими пожеланиями и прекрасными мечтами ничего не поделаешь против железной действительности, что их политика так же мало была когда-либо «политикой революции», как и политика Французской республики. И тем не менее они еще теперь, в январе 1849 г., преподносят нам то же старые фразы, в содержании которых Западная Европа разочаровалась в результате кровавой контрреволюции!

Еще одно слово о «всеобщем братском союзе народов» и проведении «границ, которые установит суверенная воля самих народов на основе их национальных особенностей». Соединенные Штаты и Мексика — две республики; в обеих народ является суверенным.

Как же случилось, что между этими двумя республиками, которые, согласно *моральной теории,* должны были быть «братскими» и «федерированными», вспыхнула война из-за Техаса, что «суверенная воля» американского народа, опираясь на храбрость американских добровольцев, отодвинула, исходя из «географических, коммерческих и стратегических соображений», на несколько сот миль к югу установленные природой границы? И бросит ли Бакунин американцам упрек в «завоевательной войне», которая, хотя и наносит сильный удар его теории, опирающейся на «справедливость и человечность», велась, тем не менее, исключительно в интересах цивилизации? И что за беда, если богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с пей сделать? И что плохого, если энергичные янки быстрой разработкой тамошних золотых россыпей умножат средства обращения, в короткое время сконцентрируют в наиболее подходящих

местах тихоокеанского побережья густое население и обширную торговлю, создадут большие города, откроют пароходное сообщение, проведут железную дорогу от Нью-Йорка до Сан-Франциско, впервые действительно откроют Тихий океан для цивилизации и третий раз в истории дадут новое направление мировой торговле? Конечно, «независимость» некоторого числа калифорнийских и техасских испанцев может при этом пострадать; «справедливость» и другие моральные принципы, может быть, кое-где будут нарушены; но какое значение имеет это по сравнению с такими всемирно-историческими фактами?

Заметим, кстати, что эта теория всеобщего братского союза народов, которая, не обращая внимания на историческое положение и ступени общественного развития отдельных народов, хочет во что бы то ни стало объединить их, еще задолго до революции подвергалась критике со стороны редакторов «Neue Rheinische Zeitung», причем тогда эта критика была направлена против их лучших друзей, английских и французских демократов. Доказательства этого имеются в английских, французских и бельгийских демократических газетах того времени[209].

Что касается специально панславизма, то в № 194 «Neue Rheinische Zeitung»[*] мы уже показали, что, оставляя в стороне искренний самообман демократических панславистов, он в действительности не имеет никакой другой цели, как дать распыленным австрийским славянам, которые в историческом, литературном, политическом, торговом и промышленном отношениях находятся в зависимости от немцев и мадьяр, опорный пункт с одной стороны, в лице России, с другой — в лице объединенной австрийской монархии, управляемой славянским большинством и зависимой от России. Мы уже доказали, что подобные маленькие национальности, которые история уже в течение столетий влечет за собой против их собственной воли, неизбежно должны быть контрреволюционными и что вся их позиция в революции 1848 года действительно была контрреволюционной. Ввиду того, что демократически-панславистский манифест требует независимости всех славян без различия, мы должны вернуться к этому вопросу.

Заметим прежде всего, что для демократов Славянского съезда политическая романтика и сентиментальность весьма извинительны. За исключением поляков — поляки по вполне понятным причинам не панслависты, — все они принадлежат к таким народам, которые либо, подобно южным славянам, по всему своему историческому положению неизбежно являются

[*] См. настоящий том, стр. 181—184. *Ред.*

контрреволюционными, либо, подобно русским, еще далеки от революции и потому, по крайней мере пока, еще контрреволюционны. Эти фракции, демократически настроенные благодаря полученному ими за границей образованию, пытаются согласовать свои демократические взгляды со своим национальным чувством, которое, как известно, у славян очень ярко выражено, а так как реальный мир, действительное состояние их страны не дают никаких оснований или только воображаемые основания для такого примирения, то им не остается ничего другого, как потустороннее «воздушное царство грез»[210], мир благих пожеланий, политика фантазии. Как хорошо было бы, если бы хорваты, пандуры и казаки представляли авангард европейской демократии, если бы посол Сибирской республики вручал в Париже свои верительные грамоты! Конечно, это очень приятные перспективы; но чтобы европейская демократия должна была дожидаться их осуществления, этого не потребует даже самый горячий панславист, а пока как раз те нации, для которых манифест специально требует независимости, являются особенными врагами демократии.

Мы повторяем: кроме поляков, русских и, самое большее, турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности.

Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были *насильственно* подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность.

Именно такова была судьба австрийских славян. Чехи, к которым мы причисляем также моравов и словаков, хотя они и отличаются по языку и истории, никогда не имели своей истории. Со времен Карла Великого Богемия прикована к Германии. На короткое время чешская нация освободилась и образовала Великоморавское государство, но сейчас же была снова покорена и в продолжение пятисот лет перебрасывается, как мяч, между Германией, Венгрией и Польшей. После этого Богемия и Моравия переходят окончательно к Германии, а словацкие области остаются у Венгрии. И эта «нация», исторически совершенно не существующая, заявляет притязания на независимость?

Так же обстоит дело с южными славянами в собственном смысле этого слова. Где история иллирийских словенцев, далматинцев, хорватов и шокцев[211]? Начиная с XI века, они потеряли последнюю видимость политической независимости и находились частью под немецким, частью под венецианским, частью под мадьярским господством. И из этих разорванных клочков хотят сколотить крепкую, независимую, жизнеспособную нацию!

Более того. Если бы австрийские славяне представляли собой компактную массу, подобно полякам, мадьярам и итальянцам, если бы они были в состоянии объединиться в государство с населением в 12—20 миллионов, тогда их притязания имели бы еще серьезный характер. Но в действительности дело обстоит как раз наоборот. Немцы и мадьяры врезались между ними широким клином до самых крайних пределов Карпат, почти до Черного моря; они отделили чехов, моравов и словаков от южных славян широким поясом в 60—80 миль. Пять с половиной миллионов славян, живущих к северу от этого пояса, и пять с половиной миллионов, живущих к югу от него, разделены компактной массой в 10—11 миллионов немцев и мадьяр, которых история и необходимость сделали союзниками.

Но почему $5^1/_2$ миллионов чехов, моравов и словаков не могут образовать одно государство, а $5^1/_2$ миллионов южных славян вместе с турецкими славянами — другое государство?

Посмотрите по любой хорошей лингвистической карте распределение чехов и родственных им по языку соседей. Они клином врезались в Германию, но с обеих сторон сдавлены и оттеснены немецкими элементами. Третья часть населения Богемии говорит на немецком языке; на 34 чеха в Богемии приходится 17 немцев. А ведь именно чехи должны составить ядро проектируемого славянского государства, ибо моравы также сильно перемешаны с немцами, а словаки — с немцами и мадьярами, и притом они в национальном отношении совершенно деморализованы. И что это было бы за славянское государство, в котором все же в конце концов *господствовала бы немецкая городская буржуазия!*

То же и у южных славян. Словенцы и хорваты отрезают Германию и Венгрию от Адриатического моря, а Германия и Венгрия *не могут* дать отрезать себя от Адриатического моря по «географическим и коммерческим соображениям», которые, правда, не являются препятствием для фантазии Бакунина, но, тем не менее, существуют и представляют для Германии и Венгрии такой же жизненный вопрос, как, например, для Польши берег Балтийского моря от Данцига до Риги. А там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех

ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах немцев или славян не играет никакой роли! Не говоря уже о том, что эти южные славяне также повсюду перемешаны с немецким, мадьярским и итальянским элементами, что и здесь при первом взгляде на лингвистическую карту проектируемое южнославянское государство превращается в ряд разрозненных лоскутьев и что, в лучшем случае, все это государство попадет в руки *итальянских* буржуа из Триеста, Фиуме и Зары и *немецких* буржуа из Аграма, Лайбаха, Карлштадта, Землина, Панчево и Вейскирхена*.

Но не могут ли южные славяне Австрии присоединиться к сербам, боснякам, морлакам[212] и болгарам? Конечно, это было бы возможно, если бы, кроме уже указанных трудностей, не существовала застарелая ненависть жителей пограничной Австрии к турецким славянам, живущим по ту сторону Савы и Уны; а эти люди, которые в продолжение многих веков видят друг в друге мошенников и бандитов, при всем своем национальном родстве гораздо сильнее ненавидят друг друга, чем славяне и мадьяры.

Поистине, положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемско-моравское государство; Австрия и Штирия были бы отрезаны «южнославянской республикой» от своего естественного выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обглоданный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность, более или менее сносное земледелие и культуру!

Но именно это-то ярмо, навязанное славянам под предлогом цивилизации, и составляет величайшее преступление немцев и мадьяр! Послушайте только:

«Вы справедливо охвачены гневом, вы по праву требуете мести против той *проклятой немецкой политики,* которая думала только о вашей гибели, которая *веками держала вас в рабстве»...* (стр. 5).

«... Мадьяры, ярые враги, нашей расы, едва насчитывающие четыре миллиона человек, похваляются, что возложили свое ярмо на восемь миллионов славян...» (стр. 9).

«Я знаю все то зло, которое мадьяры лричинили нашим славянским братьям, я знаю их преступления против нашей национальности, я знаю,

* Хорватские названия: Риека, Задар, Загреб; словенское название; Любляна; хорватское название: Карловац; сербские названия; Земун, Панчево, Бела-Црква. *Ред.*

как они третировали наш язык и попирали ногами нашу независимость» (стр. 30).

В чем же состоят великие, страшные преступления немцев и мадьяр против славянской национальности? Мы не говорим здесь о разделе Польши, который сюда не относится, мы говорим о «вековой несправедливости», якобы причиненной славянам.

Немцы снова отвоевали на севере у славян прежде немецкую, а впоследствии славянскую область от Эльбы до Варты; это завоевание было обусловлено «географическими и стратегическими соображениями», вытекавшими из раздела Каролингской монархии. Эти славянские области полностью германизированы; дело это уже сделано и не может быть исправлено, разве только панслависты разыщут исчезнувшие сербский, вендский и ободритский языки и навяжут их жителям Лейпцига, Берлина и Штеттина*. Но что указанное завоевание было в интересах цивилизации, — этого никто до сих пор не оспаривал.

На юге немцы нашли славянские племена уже распыленными. Об этом позаботились неславянские авары, завладевшие территорией, которую впоследствии заняли мадьяры. Немцы заставили этих славян платить себе дань и вели с ними многочисленные войны. Такие же войны вели они с аварами и мадьярами, у которых отняли всю страну от Энса до Лейты. В то время как здесь они германизировали насильно, германизация славянских земель происходила гораздо более мирно, посредством иммиграции и влияния более развитой нации на менее развитую. Немецкая промышленность, немецкая торговля и немецкая культура сами собой ввели в стране немецкий язык. Что касается «угнетения», то славяне угнетались немцами не больше, чем сама масса немецкого населения.

Что касается мадьяр, то ведь в Венгрии живет большое число немцев, и тем не менее мадьяры никогда не имели повода жаловаться на «проклятую немецкую политику», хотя их и насчитывалось «едва четыре миллиона человек»! И если «восемь миллионов славян» в продолжение *восьми веков* вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр, то одно это достаточно показывает, кто был более жизнеспособным и энергичным — многочисленные славяне или немногочисленные мадьяры!

Но, конечно, величайшее «преступление» немцев и мадьяр заключается в том, что они помешали этим двенадцати миллионам славян *отуречиться!* Что стало бы с этими распыленными

* Польское название: Щецин. *Ред.*

маленькими национальностями, игравшими в истории столь жалкую роль, если бы немцы и мадьяры не удержали их вместе и не повели в бой против войск Мехмеда и Сулеймана, если бы их так называемые «угнетатели» не решили исход тех сражений, которые велись для защиты этих слабых народов! Не говорит ли об этом достаточно ясно судьба «двенадцати миллионов славян, валахов и греков», которых «семьсот тысяч османов попирают ногами» и по сей день? (стр. 8).

И, наконец, можно ли видеть «преступление» и «проклятую политику» в том, что в эпоху, когда вообще в Европе крупные монархии стали «исторической необходимостью», немцы и мадьяры соединили все эти маленькие, хилые и бессильные национальности в одно большое государство и тем самым сделали их способными принять участие в историческом развитии, которому они, предоставленные сами себе, остались бы совершенно чужды! Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается, и если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались таким же мягкосердечием, к которому ныне апеллируют панслависты в интересах своих ослабевших клиентов, что стало бы тогда с историей! И чем персы, кельты и жители Священной Римской империи германской нации хуже чехов, огулинцев и сережан?

Но *теперь* в результате мощного прогресса промышленности, торговли и путей сообщения политическая централизация представляет еще более настоятельную потребность, чем тогда, в XV и XVI веках. Все, что еще может быть централизовано, централизуется. И вот *теперь* являются панслависты и требуют, чтобы мы «освободили» этих полугерманизированных славян, чтобы мы уничтожили централизацию, которая навязывается этим славянам всеми их материальными интересами!

Словом, оказывается, что эти «преступления» немцев и мадьяр против упомянутых славян принадлежат к самым лучшим и заслуживающим признательности деяниям, которыми только могут похвалиться в своей истории наш и венгерский народы.

Впрочем, что касается мадьяр, то здесь необходимо еще особо отметить, что с начала революции они действовали слишком уступчиво и слабо по отношению к надменным хорватам. Известно, что Кошут сделал им все возможные уступки, за исключением того, что не позволил их депутатам выступать в сейме на хорватском языке. И единственное, в чем можно упрекнуть мадьяр, — это в излишней уступчивости по отношению к нации, по самой природе своей контрреволюционной.

II

Кёльн, 15 февраля. Вчера мы закончили статью указанием на то, что австрийские славяне никогда не имели собственной истории, что в историческом, литературном, политическом, торговом и промышленном отношениях они зависят от немцев и мадьяр, что они частично уже германизированы, мадьяризированы и итальянизированы, что в случае создания самостоятельных государств господствовать в них будут не они, а немецкая и итальянская буржуазия их городов, что, наконец, ни Венгрия, ни Германия не могут допустить отторжения и самостоятельного конституирования подобных нежизнеспособных маленьких промежуточных государств.

Однако все это еще не имело бы решающего значения. Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали *новую революционную историю,* они уже этим одним доказали бы свою жизнеспособность. Революция с этого самого момента была бы заинтересована в их освобождении, и частные интересы немцев и мадьяр отступили бы перед более важными интересами европейской революции.

Но как раз этого-то ни разу и не случилось. Славяне — мы еще раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков, — постоянно служили как раз *главным орудием контрреволюции.* Угнетаемые дома, они вовне, всюду, куда простиралось славянское влияние, были *угнетателями всех революционных наций.*

Пусть не возражают нам, что мы выступаем здесь будто бы в интересах национальных предрассудков немцев. В немецких, французских, бельгийских и английских газетах имеются доказательства того, что именно редакторы «Neue Rheinische Zeitung» еще задолго *до* революции самым решительным образом выступали против всяких проявлений национальной ограниченности немцев[213]. Хотя, в отличие от некоторых других лиц, они не ругали все немецкое зря и с чужих слов, но зато они

исторически показали и беспощадно вскрыли ту гнусную роль, которую Германия безусловно играла в истории благодаря своему дворянству и бюргерству, благодаря своему слабому промышленному развитию; они всегда признавали преимущества великих исторических народов Запада, англичан и французов, по сравнению с отсталыми немцами. Но именно поэтому мы имеем право не разделять фантастических иллюзий славян и так же строго судить другие народы, как мы судили нашу собственную нацию.

До сих пор всегда говорилось, что *немцы* были во всей Европе ландскнехтами деспотизма. Мы отнюдь не намерены отрицать позорную роль немцев в позорных войнах 1792—1815 гг. против французской революции, в угнетении Италии после 1815 г. и Польши после 1772 года; но кто стоял за спиной немцев, кто пользовался ими в качестве своих наемников или авангарда? Англия и *Россия.* Ведь русские и поныне еще похваляются тем, что они своими бесчисленными войсками решили падение Наполеона, и это, конечно, в значительной степени правильно. Во всяком случае не подлежит сомнению, что среди тех армий, которые своими превосходящими силами оттеснили Наполеона от Одера до Парижа, три четверти составляли славяне, русские или австрийские славяне.

А угнетение немцами итальянцев и поляков! При разделе Польши конкурировали менаду собой одно славянское и одно полуславянское государство; войска, подавившие Костюшко, состояли в большинстве из *славян;* войска Дибича и Паскевича были исключительно *славянскими.* В Италии одни только tedeschi* долгое время пользовались позорной репутацией угнетателей; но опять-таки, из кого состояли армии, которые лучше всего можно было использовать для угнетения и жестокости которых приписывались немцам? Опять-таки — из *славян.* Поезжайте в Италию и спросите, кто подавил миланскую революцию; вам теперь уже не скажут, что это сделали tedeschi — с того времени, как tedeschi совершили в Вене революцию, их перестали ненавидеть, —а скажут, что это сделали croati**. Этим названием итальянцы обозначают теперь всю австрийскую армию, т. е. все, что им наиболее глубоко ненавистно: i croati!

И тем не менее эти упреки оказались бы излишними и несправедливыми, если бы славяне где бы то ни было приняли серьезное участие в движении 1848 года, если бы они поспешили вступить в ряды революционных народов. Одна смелая попытка

* — немцы. *Ред.*
** — хорваты. *Ред.*

совершить демократическую революцию, даже в том случае, если она терпит поражение, вытравляет из памяти народов целые века позора и трусости, немедленно реабилитирует даже глубоко презираемую нацию. Немцы испытали это в прошлом году. Но в то время как французы, немцы, итальянцы, поляки, мадьяры подняли знамя революции, *славяне,* как один человек, выступили под знаменем *контрреволюции.* Впереди шли южные славяне, которые уже давно отстаивали свои контрреволюционные сепаратистские поползновения против мадьяр; далее чехи, а за ними *русские,* вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения.

Как известно, в Италии мадьярские гусары массами переходили на сторону итальянцев; в Венгрии целые итальянские батальоны предоставляли себя в распоряжение венгерского революционного правительства и еще теперь сражаются под венгерским знаменем; известно, как немецкие полки в Вене относились к народу; даже в Галиции они отнюдь не были падежными; известно, что поляки, как австрийские, так и неавстрийские, массами сражались в Италии, Вене и Венгрии против австрийских армий и теперь еще сражаются в Карпатах; но слыхал ли кто-нибудь о том, чтобы чешские и южнославянские войска подняли восстание против черно-желтого знамени*?

Напротив, до сих пор известно только то, что потрясенная в своих основах Австрия сохранила жизнь и временно опять укрепилась благодаря черно-желтому энтузиазму славян; что именно хорваты, словенцы, далматинцы, чехи, моравы и русины дали Виндишгрецу и Елачичу войска для подавления революции в Вене, Кракове, Львове и Венгрии, и, как мы узнаем теперь еще от Бакунина, *Славянский съезд* в Праге *был разогнан* не немцами, а галицийскими, чешскими, словацкими *славянами,* и *«только славянами»!* (стр. 33).

Революция 1848 года заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, совершили революцию, все не созревшие для революции народы объединились против революции. В тот момент надлежало распутать хаос народов Восточной Европы. Вопрос был в том, какая нация возьмет на себя здесь революционную инициативу, какая нация разовьет наибольшую революционную энергию и тем обеспечит свое будущее. Славяне остались безгласными, немцы и мадьяры, верные своей прежней исторической роли, стали во главе

* — т. е. против австрийской монархии Габсбургов. *Ред.*

движения. И тем самым славяне были окончательно брошены в объятия контрреволюции.

А Славянский съезд в Праге?

Мы повторяем: так называемые демократы из австрийских славян — либо негодяи, либо фантазеры, а фантазеров, которые среди своего народа не находят почвы для ввезенных из-за границы идей, постоянно водили за нос негодяи. На Славянском съезде в Праге фантазеры взяли верх. Когда это фантазерство показалось опасным *аристократическим* панславистам, графу Туну, Палацкому и компании, они выдали фантазеров Виндишгрецу и черно-желтой контрреволюции. Какая горькая и убийственная ирония в том, что этот съезд мечтателей, защищаемый мечтательно настроенной пражской молодежью, был разогнан солдатами той же нации, что фантазирующему Славянскому съезду был противопоставлен своего рода военный славянский съезд! Австрийская армия, занявшая Прагу, Вену, Львов, Краков, Милан и Будапешт, — вот действительный, активный славянский съезд!

Насколько беспочвенной и неясной была фантастика Славянского съезда, доказывают его результаты. У всякой другой нации бомбардировка такого города, как Прага, вызвала бы непримиримую ненависть к угнетателям. Что же делали чехи? Они целовали розги, которыми их секли до крови, они горячо присягали знамени, под которым их братья подвергались казни, а их жены — поруганию. Уличная борьба в Праге была поворотным пунктом для австрийских демократических панславистов. За перспективу своей жалкой «национальной самостоятельности» они предали демократию и революцию австрийской монархии, этому «центру», «который служит систематическому проведению деспотизма в сердце Европы», как говорит сам Бакунин на стр. 29. За это трусливое, подлое предательство революции мы когда-нибудь еще жестоко отомстим славянам.

В конце концов этим предателям стало ясно, что они обмануты контрреволюцией, что нечего думать ни о «славянской Австрии», ни о «федеративном государстве с равноправными нациями», ни еще менее о демократических учреждениях для австрийских славян. Елачич, который является негодяем не в большей мере, чем большинство других демократов из австрийских славян, горько раскаивается, что его так использовали, а Стратимирович, чтобы не дать себя дольше использовать, провозглашает открытое восстание против Австрии. Теперь союзы Славянской липы[214] опять повсюду противостоят правительству и ежедневно убеждаются на горьком опыте, в какую ловушку они дали себя завлечь. Но теперь уже слишком поздно:

бессильные на своей собственной родине против реорганизованной ими же самими австрийской военщины, отталкиваемые немцами и мадьярами, которых они предали, отталкиваемые революционной Европой, они вынуждены будут терпеть тот самый военный деспотизм, который они помогли взвалить на венцев и мадьяр. «Будьте покорны императору, дабы императорские войска не относились к вам, как к мятежным мадьярам»—эти слова патриарха Раячича показывают, что ждет их в ближайшем времени.

Совсем не так вели себя *поляки!* Угнетаемые, порабощаемые, разоряемые в продолжение восьмидесяти лет, они всегда становились на сторону революции и провозглашали неразрывную связь между революционизированием Польши и ее независимостью. В Париже, Вене, Берлине, в Италии и Венгрии поляки участвовали во всех революциях и революционных войнах, не считаясь с тем, приходилось ли им сражаться против немцев, против славян, против мадьяр или даже против *поляков.* Поляки — единственная славянская нация, чуждая всяким панславистским вожделениям. Но они имеют для этого достаточно причин: их угнетают главным образом *свои же собственные* так называемые *славянские братья,* и ненависть к русским у поляков даже сильнее — и с полным правом, — чем ненависть к немцам. Но именно потому, что освобождение Польши неразрывно связано с революцией, потому, что слова «поляк» и «революционер» стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их национальности, в то время как чехам, хорватам и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них.

Австрийские панслависты должны понять, что все их желания, поскольку они вообще осуществимы, уже осуществлены в восстановленной «австрийской объединенной монархии» под охраной России. В случае распада Австрии их ожидает перспектива революционного терроризма немцев и мадьяр, а отнюдь не освобождение, как они воображают, всех наций, порабощенных под скипетром Австрии. Они должны поэтому желать, чтобы Австрия уцелела — более того, чтобы Галиция осталась у Австрии, дабы славяне сохранили за собой большинство в государстве. Таким образом, *панславистские* интересы *прямо противоречат* восстановлению *Польши,* ибо Польша без Галиции, Польша, не простирающаяся от Балтийского моря до Карпат, это — не Польша. Но именно потому «славянская Австрия» представляет столь же пустую фантазию, ибо без господства немцев и мадьяр, без обоих центров — Вены и

Будапешта — Австрия опять распадется, как доказывает вся ее история вплоть до последних месяцев. Ввиду этого реализация панславизма должна будет ограничиться русским патронатом над Австрией. Поэтому открыто реакционные панслависты были вполне правы, когда они цеплялись за сохранение «объединенной монархии»; это было единственное средство спасти хоть что-нибудь. Но так называемые демократические панслависты стояли перед труднейшей дилеммой: либо отказ от революции и, по крайней мере, частичное спасение национальности при помощи «объединенной монархии», либо отказ от национальности и спасение революции путем распада «объединенной монархии». В тот момент судьба революции в Восточной Европе зависела от позиции чехов и южных славян; мы никогда не забудем им того, что в решительную минуту они из-за своих мелочных национальных надежд предали революцию Петербургу и Ольмюцу!

Что сказали бы мы, если бы демократическая партия в Германии поставила во главу своей программы требование возвратить обратно Эльзас, Лотарингию и Бельгию, тяготеющую во всех отношениях к Франции, под тем предлогом, что большинство населения там немецкое? Как смешны были бы немецкие демократы, если бы они захотели устроить пангерманский немецко-датско-шведско-англо-голландский союз для «освобождения» всех стран с населением, говорящим на немецком языке! К счастью, немецкая демократия переросла эти фантазии. Немецкие студенты в 1817 и 1830 гг. носились с подобными реакционными мечтами, и в настоящее время во всей Германии их оценивают по заслугам. Немецкая революция стала возможной и немецкий народ начал играть хоть какую-то роль только тогда, когда он окончательно освободился от подобных пустых фантазий.

Но панславизм отличается не менее ребяческим и реакционным характером, чем пангерманизм. Когда вы читаете историю панславистского движения прошлой весны в Праге, вам кажется, что вы отброшены на тридцать лет назад: трехцветные ленты, допотопные костюмы, старославянское богослужение, полная реставрация эпохи и нравов первобытных лесов; Сворность — это настоящий буршеншафт[215], Славянский съезд — новое издание вартбургского празднества[216]; те же фразы, те же фантазии, а потом та же печальная песенка: «Прекрасное здание строили мы»[217] и т. д. Кто хочет прочесть эту знаменитую песенку в переводе на славянскую прозу, пусть прочитает брошюру Бакунина.

Подобно тому как участники немецких буршеншафтов надолго оказались во власти решительных контрреволюционных

настроений, свирепого франкофобства и самого ограниченного национального чувства, а впоследствии стали все предателями того дела, которым они якобы увлекались, таким же образом, только быстрее — ибо 1848 год был годом революционным — у демократических панславистов демократическая внешность очень скоро превратилась в фанатическое германо- и мадьярофобство, в косвенную оппозицию восстановлению Польши (Любомирский) и в прямое присоединение к контрреволюции.

И если отдельные честные славянские демократы призывают теперь австрийских славян присоединиться к революции, считать австрийскую монархию своим главным врагом и даже идти в интересах революции вместе с мадьярами, то они напоминают курицу, которая в отчаянии бегает по берегу пруда при виде того, как высиженные ею молодые утята неожиданно ускользают от нее в чуждую стихию, куда она не может последовать за ними.

Впрочем, не будем предаваться иллюзиям. У всех панславистов национальность, т. е. фантастическая общеславянская национальность, стоит *выше революции.* Панслависты согласны примкнуть к революции при условии, чтобы им разрешено было объединить в самостоятельные славянские государства всех славян без исключения, не считаясь с насущнейшими материальными потребностями. Если бы мы, немцы, выставили такие же фантастические условия, далеко бы мы зашли в марте! Но революция не позволяет ставить себе никаких условий. Приходится либо быть революционером и принимать последствия революции, каковы бы они ни были, либо броситься в объятия контрреволюции и в одно прекрасное утро очутиться, быть может, против собственного желания, в одном лагере с Николаем и Виндишгрецем.

Мы и мадьяры должны гарантировать австрийским славянам их самостоятельность — этого требует Бакунин, и люди типа Руге способны действительно дать ему с глазу на глаз подобные обещания. От нас и других революционных наций Европы требуют, чтобы мы гарантировали силам контрреволюции беспрепятственное существование непосредственно у наших ворот, гарантировали им свободное право устраивать заговоры и вооружаться против революции; мы должны в сердце Германии создать контрреволюционное чешское государство, мы должны сломить силу немецкой, польской и венгерской революций при помощи вклинившихся между ними русских аванпостов на Эльбе, на Карпатах и на Дунае!

Мы не намерены делать этого. На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволю-

ционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью;* со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам.

И если Бакунин, в конце концов, восклицает:

«Поистине, славянин не должен ничего *потерять,* а должен *выиграть!* Поистине, он должен жить! И мы будем жить. Пока будет оспариваться хотя бы *малейшая часть* наших прав, пока *хотя бы единый член нашего общего организма останется отделенным или оторванным от нас,* до тех пор мы будем бороться *до конца,* до тех пор мы будем беспощадно *бороться не на жизнь, а на смерть,* пока, наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым», —

если революционный панславизм принимает эти слова всерьез и будет отрекаться от революции всюду, где дело коснется фантастической славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать.

Тогда борьба, «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции!

Написано Ф. Энгельсом 14—15 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 222 и 223; 15 и 16 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРУССКОЕ ФИНАНСОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИ БОДЕЛЬШВИНГЕ И КОМПАНИИ

Кёльн, 16 февраля. «Уволенный» в марте министр фон Бодельшвинг норовит опять выползти на свет из своего уединения. Фон Бодельшвинг избран депутатом во Вторую палату. Достойный выбор тельтовского крестьянского союза!

Если демократическая пресса до сих пор мало занималась бывшими министрами и другими бывшими людьми, то теперь настало время осветить прежние дела подобных господ. Вот почему мы напоминаем нашим читателям и прокурору факты, относящиеся к деятельности г-на фон Бодельшвинга на посту министра финансов.

Пост министра финансов г-н фон Бодельшвинг занял весной 1842 г. и оставался на нем до 3 мая 1844 года.

Он очень любил говорить о том, как он выполняет свои обязанности. Он имел большую склонность к «открытиям». Так, он открыл сословным комиссиям[218] 24 октября 1842 г., что «финансы в Пруссии подлежат *ограниченной* гласности, именно той гласности, которая осуществляется в форме трехгодичного публикования государственного бюджета в Собрании узаконений». Затем он объяснил, как и каким образом составляется прусский государственный бюджет. Он строится «главным образом на средних данных по ведомственным отчетам за 3 года, предшествующие составлению бюджета».

26 октября тот же самый г-н фон Бодельшвинг открыл далее, что доходы за последние семь лет возросли более чем на $5^{1}/_{2}$ миллионов талеров и что можно рассчитывать на дальнейший их рост («Staats-Zeitung» №№ 306 и 307). Тогда *принуждены были* верить г-ну министру, так как «ограниченная гласность»

окружала прусские финансы непроницаемым мраком. Теперь же следует, по меньшей мере, усомниться в истинности заверений, данных тогда г-ном министром финансов, потому что за последнее время выяснилось многое относительно прежнего управления финансами.

Опубликованные в Собрании узаконений финансовые сметы должны основываться на средних данных специальных смет отдельных ведомств, которые составляются на основании *действительных* доходов предыдущего трехлетия. Если это так, то каждый бюджет, опубликованный в Собрании узаконений, должен содержать приблизительную среднюю величину действительных доходов и расходов предыдущих лет. В противном случае бюджет, по собственному заявлению г-на Бодельшвинга, *неправилен* и представляет собой *фальсифицированный официальный документ.*

В 1844 г. в Собрании узаконений (стр.96)[219] был опубликован бюджет, контрассигнованный г-ном фон Бодельшвингом. Этот бюджет сводится как в приходной, так и в расходной части к сумме в 57677194 талера. В такой сумме, следовательно, должны были выражаться средние доходы и расходы предыдущих лет. На самом деле, однако, и доходы и расходы за предыдущие годы были гораздо выше. Правительство впоследствии сообщило членам первого Соединенного ландтага данные финансового ведомства за 1840—1843 годы[220].

На основании этого сообщения исчислялись:

	Доходы	Расходы
1843 г.	73822589 тал.	79102787 тал.
1842 »	73876338 »	75269431 »
1841 »	71987880 »	74185443 »
	219686807 тал.	228557661 тал.

Действительная средняя сумма доходов составляла, таким образом, 73228935 талеров, средняя сумма расходов — 76185887 талеров. Г-н фон Бодельшвинг показывал, таким образом, слишком низкую сумму доходов и расходов, а именно утаивал 15551741 талер доходов и 18508693 талера расходов *ежегодно.* При точном подсчете эти цифры, конечно, должны были бы несколько измениться, поскольку трехгодичные средние данные специальных смет отдельных ведомств не обязательно сызнова исчислялись для каждого проекта бюджета и могут относиться к 1841 и даже к 1838 году. Но значительного понижения утаенных сумм от этого не получится, так как в 1840 г. годичные доходы составляли также 71059475 талеров,

а расходы даже 77165022 талера. Относительно 1839 и 1838 гг. у нас нет официальных данных. Однако так как при одном и том же финансовом законодательстве в условиях мирного времени доходы государства изменяются не скачками, а лишь постепенно, то можно с уверенностью принять, что государственные доходы в 1838 и 1839 гг. достигали по крайней мере 70 миллионов талеров.

Бюджет г-на фон Бодельшвинга, таким образом, *фальсифицирован,* как, вероятно, и бюджеты многих его предшественников и обоих преемников до 1848 года. Г-н фон Бодельшвинг должен был знать, что он публикует нечто неверное, Ему небезызвестно было действительное состояние государственных финансов. Отклонения от истины были столь значительны, что регирунгсрат Бергиус в Бреславле, а за ним и Бюлов-Куммеров, даже не видя отчетов, публично указали на эти неверные цифры. Конечно, если бы г-н фон Бодельшвинг раскрыл истинное положение вещей, его сообщения и речи перед комиссиями провинциальных ландтагов встретили бы другой прием. При «ограниченной гласности» прусских финансов он мог хвастаться, тогда как при полной гласности он мог бы ожидать только позора и обвинений. Он самодовольно говорил о повышении доходов на $5^1/_2$ миллионов талеров, но умолчал, однако, о том, что с 1840 по 1843 г. *расходы* превысили доходы на 14976401 талер. Хотя страна вынуждена была дать за это четырехлетие 290746282 талера, все же эти крупные суммы не могли покрыть чрезмерных расходов в 305722683 талера. И такие расходы были произведены без войны, без достаточного отстаивания промышленных и торговых интересов за границей, без флота, без значительного поощрения земледелия и ремесла внутри страны! Роскошные королевские постройки, фавориты среди чиновников, подарки юнкерам и бюрократам, а также армия с ее парадами и смотрами обошлись стране невероятно дорого. Но, конечно, не таков был г-н фон Бодельшвинг, чтобы все это признать. Поэтому он составил фальсифицированный бюджет, чтобы убедить народ, что и доходы и расходы были гораздо ниже, чем в действительности.

Но составление ложных бюджетов всегда было и будет рискованным предприятием. Прусские законы предусматривают суровью наказания за подобные должностные преступления. Опубликованные в Собрании узаконений бюджеты представляют собой официальные документы. Это не подлежит никакому сомнению. Правда, прусское право не установило особых наказаний за составление государственными чиновниками ложных официальных документов. Но рескрипт от 3 июня

1831 г. (ср. Кампц, «Jahrbucher», т. 37, стр.407[221]) предписывает квалифицировать подобные действия как обман или должностные преступления и применять к ним соответствующие наказания. Прусские судебные учреждения с тех пор также высказались по этому вопросу. Прусское право предписывает (ч. II, разд. 20, § 333[222]) по поводу должностных преступлений следующее:

«Виновный в умышленном нарушении предписаний, относящихся к занимаемой им должности, *подлежит немедленному увольнению;* сверх того, он, в зависимости от состава совершенного им преступления и причиненного убытка, подвергается соответствующему денежному штрафу, тюремному заключению или заключению в крепости и лишается права занимать государственные должности».

Увольнение, запрещение занимать всякие государственные должности и, сверх того, денежный штраф и лишение свободы — вот что *по закону* ожидает составителя ложных бюджетов. — Следовательно, если г-н фон Бодельшвинг не сможет оправдаться от тяжкого подозрения в том, что он опубликовал ложный бюджет, судья *обязан* применить к нему перечисленные наказания. Мы требуем от него и от прокурора, чтобы в это дело была внесена ясность.

Денежный штраф, заключение в тюрьму или крепость должны быть определены в зависимости от состава преступления и причиненного убытка. Убыток, который причинил стране г-н фон Бодельшвинг в компании со своими предшественниками и преемниками по должности, так велик, достигает таких размеров, что его могут причинить всему народу только министры и другие высокопоставленные лица. Мы укажем здесь эту сумму и тут же кстати заметим, что при этом мы тотчас же наталкиваемся на другое должностное преступление министров.

Королевский указ от 17 января 1820 г. устанавливает необходимые *расходы* по прусскому государственному бюджету в 50863150 талеров. И далее буквально сказано:

«Вышеупомянутая, признанная мною необходимой сумма текущих расходов по управлению *ни при каких обстоятельствах* не может быть повышена. Начальники отдельных ведомств несут в этом личную ответственность предо мной, и все министерство в целом несет тем большую ответственность, что разрешенная мною сумма в общем вполне достаточна для указанных в бюджете целей».

Что подразумевается под «необходимой суммой для текущих расходов по управлению», ясно и четко устанавливается из дальнейшего противопоставления «текущих расходов по управлению», расходам по управлению государственного долга. Текущие расходы по управлению — это все те платежи из

государственного казначейства, которые не идут на уплату процентов или погашение государственного долга. Они, как мы видели, не должны, по королевскому указу от 17 января 1820 г., до сих пор еще не отмененному, превышать сумму в 50863150 талеров. Королевский указ опубликован в Собрании узаконений за 1820 г., и никогда не возникало сомнения, что до провозглашения конституционной монархии подобного рода указы имели в Пруссии силу закона. Каждое превышение установленной законом суммы является, таким образом, нарушением закона, должностным преступлением министров.

Представленные первому Соединенному ландтагу отчеты по исполнению государственных бюджетов за период с 1840 во 1846 г. и предложенные ныне распущенному Национальному собранию отчеты по финансовому управлению за 1847 г. показывают, что все министры с 1840 по 1847 г. из года в год нарушали свой долг; Они каждый год тратили больше — и значительно больше — на расходы по текущему управлению, чем полагалось им по закону. Для большей связности изложения мы будем здесь говорить не об одном только г-не фон Бодельшвинге, а о всех министрах финансов с 1840 по 1847 год. Это были: граф Альвенслебен — с 1835 по 1842 г., фон Бодельшвинг — с 1842 по 1844 г., Флотвель — с 3 мая 1844 г. до 16 августа 1846 г. и фон Дуэсберг— с этого времени до ниспровержения министерства мартовской революцией. Все эти министры в одинаковой мере являются соучастниками преступления. Простое изложение фактов ясно покажет, как разрушается в самом зародыше благосостояние страны целым рядом высокопоставленных чиновников, нарушающих свои обязанности.

Текущий расход, т; е. годичный расход, за вычетом части, затраченной на государственный долг, как мы видели, не должен был по закону превышать ..... 50863150 талеров.

Но в 1840 г. израсходовано	77165022 тал.
Из этого следует вычесть:	
a) на погашение долга	8579345 »
b) якобы переданные в государственную казну	613457 »
Итого…….....	9192802 тал.

Остаются, таким образом, расходы по текущему управлению ....……….. 67972220 тал.

Итак, незаконно израсходовано в этом году 17109070 тал.

В 1841 г. израсходовано......……..... 74185443 тал.

Из них на погашение государственного долга и в государственную казну .... 14419563 тал.
Итак, на текущее управление израсходовано........................ 59765880 тал.
Сверх законной суммы .... 50863150 »

перерасход .... 8902730 тал.
В 1842 г. израсходовано .... 75269431 тал.
В государственную казну отчислений не произведено.
На погашение государственного долга израсходовано........... 8684865 »

На текущие расходы, следовательно, израсходовано............. 66584566 тал.
Превышение законной суммы .... 15721416 тал.
В 1843 г. расходы составляют .... 79102787 тал.
В государственную казну и на погашение государственного долга .... 8261981 »

Итак, на текущее управление .... 70840806 тал.
Сверх законной суммы .... 50863150 »

израсходовано .... 19977656 тал.
В 1844 г. расходы составляют .... 78243308 тал.
Из них в государственную казну и на уплату процентов и погашение долга........... 9252605 »
Итак, текущие расходы составляют .... 68990703 тал.
т. е. сверх суммы .... 50863150 »

израсходовало .... 18127553 тал.
В 1845 г. расходы составляют .... 77903361 тал.
В государственную казну отчислений не произведено.
На погашение государственного долга израсходовано .... 7267082 тал.

Итак, текущие расходы составляют .... 70636279 тал.
т. е. сверх суммы .... 50863150 »

израсходовано .... 19773129 тал.

В 1846 г. расходы составляют .... 78562335 тал.
В государственную казну отчислений не произведено.
На погашение государственного долга израсходовано .... 7423831 »

Расходы текущего управления составляют .... 71138504 тал.
Итак, сверх законной суммы .... 50863150 »
израсходовано .... 20275354 тал.

В 1847 г. расходы составляли .... 80392730 тал.
Из них на помощь нуждающимся израсходовано .... 6207650 »
На погашение государственного долга .... 7209192 »

Итого .... 13416842 тал.

Итак, расходы текущего управления составляют............... 66975888 тал.
т. е. сверх законной суммы .... 50863150 »
израсходовано .... 16112738 тал.

Итого превышение за эти годы .... 135999646 тал.

В продолжение последних восьми лет, при министрах Альвенслебене, Бодельшвинге, Флотвеле и Дуэсберге, почти сто **тридцать шесть миллионов талеров незаконным образом** растрачены из государственных денег, т. е. из народного достояния, из средств бедняков! И эти господа разгуливают на свободе, украшенные звездами и орденами, да еще занимают, как Флотвель, высокие государственные посты! На днях в газетах сообщалось, что один судебный чиновник — он слыл за демократа — был подвергнут аресту по обвинению в том, что он вручил не по принадлежности 50 талеров. 50 талеров и 136 миллионов!

Возможно, что установленная в 1820 г. сумма больше не соответствует государственным потребностям последнего времени. В таком случае правительство должно было бы открыто выступить и *законно* установить новый бюджет. Но этого оно не хотело, этого оно не посмело сделать. Не хотело оно этого ввиду своих абсолютистских стремлений; не посмело оно этого сделать, потому что боялось разглашать тайны финансового

ведомства. Смотры в присутствии королевы Виктории, крестины, свадьбы, церкви, иерусалимское епископство, старые, полузабытые грамоты Фридриха II, рыцарские замки, каски, гвардии лейтенанты, юнкера, попы и бюрократы и т. д. и т. д.— какую роль эти бедствия для народа играют и играли в прусских финансах, этого не полагается знать народу. Так тайно велось *прусское* хозяйство, и министры становились преступниками даже перед лицом существующего закона. Правда, пока еще не нашлось судей для них.

В какой мере прусское финансовое хозяйство при Фридрихе-Вильгельме IV истощило государственную казну, видно из следующих данных:

1840 г. Кассовая наличность
с предыдущих лет .... 16949157 тал.
Годовой доход .... 71059475 »

Всего .... 88008632 тал.

Годовой расход .... 77165022 »

Остается наличность .... 10843610 тал.

1841 г. Кассовая наличность
с предыдущих лет .... 10843610 тал.
Годовой доход .... 71987880 »

Всего .... 82831490 тал.

Отсюда вычесть годовой расход .... 74185443 »

Остается наличность .... 8646047 тал.

(Составленная Альвенслебеном роспись в Собрании узаконений заканчивается суммой 55867000 талеров как в приходной, так и в расходной части!)

1842 г.. Кассовая наличность
с предыдущих лет .... 8646047 тал.
Годовой доход .... 73876338 »

Всего .... 82522385 тал.

Годовой расход .... 75269431 »

Остается наличность .... 7252954 тал.

1843 г. Кассовая наличность
с предыдущих лет .... 7252954 тал.
Годовой доход .... 73822589 »

Всего .... 81075543 тал.

Годовой расход .... 79102787 »

Остается наличность .... 1972756 тал.

1844 г. Кассовая наличность с предыдущих лет	1972756 тал.
Годовой доход	75976613 »
Всего	77949369 тал.
Годовой расход	78243308 »
Дефицит	293939 тал.
1845 г. Годовой доход	77025034 тал.
За вычетом дефицита 1844 г.	293939 »
Остается	76731095 тал.
Годовой расход	77903361 »
Итак, дефицит	1172266 тал.
1846 г. Годовой доход	75721698 тал.
За вычетом дефицита 1845 г.	1172266 »
Остается	74549432 тал.
Годовой расход	78562335 »
Итак, дефицит	4012903 тал.
(Рескриптом от 3 февраля созывается первый Соединенный ландтаг, но он не разрешает кредита.)	
1847 г. Годовой доход	79518543 тал.
За вычетом дефицита 1846 г.	4012903 »
Остается	75505640 тал.
Годовой расход	80392730 »
Итак, дефицит	4887090 тал.

Для покрытия необходимых расходов *берут из государственной казны* 4000000 талеров, и таким путем приход повышается до 83518543 талеров. Таким образом, *старое правительство вступило в 1848 год с дефицитом в главной государственной кассе* и *с опустошенной государственной казной.* Кассовая наличность за эти 6 лет — с 1840 по 1847 г. — свелась с излишка в 16949157 к дефициту в 4887090, т. е. уменьшилась на 21836247 талеров.

Доходы за 8 лет составляли	598988170 тал.
Расходы	620824417 »
Дефицит, следовательно, равен вычисленной выше сумме	21836247 тал.

Это уменьшение наличности невозможно дольше отрицать, хотя правительство и старается скрыть его, перенося остатки доходов и расходов с одного года на другой, и делается это в такой форме, что, вместо имеющегося уже дефицита, в отчетах

выводится еще ложный актив. Таким образом, в «мирное время», при полном «спокойствии» и «порядке», прусские финансы были разорены прусским правительством. Когда начались движения 1848 года и денежный рынок пришел в состояние депрессии, государство не только не могло оказывать поддержку частным лицам, но требовало даже новых жертв для своего дальнейшего существования. Этим господа буржуа обязаны прусским экс-министрам и их сообщникам. Если бы они не совершили указанных должностных преступлений, вместо дефицита было бы 136 миллионов талеров наличными деньгами, которыми можно было бы поддержать кредит. Вот он, причиненный убыток, о котором говорит § 333 прусского уголовного законодательства.

Дефицит в главной государственной кассе — а доходы какие! Из года в год мы отмечали доход от 71 миллиона до 80 миллионов. Но ведь это только *чистый* доход, это — поступления разных ведомств уже *за вычетом издержек по управлению.* В налоговом, таможенном, почтовом, лесном и т. д. ведомствах все относящиеся к этим отраслям управления жалованья, канцелярские расходы и т. д. заранее вычтены, и только чистый остаток поставлен в приход. Но страна ведь должна была дать средства на жалованье для служащих и на канцелярские расходы в налоговом, лесном, почтовом и т. д. ведомствах, а также на награды и подарки обер-президентам и генералам, находящимся на действительной службе. Эти заранее списанные издержки управления составляют в бюджете на 1847 г. сумму в 20887541 талер. Если их прибавить, то годовой приход составлял от 90 до 100 миллионов, а годовой расход — даже свыше 100 миллионов талеров. Такие громадные суммы давал народ — и в результате пустая государственная казна!

Королевский указ от 20 января 1820 г. содержал, как мы видели, предписание о должностных обязанностях министров. Г-н фон Бодельшвинг — иначе к этому нельзя отнестись — сознательно и умышленно нарушал это предписание. Он, стало быть, вторично подпадает под действие вышеупомянутого § 333, разд. 20, ч. II прусского права. По закону ему полагается *отстранение, от должности, денежный штраф или заключение в крепости* и *лишение права занимать всякие государственные должности.* Так как он причинил стране величайший убыток, к нему должна быть применена высшая допускаемая законом степень лишения свободы.

Экс-министры фон Альвенслебен, Флотвель и фон Дуэсберг находятся точно в таком же положении.

Что эти господа экс-министры обязаны возместить стране нанесенный ей убыток, т. е. незаконно издержанные 136 миллионов

талеров, вытекает уже из гражданского законодательства. По этому поводу уголовное законодательство, §341, разд. 20, ч. II прусского права гласит:

«Если чиновник не может возместить государству или третьему лицу убытков, умышленно причиненных им в связи с нарушением обязанностей, он *оставляется, по отбытии наказания, на принудительной работе е государственном учреждении* до тех пор, пока тем или иным способом не будет возмещен причиненный им убыток».

Еще одна мелочь! Из бюджетных излишков были переданы в государственную казну:

По бюджету на 1840 г.		613457	тал.
» » »	1841 »	2837000	»
» » »	1843 »	1000000	»
» » »	1844 »	2000002	»
Итого		6450459	тал.

По отчетам же государственной казны переведено в государственную кассу из бюджетных излишков с 1 июля 1840 г. только 6423332 талера. Следовательно, в главной государственной кассе значится *перечисленными в государственную казну* на 27127 талеров* больше, чем *в казну поступило.* Г-н фон Альвенслебен, г-н фон Бодельшвинг, г-н Флотвель и г-н фон Дуэсберг, где эти 27127 талеров? Надеемся, они не похищены?

Найдется ли для господ экс-министров прокурор и судебная коллегия? А пока г-н фон Бодельшвипг — член второй палаты!

Написано К. Марксом 16 фееераля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 224, 17 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* В «Neue Rheinische Zeitung» было ошибочно напечатано «17127 талеров»! опечатка была исправлена редакцией в статье «Еще раз о прусском финансовом хозяйстве» (см. настоящий том, стр. 331). *Ред.*

ШТЕЙН

Кёльн, 16 февраля. Бреславльский *«Союз сторонников законного порядка»* (союз «с богом за короля и отечество») обращается к д-ру Юлиусу Штейну с открытым посланием, в котором, между прочим, сказано, что «Neue Rheinische Zeitung» так же, как и бравые бреславльские филистеры, была введена в заблуждение консервативными выступлениями г-на Штейна и «признала его погибшим для дела демократии».

Мы — сторонники решительной позиции. Мы никогда не заигрывали с какой-либо парламентской партией. Партия, которую *мы* представляем, партия народа, существует в Германии пока только в зачаточном виде. Но там, где идет речь о борьбе с *существующим правительством,* мы заключаем союз даже с нашими врагами. С официальной прусской оппозицией в том ее виде, как она сложилась при существовавших до сих пор в Германии жалких условиях духовного развития, мы считаемся как с фактом, и поэтому во время предвыборной борьбы мы даже отодвинули на задний план *наши* собственные взгляды[223]. Теперь, *после* выборов, мы снова отстаиваем нашу прежнюю непримиримую точку зрения не только по отношению к правительству, но и по отношению к официальной оппозиции.

«Союз сторонников законного порядка» заблуждается. Мы не считаем гг. Штейна, Вальдека и К° «погибшими для дела демократии». Мы всегда поздравляли демократию с тем, что гг. Штейн, Вальдек и К° не являются ее представителями.

В одном из первых номеров нашей газеты мы заявили, что крайняя левая берлинского согласительного собрания составила бы. за исключением трех-четырех человек, крайнюю

правую в Конвенте[224]. Штейна и Вальдека мы никогда не относили к числу этих трех-четырех человек.

Что касается самого г-на Штейна, то мы помним то время, когда он выступал против республиканцев в качестве фанатичного конституционалиста, когда он в «Schlesische Zeitung»[225] *занимался* самыми настоящими *доносами* на представителей рабочего класса и *использовал для этой цели* одного учителя, своего единомышленника и теперешнего члена «Союза сторонников законного порядка».

Такой же жалкой, как само собрание соглашателей, была и так называемая демократическая фракция этого собрания. Можно было предвидеть заранее, что эти господа признают октроированную конституцию, дабы вновь быть избранными. Для взглядов этих господ характерно, что они *после* выборов отрицают в демократических клубах то, что отстаивали *до* выборов на собраниях выборщиков. Эта мелочная, плутоватая либеральная изворотливость никогда не была присуща дипломатии революционеров.

Написано 16 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 225, 18 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВЕНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «KOLNISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 17 февраля. Одной загадкой меньше в мировой истории! Г-н Шванбек, который пишет редакционные статьи в «Kolnische Zeitung» под значком Δ и одновременно помещает в той же «Kolnische Zeitung» корреспонденции из *Вены* под значком ΔΔ, как известно, в тех и других статьях из кожи вон лез, клевеща на мадьяр, обвиняя их в трусости и подлости, и не только разбивал их, но и неоднократно уничтожал, восторженно приветствуя вступление объединенной армии в сопровождении военно-полевых судов в различные города и комитаты Венгрии.

Г-н Шванбек теперь сам разрешил загадку; подобно Ахиллесу, наш Шванбек только сам может залечивать нанесенные им раны.

Каково же решение загадки? — *Страх перед Вельденом.* Этим объясняется оплевывание венцев и мадьяр, жалкая ложь о военных успехах австрийцев, пресмыкание и заигрывание с хорватами и пандурами.

Ибо,—говорит знаменитый Шванбек,—ибо, говорит он:

«До сих пор комендант барон Вельден буквально называл лжецами и удостаивал почетного титула *злодея* тех, которые осмеливались усомниться в победоносном продвижении императорской армии во *всех* пунктах монархии» («Kolnische Zeitung» № 40).

Из-за почтения к Вельдену читатели «Kolnische Zeitung» должны были в течение двух месяцев читать лживые венские корреспонденции под значком ΔΔ о войне в Венгрии.

Гёте сказал о *Пусткухене:*

«Ведь даже у кита есть вши, так мне ли быть от них свободным»[226]. То же самое может сказать *Кошут о Шванбеке.*

Написано Ф. Энгельсом 17 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 225, 18 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗЕДТ

Кёльн, 17 февраля. В каждом местечке есть свой esprit fort[*]; среди кёльнской прокуратуры тоже имеется таковой. Esprit fort кёльнской прокуратуры — некий *Зедт,* homo novus atque ignotus[**] (иначе говоря: глубокий мыслитель).

Существует двоякого рода смелость: смелость превосходства и смелость умственного убожества, черпающая силу из своего официального положения, из сознания, что она пользуется в борьбе привилегированным оружием и т. д. Какого рода смелость из этих двух проявил esprit fort кёльнской прокуратуры в своей вчерашней обвинительной речи против Кинкеля[227], публика решит сама, когда будут опубликованы протоколы судебных заседаний. Она учтет при этом, что г-н Зедт еще молод.

Однако мы пренебрегли бы нашим журналистским долгом, если бы тотчас же не познакомили европейскую публику с *одним* изречением нашего esprit fort. Мы знаем, что Демосфен кёльнской прокуратуры пытался сгладить это место своей речи последующей интерпретацией. Но мы слишком высоко ценим непосредственные откровения вдохновенного гения, чтобы допустить искажение и ослабление их посредством комментариев — результата более поздней рефлексии.

Г-н *Зедт,* заместитель государственного прокурора, заявил:

По-немецки: «Sie durfen Alles, was ich sage, widerlegen, aber sie durfen meinen Vortrag nicht kritisieren»[***].

[*] — светлый ум. *Ред.*
[**] — человек новый и неизвестный. *Ред.*
[***] — «Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права критиковать мою речь». *Ред.*

По-французски: M. *Saedt,* substitut du procureur du roi s'adressant a l'accuse:

«Libre a vous de refuter tout ce que je viens de dire, mais il ne vous appartient pas de critiquer le requisitoire d'un substitut du procureur du roi». (Avis a la «Reforme», a la «Republique» et a la «Revolution»[228].)*

По-английски: The queen's counsel, Mr. *Saedt,* to the defendant:

«You may refute all I say, but you have no right to criticize my speech». (NB. Our English contemporaries, principally the «Northern Star»[229], are requested to publish the above.)**

По-итальянски: Sig. *Saedt,* accusatore publico, replico:

«Dite quanto volete in rifutazione di questo che ho detto, ma vi e difeso di criticare il mio requisitorio». (Avviso all' «Alba», al «Contemporaneo» ed alla «Concordia»[230].)***

По-испански: El fiscal, Sennor *Saedt,* dijo, hablando al acusado:

«Sennor, Vmd puede refutar todo que ho dicho; pero el que vengo de decir por requisitorio, es defendido de tocarlo». (Pregamos los jornales radicales de Madrid de publicar esas lineas.)****

По-датски: «De kunne gjensige alt hvad jeg siger, men De have intet Ret at kritisere mit Requisitoire (Angreb)». (De danske demokratiske Tidender ville vaere meget glaedt at meddele det danske Publikum den foregaaende Bewiis af de preussiske Magistraters Saudhed.)*****

Пусть г-н Зедт решит сам, на каком языке его изречение звучит забавнее всего.

Написано 17 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 225, 18 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Г-н *Зедт,* заместитель королевского прокурора, обращаясь к обвиняемому:

«Вы можете опровергать все, что я сказал, но вы не имеете права критиковать обвинительную речь заместителя королевского прокурора». (К сведению «Reforme», «Republique» и «Revolution».) *Ред.*

** — Королевский советник, г-н *Зедт,* заявил обвиняемому:

«Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права критиковать мою речь». (NB. Просим наших современников англичан, и в особенности «Northern Star», перепечатать эти слова.) *Ред.*

*** — Г-н *Зедт,* государственный обвинитель, возразил:

«Вы можете говорить, что вам угодно, в опровержение сказанного мною, но вы не имеете права критиковать мою обвинительную речь». (К сведению «Alba», «Contemporaneo» и «Concordia».) *Ред.*

**** —Прокурор, г-н *Зедт,* заявил, обращаясь к обвиняемому:

«Сеньор, ваша милость может опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права касаться того, что мною сказано в обвинительной речи». (Просим радикальные газеты Мадрида перепечатать эти строки.) *Ред.*

***** — «Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права критиковать мою обвинительную речь». (Датские демократические газеты охотно познакомят датскую публику с этим заявлением, свидетельствующим о правдивости прусских чиновников.) *Ред.*

«KOLNISCHE ZEITUNG» О БОРЬБЕ МАДЬЯР

Кёльн, 17 февраля.

«Я, наконец, нащупал почву,
Засел в ней крепко якорь мой», —

поет храбрый Шванбек по книге протестантских песнопений. Возмущенный поборник добродетели, несмотря на «австрийскую ноту» и «чувство глубочайшего возмущения», в конце концов выступает на *первой странице* «Kolnische Zeitung» в защиту Виндишгреца. Слушайте:

«Так называемая демократическая печать Германии стала в австро-венгерском конфликте на сторону мадьяр... Как странно, однако! Немецкие демократы на стороне той аристократической касты, для которой, несмотря на XIX век, ее собственный народ всегда был misera contribuens plebs*; немецкие демократы на стороне самых наглых угнетателей народа!»

Не помним точно, обращали ли мы уже внимание читателей на одну характерную особенность храброго Шванбека, а именно на то, что у него имеется привычка говорить одними только заключениями без посылок. Приведенная выше фраза как раз является таким заключением, причем посылка, из которой оно было выведено, так и не увидела света.

Но если бы даже мадьяры были «аристократической кастой» «самых наглых угнетателей народа», то что отсюда следует? Разве Виндишгрец, убийца Роберта Блюма, стал от этого хоть

* — жалким народом, платящим налоги. *Ред.*

на йоту лучше? Разве рыцари «объединенной монархии», завзятые враги Германии и друзья Шванбека — Виндишгрец, Елачич, Шлик и иже с ними, хотят *подавить* «аристократическую касту» и ввести свободное крестьянское землевладение? Разве чехи и хорваты борются за рейнское парцельное землевладение и за Code Napoleon*?

В 1830 г., когда поляки восстали против России, была ли речь о том, что во главе восстания стояла «аристократическая каста»? Тогда прежде всего шла речь о том, чтобы изгнать чужеземцев. Вся Европа была на стороне «аристократической касты», которая несомненно возглавляла движение, так как польская дворянская республика была все-таки колоссальным шагом вперед по сравнению с русским самодержавием. И разве французский избирательный ценз 1830 г., монополизировавший избирательное право в руках 250 тысяч человек, не был по существу таким же орудием политического порабощения misera contribuens plebs, как и господство дворянства?

Допустим, что мартовская революция в Венгрии была чисто дворянской революцией. Разве это дает австрийской «объединенной» монархии право угнетать венгерское дворянство, а тем самым и венгерских крестьян так, как она угнетала галицийских дворян, а *при их помощи* и галицийских крестьян (см. протоколы заседаний львовского ландтага за 1818 г.)? Но, конечно, великий Шванбек не обязан знать, что большинство венгерских дворян, как и большинство польских дворян, — сущие пролетарии, все дворянские привилегии которых сводятся к тому, что их нельзя подвергать телесному наказанию.

Великий Шванбек, конечно, еще менее обязан знать, что Венгрия — единственная страна, в которой со времени мартовской революции и по закону и фактически совершенно отменены феодальные повинности крестьян. Великий Шванбек объявляет мадьяр «аристократической кастой», «самыми наглыми угнетателями народа», «аристократами», и тот же самый великий Шванбек не знает или не желает знать, что мадьярские *магнаты,* Эстергази и т. д., дезертировали в самом начале войны и отправились на поклон в Ольмюц и что как раз «аристократические» офицеры мадьярской армии с начала борьбы и по сей день ежечасно предавали национальное дело! Иначе почему большинство палаты депутатов еще поныне находится у Кошута в Дебрецене, причем среди них имеется всего лишь одиннадцать магнатов?

---

* — Кодекс Наполеона. *Ред.*

Таков Щванбек на *первой* странице, Шванбек, поющий дифирамбы в передовой статье. Но Шванбек третьей страницы, человек, шесть раз штурмовавший Леопольдштадт*, четырежды занимавший Ессег** и неоднократно форсировавший Тиссу, Шванбек-стратег тоже захотел сказать свое слово.

«Но затем война приняла плачевный, поистине жалкий оборот. Почти без борьбы мадьяры сдали одну за другой все свои позиции; не оказав никакого сопротивления, они даже оставили свою укрепленную столицу, и хорваты Елачича вынудили их отступить за Тиссу».

«Почти без борьбы»— т. е. после того, как мадьяры в течение *целых двух месяцев задерживали* австрийцев в районе между Лейтой и Тиссой, они отступили «почти без борьбы». Бравый Шванбек оценивает значение полководца не по *материальным* результатам его борьбы, а по тому, как велики его потери в людях!

«Не оказав никакого сопротивления, они оставили свою укрепленную столицу!» Но надо знать, что *Офен****, действительно укрепленный с запада, не имеет никаких укреплений с восточной стороны. Дунай был покрыт льдом, и австрийцы с кавалерией и обозами переправились на другую сторону, заняли Пешт и уже оттуда артиллерийским огнем обстреляли незащищенный Офен.

Если бы Дёйц не был укреплен, а Рейн был покрыт льдом и если бы французская армия, воспользовавшись этим, перенравилась через Рейн в районе Весселинга и Воррингена и выставила бы у Дёйца 100 пушек против Кёльна, то храбрый Шванбек, вероятно, также посоветовал бы полковнику Энгельсу защищать Кёльн до последнего солдата. Храбрый Шванбек!

«Хорваты Елачича вынудили» мадьяр «отступить за Тиссу». И великий Шванбек будет отрицать, что эти «хорваты» насчитывают 250—300 тысяч солдат, в состав которых входят корпуса Виндишгреца, Елачича, Гёца, Чорича, Симунича, Нугента, Теодоровича, Пухнера и т. д. и т. д., а также нерегулярные части, расположенные у реки Дравы и в Банате? И все это — «хорваты Елачича»?! Впрочем, нетрудно понять, что Щванбек, соплеменник хорватов и плохой знаток истории и географии, является поклонником хорватов.

Однако: «мы тоже отнюдь не считаем официальные сводки австрийской ставки *каким-то евангелием»*. Наоборот, Шванбек время от времени находит, например, в сводках Шлика

---

* Район Вены. *Ред.*

** Хорватское название: Осиек. *Ред.*

*** Венгерское название: Буда. *Ред.*

«пробелы, которые читатели должны заполнять *всякими догадками* и *в конце концов нет ничего удивительного (!!)* в том, что эти догадки *рисуют положение вещей гораздо хуже, чем оно есть на самом деле!!!»* «Мы подозреваем и Пухнера в том, что его сводки представляют дело *в слишком розовом свете.* Если верить этим сводкам, то его поход против «мятежного генерала» близок к победоносному завершению. Между тем мы *к нашему величайшему удивлению (!)* неожиданно читаем воззвание Пухнера, в котором он заклинает саксов и валахов во имя всего святого не терять мужества, и неожиданно узнаем, что разбитый Бем внезапно оказывается у Германштадта*, в центре области, населенной саксами, а бедные немцы (!!) в конечном счете не могут придумать ничего лучшего, как искать защиты у русских. *Получается небольшое противоречие между официальными сводками и событиями,* противоречие, в котором повинна исключительно *неточность (!!)* официальных сводок».

Гражданин Шванбек признает, что австрийские сводки, а вслед за ними и «Kolnische Zeitung», бесстыднейшим образом лгали о мнимых успехах австрийцев; когда же ложь становится уж настолько явной, что отрицать ее абсолютно невозможно, правдолюбивый Шванбек называет это «небольшим противоречием между официальными сводками и событиями!»

«Но если мы отнюдь не относимся к сводкам австрийской армии как к изречениям оракула, то от этого победные венгерские сводки ровным счетом ничего не выигрывают в наших глазах» (созерцающих вышеуказанное «небольшое противоречие»). «Эти сводки продиктованы *фантазией,* и их можно было бы читать с удовольствием, если бы только они не были так *невероятно смехотворны».*

Эти «сводки» настолько «невероятно смехотворны», что они до сих пор не сообщили ничего, что по существу не был бы вынужден признать сам великий Шванбек. Или, быть может, Токай находится в руках Шлика? Форсировал ли хоть один австриец Тиссу у Сольнока? Продвинулись ли императорские войска за 14 дней хоть на один шаг?

Только что полученная нами австрийская сводка № 22 (см. ниже)[231] делает излишним всякий ответ со стороны гражданина Шванбека. Из нее мы узнаем, что австрийцы еще не дошли даже до тех пунктов, о которых сообщали сводки №№20 и 21.

«Ничего не поделаешь: война в Венгрии гигантскими шагами приближается к концу». Это ясно. Шванбек еще 14 дней тому назад писал: «Война в Венгрии идет к концу. Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus**». Эти слова были написаны в тот самый день, когда Шванбек в первый раз возвестил, будто австрийцы победоносно вступили в Дебрецен. С тех пор прошло 14 дней,

* Румынское название: Сибиу. *Ред.*

** — Рожают горы, родится жалкая мышь. (Соответствует русской поговорке «гора родила мышь».) *Ред.*

и, несмотря на «страшное хвастовство» мадьяр, австрийцы до сих пор даже не форсировали Тиссу, не говоря уже о том, что они не взяли Дебрецен.

«Никого не должно удивлять, что отряд Бема, к которому присоединяются бегущие со всех сторон толпы отступающих венгров, превратился в армию, перед которой не могут устоять малочисленные императорские войска в Трансильвании».

Отнюдь нет! Но нас удивляет, как можно говорить о «бегущих со всех сторон толпах отступающих венгров» в то время, как венгры занимают линию Тиссы и Мароша и гражданину Шванбеку, несмотря на его горячие молитвы, не удалось протащить через эту линию ни одного австрийца; далее, нас удивляет, что «отступающие толпы» неожиданно образуют армию, а преследующие их войска не оказываются тотчас же на месте, чтобы выбить их из новых позиций. Или, может быть, великий Шванбек считает, что венгры, раз навсегда разбитые в его туманной фантазии, будут без оглядки бежать от Дуная до Алюты*, не интересуясь тем, преследуют ли их или нет?

Гражданин Шванбек превратил себя в Карно XIX столетия, открыв новый маневр, с помощью которого бегущие со всех сторон *толпы отступающих* могут внезапно превращаться в *победоносную армию.*

Эта новая победоносная армия может, конечно, вызвать серьезные осложнения. Но, — пишет Шванбек, —

«посмотрим, каким образом Россия произнесет здесь свое вето».

Храбрый Шванбек, взывающий сейчас к помощи России против мадьяр, — это тот самый Шванбек, который 22 марта прошлого года разразился полной нравственного возмущения статьей против русского царя, тот самый Шванбек, который тогда заявил, что если Россия вмешается в наши дела (а ведь дело мадьяр — это безусловно наше дело), то он, Шванбек, издаст такой клич, от которого *содрогнется царский трон.* Это тот самый Шванбек, на которого в «Kolnische Zeitung» искони была возложена обязанность с помощью вовремя проявляемой ненависти к русским и надлежащего осторожного свободомыслия спасать либеральную репутацию «Kolnische Zeitung» в безопасных странах Восточной Европы. Но восточноевропейские осложнения, очевидно, действуют на него гнетущим образом, и для того, чтобы всецело отдаться «чувству глубочайшего возмущения» по поводу австрийской ноты, он призывает русских в Трансильванию для окончания борьбы.

* Румынское название: Олт. *Ред.*

Лучшим ответом на всю эту нравоучительно-крикливую статью в духе Виндишгреца является 22-я сводка австрийской армии, которую наши читатели найдут ниже. Дабы разъяснить смысл этой сводки Шванбеку, который на протяжении всей статьи проявляет то безграничное невежество по части географии и стратегии, то зависимость от «Neue Rheinische Zeitung», мы одновременно печатаем и наши комментарии к сводке.

Написано Ф. Энгельсом. 17 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 225, 18 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Па русском языке полностью публикуется впервые

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ [232]

Итальянское Учредительное собрание — это не франкфуртское Национальное собрание. Итальянцы знают, что страна, раздробленная на ряд феодальных государств, может быть воссоединена не иначе как путем уничтожения власти государей. Итальянцы первыми начали движение в 1848 году, они же начинают его первыми и в 1849 году. Но какой прогресс! В Италии нет больше Пия IX, как во Франции нет Ламартина. Богатый иллюзиями период европейской революции, период мечтаний, благих намерений и цветистого красноречия достойным образом закончился артиллерийским обстрелом, массовыми убийствами и высылками. Австрийские ноты, прусские ноты, русские ноты явились наиболее подходящими ответами на обращения Ламартина.

Немцы со своей основательностью и упорством привыкли с высокомерным презрением пифии смотреть сверху вниз на поверхностных итальянцев. Сравнение итальянского 1848 года с немецким 1848 годом явилось бы лучшим ответом немцам. При таком сравнении следовало бы прежде всего учесть, что революционной Италии угрожали Германия и Франция, тогда как революционная Германия нисколько не была стеснена в своих действиях.

Республика в Риме! — вот начало революционной драмы 1849 года.

Написано около 21 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 228, 22 февраля. 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЕЩЕ О СТАРОПРУССКОМ ФИНАНСОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Кёльн, 21 февраля. Мы должны дополнить нашу статью в № 224 нашей газеты о Бодельшвинге и компании и о прусском финансовом ведомстве*. В конце этой статьи мы указали на то, что в роспись государственной казны записано было на 27127 талеров (17127 — это была опечатка) меньше, чем было перечислено в казну по отчетам главной государственной кассы. После этого мы в опубликованных правительством отчетах нашли запись, разрешающую загадку, куда девались эти деньги.

Оказывается, что так называемые сбережения в расходах по управлению за 1844 г. в сумме 2000002 талера не были перечислены наличными в кассу государственной казны, а на эту сумму были куплены прусские казначейские обязательства [Staatsschuldscheine]. Так как курс на них был тогда неблагоприятный, то при покупке оказался убыток в 27127 талеров. Прусские министры являются — или были раньше — блестящими финансистами! Это явствует и из данного случая. Следовательно, нам незачем уже спрашивать господ экс-министров, куда девались эти 27127 талеров. Мы можем им только сказать, что их оборотливость обошлась нам на одном этом деле даже не в 27000, а свыше 400000 талеров. Этот упрек относится прежде всего к г-ну Флотвелю, ибо он был тогда министром финансов. Возможно, что он честный человек. Но для страны все равно, приносят ли ей ее министры убыток из-за своей неспособности или по злой воле. Расследование этого вопроса может

* См. настоящий том, стр. 307—317. *Ред.*

представлять интерес разве только для родственников этого министра.

В своей докладной записке о государственной казне от 6 апреля 1847 г. тогдашний министр казначейства фон Типе совершенно откровенно заявляет, что в отношении государственной казны установлены следующие два основных правила:

1) что наличность ее всегда должна быть в *звонкой монете;*

2) что из государственной казны не должны производиться никакие платежи, кроме как в целях вооружения.

Что касается первого правила, то если вообще должна существовать государственная казна, она, конечно, только в том случае имеет смысл, если в ней хранятся *наличные деньги или благородные металлы.* Правительство, которое не имеет возможности опираться на народ, должно на всякий случай располагать в так называемые трудные времена каким-нибудь резервом. Когда его кредит начинает колебаться и на бирже, оно должно иметь в запасе средство для того, чтобы выйти из этого затруднительного положения, а этого можно достигнуть только при помощи наличных денег или благородных металлов. Золото и серебро во все времена являются ключом к сердцу буржуазии. Обесцененные же государственные бумаги являются самым верным путем к тому, чтобы потерять также и «уважение» биржи. Когда государственный кредит так сильно падает, что появляется нужда в поддержке со стороны государственной казны, нет ничего более унизительного, как предлагать на бирже казначейские обязательства и искать для них покупателей. Кто когда-нибудь наблюдал жизнь крупной биржи, тот знает, какое презрение выражают лица и жесты денежных спекулянтов, когда им предлагают государственные бумаги при падающем государственном кредите. Впрочем, такой спекулянт может быть тайным коммерции советником, и даже весьма «благонамеренным».

Следовательно, приобретение казначейских обязательств было самой неудачной операцией, какую могло предпринять прусское правительство.

Г-н фон Тиле заявляет в указанной выше докладной записке, что он *вынужден* был принять на 1972875 талеров казначейских обязательств вместо 2000002 талеров наличными деньгами. Мы не придаем никакого значения объяснению, что он якобы был «вынужден» это сделать. Но если отчеты верны, то закупка государственных бумаг произведена была главной государственной кассой. В противном случае вся сумма была бы передана наличными деньгами в государственную казну. Следо-

вательно, г-н Флотвель имел, по-видимому, близкое отношение к этой удачной финансовой операции.

Как мелкобуржуазная скаредность, которая стремится сэкономить кое-что на процентах, но не доросла до крупных финансовых предприятий государственного масштаба, приводит к тому позорному концу, когда получается вдвое больший убыток, — это видно из следующих цифр.

К убытку при покупке по сравнению с номинальной ценой ....27127 тал.

следует прибавить гораздо больший убыток при продаже. С марта до начала июля 1848 г. курс казначейских обязательств колебался между 66% («покупатели») (4 апреля) и $83^1/_2$% («продавцы») (21 марта). А так как курс падает тотчас же, как только в продаже появляется большое количество бумаг, то нужно полагать, что правительство продало свои казначейские обязательства не дороже 70% их цены. Таким образом, при продаже понесен убыток, который составляет, вероятно, не менее 30% номинальной стоимости в 1972875 талеров, т. е. ....591840 тал.

Итого ....618967 тал.

убытка. Отсюда надо вычесть проценты за 3 года по 69048 талеров, что составляет ....207144 тал.

Итак, чистый убыток, по-видимому, составляет сумму ....411823 тал.

Почти $^1/_4$ всей суммы потеряна, и к тому же государственный кредит еще более подорван ввиду падения курса казначейских обязательств.

Мы остановились на этом небольшом образчике мудрости прусских министров финансов и государственной казны a la* Флотвель — Тиле только потому, что он служит прекрасным дополнением к нашей указанной выше статье. Иначе мы не занимались бы подобными мелочами, когда крупные события дают нам столь богатый материал.

Написано К. Марксом 21 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 229, 23 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — вроде. *Ред.*

ДОНОС

Кёльн, 22 февраля. В «Oberpostamts-Zeitung»[233] прежний редактор которой был платным агентом Гизо (ср. «Revue rеtrospective» Ташеро[234]) и бесплатным агентом Меттерниха, как и вся почта Турн-унд-Таксиса — эта система национальных извозчиков, которая угнетающим образом действует на немецкую промышленность, ведет борьбу с железными дорогами и тянет нас назад, эта система, существование которой после мартовской революции совершенно бессмысленно и немедленное уничтожение которой должно быть одним из первых мероприятий будущего германского Учредительного собрания (Собрание в соборе св. Павла*, как известно, никогда не было учредительным), эта система еще со времени Иосифа II являлась не чем иным, как прибежищем для австрийских шпионов, — в этом имперском органе доносчиков, принадлежащем бывшему князю Турн-унд-Таксис, ответственный редактор Г. Мальтен (которого достаточно ясно охарактеризовала еще старая «Rheinische Zeitung»[235]) заявляет следующее, утверждая при этом, что он перепечатывает парижскую корреспонденцию из газеты, которую мы не читаем[236]:

«К стыду для немцев, мы должны признать, что существуют такие немцы, которые занимаются среди нас агитацией в самой широкой, чтобы не сказать самой бесстыдной форме. Здесь существует особый комитет красных, который в спешном порядке рассылает в провинции всевозможные возмутительные статьи, направленные к подрыву порядка в человеческом обществе. Мало того, что немцы участвуют в этом неблаговидном

* — франкфуртское Национальное собрание. *Ред.*

деле в пользу Франции; им мы обязаны также и тем, что разнузданная пропаганда продолжает раскидывать свои сети по всей Германии. Из бесовского котла той же самой революционной кухни вся немецкая часть долины Рейна наводняется революционными листовками, о которых многое могла бы рассказать «Neue Rheinische Zeitung», предпочитающая, однако, хранить полное молчание по этому вопросу. В южном Бадене низшие слои населения уже в течение нескольких месяцев подвергаются агитации, исходящей из Парижа. Связи здешних демократов с эмигрантами в Швейцарии также являются неоспоримым фактом».

Мы заявляем в ответ на этот гнусный донос: 1) что мы *никогда не скрывали наших* связей с французскими, английскими, итальянскими, швейцарскими, бельгийскими, польскими, американскими и другими демократами и 2) что «революционные листовки», которыми *мы* в самом деле «наводняем немецкую часть долины Рейна» (и не только эту область!), мы изготовляем сами здесь, в Кёльне. Для этого нам не требуется помощи из Парижа; мы уже в течение ряда лет привыкли к тому, что наши парижские друзья получают от нас больше, чем мы от них.

Написано 22 февраля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 229, 23 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ТРОННАЯ РЕЧЬ

I

Кёльн, 28 февраля. Тронная речь, к великому ужасу и досаде «Kolnische Zeitung» с *излишней поспешностью* сообщенная вчера вечером читателям «Neue Rheinische Zeitung», оказалась *аутентичной.* Только одно место было изменено уже ночью — место, относящееся к *осадному положению* в Берлине. Министерство Бранденбурга выбросило, таким образом, самую суть, притупило острие своей речи.

Первоначальная формулировка этого места, сообщенная нами вчера вечером, гласит:

«Для восстановления законного порядка оказалось необходимым объявить в столице и ее ближайших окрестностях осадное положение. Оно не может быть снято до тех пор, пока находящаяся еще под угрозой общественная безопасность, для ограждения которой необходима была эта мера, не будет прочно охраняться твердыми законами. Проекты таких законов будут представлены вам незамедлительно»[237].

Это место, хотя его и затушевали, выдает весь секрет тронной речи. Попросту говоря, это значит: *чрезвычайные* осадные положения будут отменены, как только *всеобщее* осадное положение будет октроировано всему королевству в виде законов и войдет в наши конституционные обычаи. Серия этих «твердых» законов откроется сентябрьским законодательством[238] об ассоциациях и печати[*].

[*] Далее в газете перепечатан текст тронной речи. *Ред.*

II

Кёльн, 1 марта. Прежде всего отметим, что тронная речь встретила полное одобрение «Kolnische Zeitung». По поводу упоминаемых в тронной речи действий правительства она делает некоторые критические замечания, но по поводу самой тронной речи — абсолютно никаких.

«Тронная речь короля — это подлинно *конституционная тронная речь», —* так начинает эта мудрая газета свою передовую статью, в которой она, в сущности, лишь перефразирует тронную речь.

«Конституционная тронная речь»! Впрочем, тем, кто ждал «задушевной речи короля», скучного нравоучительного сердечного излияния, как некогда в Соединенном ландтаге, или тем, кто ожидал бранденбург-врангелевского бахвальства со звоном шпор и самодовольным покручиванием усов, этот документ должен показаться чрезвычайно «конституционным».

Одно несомненно: Мантёйфель гораздо лучше, чем Кампгаузен, справился со своей задачей, совершенно отказавшись от «талантливой декламации» 1847 года. Буржуазный министр представил буржуазно-плоский, тяжеловесный, скучный и по форме и по содержанию документ. Дворянский министр с величайшим добродушием подчиняется скучной конституционной форме, чтобы, пользуясь этой формой, выражаясь легко и плавно, издеваться над палатами и над всем конституционализмом.

Что касается самого существа тронной речи, то, как мы уже вчера упомянули, место о сохранении осадного положения было затушевано, и поэтому от существа речи почти ничего не осталось. Это было единственное место речи, в котором министерство открыто и честно выступило перед палатами.

Принимать всерьез остальную часть тронной речи способна разве только «Kolnische Zeitung» или берлинская «National-Zeitung». Кто отваживается лишь на то, чтобы с благоговением

и торжественным видом наблюдать такое конституционное лицедейство, какое было разыграно третьего дня в Берлине, тот по простоте душевной, разумеется, никогда не поймет, как можно превращать это священнодействие в предмет легкомысленных шуток. Но тот, кого вся эта конституционная комедия так же мало интересует, как г-на Мантёйфеля, тот не будет столь неразборчивым, чтобы принимать au sérieux[*] документ, который министр от имени богом благословенного монарха преподнес третьего дня благоговейно внимавшей публике Белого зала[239].

Думаем, что доставим удовольствие г-ну Мантёйфелю, разъяснив истинный смысл его тронной речи немецкой публике, к сожалению не привыкшей к тонкой игре ума.

Вы ожидаете, что Мантёйфель будет хвастать благополучным исходом осуществленной им контрреволюции, будет угрожать палатам заряженными ружьями, остро отточенными саблями и т. п., наподобие неуклюжего вахмистра à la[**] Врангель. Напротив! Мантёйфель упоминает обо всем этом вскользь, в нескольких фразах, как о чем-то само собой разумеющемся.

«События, которые еще свежи в вашей памяти, господа депутаты первой и второй палат, вынудили меня в декабре прошлого года распустить собрание, созванное для соглашения о конституции. В то же время я — будучи убежден в безусловной необходимости окончательного восстановления прочного публично-правового порядка — даровал стране конституцию, содержание которой точно соответствует данным мною в марте прошлого года обещаниям».

Г-н Мантёйфель говорит так, как если бы речь шла о самом незначительном пустяке — о замене старого сюртука новым, о назначении сверхштатного чиновника или об аресте какого-нибудь «смутьяна». Насильственное перемещение, отсрочка, роспуск суверенного собрания, осадное положение, сабельный режим — словом, весь государственный переворот сводится к «событиям, которые еще свежи в вашей памяти». Совсем как если бы благородный бан Елачич стал рассказывать с самой грациозной непринужденностью о том, как его воины в красных епанчах живьем сжигали жителей той или иной деревни.

И тут же *«точное выполнение* данных мною в марте прошлого года обещаний» — в виде октроированной так называемой конституции! И вы считаете хитрого Мантёйфеля столь ограниченным, чтобы он действительно сказал это всерьез? Allons donc![***]

---

[*] — всерьез. *Ред.*
[**] — вроде. *Ред.*
[***] — Полноте! *Ред.*

Такое начало ошеломляет. Но надо суметь воспользоваться этим первым удивлением, чтобы потом преподнести еще более удивительные вещи. О, г-н Мантёйфель это умеет!

«С тех пор напряженное состояние, которое еще несколько месяцев тому назад переживала большая часть страны, уступило место более спокойному настроению. Столь сильно подорванное доверие снова постепенно восстанавливается. Торговля и промышленность начинают оправляться от угрожавшего им застоя».

Какими глазами посмотрели друг на друга почтенные депутаты, когда услышали это! Торговля и промышленность оправляются! А почему бы и нет? Почему бы тому же самому Мантёйфелю, который может октроировать конституцию, не октроировать и подъем «торговли и промышленности»? Апломб, с которым Мантёйфель изрекает это невероятное утверждение, поистине поразителен. Mais nous marchons de surprise en surprise*:

«Вы знаете, господа, что я предоставил вам право пересмотра конституции. Ваше дело теперь договориться об этом между собой и с моим правительством».

Конечно, господа, «договаривайтесь»! Но в том-то и заключается ирония, что две такие палаты, какие Мантёйфель октроировал «Моему народу», никогда не *могут* «между собой договориться»! Для чего же тогда была бы придумана первая палата? А если бы, господа, вы даже договорились *между собой,* чего никак нельзя ожидать, то вам еще предстоит столковаться с «Моим правительством». А что с ним вы ни до чего не договоритесь — порукой этому Мантёйфель!

Итак, господа депутаты первой и второй палат, вы достаточно уже заняты пересмотром конституции. После того как «Я» на опыте убедился, что *соглашение* между *двумя* контрагентами невозможно, «Я» счел уместным попытаться достигнуть соглашения между *тремя не допускающими соглашения факторами.* Ручаюсь, что вы будете вести таким образом согласительные дебаты до второго пришествия и не подвинетесь вперед ни на йоту; в противном случае Мантёйфель обещает стать сотрудником «National-Zeitung».

Итак, «договаривайтесь», господа!

Но если, вопреки всем человеческим расчетам, вы все же разрешите то, что приличия ради нельзя иначе назвать, как вашей задачей, то тем самым вы еще не подвинетесь ни на шаг вперед. На сей случай «Мое правительство» издало около

* — Но нам преподносят один сюрприз за другим. *Ред.*

дюжины законов «для введения в действие конституции», которые лишают эту конституцию последней тени либерализма. Среди них находятся, между прочим, два цеховых устава[240], которые достойны 1500 года и которые могут задать такому удачно скомбинированному представительному учреждению, как ваше, головоломную работу на десять лет. «Все эти законы будут незамедлительно представлены на ваше утверждение».

Итак, «утверждайте» их, господа!

Но затем «Мое правительство» незамедлительно представит вам проекты касательно осадного положения — сентябрьские законы, gagging laws[241], законы о запрещении клубов и т. д. И пока вы не «утвердите» их — до чего, надо надеяться, дело никогда не дойдет, — осадное положение будет, конечно, продолжаться.

И этим, вы думаете, исчерпаны все предстоящие вам работы? — Отнюдь нет, самое важное еще впереди:

«Сверх того, вам предстоит заняться обсуждением различных законов — частью необходимых для введения в действие конституции, — проекты которых вам будут постепенно представляться. Я особенно рекомендую вашему серьезнейшему вниманию проекты нового муниципального положения, нового положения об окружном, областном и провинциальном устройстве, закона о народном просвещении, закона о церковном управлении, закона о подоходном налоге, закона о поземельном налоге, законов о выкупе поземельных повинностей и о безвозмездной отмене некоторых из них, а также об учреждении рентных банков».

Со всеми этими различными работами, которые вместе составляют около трех дюжин органических законов со многими тысячами параграфов, у вас, господа, будет, бог даст, столько дела, что и пересмотр конституции, и утверждение предварительных законов, и обсуждение предложенных проектов будут выполнены не больше, чем наполовину. Но и в этом случае вы проявите поистине сверхчеловеческую работоспособность. А покуда будет повсеместно продолжаться осадное положение, которое будет введено даже там, где оно еще не существует (кто помешает нам ввести осадное положение во всей Пруссии «по округам»?); а покуда остается в силе октроированная так называемая конституция с октроированными дополнительными законами, остается в силе действовавшее до сих пор никуда не годное муниципальное положение, такое же окружное, областное, провинциальное представительство, по-прежнему будет отсутствовать свобода обучения, остается в силе освобождение высшего дворянства от поземельного налога и барщинные повинности крестьян.

Но чтобы вы не могли жаловаться, вам, сверх всех этих невыполнимых работ, будут предложены еще *два бюджета* —

на 1849 и 1850 годы. Вы вскакиваете со своих мест, возмущенные таким количеством работ? Тем лучше, господа депутаты первой и второй палат. В таком случае «Мое правительство» будет продолжать, на основании октроированной так называемой конституции, взимать существующие теперь налоги до скончания века. К тому же осталось еще немного денег из тех 25 миллионов, которые утвердил Соединенный ландтаг, а если «Моему правительству» понадобятся еще деньги, оно уж само решит, как ему поступить.

Но если бы вы вздумали пойти по стопам распущенного Национального собрания, тогда, господа, я вам напоминаю, что «организация, боеспособность и преданность» прусской армии «выдержали серьезное испытание» — в особенности при большой облаве на соглашателей в ноябре прошлого года.

Итак, господа депутаты первой и второй палат, теперь, когда приняты все меры к тому, чтобы вы, в силу самого состава обеих палат, не могли договориться *между собой,* а в силу состава «Моего правительства» не могли договориться и *с ним,* — когда вам предложена такая беспорядочная груда материалов, что вы, помимо всего прочего, не в состоянии будете разобраться и в малой их доле, когда, таким образом, обеспечено сохранение бюрократически-феодально-военного деспотизма, — теперь запомните, чего ждет от вас отечество:

«Господа депутаты первой и второй палат! С доверием ожидает теперь отечество от совместной работы своих представителей с Моим правительством упрочения вновь установленного законного порядка, чтобы иметь возможность наслаждаться конституционными свободами и их спокойным развитием. Охрана этих свобод и законного порядка — этих двух основных условий общественного благополучия — постоянно будет предметом Моего заботливого попечения, Я рассчитываю в этом деле на вашу помощь. Да послужит ваша деятельность, с божьей помощью, к возвышению чести и славы Пруссии, народ которой, в тесном единении со своими государями, уже не раз благополучно преодолевал трудные времена, и да уготовит она отечеству в узком и широком смысле мирное и благословенное будущее!»

Такова тронная речь гражданина Мантёйфеля. И находятся люди, настолько лишенные вкуса, что они такую ловко разыгранную комедию называют *«конституционной, тронной речью»!*

Поистине, если бы что-нибудь могло побудить г-на Мантёйфеля отказаться от своего портфеля, то разве лишь такое превратное понимание самых благих его намерений!

Написано 28 февраля— 1 марта. 1849 г.

Напечатано в «Nue Rheinische Zeitung» №№ 234 и 235; 1 и 2 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

РУГЕ

Кёльн, 9 марта. В «Deutsche Allgemeine Zeitung»[242] напечатано следующее заявление ее старого сотрудника Арнольда Руге, этого померанца по характеру и саксонца по уму:

«Берлин, 5 марта. Теперешние члены Центрального комитета демократов Германии Д'Эстер, Рейхенбах и Хекзамер объявляют о предстоящем выходе новой демократической газеты под названием «Allgemeine demokratische Zeitung», которая «в *действительности»* будет органом партии в Берлине. Это объявление могло бы возбудить подозрение, будто газеты «Reform» и «Zeitungs-Halle» *не* являются *действительно* органами партии, а в начале объявления даже довольно определенно указано, что обе газеты *запрещены.* Часть заявления, где Центральный комитет объявляет и принимает *приостановку* выхода газет Врангелем как их *окончательное запрещение,* дословно гласит: «Тяжелые испытания, которые пришлось перенести демократической партии в течение последних месяцев во всех частях Германии, не только убедили ее в необходимости крепкой организации, но и вызвали *потребность быть представленной в прессе определенными, принадлежащими партии органами. С* помощью сабельного режима властям удалось во *многих местах»* («сабельный режим» господствует ведь только в *Берлине!) «закрыть* демократические органы, *потому что* **отдельные** лица *не в состоянии были принести столь большие жертвы, чтобы сделать безрезультатными эти насильственные мероприятия».* Что касается сабельного режима, то под «многими местами» каждый поймет только *Берлин.* Сделать «безрезультатными» эти мероприятия даже *вся* демократия могла бы не иначе, как устранив сабельный режим, ибо Врангель сделал недоступным для демократических органов и Берлин и берлинскую почту. Пусть Центральный комитет укажет те средства, а в случае надобности — те «жертвы», с помощью которых он на нашем месте мог бы сделать безрезультатным это насилие. Впрочем, даже по мнению Врангеля «Reform» и «Zeitungs-Halle» *не «закрыты».* Однако я убедился, что демократы, получившие упомянутый циркуляр, толкуют его так, будто «Reform» и «Zeitungs-Halle» прекратили свое существование, и вместо них будет выходить «Allgemeine demokratische Zeitung». Я считаю необходимым рассеять это недоразумение.

«Reform» закрыта не окончательно, и как только в Берлине будет снято осадное положение, она снова начнет выходить в Берлине, и именно в качестве *действительного* органа демократической партии, который, в силу определенных постановлений левой распущенного Национального собрания и прежнего Центрального комитета демократов Германии, не в меньшей степени *«принадлежит»* партии, чем высочайше октроированная двумя членами теперешнего Центрального комитета (Д'Эстер и Хекзамер) новая газета.

Редакция «Reform»

Арнольд Руге»

Примечание автора: «Прошу все уважаемые редакции немецких газет перепечатать это *наше* заявление».

К нашему большому удовлетворению, мы узнаем из этого примечательного заявления, что ci-devant[*] франкфуртский «редактор разума событий»[243], ныне издатель — без сомнения «как таковой», — отнюдь не считает себя удовлетворенным *октроированием* новой демократической газеты «в Берлине»[244] — газеты, которая должна «в действительности» быть органом «партии в Берлине».

Г-н Арнольд Руге, франкфуртский «редактор разума событий» и берлинский редактор «Reform»[245], утверждает, что он «как таковой» *также* был органом «партии в Берлине»; «Reform», по решению «прежнего» Центрального комитета демократов, *«принадлежала»* (elle avait ete[**], как говорят французы) «партии». Правда, «прежний» Центральный комитет «в действительности» больше не существует, но именно поэтому-то вновь возникшая «Reform» и может все еще оставаться «действительным» органом умершего Центрального комитета и распущенной левой «распущенного» Национального собрания.

Впрочем, пусть г-н Арнольд Руге ведет борьбу против издательской конкуренции со стороны вновь октроированной берлинской «Allgemeine demokratische Zeitung»; вне Берлина бесспорно найдется меньше соискателей на почетное звание органа «партии в Берлине». Мы, по крайней мере, никогда не переставали считать «Reform» «действительным» органом «партии в Берлине»; мы способны также вполне оценить то насилие над самим собой, которое совершил патриот Руге в связи с упомянутыми «жертвами». Однако получается чрезвычайно странное противоречие. Благородный владелец типографии Руге становится на *почву законности,* чтобы сохранить свою газету «Reform» как «действительный» (патентованный sans garantie du. gouvernement[***]) орган партии. С другой стороны,

---

[*] — бывший. *Ред.*

[**] — она была (давно прошедшее время). *Ред.*

[***] — без гарантии правительства. *Ред.*

философ Руге становится на почву бунта против «действительного» демократического Центрального комитета, чтобы «действительно» иметь возможность приносить дальнейшие «жертвы» в своем духе (в духе книготорговца).

Ключом для разгадки этого противоречия может послужить следующий факт:

Демократический Центральный комитет заявил Руге, что хотел бы сделать «Reform» своим «Moniteur»*, но при условии, что означенный Руге воздержится от всякого резонерства и перестанет писать.

Написано 9 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 242, 10 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* т. е. официальным органом. *Ред.*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Кёльн, 6 марта. *Англичанин никогда не бывает более несчастным, чем тогда, когда он не знает, что делать со своими деньгами.* В этом тайна всех грандиозных спекуляций, всех доходных предприятий, но вместе с тем и тайна всех банкротств, всех денежных кризисов и торговых застоев.

В 1840, 1841 и последующих годах новые азиатские рынки, помимо обычной торговли с европейским континентом, предъявили особенный спрос к английскому экспорту. Фабриканты и экспортеры имели все основания приветствовать на манчестерской бирже громкими криками «ура» сэра Генри Поттингера. Но добрые времена скоро миновали. Кантон, Бомбей и Калькутта вскоре оказались переполнены товарами, ие находившими себе сбыта, и капитал, не имевший уже выхода в этом направлении, стал снова искать применения внутри страны, чтобы изменить положение; он устремился в область железнодорожного строительства и этим открыл спекуляции поприще, на котором она скоро смогла развиться до неслыханных размеров.

По умеренному подсчету, общую сумму новых вложений можно принять в 600 миллионов, и дело, пожалуй, зашло бы еще дальше, если бы не неурожай картофеля в АНГЛИИ, Ирландии и некоторых местах континента, затем вздорожание цен на хлопок и вызванное тем и другим уменьшение сбыта промышленных товаров, а также, наконец, лихорадочная железнодорожная спекуляция, что побудило Английский банк повысить 16 октября 1845 г. учетную ставку на полпроцента.

При суеверном страхе, какой испытывает британец перед всемогуществом своего банка, это незначительное повышение учетной ставки или, другими словами, это недоверие директоров

банка тотчас же вызвало соответствующую реакцию, так что наступил общий упадок духа, кредит был ограничен, и за кажущимся процветанием последовали многочисленные банкротства. В результате немедленно разразился бы значительный торговый кризис, вроде кризисов 1825 и 1836 гг., если бы последовавшая вскоре после того отмена хлебных законов[246] внезапно не укрепила пошатнувшееся доверие и снова не подстегнула дух предпринимательства.

Торговый мир в особенности питал слишком много надежд в связи с кратковременными последствиями этой великой меры, и ему поэтому нетрудно было забыть едва не наступившее бедствие. Ликвидация орегонского конфликта[247], обещавшая продолжение процветавшей до того времени торговли с Америкой, и британские победы в Пенджабе[248], обеспечивавшие спокойствие в Индостане, разумеется, в свою очередь, способствовали тому, чтобы снова поднять настроение. И хотя после неурожая 1845 г. пришлось пережить такой же неурожай в 1846 г., хотя везде приходилось еще пробавляться запасами прежнего времени и платить от 12 до 15% за кредиты, необходимые для ведения предприятия, тем не менее, несмотря на это, все прядильные фабрики Ланкашира и Йоркшира были приведены в такое неудержимое движение, как будто неурожаи, железнодорожные спекуляции и переполненные рынки превратились вдруг теперь в чистые пустяки, с которыми можно справиться в один миг.

Однако всему этому благополучию скоро должен был наступить конец. В самом деле, уже в сентябре 1847 г., когда д-р Боуринг со столь комическим пафосом превозносил на брюссельском конгрессе фритредеров чудесные последствия отмены хлебных законов[249], в Лондоне заметили, что даже «всемогущее мероприятие сэра Роберта Пиля» уже не в состоянии спасти страну от катастрофы, наступления которой давно со страхом ожидали. Пришлось покориться судьбе, и лондонские фирмы, обладавшие, подобно Рид Ирвингу и К°, земельной собственностью на острове Маврикий почти на миллион фунтов стерлингов, открыли, в результате плачевного состояния дел в этой части английских колоний, серию банкротств и потерпели крах, увлекая при своем падении многочисленные более мелкие ост-индские и вест-индские фирмы.

В то же время заправилы фабричных районов убедились, что они заблуждались в оценке возможных последствий отмены хлебных законов. Торговая деятельность замерла во всех частях света, и ужас охватил в один и тот же момент лондонское Сити и биржи Ливерпуля, Манчестера, Лидса и т. д.

Поэтому кризис, задержанный различными событиями в октябре 1845 г., разразился, наконец, в сентябре 1847 года. Доверие было подорвано. Энергия иссякла. Английский банк не оказал поддержки банкам внутри страны; эти банки закрыли кредит торговцам и фабрикантам. Банкиры и экспортеры стали ограничивать свои сделки с континентом, а континентальные торговцы, в свою очередь, стали оказывать давление на находящихся у них в долгу фабрикантов; фабриканты, естественно, старались поправить свои дела за счет оптовиков, а оптовики нажимали на лавочников. Каждый стремился отыграться за чужой счет, и бедствия торгового кризиса постепенно потрясли весь мир, начиная с великанов лондонского Сити вплоть до последнего немецкого лавочника.

Это было *до* 24 февраля 1848 года! Самые худшие дни Англия пережила в четыре последних месяца 1847 года. Железнодорожные спекулянты вылетели в трубу; в торговле колониальными товарами с 10 августа по 15 октября потерпели банкротство 20 перворазрядных лондонских фирм с суммой активов в 5 миллионов, дававших около 50% дивидендов, а в фабричных районах бедствие достигло своего максимума, когда в Манчестере на 15 ноября из 175 прядильных фабрик полное время работали только 78, и 11000 рабочих были выброшены на улицу.

Так закончился 1847 год. На долю континента выпало испытать в течение 1848 г. последствия этого английского кризиса — последствия, которые на этот раз, естественно, были тем чувствительнее, что политические потрясения не могли способствовать ликвидации результатов этого необычайного английского события.

Мы переходим теперь к самому интересному моменту в новейшей экономической истории, а именно — к тому влиянию, которое революции оказали на торговую деятельность.

Таблицы вывоза английской торговли дают нам для этого наилучшую иллюстрацию, потому что содержание этих таблиц, при господствующем положении Англии в мировой торговле, представляет собой но что иное, как выраженное в цифрах политическое и торговое положение или, точнее, выраженную в цифрах платежеспособность различных наций.

Поэтому, если мы видим, что вывоз в апреле 1848 г. сократился на 1467117 ф. ст. и в мае — на 1122009 ф. ст., тогда как общая сумма вывоза достигает в 1847 г. 51005798 ф. ст., а в 1848 г.—всего только 46407939 ф. ст., то из этого можно было бы сделать весьма неблагоприятные для революции выводы, причем к таким выводам можно прийти тем легче, что

вывоз в январе и феврале 1848 г., т. е. непосредственно перед взрывом революции, был действительно на 294763 ф. ст. более благоприятен, чем в 1847 году.

Тем не менее такой взгляд был бы безусловно ошибочным. Ибо, во-первых, возрастание вывоза в январе и феврале, т. е. как раз в те два месяца, которые разделяют высшую точку кризиса и революцию, легко объясняется тем, что американцы в оплату своих громадных поставок хлеба в Англию покупали тогда больше британских промышленных товаров, чем когда бы то ни было раньше, и таким образом, по крайней мере на короткое время, предупредили возможный дефицит. Во-вторых, в истории английской торговли мы находим разительнейшие доказательства того, что вывоз сокращается не непосредственно вслед за кризисом, а только после того, как кризис успел распространиться и на континент.

Возросший вывоз двух первых месяцев 1848 г. отнюдь не должен поэтому вводить нас в заблуждение, и мы можем спокойно обратиться к общему сокращению вывоза за весь год.

Падение вывоза 1848 г., как мы уже заметили, составило, по сравнению с вывозом 1847 г., 4597859 ф. ст. — разумеется, значительное уменьшение, превратившееся в руках реакционеров, ведущих себя в политике, как тявкающие собаки, а в торговле как старые бабы, в довод против революции, которым, к сожалению, с успехом пользуются в споре со всеми, неискушенными в экономических вопросах.

Однако нет ничего легче, как опровергнуть ложные утверждения этой партии, ибо стоит лишь просмотреть таблицы вывоза за последние 30 лет, чтобы увидеть, что сокращение вывоза в 1848 г., обусловленное одновременным влиянием торгового кризиса и революции, никак не связано с падением вывоза в предыдущие годы.

После торгового кризиса 1825 г., когда весь вывоз составлял 38870851 ф. ст., вывоз в 1826 г. упал до 31536724 ф. ст. Он, следовательно, сократился на 7334127 ф. ст. После кризиса 1836 г., когда вывоз составлял 53368572 ф. ст., вывоз в 1837 г. упал до 42070744 ф. ст. Он, следовательно, сократился на 11297828 ф. ст. Не может быть ничего показательнее этого!

Таким образом, после двух торговых кризисов, которые, правда, были вызваны исключительно перепроизводством фабричных товаров, но по своим размерам совершенно несравнимы с только что закончившимся кризисом, вывоз сократился на вдвое большую сумму по сравнению с падением вывоза в 1848 году — в том году, которому предшествовали переполнение азиатских рынков, два неурожая, спекуляция в таких

размерах, каких еще никогда не видывал мир, в том году, когда все уголки старой Европы были охвачены революциями!

Поистине, 1848 год был еще очень милостив для торговли! Революции способствовали тому, что в разных местах приостановилась торговля, что продажа товаров стала трудной и опасной и что немало людей потерпело крах под тяжестью своих обязательств. Но и в прошлом году, при Луи-Филиппе, столь же трудно было бы в Париже учесть какие-нибудь жалкие 20 или 30 тысяч франков, как в этом году, при республике. В Южной Германии, на Рейне, в Гамбурге и Берлине у нас все равно были бы те же банкротства, как при революции, так и без нее, а итальянская торговля находилась бы в столь же угнетенном состоянии при Пии, как и при героях Милана, Рима и Палермо.

Поэтому так же смешно приписывать новое оживление торговли временной победе контрреволюции. Французы платят за шерсть на лондонских аукционах на 25% больше не потому, что у власти снова находятся некоторые из министров Луи-Филиппа, — нет, они потому должны платить дороже, что нуждаются в шерсти, а они нуждаются в большем ее количестве, их спрос возрастает именно потому, что в последние годы при Луи-Филиппе он очень сократился. Такое колебание спроса можно наблюдать во всей истории торговли.

И англичане не потому снова работают целый день во всех рудниках, во всех кузницах, на всех прядильных фабриках, во всех своих портах, что какой-то князь Виндишгрец расстреливает венцев по приговору военно-полевого суда, — нет, они работают так потому, что рынки Кантона, Нью-Йорка и Санкт-Петербурга должны быть снабжены промышленными изделиями, что Калифорния открывает новый рынок, который кажется неисчерпаемым для спекуляции, что за неурожаями 1845 и 1846 гг. последовали два хороших урожая в 1847 и 1848 гг., что англичане покончили с железнодорожной спекуляцией, что деньги снова вернулись в свои обычные каналы, и англичане будут работать... вплоть до нового торгового кризиса.

Но прежде всего нам не следует забывать, что отнюдь не монархические страны предъявляли в последние годы главный спрос на изделия английской промышленности. Страна, которая почти без перерыва предъявляла колоссальнейший спрос на английские изделия, которая и в настоящий момент поглощает все товары на рынках Манчестера, Лидса, Галифакса, Ноттингема, Рочдейла и во всех крупных торговых портах современной промышленности и оживляет своими кораблями моря, —

это республиканская страна, это Соединенные Штаты Северной Америки. И это государство процветает больше всего как раз теперь, когда рушатся все монархические государства мира.

И если в последнее время до некоторой степени улучшилось положение некоторых отраслей *германской* промышленности, то этим они обязаны только *английскому* периоду процветания. Из всей экономической истории немцы могли бы знать, что у них нет собственной экономической истории, что им приходится расплачиваться за английские кризисы, тогда как в периоды перепроизводства в Англии им перепадают лишь грошовые выгоды. А своим христианско-германским правительствам они обязаны только лишь ускорением банкротства.

Написано. 6 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 239, 7 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРИСЯГА АНГЛИЙСКИХ СОЛДАТ

Кёльн, 7 марта. «Neue Preusische Zeitung» с превеликим торжеством приводит английскую военную присягу и радуется сверх всякой меры открытию, что английский солдат присягает на верность только королеве, а отнюдь не конституции. А мы-де в Пруссии, в самом молодом конституционном государстве, мы должны, *вопреки,* примеру старейшей конституционной страны, заставлять солдат присягать конституции?

Однако «Neue Preusische Zeitung» забывает сообщить своим читателям, в какое положение поставлен английский солдат по отношению к гражданским законам.

Что британский солдат во *всех* проступках, которые не являются *чисто дисциплинарными проступками,* судится обычными судами, мировыми судами, petty sessions, quarter sessions[250] или судом присяжных, что во всех столкновениях с другими гражданами он рассматривается, как *простой гражданин,* — это разумеется само собой.

Но это еще не все. В Англии каждый гражданин, будь то чиновник, солдат или кто-либо другой, отвечает перед законом за каждое свое действие и не может ссылаться на то, что соответствующее действие было ему предписано его начальством. Например, вспыхивает мятеж. Вызываются войска. Предписываемое законом требование разойтись предъявляется или не предъявляется. Народ не расходится. Гражданский чиновник (обыкновенно мировой судья или городской *выборный* чиновник) дает разрешение на вмешательство военной

силы или не дает его. Солдаты стреляют, имеются убитые. Трупы представляются особому жюри по осмотру мертвых, которое устанавливает фактические обстоятельства дела. Если жюри находит, что вмешательство военной силы не оправдывалось обстоятельствами, оно выносит вердикт о *предумышленном убийстве* против всех участников события, а именно против *гражданского чиновника,* который разрешил вмешательство военной силы, против *офицера,* который приказал стрелять, и против *всех солдат, которые действительно стреляли.*

Если гражданский чиновник не разрешил вмешательства военной силы, это имеет лишь то последствие, что в вердикте он не фигурирует. Для офицеров и солдат дело от этого не меняется.

Этот вердикт о предумышленном убийстве является формальным обвинительным актом, на основании которого совершенное уголовное преступление передается на рассмотрение обычного суда присяжных.

Таким образом, английский солдат отнюдь не рассматривается законом как безвольная машина, обязанная без рассуждения исполнять полученный приказ. Наоборот, закон считает его «free agent»*, человеком со свободной волей, который в каждый данный момент должен знать, что он делает, и нести ответственность за каждое свое действие. Английские судьи как следует отчитали бы обвиняемого солдата, если бы он в свое оправдание сказал, что ему было приказано стрелять и что он должен был «подчиняться приказу»!

В Пруссии все обстоит иначе. В Пруссии солдат заявляет, что приказ стрелять был ему дан его непосредственным начальством, и это освобождает его от всякого наказания. В Пруссии, а также и во Франции чиновнику вообще обеспечена полная безнаказанность за каждое нарушение закона, если он докажет, что это было ему приказано соответствующим начальством в надлежащем иерархическом порядке.

Мы не считаем, что краткая формула присяги может изменить человека и превратить черно-белого гвардии лейтенанта в поборника «конституционных свобод»,—в этом, надо думать, «Neue Preusische Zeitung» поверит нам на слово.

Господа, ратующие «с богом за короля и отечество», на опыте своих собственных почтенных родичей могли в течение последних двенадцати месяцев убедиться, к своему удовольствию, какое значение имеет присяга. Поэтому и мы ничего

* — «свободно действующим». *Ред.*

не имеем против того, чтобы «Neue Preusische Zeitung» заставляла войска присягать на верность королю, далай-ламе или еще нивесть кому, лишь бы только «Моя доблестная армия», в соответствии с вышесказанным, была *поставлена по отношению к законам в точно такие же условия, как английские солдаты.*

Написано 7 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 241, 9 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

МАРТОВСКИЙ СОЮЗ

Кёльн, 10 марта. Франкфуртский так называемый «Мартовский союз»[251] франкфуртского так называемого «имперского собрания» имел наглость прислать *нам* следующее литографированное письмо:

«Мартовский союз постановил составить список всех газет, предоставивших свои страницы в наше распоряжение, и разослать его всем союзам, с которыми мы связаны, чтобы при содействии упомянутых союзов названным газетам оказывалось предпочтение в снабжении соответствующими *объявлениями.*

Сообщая вам при сем этот список, считаем излишним обращать ваше внимание на значение для газеты платных *«объявлений»,* как источника доходов всего предприятия.

Далее Центральный мартовский союз постановил рекомендовать союзам оказывать благосклонную поддержку демократически-конституционной газете «Teutsches Volksblatt», издаваемой в *Вюрцбургв* г-ном д-ром Эйзенманом, учитывая, что этой газете угрожает опасность оказаться побежденной конкуренцией со стороны антидемократических газет, а г-н редактор заявил, что он не в состоянии идти на новые жертвы сверх тех, которые он уже принес.

Франкфурт, конец февраля 1849 г.

Правление Центрального мартовского союза»

В приложенном списке газет, которые «предоставили свои страницы в распоряжение Мартовского союза» и которым сторонники «Мартовского союза» должны оказывать предпочтение в снабжении «соответствующими объявлениями», значится и «Neue Rheinische Zeitung», к тому же еще отмеченная почетной звездочкой.

Настоящим заявляем всем неповоротливым и крайне неповоротливым* членам этого так называемого «Мартовского союза» ci-devant** «имперского собрания», что «Neue Rheinische Zeitung» никогда не претендовала на роль органа какой-либо парламентской партии, а тем более партии смехотворного франкфуртского имперского клуба, что страницы нашей газеты никогда не предоставлялись в распоряжение так называемого «Мартовского союза» этого клуба и что «Neue Rheinische Zeitung» вообще и знать-то не знает этот «Мартовский союз». Поэтому если «Мартовский союз» в своем литографированном списке газет, действительно предоставивших свои страницы в его распоряжение, называет и нашу газету одним из своих органов, то это просто клевета на «Neue Rheinische Zeitung» и пошлое рекламирование «Мартовского союза». Добродетельные патриоты из «Мартовского союза» сумеют, разумеется, примирить это со своей «совестью».

Ссылка «Мартовского союза» на нашу газету становится еще более нелепой в свете принятого этим союзом «постановления» рекомендовать «демократически-конституционную» газету (немецкую [teutsche] газету: «Teutsches Volksblatt») «д-ра Эйзенмана». Кого не разжалобит печальная участь великого «немецкого» [«teutschen»] сверхмученика Эйзенмана? Какой добропорядочный муж не будет потрясен тем, что «д-р» Эйзенман, продавший за двенадцать тысяч гульденов свои тюремные воспоминания «демократически-конституционному» королю Баварии, не в состоянии приносить «новые жертвы» и подвергается опасности оказаться побежденным издательской «конкуренцией» обыкновенных, не октроированных газет, выступающих против «Мартовского союза»? Мы предоставляем патриотам судить о том, до какой же степени запущены дела в «Teutsches Volksblatt», если мученик Эйзенман, он же обладатель двенадцати тысяч гульденов, он же депутат, получающий содержание в пять талеров, вынужден взывать к общественной «помощи». Во всяком случае, дела «демократически-конституционных» Эйзенманов весьма и весьма плохи, если они сочиняют попрошайнические письма от имени «Neue Rheinische Zeitung», единственной газеты в Германии, которая преследовала «бесстыдных, отвратительных попрошаек» из среды патриотов и имперско-попрошайнических собраний.

На грязное замечание жадных до барышей, подстегиваемых конкуренцией патриотов о «значении для газеты *платных*

---

* В оригинале «linkische und auserst linkisehe» по аналогии с «linke und auserst linke» («левые и крайние левые»). *Ред.*

** — бывшего. *Ред.*

объявлений как *источника доходов всего* предприятия» мы, разумеется, отвечать не собираемся. «Neue Rheinische Zeitung» всегда отличалась от патриотов во всем и, в частности, в том, что она никогда не смотрела на политическое движение как на аферу или как на источник доходов.

Написано К. Марксом 10 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 243, 11 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВЕНА И ФРАНКФУРТ

Кёльн, 12 марта. 15 марта рейхстаг намеревался обсуждать в Кремзире составленный комиссией проект конституции. Императорско-королевские бестии военно-полевого суда сочли этот момент подходящим для того, чтобы швырнуть рейхстагу давно заготовленную конституцию «божьей милостью» и положить конец всей кремзирской комедии народного представительства, которую они до сих пор терпели[252].

Весь трюк с октроированной конституцией был подготовлен еще летом прошлого года помазанными и непомазанными контрреволюционерами в Шёнбрунне — Вене, Потсдаме — Берлине, Лондоне (где Меттерних, словно паук-крестовик Священного союза, сидел в центре паутины, которая медленно плелась вокруг восставших за свою свободу народов) и в Париже. То, что этот трюк проделан был сначала потсдамским королем, объясняется исключительно обстановкой в Пруссии, где такой шаг стал возможен раньше, чем в Австрии.

В ноябре официальная Австрия бросила к ногам людей, заседавших в соборе св. Павла, окровавленную голову Роберта Блюма. Милейшая парочка имперских комиссаров-близнецов, Велькер — Мосле, за несколько дней до этого вернулась из передней Виндишгреца и с парадного обеда в Ольмюце, покрытая таким позором, что всякий другой, кроме достопочтенных Велькера — Мосле, скорее пустил бы себе пулю в лоб, чем осмелился бы смотреть кому-нибудь в глаза. Вместо этого сия дипломатическая парочка близнецов еще похвалялась своими странствованиями по окольным путям[*].

[*] См. настоящий том, стр. 72—77. *Ред.*

Большинство Национального собрания было «satisfait», было удовлетворено, точно так же, как французская палата при Луи-Филиппе объявляла себя «satisfait», удовлетворенной, даже тогда, когда проделывались самые гнусные низости, когда приводились самые яркие доказательства коррупции.

Пусть даже кровь убитого Роберта Блюма брызнула в лицо людям, заседающим в соборе св. Павла. Правда, они покраснели, но то была не краска стыда или гнева и глубочайшего возмущения, а краска удовольствия и удовлетворения. Конечно, в Австрию послали новых имперских комиссаров. Но они достигли только того, что там с еще бо́льшим презрением, чем прежде, стали относиться к так называемым депутатам. Национального собрания и к преданной ими Германии.

«Mocht nix, 's is olles Aans!»[*] — таков был и остался девиз этих господ.

Вспомним, что незадолго до государственного переворота прусского правительства Бассерман, Симсон и, конечно, «благородный» г-н Гагерн и другие в качестве имперских комиссаров побывали в Берлине.

И вот опять мы видим имперских комиссаров в Австрии, в Ольмюце, в то время когда здесь, как и в Берлине, рейхстаг разогнан, а народу октроирована конституция «божьей милостью» при помощи хорват, сережан, гуцулов и т. д.

И всюду, где предстоит умерщвление народной свободы, тотчас же появляются, подобно стервятникам, чующим добычу, комиссары так называемой центральной власти. Чутье никогда их не обманывало.

Теперь франкфуртское лягушечье болото должно было бы, наконец, убедиться, что скоро очередь дойдет и до него. Оно само понесет наказание за свои грехи. На памятнике, который будет воздвигнут на месте его бесславной деятельности, путник прочтет: «Погибло по собственной вине, вследствие трусости, профессорского тупоумия и ставшего хроническим убожества, в атмосфере холодно-злорадных насмешек или полного равнодушия со стороны народа».

Но часть этих жалких торгашей еще и теперь осмеливается кичиться «основными правами» франкфуртского изготовления и воображать, что они свершили великое деяние. С «основными *правами»* они бились как средневековые схоластики, как болтливые прачки, между тем как *«основные силы»* Священного союза и его пособников все больше сплачивались и все громче и громче издевались над профессорско-филистерской болтовней об основ-

[*] — «Не беда, все едино!» (венский диалект). *Ред.*

ных правах. Одни укрепляли свои «основные *права»* на клочке бумаги, а другие, господа контрреволюционеры, записывали свои «основные *силы»* на остро отточенных саблях, пушках и славянских красных епанчах.

Как только немецкий народ в какой-нибудь части германских отечеств пытался воспользоваться своим исконным основным правом — правом восстания против феодальной или филистерски-конституционной тирании, — Франкфурт спешно посылал «имперские войска», чтобы наказать и усмирить народ с помощью расквартирования войск, грабежей, избиений и всевозможных военных эксцессов, а также чтобы поддержать орудия контрреволюции в надлежащем состоянии, т. е. как следует откормить их за счет народа и его «основных прав» и подкрепить их для дальнейших геройских подвигов.

В подобных случаях у франкфуртских господ всегда оказывалась нужная сила, так как они заимствовали ее из арсенала вышеупомянутых «основных сил» наших милостивых отцов народа.

Следовательно, нет ничего удивительного, что франкфуртское лягушечье болото должно бессильно молчать и безмолвно взирать на то, как помазанные господа возвещают *свои* «основные права», даже если основные права господ «божьей милостью» направлены прямо против него.

Потому-то оно и теперь должно будет столь же спокойно взирать на то, как австрийский Тамерлан* октроировал божьей и Софии милостью своим возлюбленным «подданным», среди которых значительное число немцев, 13 основных прав и одновременно с этим переворотом октроировал еще раз здоровенную пощечину франкфуртским героям. И поделом!

Написано 12 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 244, 13 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* Имеется в виду император Франц-Иосиф I. *Ред.*

* ТРИ НОВЫХ ЗАКОНОПРОЕКТА

Кёльн, 12 марта. Прусская королевская власть считает, что наступило, наконец, время предстать во всем своем величии. «Неослабленная» корона[253] божьей милостью даровала нам сегодня три новых законопроекта — о *клубах* и *собраниях, о плакатах*[254] и о *печати,* в которых палатам предлагается обрушить на нас целую серию приятнейших сентябрьских законов.

Завтра мы опубликуем текст этих проектов, а также и их мотивировок в том виде, в каком мы их получили. Мы еще вернемся — и не раз — к этим великолепным продуктам пруссачества. Сегодня мы даем только краткое изложение их.

I. *Закон о клубах.* «Обо всех собраниях должно быть заявлено за 24 часа до их созыва». Таким образом, запрещаются экстренные собрания по поводу неожиданных важных событий, а ведь именно такие собрания являются наиболее важными. Присутствовать на собрании должно разрешаться всем, следовательно запрещается взимание входной платы для покрытия расходов, связанных с организацией собрания. На собраниях союзов четвертая часть помещения должна предоставляться в распоряжение лиц, не являющихся членами союза. Это значит, что союзы будут вынуждены снимать более обширные и более дорогие помещения и предоставлять возможность платным агентам полиции шумом, криком и скандалами мешать обсуждению вопросов и срывать все собрания. А если все это не принесет желаемых результатов, то «представителю полицейского ведомства» предоставлено право под любым предлогом «немедленно распускать» любое собрание, подобно тому как

верховный глава «полицейского ведомства», его величество наш всемилостивейший король, «немедленно распустил» согласительное собрание. Как только полиция объявит собрание распущенным, все присутствующие должны немедленно удалиться, если они не хотят разделить участь берлинских рыцарей соглашения, т. е. если они не хотят быть удаленными из зала при помощи штыков.

Клубы, правда, не должны получать «предварительного разрешения», но зато они должны подавать местным властям столько предварительных заявлений и выполнять такое количество формальностей, что уже по одной этой причине их деятельность становится почти невозможной. Что же касается созыва собраний под открытым небом, демонстраций и т. д., то для них *требуется* предварительное разрешение полиции. А для того, чтобы положить конец ношению красных лент, кокард и шапок, октроируется еще в заключение новое издание старых постановлений относительно устройства облав на лиц, носящих черно-красно-золотые[255] значки.

Вот как выглядит «право союзов и собраний», которое правдолюбивый и верный своему слову Гогенцоллерн дрожащим голосом гарантировал нам год тому назад!

II. *Закон о плакатах.* Все плакаты политического содержания, за исключением объявлений о законных, *разрешенных* собраниях (таким образом, опять все собрания являются лишь милостиво *«разрешенными»), запрещаются.* Следовательно, правление клуба в бурные времена не имеет права даже посредством плакатов *призывать* народ *к спокойствию;* и все это для того, чтобы ни одна жертва не могла ускользнуть из рук геройствующей солдатни! Далее: *продажа* или *раздача* печатных изданий на улице также запрещается, если не имеется соответствующего *разрешения, которое может быть аннулировано в любой момент!* Другими словами: прусская королевская власть хочет осчастливить нас *улучшенным изданием* закона о crieurs publics[256], который была вынуждена принять во Франции запуганная палата депутатов в самые худшие времена буржуазного деспотизма Луи-Филиппа.

А чем мотивируется этот закон? Тем, что плакаты и продавцы газет будут-де мешать уличному движению, а плакаты, кроме того, портят вид общественных зданий!

III. *Закон о печати.* Но все это еще ничто в сравнении с миленькими проектами, с помощью которых хотят заткнуть рот печати. Известно, что забота о народе, которую проявляли Гогенцоллерны, начиная с 1830 г., состояла главным образом в стремлении облагородить прусский отечески-патриархальный

режим путем соединения его с современной рафинированной системой порабощения на манер Луи-Филиппа. Сохранили розги и прибавили к ним галеры, оставили цензуру и осчастливили нас одновременно перлами сентябрьского законодательства. Одним словом, нам предоставили возможность наслаждаться одновременно преимуществами феодального рабства, бюрократического полицейского строя и современной буржуазной *законной* жестокости. И все это вместе взятое наименовали «общеизвестным либерализмом Фридриха-Вильгельма IV».

Новый гогенцоллернский законопроект о печати с целым рядом осложняющих его формулировок осчастливил нас непревзойденным синтезом: 1) Code Napoleon[*], 2) французских сентябрьских законов и главным образом 3) почтенного *прусского права.*

Параграф 9 заимствован из Code. В тех областях, где действует прусское право, попытка совершить преступление или подстрекательство к нему, даже если оно было успешным, до сих пор каралась менее строго, чем само преступление. В этих областях сейчас вводится статья Code, согласно которой подстрекательство к преступлению, увенчавшееся успехом, приравнивается к совершению преступления.

Параграф 10. Французское сентябрьское законодательство гласит: тот, кто посягает на основы, на которых зиждется *собственность* и *семья* в гражданском обществе, или возбуждает *ненависть или, презрение* граждан *друг к другу,* наказывается тюремным заключением сроком до двух лет. Сравните loi du 9. sept. 1835[**], статья 8:

Toute attaque contre la propriete ... toute provocation a la haine entre les diverses classes de la societe sera punie etc.[***].

Разница только в том, что прусский перевод: возбуждать ненависть *граждан* вообще друг к другу и т. д. в десять раз хуже.

Все следующие параграфы проекта составлены лишь для того, чтобы снова осчастливить Рейнскую провинцию тем самым великолепным прусским правом, которым мы наслаждались в полной мере на протяжении 33 лет и которое было отнято у нас вскоре после 18 марта[257]. Нам собираются октроировать, между прочим, следующие новые преступления,

---

[*] — Кодекса Наполеона. *Ред.*

[**] — закон от 9 сентября 1835 года. *Ред.*

[***] — Всякое посягательство на собственность... всякое возбуждение ненависти между различными классами общества карается и т. д. *Ред.*

совершенно неизвестные нашему собственному рейнскому законодательству :

1. Возбуждение *ненависти и презрения к государственным учреждениям или к правительству* с помощью заведомо ложных сообщений или же фактов, которые не могут быть юридически доказаны.

2. «Высказывание» по поводу *законно существующих* религиозных обществ (по октроированной конституции даже турки и язычники являются законно существующими религиозными обществами!), по своей форме долженствующее (!) посеять ненависть и презрение к ним.

Оба этих новых вида преступления вводят у нас а) старопрусское *«возбуждение, недовольства»* и и) старопрусское понятие об *оскорблении религии;* они караются *тюремным заключением* сроком до двух лет.

3. *Оскорбление величества* и, в частности, *непочтительное отношение (!!)* к

а) королю (!)

b) королеве (!!)

c) наследнику престола (!!!)

d) другим членам королевского дома (!!!!)

e) главе одного из немецких государств (!!!!!) карается тюремным заключением сроком от одного месяца до *пяти лет!*

4. Поучительное постановление, согласно которому утверждение даже по поводу тех фактов, достоверность которых может быть доказана, карается как оскорбление, если утверждаемые факты свидетельствуют о *преднамеренном оскорблении!*

5. Оскорбление

1) *одной из палат,*

2) одного из членов этих палат,

3) *государственного учреждения* (Code не предусматривает оскорбления корпорации в целом),

4) чиновника или представителя армии (все это «*в отношении* их служебных обязанностей») карается тюремным заключением сроком до 9 месяцев.

6. *Оскорбление или клевета в частной жизни.* Code Napoléon предусматривает только *публично брошенное* или распространяемое оскорбление или клевету. Новый законопроект намеревается *поставить под контроль полиции и прокуратуры и объявить наказуемым всякое мнение, высказанное в частной беседе, в своем собственном доме, в кругу своей семьи, в частных письмах, — т. е. он намерен организовать самый подлый, всеобщий шпионаж.* Военный деспотизм всесильной французской

императорской власти уважал хотя бы свободу частной беседы; эта власть — по крайней мере в своем законодательстве — запрещает переступать через порог частной квартиры. Прусский отечески-конституционный надзор и наказание распространяются на частную жизнь, на самое интимное в этой жизни— на область семейных отношений, которую даже варвары считали неприкосновенной. А тремя статьями раньше этот же самый закон предусматривает двухгодичное тюремное заключение за всякое оскорбление семейных отношений!

Вот как выглядят новейшие «достижения», которыми хотят нас облагодетельствовать. Три самых жестоких закона, которые, взаимно дополняя друг друга, достигают апогея жестокости и вероломства, — таково возмещение, которое «неослабленная» корона мошеннически вымогает у палат за снятие осадного положения в Берлине!

Цель всего этого совершенно ясна. Что касается законопроекта о печати, то он не октроирует чего-либо нового старым провинциям. Прусское право было уже само по себе достаточно скверно. Вся сила гнева помазанника божьей милостью направлена против *нас, жителей Рейнской провинции. Нам хотят снова навязать то самое позорное прусское право,* от которого мы еле избавились и устранение которого дало нам, наконец, возможность вздохнуть немного свободнее, впервые за все то время, что мы прикованы к Пруссии.

О своих намерениях король божьей милостью говорит очень ясно устами своего холопа Мантёйфеля в мотивировке к этому миленькому документу: король хочет *«создания по возможности единообразного правового порядка»,* т. е. он хочет вытеснения ненавистных французских законов и повсеместного введения позорного прусского права. Далее король хочет «заполнить брешь», образовавшуюся «в большей части *Рейнской провинции* (слушайте!) вследствие отмены «указом от *15 апреля 1848 г.* уголовных законов, касающихся оскорбления величества»!

Это значит, что новый уголовный закон должен лишить нас, жителей Рейнской провинции, единственного, что у нас еще осталось от результатов так называемой революции 1848 года: *ничем не ограниченного действия нашего собственного законодательства.*

Нас хотят во что бы то ни стало сделать *пруссаками,* пруссаками в духе всемилостивейшего государя, пруссаками с прусским правом, с заносчивым дворянством, с тиранией чиновничества, с сабельным режимом, с палочными побоями, с цензурой *и* беспрекословным повиновением. Эти законопроекты —

только начало. Нам известен план контрреволюции, и наши читатели будут поражены, когда узнают, что задумано провести по этому плану. Не сомневаемся, что господам в Берлине придется еще раз сильно разочароваться в жителях Рейнской провинции.

Мы еще не раз вернемся к этим позорным законопроектам. за одно составление которых *министры* должны быть посажены *на скамью подсудимых.* Но одно мы должны сказать уже сегодня: если палата согласится на что-либо, хотя бы в отдаленной степени похожее на эти законопроекты, *то долг депутатов Рейнской провинции немедленно выйти из состава палаты, которая принятием подобных решений намерена отбросить своих избирателей к патриархальному варварству старопрусского законодательства.*

Написано К. Марксом 12 марта 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 244, 13 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Кёльн, 12 марта. Коронованные и некоронованные господа намерены вознаградить себя за страдания, испытанные ими в марте 1848 года, удвоенной радостью в марте 1849 года. С этой целью пущены в ход все средства, чтобы в годовщины мартовских событий произошли волнения в возможно большем количестве немецких «отечеств» и чтобы господа контрреволюционеры получили, таким образом, новый повод для совершения насильственных действий. Вот почему уже несколько недель в конституционных и аристократических газетах ежедневно рассказываются басни о грандиозной подготовке мартовских восстаний, о неоднократных вторжениях республиканских добровольческих отрядов через французскую и швейцарскую границы (в Швейцарии проживает каких-нибудь $15^1/_2$ немецких республиканцев); и всякий раз эти басни подкрепляются ссылками на «достоверные источники», «несомненные признаки» и «неопровержимые сообщения», чтобы нагнать ужаснейшую панику на легковерного обывателя. А шутники «божьей милостью» тем временем спокойно сидят за кулисами, радуясь тому впечатлению, которое производят систематически распространяемые холопской печатью фантастические сообщения, и презрительно ухмыляются, когда трусливый филистер принимает эту искусственную тревогу au serieux*.

Открыть эту кампанию было поручено Бадену, т. е. Бекку. Баденские продажные журналисты немедленно стали послушно повторять всю эту нудную болтовню относительно вторжений,

* — всерьез. *Ред.*

путчей и прочих глупостей. Им на помощь поспешили Вюртемберг и Бавария. Не хотела и не могла отставать и «ежедневная печать» торгашеского, продажного и продавшегося никчемного Франкфурта, кичащегося своей общеимперской ролью. И гессенцы, слепые и зрячие*, и ганноверцы типа Штюве, и долговязые колбасники-брауншвейгцы и прочие народы — мученики и страстотерпцы, населяющие Германию, — все они должны были дуть в одну дудку. Лучше всех проделывали это достопочтенные Врангель — Мантёйфель. Было изготовлено четыреста фальшивых паспортов для немецких эмигрантов в Безансоне, и кроме того во все концы черно-белого государства** были разосланы инструкции, а также эмиссары, на которых была возложена задача поднять через печать и при помощи устной пропаганды возможно больший шум по поводу приближающихся мартовских мятежников-республиканцев.

Однако многие христианско-германские газеты, не посчитавшись с этими весьма хитроумными указаниями, подняли с самого начала слишком большой шум. Эту ошибку попытались исправить еще более оглушительным барабанным боем и еще более бесстыдной ложью.

Естественно, что и г-н *Ганземан* немедленно присоединился к этой горланящей компании, угодливо оказывая ей поддержку в своей новой газете[258]. Надевая на себя в первой палате личину оппозиционно настроенного депутата, Ганземан сглаживает это впечатление о своей мнимой оппозиционности тем, что, в качестве верного оруженосца правительства Мантёйфеля — Бранденбурга, печатает в своей газете самые нелепые известия и корреспонденции относительно угрожающих в марте восстаний. Приведем только *один* пример. В корреспонденции из Кёльна, напечатанной в его газете, под видом последних известий преподносится следующий вымысел:

> «Уже несколько дней мы живем, так сказать, в обстановке полной анархии. Если вы пройдете по улицам, то увидите, что даже *среди бела дня* бродят *толпы рабочих,* то попрошайничая, то занимаясь грабежом; особенно часто они нападают на кабаки и табачные лавки. Дело уже дошло до того, что нашу ратушу несколько дней вынуждены охранять значительные военные силы. Вечером *никто не может считать себя в безопасности на улице.* Хуже всего то, что настроение рабочих искусственно подогревается, дабы вызвать 18 марта настоящее восстание».

Достаточно перепечатать эту статью здесь, в Кёльне, чтобы разоблачить весь ее провокационный и вместе с тем смехотворный характер.

* Игра слов: «Hesse» — житель Гессена, «blinder Hesse» — «слепой». *Ред.*
** — Пруссии. *Ред.*

Зрелище, которое *можно* было видеть в Кёльне среди бела дня и особенно но вечерам, — это беспрестанные кровопролитные *драки между солдатами разных родов войск.* Очевидно, мы имеем дело с намерением заглушить запросы относительно «Моей доблестной армии» клеветой *на рабочих.* — —

Правительства открыто готовят государственные перевороты, которые должны завершить контрреволюцию. Следовательно, парод имел бы полное право готовиться к восстанию. По народ прекрасно понимает, что критическое положение во Франции и особенно в Венгрии и Италии в скором будущем неизбежно подготовит почву для восстания. Поэтому он не поддастся на грубую провокацию.

Написано 12 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 245, 14 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКИЙ ОБЩИЙ ПЛАН РЕФОРМ

Кёльн, 14 марта. *«Чрезвычайные* осадные положения будут отменены, как только *всеобщее* осадное положение будет октроировано всему королевству в виде законов и войдет в наши конституционные обычаи. Серия этих «твердых» законов откроется *сентябрьским законодательством об ассоциациях и печати».*

Такими словами сопроводили мы опубликование тронной речи (№ 234 «Neue Rheinische Zeitung»[*]). В чем же состоит первый парламентский акт министерства? Оно выступает перед палатами и заявляет:

«Мы избавим вас от осадного положения, а взамен этого вы установите постоянно действующие военно-полевые суды, направленные против собраний, ассоциаций, печати».

Мы не можем ни на минуту скрывать того, что парламентская левая своим робким поведением с самого начала облегчила министерству переход в наступление.

Мы сравним en detail[**] пресловутые три законопроекта с сентябрьскими законами, с домартовским проектом уголовного законодательства, с прусским правом. Но сперва мы сообщим нашим читателям *общий план старопрусских реформаторов,* на который мы уже обратили внимание в нашем экстренном выпуске третьего дня[***].

В тот самый день, когда неофициальные берлинские газеты опубликовали пресловутые три законопроекта, *«Neue Preusische Zeitung»,* этот «Moniteur»[****] бранденбургского провидения,

[*] См. настоящий том, стр. 336. *Ред.*
[**] — подробно. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 360—365. *Ред.*
[****] т. е. официальный орган. *Ред.*

напечатала *«Мнение о существенных задачах ныне собравшегося так называемого народного представительства».* Гогенцоллернская династия и ее бранденбургское министерство слишком *«благородного»* происхождения, чтобы лицемерить в те моменты, когда солнце «власти» сияет над «неослабленной» короной. В такие моменты королевское сердце не насилует себя и оскорбляет плебейские массы уже самим грубо-бесцеремонным выражением своих интимнейших вожделений и мыслей. Судьбе — зачем скрывать это — бездушной, безжалостной судьбе не раз угодно было в моменты победоносной уверенности Фридриха-Вильгельма IV в своих силах, в моменты «божественного опьянения», как говорит *Гёте,* сводить на нет с помощью чрезвычайных событий пророчества, угрозы, волеизъявления «нашего доброго короля», нашего «высокомудрого» *Фридриха-Вильгельма IV,* который возложил на себя корону с такими же точно словами, с какими Наполеон надел на себя железную корону Ломбардии*. Но, как известно, железный рок тяготеет даже над богами. Что бы там ни было, все же для королевского сердца, как и для женского сердца, как и для всякого другого сердца, остается опьяняюще высоким наслаждением, отбросив все помехи, дать вольный полет своим интимнейшим мыслям и заставить мир, хоть бы только на словах, на бумаге, склониться перед желаниями своего сердца.

Уже по одному этому сердечные излияния «Neue Preusische Zeitung», в той или иной степени выражающие настроение короля, представляют высокий интерес с психологической точки зрения; с другой стороны, они дают понять народу, чего ожидают от него и что, в случае необходимости, *вынудят* у него — разумеется, в его собственных правильно понятых интересах.

«Neue Preusische Zeitung» (№ 59, приложение), желая облегчить ознакомление с *гогенцоллернским общим планом реформ,* разбила его *рубрики,* что является, во всяком случае, похвальной снисходительностью по отношению к читателям. Разве не могла она сообщить королевские решения в апокалипсической форме, на манер Откровения Иоанна? Итак, будем придерживаться этих рубрик!

«Существенные задачи ныне собравшегося так называемого народного представительства» сводятся к следующим пунктам:

1) *Очищение палат от политических преступников.* A Jove principium**. Первая заповедь для палаты, которая хочет

* См. настоящий том, стр. 427. *Ред.*

** — С Юпитера начало (Вергилий. «Буколики»). *Ред.*

действовать согласно воле королевского сердца, это — преобразовать себя согласно воле королевского сердца. Пока ведь ее состав является еще прискорбным результатом непочтительного всеобщего избирательного права, хотя бы и косвенного.

А чего требует королевское сердце?

На теперешнем народном представительстве, — выбалтывает «Neue Preusische Zeitung», — лежит *«пятном,* которое делает его недостойным и неспособным «являться в своей совокупности носителем *прусской* чести, *прусской* верности и любви к отечеству». На нем тяготеет порок, от которого оно должно освободиться, чтобы быть «оправданным» в глазах его величества.

«Пятно это, этот порок состоит в том, что среди его членов находятся такие люди, которые участвовали в преступных злодеяниях фракции *Унру,* в особенности в ее *постановлении об отказе от уплаты налогов».*

«Правительство», — говорится дальше, — «по собственной достойной сожаления *слабости* или из *недоверия* к *юстиции,* которая действительно *в высокой степени заражена революционным образом мыслей,* не предало этих людей *суду.* Исправить это *упущение,* эту *ошибку* — такова *задача палат;* в особенности *долг всех судей и ученых юристов,* входящих в состав палат, — добиваться этого, хотя бы *в целях спасения утрачиваемой чести своего сословия. Необходимо* ходатайствовать перед *правительством* — и пусть это будет одним из *первых* шагов после сформирования палаты — о том, чтобы министр юстиции теперь же распорядился произвести судебное следствие и подвергнуть наказанию этих преступников. *Такая очистка является первым и самым необходимым условием успешного продолжения деятельности палат».*

Сокровенным желанием короля является покарать вплоть до третьего колена всех преступников, кощунственно отказавшихся платить налоги. Королевское правительство было слишком *слабо* для того, чтобы исполнить это желание. Королевско-прусский народ оказался столь *наглым,* столь упрямым, что в открытом возмущении против отеческого королевского сердца снова избрал преступников и грешников своими представителями. Теперь дело *палат принудить* королевское правительство выполнить собственные намерения его величества. Палата должна на коленях просить министерство Дозволить ей удалить из своей среды все разлагающие и в высшей степени *неприемлемые для двора* элементы. И прежде всего книжникам и фарисеям, «судьям и ученым юристам» надлежит спасать свое «сословие», «честь» которого начала утрачиваться с того момента, как у Мантёйфеля зародилось необоснованное, впрочем, подозрение, будто прусская Фемида может оставаться слепой, вопреки ясным намекам короны. Но как может судейское сословие спасти свою честь в глазах народа, для которого всякая прихоть помазанника божией милостью отнюдь

не является законом, который не намерен беспрекословно повиноваться приказам самого короля?

Как известно, во всех религиях покаяние, жертва, а по возможности и самопожертвование составляют самую суть богослужения, культа. Поэтому так называемое народное представительство, дабы доказать, что оно является представителем королевского сердца — а королевское сердце есть живое, индивидуализированное, очеловеченное, подлинно народное сердце,— «так называемое» народное представительство должно принести в жертву к подножию трона прежде всего *самого себя, как выразителя народного суверенитета.*

Оно должно изгнать всех неугодных его величеству депутатов, заключить их в тюрьму и предать в руки палача в виде искупительной жертвы во имя культа абсолютной королевской власти. Так оно искупит, во-первых, свое преступление, свой *первородный грех* — свое происхождение из народного суверенитета. Оно искупит вместе с тем свое прошлое, полное преступных оскорблений величества, а значит, и святотатства. Оно очистится, дабы удостоиться стать истинным выразителем полноты королевской власти. Оно превратится из *«так называемого»* народного представительства в *настоящее* народное представительство — в более высоком, королевско-прусском смысле. Король — это и есть *настоящий* прусский народ. Настоящий прусский народ — ни в коем случае не следует смешивать его, по дурному чужеземному обычаю, с поверхностным *подсчетом* жителей государства — выбирает, следовательно, представителей только для того, чтобы королевские пожелания возвращались к королю в виде народных пожеланий, и таким путем самые сокровенные требования его собственного высочайшего сердца получали столь же прозаическую, сколь и общеобязательную реальность в форме законопроектов и постановлений палаты.

Мы, следовательно, ожидаем от берлинских палат, что они положат начало своему культу короля *самопожертвованием,* изгнанием грешников, *отказавшихся от уплаты налогов.*

«Neue Preusische Zeitung» не скрывает того, что даже и тогда палаты еще не будут оправданы перед всевышним. Другую часть жертвы они должны принести, однако уже не в качестве корпорации. Эта часть зависит от действенного сознания своей греховности и от самобичевания соответствующих отдельных депутатов.

«Правда», — вздыхает «Neue Preusische Zeitung», — «в результате такой чистки будут удалены не все *те* депутаты, удаление которых, ввиду их предыдущей политической и государственной деятельности,

будет желательно до тех пор, пока они не *признают* своей *доли вины* в бедствиях отечества и не *проявят раскаяния,* пока они не дадут *обет и публичное обязательство* по мере сил бороться с преступлением, вызванным отчасти по их собственной вине. Однако, само собой разумеется, не может быть и речи о том, чтобы такие люди, которые служили революции, которые в особенности между *18 марта и 8 ноября были употреблены* в качестве высокопоставленных чиновников *на этой службе»* (чисто прусская грамматика!), — «чтобы подобного рода люди, все без исключения, на *юридическом* основании были удалены из палат. Было бы, однако, желательно, чтобы *собственное сознание* удержало их вне палат, если у них не произошел упомянутый выше *желательный поворот.* При выполнении этого» (высочайшего) «желания следует, разумеется, также проводить различия, например, *между рейнскими торговцами,* которые вдруг, ни с того ни с сего, должны были превратиться в опору государства, и людьми из *старопрусских»* (феодальных) «родов, славные имена которых издавна теснейшим образом связаны с историей нашей королевской династии и *первоначальным ядром земель»* (уж не является ли и *Силезия* первоначальным ядром земель?) «монархии».

Мы давно уже говорили об этом *«рейнским торговцам».* Лишь преодолевая dégout*, феодальная династия Гогенцоллернов избрала этих буржуазных каналий своим низменным орудием и выжидает только момента, чтобы пинками отделаться от них раз и навсегда. *Ганземан! Кампгаузен! Кюльветтер!* на колени! Перед королевским дворцом, перед лицом народа. посыпав пеплом повинные головы, в одежде кающихся грешников, дайте священный обет, публично заверьте, что вы в глубочайшем сокрушении раскаиваетесь в том, что в какой-то момент осмелились подготовлять путем буржуазно-конституционных происков контрреволюцию, совершить которую подобает только «Моей доблестной армии»; а вы, копеечные души, барышничающие крепостные, педантичные торговцы маслом, ловкие железнодорожные спекулянты, — вы не только спасли трон, по еще осмелились хвастаться этим спасением в высокопарном тоне, уместном только на похоронах. На колени! Облачайтесь в одежду кающихся грешников! Или удалитесь в монастырь!

А что касается *«людей из старопрусских родов», этих высокородных, отмеченных провидением* отпрысков *избранного* народа, то в ближайшем будущем мы надеемся прочесть в «Staats-Anzeiger» извещения о смерти некоторых из них — *Арнима, Ауэрсвальда, Бонина, Пфуля.* Только в случае, если они пойдут на смерть добровольно, мы сможем поверить в их раскаяние. От *рейнского торговца,* вроде *Ганземана,* нельзя ожидать такого величия души. Ганземан — вольтерьянец самого скверного

* — отвращение. *Ред.*

толка, человек ограниченный, а главное, бесчувственный в денежных вопросах.

Итак, удалитесь из палат, сходите со сцены — вы, живые памятники 18 марта, свидетели испытаний, унижений, непоследовательности и слабости короля! Уходите из палат — или добровольно согласитесь быть козлами отпущения за 18 марта!

Что же касается тех, кто голосовал за отказ от уплаты налогов, то сами палаты принесут их королевскому трону в виде гекатомбы в знак своего очищения и раскаяния и тем самым докажут, что они достойны выполнять дальнейшие «задачи», октроированные королем «так называемому народному представительству».

(Продолжение следует*)

Написано К. Марксом 14 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 246, 15 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* Продолжением данной статьи послужила статья «Гогенцоллернский законопроект о печати» (см. настоящий том, стр. 390—398). *Ред*

ЦЕНЗУРА

Кёльн, 14 марта. Немецкая ежедневная печать все-таки действительно самая слабая, вялая и трусливая печать на всем земном шаре! На ее глазах могут совершаться самые гнусные подлости, направленные даже против нее самой, и она будет молчать и скрывать все это; если бы *случайно* не узнавали о том, какие великолепные мартовские фиалки выросли по милости божьей в ряде мест, — из *газет* об этом конечно ничего нельзя было бы узнать.

В Дюссельдорфе гражданин и коммунист Дригальский попытался прошлой осенью восстановить цензуру под предлогом осадного положения*. Цензура просуществовала лишь два дня; поднявшаяся затем буря общественного негодования вынудила господ солдафонов отказаться от попыток возродить цензуру.

А как обстоит дело в старых провинциях?

В течение трех месяцев цензура царит во всем своем блеске в двух различных округах, а вся старопрусская печать спокойно терпит это неслыханное посягательство на ее права!

Послушайте.

*Розенберг***, в Силезии, 7 марта. В № 19 «Rosenberg-Kreuzburger Telegraph» опубликовано на первой странице следующее заявление:

«Мы просим уважаемых читателей нашей газеты не ставить нам в вину опоздание с выходом этого номера и его неполноту и принять во внимание, что мы пока все еще находимся в условиях осадного положения

---

* См. настоящий том, стр. 58-63. *Ред.*

** Польское название: Олесно. *Ред.*

и что «Telegraph», *цензором* которого в последнее время *являлся* здешний королевский ландрат г-н Зак, избранный депутатом во вторую палату, теперь, после отъезда г-на Зака в Берлин, *проходит непосредственно военную цензуру.*

Редакция»

Далее:

В *Эрфурте* также беспрепятственно *существует цензура, начиная с 25 ноября.* Эрфуртская печать имела сначала цензором г-на *Ф. В. Хутштейнера,* теперешнего полицейского инспектора, бывшего редактора либеральной когда-то в условиях цензуры «Barmer Zeitung», мнимого либерала или даже демократа, позднее подчиненного Дункера и постоянного агента прусской полиции. Хотя сей почтенный муж вычеркивал даже перепечатки из злосчастной берлинской «National-Zeitung» (!), его служебную деятельность все же сочли недостаточно пруссаческой и назначили на его место *офицера.* Таким образом, в Эрфурте также существует *военная цензура.*

Но мало того: цензура введена также на газеты и журналы, издаваемые вовне, т. е. в районах, на которые не распространяется осадное положение. В «Erfurter Adresblatt» от 7 февраля напечатано следующее объявление:

«По распоряжению высокочтимой королевской комендатуры жители города Эрфурта предупреждаются, что *распространение* или расклеивание напечатанных вовне материалов, *выражающих недоверие к мероприятиям правительства или обнаруживающих в отношении этих мероприятий враждебную оппозиционность* и таким образом вызывающих *отчужденность* в отношениях между населением и существующим конституционным *правительством* или способствующих появлению озлобления против определенных классов населения, а следовательно, и *возникновению возбуждения и беспорядков в нашем городе,* повлечет за собой «соответствующее наказание со стороны полиции» и «немедленный арест».

Эрфурт, 5 февраля 1849 г. *Магистрат. Полицейское управление*»

Восстановление цензуры, замена обычной цензуры военной — ведь это меры, которые очень близко касаются печати. Между тем, печать соседних городов — Бреславля, Берлина, Лейпцига — принимает все это, как нечто само собой разумеющееся! Поистине, немецкая печать остается попрежнему старой *«хорошей печатью».*

Но мы спрашиваем наших сонных депутатов в Берлине, доколе же они будут медлить с предложением о предании министров суду?

Написано 14 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 246, 15 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

МИЛЛИАРД

Кёльн, 15 марта. Уже вскоре после февральской революции в Париже стал чувствоваться недостаток в деньгах. Было провозглашено respect de la propriete[*], и бедняги мелкие буржуа приняли это как защиту своих интересов. Временное правительство тем охотнее согласилось на это respect de la propriete, что банк тут же дал ему беспроцентный заем в 50 миллионов. Временное правительство состояло главным образом из мелких буржуа «National»[259], и *великодушие* банка его обмануло. 50 миллионов скоро иссякли. Тем временем акционеры и держатели банковых билетов, наилучшим образом воспользовавшись respect de la propriete, взяли все свое золото из банка. Мелкие буржуа, также желая использовать respect de la propriete в своих интересах, отправились к своим банкирам, чтобы учесть векселя, выданные под их propriete[**], т. е. под их промышленные предприятия, лавки или фабрики; банкиры, сославшись на недостаток денег, отказались учесть векселя. Тогда мелкие буржуа пошли к другим банкирам, чтобы получить от них поручительство по векселям и учесть их в банке; банкиры отказались сделать это. Respect de la propriete! Таким образом, именно банкиры первыми нарушили это respect de la propriete, хотя сами хорошо сумели воспользоваться этим уважением. Тогда поднялся вопль со всех сторон, что кредит и доверие подорваны. Но мелкие буржуа никак не хотели отказаться от своего respect

[*] — уважение к собственности. *Ред.*
[**] — собственность. *Ред.*

de la propriete; они считали, что когда будут восстановлены «спокойствие и порядок», восстановится также доверие, и тогда-то уж они смогут учесть под свою propriete свои векселя. Хорошо известно, как посло июньской битвы, когда спокойствие и порядок были восстановлены, вся propriete, после соглашений в судебном порядке с несостоятельными должниками, перешла в карманы банкиров и как мелкие буржуа только тогда поняли значение «respect»*, когда их «propriete» вылетела в трубу. Но от денежного кризиса, вызванного крупной буржуазией, несомненно больше всего пострадали рабочие. В то самое время, когда временное правительство, чтобы удовлетворить собственные нужды, изобрело пресловутый налог в 45 сантимов[260], на стенах появился подписанный рабочими плакат, который начинался словами: avez-vous besoin de l'argent? (Нужны ли вам деньги?) В этом плакате прямо предлагалось потребовать обратно миллиард, дарованный эмигрантам в виде возмещения в 1825 году. Кто были тогдашние эмигранты? Те самые люди, которые спровоцировали и поддерживали за границей войну против Франции и которые потом вернулись во Францию в сопровождении иностранцев. Кто были те эмигранты, которые воспользовались возмещением? Герцог Орлеанский, т. е. только что свергнутый король, и легитимисты, т. е. приверженцы давно свергнутого короля. Учредительное собрание и Конвент провели конфискацию имуществ изменников-эмигрантов; короли и эмигранты, возвратившиеся после обеих реставраций[261], даровали себе и своим друзьям возмещение. Королей снова прогнали, решения Учредительного собрания и Конвента снова вошли в силу, и вполне естественно, что этим возмещением должен воспользоваться народ. Рабочие с восторгом читали плакат, в котором таким образом разъяснялось требование о возврате миллиарда; они тысячами собирались у плаката и по-своему обсуждали его содержание. Это продолжалось целый день; на следующий день плакат исчез со стен. Легитимисты и орлеанисты, почувствовав всю опасность, угрожавшую им, за большие деньги наняли людей, которым было поручено ночью уничтожить всякие следы этого плаката. В то время все были охвачены горячкой новых организационных планов. Все думали только о том, как бы изобрести какую-нибудь новую систему, чтобы тотчас же, не считаясь с реальной действительностью, ввести ее в «государстве». Временному правительству пришла злополучная мысль обложить крестьян 45-сантимным налогом. Рабочие думали, что эти 45 сантимов

* — «уважения». *Ред.*

будут иметь тот же результат, что и возврат миллиарда — обложение налогом земельной собственности — и оставили мысль о миллиарде. «Journal des Debats»[262] и безмозглый «National» поддерживали в них это убеждение и разъясняли в передовых статьях, что подлинный капитал — это «земля», исконное землевладение и что временное правительство поступает совершенно правильно, взимая этот налог в пользу рабочих. Когда приступили к сбору налога, крестьяне повсюду возмутились против городских рабочих. «Как? — говорили крестьяне, — наше положение ведь еще хуже, нежели положение рабочих: мы должны занимать деньги под большие проценты, чтобы обработать землю и прокормить наши семьи, и мы же, помимо налогов и процентов в пользу капиталистов, должны еще платить за содержание рабочих!»

Крестьяне отшатнулись от революции, потому что она, вместо защиты их интересов, нанесла им только ущерб. Рабочие поняли предательскую цель налога, выдуманного реакционной партией, и для них стал теперь ясен весь смысл respect de la propriete: выявилась разница между формальной и фактической собственностью; оказалось, что буржуазный капитал вырвал, так сказать, почву из-под самой земли, что формальный собственник этой земли стал вассалом капиталиста и что налог падал лишь на задолжавшего вассала. А когда к тому же фактический владелец земли отказом в кредите, наложением ареста на имущество и тому подобными мерами дал почувствовать крестьянину свою силу, тогда крестьянин окончательно возненавидел революцию. Легитимисты, которые как крупные землевладельцы имели большое влияние на деревню, использовали это обстоятельство, и тогда начались происки роялистов в пользу Генриха V. При таких печальных для революции обстоятельствах наступило 15 мая[263]. Требование Барбеса о миллиарде, хотя и облеченное в другую форму, подобно искре снова подействовало на народ и вызвало целый пожар. Даже июньская битва не могла вытравить мысль о миллиарде, и теперь, когда в Бурже начался процесс Барбеса[264], эта мысль все более захватывает крестьян. Потребовать обратно от легитимистов, своих помещиков и кровопийц, тот миллиард, который они, крестьяне, собрали, — это куда более заманчиво, чем Наполеон. Агитация за возврат миллиарда уже охватила всю Францию, и если бы этот вопрос решался всеобщим голосованием, за него было бы подано еще больше голосов, чем за Наполеона. Требование возврата миллиарда — это первое революционное мероприятие, которое втягивает крестьян в революцию. Петиции, поступающие отовсюду, и тон этих петиций

доказывают, что революция уже пустила глубокие корни. В Клюни требуют возврата не только миллиарда, но и 3 процентов годовых с него за все время с 1825 года. С началом процесса в Бурже петиции эти множатся в такой степени, что судей в Бурже, а с ними и всю реакционную партию, начинает охватывать тревога. Аже, Ансе, Малэн, Сен-Вибальд, Виттер и множество других общин посылают теперь петиции в палату через своих депутатов. Под заголовком rappel du milliard* газеты ежедневно печатают названия все новых общин, присоединяющихся к этому грандиозному движению. Скоро на всех стенах, во всех общинах можно будет прочесть: rappel du. milliard, и если предстоящие выборы пройдут под этим лозунгом, тогда посмотрим, что смогут противопоставить этому миллиарду капиталисты, как бы они себя ни именовали — легитимисты, орлеанисты или просто буржуа, — одержат ли они верх над демократическими кандидатами, которые намереваются вступить в новую палату при помощи этого миллиарда, чтобы эти деньги обратить на пользу рабочих и крестьян. Но это еще не все. Луи-Наполеон повсеместно обещал крестьянам не только вернуть деньги, уплаченные по 45-сантимному налогу, но и понизить все налоги вообще. Во всех петициях выставляется требование употребить миллиард главным образом для этой цели. Что касается юридического обоснования возврата миллиарда, то имеется прецедент, который произошел непосредственно после июльской революции 1830 года, когда внезапно приостановили выплату денег, еще остававшихся от миллиарда. Если то, что уже было выплачено, не было истребовано в то время назад, то это объясняется исключительно тем, что сам Луи-Филипп и его семья получили очень большую часть этих денег.

Так как контрреволюционная партия не может оспаривать справедливость этого требования, она довольствуется пока тем, что указывает на трудности, связанные с его выполнением. Трудность якобы заключается в том, чтобы отыскать тех лиц, которые получили более или менее крупные суммы из этого дарованного возмещения. Но нет ничего легче. Начнем с крупных сумм. В начале списка мы находим герцога Орлеанского (впоследствии Луи-Филиппа) и его сестру, г-жу Аделаиду, которые получили 50 миллионов, и эти 50 миллионов легко можно было бы удержать с тех бесчисленных имений, которые Национальное собрание недавно возвратило королевской семье.

* — возврат миллиарда. *Ред.*

Принц Конде получил 30 миллионов, а кто их унаследовал? Герцог Омальский и г-жа де Фёшер. Вот и получилась бы уже немалая сумма — для начала! Королевская семья владеет огромными поместьями и лесами во Франции, и крестьяне уже начинают вычислять, сколько они потеряли на том, что эти миллионы не были им возвращены еще в 1830 году.

Написано 15 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 247, 16 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ФРАНКФУРТСКИЙ МАРТОВСКИЙ СОЮЗ И «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 15 марта. Мы снова возвращаемся к злополучному Мартовскому союзу[*], этому достойному отпрыску так называемой «мартовской революции». Нас упрекают в том, будто, нападая на Мартовский союз, «мы вредим делу свободы». Но разве мы уже в декабре 1848 г. не разоблачали Мартовский союз, к ужасу «Kolnische Zeitung», как *бессознательное орудие контрреволюции?*[265] Разве мы не высказали уже давно «Мартовскому союзу» наше мнение о «Мартовском союзе»? Будь Мартовский союз организацией революционной партии, будь он хотя бы только полноценным, здоровым детищем *мартовского восстания,* мы закрыли бы глаза на бестактность, бесспорно допущенную им в виде *спекуляции объявлениями.* Во-первых, Мартовский союз не проявляет никакой деятельности, если не принимать воззвания за деятельность; далее, Мартовский союз как наивный простак колеблется между конституционалистами (которых мы считаем худшими реакционерами, чем клуб рыцаря фон Радовица[266]) и некоторыми действительно порядочными демократами, сознание которых затуманено фантастическими планами общеимперского примирения. В подобном центральном коммерческом союзе[**] уже по самой его природе нерешительность всегда будет брать верх; такой союз, быть может, способен возбудить недовольство в народе, но в решительный момент он изменит народу, чтобы потом проливать слезы по поводу совершенной им ошибки. Итак, да пребывает коммерческий

[*] См. настоящий том, стр. 354—356. *Ред.*
[**] Игра слов: «Central-Mrrzverein» — «Центральный мартовский союз», «Central-Commerzverein» — «Центральный коммерческий союз». *Ред.*

союз «в полном благополучии»! Вообще же обидчивость этого союза нас мало трогает; эти либералы, очевидно, все еще продолжают рассматривать свободную печать, как право, завоеванное только для себя лично. Так например, г-н Эйзенман открыто объявил себя конституционалистом на вечные времена, противником республиканизма, и это на том же самом заседании Мартовского союза, где о «Neue Rheinische Zeitung» говорили как об образце «чисто немецкой розни». Таким образом, от нас требуют, чтобы мы, из-за глупейшего понимания единства, поддерживали бы газету человека, который, черт его побери, чем бы он ни был, во всяком случае останется человеком, который по-глупому понимает немецкое единство. Из соображений приличия мы «взяли бы с собой» этих господ так далеко, как это было бы им угодно, если бы только их миссия во Франкфурте не обязывала их «оставаться на месте». Среди этих господ имеются «мыслящие друзья истории»[267]. Они не могут не знать, что не только в Германии, но и везде и всегда, вопреки всяким Мартовским союзам, фельянов[268] устраняли еще до того, как началась настоящая революция. Что пользы приверженцам социальной республики от того, что тот же самый Фогт, который «в первых рядах» горланил против Бонапарта в трактирах провинциального университетского городка, станет неудачным имперским Барро при германском имперском Бонапарте[269]?

Написано К. Марксом 15 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 248, 17 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* ПРОЕКТ АДРЕСА ВТОРОЙ ПАЛАТЫ

Кёльн, 16 марта. Ниже мы знакомим наших читателей с *проектом адреса второй палаты, с* этой бледной, раболепной копией тронной речи. Автор его — пресловутый рыцарь красной земли[*], храбрый (!) *фон Финке.*

Комиссия, составлявшая адрес, «благодарно *признает»* (ветхозаветный стиль) «установление правового порядка посредством конституции от 5 декабря прошлого года». Эту благодарность комиссия *изъявляет* даже от имени *«прусского народа».* А почему народ, в представлении комиссии, благодарит за октроированную саблей декабрьскую конституцию? Потому, что он «преисполнен желания» *«восстановить общественный правовой порядок».* Несчастный рыцарь Финке! На его долю выпала задача показать себя защитником *«почвы законности»,* составляющей его специальность. Но как можно заявлять о признании «почвы законности» перед лицом министерства Бранденбурга, министерства, которое взорвало эту самую почву законности, растоптав законы от 6 и 8 апреля 1848 года? Нет ничего проще! Министерство октроировало *новую* почву законности, *военно-полевой суд,* и одновременно *хартию,* кодекс и философию *военного положения* — конституцию 5 декабря. Сначала министерство упраздняет «общественный правовой порядок». Затем правительство провозглашает какой-либо другой «общественный правовой порядок», опирающийся на хорватские штыки, провозглашает почву законности quelconque[**]. А комиссия по составлению адреса от имени прусского

[*] — Вестфалии. *Ред.*
[**] — какую бы то ни было. *Ред.*

народа и Финке от имени прусской комиссии по составлению адреса спешат сломя голову приветствовать восстановление *какого-нибудь* (любого, безразлично какого) «общественного правового порядка»! Почва законности умерла! Да здравствует почва законности! Если прусское правительство будет завтра свергнуто, если в Берлине будет создан Comite du salut public*, то среди первых, кто явится с поздравлениями, среди свадебных гостей несомненно найдется какой-нибудь «поборник почвы законности», какой-нибудь Финке, который растроганным тоном признает «восстановление» *какого бы то ни было* «общественного правового порядка».

Гладка дорога мертвецам[270], а также и комиссии по составлению адреса. Сначала «благодарность» (согласно предписанию «Neue Preusische Zeitung») за государственный переворот 5 декабря! Затем провозглашение военно-полевой конституции «отныне действующим основным законом прусского государства»! И, наконец, торжественный обет «осуществить *пересмотр* в духе глубочайшей почтительности и верности вашему королевскому величеству», т. е. *пересмотреть в духе дарителя.* Таким путем, надо надеяться, нас заставят отступить назад к временам *до* «Соединенного ландтага»!

Что касается *«осадного положения» в Берлине,* то комиссия по составлению адреса ограничивается лишь пошлыми фразами о том, что «настоящая свобода немыслима *без законного порядка».* А что означает лозунг *«законный порядок!»,* известно по событиям в Варшаве[271]. Если бы только Пруссия могла существовать без денег или доставать деньги, не обращаясь к этим назойливым парламентским болтунам! Что же касается осадного положения, объявляемого спорадически «вне города Берлина», то комиссия считает уместным «выжидать дальнейших сообщений со стороны правительства вашего королевского величества». А пока Эрфурт и районы Силезии, где объявлено осадное положение, должны запастись терпением. Финке satisfait** уже тем, что военные цензоры Эрфурта и Розенберга*** не «вычеркнут» выработанного им проекта адреса. Этого опасаться нечего!

Финке дает затем обещание от имени комиссии по составлению адреса, а комиссия дает обещание от имени второй палаты, а вторая палата дает обещание от имени народа — «напрягать все усилия», дабы возможно более удовлетворительно выполнить задачи, возложенные королевско-прусским правительством на «так называемое народное представительство». В добрый час!

* — Комитет общественного спасения. *Ред.*
** — удовлетворен. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 375—376. *Ред.*

«С радостью признаем мы также, что прусская армия показала свою воинскую доблесть в дни борьбы, свою верность в дни тяжких испытаний».

Датский поход в духе имперского суда![272] Битвы при Милославе и Врешене! Победы в Ангальте, в Майнце, во Франкфурте-на-Майне![273] Больше того! Финке с радостью признает верность «Моей доблестной армии», которая травила его, Финке, предшественников и топила печи документами старого Национального собрания. Финке имеет все основания радоваться. Без «верности» «прусской армии в дни тяжких испытаний» наш Финке никогда не обрел бы случая обессмертить свое имя этим проектом адреса, принадлежащим его перу. Заметим кстати мимоходом, что комиссия по составлению адреса и в этом пункте по-школьнически следует указаниям, которые содержатся в гогенцоллернском общем плане реформ, составленном «Neue Preusische Zeitung».

А *немецкий вопрос?*

«Пруссия» не остановится «ни перед какими жертвами», чтобы присоединить к себе малогерманские земли* иными путями, чем те, которыми Фридрих Великий присоединил к себе Силезию. В отношении «завоеваний» современная Пруссия является сторонницей «мирного» прогресса. Кроме того, комиссия по составлению адреса «надеется» на *«соглашение* между всеми немецкими правительствами и германским Национальным собранием». *Мы* же надеемся, что немецкие правительства не станут особенно церемониться с этой имперской учительской семинарией.

Комиссия по составлению адреса далее высказывает пожелание, чтобы «заявление датского короля о прекращении перемирия не привело к нарушению мира». Финке прекрасно знает, что это датское заявление о прекращении перемирия является актом не более серьезным, чем сама прусско-датская война. Прусские войска действуют в качестве имперских войск в Шлезвиг-Гольштейне, а шлезвиг-гольштейнские войска действуют в качестве имперских войск в Южной Германии; одни здесь, другие там провозглашают введение военно-полевых судов!

Выражение соболезнования по случаю смерти принца Вальдемара, заверения в готовности к самопожертвованию, посредством которых все эти фон Бодельшвинги, Ридели, фон Зеккендорфы, Арнимы, Харкорты, графы Ренарды, Кампгаузены, Финке, Грюны и прочая сволочь снисходят до роли прусских Ли-

* — т. е. всю Германию, за исключением Австрии. *Ред.*

кургов и Солонов, благочестие, законопочитание, дух общности, справедливость, провидение, сердца королей и будущность Пруссии, «а с ней и будущность Германии», — все это преподносится комиссией по составлению адреса, как десерт, сервированный с помощью любезного фон Финке!

Идиотизм должен обладать правом гражданства в таком народном представительстве и в таком народе, если какой-то фон Финке с помощью подобной жалкой стряпни осмеливается от имени комиссии, от имени палаты, от имени самого народа превращать это народное представительство и этот народ в посмешище европейской галерки.

Написано Ф. Энгельсом 16 марта 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 247, 16 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* 18-е МАРТА

Кёльн, 18 марта. Признаемся нашим читателям, что не находим сегодня темы для передовицы. Мартовская революция в Берлине, это слабое эхо революции в Вене, никогда не вызывала у нас восторга. 19 марта 1848 г. Берлин пел: *«Иисус — мое прибежище!».* Советуем бравым берлинцам на этот раз 18 марта сказать: *«Врангель — мое прибежище».*

«Neue Rheinische Zeitung» будет отмечать только годовщину *25 июня*[274].

А что будет делать «Kolnische Zeitung», т. е. «кёльнская буржуазия»?

22 марта 1848 г. главным упреком со стороны «Kolnische Zeitung» г-ну фон «Арниму» было то, что он *запретил* «Rheinische Zeitung». Кампгаузен тогда еще не был министром. Это мы отмечаем для ясности.

Мы еще помним те блаженные времена, когда *Кампгаузен* сотрудничал с нами в Кёльне[275]. Отношение тогдашнего Кампгаузена к нам и наше теперешнее отношение к нему — вот в чем *секрет мартовской революции 1848 года.*

Написано К. Марксом 18 марта 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 249, 18 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* «NEUE PREUSISCHE ZEITUNG» О 18 МАРТА

Кёльн, 18 марта. Орган *Фридриха-Вильгельма IV,* «Neue Preusische Zeitung», пишет по поводу 18 марта 1849 г. следующее:

Но вдвойне несчастен народ, который празднует годовщину своей революции; людям свойственно грешить, но гордиться своим грехом и торжествовать но поводу своего преступления — это наущение дьявола.

Та же газета в фельетоне, напечатанном в том же номере, называет борьбу 18 и 19 марта **«кровавым фарсом»!** Это достойное вознаграждение «Моему народу» за то, что он совершил *половинчатую* революцию.

Далее газета сообщает, что Врангель несколько дней тому назад *«осматривал» Фридрихсхайн*[276].

Интересно знать, что будет **«осматривать»** г-н Врангель 18 марта 1850 года.

Написано К. Марксом 18 марта 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 249, 18 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКИЙ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПЕЧАТИ

I

Кёльн, 21 марта. Согласно нашему обещанию* мы возвращаемся к гогенцоллернским проектам реформ в отношении свободы печати, и права союзов, законопроектам, проникнутым духом осадного положения. Сегодня мы ограничимся тем, что сравним их с прежними планами уголовных законов, *отвергнутыми* рейнскими сословными собраниями[277] еще под эгидой кампгаузеновской оппозиции, и покажем, какими славными «завоеваниями» обязаны *жители Рейнской провинции* мартовскому восстанию в Берлине, какими новшествами в духе проникнутого любовью к насилию прусского права «неослабленная» корона великого герцога в Берлине осчастливила *рейнское* законодательство.

На патентованной памяти[278] Соединенном ландтаге юнкер Тадден-Триглафф из померанской Ламанчи два года тому назад ринулся в бой на защиту свободы печати. Соратник вестфальского новоявленного «храброго» рыцаря Финке поднял свое копье: «Да, гласный, но уж действительно гласный суд для господ литераторов»:

«Свобода печати — и рядом виселица!»

Проекты октроированных законов ноябрьского министерства — ото рецидив тех же старых домартовских упражнений в духе королевского патента. «Сильная корона Пруссии» отвечает на ненавистные статьи Code pénal**, на оправдательные приговоры рейнского суда присяжных сторонникам отказа от

---

* См. настоящий том, стр. 374. *Ред.*

** — Уголовного кодекса. *Ред.*

уплаты налогов и мятежникам: «Да, гласный, но уж действительно гласный суд»:

«Свободу печати — и рядом виселицу, виселицу прусского права!»

Статьям Code penal неизвестна недостойная уязвимость чувств его гогенцоллернского величества. Несмотря на ценз и полицейскую фильтрацию, нельзя будет найти в Рейнской провинции присяжных заседателей, которые согласились бы присуждать за чудовищное преступление — оскорбление величества — к большей каре, нежели за оскорбление «частного лица», т. е. к 5 франкам денежного штрафа. Императорский деспотизм считал ниже своего достоинства заявлять, что он может быть «оскорблен» в своем «величестве»; но христианско-германское сознание отца своих подданных — сознание, которое, понятно, не может идти ни в какое сравнение с величием наполеоновской гордости, — снова «почувствовало глубокую потребность» восстановить охрану своего старопрусского достоинства в своем рейнском великом герцогстве. «Сильная» корона не *осмеливается* отменить рейнское судопроизводство, но она привносит в него многообещающую розгу прусского права и заявляет:

«Гласный, действительно гласный суд — и рядом виселицу прусского права!»

Относительно «гласного суда», который намереваются на первое время октроировать в дополнение к рейнскому Code, мы читаем в § 22 законопроекта следующее:

«Полицейские чиновники имеют право конфисковать каждое предназначенное для распространения печатное издание, где бы они его **ни обнаружили**, *дажв если выпуск его уже начался,* поскольку... в его содержании заключается преступление или проступок, которые *могут* подлежать преследованию *в административном порядке».*

Полиция имеет право конфисковать газеты, которые ей не нравятся, на почте или в редакции, даже если *«выпуск уже начался»,* т. е. когда именно «предупредительные меры» полиции «как таковые» должны прекратиться, и дело, «по закону», уже подлежит компетенции судебных властей. Этим правом конфискации полиция пользуется во всех случаях, когда «содержание» печатных изданий, газет и пр. «заключает в себе преступление или проступок», который может подлежать *«преследованию* в административном порядке», т. е. в полицейском порядке, т. е. во всякое время, когда полиция пожелает удовлетворить укермаркские[279] притязания на роль прокуратуры и сочтет нужным оправдать эти вожделения обычными ссылками на какие-либо «преступления или проступки» или вообще на

«могущие подлежать *преследованию»* деяния. Полиция может, наконец, конфисковать все печатные произведения такого рода, c'est-a-dire* все, что заблагорассудится королю и его святой германдаде[280], *где бы она их ни нашла,* т. е. она может вторгаться в дома, в тайны семейной жизни, и там, где нет никакого основания для охраны собственности с помощью осадного положения или хорватских отрядов, предпринимать под сенью конституционного законного порядка полицейские грабежи частной собственности мирных граждан. Законопроект говорит при этом обо всех «предназначенных» для распространения печатных изданиях, *«даже если»* выпуск их уже начался. Он поэтому, «само собой разумеется», предусматривает право конфискации таких изданий, распространение которых *еще не* начато, которые еще *не могут послужить основанием* для обвинения в «преступлениях или проступках», и, таким образом, распространяет полицейский грабеж также и на частное владение предметами, юридически совсем не «подлежащими преследованию». Французские сентябрьские законы, сабельная цензура кавеньяковской военной диктатуры и даже проекты уголовных законов, предлагавшиеся «при высочайшем неодобрении» старым провинциальным сословным собраниям и их комиссиям, уважали, по крайней мере, частную собственность, «которая еще не может послужить основанием для обвинения в преступлении или проступке». Законопроект о печати на основе берлинских мартовских завоеваний организует, наоборот, официальные полицейские налеты на собственность и частные владения граждан и насильственно предает гласности, во имя христианско-германской полицейской морали, личные отношения, не имеющие никакого касательства к уголовному праву.

«Гласный, действительно гласный суд — и рядом виселицу прусского права!»

Вместе с усовершенствованием этого гласного суда происходит усовершенствование статей прусского права.

Долгожданные законы об оскорблении величества следующим образом «конституированы» в § 12:

«Тот, кто *проявляет непочтительность к особе короля* словесно, письменно, печатно или в форме обозначений, рисунков или каких-либо других изображений, карается тюремным заключением на срок от двух месяцев до *пяти лет».*

Если рейнские подданные не знают, какой степени «почтительности» требует октроированный им на венском торге народами[281] великий герцог Гогенцоллерн, —пусть они справятся

* — то есть. *Ред.*

об этом в мотивировке к берлинскому уголовному законодательству.

По прусскому праву высшей карой за оскорбление величества было до сих пор *два года* заключения, а за *проявление непочтительности — один год* заключения в тюрьме или крепости (Общее прусское право, ч. II, разд. 20, §§ 199, 200).

Эти статьи, однако, не кажутся достаточной защитой для монарших чувств «сильной короны Пруссии». Уже в «проекте уголовного законодательства для прусских государств», предложенном в 1847 г. Соединенным комиссиям[282], «всякие высказывания, словесные, письменные или в форме рисунков и т. д., которыми *преднамеренно* оскорбляется *честь* короля (§ 101), карались принудительными работами от *шести месяцев до пяти лет»;* зато «высказывания или деяния, которые, хотя сами по себе *не могут* считаться *оскорблением короля,* однако не соблюдают *должной почтительности к его особе»* (§ 102), карались тюремным заключением от шести недоль *до одного года.* В официальной мотивировке этого проекта сказано, что, хотя саксонское сословное собрание (по поводу аналогичного проекта 1843 г.) предложило уточнить термин «проявление непочтительности» путем добавления слова «преднамеренное», дабы не подводить под этот закон высказывания и деяния, «в которых нет даже отдаленнейшего *намерения* проявить непочтительность к королю», однако добавление слова «преднамеренное» должно быть-де отвергнуто правительством, ибо это *«стерло* бы различие между оскорблением величества и проявлением непочтительности» и так как *«преднамеренное»* проявление «непочтительности» нужно квалифицировать как «оскорбление».

Из этой мотивировки, продолжающей еще служить руководством для закона о печати, который собираются нам октроировать, вытекает, следовательно, что «проявление непочтительности», которое в настоящее время, подобно оскорблению величества, карается тюремным заключением от двух месяцев до *пяти лет,* состоит именно в *«непреднамеренном»* оскорблении.

В то же самое время «мотивировка» указывает, что высшая мера наказания за «проявление непочтительности» тогда была определена в один год только по предложению сословного собрания Рейнской провинции.

Преимущество «мартовских завоеваний» для жителей Рейнской провинции очевидно. Первое внедрение прусского права в Code pe̲nal октроировало жителям Рейнской провинции новые преступления в виде оскорбления величества, наказуемого

двумя годами, и «проявления непочтительности», наказуемого одним годом тюрьмы[283]. В законопроектах 1843 и 1847 гг. оскорбленное величество повысилось в цене до пяти лет, между тем как проявленная непочтительность должна была, по предложению *сословного собрания Рейнской провинции,* сохранить меру наказания в один год. При завоеваниях же осадного положения, последовавших за мартовским восстанием, «проявление непочтительности» (даже и непреднамеренное) повышается до пяти лет тюремного заключения, и рейнское законодательство опять пополняется новыми преступлениями, приближающими его в нравственном отношении к старопрусскому праву.

«Свободу печати, гласный суд в условиях осадного положения — и рядом виселицу!»

II

Кёльн, 22 марта.

«*Предписания* об оскорблении величества», — говорится в мантёйфелевской мотивировке § 12 проекта, — «тем более должны были иметь место, что в большей части *Рейнской провинции* уголовные законы, относящиеся к оскорблению величества, были *отменены* на основании указа от 15 апреля 1848 г., и этот *пробел* с тех пор не был восполнен».

Мантёйфелевская мотивировка утверждает, что эта часть гогенцоллернского законодательства о печати, превзошедшая даже старопрусское право и высочайшее откровение его величества в виде проектов уголовных законов 1843 и 1847 гг., оказалась особенно необходимой в отношении *Рейнской провинции.* Указы от 15 апреля 1848 г., т. е. обещания, которые вынуждена была дать «поверженная в прах корона» (см. «Neue Preusische Zeitung» от 20 с. м.) под давлением мартовского восстания, «отменили» в Рейнской провинции с таким трудом октроированные добавления из прусского права и снова восстановили Code pеnal в его первоначальной несовершенной чистоте, Но чтобы подобающим образом заполнить этот завоеванный в марте *«пробел»* и вместе с тем документально засвидетельствовать прогрессирующую способность его гогенцоллернского величества к дальнейшему повышению своей ценности, «сильное» ноябрьское министерство предлагает жителям Рейнской провинции не старые домартовские статьи прусского права — нет: новую меру полагающейся особе короля почтительности, раза в два превышающую все кары, изобретенные прежними проектами уголовного законодательства. Le roi est mort, vive le roi!* До марта 1848 г. «неослабленное» достоинство отца своих подданных оценивалось, согласно прусскому праву, в один год тюрьмы; в марте 1849 г. оскорбление «поверженной в прах» короны уже поднялось в цене до пяти

* — Король умер, да здравствует король! *Ред.*

лет тюремного заключения. До марта 1848 г. рейнское законодательство было пополнено только добавлениями из патриархального прусского права; в марте 1849 г. ему октроируют мантёйфелевские ноябрьские завоевания:

«Свободу печати, сабельную цензуру — и рядом виселицу!»

Но «пробел» рейнского законодательства имеет еще другие стороны. Параграф 12 берлинского проекта реформы печати вносит, далее, следующие дополнения:

«Такому же наказанию» (от двух месяцев до *пяти лет* заключения) «подвергается всякий, кто вышеупомянутым образом» (словесно, письменно, в форме обозначений, *рисунков* или *других* изображений) *«оскорбит королеву.* Тот, кто таким же образом нанесет оскорбление *наследнику престола* (?) или *другому члену королевского дома...* наказуется тюремным заключением от одного месяца до *трех лет».*

Старопрусское право, как мы уже отметили, карало оскорбление «самого главы государства» только двумя годами. Прогресс законопроекта о печати очевиден, так как он карает за оскорбление второстепенных персон: королевы — пятью годами заключения, наследника престола (?) и «других» членов «королевского дома» — тремя годами заключения.

Рейнскому законодательству столь же мало известно оскорбление «королевы» и т. д., как и оскорбление «самого главы государства». Рейнские газеты могли до сих пор безнаказанно фантазировать о «надеждах двора на неожиданное событие», что иногда — по причинам медицинского свойства — тоже может быть проявлением непочтительности.

Наконец, экс-патентованный проект уголовного законодательства Соединенных комиссий поставил оскорбление «королевы» ниже оскорбления «главы государства», карая его (§ 103) вместо пяти лет — тремя годами тюремного заключения. А по поводу одинаковой кары за оскорбление «королевы» и за оскорбление других членов королевского дома мотивировка проекта 1847 г. заявляет, что уже рейнские, силезские, саксонские и померанские сословные собрания хотели провести различие между этими персонами, но для правительства не была приемлема такая печальная «казуистика».

Но сильное министерство Мантёйфеля не сочло «казуистику» старых рейнских, силезских, саксонских сословных собраний ниже своего достоинства. Разве елейный фон дер Хейдт не принадлежал к патентованным казуистам того времени? Законопроект о печати Мантёйфеля — фон дер Хейдта «конституирует» казуистическую разницу между королевой и другими членами королевского дома; он конституирует ее соответственно прогрессирующему развитию послемартовских чувств королевского

достоинства вообще. Старые рейнские, силезские, померанские сословные собрания требовали проведения различия между королевой и другими членами королевской семьи, чтобы при оскорблении последних одинаковая мера наказания — трехлетнее заключение — была смягчена. Сильное министерство Мантёйфеля — фон дер Хейдта принимает это различие, но-только для того, чтобы повысить меру наказания за оскорбление королевы до вновь повышенной нормы за оскорбление «главы государства».

О том, что понятие о монаршем достоинстве способно развиваться подобным образом, свидетельствует и добавление к тому же параграфу, согласно которому оскорбление любого *«немецкого главы государства»* карается, наравне с оскорблением «наследника престола», тремя годами тюремного заключения.

Согласно рейнскому законодательству, оскорбление третьестепенных «глав государства» приравнивается к оскорблению частных лиц (денежный штраф в 5 франков) и наказуется только по *заявлению оскорбленного,* а не ввиду публично-правового характера этого преступления. По проекту уголовного законодательства, отвергнутому, к «высочайшему неудовольствию», сословным собранием Рейнской провинции уже в 1843 г., и по вновь предложенному в 1847 г. законопроекту оскорбление иностранных государей и «их супруг» каралось от двух месяцев тюремного заключения до двух лет принудительных работ, причем прусское сословное собрание предложило совершенно устранить эту статью, а оппозиция вестфальских захолустных юнкеров признала первоначальную меру взыскания слишком высокой. Министерство Мантёйфеля — фон дер Хейдта заполняет, наконец, эти серьезные послемартовские пробелы рейнского законодательства, повысив оспаривавшуюся рейнско-вестфальским цензовым представительством меру наказания с двух до трех лет и встав горой на защиту померанского Дон-Кихота Соединенного ландтага:

«Свободу печати, действительно гласный суд — и рядом виселицу!»

Параграф 19 высочайше инспирированного проекта реформы печати является поразительно курьезным:

«Тот, кто виновен в оскорблении словесно, письменно, печатно, в форме обозначений, рисунков или каких-либо иных изображений... 1) одной из обеих палат («как таковой»), 2) члена одной из палат *во время* их сессий, 3) какой-либо *другой* политической *корпорации,* общественного учреждения или должностного лица, карается тюремным заключением до 9 месяцев».

В то время как Мантёйфель — фон дер Хейдт штыками разгоняют «политические корпорации», согласительные собрания и палаты, жителям Рейнской провинции в целях «охраны этих собраний» подсовывают в их «имеющий пробелы» Code penal новые виды преступлений. Министерство Мантёйфеля — фон дер Хейдта октроирует стране, из божественно-королевского источника милости, отечественную конституцию, дабы октроировать рейнскому законодательству *новый, до сих пор неизвестный вид преступления* — «оскорбление палат».

«Свободу печати, гласный суд — и рядом виселицу!»

Пусть жители Рейнской провинции будут настороже! История прежних попыток внедрения прусского права в рейнское законодательство, как и гогенцоллернское *дальнейшее развитие* мартовских обещаний, покажут им, чего следует ожидать от завоеваний, сделанных по ту сторону Рейна.

До сих пор посягательства на Code со стороны военно-полевой юстиции имели целью не что иное, как полное включение Рейнской провинции в состав старопрусских провинций, включение, которое до тех пор не будет полным, пока Рейнская провинция не будет всецело подчинена палочному режиму прусского права. Но новый законопроект, под предлогом восполнения «пробелов» законодательства Рейнской провинции преимуществами прусского права, усовершенствует еще и прусское право для старых провинций в смысле устранения из него «пробела» — излишней мягкости.

Как ни жалка теперешняя палата, мы все же не думаем, чтобы она приняла эти законопроекты. Но мы полагаем, что в таком случае нам *октроируют* и гогенцоллернскую виселицу для печати, а именно этого мы и хотим.

Написано К. Марксом 21—22 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 252 и 253; 22 и 23 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕБАТЫ В БЕРЛИНЕ ПО ВОПРОСУ ОБ АДРЕСЕ

Кёльн, 25 марта. Признаемся нашим читателям, что без особой охоты приступаем к более подробному анализу дебатов берлинской так называемой второй палаты. Дебаты распущенного согласительного собрания, при всей своей незначительности и вялости, все же представляли актуальный интерес; хотя они касались вопросов, не имевших никакого влияния на судьбы Европы, хотя они касались законов, которые уже заранее можно было считать недолговечными, все же они затрагивали наши ближайшие интересы, в них, как в верном зеркале, отражался рост реакции в Пруссии. Дебаты же, которые ведутся в теперешней палате, не преследуют никакой иной цели, кроме легализации уже завершенной контрреволюции. Речь идет не о настоящем времени — обсуждение такого рода вопросов исключено запрещением интерпелляций, — речь идет о прошлом, о периоде временного междуцарствия с 5 декабря по 26 февраля[284], и если палата безоговорочно не признает этого междуцарствия, то она будет разогнана, и ее работа снова окажется бесполезной.

И вот изволь интересоваться подобными заседаниями в такое время, когда в Венгрии и Италии революция и контрреволюция вступают в единоборство с оружием в руках, когда русские стоят на восточной границе, а Франция готовится к новой революции, которая должна потрясти весь мир!

Дебаты об адресе являются самыми нудными из всех, которые мы когда-либо читали. Все дебаты, конечно, вращаются вокруг вопроса о признании или непризнании октроированной так называемой конституции. И какое может иметь значение,

признает ли эта палата, избранная в условиях осадного положения иод гнетущим впечатлением успешно осуществленной контрреволюции, заседающая где-то на задворках Берлина в условиях осадного положения, палата, которая боится пикнуть, чтобы не быть разогнанной, — какое может иметь значение, признает ли подобное собрание этот документ или нет? Как будто это признание или непризнание может хоть сколько-нибудь изменить ход европейской революции, которая сотрет в порошок все ныне действующие октроированные и не октроированные конституции!

Единственное, что представляется интересным во всей дискуссии, — это мальчишеская заносчивость правых и трусливая слабость левых.

Господа роялисты неисправимы. Едва только в их делах снова наступает кратковременное улучшение благодаря помощи послушной военщины, они уже воображают, что снова находятся в старой земле обетованной, и начинают говорить таким тоном, который по своей наглости превосходит все, что когда-либо позволяло себе полицейское государство.

Господа левые, наоборот, снижают свои требования в той же мере, в какой правые их повышают. Во всех выступлениях левых чувствуется надлом, являющийся следствием жестокого разочарования, чувствуется подавленность бывших депутатов того самого собрания, которое сначала завело революцию в болото, а затем, утопая в этом же болоте, пошло ко дну с горестным воплем: народ еще не созрел!

Даже депутаты крайней левой, вместо того, чтобы прямо противопоставить себя всему собранию, продолжают питать надежду, что им в самой палате и посредством палаты еще удастся добиться чего-нибудь и сколотить большинство в пользу левой. Вместо того, чтобы занять в парламенте внепарламентскую позицию, единственно достойную позицию в такой палате, они, в угоду парламентскому приспособленчеству, делают одну уступку за другой; вместо того, чтобы по возможности игнорировать конституционную точку зрения, они постоянно заигрывают с ней во имя драгоценного мира.

Общие дебаты вращаются вокруг вопроса о признании или непризнании так называемой конституции. Левая, считавшая себя преемницей большинства бывшего согласительного собрания, выступившего за отказ от уплаты налогов, должна была бы начать с самого решительного протеста против государственного переворота 5 декабря. А что она делает? Она изъявляет готовность признать роспуск Национального собрания фактом, не подлежащим уже изменению, отказаться от принципиальной

дискуссии о законности октроированной ублюдочной конституции, простить во имя любви все полученные ею пинки и оскорбления и перейти немедленно к пересмотру конституции!

Правая, разумеется, отклоняет это трусливое предложение с подобающим презрением и заставляет левых вступить в принципиальную дискуссию.

Левые получают по заслугам. Почему эти господа воображают, что они должны что-то осуществить там, где абсолютно ничего нельзя осуществить? Почему они внушают себе, что способны добиться парламентскими методами того, чего можно добиться только революционными методами, силой оружия? Поистине, эти господа *«благодаря парламентской деятельности поднялись на высоту», о* которой нам так красноречиво повествует депутат Вальдек, на высоту, где появляется esprit de corps*, а революционная энергия — s'il y en avait** — испаряется.

Первым оратором разношерстной партии, которую называют левой, является г-н *фон Берг.* Но не думайте, что перед вами снова бодрый маленький аббат, который в прошлом году так удачно досаждал правым разными пикантными остротами. Г-н Берг не выступает больше в роли *аббата* — он выступает как пастор.

Он считает желательным составить проект адреса так, чтобы «он был приемлем для максимального большинства». Палата должна показать стране, «что ее представители не намерены жертвовать благополучием страны в пользу *пустых споров из-за принципов».* В конце своей речи г-н Берг отмечает, что в проекте отсутствуют *«дух примирения, которым мы (?) проникнуты»,* и стремление к «соглашению». Он пророчествует, что своими дебатами об адресе палата не «утвердит в отечестве *мир и надежду на лучшее будущее».*

В самом деле! Неужто избиратели Юлиха и Дюрена для того послали г-на Берга в Берлин, чтобы он объявил борьбу за право народа самому вырабатывать свою конституцию пустым «спором из-за принципов», чтобы он проповедовал в набожном тоне «примирение» и «соглашение», чтобы он болтал о «мире», когда речь может идти только о *войне?*

Вас, г-н капеллан Берг, избрали не потому, что вы проповедник, а потому, что вы *голосовали за отказ от уплаты налогов.* Ваше избрание произошло не в интересах *мира,* оно с самого начала было *объявлением войны* против государственного

* — кастовый дух. *Ред.*
** — если только она имелась раньше. *Ред.*

переворота. Вас послали в Берлин не для того, чтобы вы предлагали примирение и соглашение, а для того, чтобы вы *выразили* там *протест.* И вот теперь, когда вы стали депутатом, вы объявляете борьбу между народным суверенитетом и «неограниченной властью короны» пустым и бесплодным спором из-за принципов!

Большинство депутатов, голосовавших за отказ от уплаты налогов, избраны вторично не потому, что вся их деятельность с мая по ноябрь 1848 г. удовлетворяла избирателей, а потому, что решением об отказе от уплаты налогов они встали на революционную почву, потому что можно было надеяться, что пинки, которыми их угостило правительство, откроют им, наконец, глаза на то, как нужно действовать по отношению к короне и правительству, чтобы чего-нибудь добиться. Надеялись на то, что каждый из них в результате всего этого сделает хоть один шаг влево.

Вместо этого обнаруживается, что примененное в ноябре наказание принесло свои плоды. Вместо того, чтобы полеветь, эти господа поправели. С самым благонамеренным пафосом нытиков[285] они проповедуют примирение и соглашение. Они заявляют о своей готовности забыть и простить учиненное над ними насилие, они предлагают мир. Они вполне заслужили издевательские насмешки, с которыми отклоняется их предложение.

Следующим оратором выступает граф *Ренард,* помещик из Силезии.

Г-н Ренард считает, что в марте не было никакого переворота, а только добавился один новый фактор. Королевская власть остается королевской властью, но в виде «определяющего фактора» добавляется *сословное* (!) представительство, в котором народ будет иметь *совещательный* голос. В остальном все остается по-старому. (И действительно, это именно то, что нам октроировано в виде конституции с богом за короля и отечество и что должно быть подвергнуто пересмотру.) Депутат должен «представлять конституцию народа в его совокупности, т. е. народ *вместе* с государем, а не народ *против* государя». (Зачем же тогда, спрашивается, нужен еще государь, если депутаты и без того его «представляют»?) Исходя из этой новой теории государства, г-н Ренард заявляет палате еще следующее: палата никоим образом не существует «для того, чтобы *мелочно торговаться* с короной»—т. е. для соглашения с ней,—«чтобы спорить с ней о словах или *даже, если хотите, о правах»;* правительство и палата никоим образом не являются «адвокатами двух сторон, ведущих между собой тяжбу». Депутат, иначе

понимающий свои полномочия, «ведет гражданскую войну в теории».

Г-н Ренард выражается достаточно ясно. В нечестивых конституционных государствах парламент управляет посредством своего комитета, министерства, а королю принадлежит только право изъявлять свое согласие и ставить свою подпись. Так было и у нас в дни испытаний, во времена Кампгаузена, Ганземана и Пфуля. Но в королевско-прусской конституционной монархии божьей милостью дело обстоит как раз наоборот: король управляет через своих министров, и горе палате, если она попробует отважиться на что-либо иное, кроме согласия с излияниями короля божьей милостью!

«Самым ярким доказательством того, что не существует никакого разрыва между короной и народом», — продолжает г-н Ренард, — «является нынешний момент, когда во всех провинциях с единодушным энтузиазмом обсуждается *немецкий вопрос*... Причина этого энтузиазма... в большинстве случаев — достоинство и величие нашего исконного королевского дома божьей милостью, *рыцарственной* и *победоносной»* (особенно в Шампани, под Йеной[286] и в день 18 марта 1848 г.) «династии Гогенцоллернов. (Оживление и возгласы: браво!)»

Об этом энтузиазме свидетельствует то обстоятельство, что 19 марта, в тот же самый день, когда г-н Ренард произнес эти слова, пять тысяч человек в Гюрценихе[*] провозгласили: «Долой германского императора»; об этом энтузиазме свидетельствует то, что через несколько дней после этого во Франкфурте была отклонена кандидатура прусского короля в качестве наследственного императора, а также то жалкое большинство в 4 голоса, которое высказалось третьего дня во Франкфурте за наследственную императорскую власть вообще.

Нет, восклицает наконец Ренард, который, впрочем, совсем не похож на лису[**]: «никому не удастся уничтожить губительным ядом *новую жизнь,* зародившуюся в заживающей ране. и превратить образовавшуюся трещину» (значит, она все-таки существует!) «в непроходимую пропасть!»

Достопочтеннейший Ренард! Будем надеяться, что злоумышленникам никогда не удастся «уничтожить губительным ядом новую жизнь, зародившуюся в ране», которая была нанесена прошлой весной твоему кошельку, набитому золотом за счет феодальных привилегий, а «теперь заживает» благодаря вновь простертой над тобой милости божьей, и «превратить в непроходимую пропасть трещину, образовавшуюся» вследствие этого между твоими доходами и расходами!

[*] См. настоящий том, стр. 636—637. *Ред.*
[**] Игра слов: Renard— фамилия, «renard» — «лиса». *Ред.*

На трибуну поднимается г-н Якоби. Хотя этот депутат выступает более решительно, чем Берг, и хотя его выводы сформулированы яснее и точнее, все же и он не может не дипломатничать. По мнению оратора, признание конституции в адресе *неуместно* ввиду того, что этого нельзя делать *мимоходом,* и несвоевременно, так как конституция еще не пересмотрена, окончательно не санкционирована и не подтверждена присягой. Как будто признание подобной конституции может вообще когда-нибудь быть уместным и своевременным!

Г-н Якоби также «не хочет возобновлять старый спор» относительно разгона согласительного собрания. Решение вопроса о том, был ли этот разгон спасительным актом или конечной целью какого-то дипломатического заговора, — решение этого вопроса он хочет «предоставить беспристрастной истории». «Беспристрастная история» отметит, что люди, так смело высказывавшиеся, когда они были в большинстве, выступают теперь, когда они оказались в меньшинстве, с покорностью провинившихся школьников.

«Что касается признания конституции народом, то я должен возразить на это, что наше собрание является единственным законным, единственным правомочным органом для подобного признания».

Нет, г-н Якоби, ваше собрание таким органом отнюдь не является. Ваше собрание — не что иное, как орган, созданный главным образом в результате правительственных махинаций, избранный на основе октроированного так называемого избирательного закона и в условиях пресловутой «самостоятельности» выборщиков[287]. Ваше собрание может, конечно, признать конституцию, но это будет только признанием октроированной конституции со стороны той же самой октроированной конституции. Народ не обратит на это никакого внимания, а «беспристрастная история» вскоре отметит только то, что эта так называемая конституция, независимо от ее признания — если бы даже дело дошло до этого признания, — была сметена ходом европейской революции и исчезла неведомо как.

Г-н Якоби знает это, вероятно, не хуже нас. Правые депутаты также знают, что Якоби это знает; к чему же тогда вся эта вздорная болтовня о почве законности, тем более, что берется под сомнение почва законности разогнанного собрания!

Г-н *Шерер,* адвокат и депутат от Дюссельдорфа и Эльберфельда, невероятно возмущен проектом адреса, предложенным Д'Эстером. Он считает, что за депутацией, которая вручит королю этот адрес, «должно последовать вооруженное восстание». Те люди, г-н Шерер, за действиями которых следует

вооруженное восстание, разговаривают с королями совершенно иным языком!

Этот проект «бросает в страну факел». Но г-н Шерер уверен, что «факел не вызовет пожара, а лишь *причинит вред тем, кто его несет».*

Невозможно выразиться яснее. Г-н Шерер дает левым благожелательный совет взять проект обратно, в противном случае они в одно прекрасное утро окажутся под арестом, несмотря на депутатскую неприкосновенность. Весьма человеколюбивый совет, г-н Шерер!

Теперь на трибуну поднимается г-н *Вальдек.* Он нисколько не изменился; он — левый, но ни на йоту не левее, чем это допустимо при желании оставаться *приемлемым.* Г-н Вальдек начинает свое выступление выражением досады по поводу постоянного стремления правых возложить на него ответственность за злосчастный спор о ноябрьском государственном перевороте. Г-н Вальдек и «его партия» ведь «достаточно ясно высказались относительно того, что этот спор из-за принципов вообще не следовало поднимать». По его мнению, «собрание единодушно» (это очень плохо!) «в вопросе о том, как следует поступить с конституцией» — ее надо пересмотреть. Г-н Вальдек снова разъясняет, почему он считает спор из-за принципов излишним, и еще раз взывает к лучшим чувствам правых: «разве вы не можете *на время оставить этот вопрос открытым...* Ваши взгляды при этом совершенно не пострадают; *пощадите же и взгляды других!»*

Достойное обращение бывшего депутата разогнанного «народного представительства» к тому самому большинству, которое радостно потирает руки при воспоминании об удавшемся разгоне Национального собрания!

«Пощадите же и взгляды других!» Великий муж умоляет о *пощаде!*

Но когда выработка конституции будет закончена, тогда, «надеется» министр будущего, «тогда это собрание, *благодаря парламентской деятельности, действительно поднимется на такую высоту,* которая необходима для того, чтобы *полностью осознать последствия* подобного заявления» (о законности конституции)!

В самом деле! Наши новоиспеченные рыцари парламентской трибуны, имеющие лишь семимесячную парламентскую практику, разыгрывают столь многоопытных и мудрых парламентариев, как будто они по 50 лет сидели на скамьях церкви св. Стефана или участвовали в заседаниях всех парижских палат, начиная с «бесподобной палаты» 1815 г. до «бесподобной палаты» 24 февраля![288]

Но что верно, то верно. Наши рыцари парламентской трибуны за свою короткую карьеру до такой степени нахватались парламентского самодовольства и так растеряли всю революционную энергию — si jamais il y en avait*, — как будто они состарились в парламентских дебатах.

После Вальдека свое ораторское искусство демонстрирует некогда его превосходительство, некогда всесильный г-н фон *Бодельшвинг.*

Подобно г-ну Мантёйфелю, его бывший начальник также стал сторонником конституционной монархии «по приказу его величества». Очень забавно слушать, как последний премьер абсолютной монархии защищает конституционную монархию.

Г-н Бодельшвинг до февральской революции считался лучшим оратором тогдашнего министерства. На заседаниях Соединенного ландтага он выступал удачнее других. Но когда читаешь его теперешнюю речь, то даже с его собственной точки зрения можно прийти в ужас от нелепого и вздорного характера этого странного выступления. Г-н Бодельшвинг стал конституционалистом по приказу; но кроме этого названия он — неизвестно, по приказу или без приказа — решительно ни в чем не изменился. Он оправдывается тем, что жил «в деревенском уединении»; но на самом деле можно подумать, что он позволил *похоронить* себя на целый год.

Он признается,что в высшей степени невинный проект адреса, предложенный левыми, «исчерпывающим образом разъяснил ему их взгляды во всем их объеме, о чем он до своего появления в палате *не имел ровно никакого понятия».*

Quel bonhomme!** Когда г-н Бодельшвинг управлял Пруссией, видимо, его многочисленные шпионы за наши деньги так плохо его информировали, что он готов теперь допустить, будто подобные явления с тех пор внезапно выросли из-под земли!

Левые заявили, что они находятся в палате не на основе октроированной военно-полевой, хартии, а на основе всеобщего избирательного права. Что же отвечает на это г-н Бодельшвинг?

«Если мы считаем, что наши мандаты проистекают от всеобщего избирательного права, то все формальности» (проверки полномочий) «совершенно излишни. *Нам достаточно только выйти на рыночную площадь и сказать: выбирайте меня!* Я не знаю, сколько частичек всеобщего избирательного права требуется, по вашему мнению, для того, чтобы получить право входа в эту палату. Берите, сколько вам угодно; таким образом вы легко соберете достаточное количество голосов; в случае

* — если только они когда-нибудь ею обладали. *Ред.*
** — Какой простак! *Ред.*

признания такого права помещение этой палаты вскоре было бы настолько заполнено, что для нас не осталось бы места; по крайней мере, я, со своей стороны, отказался бы в таком случае от мандата, и чем скорее, тем лучше».

Нас не удивило бы, если бы какой-нибудь вестфальский крестьянин или г-н Бодельшвинг в бытность свою министром высказался столь глубокомысленно относительно всеобщего избирательного права. Приведенное место его выступления представляет интерес в том отношении, что показывает, как можно быть прусским премьером и управлять всей вышколенной бюрократией, «не имея ровно никакого понятия» о самых важных вопросах европейского значения. Но после того как во Франции всеобщее избирательное право было осуществлено *дважды,* после того как то, что *левые* называют всеобщим избирательным правом, было осуществлено в Пруссии дважды и в результате самому г-ну Бодельшвингу было даже октроировано место в палате, — после всего этого пускаться в такие несусветные фантастические рассуждения о всеобщем избирательном праве может только допотопный прусский министр! Впрочем, не следует забывать, что г-н Боделыпвинг был похоронен и что он лишь недавно воскрес, чтобы «по приказу его величества» войти в палату!

Далее г-н Боделыпвинг говорит:

«Хотя мы никоим образом не разделяем того взгляда, что эта конституция вступит в силу только после ее пересмотра, мы все же абсолютно **уверены,** что корона не откажется удовлетворить *пожелания* (!)... палаты... мы *сознаем,* что нам незачем спорить с правительством и затевать тяжбу, как если бы мы были врагами; напротив, мы убеждены, что имеем дело с королевской властью, которая, подобно нам, *заботится только о благе отечества...* в добрые и тяжкие времена нам следует быть тесно связанными с нашими государями... принципы благочестия, уважения к закону, духа общности и т. д.»

Г-н Бодельшвинг вообразил, что он выступает еще в Соединенном ландтаге. Как прежде, так и теперь, он стоит на *почве доверия.* Но этот человек прав! Благодаря тому, что левые называют всеобщим избирательным правом, да еще с помощью параграфов о самостоятельности, косвенных выборов и махинаций Мантёйфеля, создана такая палата, которой вовсе не зазорно называться: высокий Соединенный ландтаг.

После незначительного выступления депутата Шульце-Делича слово получает некогда его превосходительство г-н граф Арним. В отличие от г-на Бодельшвинга г-н Арним последний год *не* проспал. Он знает, чего хочет.

Ясно, говорит он, почему мы должны немедленно признать всю конституцию в целом.

«Разве мы можем быть абсолютно уверены в том, *что деятельность по пересмотру конституции приведет к какому-либо результату?* А вдруг нет? Что будет считаться тогда основным законом? Значит, именно потому, что мы находимся в положении, при котором соглашение между тремя сторонами относительно подлежащих пересмотру пунктов конституции сомнительно, именно *поэтому* нам важно, чтобы и на *этот случай народ получил конституцию».*

Разве это не ясно? Это уже второй тонкий намек в течение одного заседания.

Депутат Д'Эстер также выступает против проекта комиссии. Речь Д'Эстера является бесспорно самой лучшей из всех речей левых, выступавших в этих общих дебатах. Смелость и живость, с которой депутат от Майена нападает на правых, производит отрадное впечатление после всех дебатов, наводящих уныние и скуку. Но и Д'Эстер не может обойтись без дипломатических уступок и парламентских ухищрений. Так, например, он заявляет, что и он совершенно согласен с тем, что революция должна быть закончена. Если можно, пожалуй, простить депутату эту фразу, сказанную из парламентских соображений, то член Центрального комитета демократов не должен был говорить что-либо подобное и, вступая немедленно после этого в дискуссию с Финке относительно «степени культуры», он не должен был допустить даже и тени подозрения, что способен всерьез отстаивать подобный вздор. К тому же ни один человек ему все равно не поверит.

К концу депутат *Ридель* в торжествующем тоне говорит о том, что *«корона снова взяла на себя право издавать законы».* Иронические возгласы «браво» показали Риделю, что он сказал лишнее. Испугавшись, он прибавляет: «временно, разумеется!»

Это третий тонкий намек господам депутатам!

Палата переходит к прениям по частным вопросам, отчет о которых мы откладываем на завтра.

Написано Ф. Энгельсом 25 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rhemische Zeitung» № 259, 30 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВОЙНА В ИТАЛИИ И ВЕНГРИИ

Кёльн, 27 марта. Война в Италии началась[289]. Этой войной Габсбургская монархия взвалила на себя бремя, под тяжестью которого она, вероятно, будет раздавлена.

Пока Венгрия не находилась в состоянии открытой войны с объединенной монархией, а вела лишь эпизодические военные действия против южных славян, Австрии было не так уж трудно справляться с итальянцами, лишь наполовину охваченными революцией, раздробленными и парализованными тройной изменой своих государей. И все же, какого напряжения стоила эта победа! Сначала нужно было, чтобы папа и великий герцог тосканский отозвали — прямо или косвенно — свои войска из Венецианской области, сначала нужно было, чтобы Карл-Альберт и его частью бездарные, частью продажные полководцы совершили прямую измену делу Италии, а главное, нужно было путем двурушнической политики или мнимых уступок заставлять то мадьяр, то южных славян посылать свои войска в Италию, прежде чем Радецкий смог добиться победы при Минчо. Известно, что дезорганизованная австрийская армия стала снова боеспособной лишь после массовой переброски в Италию южнославянских пограничных полков.

Далее, пока действовало соглашение о перемирии с Пьемонтом, пока Австрия должна была лишь сохранять свою армию в Италии в ее прежней численности, не будучи вынужденной чрезвычайно ее усиливать, до тех пор Австрия была в состоянии направлять основную массу своих 600 тысяч солдат против Венгрии, могла оттеснять мадьяр с одной позиции на другую и посредством ежедневно поступавших подкреплений могла добиться,

в конце концов, даже разгрома вооруженных сил Венгрии. Кошут, так же как и Наполеон, не мог бы в течение продолжительного времени устоять против подобного превосходства сил.

Но война в Италии сильно меняет положение вещей. С того момента, как стало ясно, что соглашение о перемирии будет прервано, Австрия была вынуждена удвоить количество отправляемых в Италию войск, она была вынуждена делить только что мобилизованных новобранцев между Виндишгрецем и Радецким. Таким образом, можно предполагать, что ни один из них не получит достаточного количества подкреплений.

Поэтому если мадьярам и итальянцам важно только выиграть время — время, необходимое для закупки и производства оружия, время для превращения ополченцев и национальной гвардии в боеспособных солдат, время для революционизирования страны, — то Австрия в сравнении со своими противниками слабеет с каждым днем.

В то время как ход самой войны все сильнее втягивает Рим, Тоскану и даже Пьемонт в революцию, заставляя их день ото дня усиливать свою революционную энергию, в то время как они могут выжидать быстро надвигающегося кризиса во Франции, — в это время в Австрии третий дезорганизующий элемент, *славянская оппозиция,* день ото дня расширяет свою базу и с каждым днем организуется все лучше и лучше. Октроированная конституция, которая в благодарность за то, что славяне спасли Австрию, отбрасывает их назад, к состоянию, в каком они находились до мартовской революции, оскорбления, во множестве нанесенные славянам произвольными действиями бюрократии и военщины, — все это совершившиеся факты, не поддающиеся никакому изменению.

Понятно, что при сложившихся обстоятельствах «Kolnische Zeitung» не терпится, чтобы австрийские войска закончили неприятную войну с Венгрией. Так, вчера она сообщила о форсировании тремя австрийскими колоннами Тиссы — сообщение, которое тем достовернее, что оно до сих пор не подтверждено сводкой. С другой стороны, наоборот, поступают сведения, что мадьярская армия ускоренным маршем продвигается к Пешту, намереваясь, очевидно, освободить осажденный Коморн*. Коморн, несмотря на сильную бомбардировку, держится мужественно. Во время бомбардировки защитники Коморна не сделали ни одного выстрела, но когда австрийцы попытались перейти в наступление, они подверглись смертоносному обстрелу картечью и были отброшены с большими потерями. Ходят слухи,

* Венгерское название: Комаром. *Ред.*

что полк польских улан герцога Кобургского перешел на сторону мадьяр в тот момент, когда Дембинский спокойно ожидал его наступления, приказав оркестру играть «Еще Польша не погибла»[290].

Это все, что мы можем сегодня сообщить о положении на венгерском театре военных действий. Сведения за 23 марта из Вены еще не поступили.

А теперь обратимся к итальянскому театру военных действий. Здесь пьемонтская армия стоит длинной дугой вдоль рек Тичино и По. Ее первая линия проходит от Ароны через Новару, Виджевано, Вогеру до Кастель-Сан-Джованни в районе Пиаченцы. Резервы этой армии расположены в нескольких милях позади этой линии, по рекам Сезии и Бормиде в районе Верчелли, Трино и Алессандрии. На крайнем правом фланге под Сарцаной у тоскано-моденской границы стоит специальный корпус под командованием Ла Марморы, готовый вторгнуться через горные проходы Луниджаны в Парму и Модену, чтобы соединиться слева с правым флангом главной армии и справа с тосканской и римской армиями, форсировать, в зависимости от обстановки, По и Эч* и вести военные действия на территории Венецианской области.

На противоположной стороне, на левом берегу Тичино и По, стоит Радецкий. Его армия, как известно, разделена на два корпуса, из которых один занимает Ломбардию, а другой — Венецианскую область. В то время как из Венецианской области не поступило никаких сведений о размещении войск, мы со всех сторон слышим, что в Ломбардии Радецкий сконцентрировал всю свою армию у Тичино. Он отозвал все свои войска из Пармы, оставив в крепости Модена только несколько сот человек. В Варесе, Комо, Валь д'Интельви и Вальтеллине совершенно не осталось никаких войсковых частей; не видно даже пограничной таможенной охраны.

Все находящиеся в распоряжении Радецкого войска, численностью в 50000 человек, занимают позиции от Мадженты до Павии вдоль Тичино и от Павии до Пиаченцы вдоль По.

Говорят, будто сам Радецкий имел безрассудно смелый план немедленно переправиться с этой армией через Тичино и, воспользовавшись неизбежным замешательством итальянцев, двинуться прямо на Турин. Нельзя не вспомнить, что у Радецкого еще в прошлом году — и не раз — зарождались подобные наполеоновские планы и что он за них уже тогда поплатился. На этот раз, однако, весь военный совет высказался против такого плана, и было решено, не давая решительного боя, отступить в направ-

* Итальянское название: Адидже. *Ред.*

лении Адды, Ольо и, на худой конец, даже в направлении Кьезе, чтобы стянуть туда подкрепления из Венецианской области и Иллирии.

От маневренности пьемонтцев и военного энтузиазма ломбардцев будет зависеть, осуществят ли австрийцы это отступление без потерь и удастся ли им надолго задержать пьемонтцев. Ведь южные склоны Альп, т. е. Комо, Бриенца, Бергамские Альпы, Вельтлин (Вальтеллина) и Брешианская область, теперь уже большей частью оставленные австрийцами, в высшей степени приспособлены для национальной партизанской войны. Сконцентрированные на равнине австрийцы должны оставить горы. Начав быстрое наступление легко вооруженными войсками, пьемонтцы могут здесь, на правом фланге австрийцев, в короткий срок организовать партизанские отряды, которые будут угрожать фланговым частям австрийцев и, в случае поражения одного из корпусов, поставят под угрозу отступление австрийских войск, перережут их коммуникации и распространят восстание до самых Тридентинских Альп. Гарибальди был бы здесь на месте. Но ему и в голову не придет еще раз пойти на службу к изменнику Карлу-Альберту[291].

Тосканско-римская армия, поддерживаемая Ла Марморой, должна будет занять линию По от Пиаченцы до Феррары, по возможности быстро форсировать По, а потом и Эч, отрезать Радецкого от австрийско-венецианского корпуса и оперировать на его левом фланге, а возможно и в тылу у него. Однако вряд ли эта армия подоспеет настолько быстро, чтобы оказать влияние на начало военных действий.

Но самым решающим из всех этих факторов является поведение пьемонтцев. Армия у них хорошая и воинственная; но если она опять будет предана, как в прошлом году, она непременно будет разбита. Ломбардцы требуют оружия, чтобы бороться против своих угнетателей; но если опять, как в прошлом году, нерешительное буржуазное правительство парализует восстание масс, то Радецкий сможет еще раз вступить в Милан.

Против измены и трусости правительства имеется только одно средство: революция. И возможно, что понадобится именно новая измена Карла-Альберта, новое вероломство ломбардского дворянства и буржуазии, чтобы довести до конца итальянскую революцию и одновременно с ней — войну Италии за свою независимость. Но тогда горе изменникам!

Написано Ф. Энгельсом 27 марта 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 257, 28 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПОРАЖЕНИЕ ПЬЕМОНТЦЕВ

I

Кёльн, 30 марта. Предательство Раморино принесло свои плоды. Пьемонтская армия *совершенно разбита* под Новарой и отброшена к Боргоманеро, к подножью Альп. Австрийцы заняли Новару, Верчелли и Трино, и им открыт путь на Турин.

До сих пор еще нет более подробных сведений. Но одно несомненно: без Раморино, давшего австрийцам возможность вклиниться между различными пьемонтскими дивизиями и изолировать часть из них, победа австрийцев была бы невозможна.

Что Карл-Альберт тоже совершил предательство, в этом не может быть сомнений. Но совершил ли он его только через посредство Раморино или еще как-либо — об этом мы узнаем лишь впоследствии.

Раморино — это тот самый авантюрист, который, после более чем сомнительной карьеры во время польской войны 1830—1831 гг., в 1834 г., во время Савойского похода[292], исчез со всей военной казной как раз в тот самый день, когда дело приняло серьезный оборот, а позже, в Лондоне, составил для экс-герцога Брауншвейгского за 1200 фунтов стерлингов план завоевания Германии.

Сам по себе факт, что подобный аферист мог получить такой пост, доказывает, что Карл-Альберт, который больше боится республиканцев Генуи и Турина, нежели австрийцев, уже с самого начала задумал предательство.

Что после этого поражения ожидают революции и провозглашения республики в Турине, — видно из того, что такой

поворот событий хотят предотвратить отречением Карла-Альберта от престола в пользу его старшего сына.

Поражение пьемонтцев имеет большее значение, чем все немецкие императорские фарсы, вместе взятые. Это — поражение всей итальянской революции. После победы над Пьемонтом — очередь за Римом и Флоренцией.

Но если только все признаки не обманывают, то именно это поражение итальянской революции явится сигналом к взрыву европейской революции. Французский народ видит, что по мере того как собственная контрреволюция внутри страны все больше и больше порабощает его, вооруженная иностранная контрреволюция всо ближе подступает к его границам. Июньской победе и диктатуре Кавеньяка в Париже соответствовало победоносное наступление Радецкого вплоть до Минчо; избранию в президенты Бонапарта, министерству Барро и закону о клубах[293] соответствуют победа при Новаре и продвижение австрийцев к Альпам. Париж созрел для новой революции. Савойя, которая уже в течение года подготовляет свое отложение от Пьемонта и присоединение к Франции, которая противилась участию в войне, — Савойя пожелает броситься в объятия Франции; Барро и Бонапарт должны будут ее отвергнуть. Генуя, а быть может, и Турин, если не будет уже слишком поздно, провозгласят республику и обратятся за помощью к Франции, а Одилон Барро с важностью ответит им, что он сумеет оградить целостность сардинской территории.

Но если министерство не желает этого знать, то парижский народ отлично знает, что Франция не должна терпеть австрийцев в Турине и Генуе. И парижский народ их там не потерпит. Он ответит итальянцам победоносным восстанием, и французская армия, единственная армия в Европе, не бывшая с 24 февраля[294] на поле битвы, примкнет к нему.

Французская армия горит нетерпением перейти Альпы и померяться силами с австрийцами. Не в ее обычае выступать против революции, которая сулит ей новую славу и новые лавры, которая выступает под знаменем борьбы против коалиции. Французская армия — это не то, что «Моя доблестная армия».

Поражение итальянцев вызывает чувство горечи. Ни один народ, кроме поляков, не был так унижен и угнетен своими более сильными соседями, ни один не сделал столько отважных усилий, чтобы сбросить давившее его иго. И каждый раз этот несчастный народ принужден покоряться своим угнетателям. Единственный результат всех усилий, всей борьбы —

новые поражения! Но если нынешнее поражение будет иметь своим последствием революцию в Париже и вызовет европейскую войну, предвестники которой видны повсюду; если это поражение послужит толчком к новому движению на всем континенте — движению, которое будет носить совсем иной характер, нежели прошлогоднее, — тогда даже у итальянцев будет основание поздравить себя с таким исходом.

II

Кёльн, 1 апреля. По последним сведениям, полученным из Италии, поражение пьемонтцев при Новаре отнюдь не имеет такого решающего значения, как об этом сообщалось в телеграфной депеше, посланной в Париж.

Пьемонтцы потерпели поражение, они отрезаны от Турина и отброшены в горы. И это все.

Если бы Пьемонт был республикой, если бы туринское правительство было революционным и имело мужество прибегнуть к революционным мерам, — ничто не было бы потеряно. Но итальянская независимость гибнет — не из-за непобедимости австрийского оружия, а из-за трусости пьемонтской королевской власти.

Чему обязаны австрийцы своей победой? Тому обстоятельству, что вследствие предательства Раморино в пьемонтской армии две дивизии были отрезаны от остальных трех, и эти три изолированные дивизии были разбиты численно превосходящими силами австрийцев. Эти три дивизии оттеснены теперь к подножью Валлисских Альп*.

Огромной ошибкой пьемонтцев с самого начала было то, что они противопоставили австрийцам только регулярную армию, что они хотели вести самую обычную, буржуазную, добропорядочную войну. Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной.

Испанцы доказали это в 1807—1812 гг.[295], венгры доказывают это и сейчас.

* Итальянское название: Пеннинские Альпы. *Ред.*

Хшановский был разбит под Новарой и отрезан от Турина; Радецкий стоял в 9 милях от Турина. В таком *монархическом,* хотя и конституционном государстве, как Пьемонт, исход кампании был тем самым решен; к Радецкому обратились с просьбой о мире. Но в республике этим *ничего не было бы решено.* Если бы не неизбежная трусость монархии, у которой никогда не бывает мужества прибегнуть к крайним революционным средствам, если бы не эта трусость — поражение Хшановского могло бы стать счастьем для Италии.

Будь Пьемонт республикой, которая не обязана считаться с монархическими традициями, у него была бы возможность совсем иначе закончить кампанию.

Хшановский был отброшен к Бьелле и Боргоманеро. Там, где швейцарские Альпы препятствуют дальнейшему отступлению, где почти невозможно рассредоточить армию по двум или трем узким речным долинам, было бы легко собрать армию воедино и смелым наступлением свести на нет победу Радецкого.

Если бы полководцы пьемонтской армии обладали революционным мужеством, если бы они знали, что в Турине находится революционное правительство, готовое на самые решительные действия, им было бы ясно, что следует предпринять.

После битвы при Новаре у Лаго-Маджоре стояло 30000— 40000 солдат пьемонтской армии. Стянув этот корпус в какие-нибудь два дня, его можно было бросить в Ломбардию, где стоит менее 12000 австрийцев. Этот корпус мог бы занять Милан, Брешию, Кремону, организовать всеобщее восстание, разбить поодиночке двигающиеся из Венецианской области отдельные австрийские корпуса и тем самым совершенно уничтожить всю операционную базу Радецкого.

Вместо того чтобы идти на Турин, Радецкий должен был бы немедленно повернуть обратно и возвратиться в Ломбардию, подвергаясь преследованиям со стороны пьемонтского ополчения, которое, конечно, должно было бы поддержать восстание в Ломбардии.

Такая *подлинно* национальная война — война, подобная той, какую ломбардцы вели в марте 1848 г., в результате чего они прогнали Радецкого за Ольо и Минчо, — такая война вовлекла бы в борьбу всю Италию и наполнила бы новой энергией римлян и тосканцев.

Пока Радецкий еще стоял между По и Тичино, обдумывая, двигаться ли ему вперед или назад, пьемонтцы и ломбардцы могли дойти до Венеции, освободить ее от осады, соединиться с Ла Марморой и римскими войсками, непрестанно тревожа

австрийского фельдмаршала бесчисленными нападениями партизанских отрядов и тем ослабляя его, разъединить его войска и нанести ему, наконец, поражение. Ломбардия ждала лишь вступления пьемонтцев; она восстала, даже не дождавшись их. Только австрийские крепости удерживали в повиновении ломбардские города. Десять тысяч пьемонтцев уже были в Ломбардии; подоспей еще двадцать — тридцать тысяч — и Радецкому отрезано было бы отступление.

Но массовое восстание, всеобщее восстание народа — это средства, перед применением которых королевская власть в ужасе отступает. Это средства, к которым прибегает только республика, — что доказал 1793 год. Это средства, применение которых предполагает *революционный террор,* а какой же монарх мог бы решиться на это?

Таким образом, итальянцев погубило не поражение при Новаре и Виджевано, а трусость и осторожность, к которой их вынуждает монархия. Поражение при Новаре причинило лишь *стратегический* ущерб: итальянцы были отрезаны от Турина, а для австрийцев путь к нему был открыт. Этот ущерб совсем не имел бы значения, если бы вслед за проигранным сражением началась *подлинная революционная война,* если бы уцелевшая часть итальянской армии тотчас же провозгласила себя ядром всеобщего национального восстания, если бы обычная стратегическая война *армий* превратилась в *народную* войну, подобную той, которую вели французы в 1793 году.

Но, конечно, монархия никогда не отважится на революционную войну, на всеобщее восстание и на революционный террор. Она скорее пойдет на мир со своим злейшим, но равным ей по происхождению врагом, нежели на союз с народом.

Изменник ли Карл-Альберт или нет — одной его *короны,* одной лишь *монархии* достаточно, чтобы привести Италию к гибели.

Но Карл-Альберт изменник. Во всех французских газетах сообщается о грандиозном контрреволюционном заговоре всех европейских великих держав, о плане похода контрреволюции в целях окончательного подавления всех европейских народов. Россия и Англия, Пруссия и Австрия, Франция и Сардиния — все подписали этот новый Священный союз.

Карл-Альберт получил приказ начать войну с Австрией, позволить себя разбить и тем самым дать австрийцам возможность восстановить «спокойствие» в Пьемонте, Флоренции, Риме и октроировать повсюду военно-полевые конституции. За это Карл-Альберт должен был получить Парму и Пиаченцу, русские должны были пацифицировать Венгрию, Франция

должна была стать империей — и спокойствие в Европе было бы водворено. Таков, по сведениям французских газет, широкий план контрреволюции; и этот план объясняет нам предательство Раморино и поражение итальянцев.

Но победа Радецкого нанесла новый удар монархии. Битва при Новаре и последовавшее за ней бездействие пьемонтцев показывают, что в решающие моменты, когда народ должен напрячь все силы для своего спасения, ничто не сковывает его в такой степени, как монархия. Чтобы Италия не погибла из-за монархии, прежде всего монархия в Италии должна погибнуть.

III

Теперь, наконец, раскрывается перед нами ясная, отчетливая картина событий пьемонтского похода вплоть до победы австрийцев у Новары.

Намеренно распространяя ложный слух о том, что он ограничится обороной и отступит к Адде, Радецкий скрытно стянул все свои войска к Сант-Анджело и Павии. Вследствие предательства австрофильской реакционной партии в Турине, Радецкий был *полностью* осведомлен о всех планах и диспозициях Хшановского, обо всем расположении его армии. Напротив, относительно своих планов Радецкому удалось ввести пьемонтцев в полное заблуждение. Этим объясняется размещение пьемонтской армии по обоим берегам реки По, рассчитанное лишь на то, чтобы, сосредоточив свои силы, двинуться одновременно со всех сторон на Милан и Лоди.

Но все же при серьезном сопротивлении в центре пьемонтской армии ни в коем случае нельзя было бы рассчитывать на быстрый успех, какой достигнут сейчас Радецким. Если бы корпус Раморино преградил ему путь у Павии, осталось бы достаточно времени, чтобы помешать переходу Радецкого через Тичино, пока не были бы подтянуты подкрепления. За это время могли бы подойти также и дивизии, находившиеся на правом берегу По и у Ароны. Расположенная параллельно Тичино пьемонтская армия прикрывала Турин, и ее сил с избытком хватило бы на то, чтобы обратить армию Радецкого в бегство. Все это, разумеется, при условии, если бы Раморино выполнил свой долг.

Он этого не сделал. Он позволил Радецкому переправиться через Тичино, в результате чего был совершен прорыв центра пьемонтской армии, и дивизии, расположенные на другом берегу По, оказались изолированными. Тем самым, собственно говоря, исход кампании был уже решен.

Тогда Радецкий расположил всю свою армию, численностью в 60000—70000 человек при 120 орудиях, между Тичино и Агоньей и атаковал с фланга расположенные вдоль Тичино пять пьемонтских дивизий. Четыре дивизии, которые были расположены ближе всего, он благодаря огромному превосходству своих сил опрокинул 21-го у Мортары, Гарласко и Виджевано, взял Мортару, заставил этим пьемонтцев отступить к Новаре и поставил под угрозу единственную открытую еще для них дорогу на Турин — из Новары через Верчелли и Кивассо.

Но и этот путь был уже потерян для пьемонтцев. Чтобы иметь возможность сосредоточить свои войска и, в особенности, подтянуть расположенную на крайнем левом фланге, у Ароны, дивизию Солароли, они должны были сделать Новару узловым пунктом своих операций, причем у них еще оставалась возможность произвести перегруппировку за Сезией.

Пьемонтцам, уже почти отрезанным от Турина, не оставалось поэтому ничего другого, как либо принять бой у Новары, либо перебросить свои силы в Ломбардию, организовать народную войну и предоставить Турин своей судьбе, оставив в его распоряжении резервы и национальную гвардию. В таком случае Радецкий поостерегся бы двигаться дальше.

Но такой выход требовал, чтобы в самом Пьемонте было подготовлено *массовое восстание,* а этого-то как раз и не произошло. Буржуазная национальная гвардия была вооружена, тогда как народные массы были безоружны, хотя они громко требовали оружия, которое лежало в арсеналах.

Монархия не осмелилась апеллировать к той неодолимой силе, которая в 1793 году спасла Францию.

Пьемонтцы должны были поэтому принять бой у Новары, несмотря на всю невыгодность их позиции и на большое превосходство неприятельских сил.

40000 пьемонтцев (10 бригад) со сравнительно слабой артиллерией противостояли всей австрийской армии, насчитывавшей по меньшей мере 60000 человек при 120 орудиях.

Пьемонтская армия была расположена под стенами Новары по обеим сторонам дороги на Мортару.

Левый фланг, две бригады, под начальством Дурандо опирался на довольно сильную позицию Ла Бикокка.

Центр, три бригады, под начальством Беса опирался на ферму Ла Читтаделла.

Правый фланг, две бригады, под начальством Перроне опирался на плоскогорье Корте Нуово (по дороге на Верчелли).

Два резервных корпуса расположены были: один корпус из двух бригад под начальством герцога Генуэзского на левом фланге; второй корпус из одной бригады и гвардии под начальством герцога Савойского, нынешнего короля, на правом фланге.

Расположение австрийцев, согласно их сводке, менее ясно.

Сперва второй австрийский корпус, под начальством Д'Аспре, атаковал левый фланг пьемонтцев, в то время как за ним развертывался третий корпус под начальством Аппеля, а также резервы и четвертый корпус. Австрийцам удалось полностью развернуть свои боевые линии и повести концентрированную атаку одновременно на все пункты пьемонтского боевого порядка с таким превосходством сил, что пьемонтцы были разбиты.

Ключом к пьемонтской позиции была Бикокка. Если бы австрийцы овладели ею, центр и левый фланг пьемонтцев были бы заперты между городом (неукрепленным) и каналом, и их можно было бы либо рассеять, либо принудить сложить оружие.

Поэтому главный удар и был направлен против левого фланга пьемонтцев, основной опорой которого была Бикокка. Здесь сражение велось с большим ожесточением, хотя долгое время безрезультатно.

Весьма энергичная атака велась также и против центра. Ферму Ла Читтаделла пьемонтцы несколько раз теряли, и несколько раз Бес брал ее обратно.

Когда австрийцы увидели, что здесь они натолкнулись на слишком упорное сопротивление, они вновь направили свои главные силы против левого фланга пьемонтцев. Обе пьемонтские дивизии были отброшены к Бикокке, и, наконец, сама Бикокка была взята штурмом. Герцог Савойский бросился на австрийцев со своими резервами, но тщетно. Превосходство сил императорской армии было слишком велико, позиция была потеряна, и тем самым исход сражения был решен. Единственный путь к отступлению, оставшийся пьемонтцам, был путь в сторону Альп, к Бьелле и Боргоманеро.

И про это-то сражение, подготовленное при помощи предательства и выигранное вследствие превосходства сил, «Kolnische Zeitung», так долго с мучительным нетерпением ожидавшая победы австрийцев, говорит:

«Это сражение останется *навсегда блестящим примером* (!) в истории войн, ибо победа, одержанная здесь стариком Радецким, явилась результатом столь *искусно комбинированных* маневров и такой *поистине великолепной отваги,* что *ничего подобного не было со времен великого демона сражений, Наполеона* (!!!)».

Радецкий, или, вернее, Хесс, начальник его генерального штаба, весьма ловко осуществил свой заговор с Раморино, это надо признать. Что со времени измены Груши при Ватерлоо в самом деле не было чудовищнее низости, чем та, какую совершил Раморино, это тоже верно. Но Радецкий принадлежит не к тому типу людей, что «демон сражений» (!) Наполеон; нет, это человек типа *Веллингтона!* Победы Веллингтона и Радецкого стоили обоим куда больше *наличных денег,* чем отваги и искусства.

Мы даже не считаем нужным останавливаться на прочей лжи, нагроможденной вчера «Kolnische Zeitung», а именно, будто демократические депутаты бежали из Турина, будто ломбардцы «вели себя, как трусливый сброд» и т. д. Последние события уже опровергли это. Эта ложь свидетельствует только о радости «Kolnische Zeitung» по поводу того, что большая Австрия задушила — да еще с помощью предательства — маленький Пьемонт.

Написано Ф. Энгельсом 30 марта — 3 апреля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 260, во втором выпуске № 261 и в №263 31 марта, 1 и 4 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кёльн, 3 апреля. Заседание французского Национального собрания 31 марта ознаменовалось речью «маленького ловкого человека», г-на *Тьера,* который с циничной откровенностью и недвусмысленной ясностью восхвалял венские договоры 1815 г., отстаивая их как основу нынешнего политического положения Европы. Разве этот маленький человек не был совершенно прав, высмеивая то противоречие, которое получается, когда на деле сохраняют эти договоры, а в правовой фразеологии их отрицают? А именно таково было осторожное поведение как временного правительства, так и Кавеньяка. Внешняя политика Барро была необходимым следствием политики Кавеньяка, подобно тому как внешняя политика Кавеньяка была необходимым следствием политики Ламартина. Ламартин, как и все временное правительство, внешнюю политику которого он осуществлял, предал Италию и Польшу под тем предлогом, чтобы не мешать внутреннему развитию Французской республики. Звон оружия дисгармонировал бы с ламартиновской пропагандой при помощи красноречия. Так же как временное правительство утверждало, будто можно фразой о «братстве» уничтожить противоположность между классом буржуазии и рабочим классом и с помощью фантазии устранить классовую борьбу, точно так же относилось оно и к национальным противоречиям и к внешней войне. Под эгидой временного правительства вновь укрепились угнетатели Польши, Италии и Венгрии, одновременно с французской буржуазией, которая в конце июня осуществила на деле ламартиновское братство. Кавеньяк поддерживал мир вовне, дабы спокойно вести

гражданскую войну внутри и не мешать «добропорядочной» умеренной республике, республике буржуазной, уничтожать побежденную красную республику, республику рабочую. При Кавеньяке был восстановлен в Европе старый Священный союз, как во Франции — новый Священный союз легитимистов, сторонников Луи-Филиппа, бонапартистов и «добропорядочных» республиканцев. Министерством этого двойного Священного союза является министерство Одилона Барро. Его внешняя политика есть политика этого Священного союза. Ему нужна победа контрреволюции за границей, чтобы завершить контрреволюцию в самой Франции.

На заседании Национального собрания 31 марта временное правительство отрекается от Кавеньяка. Кавеньяк с полным правом утверждает, что он — законный наследник временного правительства, и, со своей стороны, отрекается от Одилона Барро, который невозмутимо пребывает в убеждении, что смысл февральской революции — в венских договорах 1815 года. Флокон заявляет — и Одилон Барро не опровергает этого, — что министерство два дня тому назад наложило настоящий интердикт на Италию, и все французы, поляки и итальянцы, которые желают туда поехать, *получают отказ в паспортах.* Разве Барро не заслуживает того, чтобы стать премьер-министром Генриха V?

Что касается Ледрю-Роллена, то в своем возражении Тьеру он признал:

«Да, я должен сознаться, что действовал неправильно; временное правительство должно было бы послать своих солдат к границам не для завоевания, а для защиты угнетенных братьев, и тогда в Европе не было бы больше деспотов. Но если мы тогда не решались начать войну, то вина лежала на монархии, которая истощила наши финансы и опустошила наши арсеналы».

Написано 3 апреля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 263, 4 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* КОМЕДИЯ С ИМПЕРАТОРСКОЙ КОРОНОЙ

Кёльн, 3 апреля. Г-н Бранденбург сообщил вчера второй палате, какие шаги предпримет король в «немецком вопросе». Искушение было слишком велико; «верные Эккарты»[296] из «Neue Preusische Zeitung» со всеми их предостережениями были оставлены без внимания. *Прусский король* **примет** *предложенную корону,* и таким образом в ближайшее время мы, быть может, станем свидетелями торжественного въезда его христианско-германского королевско-императорского величества в резиденцию «имперского правительства».

Но, соглашаясь принять императорскую корону из рук плебейского Франкфуртского парламента, Фридрих-Вильгельм одновременно дает легкий пинок и этому самому парламенту и иллюзии о его суверенитете.

Министр-президент «признает, что решение Франкфуртского собрания является *большим шагом вперед* в деле осуществления немецкого единства. Но он не может не считаться и с правами правительств. Он считает, что *постановление войдет в силу только при наличии добровольного согласия государей и что постановление это обязательно лишь для тех германских государств, государи которых изъявили это свое добровольное согласие.* Прусское правительство, с своей стороны, примет все меры для достижения этого добровольного объединения».

Хитро придумано! Императорская корона всегда приемлема, особенно когда она является предметом долгих и тщетных ожиданий, целью всей жизни — сравните известную брошюру фон Радовица: «Как Фридрих-Вильгельм IV *не* стал германским императором»[297]. Но к предлагаемой Франкфуртским парламентом короне пристало слишком много плебейской грязи,

слишком много неприятных воспоминаний о злосчастных днях господства суверенного народа, чтобы король божьей милостью, да к тому же еще восстановленный в своих правах, мог без дальнейших околичностей нахлобучить ее на свою голову.

Лишь тогда, когда прочие государи, тоже коронованные божьей милостью, дадут свое согласие на это, лишь тогда новая корона будет очищена милостью божьей от всех запятнавших ее греховных мартовских завоеваний и освящена; лишь тогда возьмет ее в руки избранник 290 профессоров и гофратов и скажет, как некогда было сказано в Берлине: «Божьей милостью дана мне эта корона, и горе тому, кто посягнет на нее!»

В какую новую стадию вступит германский имперский хаос в результате комедии с императорской короной и особенно в результате признания или непризнания всего этого отдельными правительствами — дать ответ на это мы предоставляем премудрости «Kolnische Zeitung».

Написано Ф. Энгельсом 3 апреля 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 263, 4 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ [298]

I

Кёльн, 4 апреля*. С разных сторон нам приходилось выслушивать упреки в том, что мы не обрисовали *экономических отношений,* составляющих материальную основу современной классовой и национальной борьбы. Мы намеренно касались этих отношений только тогда, когда они непосредственно выдвигались на первый план в политических столкновениях.

Необходимо было прежде всего проследить классовую борьбу в ходе текущей истории и эмпирически доказать на уже имеющемся и каждый день вновь появляющемся историческом материале, что вместе с поражением рабочего класса, который совершил февральскую и мартовскую революции, были побеждены и его противники, буржуазные республиканцы во Франции, а на всем европейском континенте — классы буржуазии и крестьянства, боровшиеся против феодального абсолютизма; что победа «добропорядочной республики» во Франции была вместе с тем поражением наций, ответивших на февральскую революцию героическими войнами за независимость; наконец, что с поражением революционных рабочих Европа снова попала в свое старое двойное рабство — в *англо-русское* рабство. Июньская борьба в Париже, падение Вены, трагикомедия берлинского ноября**, отчаянное напряжение сил Польши, Италии и Венгрии, удушение Ирландии голодом — вот главные события, в которых нашла свое концентрированное выражение европейская классовая борьба между буржуа-

---

* В отдельных изданиях «Наемного труда и капитала», в том числе и в издании 1891 **г.**, помещенные в начале каждой статьи даты опущены. *Ред.*

** В издании 1891 г. после слов «берлинского ноября» добавлено: «1848 года». *Ред.*

зией и рабочим классом и на примере которых мы доказывали, что всякое революционное восстание, как бы далеко ни лежали, казалось, его цели от классовой борьбы, должно окончиться поражением, пока не победит революционный рабочий класс, что всякое социальное преобразование останется утопией, пока пролетарская революция и феодальная контрреволюция не померяются силами в *мировой войне.* В нашем изображении, как и в действительности, *Бельгия* и *Швейцария* в великой исторической панораме представляли собой трагикомические, карикатурные жанровые картины: одна — образцовое государство буржуазной монархии, другая — образцовое государство буржуазной республики, обе — государства, воображающие, что они так же независимы от классовой борьбы, как и от европейской революции.

Теперь, после того как наши читатели видели развернувшуюся в грандиозных политических формах классовую борьбу 1848 года, настало время поближе рассмотреть сами экономические отношения, на которых основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих.

В трех больших разделах мы обрисуем: 1) отношение *наемного труда к капиталу,* рабство рабочего, господство капиталиста; 2) *неизбежный при современной системе процесс гибели средних буржуазных классов и крестьянского сословия*[*]*;* 3) *торговое порабощение и эксплуатацию буржуазных классов различных европейских наций* деспотом мирового рынка — *Англией.*

Мы постараемся излагать все это как можно проще и популярнее, не предполагая у читателя знакомства даже с самыми элементарными понятиями политической экономии. Мы хотим, чтобы нас понимали рабочие. К тому же в Германии повсюду, начиная с патентованных защитников существующего порядка и кончая **социалистическими шарлатанами и непризнанными политическими гениями,** которыми раздробленная Германия еще богаче, чем «отцами своих подданных», царит поразительнейшее невежество и путаница в понимании простейших экономических отношений.

Итак, прежде всего — первый вопрос: **Что такое заработная плата? Как она определяется?**

Если спросить у рабочих: «Как велика ваша заработная плата?», то один ответит: «Я получаю от своего буржуа 1 франк[**]

[*] В издании 1891 г. вместо слов *«крестьянского сословия»* напечатано: «так *называемого бюргерского сословия». Ред.*

[**] 1 франк равняется 8 прусским зильбергрошам. [В издании 1891 г. слово «франк» всюду заменено словом «марка». *Ред.*]

за рабочий день», другой: «Я получаю 2 франка» и т. д. В зависимости от того, в какой отрасли труда они заняты, они назовут различную сумму денег, которую каждый из них получает от соответствующего буржуа за определенное рабочее время или* за выполнение определенной работы, — например, за изготовление одного аршина холста или за набор одного печатного листа. Несмотря на различие называемой ими суммы, все они сходятся в одном: заработная плата — это сумма денег, которую платит буржуа за определенное рабочее время или за исполнение определенной работы.

Итак**, буржуа *покупает* за деньги труд рабочих. Рабочие за деньги *продают* ему свой труд***. За ту же сумму денег, за которую буржуа купил их труд****, например за 2 франка, он мог бы купить 2 фунта сахара или определенное количество какого-нибудь другого товара. 2 франка, за которые он купил 2 фунта сахара, составляют *цену* 2-х фунтов сахара. 2 франка, за которые он купил 12 часов труда*****. составляют цену двенадцатичасового труда. Стало быть, труд****** — товар, товар не в большей и не в меньшей степени, чем сахар. Первый измеряется с помощью часов, второй — с помощью весов.

Свой товар, труд*******, рабочие обменивают на товар капиталиста, на деньги, причем этот обмен совершается в определенной пропорции. Столько-то денег за столько-то времени труда*****. За двенадцатичасовой труд ткача—2 франка. По разве эти 2 франка не представляют всех других товаров, которые можно купить за 2 франка? Стало быть, по существу рабочий обменял свой товар, труд, на всевозможные другие товары********, и притом в определенной пропорции. Давая ему 2 франка, капиталист в обмен на его рабочий день

* В издании 1891 г. слова «за определенное рабочее время или» опущены. *Ред.*

** В издании 1891 г. после слова «Итак» вставлены слова: «кажется, будто». *Ред.*

*** В издании 1891 г. после слова «труд» вставлено: «Однако это лишь видимость. В действительности они продают капиталисту за деньги свою рабочую *силу.* Капиталист покупает эту рабочую силу на день, на неделю, на месяц и т. д. А после того как он ее купил, он потребляет ее, заставляя рабочих трудиться в течение условленного срока». *Ред.*

**** В издании 1891 г. вместо слов «буржуа купил их труд» напечатано: «капиталист купил их рабочую силу». *Ред.*

***** В издании 1891 г. вместо слова «труда» напечатано: «потребления рабочей силы». *Ред.*

****** В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочая сила». *Ред.*

******* В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочую силу». *Ред.*

******** В издании 1891 г. вместо слов «труд, на всевозможные другие товары» напечатано: «рабочую силу, на всевозможные товары». *Ред.*

дал ему столько-то мяса, столько-то одежды, столько-то дров, освещения и т. д. Следовательно, эти 2 франка выражают отношение, в котором труд[*] обменивается на другой товар, выражают *меновую стоимость* его труда[**]. Меновая стоимость товара, выраженная в *деньгах,* как раз и называется его *ценой.* Итак, *заработная плата* — это лишь особое название *цены труда*[***], цены этого своеобразного товара, который не может существовать иначе, как в человеческой плоти и крови.

Возьмем любого рабочего, например ткача. Буржуа[****] предоставляет ему ткацкий станок и пряжу. Ткач принимается за работу, и пряжа превращается в холст. Буржуа[****] забирает этот холст и продает его, скажем, за 20 франков. Является ли заработная плата ткача *долей* холста, *долей* 20 франков, *долей* продукта его труда? Ни в коем случае. Ведь ткач получил свою заработную плату еще задолго до того, как холст был продан, быть может задолго до того, как он был соткан. Стало быть, капиталист платит эту заработную плату не из тех денег, которые он выручит за холст, а из денег, имеющихся у него в запасе. Ткацкий станок и пряжа не являются продуктом того ткача, которому предоставил их буржуа, и точно так же не являются его продуктом те товары, которые он получает в обмен на свой товар, труд[*****]. Может случиться, что буржуа вовсе не найдет покупателя на свой холст. Может быть, при продаже холста он не выручит даже суммы, израсходованной на заработную плату. Возможно, что он продаст его весьма выгодно по сравнению с уплаченной ткачу заработной платой. Ткача все это совершенно не касается. На одну часть своего наличного состояния, своего капитала, капиталист покупает труд[*****] ткача совершенно также, как на другую его часть он закупил сырье — пряжу, а также орудие труда — ткацкий станок. Сделав эти покупки — а к числу этих покупок принадлежит и необходимый для производства холста труд[******], — капиталист приступает к производству, причем *сырье и орудия труда принадлежат только ему.* Разумеется, к числу последних теперь относится также и наш добрый ткач, который,

[*] В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочая сила». *Ред.*

[**] В издании 1891 г. вместо слова «труда» напечатано: «рабочей силы». *Ред.*

[***] В издании 1891 г. вместо слов *«цены труда»* напечатано; «цены рабочей силы, которую обыкновенно называют *ценой труда». Ред.*

[****] В издании 1891 г. вместо слова «буржуа» напечатано: «капиталист». *Ред.*

[*****] В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочую силу». *Ред.*

[******] В издании 1891 г. вместо слов «необходимый для производства холста труд» напечатано: «необходимая для производства холста рабочая сила». *Ред.*

так же как и ткацкий станок, не имеет доли в продукте или в его цене.

Следовательно, заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющихся налицо товаров, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительного труда[*].

Итак, труд[**] есть товар, который его владелец, наемный рабочий, продает капиталу. Зачем он его продает? Чтобы жить.

Но[***] труд — это собственная жизнедеятельность рабочего, проявление его собственной жизни. И эту-то *жизнедеятельность* он продает другому, чтобы обеспечить себе необходимые *средства к жизни.* Значит, его жизнедеятельность есть для него только *средство,* дающее ему возможность существовать. Он работает для того, чтобы жить. Он даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться значит для него жертвовать своей жизнью. Труд — это товар, проданный им другому. Поэтому и продукт его деятельности не составляет цели его деятельности. Для себя самого рабочий производит не шелк, который он ткет, не золото, которое он извлекает из шахты, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит *заработную плату,* а шелк, золото, дворец превращаются для него в определенное количество жизненных средств, быть может в хлопчатобумажную куртку, в медную монету, в жилье где-нибудь в подвале. И может ли рабочий, который 12 часов в сутки ткет, прядет, сверлит, точит, строит, копает, дробит камни, переносит тяжести и т. д., — может ли он считать это двенадцатичасовое ткачество, прядение, сверление, токарную, строительную работу, копание, дробление камней проявлением своей жизни, своей жизнью? Наоборот. Жизнь для него начинается тогда, когда эта деятельность прекращается, — за обеденным столом, у трактирной стойки, в постели. Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он ткет, прядет, сверлит и т. д., а в том, что это — способ *заработка,* который дает ему возможность поесть, пойти в трактир, поспать. Если бы шелковичный червь прял для того, чтобы поддерживать свое существование в качестве гусеницы, он был бы настоящим наемным рабочим.

---

[*] В издании 1891 г. вместо слов *«производительного труда»* напечатано: *«производительной рабочей силы». Ред.*

[**] В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочая сила». *Ред.*

[***] В издании 1891 г. после слова «Но» вставлено: «проявление рабочей силы в действии». *Ред.*

Труд не всегда был[*] *товаром.* Труд не всегда был наемным трудом, т. е. *свободным,* трудом. *Раб* не продает свой труд[**] рабовладельцу, так же как вол не продает своей работы крестьянину. Раб вместе со своим трудом[***] раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. *Сам он* — товар, но труд[****] не является *его* товаром. *Крепостной* продает только часть своего труда[*****]. Не он получает плату от собственника земли; напротив, собственник земли берет дань с него. Крепостной есть принадлежность земли и приносит плоды собственнику земли. Напротив, *свободный рабочий* сам продает себя, и притом продает по частям. Изо дня в день с публичного торга он продает 8, 10, 12, 15 часов своей жизни, продает тому, кто больше даст, — владельцу сырья, орудий труда и жизненных средств, т. е. капиталисту. Рабочий не принадлежит ни собственнику, ни земле, но 8, 10, 12, 15 часов его ежедневной жизни принадлежат тому, кто их покупает. Рабочий, как только захочет, покидает капиталиста, к которому нанялся, и капиталист, когда ему заблагорассудится, увольняет рабочего, увольняет, как только рабочий перестает приносить ему выгоду или не приносит ему такой выгоды, на какую капиталист рассчитывал. Но рабочий, для которого единственным источником заработка служит продажа труда[******], не может покинуть *всего класса покупателей, т. е. класса капиталистов,* не обрекая себя при этом на голодную смерть. *Он принадлежит не тому или другому буржуа, а буржуазии, классу буржуазии в целом*[*******]*;* и уж его дело — найти себе хозяина, т. е. подыскать покупателя среди класса буржуазии[********].

Теперь, прежде чем остановиться подробнее на отношениях между капиталом и наемным трудом, изложим вкратце наиболее

[*] В издании 1891 г. вместо слов «Труд не всегда был» напечатано: «Рабочая сила не всегда была». *Ред.*
[**] В издании 1891 г. вместо слов «свой труд» напечатано: «свою рабочую силу». *Ред.*
[***] В издании 1391 г. вместо слов «со своим трудом» напечатано: «со своей рабочей силой». *Ред.*
[****] В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочая сила». *Ред.*
[*****] В издании 1891 г. вместо слов «своего труда» напечатано: «своей рабочей силы». *Ред.*
[******] В издании 1891 г. вместо слов «продажа труда» напечатано; «продажа рабочей силы». *Ред.*
[*******] В издании 1891 г. вместо слов *«не тому или другому буржуа, а буржуазии, классу буржуазии в целом»* напечатано: *«не тому или другому капиталисту, а классу капиталистов в целом». Ред.*
[********] В издании 1891 г. вместо слов «класса буржуазии» напечатано: «класса капиталистов». *Ред.*

общие условия, играющие роль при определении заработной платы.

Как мы видели, *заработная плата* есть *цена* определенного товара — труда*. Следовательно, заработная плата определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара.

Итак, спрашивается: *как определяется цена товара?*

* В издании 1891 г. вместо слова «труда» напечатано: «рабочей силы». *Ред.*

II

Кёльн, 5 апреля. Чем определяется *цена* товара?

Конкуренцией между покупателями и продавцами, отношением спроса к предложению, предложения к спросу. Конкуренция, . при посредстве которой определяется цена товара, является *трехсторонней.*

Один и тот же товар предлагается различными продавцами. Кто продает товары одного и того же качества дешевле всех, тот наверняка одержит верх над остальными продавцами и обеспечит себе наибольший сбыт. Таким образом, продавцы ведут между собой борьбу за сбыт, за рынок. Каждый из них хочет продавать, продавать как можно больше, хочет по возможности продавать один, устранив остальных продавцов. Поэтому один продает дешевле другого. Стало быть, происходит *конкуренция между продавцами,* которая *понижает* цену предлагаемого ими товара.

Но происходит *также конкуренция между покупателями,* которая, со своей стороны, *повышает* цены предлагаемых товаров.

Наконец, существует *конкуренция между покупателями и продавцами;* одни хотят возможно дешевле купить, другие — возможно дороже продать. Результат этой конкуренции между покупателями и продавцами зависит от того, каково соотношение обеих указанных выше конкурирующих сторон, т. е. от того, где конкуренция сильнее, в лагере покупателей или в лагере продавцов. Промышленность выводит на поле брани друг против друга две армии, причем в собственных рядах каждой из них, в свою очередь, происходит междоусобная борьба. Победу над противником одерживает та армия, в рядах которой меньше драки.

Предположим, что на рынке находится 100 кип хлопка, между тем как покупателям нужно 1000 таких кип. Следовательно, в этом случае спрос в десять раз превышает предложение. Конкуренция между покупателями будет поэтому очень

сильна; каждый из них будет стараться урвать себе хотя бы одну кипу, а по возможности захватить и все 100 кип. Этот пример не является произвольным предположением. В истории торговли мы переживали такие периоды недорода хлопка, когда несколько капиталистов, заключив между собой союз, пытались скупить не сотню кип, а весь запас хлопка, имевшийся на земном шаре. Итак, в приведенном нами случае каждый покупатель постарается устранить другого, предлагая за кипу хлопка относительно более высокую цену. Видя ожесточеннейшую междоусобную борьбу в рядах неприятельского войска и будучи вполне уверенными в продаже всех своих 100 кип, продавцы хлопка поостерегутся вступать в драку между собой, чтобы не понизить цеп своего товара в момент, когда их противники наперебой состязаются во взвинчивании цеп. Таким образом, в лагере продавцов вдруг водворяется мир. Как *один* человек, противостоят они покупателям, философски скрестив руки, и их притязаниям не было бы предела, если бы предложения даже самых настойчивых покупателей не имели, со своей стороны, весьма определенных границ.

Итак, если предложение какого-нибудь товара меньше, нежели спрос на этот товар, то конкуренция в рядах его продавцов очень слаба или даже вовсе не имеет места. В той самой мере, в какой ослабевает конкуренция между продавцами, возрастает конкуренция между покупателями. Результат — более или менее значительное повышение цен товаров.

Как известно, чаще имеет место обратный случай с обратным результатом: значительное превышение предложения над спросом, отчаянная конкуренция между продавцами, недостаток в покупателях, распродажа товаров за бесценок.

Но что значит повышение и понижение цен, что значит высокая и низкая цена? Песчинка, если ее рассматривать в микроскоп, кажется высокой, а башня низка по сравнению с горой. И если цена определяется соотношением между спросом и предложением, то чем же определяется соотношение между спросом и предложением?

Обратимся к первому встречному буржуа. Ни на минуту не задумываясь, он, как новоявленный Александр Македонский, разрубит этот метафизический узел с помощью таблицы умножения. Если, скажет он нам, производство продаваемого мною товара стоило мне 100 франков, а выручаю я при его продаже 110 франков — разумеется, по истечении года, — то это будет скромная, честная, приличная прибыль. Но если при обмене я получаю 120, 130 франков, то это — высокая прибыль; и,

наконец, если бы я выручил целых 200 франков, то это была бы исключительная, огромная прибыль. Итак, что же служит для буржуа мерой прибыли? *Издержки производства* его товара. Если он в обмен на свой товар получает известное количество других товаров, производство которых стоило меньше, чем производство его товара, — он в убытке. Если же в обмен на свой товар он получает известное количество других товаров, производство которых стоило больше, — он в выигрыше. Понижение или повышение своей прибыли он измеряет числом градусов, на которое меновая стоимость его товара ниже пли выше пуля — *издержек производства.*

Итак, мы видели, что изменение соотношения между спросом и предложением вызывает то повышение, то падение цен, то высокие, то низкие цены.

Если, вследствие недостаточного предложения или непомерно возросшего спроса, цена одного товара значительно повышается, то неизбежно соответственно падает цена какого-нибудь другого товара, так как цена товара выражает в деньгах лишь то отношение, в каком другие товары даются в обмен на него. Если, например, цена аршина шелковой материи поднимается с 5 до 6 франков, то цена серебра по отношению к шелковой материи понижается, и точно так же все другие товары. цены которых остались неизменными, понижаются в цене по отношению к шелковой материи. Теперь, чтобы получить в обмен такое же количество шелковой материи, как прежде, нужно давать большее количество товаров.

Каковы будут следствия повышения цены товара? Масса капиталов устремится в процветающую отрасль промышленности, и этот прилив капиталов в более выгодную отрасль промышленности будет продолжаться до тех пор, пока прибыль в данной отрасли не упадет до обычного уровня, или, вернее, пока вследствие перепроизводства цена ее продуктов не упадет ниже издержек производства.

Наоборот. Если цена какого-нибудь товара упадет ниже издержек его производства, то капиталы отхлынут из производства данного товара. За исключением того случая, когда данная отрасль промышленности уже не соответствует требованиям времени и потому должна исчезнуть, производство данного товара, т. е. его предложение, вследствие этого бегства капиталов будет сокращаться до тех пор, пока оно но придет в соответствие со спросом, стало быть пока цена товара не поднимется снова до уровня издержек его производства или, вернее, пока предложение не упадет ниже спроса, т. е. пока цена товара не поднимется снова выше издержек его производ-

ства, так как текущая цена товара всегда стоит выше или ниже издержек его производства.

Мы видим, что капиталы непрерывно отливают и приливают из одной отрасли производства в другую. Высокая цена вызывает слишком сильный прилив, низкая цена — слишком сильный отлив капиталов.

Рассматривая вопрос с другой точки зрения, мы могли бы показать, что не только предложение, но и спрос определяется издержками производства. Однако это отвлекло бы нас слишком далеко от нашего предмета.

Мы только что видели, как колебания спроса и предложения всякий раз приводят цену товара к уровню издержек производства. *Правда, действительная цена товара всегда стоит выше или ниже издержек производства; но повышения и понижения взаимно покрываются,* так что, в пределах определенного промежутка времени, если рассматривать прилив и отлив в промышленности в их общем итоге, товары обмениваются один на другой в соответствии с издержками производства, а следовательно, их цена определяется издержками производства.

Это определение цены издержками производства не следует понимать в том смысле, как его понимают экономисты. Экономисты говорят, что *средняя цена* товаров равна издержкам производства; это, по их мнению, — *закон.* Анархическое движение, в котором повышение цены компенсируется ее падением, а падение — повышением, они рассматривают как случайность. С таким же правом можно было бы — как это и делают иные экономисты — рассматривать колебания цен как закон, а определенно их издержками производства как случайность. На самом же деле только в ходе этих колебаний, — приносящих с собой, как выясняется при более близком рассмотрении, ужаснейшие опустошения и сотрясающих, подобно землетрясениям, самые устои буржуазного общества, — только в ходе этих колебаний цены и определяются издержками производства. Совокупное движение этого беспорядка есть его порядок. В ходе этой промышленной анархии, в этом круговороте конкуренция, так сказать, компенсирует одну крайность другою.

Итак, мы видим, что цена товара определяется издержками производства таким образом, что периоды, в течение которых цена данного товара превышает издержки его производства, компенсируются периодами, в течение которых она падает ниже издержек его производства, и наоборот. Конечно, это относится не к каждому отдельному промышленному продукту, а только ко всей отрасли промышленности в целом. И, следо-

вательно, это относится также не к отдельному промышленнику, а только ко всему классу промышленников в целом.

Определение цены издержками производства равносильно определению цены рабочим временем, необходимым для производства товара, так как издержки производства состоят: 1) из сырья и орудий труда*, т. е. из продуктов промышленности, производство которых стоило известного количества рабочих дней и которые, стало быть, представляют определенное количество рабочего времени, и 2) из непосредственного труда, мерой которого тоже является время.

Те же самые общие законы, которые вообще регулируют цену товаров, регулируют, конечно, и *заработную плату, цену труда.*

Оплата труда будет то повышаться, то падать в зависимости от соотношения между спросом и предложением, в зависимости от того, как складывается конкуренция между покупателями труда**, капиталистами, и продавцами труда**, рабочими. Колебания заработной платы в общем соответствуют колебаниям товарных цен. *Но в пределах этих колебаний цена труда определяется издержками производства, рабочим временем, требующимся для того, чтобы создать этот товар, труд****.

*Каковы же издержки производства самого труда*****?*

Это — издержки, которые требуются для того, чтобы сохранить рабочего как рабочего и подготовить его как рабочего.

Поэтому, чем меньше времени для обучения требует какой-нибудь труд, тем меньше издержки производства рабочего, тем ниже цена его труда, его заработная плата. В тех отраслях промышленности, где не требуется почти никакого времени на обучение и достаточно просто физического существования рабочего, издержки производства, требующиеся для его создания, сводятся почти только к тем товарам, которые нужны для поддержания его жизни*****. Поэтому *цена его труда* определяется *ценой необходимых жизненных средств.*

Здесь, однако, нужно принять во внимание еще одно обстоятельство.

Фабрикант, исчисляя свои издержки производства, а по ним и цену продуктов, включает в расчет снашивание орудий

* В издании 1891 г. вместо слов «орудий труда» напечатано: «снашивания орудий труда». *Ред.*
** В издании 1891 г. вместо слова «труда» напечатано: «рабочей силы». *Ред.*
*** В издании 1891 г. вместо слова *«труд»* напечатано: *«рабочую силу». Ред.*
**** В издании 1891 г. вместо слов *«самого труда»* напечатано: *«самой рабочей силы». Ред.*
***** В издании 1891 г. после слова «жизни» добавлено: «и трудоспособности». *Ред.*

труда. Если, например, машина стоит ему 1000 франков и снашивается в течение 10 лет, то он ежегодно включает в цену товара по 100 франков, чтобы иметь возможность по прошествии 10 лет заменить изношенную машину новой. Точно так же в состав издержек производства простого труда* должны входить и издержки на продолжение рода, дающие рабочему классу возможность размножаться и заменять потерявших трудоспособность рабочих новыми. Следовательно, снашивание рабочего принимается в расчет точно так же, как и снашивание машины.

Итак, издержки производства простого труда* сводятся к *издержкам существования рабочего и продолжения его рода.* Цена этих издержек существования и продолжения рода составляет заработную плату. Определяемая таким образом заработная плата называется *минимумом заработной платы.* Этот минимум заработной платы, как и вообще определение цены товаров издержками производства, имеет силу не по отношению к *отдельному индивиду,* а ко всему *виду.* Отдельные рабочие, миллионы рабочих получают недостаточно для того, чтобы иметь возможность существовать и продолжать свой род; но *заработная плата всего рабочего класса* в пределах своих колебаний выравнивается по этому минимуму.

Теперь, после того, как мы договорились относительно самых общих законов, регулирующих заработную плату, равно как и цену всякого другого товара, мы можем ближе заняться нашим предметом.

---

* В издании 1891 г. вместо слов «простого труда» напечатано; «простой рабочей силы». *Ред.*

III

Кёльн, 6 апреля. Капитал состоит из сырья, орудий труда и разного рода жизненных средств, которые употребляются на производство нового сырья, новых орудий труда и новых жизненных средств. Все эти составные части капитала представляют собой произведения труда, продукты труда, *накопленный труд.* Накопленный труд, служащий средством для нового производства, есть капитал.

Так говорят экономисты.

Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится *рабом.* Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом.* Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как *золото* само по себе не является *деньгами* или сахар — *ценой* сахара.

В производстве люди вступают в отношение не только к природе*. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе**, имеет место производство.

В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны. С изобретением нового орудия войны,

* В издании 1891 г. вместо слов «вступают в отношение не только к природе» напечатано: «воздействуют не только на природу, но и друг на друга». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слов «отношение к природе» напечатано: «воздействие на природу». *Ред.*

огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу.

Итак, общественные отношения, при которых производят индивиды, *общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что* называют *общественными отношениями, обществом,* и притом образуют общество, находящееся на *определенной ступени исторического развития,* общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества.

Капитал — тоже общественное производственное отношение. Это — *буржуазное производственное отношение,* производственное отношение буржуазного общества. Жизненные средства, орудия труда, сырье, из которых состоит капитал, — разве все это произведено и накоплено не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? Разве они применяются для нового производства не при данных общественных условиях, не в рамках определенных общественных отношений? И разве не этот именно определенный общественный характер превращает продукты, служащие для нового производства, в *капитал?*

Капитал состоит не только из жизненных средств, орудий труда и сырья, не только из материальных продуктов; он состоит вместе с тем из *меновых стоимостей.* Все продукты, из которых он состоит, представляют собой *товары.* Следовательно, капитал есть не только сумма материальных продуктов, но и сумма товаров, меновых стоимостей, *общественных величин.*

Возьмем ли мы вместо шерсти — хлопок, вместо хлеба — рис, вместо железных дорог — пароходы, капитал останется тем же капиталом, если только хлопок, рис, пароходы — плоть капитала — имеют ту же меновую стоимость, ту же цену, что шерсть, хлеб, железные дороги, в которых он воплощался прежде. Плоть капитала может постоянно меняться, не вызывая ни малейшего изменения капитала.

Но если всякий капитал есть сумма товаров, т. е. меновых стоимостей, то далеко не всякая сумма товаров, меновых стоимостей, есть капитал.

Всякая сумма меновых стоимостей есть одна меновая стоимость. Всякая отдельная меновая стоимость есть сумма меновых стоимостей. Например, дом, стоящий 1000 франков, есть меновая стоимость в 1000 франков. Лист бумаги, стоящий 1 сантим*, есть сумма меновых стоимостей в $^{100}/_{100}$ сантимов. Продукты, которые могут обмениваться на другие продукты, суть *товары.* То определенное отношение, в котором они обмениваются, составляет их *меновую стоимость* или, если оно выражено в деньгах, — их *цену.* Количество этих продуктов нисколько не может изменить их назначения быть *товаром,* или представлять *меновую стоимость,* или иметь определенную *цену.* Дерево остается деревом, независимо от того, велико оно или мало. Разве изменится характер железа как товара, как меновой стоимости от того, что мы будем обменивать его на другие продукты не лотами, а центнерами? В зависимости от количества, железо является товаром большей или меньшей стоимости, более высокой или более низкой цены.

Каким же образом сумма товаров, меновых стоимостей, становится капиталом?

Она становится капиталом благодаря тому, что она, как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила, принадлежащая *одной части общества,* сохраняется и умножается путем *обмена на непосредственный, живой труд***. Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости.

Что происходит при обмене между капиталом и наемным трудом***?

В обмен на свой труд**** рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные

* В издании 1891 г. слово «сантим» заменено словом «пфенниг». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слов *«на непосредственный, живой труд»* напечатано: «*на непосредственную, живую рабочую силу». Ред.*

*** В издании 1891 г. вместо слов «между капиталом и наемным трудом» напечатано; «между капиталистом и наемным рабочим». *Ред.*

**** В издании 1891 г. вместо слов «на свой труд» напечатано: «на свою рабочую силу». *Ред.*

средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде. Рабочий получает от капиталиста часть имеющихся налицо жизненных средств. Для чего служат ему эти жизненные средства? Для непосредственного потребления. Но раз я потребил данные жизненные средства, они для меня безвозвратно потеряны, если только временем, в продолжение которого эти средства поддерживали мою жизнь, я не воспользовался для того, чтобы произвести новые жизненные средства и за время потребления при помощи своего труда создать новые стоимости в возмещение стоимостей, исчезнувших в результате потребления. Но как раз эту-то благородную воспроизводящую силу рабочий и уступает капиталу в обмен на полученные жизненные средства. Следовательно, для него самого она потеряна.

Возьмем такой пример. Фермер дает своему поденщику 5 зильбергрошей в день. За эти 5 зильбергрошей поденщик трудится на поле фермера целый день и обеспечивает ему, таким образом, доход в 10 зильбергрошей. Фермер не только получает возмещение тех стоимостей, которые он дает поденщику, но и удваивает их. Следовательно, 5 зильбергрошей, которые он дал поденщику, он применил, потребил плодотворным, производительным образом. На эти 5 зильбергрошей он именно и купил труд и силу поденщика, которые производят земледельческие продукты двойной стоимости и превращают 5 зильбергрошей в 10. Поденщик же взамен своей производительной силы, действие которой он именно и уступил фермеру, получает 5 зильбергрошей и обменивает их на жизненные средства, которые быстрее или медленнее потребляет. Следовательно, эти 5 зильбергрошей потреблены двояким образом: *производительно* для капитала, так как он обменял их на рабочую силу, которая доставила 10 зильбергрошей, и *непроизводительно* для рабочего, так как он обменял их на жизненные средства, которые навсегда исчезли и стоимость которых он может снова получить лишь при том условии, если повторит тот же самый обмен с фермером. *Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обусловливают друг друга; они взаимно порождают друг друга.*

Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом, чтобы создавать посредством последнего новые стоимости.

Капитал может увеличиваться, лишь обмениваясь на труд*, лишь вызывая к жизни наемный труд. Наемный труд** может обмениваться на капитал лишь при том условии, если он увеличивает капитал, усиливает ту самую власть, рабом которой он является. *Поэтому увеличение капитала есть увеличение пролетариата, т. е. рабочего класса.*

Стало быть, интересы капиталиста и рабочего *одни и те же,* утверждают буржуа и их экономисты. И в самом деле! Рабочий погибает, если не находит работы у капитала. Капитал погибает, если не эксплуатирует труд*, а чтобы его эксплуатировать, он должен его купить. Чем быстрее увеличивается предназначенный для производства капитал, производительный капитал, чем больше, следовательно, процветает промышленность, чем больше обогащается буржуазия, чем лучше идут дела, — тем больше рабочих требуется капиталисту, тем дороже продает себя рабочий.

Выходит, что непременным условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является *возможно более быстрый рост производительного капитала.*

Но что такое рост производительного капитала? Это — рост власти накопленного труда над живым трудом. Это — рост господства буржуазии над рабочим классом. Если наемный труд производит господствующее над ним чужое богатство, враждебную ему силу, капитал, то от последнего он получает средства занятости [Beschaftigungsmittel], т. е. средства к жизни, под тем условием, что он снова сделается частью капитала, рычагом, снова бросающим капитал в ускоренное движение роста.

*Утверждение, что интересы капитала и интересы труда*** *одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд — это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обусловливает другую, как взаимно обусловливают друг друга ростовщик и мот.*

Пока наемный рабочий остается наемным рабочим, судьба его зависит от капитала. Это и есть пресловутая общность интересов рабочего и капиталиста.

---

* В издании 1891 г. вместо слова «труд» напечатано: «рабочую силу». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слов «Наемный труд» напечатано; «Рабочая сила наемного рабочего». *Ред.*

*** В издании 1891 г. вместо слов *«интересы труда»* напечатано: *«интересы рабочих»*. *Ред.*

IV

Кёльн, 7 апреля. Если капитал возрастает, то возрастает масса наемного труда, растет число наемных рабочих, словом, господство капитала распространяется на большее число людей. Предположим наиболее благоприятный случай: с возрастанием производительного капитала растет спрос на труд, следовательно повышается цена труда, заработная плата.

Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно.

Сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала. Быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны.

Заработная плата вообще определяется не только количеством товаров, которое я могу получить в обмен на нее. В ней содержатся различные отношения.

Прежде всего, рабочий получает за свой труд* определенную сумму денег. Определяется ли заработная плата только этой денежной ценой?

В XVI веке, вследствие открытия Америки**, увеличилось количество обращавшегося в Европе золота и серебра. Поэтому стоимость золота и серебра упала по отношению к остальным товарам. Рабочие же получали за свой труд* то же количество серебра в монете, что и раньше. Денежная цена их труда осталась та же, но, несмотря на это, их заработная плата упала, так как в обмен на то же количество серебра они стали получать меньшее количество других товаров. Это было одним из обстоятельств, способствовавших возрастанию капитала, подъему буржуазии в XVI веке.

Возьмем другой случай. Зимой 1847 г., вследствие неурожая, значительно повысились в цене самые необходимые жизненные средства: хлеб, мясо, масло, сыр и т. д. Допустим, что рабочие получали за свой труд* ту же сумму денег, что и прежде. Разве их заработная плата не упала? Конечно, упала. За те же деньги они стали получать при обмене меньше хлеба, мяса и т. д. Их заработная плата упала не потому, что уменьшилась стоимость серебра, а потому, что увеличилась стоимость жизненных средств.

Предположим, наконец, что денежная цена труда остается неизменной, между тем как все земледельческие и промышленные товары упали в цене вследствие применения новых машин, вследствие более благоприятного сезона и т. д. Теперь за те же деньги рабочие могут купить больше всякого рода товаров. Следовательно, их заработная плата повысилась именно потому, что ее денежная стоимость осталась неизменной.

Итак, денежная цена труда, номинальная заработная плата, не совпадает с реальной заработной платой, т. е. с тем количеством товаров, которое действительно дается в обмен на заработную плату. Поэтому, говоря о повышении или понижении заработной платы, мы должны иметь в виду не только денежную цену труда, не только номинальную заработную плату.

Но ни номинальная заработная плата, т. е. та сумма денег, за которую рабочий продает себя капиталисту, ни реальная

* В издании 1891 г. вместо слов «за свой труд» напечатано: «за свою рабочую силу». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слов «открытия Америки» напечатано: «открытия в Америке более богатых и легче поддающихся разработке приисков». *Ред.*

заработная плата, т. е. то количество товаров, которое он может купить на эти деньги, не исчерпывают заключающихся в заработной плате отношений.

Заработная плата, кроме того, определяется в первую очередь своим отношением к барышу, к прибыли капиталиста; это — сравнительная, относительная заработная плата.

Реальная заработная плата выражает цену труда по отношению к цене остальных товаров, напротив, относительная заработная плата выражает цену непосредственного труда в отношении к цене накопленного труда, относительную стоимость наемного труда и капитала, взаимную стоимость капиталиста и рабочего*.

Реальная заработная плата может остаться неизменной, она может даже повыситься, и тем не менее относительная заработная плата может упасть. Предположим, например, что все жизненные средства упали в цене на $^{2}/_{3}$, а поденная заработная плата понизилась только на $^{1}/_{3}$, например, с 3 франков до 2. Хотя на эти 2 франка рабочий может приобрести большее количество товаров, чем прежде на 3 франка, но все же по отношению к прибыли капиталиста его заработная плата уменьшилась. Прибыль капиталиста (например, фабриканта) увеличилась на 1 франк, другими словами, за меньшую сумму меновых стоимостей, уплачиваемых рабочему капиталистом, рабочий должен теперь произвести большую, чем прежде, сумму меновых стоимостей. Стоимость капитала повысилась по сравнению со стоимостью труда**. Распределение общественного

---

* В издании 1891 г. Энгельс изменил часть абзаца со слов «напротив, относительная заработная плата» следующим образом: «относительная же заработная плата выражает ту долю вновь созданной трудом стоимости, которую получает непосредственный труд, по отношению к той доле этой стоимости, которая достается накопленному труду, капиталу.

Выше, стр. 14 [см. настоящий том, стр. 432. *Ред.*], мы говорили: «Заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющихся налицо товаров, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительной рабочей силы». Но капиталист должен вновь возместить эту заработную плату из выручки от продажи созданного рабочим продукта; он должен возместить ее так, чтобы у него, как правило, оставался еще избыток сверх сделанных им издержек производства, прибыль. Продажная цена произведенного рабочим товара распадается для капиталиста на три части: *во-первых,* возмещение цены авансированного им сырья, наряду с возмещением снашивания орудий, машин и других средств труда, также авансированных им; *во-вторых,* возмещение авансированной капиталистом заработной платы и, *в-третьих,* избыток сверх этого, прибыль капиталиста. В то время как первая часть лишь возмещает *стоимости, имевшиеся уже раньше,* ясно, что и возмещение заработной платы и избыток, составляющий прибыль капиталиста, целиком берутся из *новой стоимости, созданной трудом рабочего* и присоединенной к стоимости сырья. И в *этом смысле,* для сравнения их друг с другом, мы можем рассматривать и заработную плату и прибыль как доли в продукте, произведенном рабочим». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слов «Стоимость капитала повысилась по сравнению со стоимостью труда» напечатано: «Доля напитала повысилась по сравнению с долей труда». *Ред.*

богатства между капиталом и трудом стало еще более неравномерным. С помощью того же капитала капиталист господствует над большим количеством труда. Власть класса капиталистов над рабочим классом возросла, общественное положение рабочего ухудшилось, стало еще одной ступенью ниже по сравнению с положением капиталиста.

Каков же *тот общий закон, который определяет понижение и повышение заработной платы и прибыли по отношению друг к другу?*

Заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друз к другу. Меновая стоимость капитала[*]*, прибыль, повышается в той же пропорции, в какой понижается меновая стоимость труда*[**]*, поденная плата, и наоборот. Прибыль повышается в той же мере, в какой понижается заработная плата, и понижается в той же мере, в какой повышается заработная плата.*

Пожалуй, на это возразят, что капиталист может выиграть благодаря выгодному обмену своих продуктов с другими капиталистами, благодаря тому, что, в результате открытия новых рынков или в результате внезапного возрастания потребностей на старых рынках и т. д., повысится спрос на его товар; что, следовательно, прибыль одного капиталиста может увеличиться за счет других капиталистов, независимо от повышения и падения заработной платы, меновой стоимости труда[***]; или что прибыль капиталиста может быть повышена также благодаря улучшению орудий труда, новым способам применения сил природы и т. д.

Прежде всего придется признать, что результат остается тот же, хотя он и достигнут обратным путем. Правда, прибыль увеличилась не потому, что упала заработная плата, но заработная плата упала оттого, что прибыль возросла. На то же самое количество труда[****] капиталист купил большее количество меновых стоимостей, не оплачивая при этом труд дороже; это значит, что труд оплачивается дешевле по сравнению с тем чистым доходом, который он приносит капиталисту.

Напомним к тому же, что, несмотря на колебания товарных цен, средняя цепа каждого товара, пропорция, в которой он обменивается на другие товары, определяется *издержками его производства.* Поэтому взаимные обсчеты капиталистов

[*] В издании 1891 г. вместо слов *«Меновая стоимость капитала»* напечатано: *«Доля капитала». Ред.*
[**] В издании 1891 г. вместо слов *«меновая стоимость труда»* напечатано: *«доля труда». Ред.*
[***] В издании 1891 г. вместо слова «труда» напечатано: «рабочей силы». *Ред.*
[****] В издании 1891 г. вместо слова «труда» напечатано: «чужого труда». *Ред.*

в пределах класса капиталистов в целом неизбежно уравновешиваются. Усовершенствование машин, новые способы применения сил природы в производстве позволяют создать в течение определенного рабочего времени при том же количестве труда и капитала большую массу продуктов, но никак не большую массу меновых стоимостей. Если, применяя прядильную машину, я могу произвести в час вдвое больше пряжи, чем производили до ее изобретения, например, 100 фунтов вместо 50, то в обмен на эти 100 фунтов я буду получать* не больше товаров, чем прежде за 50 фунтов, потому что издержки производства упали наполовину или потому что при тех же самых издержках я могу произвести удвоенное количество продукта.

Наконец, в какой бы пропорции ни распределял между собой класс капиталистов, буржуазия, — одной ли страны или всего мирового рынка — чистый доход от производства, общая сумма этого чистого дохода во всяком случае представляет собой только ту сумму, на которую живой труд** увеличивает в целом труд накопленный. Следовательно, эта общая сумма растет в той же пропорции, в какой труд увеличивает капитал, т. е. в той же пропорции, в какой прибыль повышается по сравнению с заработной платой.

Итак, мы видим, что если даже мы остаемся *в пределах отношений между капиталом и наемным трудом, интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны.*

Быстрое увеличение капитала равносильно быстрому увеличению прибыли. Прибыль же может увеличиваться быстро лишь при том условии, если меновая стоимость труда***, если относительная заработная плата столь же быстро уменьшается. Относительная заработная плата может падать даже в том случае, когда вместе с номинальной заработной платой, с денежной стоимостью труда, повышается и реальная заработная плата, но если только эта последняя повышается не в такой степени, как прибыль. Если, например, в периоды благоприятного хода дел заработная плата повышается на 5%, а прибыль — на 30%, то сравнительная, относительная заработная плата *не увеличивается,* а *уменьшается.*

Таким образом, если при быстром росте капитала и увеличивается доход рабочего, то одновременно увеличивается и

* В издании 1891 г. после слова «получать» вставлено: «в среднем за более или менее продолжительное время». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слов «живой труд» напечатано: «непосредственный труд». *Ред.*

*** В издании 1891 г. вместо слов «меновая стоимость труда» напечатано: «цена труда». *Ред.*

общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, а вместе с тем увеличивается и власть капитала над трудом, зависимость труда от капитала.

Утверждение, что рабочий заинтересован в быстром росте капитала, на деле означает лишь следующее: чем быстрее рабочий умножает чужое богатство, тем более жирные крохи ему перепадают, тем больше рабочих могут получить работу и быть призваны к жизни, тем больше может увеличиться число зависимых от капитала рабов.

Итак, мы видели следующее:

Даже *самая благоприятная* для рабочего класса *ситуация, возможно более быстрый рост капитала,* как бы ни улучшала она материальное существование рабочего, не уничтожает противоположности между его интересами и интересами буржуа, интересами капиталиста. *Прибыль и заработная плата* по-прежнему находятся в *обратном отношении друг к другу.*

Если капитал возрастает быстро, заработная плата может повыситься; но несравненно быстрее повышается прибыль капиталиста. Материальное положение рабочего улучшилось, но за счет его общественного положения. Общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, расширилась.

Наконец:

Утверждение, что возможно более быстрый рост производительного капитала является для наемного труда наиболее благоприятным условием, на деле означает лишь следующее: чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, господствующее над ним чужое богатство, тем благоприятнее условия, на которых ему позволяют снова работать над умножением богатства буржуазии, над увеличением власти капитала — работать, довольствуясь тем, что он сам кует золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой.

V

Кёльн, 10 апреля. Но действительно ли *рост производительного капитала* так неразрывно связан с *повышением заработной платы,* как это утверждают буржуазные экономисты? Мы по должны им верить на слово. Мы не можем поверить им даже в том, будто чем жирнее капитал, тем лучше откармливается его раб. Буржуазия слишком просвещена, слишком расчетлива, чтобы разделять предрассудки феодала, щеголяющего блеском своей челяди. Условия существования буржуазии заставляют ее быть расчетливой.

Мы должны будем поэтому поближе исследовать вопрос:

Как влияет рост производительного капитала на заработную плату?

Если производительный капитал буржуазного общества в общем и целом возрастает, то происходит *более многостороннее* накопление труда. Число капиталов и размеры их* увеличиваются. *Умножение* капиталов усиливает *конкуренцию между капиталистами. Увеличение размера* капиталов дает возможность *выводить на поле промышленной битвы более мощные армии рабочих, вооруженные более грандиозными орудиями борьбы.*

Один капиталист может вытеснить другого с поля битвы и завладеть его капиталом лишь в том случае, если продает дешевле. Чтобы иметь возможность продавать дешевле, не разоряясь при этом, он должен дешевле производить, т. е. как можно более увеличивать производительную силу труда. Производительная же сила труда увеличивается прежде всего путем *большего разделения труда,* путем более всестороннего применения и постоянного усовершенствования *машин.* Чем больше армия рабочих, внутри которой разделен труд, чем грандиознее масштаб, в котором применяются машины, тем относительно

* В издании 1891 г. вместо слов «Число капиталов и размеры их» напечатано: «Число капиталистов и размеры их капитала». *Ред.*

быстрее сокращаются издержки производства, тем более производительным становится труд. Поэтому между капиталистами возникает всестороннее соперничество — они стремятся увеличивать разделение труда и количество машин и использовать их в возможно более крупном масштабе.

Но как поступит капиталист, если, благодаря большему разделению труда, применению новых машин и их усовершенствованию, благодаря более выгодному и более широкому использованию сил природы, он получит возможность с тем же количеством труда или накопленного труда производить большее количество продуктов, товаров, чем его конкуренты, например, если в то же рабочее время, в продолжение которого его конкуренты ткут пол-аршина холста, он сможет производить целый аршин?

Он мог бы по-прежнему продавать пол-аршина холста по старой рыночной цене, но в таком случае он не смог бы вытеснить своих противников с поля битвы и не смог бы увеличить свой собственный сбыт. А между тем, в той же мере, в какой расширилось его производство, возросла и его потребность в сбыте. Правда, вызванные им к жизни более мощные и более дорогие средства производства *дают* ему *возможность* продавать товар дешевле, но зато они вместе с тем *вынуждают* его продавать больше товаров, завоевывать для своих товаров несравненно *больший* рынок; поэтому наш капиталист будет продавать пол-аршина холста дешевле, чем его конкуренты.

Но, хотя производство целого аршина стоит капиталисту не дороже, чем другим производство пол-аршина, он не станет продавать целый аршин по той же цене, по какой его конкуренты продают пол-аршина. В противном случае он ничего бы не выиграл, а только вернул бы с помощью обмена свои издержки производства. И если бы его доход все-таки увеличился, то это произошло бы лишь оттого, что он привел в движение больший капитал, а не оттого, что его капитал увеличивал свою стоимость в большей мере, чем другие капиталы. Кроме того, он достигает той цели, к которой стремится, когда назначает за свой товар цену лишь на несколько процентов ниже своих конкурентов. *Сбивая цены,* он вытесняет своих конкурентов с рынка или, по крайней мере, отвоевывает у них часть их сбыта. И, наконец, напомним, что текущая цена всегда *выше* или *ниже издержек производства,* в зависимости от того, продается ли данный товар в благоприятный или неблагоприятный для промышленности сезон. Смотря по тому, стоит ли рыночная цена аршина холста выше или ниже обычных до сих пор издержек производства, будут изменяться те проценты, которые

выручит сверх своих действительных издержек производства капиталист, применивший новые, более продуктивные средства производства.

Однако *привилегия* нашего капиталиста недолговечна; другие соперничающие с ним капиталисты вводят такие же машины, такое же разделение труда, вводят их в таком же или еще большем масштабе, — и эти нововведения распространяются до тех пор, пока цена холста не упадет не только *ниже прежних,* но и *ниже новых издержек производства.*

Итак, капиталисты оказываются по отношению друг к другу в том же положении, в каком они находились *до* введения новых средств производства, и если благодаря этим средствам производства они могли за прежнюю цену доставлять двойное количество продуктов, то *теперь* они вынуждены продавать двойное количество продукта за цену *ниже* прежней. На уровне этих новых издержек производства та же самая игра начинается сначала. Снова вводится большее разделение труда, вновь увеличивается количество машин, возрастает масштаб использования этого разделения труда и этих машин. А конкуренция опять порождает противодействие этому результату.

Мы видим, каким образом непрерывно преобразуется, революционизируется способ производства, средства производства, как *разделение труда неизбежно влечет да собой еще большее разделение труда, применение машин — еще более широкое применение машин, производство в крупном масштабе — производство в еще более крупном масштабе.*

Это — закон, который все снова и снова выбивает буржуазное производство из прежней колеи и принуждает капитал напрягать производительные силы труда, *потому что* он напрягал их раньше, закон, который не дает капиталу ни минуты покоя и постоянно нашептывает ему: Вперед! Вперед!

Это именно тот самый закон, который в рамках периодических колебаний торговли неизбежно выравнивает цену товара по его *издержкам производства.*

Какие бы мощные средства производства ни пустил в ход капиталист, конкуренция приводит к их всеобщему применению, и с того момента, как применение их станет всеобщим, единственным следствием большей производительности его капитала оказывается лишь то, что за *ту же цену* он должен доставлять теперь в 10, 20, 100 раз больше продуктов, чем доставлял раньше. Но так как теперь ему приходится сбывать, быть может, в 1000 раз больше, для того чтобы увеличением количества продаваемого продукта компенсировать понижение продажной цены; так как продажа большего количества товаров

необходима ему теперь не только для того, чтобы получить прибыль*, но и для того чтобы возместить издержки производства, — ведь сами орудия производства становятся, как мы видели, все дороже; так как эта массовая продажа стала теперь вопросом жизни не только для него, но и для его соперников, то прежняя борьба разгорается *с тем большим ожесточением, чем производительнее уже изобретенные средства производства. Следовательно, разделение труда и применение машин будут снова развиваться в несравненно большем масштабе.*

Какова бы ни была мощь применяемых средств производства, конкуренция стремится отнять у капитала золотые плоды этой мощи, низводя цену товара до уровня издержек производства; следовательно в той самой мере, в какой появляется возможность производить дешевле, т. е. производить больше продуктов с помощью того же самого количества труда, конкуренция делает удешевление производства, поставку все возрастающих масс продуктов за прежнюю сумму цен непреложным законом. Таким образом, капиталист ничего не выиграл бы от своих усилий, кроме обязанности производить больше товаров в течение прежнего рабочего времени, словом, кроме *ухудшения условий, при которых совершается возрастание стоимости его капитала.* Поэтому, в то время как конкуренция постоянно преследует капиталиста своим законом издержек производства и всякое оружие, выкованное им против своих соперников, направляет против него самого, капиталист постоянно старается перехитрить конкуренцию, неустанно вводя вместо старых машин и старого разделения труда новые, правда, более дорогие, но удешевляющие производство машины и новое разделение труда, и не дожидается, пока в результате конкуренции эти нововведения устареют.

Представим себе теперь, что это лихорадочное возбуждение *одновременно* охватило *весь мировой рынок,* — и мы поймем, каким образом рост, накопление и концентрация капитала ведут к беспрерывному, само себя обгоняющему, осуществляемому во все более исполинских масштабах разделению труда, применению новых машин и усовершенствованию старых.

Как же эти обстоятельства, неотделимые от роста производительного капитала, влияют на определение заработной платы?

Большее *разделение труда* дает возможность *одному* рабочему выполнять работу 5, 10, 20 человек; следовательно, оно

* В издании 1891 г. вместо слов «получить прибыль» напечатано: «получить больше прибыли». *Ред.*

увеличивает конкуренцию между рабочими в 5, 10, 20 раз. Конкуренция между рабочими состоит не только в том, что один рабочий продает себя дешевле другого, но и в том, что *один* рабочий выполняет работу 5, 10, 20 человек; и к этого рода конкуренции принуждает рабочих *разделение труда,* вводимое и постоянно расширяемое капиталом.

Далее. В той же мере, в какой увеличивается *разделение труда,* труд *упрощается. Особая искусность* рабочего утрачивает всякую ценность. Рабочий превращается в простую, однообразную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков. Его труд становится трудом, доступным для всех. Поэтому рабочего со всех сторон теснят конкуренты; напомним к тому же, что чем проще какая-нибудь работа, чем легче ей научиться, чем меньше издержек производства требуется для ее усвоения, тем ниже падает заработная плата, потому что заработная плата, подобно цене всякого товара, определяется издержками производства.

Итак, в той же мере, в какой труд перестает доставлять удовлетворение, становится все более отталкивающим, — *в той же самой мере конкуренция увеличивается, а заработная плата уменьшается.* Рабочий пытается отстоять общую сумму своей заработной платы тем, что больше трудится: работает большее число часов или изготовляет больше в течение одного часа. Подгоняемый нуждой, он, таким образом, еще больше усиливает гибельные последствия разделения труда. Результат таков: *чем больше он работает, тем меньшую плату он получает;* и это по той простой причине, что чем больше он работает, тем более сильную конкуренцию он создает своим товарищам по работе и потому превращает своих товарищей в конкурентов самому себе, в конкурентов, которые предлагают себя на таких же плохих условиях, как и он сам; следовательно, по той простой причине, что он в конечном счете создает конкуренцию *самому* себе, *самому себе как члену рабочего класса.*

Машины производят то же самое действие, но в гораздо большем масштабе, так как они вытесняют искусных рабочих малоискусными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми, так как машины там, где они вводятся впервые, массами выбрасывают на улицу рабочих ручного труда, а там, где машины усовершенствуются, улучшаются, заменяются более производительными машинами, они вытесняют отдельные группы рабочих. Мы бегло обрисовали выше промышленную войну капиталистов между собой. *Эта война имеет ту особенность, что здесь сражения выигрываются не столько путем увеличе-*

ния армии рабочих, сколько путем уменьшения ее. Полководцы, капиталисты состязаются между собой в том, кто сможет уволить большее число промышленных солдат.

Правда, экономисты рассказывают нам, будто рабочие, ставшие благодаря машинам излишними, находят работу в *новых* отраслях промышленности.

Они не осмеливаются прямо утверждать, что в новых отраслях труда находят себе пристанище те же самые рабочие, которые были уволены. Факты слишком громко вопиют против такой лжи. Они, собственно, только утверждают, что новые средства занятости открываются для *других составных частей рабочего класса,* например, для той части молодого поколения рабочих, которая уже была готова вступить в погибшую отрасль промышленности. Это, конечно, большое утешение для обездоленных рабочих. У господ капиталистов не будет недостатка в свежих, пригодных для эксплуатации мускулах и крови, и они предоставляют мертвым погребать своих мертвецов. Это — утешение, которое буржуа находят скорее для самих себя, чем для рабочих. Ведь если бы машины уничтожили весь класс наемных рабочих, — какие ужасные времена настали бы для капитала, который без наемного труда перестает быть капиталом!

Допустим, однако, что как рабочие, непосредственно вытесненные машинами, так и вся та часть молодого поколения, которая уже рассчитывала на заработок в данной отрасли, *находят себе новую работу.* Можно ли поверить, что новая работа будет оплачиваться так же высоко, как потерянная? *Это противоречило бы всем экономическим законам.* Мы видели, что современная промышленность несет с собой постоянную замену более сложной и высшей работы упрощенной, низшей.

Как же в таком случае масса рабочих, вытесненных машинами из одной отрасли промышленности, может найти пристанище в другой отрасли иначе, как при условии *низшей, худшей оплаты?*

Как на исключение, указывали на рабочих, занятых производством самих машин. Поскольку, мол, в промышленности требуется и потребляется больше машин, число их неизбежно должно увеличиваться, стало быть должно увеличиваться и производство машин, а вместе с тем и число занятых в этом производстве рабочих; а ведь рабочие, занятые в этой отрасли промышленности, принадлежат к числу квалифицированных, более того — образованных рабочих.

С 1840 г. это утверждение, уже и прежде верное лишь наполовину, утратило всякую тень правдоподобия, так как для

производства машин все более всесторонне применяются машины, не больше и не меньше, чем при производстве хлопчатобумажной пряжи, и рабочие, запятые в производстве машин, по сравнению с весьма совершенными машинами могут играть только роль весьма несовершенных машин.

Но вместо одного вытесненного машиной мужчины фабрика дает работу, быть может, *троим* детям и *одной* женщине! А разве заработной платы мужчины не должно было хватать для прокормления троих детей и жены? Разве минимум заработной платы не должен был быть достаточным для поддержания и размножения рода? Что же в таком случае доказывают эти излюбленные буржуазные фразы? Только одно: что теперь для того, чтобы обеспечить заработок для *одной* рабочей семьи, потребляется *вчетверо* больше рабочих жизней, чем прежде.

Резюмируем: *Чем больше возрастает производительный капитал, тем больше расширяется разделение труда и применение машин. Чем больше расширяется разделение труда и применение машин, тем более усиливается конкуренция между рабочими, тем более уменьшается их заработная плата.*

К тому же рабочий класс пополняется и из *более высоких слоев общества;* в ряды пролетариата опускается множество мелких промышленников и мелких рантье, которым не остается ничего иного, как поскорее поднять свои руки рядом с руками рабочих. Таким образом, лес рук, простертых вверх с требованием работы, становится все более густым, а сами руки — все более худыми.

Само собой понятно, что мелкий промышленник не может выдержать такой войны*, одним из первых условий которой является производство в постоянно расширяющемся масштабе, т. е. необходимость быть именно крупным, а отнюдь не мелким промышленником.

Конечно, не требует дальнейших пояснений и то обстоятельство, что процент с капитала уменьшается в той же степени, в какой возрастает капитал, в какой увеличивается его масса и численность; что поэтому мелкий рантье лишается возможности существовать на свою ренту и должен устремиться в промышленность, т. е. пополнить собой ряды мелких промышленников и вместе с тем увеличить число кандидатов в пролетарии.

Наконец, в той же самой степени, в какой вышеописанный ход развития вынуждает капиталистов во все возрастающих масштабах эксплуатировать уже существующие исполинские средства производства и с этой целью приводить в движение все пружины кредита, в той же степени

* В издании 1891 г. вместо слова «войны» напечатано: «борьбы». *Ред.*

учащаются землетрясения*, при которых торговый мир сохраняется лишь благодаря тому, что приносит в жертву подземным богам часть богатства, продуктов и даже производительных сил,—словом, усиливаются *кризисы.* Они учащаются и становятся все острее уже потому, что по мере того как увеличивается масса продуктов, а следовательно, растет потребность в расширении рынков, все более суживается всемирный рынок, остается для эксплуатации все меньше рынков**, так как каждый предшествующий кризис вовлекал во всемирную торговлю новые или до того времени лишь поверхностно эксплуатировавшиеся ею рынки. Но капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу трупы своих рабов — целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Мы видим, таким образом: *если капитал растет быстро, то еще несравненно быстрее растет конкуренция между рабочими, т. е. чем быстрее растет капитал, тем относительно сальнее сокращаются средства занятости, средства к жизни для рабочего класса; и тем не менее быстрый рост капитала является условием, наиболее благоприятным для наемного труда.*

(Продолжение следует)[299]

Написано К. Марксом на основе лекций, прочитанных им во второй половине декабря 1847 г.

Опубликовано в «Neue Rheinische Zeitung» № 264— 267 и 269; 5—8 и 11 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* В издании 1891 г. вместо слова «землетрясения» напечатано; «промышленные землетрясения». *Ред.*

** В издании 1891 г. вместо слова «рынков» напечатано: «новых рынков». *Ред.*

* ВЫДАЧА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Кёльн, 12 апреля. Изданием приказов об аресте австрийские, немецких и ненемецких так называемых политических преступников, особенно Кошута, Бема, Перцеля и других венгерских героев, прусское правительство уже показало, в какой тесной связи находится прусская конституционная свобода с кровавой королевско-императорской военно-полевой юстицией. Существование entente cordiale* между Потсдамом и Ольмюцем, несмотря на вопрос об императорской короне, несмотря на немецкий вопрос, шлезвиг-гольштейнский вопрос и другие вопросы, было фактом, который могли не замечать только дипломатничающие литературные кроты из «Kolnische Zeitung» и других искушенных в обмане органов печати. По что это entente cordiale дойдет до последней степени подлости, до позорной *выдачи* австрийцам *политических эмигрантов,* — это сюрприз, преподнесенный нам со стороны нашего прославленного министерства.

Если бы Роберт Блюм бежал из Вены в Пруссию, прусское правительство выдало бы его палачам.

Прусское правительство *выдало 4 апреля сего года кровавым австрийским собакам из военно-полевых судов* одного из соратников Роберта Блюма, венского кадета *Хёкке.* В «Oberschlesische Lokomotive» напечатана следующая корреспонденция из *Ратибора*** от 4 апреля:

«Вчера днем сюда был доставлен из Бреславля на специальной подводе под конвоем полиции недавно бежавший в этот город венский кадет

* — сердечного согласия. *Ред.*
** Польское название: Рацибуж. *Ред.*

Хёкке, обвиняемый в государственной измене за участие в октябрьской революции в Вене. В письме своим родным в Вену Хёкке сообщил свой бреславльский адрес. Это письмо, очевидно, разделило участь многих других писем, т. е. было вскрыто на одной из австрийских почтовых станций, так как вскоре после этого полицейские власти в Бреславле получили приказ по требованию австрийского правительства арестовать упомянутого Хёкке по месту его жительства и выдать его австрийцам.

Согласно этому приказу, арестованный был вчера днем доставлен сюда под конвоем. Очень серьезное заболевание, которым арестованный страдает уже давно, помешало ему продолжать путь, ведущий к военно-полевому суду. Хёкке был помещен в городскую тюрьму под сильной военной охраной, но уже сегодня в 5 часов утра в сопровождении двух городских стражников и одного жандарма он был переправлен через границу. Хваленая прусская гуманность не позволила ему на этом последнем пути, продолжавшемся два с половиной часа, ни разу сойти с подводы, что было необходимо ввиду его болезненного состояния. Ему также было отказано в предоставлении какого-либо прохладительного напитка, на покупку которого не оказалось денег, хотя, по заявлению арестованного, у него было отобрано при аресте в Бреславле 80 талеров, а путевые расходы, как нам доподлинно известно, составляют всего лишь (!) тридцать талеров.

Прямой долг немецких газет — серьезно предупредить австрийских эмигрантов о той опасности, которой они себя подвергают, оставаясь на прусской, а в особенности на силезской территории. Старая конвенция о выдаче преступников продолжает действовать на славу. Великий немецкий основной закон, называемый военно-полевой юстицией, одинаково признается и с восторгом применяется как в Пруссии, так и в Австрии».

Уроки, данные нам героями военно-полевой юстиции в разных странах, объявленных на осадном положении, не должны пропасть для нас даром. Когда наступит день отмщения, демократы всех наций проявят такую же солидарность, какую эти господа проявляют теперь.

Отбросы половины Европы — короли и министры — нашли прошлой весной надежное убежище в Англии.

Мы заверяем гг. Мантёйфеля, Бранденбурга и К°, что во время следующей революции, которую они сами так энергично стараются ускорить, не будет никаких препятствий к тому, чтобы Англия выдала *их* победоносному немецкому народу, горящему жаждой мести. Гарантии на этот счет имеются уже теперь.

Написано Ф. Энгельсом 12 апреля 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 271, 13 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАЯВЛЕНИЕ

Кёльн, 14 апреля. Граждане *К. Маркс, К. Шаппер, Фр. Аннеке, Г. Беккер* и *В. Вольф* (как заместитель) учредили сегодня Окружной комитет рейнских демократических союзов.

Граждане Маркс, Шаппер, Аннеке и Вольф сделали следующее совместное заявление:

«Мы считаем, что существующая организация демократических союзов включает в себя слишком много разнородных элементов, что не может не препятствовать плодотворной деятельности на пользу дела.

Мы, однако, считаем предпочтительным более тесное объединение рабочих союзов, состоящих из однородных элементов; поэтому настоящим заявляем о своем выходе с сегодняшнего дня из Рейнского окружного комитета демократических союзов.

Фр. Аннеке. К. Шаппер. К. Маркс. Г. Беккер.
В. Вольф (заместитель)»

Написано 14 апреля 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 273, 15 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЙ ПАЛАТЫ В БЕРЛИНЕ 13 АПРЕЛЯ

Кёльн, 19 апреля. Вернемся для разнообразия вновь к нашей дорогой берлинской второй палате. Она проверила мандаты, приняла адресы, сочинила регламент и с особым, небывалым интересом обсудила вопрос, который, как известно, является темой фельетонов «Neue Rheinische Zeitung», — вопрос о германском императоре[300]. Все это прошло совершенно незамеченным из-за канонады у Новары и Пешта, и даже «морской бой» у Эккернфёрде и взятие штурмом укреплений Дюппеля[301] произвели более сильное впечатление, чем все вместе взятые выступления правых и левых в прусском народном представительстве.

Но теперь, когда почтенная палата занята обсуждением трех законов о затыкании рта[302] — закона о плакатах, закона о клубах и закона о печати, — когда уже закончено рассмотрение одного из них, закона о плакатах, теперь дело представляет для нас несколько больший интерес, теперь более любопытно проследить, как наши господа депутаты делают все от них зависящее, чтобы дополнить октроированную конституцию.

Посмотрим стенографический отчет 26-го заседания от 13 апреля[303].

Сначала депутат Лисецкий вносит запрос министерству по поводу использования польского ландвера в войне против Дании.

Согласно параграфу 61 закона о ландвере, ландвер может быть мобилизован только в случае неожиданного вражеского

нападения на страну. Вся организационная структура ландвера свидетельствует о том, что он вообще может быть использован лишь тогда, когда регулярная армия и резервы оказываются недостаточными. А теперь мобилизуют ландвер на войну против маленькой Дании, с которой может справиться один армейский корпус линейных войск!

Но это еще не все. Хотя мнимо-немецкую Познань только путем вероломства и грубого насилия удалось включить в Германский союз, хотя часть Познани, лежащая по ту сторону знаменитой демаркационной линии[304], согласно всем договорам не имеет абсолютно ничего общего с Германским союзом, — все же власти мобилизуют часть отправляемого в Шлезвиг ландвера в районах Познани, лежащих по обе стороны демаркационной линии.

Эти солдаты ландвера, *настоящие поляки* по национальности, причем половина из них даже не входит в Германский союз, отправляются в Шлезвиг, чтобы там в качестве *германских* имперских солдат с *германской* черно-красно-золотой имперской кокардой на шлемах быть убитыми к вящей славе *Германии!*

Исход *«германской* войны» в Ломбардии решили хорваты; исход «германской» борьбы против Вены решили чехи, русины и опять-таки хорваты; исход «германской» войны в Шлезвиге решат *поляки.* С помощью таких солдат одерживаются в наши дни «победы германского оружия»!

Так-то король выполняет слово, данное 11 апреля полякам через своего полномочного комиссара:

«В соответствии с этим новобранцы, являющиеся уроженцами великого герцогства Познанского, не должны зачисляться в силезские или какие-либо другие немецкие полки и, наоборот, немецкие новобранцы не должны зачисляться в польские полки. Обучение войск и командование ими должно производиться на их языках... польская армия всех родов войск должна стать *совершенно самостоятельной единицей»* и т. д.

Обо всем этом Лисецкий говорит спокойным, но решительным тоном. К концу своего выступления он обращает внимание собрания на особую злонамеренность, проявившуюся в том, что три батальона ландвера были набраны как раз в той единственной провинции, которая в прошлом году тяжело пострадала от гражданской войны, навязанной ей Пруссией. Слово получает военный министр г-н Штрота. Г-н министр делает собранию пространнейшнй доклад о том, что «вся прусская военная организация базируется на принципе соединения линейных войск и ландвера, каковой принцип

проводится при формировании корпусов и дивизий, а в военное время распространяется и на бригады», что отправка «одних лишь линейных войск без ландвера на отдаленные театры военных действий в значительной мере препятствует органическому соединению нескольких воинских частей и вызывает различного рода серьезные помехи при мобилизации остающихся частей» и т. д. Все это весьма способствует тому, чтобы обыватели и чиновники, заседающие в палате, получили замечательное представление об организации «Моей доблестной армии».

Пусть так. Допустим, что «линейные войска Моей доблестной армии» не могут обойтись без «ландвера Моей доблестной армии». Допустим, что опасная картофельная война[305] с Данией вынуждает правительство пустить в ход все ухищрения славной прусской военной системы. Но почему именно *поляки* должны были стать жертвами этого рока, который таится в славной прусской военной системе?

Потому — ну, «потому что *это оправдывается теперешней обстановкой!»*

И это все, что мы узнали. Так отвечает прусский военный министр на запросы.

Остается ответить еще на следующий юридический вопрос: не следует ли в германских имперских войнах использовать немецкие войска? По этому поводу г-н Штрота заявляет:

1) «Великое герцогство Познанское, за исключением небольшой части... входит в состав Германии».

Таков прусский перевод прошлогодних фраз о том, что Познань должна стать польской, «за исключением небольшой части» пограничной полосы, которая должна стать германской. Сейчас положение изменилось настолько, что можно обойтись без фраз и в грубых выражениях сознаться в совершенном надувательстве.

2) «Деление военных округов во всем великом герцогстве Познанском до сих пор не подверглось никакому изменению. Таким образом (!), соответственно этому (!) три мобилизованных батальона состоят примерно наполовину из жителей одной и наполовину из жителей другой стороны демаркационной линии».

Иными словами, это означает: вся комедия с демаркационной линией понадобилась только для того, чтобы две трети Познани прямо включить в состав Германии, а остальную треть — косвенным образом. А для того, чтобы поляки, наконец, расстались с иллюзией, что демаркационная линия имеет какой-либо практический смысл, мы именно теперь набрали

наши имперские войска в тех округах, через которые проходит демаркационная линия.

3) «При использовании мобилизованных в великом герцогстве Познанском линейных войск до сих пор не принимались во внимание никакие другие соображения, кроме тех, которые вызываются *государственной целесообразностью»*.

И если были попраны торжественные обязательства, данные в марте и апреле 1848 г. в отношении линейных войск, то почему не сделать того же самого в отношении ландвера? Разве польский солдат ландвера не может стать таким же хорошим «солдатом имперских войск», как польский солдат линейных войск?

Мы принимали во внимание только «государственную целесообразность»!

А что это за «государственная целесообразность»?

Эта «целесообразность» совершенно ясна. Хотят удалить из тех районов, которые еще недостаточно срослись с «прусским отечеством», население, способное носить оружие и прошедшее военное обучение. Хотят наказать неугодных избирателей, которые голосовали не в прусском духе. Хотят внушить этим избирателям более правильное представление об обязанностях граждан и с этой целью заставить их пройти дополнительный курс наук в школе «Моей доблестной армии». Своим пруссаческим обращением спровоцируют кое-кого из ненавистных избирателей на сопротивление, чтобы затем с величайшим равнодушием осудить их на 15 лет каторги или даже, пожалуй, облагодетельствовать их свинцом и порохом с помощью военно-полевого суда.

Поэтому был мобилизован ландвер в Познани, а также в части Рейнской провинции и Вестфалии. Правда, г-н Штрота не говорит о Рейнской провинции, но тем не менее батальон Клевера уже послан в Шлезвиг. Или, быть может, г-н Штрота собирается провести демаркационную линию и в Рейнской провинции, чтобы потом заявить: Рейнская провинция, «за исключением небольшой части», входит в состав Вестфалии?

Но то, что еще не случилось, может случиться. Хотя мобилизация не коснулась до сих пор большей части Рейнской провинции, мы все же знаем, что, несмотря на все опровержения, *существует твердое намерение* мобилизовать также ландвер *восьмого* корпуса, т. е. Рейнской провинции. Подготовка к этой мобилизации уже ведется, и соответствующий приказ не заставит себя долго ждать.

Разумеется, и это вызывается «государственной целесообразностью» и оправдывается «теперешней обстановкой».

А если рейнские депутаты сделают запрос, г-н Штрота ответит им так же, как он отвечает сейчас г-ну Лисецкому: вопрос «уже фактически исчерпан», так как «рейнская дивизия уже сконцентрирована под Фленсбургом»!

После окончания речи г-на Штроты г-н Лисецкий попросил слова для фактической поправки. Но регламент запрещает фактические поправки к ответам министров. И регламент прав. Какая это несвойственная пруссакам дерзость — предполагать, будто ответ министра может нуждаться в фактических поправках!

Написано Ф. Энгельсом 19 апреля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 277, 20 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

РУССКИЕ

Кёльн, 21 апреля. Когда, около 11 месяцев тому назад, стала выходить «Neue Rheinische Zeitung», она была первой газетой, которая заговорила о концентрации русских войск у нашей восточной границы. Тогда многие добродетельные граждане называли это преувеличением, напрасной тревогой и т. д.

Теперь выяснилось, преувеличивали мы или нет. Русские, сперва лишь охранявшие свои границы, стали по мере усиления контрреволюции переходить в наступление. Июньская победа в Париже привела их в Яссы и Бухарест; падение Вены и Пешта — в Германштадт и Кронштадт*.

Год тому назад Россия не была подготовлена к войне; тогда, в первый момент панического страха перед всемогуществом неожиданной революции, легко было выбить из Польши 30000— 40000 русских войск и создать свободную Польшу. К этому призывали, но этому призыву не захотели последовать. Русским дали время вооружиться, а теперь их армия численностью в 500000—600000 человек окружает нас от Немана до Дуная и Алюты**. Вдоль одной только прусской границы стоит, по сообщению «Ostsee-Zeitung», около 150000 человек; остальные находятся внутри страны, у галицийской границы, в Молдавии и Валахии, в Литве, Подолии и на Волыни, в крепостях Ново-Георгиевске (Модлин), Брест-Литовске, Демблине и Замостье, в которых, по сообщению «Ostsee-Zeitung», сосредоточены склады оружия и резервные склады на 250000 человек.

* Румынские названия: Сибиу и Брашов. *Ред.*
** Румынское название: Олт. *Ред.*

Та же газета пишет:

«Организация продовольственных складов происходит путем выдачи принудительных бон, за которые каждый землевладелец обязан поставить определенное количество продуктов, необходимых для снабжения армии. В будущем году эти боны будут приниматься в счет налогов. Этим, следовательно, объясняется недавно распространившийся слух о том, что русское правительство распорядилось собрать в Польше налоги за год вперед».

Как обстоит дело с принятием этих бон, мы узнаём из других источников.

В конце прошлого и в начале этого года польские помещики должны были выполнить огромные поставки, которые, однако, были зачтены в счет уплаты налогов. Все были уверены, что этим дело кончится, но теперь оказалось, что налоги должны быть уплачены вперед до конца текущего года.

Уже эти насильственные меры по снабжению армии показывают, какие огромные массы русских войск сосредоточены в Польше.

Другая газета — познанская «Zeitung des Osten»[306] — сообщает 13 апреля из Познани:

«Число русских войск на Западе: в Царстве Польском стоит корпус Ридигера; половина четвертого корпуса Ридигера вместе с резервами в общем насчитывает приблизительно 120000 человек. В Литве стоит так называемый гренадерский корпус (бывший корпус Шаховского) и часть первого корпуса. Гвардия должна прибыть позже — о ее прибытии говорят уже в течение нескольких месяцев. На Волыни, где в Дубно находится штаб-квартира, расположена остальная часть четвертого Чегодаевского полка. Под Киевом стоит второй вспомогательный корпус, в Кременце — подвижной корпус (Павлова) в 6000—8000 человек. В Молдавии и Валахии, наконец, расположен корпус Лидерса численностью до 65000 человек».

С какой целью эти войска сосредоточены здесь — это они весьма наивно объясняют сами:

«Рядовые русские, а также и офицеры менее сдержанны в разговорах. Замечательно, что на вопрос, зачем они стоят на границе, все они дают один и тот же ответ, а именно: Наш император — шурин прусского короля. После того как русские разбили французов в великой войне, вся земля вплоть до Парижа принадлежала императору; он поручил управление различным мелким немецким князьям (Fursten), а главным военным губернатором назначил своего шурина, князя прусского. Теперь французы и немцы взбунтовались, и немецкие князья, а также главный губернатор попросили у императора помощи, — вот почему мы и стоим здесь на границе. Если в скором времени не восстановится спокойствие, мы перейдем границу и наведем порядок».

Но и это еще не все. Император Николай приказал произвести новый рекрутский набор по 8 человек с тысячи в западной

части империи. К приказу приложен список 21 губернии, где должны быть набраны рекруты.

Таково положение по ту сторону границы. Полмиллиона вооруженных и организованных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя.

Подобно тому как Трансильвания однажды уже была занята русскими, подобно тому как в настоящее время требуют, чтобы 30000 русских вступили в эту же область и еще 30000 были посланы через Галицию, подобно тому как банатские сербы тоже умоляют православного царя о помощи, — точно так же будет и у нас. Мы еще дождемся, что правительство и буржуазия *призовут в нашу страну русских,* как это недавно было в Трансильвании. И к этому дело идет. Победа контрреволюции в Вене и в Берлине еще недостаточно сильно подействовала на нас. Но когда Германия почувствует на себе русский кнут, тогда-то уж она поведет себя несколько иначе.

Русские — подлинные освободители Германии, — говорили мы в июне прошлого года[307]. Мы повторяем это и теперь, но теперь уже не мы одни говорим это!

Написано Ф. Энгельсом 21 апреля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 279, 22 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О ПЛАКАТАХ

I

Кёльн, 21 апреля. Возвращаемся к заседанию от 13 апреля. После ответа министра на запрос депутата Лисецкого палата переходит к дебатам по поводу *закона о плакатах.*

Г-н Роршейдт зачитывает доклад центральной комиссии, после чего г-н Везендонк вносит предложение об отклонении правительственного законопроекта en bloc*.

Г-н Арним (граф) берет слово. Внесенное предложение, — говорит он,—недопустимо. Оно равносильно предложению о переходе к очередным делам. Однако по отношению к правительственным законопроектам нельзя-де принимать решения о переходе к очередным делам. Это твердо установлено регламентом.

Только теперь господа левые поняли, с какой целью правые внесли в регламент параграф 53. По отношению к правительственным законопроектам палата не имеет права принимать постановление о переходе к очередным делам. Этот с виду невинный пункт означает, однако, не больше и не меньше как следующее: вы не имеете права отклонять какой бы то ни было правительственный законопроект en bloc, а вынуждены обсуждать каждый отдельный параграф этого законопроекта, будь этих параграфов хоть тысяча.

Это возмутило даже депутатов центра. После продолжительной дискуссии, в течение которой каждая из сторон всячески изощрялась в толковании регламента, председатель, наконец, переходит к дальнейшему обсуждению, объявляя предложение Везендонка допустимым.

* — в целом. *Ред.*

Слово получает г-н Рупп, великий Рупп, тот самый Рупп, который некогда отстранялся от должности, подвергался преследованиям и травле со стороны всех газет и был исключен из блаженной памяти союза Густава-Адольфа[308]. Г-н Рупп произносит речь, после которой, по мнению не менее великой и не менее просвещенной* берлинской «National-Zeitung», левые вряд ли смогут что-либо добавить не только в общих дебатах, но и в дебатах по отдельным вопросам. Рассмотрим же эту исчерпывающую речь «друга света» Руппа, являющуюся продуктом чистого разума.

Эта исчерпывающая речь является в самом деле настоящим порождением духа *«Друзей света»,* духа «Свободных общин»[309], т. е. она не исчерпывает ничего, кроме банальностей, которые могут быть высказаны по поводу плакатов.

Г-н Рупп начинает свое выступление с разъяснения того, что правительство и центральная комиссия по-разному мотивируют закон о плакатах. Если правительство считает этот закон исключительно полицейской мерой, предпринятой в целях упорядочения уличного движения и по соображениям эстетики, то центральная комиссия, отклоняющая этот нелепый прусский трюк, выдвигает на первое место политические мотивы. Это разъяснение явилось прелюдией к патетической проповеди «друга света».

«Таким образом, этот законопроект бесспорно входит в число важнейших вопросов, подлежащих обсуждению в настоящем собрании. Ведь ие пожелаем же мы сказать» (мы не пожелаем сказать!), «что нам так-таки (!) безразлично, существует ли на свете несколькими плакатами больше или меньше, ибо (!) в этом именно и заключается *возвышенный* характер права и свободы, что даже то, что кажется самым маловажным, вступая в связь с возвышенным, немедленно само приобретает *более высокое значение (!!)».*

После того как г-н Рупп в своем пастырском вступлении установил «возвышенный характер» и «более высокое значение» плакатов и настроил своих слушателей на благочестивый лад, он спокойно может дать волю «неизменно ясному, кристально чистому и плавному» течению своего чистого разума.

Сначала г-н Рупп весьма глубокомысленно замечает, «что очень часто случается, что меры, принимаемые против воображаемых опасностей, создают опасности реальные».

Эта избитая фраза вызывает на скамьях левых ликование и восторженные возгласы «браво».

После этого г-н Рупп с тем же глубокомыслием доказывает, что законопроект находится в противоречии с ... октроированной

* В оригинале непереводимая игра слов: «lichtfreundlich» от «Lichtfreunde»— «Друзья света». *Ред.*

конституцией, которую г-н Рупп категорически отказывается признать!

Странная политика у левых — ссылаться на октроированную конституцию и в качестве аргументов против дальнейших пинков вспоминать о пинках, полученных в ноябре!

Если правительство считает, — продолжает г-н Рупп, — что этот законопроект не затрагивает свободу печати, а касается лишь использования улиц и площадей для распространения печатных произведений, то с таким же успехом можно сказать, что и при цензуре существовала свобода печати, так как под контроль было поставлено не использование печати, а лишь распространение печатных произведений.

Всякий, кто жил в Берлине в период существования цензуры, сумеет оценить по достоинству всю новизну этой фразы, которая уже несколько лет тому назад курсировала среди мнимых либералов и которая тем не менее вызвала оживление и возгласы «браво» на скамьях левых.

Г-н Рупп цитирует параграф октроированной конституции о свободе печати и обстоятельно доказывает, что законопроект Мантёйфеля находится в вопиющем противоречии с мантёйфелевской конституцией.

Но, милейший г-н Рупп, tout bonhomme que vous etes*, вы не могли не знать, что Мантёйфель октроировал конституцию только для того, чтобы потом аннулировать содержащиеся в ней несколько либеральных фраз путем сохранения старых или введения новых законов о затыкании рта.

Г-н Рупп доходит до того, что с отменной основательностью разъясняет правым, что позже, а именно при пересмотре конституции, они могли бы включить в нее закон о плакатах, но теперь им следует отклонить этот закон, ибо в противном случае они предвосхитят пересмотр конституции!

Как будто господа правые заинтересованы в том, чтобы быть последовательными, а не в том, чтобы скорее положить конец дурной печати, клубам, возбуждению, недоверию в торговых делах и другим достижениям, более или менее обязанным своим происхождением революции!

К этим веским доводам г-н Рупп присовокупляет еще следующие банальности:

1) Плакаты осуждаются потому, что они распространяют *возбуждение.* Между тем предотвращение возбуждения является делом не правового, а полицейского государства.

* — каким бы простаком вы ни были. *Ред.*

2) Я желаю сильного правительства. Между тем правительство, которое не переносит возбуждения и плакатов, не является сильным правительством.

3) Немцы охотно подчиняются вождю.

4) Отсутствие плакатов не предотвратило 18 марта. («Не конь, не всадник»[310] и т. д.)

5) Революции являются результатом деспотизма.

Из всего этого г-н Рупп делает вывод, что закон о плакатах должен быть отклонен в интересах Мантёйфеля.

«Господа», — взывает он умоляющим голосом, — «оградите правительство от самообольщения, к которому ведет этот закон, как и любой другой закон полицейского государства!»

Отклонение мантёйфелевского законопроекта было бы, по мнению г-на Руппа, не выражением недоверия Мантёйфелю, а, наоборот, *выражением доверия* ему. Г-н Рупп желает, чтобы Мантёйфель стал «сильным правительством», о котором он мечтает, и поэтому он против того, чтобы ослабить Мантёйфеля принятием закона о плакатах. Вы думаете, что г-н Рупп шутит? У него и в мыслях нет ничего подобного. Г-н Рупп является «другом света», а «Друзья света» никогда не шутят. «Друзья света» так же не выносят смеха, как и их достойный родич Атта Троль[311].

Но последний козырь, к которому прибегает г-н Рупп, венчает все его выступление.

«Отклонение этого закона будет в значительной степени способствовать тому, чтобы *успокоить* ту часть населения, которая не может согласиться с признанием конституции *до* того, как она будет подвергнута пересмотру».

Г-н Рупп заинтересован в *«успокоении* той части населения», которая еще не встала на одну доску с Мантёйфелем!

Вот каковы господа левые! Им надоело бурное движение, а коль скоро они являются депутатами и понимают, что им не под силу бороться против диктатуры сабли, то они хотят только того, чтобы было покончено, наконец, с постылыми вопросами о принципах, чтобы конституция была для проформы подвергнута пересмотру и объявлена действующей, чтобы этой конституции была принесена присяга и чтобы «революция была закончена». Тогда наступит для них покойная жизнь конституционной рутины, пустопорожней болтовни, интриг, протежирования, министерской чехарды и т. д., наступит та олимпийски праздная жизнь, которую в течение 18 лет вели в Париже французские Одилоны*, Тьеры и Моле и которую Гизо так

* — Барро. *Ред.*

любил называть *игрой* конституционных учреждений. Ведь стоит только нарушающему их покой революционному движению пойти на убыль, как министерство Вальдека перестанет быть невозможным! А для республики народ ведь еще не созрел!

После речи г-на Руппа осталось еще сказать *все.* Во-первых, речь идет не об ограничении свободы печати *вообще,* а прежде всего об ограничении свободы печати в отношении *плакатов.* Необходимо было сказать о влиянии плакатов, взять под защиту «уличную литературу», и особенно защитить право *рабочих* на *бесплатную литературу,* разновидностью которой являются плакаты. Надо было не отделываться туманными фразами по поводу права вызывать возбуждение посредством плакатов, а *открыто защищать* это право. Но об этом г-н Руси не сказал ни слова. Старые фразы о свободе печати, которые мы имели достаточно возможности обсудить со всех сторон за 33 года существования цензуры, — эти старые фразы г-н Рупп многословно повторил еще раз в торжественно-скучном тоне и, так как он сказал все, что знают по этому вопросу господа из «National-Zeitung», эта газета считает, что г-н Рупп исчерпал вопрос!

После «друга света» Руппа слово получает «обскурант» Ридель. Но речь г-на Риделя слишком хороша, чтобы писать о ней наспех. A demain donc, citoyen Riedel!*

* — Итак, до завтра, гражданин Ридель! *Ред.*

II

Кёльн, 23 апреля. Речь депутата *Риделя* была безусловно самой классической речью в состоявшихся дебатах. В то время как на министерских скамьях еще проявляют известную сдержанность, в то время как даже Мантёйфель еще употребляет некоторые мнимо-конституционные обороты и один только неуклюжий выскочка фон дер Хейдт временами забывает свою конституционную роль, — в это время г-н Ридель из Барним-Ангермюнде без всякого стеснения выступает как истый представитель Укермарка. Никогда еще ни один избирательный округ не был столь достойно представлен, как округ г-на Риделя.

Г-н Ридель начинает свою речь с вопроса: что такое плакаты? и отвечает:

«Плакаты в собственном смысле слова — это публичные заявления, которые должны *успокоительно* воздействовать на настроение населения».

Таково «назначение» плакатов по этимологии г-на Риделя. Мы пока не собираемся спорить с г-ном Риделем относительно происхождения слова «плакат». Мы только обращаем его внимание на то, что если бы он внимательнее прочитал законопроект, ему совсем бы не пришлось так изощряться в области этимологии. В законопроекте идет речь не только о «плакатах», но и об *«объявлениях»,* которые «в собственном смысле слова» не имеют никакого другого «назначения», кроме как быть вывешенными.

Вместо этого г-н Ридель выражает справедливое возмущенно тем, что словом «плакат» злоупотребляют самым позорным образом:

«Как правило, плакаты служат только для того, чтобы разжигать *страсти,* разжигать *пламя греховной ненависти* или *мести,* направленной особенно против властей... Плакаты поэтому, как правило, представляют полную противоположность своему названию. Употребление плакатов поэтому обычно превращается в злоупотребление» (т. е. злоупотребление

их *названием)* «и потому возникает вопрос: должны ли местные полицейские власти способствовать этому бесчинству с плакатами?» (т. е. этому злоупотреблению названием «плакат»). «Должна ли полиция стать до некоторой степени соучастником того бесчинства, которое порождает злоупотребление» (названием) «плакатами?» (объявлениями, которые вовсе не являются плакатами, т. е. успокоительными объявлениями).

Короче говоря, следует ли на будущее время пользоваться плакатами «по назначению» (т. е. по значению слова плакат) или нет?

Как глубоко заблуждался Мантёйфель, выдвигая в обоснование законопроекта о плакатах мотивы полицейского характера, с одной стороны, и необходимости украшения улиц — с другой! Какой большой промах совершила центральная комиссия, высказавшись за принятие закона по политическим соображениям! Этот закон необходим — по причинам этимологическим, и по существу он должен быть назван: закон о возвращении слову плакат его «настоящего значения».

Но при этом основательный г-н Ридель основательно дал маху. Если бы мы, рискуя навлечь на наших читателей смертельную скуку, пустились в этимологическую дискуссию с г-ном Риделем, то мы, с грамматикой Дица в руках, доказали бы ему, что слово «плакат» вовсе не происходит от латинского placare*, а является лишь искаженным французским placard**, которое имеет своим корнем слово plaque***, опять-таки немецкого происхождения. И тогда вся успокоительная теория г-на Риделя рассыпалась бы как карточный домик.

Это, конечно, безразлично г-ну Риделю, и он прав. Ведь вся эта успокоительная теория является лишь школярским приемом, captatio benevolentiae****, за которым скрывается явная попытка сыграть на страхе имущих классов.

Плакаты «разжигают страсти», они «разжигают пламя греховной ненависти и мести, особенно против властей», они «призывают *неразумные массы* к демонстрациям, которые угрожающим образом (!) нарушают порядок и выходят за рамки законной свободы». И поэтому плакаты должны быть запрещены.

Другими словами: объединенные феодалы, бюрократы и буржуа силой оружия успешно провели прошлой осенью государственный переворот, а сейчас намереваются при помощи палат октроировать нам дополнительные законы, которые еще

* — успокаивать, примирять, смягчать. *Ред.*
** — объявление, афиша, плакат. *Ред.*
*** — дощечка с надписью. *Ред.*
**** — попыткой завоевать благосклонность (риторический прием). *Ред.*

необходимы для того, чтобы эти господа могли спокойно наслаждаться своей победой. Им до смерти надоели «страсти», они используют все средства для того, чтобы потушить «пламя греховной ненависти и мести против властей», которые для них-то являются самыми лучшими властями в мире, восстановить «порядок» и снова ограничить «законную свободу» удобными для них рамками. А каковы будут эти рамки, можно судить по тому, что г-н Ридель назвал громадное большинство народа *«неразумной массой».*

Г-ну Риделю не хватает слов, чтобы очернить эту «неразумную массу». Он продолжает:

«Эти» (содержащиеся в плакатах) «сообщения больше всего читает как раз тот класс народа, который меньше всего привык к письменным сообщениям, который не в состоянии с должной осторожностью и недоверчивостью взвесить и проверить достоверность письменных сообщений, как это делает привыкшая к чтению публика, знакомая с обманами печати...»

Кто же эта неразумная масса, этот класс, меньше всего привыкший к письменным сообщениям? Может быть, это укермаркские крестьяне? Никоим образом: во-первых, потому, что они— «ядро нации», во-вторых, они не читают плакатов, а в-третьих, они избрали г-на Риделя своим депутатом. Г-н Ридель имеет в виду только *городских рабочих,* пролетариат. Плакаты являются основным средством воздействия на пролетариат; пролетариат по самому своему положению революционен, пролетариат — класс, эксплуатируемый при конституционном режиме так же как и при абсолютизме; он готов всегда снова взяться за оружие; именно со стороны пролетариата угрожает главная опасность, а потому прочь все то, что может способствовать сохранению революционной энергии в среде пролетариата!

А что больше способствует сохранению революционной энергии в среде рабочих, чем плакаты, превращающие угол каждой улицы в большую газету, из которой проходящие рабочие узнают о событиях дня и об их значении, по которой они знакомятся с различными взглядами и возражениями против этих взглядов, около которой они встречают одновременно людей разных классов и разных мнений, людей, с которыми они могут обсуждать содержание плакатов; короче говоря, плакат для рабочих одновременно и газета и клуб, и все это совершенно бесплатно!

Но как раз это-то и нежелательно господам правым. И они правы. Со стороны пролетариата им угрожает наибольшая, если не единственная опасность; почему же им, в чьих руках

находится власть, не стремиться к тому, чтобы всеми средствами устранить эту опасность?

Против этого ни один человек не может возражать. С божьей помощью вот уже около шести месяцев мы живем при диктатуре сабли. Мы не питаем ни малейших иллюзий относительно того, что находимся в состоянии открытой войны с нашими врагами, равно как и относительно средств, при помощи которых наша партия только и может прийти к власти. Мы не станем унижаться до упреков морального характера по адресу господствующего в данный момент тройственного союза юнкеров, бюрократов и буржуа за то, что они хотят любым способом обратить нас в рабов. Если бы даже высокоморальный проповеднический тон и пафос нравственного возмущения господ нытиков не были нам противны сами по себе, мы отказались бы от подобных пустых полемических фраз уже по одному тому, что все-таки твердо рассчитываем взять реванш над нашими врагами.

Но нам кажется странным, что господа, находящиеся сейчас у власти и обладающие официальным большинством, не высказываются столь же откровенно, как это делаем мы. Более отъявленного представителя Укермарка, чем г-н Ридель, трудно себе представить, и все же даже он не мог удержаться, чтобы не заявить в конце своей речи:

«Конечно, у меня никогда не было намерения в какой бы то ни было мере препятствовать *свободному высказыванию мнений.* Духовную борьбу за правду я рассматриваю как святыню свободных народов, на которую никто не смеет посягать».

А в другом месте г-н Ридель говорит о своем желании

«допустить распространение плакатов на тех же основаниях, на которых распространяются литературные произведения вообще».

Что должны означать эти фразы после всех предыдущих объяснений? Существующее правительство и конституционная монархия вообще не могут в настоящее время удержаться у власти в цивилизованных странах, если печать будет свободна. Свобода печати, свободная борьба мнений означают допущение классовой борьбы в области печати. А порядок, которого так страстно жаждут, — это как раз подавление классовой борьбы, это затыкание рта угнетенным классам. Поэтому партия спокойствия и порядка должна уничтожить свободную борьбу мнений в печати, она должна посредством законов о печати, запретов и т. д. максимально обеспечить себе монополию на рынке, она должна, в частности, прямо запретить бесплатную литературу в форме плакатов и бесплатных листовок. Все это известно этим господам; почему же они не говорят об этом открыто?

В самом деле, г-н Ридель, почему бы вам не предложить немедленно восстановить цензуру? Ведь нет лучшего средства для того, чтобы успокоить «страсти», погасить «пламя греховной ненависти и мести против властей» и обеспечить «рамки законной свободы»! Voyons, citoyen Riedel, soyons francs!* Ведь в конце концов дело же идет к этому!

Г-н Ридель покидает трибуну. Слово получает министр юстиции, юстицрат *Симонс* из Эльберфельда, отпрыск такой же буржуазной семьи из Вупперталя, как и семья фон дер Хейдта.

Г-н Симонс приступает к обсуждению вопроса с потрясающей основательностью. Видно, что в министерстве юстиции он еще новичок.

Плакаты вывешиваются на улицах и площадях, — говорит г-н министр юстиции. Следовательно, «надо сначала установить, *каково назначение улиц и площадей!!»*

Правда, г-н Ридель заслуживающим признательности образом установил «назначение» и «настоящий смысл слова» плакат. Но речь идет отнюдь не об этом, а напротив, о «назначении улиц и площадей». Вот здесь-то министр юстиции и пожинает неувядаемые лавры.

Можно ли представить себе лучший вид начальной школы, чем эта палата, где люди с серьезным видом спорят о назначении улиц и площадей, о школьной премудрости в области грамматики и т. п.?

Итак, каково же «назначение улиц и площадей»?

Оно заключается в том, что улицы и т. д. *не* «могут быть предоставлены для использования в любых личных или общественных целях». *Ибо* «подобное назначение улиц и т. д. *не может быть доказано!!»*

Вот для чего, оказывается, существует у нас так называемый министр юстиции — чтобы давать нам подобные глубокомысленные разъяснения. В самом деле, теперь становится понятным, почему г-н Симонс постеснялся представиться палате.

Конечно, после этих блистательных мыслей остальное содержание речи министра совершенно не заслуживает внимания. Под видом большой начитанности в области французской юриспруденции г-н Симонс выкладывает некоторые давно забытые воспоминания из своей прежней прокурорской практики. Затем изрекаются фразы вроде следующей:

«На этот вопрос о неотложности должен быть *непременно* (!) дан утвердительный ответ, таково, *по крайней, мере* (!!) *мое* мнение (!!!), *учитывая сомнения* (!!!!), которые были здесь высказаны (!!!!!)».

* — Право, гражданин Ридель, будем откровенны! *Ред.*

И, наконец, г-н Симонс намеревается «санкционировать законный фундамент для ограничения плакатов».

Санкционировать фундамент! Где вы научились такому языку, г-н Симонс?

После подобных ораторских шедевров гг. Риделя и Симонса мы, разумеется, не можем останавливаться на речи выступившего за ними г-на Берендса. Г-н Берендс правильно почувствовал, что запрещение плакатов направлено прямо против пролетариата, но он очень слабо развил эту мысль.

Общие дебаты закончены. За отклонение законопроекта en bloc голосует 152 человека, против также 152. Из числа левых, между прочим, отсутствует *без уважительных причин* г-н *Килль* из Кёльна. Если бы г-н Килль присутствовал, законопроект был бы простонапросто отклонен. Следовательно, г-ну *Киллю* мы обязаны тем, что законопроект частично принят.

На обсуждении отдельных частей проекта мы останавливаться не будем. Результат их известен: за книгоношами установлен полицейский надзор.

За это они могут принести благодарность г-ну Киллю!

Написано Ф. Энгельсом 21 и 23 апреля 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 279 и в № 283; 22 и 27 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЛАССАЛЬ [312]

Кёльн, 26 апреля. Мы должны сообщить о факте, который свидетельствует, что en fait de justice* больше нет ничего невозможного. Г-н генеральный прокурор Николовиус явно намерен украсить себя такими лаврами, какие в свое время не пожинал даже г-н Геккер.

Из наших прежних сообщений известно, что заместитель обер-прокурора в Дюссельдорфе фон Аммон I во время уголовного процесса против Лассаля в течение трех недель утаивал от судебного следователя в своей конторке письмо Лассаля, в котором тот призывал одного шёнштейнского земледельца** привести в Дюссельдорф, в случае если разгорится борьба, подкрепление примерно в 100 человек, и что г-н фон Аммон лишь тогда передал письмо следователю, когда последний сообщил ему, что следствие закончено. Напомним, что из-за этого письма — которое, впрочем, никакого прямого призыва к восстанию не содержало, так что ни судебная палата, ни обвинительный сенат не отнесли его к числу доказательств виновности, — из-за этого письма должно было вновь начаться следствие, а это послужило причиной того, что с процессом Лассаля не было покончено и в прошлую сессию суда присяжных.

Ввиду этого Лассаль заявил тогда генеральному прокурору протест против преднамеренного затягивания дела г-ном фон Аммоном I.

Генеральный прокурор, вместо того чтобы дать Лассалю какой-нибудь ответ, направляет его заявление в дюссельдорфскую

* — в делах правосудия. *Ред.*
** — Штангира. *Ред.*

прокуратуру вместе с распоряжением начать против Лассаля по этому заявлению следствие на основании статьи 222, так как г-ну фон Аммону будто бы в нем *нанесено оскорбление!*

Pends-toi, Figaro, tu n'aurais pas inventé cela![*]

Итак, письмо г-ну Николовиусу должно рассматриваться как оскорбление г-на фон Аммона в духе статьи 222! Мы уже разъясняли однажды во время процесса по делам печати, который мы имели удовольствие вести против господ Цвейфеля и Геккера, что сама статья 222 не применима в случае публичных оскорблений в печати и что она применяется лишь в случае таких оскорблений, которые нанесены господам чиновникам в их личном присутствии[**].

Но если бы даже статья 222 и применялась в случае оскорблений, нанесенных *публичными* выступлениями в печати, то, конечно, и тогда никому не пришло бы в голову утверждать, что письмо к третьему лицу может представлять собой оскорбление чиновника. Согласно существующей до настоящего времени процедуре судов исправительной полиции, всегда требовалось, чтобы содержащий оскорбление документ был направлен самому оскорбляемому лицу или распространен публично. Г-н Николовиус делает теперь открытие, что если *третьему лицу в* оскорбительных выражениях пишут о чиновнике, то это является оскорблением чиновника! Выходит, надо остерегаться в своей частной переписке говорить о чиновниках в непочтительном тоне!

В связи с тем, что письмо Лассаля направлено в *вышестоящую* по отношению к г-ну фон Аммону *инстанцию* и, следовательно, оно является *жалобой, заявлением протеста,* дело приобретает еще более невероятный оборот.

Ведь закон вменяет даже в обязанность заявлять в вышестоящую инстанцию о незаконных действиях. Если, таким образом, заявление было правдивым, оно вполне правомерно; если же оно было ложным, то генеральный прокурор должен был возбудить судебное преследование на основании статьи 273 — ввиду *клеветнического заявления.* Но в таком случае Лассаль самым легким в мире способом на основании документов доказал бы правдивость своего заявления, тогда как, представ перед судом исправительной полиции по обвинению в оскорблении чиновника, он лишен возможности доказать это.

Дело рассматривалось судебной палатой в Дюссельдорфе. Однако палата тоже признала, что оскорбление должно быть

[*] — Повесься, Фигаро, тебе до этого не додуматься! (Бомарше. «Безумный день, или женитьба Фигаро»). *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 236—241. *Ред.*

нанесено либо публично, либо в присутствии оскорбляемого лица, и прекратила дело. Прокуратура заявила протест, и тогда наш здешний неоднократно испытанный и неизменно благонадежный кёльнский обвинительный сенат действительно на основании статьи 222 вынес решение о преследовании Лассаля, который теперь имеет счастье нести еще бремя суда исправительной полиции!

Если так продлится еще немного, то чего только не сделают из статьи 222!

Впрочем, дело Лассаля будет рассматриваться 3 мая в суде присяжных.

Написано ф. Энгельсом 26 апреля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 283, 27 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* РОСПУСК ВТОРОЙ ПАЛАТЫ

Кёльн, 28 апреля. Слух, распространившийся сегодня днем по городу, подтвердился сегодня вечером: король и его военно-полевое министерство распустили **вторую палату**[313].

Подробности ниже, de dato Berlin[*].

Этим актом король и его военно-полевые министры еще раз *нарушили свое слово.* Согласно октроированной 5 декабря военно-полевой хартии, палаты определенно созывались для того, чтобы «пересмотреть конституцию». Лишь после того как *первые* созванные по этой конституции палаты произвели бы пересмотр этого жалкого творения, только после этого последнее должно было получить полную, окончательную силу» Таков был смысл того, что октроировали в декабре прошлого года.

Следовательно, палаты имели, по крайней мере *частично, учредительные полномочия.* Поэтому до тех пор, пока они этих полномочий не осуществили, пока они вместе с короной не произвели пересмотра конституции, *они не могли быть распущены,* как не могло быть распущено и блаженной памяти собрание, созванное для согласования прусской конституции.

И тем не менее ее разогнали, эту жалкую вторую палату, составленную при диктатуре сабли, под угрозой штыка, путем подкупа, застращивания и обмана!

Это называется «прусской честью», «прусской верностью»!

Если бы министры подождали еще несколько недель, быть может венгерско-австрийская революция избавила бы их от труда и разогнала бы обе палаты.

---

[*] — в корреспонденции, помеченной Берлином. *Ред.*

Что же касается значения этого нового государственного переворота, то оно совершенно ясно. Над нами воцарится **господство сабли в квадрате.** Нам всемилостивейше октроируют законы о печати, о клубах, о мятежах, о плакатах и т. д., так что немецкому филистеру еще придется поплакать. Начнутся преследования, карательные меры, аресты; осадное положение будет сделано повсеместным, и, в довершение всего, будет введена, наконец, новая конституция с цензовым избирательным правом и палатой лордов, конституция, в которой нынешняя первая палата будет фигурировать в качестве *второй.*

Словом, пойдут так далеко, как только позволит прусская наглость.

Мы, со своей стороны, желали бы только, чтобы г-н Мантёйфель снова созвал блаженной памяти Соединенный ландтаг.

Написано Ф. Энгельсом 28 апреля 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 285, 29 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* ПОЗНАНЬ

Кёльн, 28 апреля. Наши читатели будут нам благодарны, если мы время от времени будем возвращаться к вопросу о «блеске и могуществе» нашей гогенцоллернской королевской династии и об одновременном поразительном процветании главной опоры этого благородного трона — бранденбургского рыцарского клоповника, насажденного во всех провинциях.

Продолжая это поучительное исследование, мы остановимся сегодня на польской части нашего отечества в узком смысле слова[*]. Уже прошлым летом, в связи с пресловутой «пацификацией» и «реорганизацией» Польши при помощи шрапнели и адского камня[314], мы вскрыли немецко-еврейскую ложь о «преобладании немецкого населения» в городах, о «крупном немецком землевладении» в сельских местностях и о королевско-прусских заслугах в росте общего благосостояния. Читатели «Neue Rheinische Zeitung» помнят, как мы установили по официальным цифровым данным и по сообщениям архиепископа гнезненского и познанского буржуазному «переходному» министру Кампгаузену, что в частях этого края, включенных в прусскую демаркационную линию, немцы составляют не около половины, а едва-едва шестую часть населения[315]. Между тем лживые статистики прусского правительства все более и более увеличивали число этого мнимо-немецкого населения по мере того, как ход контрреволюции делал, казалось, возможным новый раздел и новое уменьшение польской части Познани. Мы установили тогда, что германские национал-остолопы и

[*] т. е. Пруссии, в отличие от Германии. *Ред.*

спекулянты из франкфуртского парламентского болота при этих подсчетах все еще причисляли к немцам и польских евреев, хотя эта отвратительнейшая порода ни по своему жаргону, ни по происхождению, а разве только по страсти к барышу может состоять в родственных отношениях с Франкфуртом. Мы установили, что во всяком случае сравнительно очень небольшое число мелких немецких землевладельцев поселилось в отдельных округах Познани, и то лишь в результате вероломной прусской спекуляции на польской нужде, ибо, по королевскому указу 1833 г., все *продававшиеся с молотка* имения могли приобретаться исключительно только прусскими захолустными юнкерами, которых правительство ссужало для этой цели деньгами. Наконец, как мы установили, отеческие благодеяния и заслуги Гогенцоллернов состояли в том, что поело мартовской революции они из трусости дали самые благие обещания «национальной реорганизации», а затем, с ростом контрреволюции, они пятикратными, все более обширными разделами все сильнее стягивали петлю на шее страны, затем обусловили «реорганизацию» «пацификацией», сдачей оружия и в конце концов, когда это условие было выполнено, напустили на безоружный доверчивый край «Мою доблестную армию», чтобы в союзе с евреями грабить церкви, сжигать деревни, до смерти избивать поляков в общественных местах шомполами или жечь адским камнем и, отомстив за веру в «мартовские обещания», воздавать на этом покрытом трупами поле хвалу господу богу и его христианско-германскому величеству.

Таковы были благодеяния прусской «реорганизации» в Познани. Обратимся теперь к происхождению крупного прусского землевладения, доменов и имений. Их история в немалой степени дополнит картину «блеска и могущества» династии Гогенцоллернов и доблести их возлюбленного бродячего рыцарства.

В 1793 г. три коронованных вора поделили между собой добычу — Польшу по тому же самому праву, по какому три разбойника с большой дороги делят между собой кошелек безоружного путника. Познань и Южная Пруссия получили тогда Гогенцоллернов в качестве *наследственных* властителей в том же самом порядке, в каком получила их на правах *наследственных властителей* Рейнская провинция в 1815 г., —в порядке торговли людьми и человеческими душами. Как только это право торговли людьми и человеческими душами будет уничтожено, поляки, как и жители Рейнской провинции, перечеркнут *красной* чертой *права наследственного* великого герцога Гогенцоллерна на владение ими.

Прежде всего отеческая прусско-гогенцоллернская благосклонность к добытой грабежом Польше проявилась в конфискации польских королевских и церковных имений. Вообще против такой конфискации мы нисколько не возражаем; больше того, мы надеемся, что скоро дойдет очередь и до *других* королевских имений. Мы только спрашиваем, в чьих интересах были использованы эти конфискованные имения? В интересах «общего благосостояния» страны, о котором так милостиво заботилось бранденбургское отеческое правительство во время «пацификации» и «реорганизации» в 1848 году? В интересах народа, потом и кровью которого созданы эти имения? Посмотрим.

На тогдашнего министра Хойма, который в течение двадцати лет управлял провинцией Силезией совершенно независимо, без всякого контроля и пользовался этой властью для самого отъявленного юнкерского плутовства и вымогательства, было возложено также, в награду за его заслуги перед богом, королем и отечеством, управление Южной Пруссией. Хойм предложил своему господину и повелителю, в интересах «блеска и могущества» династии и ради создания преданного ей блестящего и могущественного захолустного юнкерства, раздарить так называемым *«заслуженным людям»* как можно больше церковных и казенных земель и конфискованных имений. Так и было сделано. Бродяги-рыцари, фавориты королевских любовниц, креатуры министров, сообщники, которым хотели заткнуть рот, во множестве одарялись крупнейшими и богатейшими поместьями ограбленного края, и таким образом были насаждены среди поляков «немецкие интересы» и «преобладающее немецкое землевладение».

Из осторожности, чтобы не возбуждать королевской алчности, Хойм оценивал королю эти имения в четыре-шесть раз, а нередко еще ниже действительной их стоимости; Хойм боялся — и, вероятно, не без основания, — что если бы король узнал настоящую стоимость этих имений, он прежде подумал бы о своем собственном «отеческом» кармане, чем о чем-либо другом. За четырехгодичное правление Хойма после «пацификации», с 1794 по 1798 г., были таким образом раздарены в Познанском административном округе — 22, в Калишском, бывшем Петроковском, округе — 19, в Варшавском округе — 11, а всего 52 больших и малых группы имений, которые в общей сложности составляют не меньше *двухсот сорока одного* поместья. Королю было заявлено, что стоимость этих поместий составляет $3^1/_2$ миллиона, тогда как действительная их стоимость составляла более **двадцати миллионов талеров.**

Поляки вспомнят это, когда им придется во время ближайшей революции выколачивать украденные у них по праву работорговли эти двадцать миллионов талеров, этот польский миллиард!

Только в одном Калишском округе подаренные имения составляли по площади *более одной трети всех королевских и церковных владений,* а доходы от этих имений даже по жалким дарственным оценкам 1799 г. составляли ежегодно 247 тысяч талеров.

В Познанском административном округе владение Овинск, с его обширными лесами; было подарено галантерейному торговцу Трескову. В то же время рядом лежащее староство Шрим, не имеющее ни одного деревца, было объявлено государственным доменом и вынуждено было покупать лес для себя за государственный счет во владениях Трескова.

Наконец, в других округах дарственные грамоты определенно освобождали эти владения от обычных налогов, и притом *«на вечные времена»,* так что ни один прусский король не был в праве обложить их новыми налогами.

Теперь посмотрим, в какой форме и каким *«заслуженным людям»* были подарены эти краденые имения. Величина заслуг этих захолустных юнкеров заставляет нас, однако, в интересах связности изложения, посвятить этому предмету особую статью*.

Написано Ф. Энгельсом 28 апреля 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 285, 29 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* Продолжение статьи в «Neue Rheinische Zeitung» отсутствует. *Ред.*

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЛАНЫ В БЕРЛИНЕ

Кёльн, 30 апреля. Планы нашего контрреволюционного правительства мало-помалу становятся все более явными.

Существовало намерение 27 апреля положить начало новой стадии прусской контрреволюции. Хотели спровоцировать берлинский народ на уличную борьбу, быть может, по примеру Кавеньяка, позволить восстанию «принять широкие размеры», затем подавить его средствами Кавеньяка и с таким же перевесом сил, как у Кавеньяка; ввести военно-полевые суды, облагодетельствовать нескольких депутатов и порядочное число смутьянов[316] свинцом и порохом; наконец, путем новых октроирований освободить себя от обременительных пут, которыми даже военно-полевая хартия 5 декабря все еще связывает нашу контрреволюцию.

Спровоцированное восстание послужило бы достаточным предлогом для утверждения, что народ-де «еще не созрел» для всемилостивейше пожалованных свобод, что нельзя-де управлять при таком избирательном законе и при такой конституции. «Во избежание кровопролития», стало быть в интересах самого народа, надо уничтожить даже последние остатки свободы. «Во избежание кровопролития» надо объявить на осадном положении всю страну, за исключением Восточной Померании! Все это можно было бы утверждать лишь после порядочного мятежа в Берлине, с непременными беспорядками в Бреславле, Магдебурге, Кёльне и т. д., и после успешного их подавления с помощью картечи.

Этим объясняются и жестокости констеблей по отношению к собравшейся в Конверсационсхалле левой[317], и оцепление

войсками Дёнгофской площади, и беглый огонь по безоружной спокойной толпе, которая *не могла* разойтись, потому что все выходы с площади на улицы были для нее закрыты.

Спокойное поведение народа, несмотря на все провокации, сорвало все расчеты контрреволюционеров. У них нет предлога для октроирования, а октроировать они *должны.* Может быть, уже сегодня вечером мы узнаем, на какие новые уловки решились эти господа.

Какие у них были обширные планы, это видно по всему. Во-первых, об этом свидетельствует одновременный роспуск палаты в Ганновере, во-вторых и в особенности — поездка г-на Радовица в Берлин.

Г-н Радовиц — душа прусской контрреволюции. Г-н Радовиц составил план ноябрьского контрреволюционного переворота, но сам еще держался за кулисами и интриговал во Франкфурте в пользу прусского кандидата в наследственные императоры. *На этот раз* г-н Радовиц сам поехал в Берлин — говорят, чтобы выступить, наконец, открыто и стать *премьер-министром.* **Министерство Радовица** — вот где собака зарыта!

Нам определенно известны, далее, следующие факты:

1) В течение *прошлой недели все шеф-президенты* получили циркуляр от оберпрезидентов, в котором сообщалось о *предстоящем роспуске палаты* и давалось указание принять все необходимые меры предосторожности.

2) Всем окружным управлениям [Regierungen] был разослан министерский рескрипт, в котором говорилось:

1. *Всем бургомистрам* должно быть предписано *ежедневно* сообщать соответствующим окружным управлениям о впечатлении, произведенном роспуском палаты. Окружные управления, со своей стороны, должны представлять об этом в министерство *сводные доклады.*

2. *Новых выборов пока* **не** *будет.* Вместе с тем против *многих членов «так называемой» левой будут приняты меры.*

3. Надлежит принять *все меры предосторожности,* чтобы подавить всякую попытку к мятежу.

Рескрипт подписан: *Мантёйфель.*

Г-н Мантёйфель или, вернее, его шеф, г-н Радовиц, не мог оказать развивающейся *венгерско-польско-германской* революции лучшей услуги, как открыто выступив именно теперь со своими планами восстановления абсолютизма.

Написано Ф. Энгельсом 30 апреля 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 286, 1 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ЛАССАЛЬ

Кёльн, 1 мая. Послезавтра в суде присяжных в Дюссельдорфе будет разбираться дело *Лассаля,* обвиняемого в прямом призыве к вооружению против королевской власти.

Напомним, что Лассаль, Кантадор (командующий дюссельдорфским гражданским ополчением) и разносчик Вейерс были арестованы в ноябре прошлого года во время осадного положения в Дюссельдорфе, и против них было начато следствие по обвинению в вышеуказанном «преступлении согласно статьям 87 и 102 Code pеnal*».

Следствие затягивали, насколько это было возможно. Если одновременно возбужденный процесс против Рейнского окружного комитета демократов по поводу отказа от уплаты налогов уже 8 февраля состоялся в Кёльне, то кёльнский обвинительный сенат лишь по прошествии нескольких сессий суда присяжных в Дюссельдорфе передал дело на рассмотрение этого суда. Но Маркс, Шнейдер и Шаппер оставались на свободе, Лассаль же сидел в дюссельдорфской тюрьме; а ведь Code d'instruction criminelle** предписывает, что дела арестованных должны рассматриваться *в первую очередь!*

Лассалю оказывали в тюрьме совершенно особое предпочтение. «Neue Rheinische Zeitung» довольно часто имела возможность сообщать о примерах деликатного обращения прислужников королевско-прусской юстиции с Лассалем. В то время как Кантадор пользовался всевозможными льготами — ведь у Кантадора, несмотря на его политические выступления, было много друзей среди дюссельдорфской буржуазии, —

* — Уголовного кодекса. *Ред.*
** — Уголовно-процессуальный кодекс. *Ред.*

Лассалю пришлось еще раз[318] испытать, какому тираническому произволу подвержен королевско-прусский подследственный заключенный. Не говоря уже о более мелких притеснениях, напомним лишь о том грубом обращении, которое позволил себе по отношению к Лассалю директор тюрьмы г-н Моррет в присутствии судебного следователя г-на Эбермейера[*] (который осчастливил нас теперь своим пребыванием здесь, в Кёльне). Лассаль направил жалобу в прокуратуру; генеральный прокурор г-н Николовиус вынес решение: данный поступок не является *ни преступлением, ни проступком* и поэтому судебному преследованию не подлежит!

Напомним далее о предписанных врачом крайне необходимых для здоровья Лассаля прогулках, на которые прокуратура дала свое согласие, *в то время как власти запретили их,* хотя согласно закону подследственный заключенный находится не в ведении властей, а целиком и полностью в ведении прокуратуры.

Трудности, с которыми приходилось сталкиваться, чтобы получить доступ в тюрьму к Лассалю, отговорки, увертки и т. д. знакомы каждому, кто хоть раз пытался проникнуть внутрь дюссельдорфского «заведения».

Наконец, следствие закончилось, и дело должно было перейти в судебную палату. Тогда еще было достаточно времени, чтобы вынести разбирательство на последнюю сессию суда присяжных, которая состоялась в феврале и марте. Но этого решили избежать во что бы то ни стало. Когда материалы были переданы заместителю обер-прокурора, «его милости» г-ну фон Аммону I, на его окончательное заключение, г-н Аммон внезапно извлек письмо Лассаля к некоему Штангиру, земледельцу в округе Альтенкирхен, чтобы на этом основании выдвинуть новое обвинение. Но это письмо уже несколько недель преспокойно пролежало в конторке у г-на Аммона, которому тогда и в голову не пришло приложить его к материалам в качестве нового пункта обвинения. И вот когда все было готово, незадолго до сессии суда присяжных, г-н Аммон появляется с письмом. Тут, разумеется, потребовалось допросить новых свидетелей, и разбирательство было отложено на несколько недель. А этого времени как раз и было достаточно для того, чтобы помешать рассмотрению дела Лассаля на *предстоявшей тогда сессии суда присяжных.*

Письмо, которое г-н Аммон, *как он сам признался,* уже долгое время держал в конторке, было, впрочем, столь незначительным, что ни судебная палата, ни обвинительный сенат не обратили на него внимания и не отнесли его к доказательствам виновности!

---

[*] См. настоящий том, стр. 283—285. *Ред.*

Одним словом, суда присяжных удалось счастливо избежать, а следующая сессия начиналась лишь в мае. Депутации одна за другой направлялись к генеральному прокурору, г-ну Николовиусу, и просили об ускорении дела или назначении внеочередной сессии суда присяжных. Г-н Николовиус обещал сделать все возможное и заявил, что шести месяцев Лассаль ни в коем случае не просидит. И что же! До шести месяцев недостает всего лишь около двух недель.

Судебная палата вынесла, наконец, решение: дело о всех трех обвиняемых передать в обвинительный сенат. Но тут возникло затруднение: были уверены, что во всем дюссельдорфском судебном округе не удастся найти присяжных, которые осудили бы г-на Кантадора. Однако для того, чтобы освободить Кантадора, пришлось бы заодно оправдать и Лассаля, причем оправдать тем самым людям, которые при других обстоятельствах осудили бы его. А именно в осуждении Лассаля были заинтересованы власти в Дюссельдорфе, министерство и даже высокая и высочайшая камарилья. Вражда к Лассалю «и перед троном не смолкает»,

И вот что происходит: «Обвинительный сенат прекращает процесс против Кантадора и выпускает его на свободу, а Лассаль и Вейерс остаются под арестом и должны предстать перед судом присяжных».

А ведь против Кантадора было выдвинуто то же самое обвинение, что и против Лассаля, за исключением одной-единственной речи, которую Лассаль произнес в Нёйссе.

И тогда выхватывают как раз эту речь в Нёйссе, и за нее предают Лассаля суду присяжных.

Напомним коротко о всем ходе событий.

В то время, когда каждый день могла разразиться открытая борьба между блаженной памяти Национальным собранием и короной, город Дюссельдорф был, как известно, одним из самых крупных центров агитации в Рейнской провинции. Гражданское ополчение было здесь полностью на стороне Национального собрания и, кроме того, возглавлялось демократом. Оно было готово превратить пассивное сопротивление в активное, как только к этому будет дан сигнал из Берлина. Оружие и боеприпасы были налицо. Лассаль и Кантадор стояли во главе всего движения. Они не только призывали граждан вооружиться для борьбы против министерства Мантёйфеля, они осуществляли вооружение на деле. *Здесь, в Дюссельдорфе* находился центр их деятельности. *Стало быть, здесь и произошло это преступление,* если преступление действительно имело место. А где оно произошло, по утверждению обвинения? Не в Дюссельдорфе, а — в Нёйссе!!

Лассаль был в Нёйссе на собрании и призывал к отправке вооруженного подкрепления в Дюссельдорф. Этот призыв не имел даже никаких последствий, потому что до борьбы дело не дошло. Должно быть, в этом и заключается преступление Лассаля!

Следовательно, Лассаль должен предстать перед судом присяжных не из-за своей основной деятельности, не из-за *действительного* вооружения и не из-за *действительного* восстания, которое вот-вот могло разразиться в Дюссельдорфе. В этом не нашли никакого «преступления». Даже обвинительный сенат, несмотря на всю свою старческую дряхлость, вынужден был признать это. Мнимое преступление состоит в абсолютно *случайном,* совершенном *мимоходом* поступке, *целиком зависящем* от главного действия в Дюссельдорфе и без него не имеющего *никакого смысла,* — оно состоит не в *организации* вооруженных сил для борьбы против правительства в Дюссельдорфе, а в призыве к жителям Нёйссе поддержать эту организацию!

Но, конечно, Кантадора не было в Нёйссе, когда Лассаль произносил эту ужасную речь; Кантадор не *призывал* жителей Нёйссе к вооруженному сопротивлению, Кантадор всего только *организовывал* жителей Дюссельдорфа для вооруженного сопротивления и призывал тамошнее *гражданское ополчение, которое само является частью вооруженных сил правительства,* к сопротивлению правительству. В этом состоит различие, и поэтому Кантадора освободили, а Лассаля оставили под арестом до нынешней сессии суда присяжных.

Но это еще не все. Лассаль, кроме того, прямо призывал земледельца Штангира к отправке вооруженного подкрепления в Дюссельдорф. Письмо это приложено к материалам следствия и дословно приводится в обвинительном заключении (см. «Neue Rheinische Zeitung», № 277, 2-й выпуск). Разве в обвинительном заключении *это письмо* рассматривается как основание для предания Лассаля суду присяжных? Ничего подобного. Даже судебная палата, выдвинувшая все-таки против Лассаля *девять* пунктов обвинения, из которых обвинительный сенат восемь отменил, не додумалась до того, чтобы к их числу отнести и это письмо. И вот, оказывается, это письмо заключает в себе *точно такое же* мнимое «преступление», какое Лассаль совершил в Нёйссе.

Редко фабриковалось что-нибудь более непоследовательное, противоречивое, непостижимое, чем решение обвинительного сената о передаче дела в суд.

При этом особенно достойно внимания следующее: согласно решению самого кёльнского сената, во всей той агитации, которая велась в Дюссельдорфе в ноябре прошлого года, в прямом

призыве к оказанию сопротивления министерству, в вооружении, в приобретении боеприпасов, в прямой и открытой оппозиции гражданского ополчения правительству, в клятве гражданского ополчения с оружием в руках бороться против правительства в защиту Национального собрания — *во всем этом не заключается никакого преступления.* Кёльнский обвинительный сенат заявил это.

В этом отношении сенат, таким образом, сходится во мнении с кёльнской судебной палатой и даже с кёльнской прокуратурой. Во время следствия по делу Рейнского окружного комитета они оба преспокойно умолчали о призыве к вооружению против «врага», оставили в стороне уголовный казус и исходили лишь из подлежащего суду исправительной полиции факта призыва к мятежу, факта, который рассматривался судом присяжных лишь потому, что призыв этот был сделан через печать.

С Лассалем же поступили намного хитрее. Сначала возбудили уголовное преследование, а суд исправительной полиции оставили про запас. И на случай, если Лассаль за произнесенную в Нёйссе речь будет оправдан, его предали суду исправительной полиции за призыв к сопротивлению чиновникам (к мятежу), содержавшийся в двух дюссельдорфских речах.

Следует напомнить здесь лишь о процессе Рейнского окружного комитета. Случай совершенно аналогичный. На этом процессе рассматривался вопрос о том, было ли налицо *преступление* (такое же, в котором обвиняется Лассаль) или его вовсе не было, и было признано, что нельзя призывать к оказанию вооруженного сопротивления правительству, не призывая в то же время к оказанию сопротивления всем тем отдельным чиновникам, которые и составляют правительство. Присяжные вынесли оправдательный приговор.

Лассаль окажется в том же положении, когда он после несомненного оправдания судом присяжных предстанет перед судом исправительной полиции. А тем временем придумают предлог для продления ареста, и тогда суд исправительной полиции не попадет в столь затруднительное положение, как присяжные!

Завтра мы займемся самим обвинительным заключением и на его основе приведем новое доказательство смехотворности всей этой судебной процедуры.

Написано Ф. Энгельсом 1 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 287, 2 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРУССКИЙ ПИНОК ФРАНКФУРТЦАМ

Кёльн, 1 мая. Еще один новый эпизод в истории прусской контрреволюции. Король дает Франкфуртскому собранию решительный пинок и с презрением бросает ему в лицо предложенную бутафорскую корону воображаемой империи.

Если бы в свое время Франкфуртское собрание действовало энергично, оно могло бы сейчас *отдать приказ об аресте* этого опьяненного своим высокомерием Гогенцоллерна и предать его суду присяжных за «оскорбление Национального собрания» (сентябрьский закон 1848 г., обнародованный также и в Пруссии). Пока еще не существует «имперского» закона, который освобождал бы отдельных государей от ответственности в отношении «империи». А свободную от всякой ответственности императорскую власть Гогенцоллерн отверг сам.

Новая прусская «имперская» нота от 28 апреля смягчает этот пинок «империи» несколькими благосклонными замечаниями по поводу так называемой германской имперской конституции. Это невинное жалкое творение изображается в прусской ноте как корень всех зол и как «переходящий всякие границы» крайний продукт революции и тайного республиканизма.

Собор св. Павла — притон карбонариев! Велькер и Гагерн — тайные республиканцы, «Мерос с кинжалом под полою»[319]! Бассерман — человек, которому являются привидения, — стал сам «бассермановской личностью»[320]! Достопочтенным франкфуртцам это, конечно, льстит после того презрения, которым наградил их народ, после всех проклятий, которые посылали им жертвы расправы — баррикадные борцы Франкфурта и Вены. И люди всех оттенков, вплоть до г-на Фогта, способны действительно поверить подобной чепухе.

Прусская нота — это последняя угроза Франкфуртскому собранию перед тем, как действительно осуществить его разгон. Еще раз строптивый Гогенцоллерн протягивает руку для «соглашения». И в самом деле — после того как Собрание зашло *так далеко,* оно, право, могло бы сделать еще один маленький шаг дальше и *полностью* стать орудием Пруссии.

А между тем часть народа — ив особенности крестьяне и мелкие буржуа южногерманских малых государств — цепляется за Собрание и так называемую имперскую конституцию. Армия благоприятно настроена по отношению к имперской конституции. Народ видит в каждом, пусть даже жалком шаге на пути к объединению Германии шаг к устранению мелких государей и к освобождению от непосильного гнета налогов. При этом играет немалую роль также и ненависть к Пруссии. Швабы даже совершили революцию в защиту так называемой имперской конституции. Конечно, это — буря в стакане воды, но все же хоть что-нибудь.

Таким образом, разгон Франкфуртского собрания не мог бы совершиться без насилия, если бы достопочтенные франкфуртцы обладали хоть какой-то долей мужества. Им представилась бы сейчас последняя возможность искупить хотя бы малую толику совершенных ими тяжких грехов. Франкфурт и Южная Германия, открыто поднявшиеся на защиту имперской конституции, в условиях побед венгров, распада Австрии, возмущения прусского народа изменами Гогенцоллерна — Радовица — Мантёйфеля могли бы стать временным центром нового, опирающегося на Венгрию, революционного восстания.

Но тогда эти господа не должны были бы останавливаться даже перед *объявлением гражданской войны* и в крайнем случае, когда настал бы решающий момент, должны были бы *предпочесть единую и неделимую германскую республику реставрации Союзного сейма.*

Однако тот, кто считает франкфуртцев способными на *такой шаг,* жестоко ошибается. Эти господа немного пошумят, немного будут упираться, в той мере как этого требует хоть некоторая степень приличия, а затем решат все так, как им продиктует строптивый Гогенцоллерн. Народ, быть может, кое-где начнет строить баррикады и — будет предан, как 18 сентября[321].

Так закончилось бы прославленное имперское лицедейство, если бы это зависело от *господ франкфуртцев.* Но быть может венгерские гусары, польские уланы и венские пролетарии еще скажут свое слово, — и тогда дело все же может принять другой оборот.

Написано Ф. Энгельсом 1 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 287, 2 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* РОСПУСК

Кёльн, 1 мая. Прибывшие сюда вчера из Берлина депутаты рассказывают, что и *в Дрездене палаты распущены.*

Ганновер, Берлин, Дрезден — в Мюнхене заседания палаты пока только отсрочены, — добрый немецкий бюргер, разве ты теперь не видишь, какую шутку намереваются с тобой сыграть?

В прошлом году, когда было созвано Франкфуртское собрание, Пруссия приказала всем малым государствам *созвать* у себя палаты. Сейчас, ровно год спустя, Пруссия приказывает *распустить* все палаты. Тогда Кампгаузен, теперь Мантёйфель. В обоих случаях одна и та же цель, одно и то же намерение. Вопреки всяческим фразам, Кампгаузен и Мантёйфель идут рука об руку.

И находятся еще люди в Германии, которые защищают государей!

Написано Ф. Энгельсом 1 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 287, 2 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ЛАССАЛЬ

Кёльн, 2 мая. Вчера мы обещали вернуться к обвинительному заключению против Лассаля.

Лассаль обвиняется в «преступлении, предусмотренном статьями 87 и 102 Уголовного кодекса».

Статья 87 направлена против «посягательства или заговора, цель которого состоит в том, чтобы призывать (exciter) граждан или жителей к вооружению против императорской власти».

Согласно статье 102, наказаниям (главным образом смертной казни), установленным в предыдущих статьях раздела (к которому относится также и статья 87), подвергаются все те лица, которые в речах, произносимых в публичных местах и собраниях, или в расклеенных плакатах призывают (excitent) к совершению указанных преступлений. Лишь в том случае, когда призыв остался без последствий, смертная казнь заменяется изгнанием.

В чем же обвиняется Лассаль?

Так как он якобы сразу, *в одно и то же время* согрешил как против статьи 87, так и против статьи 102, то он может быть обвинен лишь в том:

что, действуя в нарушение статьи 102, он призывал к преступлению, предусмотренному статьей 87, т. е.:

призывал граждан к посягательству или заговору, целью которого является призыв к вооружению против королевской власти, т. е.:

призывал граждан к *призыву* к вооружению!

Для обычного человеческого рассудка это — довольно очевидная бессмыслица. Но ведь так соблаговолили решить прокуратура и обвинительный сенат!

Дело в том, что статья 102, которая призыв к преступлениям, предусмотренным статьями 86—101, приравнивает к совершению самого преступления, если призыв имел последствия, применима, разумеется, ко всем этим статьям. Она применима даже к остальным положениям той же 87 статьи. Ведь все эти статьи направлены против *определенных действий,* к совершению которых *можно* подстрекать. Так например, статья 87, направленная против посягательства и заговора, говорит также о посягательстве и заговоре против жизни и личности императора, о посягательстве и заговоре, цель которого состоит в ниспровержении или изменении образа правления или в изменении порядка престолонаследия. Все это такие вещи, к которым можно «призывать». Призыв к убийству короля, к революции является возможным фактом; равным образом может иметь место призыв к заговору, цель которого состоит в убийстве короля или в революции. Но *«призыв* к организации посягательства resp.* заговора в целях *призыва* к вооружению против королевской власти», одним словом, *призыв к призыву* — это такое же невозможное, такое же нелепое преступление, как *«попытка* к отдаленной *попытке* совершить государственную измену», стоившая не одному бедняге-корпоранту в старое благословенное время действия прусского права десяти лет заключения в крепости, или как знаменитое выражение suspect de suspicion d'incivisme (подозреваемый по подозрению в отсутствии гражданских чувств), которое люди, носящие легитимистские очки, будто бы нашли, как они утверждают, в тюремных списках времен террора 93-го года.

И уж если «призыв к призыву к вооружению» действительно является логически и юридически возможным преступлением, то Лассаль, чтобы одновременно подпасть под упомянутую часть статьи 87 и под статью 102, должен был бы обвиняться не за произнесенную в Нёйссе речь, а за адрес Национальному собранию, в котором говорится: «Мы заклинаем Национальное собрание: обратитесь с призывом взяться за оружие!»

Здесь содержится «призыв к призыву к вооружению». Но даже в этом non plus ultra** обвинительном заключении не додумались до того, чтобы увидеть преступление в этих словах.

Как же получилось, что прокуратура из целого ряда статей данного раздела выбрала как раз такое место и связала его со статьей 102, к которому статья 102 *совсем не применима?*

Очень просто. Преступление, предусмотренное статьей 87, карается *смертной казнью.* Но *во всей Рейнской провинции*

---

* — respective — или. *Ред.*

** — непревзойденном. *Ред.*

не нашли такого суда присяжных, который приговорил бы Лассаля к смерти. Поэтому предпочли взять статью 102, которая предписывает замену смертной казни *изгнанием* в том случае, если призыв к «преступлению» не имел последствий. А уж для этого рассчитывали без труда найти присяжных.

Следовательно, для того чтобы избавиться от Лассаля, прокуратура изобрела *невозможное преступление* и соединила такие два места закона, которые при соединении не имеют никакого иного смысла кроме *чистой бессмыслицы.*

Итак: либо Лассаль *виновен* в нарушении статьи 87, и тогда пусть наберутся смелости и приговорят его прямо к *смерти;* либо он не виновен в нарушении статьи 87, но тогда он не нарушил также и статью 102 и должен быть безусловно *оправдан.* По нарушить одновременно статью 87 в приведенном месте *и* статью 102 — невозможно.

Следует обратить внимание на изворотливость прокуратуры. Обвинение против Лассаля подпадает в сущности под статью 87 (смертная казнь). Но обвинить его таким образом не осмеливаются; его обвиняют по статье 87 в соединении со статьей 102 *(изгнание);* но на тот случай, если это не поможет, если присяжные Лассаля оправдают, его предают суду исправительной полиции, подсовывая статьи 209 и 217 *(от шести дней до года тюрьмы).* И все это за один и тот же факт, за деятельность в качестве агитатора во время движения за отказ от уплаты налогов!

Рассмотрим же теперь подлинный corpus delicti* — речь, произнесенную в Нёйссе 21 ноября.

Лассаль обвиняется в том, что он прямо призывал к вооружению против королевской власти.

Согласно показаниям трех свидетелей, на которые ссылается обвинительное заключение, Лассаль действительно прямо призывал жителей Нёйссе *вооружиться,* приобрести боеприпасы, охранять силой оружия завоеванные свободы, поддерживать активными действиями Национальное собрание и т. д. Однако *призыв к вооружению вообще* не является ни проступком, ни тем более преступлением, особенно со времени революции и принятия закона от 6 апреля 1848 г., который каждому жителю Пруссии гарантирует право носить оружие. Призыв к вооружению, согласно Code**, карается наказанием лишь в том случае, когда вооружение направлено против отдельных чиновников (мятеж) или против королевской власти, resp. против другой части граждан (восстание). В данном случае специально

---

* — состав преступления. *Ред.*
** — Кодексу. *Ред.*

имеется в виду призыв, а именно *прямой* призыв к вооружению против королевской власти.

Однако в показаниях всех трех свидетелей не было сказано *ни одного слова о* вооружении против королевской власти; говорилось лишь о вооружении *для защиты Национального собрания.* А Национальное собрание было законно созванным и законно существовавшим органом, важнейшей частью законодательной, а здесь даже и *учредительной* власти. В той же самой степени, в какой учредительная власть стоит над исполнительной, Национальное собрание стояло над «королевским правительством». И вот призыв к всеобщему народному вооружению для защиты этого, наряду с королем, высшего законодательного учреждения страны наша прокуратура считает тяжким преступлением.

Единственным местом, в котором тонкий нюх прокуратуры еще мог бы обнаружить отдаленное отношение к «королевскому правительству», было упоминание о батареях в Нёйссе. Но разве Лассаль призывал жителей Нёйссе к вооружению для захвата батарей на левом берегу Рейна и тем более разве он призывал их к этому «прямо», как утверждается в резюме обвинительного заключения и как это требуется для осуждения Лассаля?

Напротив! Он не призывал их к этому ни «прямо», ни косвенно. Он сказал лишь: дюссельдорфцы *ожидают,* что жители Нёйссе захватят эти батареи. И вот это всего только выраженное на словах «ожидание» по мнению достопочтенной прокуратуры является excitation directe, *прямым призывом к* вооружению против королевской власти!

Итак, в настоящем, *действительном* вооружении *Дюссельдорфа,* открыто организованном для защиты Национального собрания и, разумеется, направленном не иначе как против прусских войск, т. е. против королевского правительства (Ie gouvernement de l’empereur), не заключается никакого преступления, заключается всего лишь проступок, выразившийся в оказании сопротивления отдельным чиновникам; а в этом простом заявлении, в этих четырех словах, оказывается, содержится тяжкое уголовное преступление!

За то, что Лассаль *делал,* его не осмеливаются обвинять; но то, что он *сказал,* оказывается тяжким преступлением. А что он сказал? — Ожидают, что жители Нёйссе захватят батареи. И кто, говорит он, ожидает этого, — разве он сам, Лассаль? Ничего подобного — дюссельдорфцы!

Лассаль говорит: третьи лица ожидают, что вы сделаете то-то и то-то, а согласно логике прокуратуры это является «прямым призывом» к вам действительно совершить ожидаемое.

В настоящее время в Берлине министры распустили палату и готовятся к дальнейшим октроированиям. Предположим, что сегодня насильственным путем ликвидировали бы всеобщее избирательное право, отменили бы право союзов, уничтожили бы свободу печати. Мы сказали бы: мы ожидаем, что на это позорное вероломство народ ответит баррикадами. Прокуратура заявила бы, что тем самым мы «прямо призывали» берлинских граждан вооружиться против королевской власти. И если бы все шло по воле прокуратуры, нас приговорили бы, в зависимости от обстоятельств, к смерти или к изгнанию!

За всем этим процессом против Лассаля кроется тенденциозный процесс против ненавистного агитатора. Это — скрытый процесс по поводу «возбуждения неудовольствия», подобно тем процессам, какими мы имели удовольствие наслаждаться также здесь, на Рейне, вплоть до мартовских дней. Точно так же и процесс против Вейерса является скрытым процессом по поводу оскорбления величества. Вейерс сказал: «смерть королю» и «нельзя ни на четверть часа больше оставлять корону королю»; и вот эти несколько слов, весьма невинных с точки зрения Code pénal*, оказывается, тоже содержат «прямой призыв к вооружению»!

Но даже если Лассаль в действительности призывал к вооружению против королевской власти, что же из этого? Встанем на конституционную точку зрения и будем рассуждать согласно конституционным понятиям. Разве тогда, в ноябре, не являлось долгом каждого гражданина не только «призывать к вооружению», но и самому *вооружаться* для защиты конституционных народных представителей, против вероломного «королевского правительства», которое гоняло при помощи солдат собрание народных представителей из отеля в отель, насильственно прекращало их заседания, отдавало их бумаги солдатам на раскурку и для топки печей и в конце концов разогнало их самих по домам? Разве согласно решениям Соединенного ландтага, согласно знаменитой «почве законности» г-на Кампгаузена, не говоря уже о завоеваниях 19 марта, собрание не было «равноправным контрагентом» короны? И разве такое собрание не следовало защищать от нападений со стороны так называемого «королевского правительства»?

Впрочем, мы видели, что у «королевского правительства» стало второй натурой расправляться пинками с народными представителями. Едва прошло два месяца со времени созыва октроированных палат, как это самое королевское правительство

* — уголовного кодекса. *Ред.*

разгоняет их при первом неугодном решении, — разгоняет те самые палаты, которые якобы должны были пересматривать конституцию! В настоящее время палаты признали октроированную конституцию, и теперь мы уж вовсе не знаем, есть у нас конституция или нет. Кто ведает, что еще нам октроируют завтра!

И вот людей, которые все это предвидели и в соответствии с этим действовали, которые стремились к энергичному сопротивлению этим насильственным действиям надменной камарильи, которые, согласно понятиям *всех конституционных стран* и в особенности *Англии, полностью* стояли *на почве закона,* этих людей по приказу Мантёйфеля, Симонса и К° арестовывают, держат шесть месяцев в тюрьме и наконец предают суду присяжных, обвиняя в *подстрекательстве к восстанию!*

Написано Ф. Энгельсом 2 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 288, 3 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАПРЕЩЕНИЕ СОБРАНИЯ РЕЙНСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СОВЕТОВ

Кёльн, 2 мая. С особым удовлетворением сообщаем нашим читателям, что созванное досточтимым кёльнским муниципальным советом собрание депутатов муниципальных советов Рейнской провинции **запрещено** простым приказом властей. «Добрые бюргеры», которые чувствовали себя так «уютно» в сентябре, когда были запрещены собрания демократов[322], могут сейчас принести благодарность своим господам и повелителям. В сентябре 1848 г. свобода собраний для демократов была уничтожена, по крайней мере, актом открытого насилия в виде осадного положения, тогда как свобода собраний кёльнского муниципального совета скончалась *от пинка,* полученного в условиях процветания почвы законности.

Написано Ф. Энгельсом 2 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 288, 3 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СЪЕЗД РЕЙНСКИХ ГОРОДОВ

Кёльн, 3 мая. Съезд рейнских муниципальных советов все же состоится, хотя и в менее официальной форме, в ближайший *вторник.*

Само собой разумеется, что мы *ничего* не ждем от этого собрания буржуа, избранных по трехклассной цензовой системе, при которой народные массы были устранены от выборов. Будет направлена депутация в Берлин, которую *даже не допустят* к г-ну фон Гогенцоллерну.

Но, возможно, съезд вовсе и не состоится. В воскресенье здесь, в Кёльне, должны состояться съезды различных партий[323]. Правительство старается *любой ценой* спровоцировать конфликт между народом и военщиной, дабы иметь возможность расправиться с нами, жителями Рейнской провинции, так же, как расправились с берлинцами.

Дело *рабочих Кёльна* — сорвать этот хитроумный прусский план. Спокойным поведением, непоколебимым хладнокровием по отношению ко всяким провокациям со стороны военщины кёльнские рабочие могут отнять у правительства всякий повод к насильственным действиям.

Предстоят решительные события. Вена, Богемия, Южная Германия, Берлин охвачены брожением и выжидают подходящего момента. Кёльн может помочь, очень сильно помочь, но он не может первым *начать* решительные действия.

Пусть рабочие Кёльна помнят, особенно в ближайшее воскресенье, о том, что все провокации правительства преследуют лишь цель вызвать *такой* взрыв, который произошел бы

в неблагоприятный для нас и благоприятный для правительства момент.

Только при крупных событиях можно совершить революцию; а когда поддаются на провокации правительства, то самое большее, что может получиться, это — бунт.

Рабочие Кёльна, помните о 25 сентября[324]!

Написано Ф. Энгельсом 3 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 289, 4 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* ТРЕТИЙ В СОЮЗЕ

Кёльн, 3 мая. Сотни раз указывали мы на тот факт, что в коалиции России с Австрией г-н фон Гогенцоллерн со своим министерством играет роль «третьего в союзе». Сотни раз простодушный немецкий бюргер с возмущением отвергал подобное утверждение.

И что же? Как теперь твердо установлено, одной из тайных причин роспуска палаты было то, что, по тайному договору с ольмюцским князем и высочайшим петербургским православным царем, русский вассальный князь [Unterknas] из Сан-Суси **обязался двинуть в Богемию** 40000 **пруссаков —** с одной стороны, чтобы удержать народ в повиновении, а с другой — как резерв против венгров. Даже в соборе св. Павла об этом говорили открыто. Нельзя было заставить молчать об этом даже центр и часть правых в Берлине. Потому-то их и разогнали.

Но этого мало. Берлинская «National-Zeitung» сообщает из Берлина 1 мая:

Только что мы узнали из совершенно достоверного источника: **«Вчера утром дирекция Верхнесилезской железной дороги получила от министерства внутренних дел телеграмму, что 30000 русских солдат должны быть переброшены из Кракова в Австрию по Верхнесилезской железной дороге» (следовательно, из Кракова через Мысловиц, Козель, Ратибор*, Одерберг**).** «Дирекция Верхнесилезской железной дороги уведомляется, **что королевское прусское правительство против этого ничего не имеет** и что, как оно надеется, дирекция железной дороги ни в чем не будет препятствовать этой переброске».

Телеграмма была подписана: **фон Мантёйфель**

* Польские названия: Мысловице, Козле, Рацибуж. *Ред.*
** Чешское название: Богумин. *Ред.*

Так вот до чего мы дошли: потсдамское правительство вассального князя русского императора не только рассылает *приказы об аресте* Кошута, Бема и Гёргея*. Нет, оно еще переправляет 30000 русских жандармов по железной дороге *через прусскую территорию* в Венгрию, — более того, оно посылает 40000 прусских солдат в Богемию, чтобы усмирить народ, свободу которого грубо попрали, но который жаждет мести!

Слушайте, жители Рейнской провинции! Для того, следовательно, подчинили нас *русско-прусскому деспотизму,* чтобы посылать наших сыновей и братьев, таких же жителей Рейнской провинции, как и мы, в Богемию, а может быть, и в Венгрию, дабы они **иа службе у русского царя** способствовали подавлению последнего народа, защищающего с оружием в руках революцию 1848 года!

Для того нас в 1815 г. предали Пруссии, чтобы и на пас пал позор, будто с нашего попустительства, через *нашу* территорию, через страну, *с нами* связанную в одно государство, русские солдаты отправлялись с барабанным боем, с развевающимися знаменами в поход против венгерской революционной армии.

Нас только *силой* заставили стать прусскими *подданными* и оставаться *подданными. Мы никогда не были пруссаками.* Но теперь, когда нас направляют против Венгрии, когда прусскую землю топчут русские разбойничьи отряды, теперь мы чувствуем, что мы — пруссаки, да, **мы чувствуем, какой это позор — носить имя пруссака!**

Написано Ф. Энгельсом 3 мая 1849 г.

Напечатано в приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 289, 4 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* См. настоящий том, стр. 208—209, 460—461. *Ред.*

ОНИ ХОТЯТ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Кёльн, 5 мая. Продолжает распространяться слух, что в воскресенье, по случаю окружных съездов различных партий, доброму городу Кёльну снова октроируют *осадное положение.*

По разным мелким приготовлениям военных властей видно, что они в самом деле готовятся ко всяким возможностям. Больше того. Принимаются меры, которые явно преследуют цель спровоцировать беспорядки.

Почему, например, вдруг разрешили «Моей доблестной армии», к величайшему удивлению самих солдат, находиться вне казарм до *десяти часов вечера* вместо девяти?

Снова заговорили об *арестах.* Мы охотно верим этому. Такие намерения имеются уже давно. К тому же известно, что с помощью такого рода арестов уже удалось однажды полностью осуществить план — спровоцировать беспорядки.

Повторяем: весьма важно, чтобы демократы и, в особенности, *рабочие* Кёльна приняли все меры к тому, чтобы завтра жаждущим осадного положения властям не было дано *ни малейшего повода,* которым они могли бы оправдать свои насильственные действия.

Контрреволюционные перевороты последнего времени прежде всего угрожают *буржуазии.* Буржуазия созвала съезд городов. Предоставим же *буржуазии честь сказать первое слово.* Подождем, какое решение примут эти господа во вторник. Мы убеждены, что некоторые демократические простаки будут жестоко разочарованы результатами этого помпезного «съезда городов».

Несомненно одно: если осадное положение будет объявлено до вторника, то съезд городов не состоится, и никто не будет более доволен этим, нежели именно те господа, *которые его созывали.*

Если рабочие завтра дадут себя спровоцировать на беспорядки, то они лишь будут таскать *каштаны из огня для буржуазии,* а вместе с тем и для *правительства.* Спрашивается, захотят ли они дать себя использовать для этого в такое время, когда вся Германия стоит на пороге *гражданской войны* и когда, быть может, в скором времени им представится возможность *выступить со своими собственными требованиями?*

Написано Ф. Энгельсом 5 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 291, 6 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

*ПРУССКАЯ АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ НАРОДА

Кёльн, 7 мая. С каждым днем в Германии все больше и больше дифференцируются находящиеся в брожении элементы; положение становится все более определенным.

В то время как один из центров германской контрреволюции, Австрия, всецело занят борьбой с Венгрией, другой центр, Пруссия, посылает свои вооруженные орды во всех направлениях против революционного восстания народа.

В *Дрездене,* в этом мирном городе искусства и роскоши, народ берется за оружие и отвечает баррикадами и ружейной стрельбой на изменнические прокламации королевского правительства. Большая часть войск переходит на сторону народа; борьбу можно было считать решенной; но вдруг появляются *прусские батальоны* и становятся на сторону изменника-короля против народа.

В Пфальце народ также выступает с оружием в руках против наглеющей с каждым днем баварской контрреволюции; и здесь стоят наготове *прусские батальоны,* чтобы в надлежащий момент вмешаться и, одновременно с разгоном Франкфуртского собрания, подавить восстание в Пфальце.

Куда ни глянь — повсюду в Северной и Юго-Западной Германии стоят наготове *прусские батальоны,* чтобы с оружием в руках осуществить контрреволюцию.

А для того, чтобы ни в нашей стране, ни в соседних государствах не было недостатка в прусских батальонах, повсеместно *производится набор в ландвер* согласно нашей великолепной военной системе.

Таким образом, в одном месте австрийская, а в другом прусская армия являются центром контрреволюции. Против

контрреволюции с каждым днем все более резко и повсеместно выступает новая революция.

В Дрездене еще существует временное правительство, которое мобилизует со всех концов страны силы народа.

В Пфальце еще существует местный комитет обороны, который с каждым днем собирает все больше и больше жителей Пфальца вокруг знамени революции.

В Рейнской Пруссии ландвер *отказывается выступить в поход.* Даже в Эльберфельде, в черно-белом Вуппертале, ландвер отказывается двигаться дальше своих сборных пунктов.

И, наконец, в Австрии решающим событием является то, что *венгерская революция неудержимо развивается.* Из Вены почта не поступила — возможно потому, что мадьяры взорвали Моравскую железную дорогу. Не подлежит никакому сомнению, что они *ворвались в Моравию.* Из Ратибора* нам пишут, что восемь дней тому назад в Голковице на австрийской границе и третьего мая в Лослау**, а также в прусской Верхней Силезии была слышна канонада целых батарей. Надо думать, что бои во всяком случае происходят по эту сторону Яблунки.

Вообще, *никогда еще победа венгров не была так близка, как сейчас.* Нет сомнений, что *русские не придут.* Итак, еще несколько дней — и венгры будут в Вене, венгерская революция будет завершена, и откроется величественная страница второй германской революции.

Написано Ф. Энгельсом 7 мая 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 292, 8 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* Польское название: Рацибуж. *Ред.*

** Польское название: Водзислав. *Ред.*

* ВОПРОС К РАБОЧИМ

Кёльн, 7 мая. Господа пруссаки, по-видимому, всеми силами стараются вызвать мятеж.

Позавчера артиллеристам (относительно которых правительство, между прочим, сильно заблуждается) была выплачена «прибавка» в 15 зильбергрошей на человека за прошлый месяц. Правда, и пехотинцы также получили эту прибавку.

Офицеры одного из расквартированных здесь полков *прямо потребовали* от своих солдат, чтобы они завтра вызвали мятеж.

Сегодня вечером уже произошла стычка между военными и штатскими на Новом рынке.

Мы еще раз спрашиваем рабочих, *намерены ли они допустить, чтобы господа пруссаки всемилостивейше указали им срок начала восстания?*

Написано Ф. Энгельсом 7 мая 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 292, 8 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЦАРЬ И ЕГО ВАССАЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

Кёльн, 8 мая. Говорят, что французский посол в Берлине *заявил протест против вступления пруссаков в Саксонию.*

Итак, французское правительство видит, наконец, что восточноевропейская контрреволюция угрожает и ему, что новый Священный союз имеет своей конечной, высшей целью не что иное как завоевание, а на этот раз, быть может, и *раздел Франции.*

Нам положительно известно, что по договору, заключенному между православным царем и его двумя вассальными князьями из Ольмюца и Потсдама, завоевание Франции, уничтожение республики и возведение *на престол Франции и Наварры* «легитимного короля», «сына святого Людовика», идиота *Генриха Бордосского,* объявлены конечной целью союза.

Что Одилон Барро участвует в этом заговоре, едва ли подлежит сомнению.

Вот чего от вас хотят, прусские солдаты ландвера! Вас отрывают от домашнего очага, от жен и детей, чтобы сперва заставить вас бороться против ваших братьев в Германии и Пруссии, способствовать подавлению жалкого остатка свободы, завоеванной вами в прошлом году, а затем бросить вас против венгров, которые идут на помощь вашей находящейся под угрозой свободе; а когда вы исполните это дело к удовольствию ваших князей и вашего верховного господина и повелителя, царя Николая, тогда вас поведут через Рейн против того народа, героические восстания которого в 1789—1794, 1830 и 1848 гг. дали вам все свободы, которыми вы пользуетесь.

Для того ли вы, баррикадные бойцы, грозные народные массы, завоевали себе в прошлом году некоторую свободу, чтобы теперь, в качестве ландвера, самим способствовать ее подавлению, а затем, на службе у вашего высочайшего повелителя, русского царя, сокрушить обе твердыни свободы — Венгрию и Францию!

Написано Ф. Энгельсом 8 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 293, 9 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПОДВИГИ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

Кёльн, 9 мая. Правительство г-на фон Гогенцоллерна желает, по-видимому, в последние дни своего существования и существования прусского государства еще раз полностью оправдать старинную репутацию прусского и гогенцоллернского имени.

Кто не знает гейневской характеристики:

Ребенок с тыквой-головой,
С усищами, с седой косой,
Чьи крепки длинные ручонки,
Велик живот, кишки же тонки,
Уродец подлинный...[325]

Кто не знает вероломства, коварства, мошенничеств с наследствами, при помощи которых возвысилось семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов?

Всякий знает, как так называемый «великий курфюрст»* (как будто какой-нибудь «курфюрст» может быть «великим»!) совершил первое предательство по отношению к Польше: союзник Польши против Швеции, он внезапно перешел на сторону шведов, чтобы тем основательнее ограбить Польшу по Оливскому миру[326].

Всякий знает пошлую фигуру Фридриха I, скотскую грубость Фридриха-Вильгельма II.

Всякий знает, как Фридрих II, творец патриархального деспотизма, друг просвещения с помощью розги, продавал с аукциона свою страну французским спекулянтам; всякий знает, как он вступил в союз с Россией и Австрией с целью

* — Фридрих-Вильгельм, курфюрст бранденбургский. *Ред.*

разграбления Польши[327], которое еще и теперь, после революции 1848 года, остается позорным пятном, не смытым с немецкой истории.

Всякий знает, как Фридрих-Вильгельм II помог завершить грабеж Польши и как он роздал награбленные польские национальные и церковные имущества своим царедворцам.

Всякий знает, как в 1792 г. он вступил в коалицию с Австрией и Англией для подавления славной французской революции и вторгся во Францию; всякий знает также, как его «доблестная армия» с превеликим позором была изгнана из

Франции.

Всякий знает, как он тогда изменил своим союзникам и поспешил заключить мир с Французской республикой[328].

Всякий знает, как он, выдававший себя за восторженного приверженца легитимного короля Франции и Наварры, скупил у Французской республики по дешевке коронные драгоценности этого же самого короля и, таким образом, нажился на несчастье своего «возлюбленного друга и брата».

Всякий знает, как он, чья жизнь была чисто гогенцоллернской помесью распутства и мистицизма, старческой похотливости и ребяческого суеверия, задушил свободу мнений бишофс-вердерскими эдиктами[329].

Всякий знает, как его преемник, *Фридрих-Вильгельм III* «Справедливый», предал Наполеону своих старых союзников за брошенную ему приманку — Ганновер.

Всякий знает, как вслед за тем он предал Наполеона этим же бывшим союзникам, напав в качестве наемника Англии и России на воплощенную в лице Наполеона французскую революцию.

Всякий знает, какой успех имело это нападение: неслыханное поражение «доблестной армии» при Йене, внезапно обнаружившееся моральное разложение всего государственного организма Пруссии, длинная цепь предательств, низостей и пресмыкательств прусских чиновников, вызывавших отвращение у Наполеона и его генералов.

Всякий знает, как в 1813 г. Фридрих-Вильгельм III красивыми словами и пышными обещаниями заставил прусский народ поверить, будто поход против французов есть «освободительная война», тогда как в действительности дело шло о подавлении французской революции и о восстановлении старой монархии «божьей милостью».

Всякий знает, как забыты были прекрасные обещания, лишь только участники Священного союза вступили 30 марта 1814 г. в Париж.

Всякий знает, как ко времени возвращения Наполеона с Эльбы энтузиазм немецкого народа опять настолько остыл, что Гогенцоллерн должен был обещать конституцию (эдикт 22 мая 1815 г., за 4 недели до битвы при Ватерлоо), чтобы вновь оживить это угасшее рвение.

Всякий помнит обещания, данные в германском Союзном акте и венском Заключительном акте: свобода печати, конституция и т. д.[330].

Всякий знает, как «справедливый» Гогенцоллерн сдержал свое слово. Священный союз и конгрессы для подавления народов, карлсбадские постановления[331], цензура, полицейский деспотизм, господство дворянства, произвол бюрократии, вмешательство королевской власти в судопроизводство, преследования демагогов, массовые приговоры, финансовая расточительность и — никакой конституции.

Всякий знает, как в 1820 г. народу было гарантировано, что налоги и государственные долги не будут впредь увеличены и как Гогенцоллерн сдержал свое слово, превратив Seehandlung[332] в тайную ссудную кассу для государства.

Всякий знает, как Гогенцоллерн ответил на призыв французского народа во время июльской революции: концентрация войск на границе, угнетение собственного народа, подавление движения в мелких немецких государствах, окончательное порабощение этих государств под кнутом Священного союза.

Всякий знает, как тот же Гогенцоллерн нарушил нейтралитет во время русско-польской войны, позволив русским пройти через свою территорию и напасть, таким образом, на поляков с тыла, отдав в распоряжение русских свои арсеналы и склады, предоставив каждому разбитому русскому корпусу надежное убежище в Пруссии.

Всякий знает, что все усилия этого вассального князя [Unterknas] из дома Гогенцоллернов были, в соответствии с целями Священного союза, направлены на то, чтобы укрепить господство дворянства, бюрократии и военщины, чтобы грубым насилием уничтожить — и не только в Пруссии, но и во всей Германии — какую бы то ни было свободу слова, какое бы то ни было влияние «ограниченного разума верноподданных»[333] на правительство.

Всякий знает, как трудно найти в истории другой такой период правления, когда подобного рода достохвальные намерения проводились бы с помощью мероприятий более грубых и насильственных, чем при Фридрихе-Вильгельме III, в особенности в 1815—1840 годах. Никогда и нигде не было такого множества арестов и приговоров, никогда крепости не были так

переполнены политическими заключенными, как при этом «справедливом» монархе, особенно если вспомнить, какими невинными простаками были эти демагоги.

Надо ли еще говорить и о том Гогенцоллерне*, который, по словам монаха из Лейнина[334], «будет последним в своем роду»? Надо ли говорить о возрождении христианско-германского величия и о вновь возникшей острой финансовой нужде, об ордене Лебедя[335] и о высшем суде по делам цензуры, о Соединенном ландтаге и о генеральном синоде, о «клочке бумаги»[336], о тщетных попытках занять деньги и обо всех прочих достижениях достославной эпохи 1840—1848 годов? Надо ли доказывать, ссылаясь на Гегеля, почему именно комической фигурой должна завершиться галерея Гогенцоллернов?

В этом нет необходимости. Приведенных данных достаточно, чтобы полностью охарактеризовать гогенцоллернско-прусское имя. Был, правда, момент, когда блеск этого имени потускнел, но с тех пор как семизвездие Мантёйфеля и К° окружает корону, все былое величие возродилось вновь. Снова, как и прежде, Пруссия управляется вице-королем под верховенством России; снова Гогенцоллерн — вассальный князь самодержца всея Руси, великий князь, властвующий над всеми малыми боярами Саксонии, Баварии, Гессен-Хомбурга, Вальдека и т. д.; снова «ограниченный разум верноподданных» восстановлен в своем старом праве — подчиняться приказам. «Моя доблестная армия» — пока ее не использует сам православный царь — может насаждать в Саксонии, Бадене, Гессене и Пфальце тот порядок, который вот уж 18 лет царит в Варшаве, и может в собственной стране и в Австрии склеивать кровью подданных треснувшие короны. Слово, данное прежде, в минуту страха и большой опасности, так же мало беспокоит нас, как и наших в бозе почивших предков; и как только мы справимся у себя дома, мы с барабанным боем и развевающимися знаменами двинемся на Францию, завоюем страну, где произрастает лоза Шампани, и разрушим великий Вавилон, праматерь всяческого греха!

Таковы планы наших высоких правителей; такова надежная пристань, куда наш благородный Гогенцоллерн направляет свой корабль. Отсюда все учащающиеся октроирования и государственные перевороты; отсюда повторные пинки трусливому Франкфуртскому собранию; отсюда осадные положения, аресты и преследования; отсюда вторжение прусской солдатни в Дрезден и Южную Германию.

* — Фридрихе-Вильгельме IV. *Ред.*

Но существует еще сила, с которой, правда, мало считаются господа из Сан-Суси[337], но которая все же скажет свое слово, подобное удару грома. Это — народ, народ, который в Париже и на Рейне, в Силезии и в Австрии ждет, еле сдерживая гнев, момента восстания, и кто знает, быть может, скоро он воздаст всем Гогенцоллернам, всем великим и малым князьям — по их заслугам.

Написано К. Марксом 9 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 294, 10 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Кёльн, 9 мая. Контрреволюция надвигается быстрыми шагами, но революция развивается еще быстрее.

Если контрреволюция достигла в *Дрездене* успехов[338], которые дают основание предвидеть ее победу, если в *Бреславле* она при помощи удачно спровоцированного путча добилась *осадного положения, цензуры* и *военных судов,* то революция может гордиться совершенно другими победами.

Мы не будем говорить о быстро растущем *открытом мятеже ландвера* в Рейнской Пруссии, охватившем как раз самые черно-белые округа; мы не будем говорить и о южногерманском движении, которое повсюду предают правительства, буржуазия и само Франкфуртское собрание[339]. Мы будем говорить лишь о тех крупных событиях, которые, врываясь извне, могут внести единство, создать прочную опору мелким, разобщенным, преданным и проданным движениям в Германии: о венгерской и французской революциях.

В то время как *венгерская революция* одерживает одну победу за другой и после ближайшего решительного боя (который должен был произойти 5-го или 6-го у Пресбурга[*]) двинется непосредственно на Вену и освободит ее, — *Франция* вдруг снова вступает в открытое движение, развивающееся у всех на глазах. Скрытому от глаз развитию последних месяцев наступает конец. Поражение французской армии под Римом[340] разоблачает и компрометирует все стоявшие до сих пор у власти правительства. Снова на сцене появляется народ,

---

[*] Словацкое название: Братислава. *Ред.*

этот последний, верховный судья. И произойдет ли это на выборах или в открытой революции, но французский народ в скором времени даст движению толчок, который почувствует вся Европа.

Европейские монархи скоро увидят, что избранный народ революции остался таким же, каким был, — французская революция 1849 года будет разговаривать с ними не ламартиновскими фразами, а языком пушек.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 294, 10 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

НОВАЯ ПРУССКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Кёльн, 12 мая. Потсдамский член троицы[341], царствующий милостью божьей и осадного положения, в ноябре прошлого года, после разгона народных представителей, октроировал конституцию; эта конституция подлежала пересмотру со стороны палат, которые должны были собраться в скором времени. Как известно, новых народных представителей постигла та же участь, что и старых; первые были разогнаны штыками Врангеля, а для вторых простая записочка Мантёйфеля о роспуске[342] послужила приказом разойтись по домам. Тем самым было также покончено и с пересмотром конституции.

Так христианско-германский отец своих подданных и его клика, вся эта свора родовитых и безродных, увешанных и неувешанных орденами прихлебателей, тунеядцев и вампиров, высасывающих кровь из народа, — все они получили свободное поле действия и могут распоряжаться по своему усмотрению.

В ноябре прошлого года королевская власть, бюрократия и юнкерство были еще вынуждены делать различные лицемерные заявления и вносить в конституцию весьма либеральные с виду параграфы. Ноябрьской конституции надо было придать такой вид, чтобы ею во всяком случае можно было обмануть многочисленную *тупоумную* часть так называемого «прусского народа».

Теперь все эти тонкие дипломатические маневры стали излишними. Разве шурин Николай не стоит уже с двадцатью тысячами солдат на немецкой территории? Разве Дрезден не разрушен артиллерийским обстрелом? Разве не существует самого тесного союза Пруссии с трусливым беглецом в Кёниг-

штейне, с имперским Максом в Мюнхене[343], с бульдогом Эрнстом-Августом Ганноверским, со всей контрреволюционной бандой внутри и вне Германии?

Надо признать, что момент был использован Гогенцоллерном наилучшим образом. Он приказал выработать для своих «возлюбленных» подданных новую конституцию и 10 мая санкционировал и октроировал ее в Шарлоттенбурге.

Последняя королевско-прусская конституция, *единственная* конституция, *выражающая истинные намерения* и имеющая перед ноябрьской конституцией также и то преимущество, что она состоит всего из 17 параграфов, гласит...[*]

Написано 12 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 297, 13 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Па русском языке публикуется впервые

[*] Далее в «Neue Rheinische Zeitung» приводится под заголовком «Новейшая прусская конституция» королевский указ от 10 мая 1849 г. о введении осадного положения и военно-полевых судов по всей Пруссии. *Ред.*

КРОВАВЫЙ ЗАКОН В ДЮССЕЛЬДОРФЕ

Кёльн, 12 мая. «Новая конституция» — отмена обычных законов и обычных судов и привилегия убийств, которую отец своих подданных предоставил «Моей доблестной армии», — вчера уже вступила в силу в *Дюссельдорфе.*

После победы и кровавой расправы с народом комендант тотчас же запросил Берлин об инструкциях. От подручных г-на фон Гогенцоллерна, от Бранденбурга — Мантёйфеля, был получен по телеграфу приказ провозгласить **кровавый закон** и ввести военные палаческие суды.

На основании статей 1 и 6 распоряжения военных властей отменено право союзов и лишены силы статьи 5, 6, 7, 24, 25, 26, 27 и 28 октроированной кабацкой хартии.

В прошлом году под властью «гражданина и коммуниста» Дригальского* при объявлении осадного положения дюссельдорфская печать была подвергнута *цензуре,* и эта мера вызвала крики возмущения даже у большей части дряблой компании соглашателей. Теперь, после новых гогенцоллернских достижений, когда на стороне потсдамского вассального князя не палаты, а лишь родственные курносые казаки, — теперь уже не довольствуются *цензурой,* а переходят просто к *удушению* печати.

Согласно статье 7, в районе Дюссельдорфа *запрещены* дюссельдорфские газеты, а также и «Neue Rheinische Zeitung». Согласно статье 8, печататься могут лишь официальные «уведомления».

---

* См. настоящий том, стр. 58—63. *Ред.*

При диктатуре сабли «гражданина и коммуниста» Дригальского жертвы произвольных арестов все же подлежали, по крайней мере, ведению обычного закона и обычного суда. Теперь же закон и суд временно отменены, и установлены чрезвычайные палаческие военные суды.

Статья 9. Всякий, кто словесно, письменно, печатно или в форме изображений призывает к сопротивлению законным (!) постановлениям властей, предается военному суду.

Статья 10. Всякий, кто будет уличен в открытом или вооруженном сопротивлении *мероприятиям* законных властей или кто изменническим поведением приуготовляет опасность или ущерб войскам, *подвергается по законам военного времени немедленному расстрелу.*

Лавры кровавой собаки Виндишгреца не дают спать вновь укрепившемуся Гогенцоллерну!

Написано 12 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 297, 13 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ВОССТАНИЕ В БЕРГСКОМ ОКРУГЕ

Кёльн, 12 мая. Внимание всей Рейнской провинции приковано в этот момент к Эльберфельду, месту, где «знамя восстания» поднято сейчас более высоко, чем в любом другом рейнском городе. Роспуск палаты послужил сигналом к движению в столь мирном обычно Вуппертале. Самые глупые «нытики» и самые жалкие «ханжи» поняли, что реакция зашла слишком далеко в своих преступлениях, и, увлеченные энтузиазмом тех храбрых рабочих, в энергии которых мы никогда не сомневались, взялись за оружие и вступили в ряды баррикадных героев, решившихся на смертельную борьбу против монархии.

Сведения, получаемые нами с места боев, столь неточны, что невозможно отделить истину от лжи. Но все же представляется несомненным, что все население взялось за оружие, что улицы и дома забаррикадированы, что из соседних мест — из Золингена, Ремшейдта, Грефрата, из мест, расположенных в Эннепской долине, — словом, из всего Бергского округа спешно подходят вооруженные подкрепления. Повстанцы уже не ограничиваются занятием городов Элъберфельда и Бармена, а распространяют оборонительные действия и на важнейшие пункты в окрестностях.

Как уверяют, в план борющихся входит поспешить на помощь Дюссельдорфу, чтобы освободить этот город от прусских войск. Ландвер, который теперь впервые решительно сражается на стороне парода, играет в этих действиях главную роль. Снаряжения и денег у борющихся достаточно, так как многие очень богатые купцы охотно открыли своп кассы. Так, сооб-

щают, что один только торговый дом передал эльберфельдскому Комитету безопасности 500 фридрихсдоров.

При таких условиях не приходится, естественно, удивляться, что наемные королевские войска готовятся к наступлению, чтобы и в Бергском округе учинить, по возможности, такую же жестокую расправу, как в Бреславле, Дрездене, Эрфурте и т. д. Будем надеяться, что на этот раз дело пойдет иначе.

Артиллерийский парк из Везеля будет направлен в Эльберфельд. Наступление назначено, по-видимому, на ближайший понедельник.

Мы не можем ручаться за эти известия. Но каковы бы ни были планы контрреволюции, Эльберфельду предстоит борьба, в которой он поистине может оказать важную услугу отечеству.

Написано 12 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 297, 13 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

*ПРОДАЖНАЯ НИЗОСТЬ «KOLNISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 13 мая. Обращаем внимание наших читателей на последние номера *«Kolnische Zeitung»,* в частности на ее сегодняшний номер (воскресенье, 13 мая).

Поистине, никогда еще *«самая пошлая распущенность»* не шла так тесно рука об руку с *продажной низостью,* как в последних передовых статьях и корреспонденциях нашей великолепной современницы.

Еще несколько дней тому назад мы видели, как на съезде рейнских муниципальных советов *собственник «Kolnische Zeitung»,* г-н *Йозеф Дюмон* энергично высказался за принятые там решения. Сегодня мы видим, как тот же субъект, в лице своего холопа Брюггемана, в каждой строчке самым наглым образом выражает свою радость по поводу неудачи восстаний, явившихся результатом тех же решений рейнских муниципальных советов.

Но за это-то *«Kolnische Zeitung»* и имеет счастье быть *октроированной* рейнским городам в качестве единственной газеты — одновременно с осадным положением.

Поистине, этим городам октроируют одновременно *кровь и* — **грязь!**

Написано 13 мая 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 297, 13 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

«KREUZ-ZEITUNG»

Кёльн, 15 мая. Прусская газетка висельников[*] доставляет нам особое удовольствие, подбирая непатриотические выражения «Neue Rheinische Zeitung» по адресу «императорско-русского вассала в Ольмюце» и «прусского рыцарского клоповника»[**]. При подборе этих выражений газетка ограничилась корреспонденцией из Бреславля, сопроводив ее под конец следующим взрывом возмущения ханжески-фривольной «рыцарши креста».

«В сравнении с этим *Чимборасо дерзости* бледнеет объявление о бракосочетании прусского короля, помещенное во французском «Moniteur» в 1793 году: «Le jeune tyran de Prusse vient d'epouser une demoiselle de Mecklenbourg!»[***]».

Для того, чтобы по возможности полнее охарактеризовать «Чимборасо дерзости» «Neue Rheinische Zeitung», просим газетку висельников любезно перепечатать и Premier-Cologne[****] из № 294 нашей газеты — «Подвиги Гогенцоллернов». Говорят, г-жа фон Гогенцоллерн является усердной читательницей газетки висельников, и мы отнюдь не столь «односторонни», чтобы лишить достойную даму возможности ознакомиться для развлечения с некоторыми историческими экскурсами, имеющими отношение к династии ее супруга.

Написано 15 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 299, 16 мая 1849 и.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

[*] «Neue Preusische Zeitung» («Kreuz-Zeitung»). *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 487 и 517. *Ред.*

[***] — «Молодой тиран Пруссии только что вступил в брак с девицей из дома Мекленбург!» *Ред.*

[****] — передовую статью с пометкой *Кёльн. Ред.*

* НОВЫЙ ПРУССКИЙ ПИНОК ФРАНКФУРТЦАМ

Кёльн, 15 мая. Не успел священный союз кнута октроировать Пруссии новейшую конституцию осадного положения[*], как сегодня нас обрадовали вторым документом, представляющим не меньший интерес. Безвольные депутаты франкфуртского Национального собрания, которые по своему радикальному благодушию, трусости и глупости так добросовестно помогали наемным предателям немецкого народа в течение целого года готовить победу контрреволюции, теперь пожинают то, что посеяли. Если бы возможно было некоторое просветление мозгов у наших депутатов, если бы в их душах могло зародиться не только возмущение, подогретое мартовским пивом, но хоть небольшая доля *революционного возмущения и энергии,* то это должно было бы произойти после нижеследующего «королевского указа» шарлоттенбургского вассального князя.

«Королевский указ

Мы, Фридрих-Вильгельм, милостью божией король Пруссии и пр. и пр., настоящим повелеваем по предложению нашего министерства нижеследующее :

§ 1

Полномочия депутатов, избранных в германское Национальное собрание от Прусского государства на основании постановлений Союзного сейма от 30 марта и 7 апреля 1848 г., а также на основании нашего указа от 11-го истекшего месяца, утратили силу.

[*] См. настоящий том, стр. 526—527. *Ред.*

§ 2

Нашему уполномоченному во Франкфурте-на-Майне надлежит сообщить депутатам наш настоящий указ к руководству, с предписанием воздержаться от какого бы то ни было участия в дальнейших заседаниях Собрания.

Дано в Шарлоттенбурге 14 мая 1849 г.

Фридрих- Вильгельм

Граф фон Бранденбург. Фон Ладенберг. Фон Мантёйфель. Фон дер Хейдт**.** Фон Рабе. Симонс»

Написано 15 мая 1849 г.

Напечатано в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 299, 16 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

НОВАЯ ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ ХАРТИЯ

I

Кёльн, 15 мая. Мы должны еще отметить последние проявления отеческого попечения потсдамского вассального князя по отношению к его «наследственным» подданным, приобретенным путем грабежа и торговли людьми. Мы имеем в виду недавно *октроированную военно-полевую хартию*[*]*,* это единственно правдивое из всех гогенцоллернских обещаний, где прусское величие предстало, наконец, даже перед самыми тупыми и доверчивыми глупцами в своей полнейшей природной наготе, сбросив с себя последнюю лицемерную комедиантскую мишуру.

Разгон безобидных берлинских палат, которые должны были *«пересмотреть»* октроированную 5 декабря конституцию, был, как известно, только необходимой подготовкой для вступления русских на немецкую территорию. Но соединение потсдамских башкир с родственными им рыскающими повсюду казаками православного царя имело еще другую цель, кроме пресловутого тройственного нашествия на Венгрию, во время которого Пруссия, по своей трусливой и вероломной натуре, стояла, точно сыщик, у ворот с приказами об арестах, тогда как австрийские и русские палачи должны были заняться кровавой охотой внутри страны. Истинная цель этого гогенцоллернского союза заключалась в том, что вступление русских должно было придать потсдамскому герою необходимое *мужество* и помочь ему *отомстить* революции за *вынужденное у него в марте прошлого года признание в* **трусости.**

Нам незачем делать экскурсы в область истории, чтобы показать прирожденную *трусость* Гогенцоллернов, свойственную

[*] См. настоящий том, стр. 526—527. *Ред.*

им во все времена, или даже обращаться к предкам этого благородного семейства, которые из-за кустов и диких зарослей подстерегали беззащитных путников и таким образом, как разбойники с большой дороги, закладывали фундамент «величия и блеска династии». Нам незачем напоминать о хвастливом походе Фридриха-Вильгельма II против Французской республики, когда великий Гогенцоллерн первым обратился в бегство и предал немецкие «имперские войска», чтобы вместе с Россией осуществить новое разграбление Польши; нам незачем также говорить о той жалкой роли, какую играл его преемник Фридрих-Вильгельм III в наполеоновских войнах, прежде чем он лживыми обещаниями погнал «свой народ» в бой. История с «мартовскими завоеваниями» была лишь продолжением старой «наследственной» трусости и вероломства. Согласительное собрание было первой уступкой из-за *трусости,* сделанной революции, — из-за трусости, которая сменила пресловутые хвастливые речи относительно «куска пергамента»; оно было разогнано, когда падение Вены вселило во вновь укрепившегося Гогенцоллерна необходимое для этого мужество. Октроированная конституция с палатами, «осуществляющими пересмотр», была вторым актом трусливого лицемерия, так как «неослабленная корона» в то время еще считала необходимыми некоторые либеральные уступки. Палата была распущена, когда заговор с русским царем и повелителем пришел к желанному завершению. Но только *действительное* вступление русских на немецкую территорию, *надежная* близость поддержки казаков дали Гогенцоллерну мужество выступить с последним планом: уничтожение последних лицемерных «конституционных гарантий» путем введения самой неограниченной, самой произвольной диктатуры сабли, путем приостановки действия старых, даже домартовских законов и судов, путем мщения «свинцом и порохом» революции за проявившуюся в мартовских уступках трусость Гогенцоллернов.

Таково историческое происхождение недавно октроированной военно-полевой конституции. Рассмотрим теперь ее содержание.

Согласно статьям 1 и 2, не только каждый комендант крепости может «на случай волнений» объявить свою крепость на осадном положении, но и каждый «командир корпуса» может объявить на осадном положении *весь занимаемый армейским корпусом округ.*

«На случай волнений», c'est-a-dire*, если коменданту или генералу заблагорассудится заранее усмотреть «случай

* — то есть. *Ред.*

волнений». Или, может быть, гогенцоллернские министры, в стилистических упражнениях которых обычно господствует блистательное отсутствие грамматических познаний, хотели сказать: «в случае волнений»? Толкование предоставляется испытанному разумению генералов и комендантов.

Таким образом, «на случай волнений» комендант может объявить на осадном положении свою крепость, а командир корпуса — целую провинцию. Границы этого «случая» не определены. Должен ли «случай волнений» проявиться непременно внутри крепости или провинции, или же крепости либо провинции должна угрожать опасность на большем или меньшем расстоянии — это также предоставляется чувству «такта» генерала и коменданта. А «такт», по крылатому словцу генерал-лейтенанта Титцена, — первое, что требуется от прусского офицера.

Власть генерала «на случай волнений» все же ограничивается в интересах всех поклонников почвы законности, но опять-таки это делается самым удивительным образом. Только «на случай войны» генералы и коменданты могут *самостоятельно* объявлять свои провинции и крепости на осадном положении. Но «на случай волнений», — поясняет статья 2 новой хартии, — объявление осадного положения исходит от министерства; комендант имеет право объявлять на осадном положении свою крепость, а генерал — свою провинцию «па этот случай» только *временно,* предварительно, до его утверждения или (!) отмены министерством. Приятная гарантия для подданных, находящихся под угрозой волнений! Но разве у нас не «ответственные» министры? Разве всего лишь «временная» диктатура комендантов или генералов, наличие последней инстанции в лице «ответственных» министров — разве все это не спасает «почву законности»? Правда, «временное» осадное положение дает коменданту или генералу, по статьям 7 и 13, право *временно* приостанавливать действие обычных судов, *временно* вводить военные суды, которые также *временно* приговаривают к *смертной казни* (статья 8) и *временно* приводят в исполнение смертные приговоры в течение 24 часов (статья 13, § 7). Но «почва законности» все же спасена наличием последней инстанции — «ответственных» министров, — и да здравствует почва законности! Наше единственное скромное пожелание при этом заключается в том, чтобы поклонники почвы законности первыми испытали на себе *временные* казни именем бога и его величества христианско-германского вассального князя.

II

Кельн, 16 мая. Сервантес где-то рассказывает об одном храбром альгуасиле[344] и его писце, которые для охраны общественной нравственности содержали двух женщин с весьма недвусмысленной репутацией. Эти услужливые нимфы появлялись на больших ярмарках и при прочих торжественных случаях в такой одежде, что уже издали можно было узнать птицу по полету. Если им удавалось подцепить какого-нибудь приезжего, они тотчас же умудрялись сообщить своим любовникам, в какую гостиницу они пошли. Альгуасил и его писец врывались туда к великому ужасу женщин, разыгрывали сцену ревности и отпускали приезжего только после долгой мольбы и получения надлежащей денежной компенсации. Таким способом они соединяли собственную выгоду с интересами общественной нравственности, так как обобранные в течение долгого времени остерегались вновь предаваться своим порочным наклонностям.

Подобно этим блюстителям нравственности, прусские герои порядка простейшим способом обеспечивают нормальное военно-полевое спокойствие. Посылают с провокационной целью нескольких пьяных столпов законности, которые наносят толпе народа несколько провокационных сабельных ударов,—и вызванное этим возбуждение в каком-нибудь отдаленном городе или деревне дает повод объявить осадное положение для охраны *всей провинции* от дальнейших преступных волнений и обманным путем лишить ее последнего остатка конституционных завоеваний.

Согласно статье 5 новой военно-полевой хартии, «военачальник» может при объявлении осадного положения *по округам* приостановить действие статей 5—7 и 24—28 последних октроированных в декабре «завоеваний».

Посмотрим, что же еще останется от мартовских обещаний, если мы устраним из них статьи, отмена которых октроирована

новой военно-полевой хартией. «На случай волнений», по произволу какого-нибудь «военачальника», прекращает, таким образом, свое действие:

Статья 5 декабрьской конституции: «*Личная свобода* гарантируется».

Статья 6. «Жилище *неприкосновенно».*

Статья 7. «Никто не должен быть лишен *узаконенного* для него суда».

Статья 24. «Каждый пруссак имеет право и т. д. свободно высказывать свои *мнения».*

Статья 25. «Проступки, совершенные словесно или печатно и т. д., наказуются, согласно *общим* уголовным законам».

Статья 26. «Если автор произведения известен и находится в пределах досягаемости судебной власти, то типограф, издатель и распространитель *не подлежат наказанию».*

Статья 27. «Все пруссаки имеют право мирно и без оружия собираться в *закрытых помещениях».*

Статья 28. «Все пруссаки имеют право объединяться в *общества* для таких целей, которые не противоречат уголовным законам».

Как только военачальник объявляет «на случай волнений» осадное положение, «личная свобода» уже больше не гарантируется, жилище больше *не* считается неприкосновенным, прекращается действие *«узаконенных»* судов, свободы печати, охраны типографов и права союзов, и даже *«общества»* филистеров — казино и балы, «цель которых не противоречит уголовным законам», — могут существовать только par grace de M. le commandant*, но отнюдь не по «праву».

Вместе с тем статья 4 новой военно-полевой хартии гласит, что

«с объявлением осадного положения» (pur et simple**) «исполнительная власть переходит к *военачальнику* и что органы гражданского, административного и муниципального управления *должны исполнять* распоряжения и *поручения* военачальников».

Этот параграф благополучно отменяет все обычные формы муниципального и административного управления, и на волов тупоголовой и наглой бюрократии, превращенных в «лакеев *для поручений»,* надевается ярмо суверенной военной диктатуры.

Статьи 8 и 9 определяют наказания, посредством которых энергичные Гогенцоллерны даже под охраной штыков и пушек намереваются защищать свою безопасность и порядок. Этот новый уголовный закон во всяком случае имеет перед всеми скучными соглашательскими правовыми теориями преимущество краткости.

Статья 8: «Всякий, кто в районе или округе, объявленном на осадном положении, окажется виновным в умышленном поджоге, в умышленном устройстве *наводнения»* (какая предусмотрительность!), «либо в напа-

* — по милости г-на коменданта. *Ред.*
** — безусловного. *Ред.*

дении, либо в открытом насильственном *сопротивлении с* опасным оружием в руках *вооруженной силе или представителям гражданских и военных властей,* **карается смертной казнью».**

«Сопротивление вооруженной силе или представителям властей»! Всем известны действия «Моей доблестной армии», известно, как храбрые померанцы, пруссаки и верхнесилезские поляки, которыми в интересах единства так усиленно наводняют западные провинции, по высочайшему примеру обретают свое мужество лишь в зависимости от обстоятельств и после разоружения граждан, как это было в Дюссельдорфе, Бреславле, Познани, Берлине, Дрездене, завершают осадное положение убийством безоружных, женщин и детей. «Наследственным» подданным потсдамского башкирского князя предоставлена, таким образом, заслуживающая высокой признательности свобода — после объявления осадного положения либо позволить себя убить «в установленном порядке» мужественным исполнителям доброй воли отца своих подданных, либо оказать «сопротивление» и быть расстрелянными по законам военного времени.

Надо ли еще говорить о формулировках статьи 9, на основании которых распространение сведений, «вводящих в заблуждение» власти, *нарушение* «изданного в интересах общественной безопасности *запрещения»* и т. д. караются тюремным заключением до одного года, и даже самые обыкновенные полицейские и жандармские функции получают отныне усовершенствование в духе военно-полевых судов?

Надо ли еще упоминать о трусливом вероломстве, с которым гогенцоллернский отец своих подданных и его креатуры Симоне — фон дер Хейдт — Мантёйфель предписывают образование военно-полевых судов из *трех* «высших офицеров» и двух гражданских судей, *назначаемых* военачальником, чтобы сохранить в глазах безмозглых буржуа видимость «судебной» процедуры и все же, благодаря численному преобладанию военных палачей, заранее быть уверенными в осуждении?

Надо ли упоминать о различных формулировках статьи 13 о «процедуре военных судов», в которых нигде нет речи о свидетельских показаниях, но на основании которых явно можно судить в духе кровожадной собаки Виндишгреца, *«по совокупности.* обстоятельств»?

Надо ли упоминать о тех статьях, согласно которым приговоры военно-полевых судов не подлежат обжалованию, а смертные приговоры утверждаются исключительно «военачальником» и приводятся в исполнение в течение 24 часов; и, наконец, *даже после отмены осадного положения* «обычные суды» могут

в случае, если приговоры военно-полевых судов не приведены в исполнение, только заменять наказание военно-полевого суда наказанием по закону, но самую «виновность должны *считать доказанной»* и не могут обсуждать правильность или неправильность обвинения?

Надо ли нам, наконец, останавливаться на последней, самой замечательной статье этой повой, опирающейся на поддержку казаков конституции, согласно которой *«и помимо осадного положения»,* следовательно, **«не** на случай волнений», статьи 5, 6, 24—28 декабрьского завоевания — «личная свобода», «неприкосновенность жилища», «свобода печати» и «право союзов» — могут *отменяться в отдельных округах?*

После всех этих прелестей нам незачем приносить сердечные поздравления всем благомыслящим пруссакам по случаю новых, *единственно правдивых* обещаний, по случаю наконец-то искреннего — вследствие близости казаков — излияния отеческого благоволения. Признаться, мы рады этому кровавому наказанию для жаждущих порядка буржуа и жалких остолопов, мечтающих о почве законности.

Но народ скоро почувствует, что это новое «завоевание» переполнило чашу его терпения, он отомстит этому лживому, трусливому отродью мучителей страны, и Рейнская провинция уж во всяком случае не упустит долгожданного часа, когда мы воскликнем: Ca ira![345].

К нам рыцарей жалкая рать
Свой обратит затылок,
Мы ж на прощанье их угостим
Из длинных железных бутылок![346]

Написано 15—16 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 299 и 300; 16 и 17 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* ЭЛЬБЕРФЕЛЬД

Кёльн, 16 мая. «Neue Rheinische Zeitung» также была представлена на эльберфельдских баррикадах.

Чтобы опровергнуть разного рода ложные слухи, мы должны предложить вниманию наших читателей краткое сообщение по этому вопросу.

10 мая *Фридрих Энгельс,* редактор «Neue Rheinische Zeitung», отправился из Кёльна в Эльберфельд. В Золингене он взял с собой два ящика с патронами, захваченные золингенскими рабочими при штурме цейхгауза в Грефрате. Прибыв в Эльберфельд, Энгельс сделал Комитету безопасности доклад о положении вещей в Кёльне и предоставил себя в распоряжение Комитета. Тотчас же военная комиссия возложила на него руководство работами по возведению укреплений, снабдив его следующими полномочиями:

«Военная комиссия при Комитете безопасности настоящим уполномочивает г-на Фридриха Энгельса произвести осмотр всех баррикад города и достроить укрепления. Настоящим просят все посты на баррикадах оказывать названному лицу содействие во всех случаях, когда это окажется необходимым.

Эльберфельд, 11 мая 1849 г.

(подписи) *Хюнербейн. Трост»*

На следующий день в распоряжение Энгельса была отдана и артиллерия:

«Настоящим гражданин Ф. Энгельс уполномочивается установить орудия по своему усмотрению, а также потребовать необходимых для этого мастеровых. Связанные с этим расходы оплачивает Комитет безопасности.

Эльберфельд, 12 мая 1849 г.

Комитет безопасности

За комитет

(подписи) *Потмап. Хюнербейн. Трост»*

В первый же день своего пребывания в Эльберфельде Энгельс организовал саперную роту и достроил баррикады у некоторых выходов из города. Энгельс присутствовал на всех заседаниях военной комиссии и предложил ей пригласить в качестве главного коменданта г-на *Мирбаха,* что и было принято единогласно. В следующие дни Энгельс продолжал свою деятельность: перестроил многие баррикады, наметил план расположения новых баррикад и усилил саперные роты. С момента прибытия Мирбаха Энгельс предоставил себя в его распоряжение, принимая также участие в созывавшихся главным комендантом военных советах.

За все время своего пребывания в Эльберфельде Энгельс пользовался безусловным доверием как вооруженных бергских и маркских рабочих, так и добровольческого отряда.

В первый же день по прибытии Энгельса г-н Риотте, член Комитета безопасности, осведомился о его намерениях. Энгельс заявил, что приехал, во-первых, потому, что был послан сюда из Кёльна; во-вторых, так как полагал, что, быть может, он будет полезен в военном отношении; в-третьих, потому, что, будучи сам родом из Бергского округа, он считал делом своей чести быть на посту при первом вооруженном восстании народа в этом округе. Он желал бы заняться исключительно военными делами и не иметь совершенно никакого касательства к политической стороне движения, ибо совершенно ясно, что в настоящее время здесь возможно лишь движение под черно-красно-золотым знаменем и поэтому нужно избегать всякого выступления против имперской конституции.

Г-н Риотте был совершенно согласен с этим объяснением.

Утром 14-го к Энгельсу, сопровождавшему главного коменданта Мирбаха на общий сбор в Энгельнберг, подошел г-н Хёхстер, также член Комитета безопасности, и заявил следующее: хотя против поведения Энгельса решительно ничего возразить нельзя, но все же эльберфельдские буржуа в высшей степени встревожены его пребыванием; они все время боятся, как бы он не провозгласил красную республику, и единодушно желают, чтобы он удалился.

Энгельс заявил, что не намерен навязывать своих услуг, но и не хочет малодушно покинуть свой пост, а потому, ни к чему себя не обязывая, требует, чтобы указанное пожелание было предъявлено ему в письменной форме, черным по белому, за подписями всех членов Комитета безопасности.

Г-н Хёхстер поставил вопрос в Комитете безопасности, и в тот же самый день было принято следующее решение:

«Полностью отдавая должное деятельности, проявленной до сих пор в здешнем городе гражданином Фридрихом Энгельсом из Бармена, проживавшем в последнее время в Кёльне, просим его, однако, сегодня же оставить пределы здешней городской общины, *так как его пребывание может дать повод к недоразумениям относительно характера движения».*

Еще до принятия этого постановления Энгельс заявил, что он исполнит требование Комитета безопасности только тогда, когда ему прикажет это Мирбах. Мирбах прибыл сюда по его предложению, и он не может поэтому уйти прежде, чем Мирбах его не отпустит.

После многочисленных настояний со стороны Комитета безопасности Мирбах подписал, наконец, 15-го утром соответствующий приказ, который был обнародован потом в виде плаката.

Вооруженные рабочие и добровольческий отряд были крайне возмущены постановлением Комитета безопасности. Они потребовали, чтобы Энгельс остался, обещая «защищать его ценою своей жизни». Энгельс лично отправился к ним и успокоил их, сославшись при этом на Мирбаха и заявив, что он не станет первым отказывать в повиновении коменданту, приглашенному по его же, Энгельса, предложению и пользующемуся к тому же его безусловным доверием.

Энгельс произвел затем еще рекогносцировку в окрестностях и, передав пост своему адъютанту, удалился из Эльберфельда.

Пусть бергские и маркские рабочие, проявившие по отношению к члену нашей редакции такое поразительное расположение и такую привязанность, поймут, что теперешнее движение — только пролог другого, в тысячу раз более серьезного движения, в котором дело будет идти об их, рабочих, кровных интересах. Это новое революционное движение явится результатом нынешнего движения, и как только оно начнется, Энгельс — в этом рабочие могут быть уверены!—подобно всем другим редакторам «Neue Rheinische Zeitung», окажется на своем посту, и никакие силы в мире не вынудят его тогда оставить этот пост.

Написана Ф. Энвельсом 16 мая 1849 г.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 300, 17 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* ПОЛИЦЕЙСКОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 18 мая. Некоторое время тому назад из Берлина потребовали от местных властей снова объявить в Кёльне осадное положение. Намеревались по законам военного времени устранить «Neue Rheinische Zeitung», но натолкнулись на неожиданное сопротивление. После этого кёльнское окружное управление обратилось к здешней прокуратуре, чтобы добиться той же цели при помощи произвольных арестов. Эта попытка потерпела крах из-за юридических сомнений прокуратуры, подобно тому как уже дважды она терпела крах, благодаря здравому смыслу рейнских присяжных[347]. Не оставалось ничего другого, как прибегнуть к *полицейским уловкам;* в данный момент они достигли своей цели. *«Neue Rheinische Zeitung» временно перестает выходить.* 16 мая ее главному редактору *Карлу Марксу* было сообщено следующее нелепое правительственное распоряжение:

«В своих последних номерах (!) «Neue Rheinische Zeitung» выступает все более решительно, возбуждая презрение к существующему правительству, призывая к насильственному перевороту и установлению социальной республики. Поэтому ее главный редактор, доктор *Карл Маркс,* должен быть лишен права гостеприимства (!), столь оскорбительно им нарушенного, а так как им не получено разрешение на дальнейшее пребывание в землях прусского государства, ему должно быть предписано покинуть таковое в течение 24 часов. В случае, если он добровольно не подчинится предъявленному ему требованию, он подлежит принудительному препровождению за границу».

Кёльн, 11 мая 1849 г.

Королевское окружное управление

Мёллер

Королевскому полицейдиректору г-ну *Гейгеру,* здесь.

К чему эти глупые фразы, эта официальная ложь!

Последние номера «Neue Rheinische Zeitung» по своей тенденции и тону ни на йоту не отличаются от ее первого «пробного номера». В этом «первом номере», между прочим, говорилось:

«Замысел г-на Хюзера» (в Майнце) «— это лишь часть обширного плана берлинской реакции, которая стремится... предать нас безоружными в руки... армии»[348].

Eh bien, Messieurs, qu'en dites-vous maintenant?*

Что касается нашей тенденции, то разве она была не известна правительству? Разве мы не заявили перед судом присяжных, что в настоящий момент *«задача прессы — подорвать все основы существующего строя»*** *?* Что касается, в частности, гогенцоллернского вассального князя, то прочтите номер от 19 октября 1848 г., где сказано:

«Король последователен. Он был бы всегда последователен, если бы, к сожалению, мартовские дни не поставили между его величеством и народом этот роковой клочок бумаги. В данный момент его величество, по-видимому, снова верит, как и перед мартовскими днями, в *«железную пяту»* славянства, и народ в Вене окажется, быть может, тем волшебником, который превратит железо в глину»[349].

Est-ce clair, Messieurs?***

А *«социальная республика»?* Разве мы провозгласили ее только в «последних номерах» «Neue Rheinische Zeitung»?

А для тех тупоголовых, которые не заметили, что через все наши суждения и сообщения о европейском движении проходит *«красная»* нить, — разве мы не говорили для них откровенным и ясным языком?

«Допустим», — читаем мы в номере «Neue Rheinische Zeitung» от 7 ноября, — «допустим, что контрреволюция оживет во всей Европе с помощью *оружия,* — умрет же она во всей Европе с помощью *денег.* Рок, который мог бы свести на нет ее победу, — это европейское *банкротство, государственное банкротство.* При столкновении с острыми «экономическими» вопросами острия штыков гнутся, как мягкий трут. Но ход развития не будет ждать срока уплаты по тому векселю, который европейские государства перевели на европейское общество.

В *Париже* июньская революция нанесет сокрушительный контрудар. С победой *«красной»* республики в Париже *армии из глубины* стран будут брошены к границам и через границы, и

---

* — Что вы скажете теперь на это, господа? *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 247. *Ред.*

*** — Ясно, господа? *Ред.*

ясно обнаружится *действительная сила* борющихся партий. Тогда мы вспомним июнь и октябрь и тоже воскликнем:

Vae victis![*]

Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, бесконечные жертвоприношения после февраля и марта, — уж один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство *сократить,* упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство — революционный терроризм»*[350].

Est-ce clair, Messieurs?

Мы с самого начала считали излишним скрывать наши взгляды. Полемизируя однажды с местной прокуратурой, мы заявили во всеуслышание:

«Настоящая оппозиция «Neue Rheinische Zeitung» начнется только при трехцветной республике»[351].

А ведь мы разговаривали тогда с прокуратурой! Мы подвели итог старому, 1848 году в следующих словах (см. номер от 31 декабря 1848 г.):

«История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает, что в Германии невозможна чисто *буржуазная революция* и установление *буржуазной власти* в форме *конституционной монархии,* что возможна либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо *социально-республиканская революция»*[**].

Итак, только ли в «последних номерах» «Neue Rheinische Zeitung» мы сочли необходимым явно выступить в социально-республиканском духе? Разве вы не читали наших статей об *июньской революции* и *разве душа июньской революции не была душой нашей газеты?*

К чему же тогда ваши лицемерные фразы, цепляющиеся за нелепые предлоги?

Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами. Но *монархические террористы,* террористы милостью бога и закона, на практике жестоки, презренны и подлы, в теории трусливы, скрытны и двуличны, в обоих отношениях *бесчестны.*

Распоряжение прусского правительства столь нелепо, что говорит о *«праве гостеприимства, оскорбительно нарушенном»* главным редактором «Neue Rheinische Zeitung» *Карлом Марксом.*

---

[*] — Горе побежденным! *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 134. *Ред.*

Право гостеприимства, которое наглые захватчики Vorder-Russen (боруссы)*, октроировали *нам, жителям Рейнской провинции,* на нашей собственной земле, — это право гостеприимства действительно «оскорбительно» нарушено «Neue Rheinische Zeitung». Мы думаем, что заслужили этим благодарность Рейнской провинции. Мы спасли революционную честь нашей родины. Отныне одна только *«Neue Preusische Zeitung»* будет пользоваться полным правом гражданства в Рейнской провинции.

На прощание напоминаем нашим читателям слова нашего новогоднего номера:

«Революционное восстание французского рабочего класса, мировая война —

таковы перспективы 1849 года»**.

И вот на Востоке революционная армия, образованная из борцов всех национальностей, уже стоит против объединенной старой Европы, представленной русской армией, а из Парижа уже грозит «красная республика»!

Написано К. Марксом 18 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 19 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* Непереводимая игра слов: Маркс иронически называет пруссаков «Vorder-Russen» (по-латыни «Borussi»). *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 160. *Ред.*

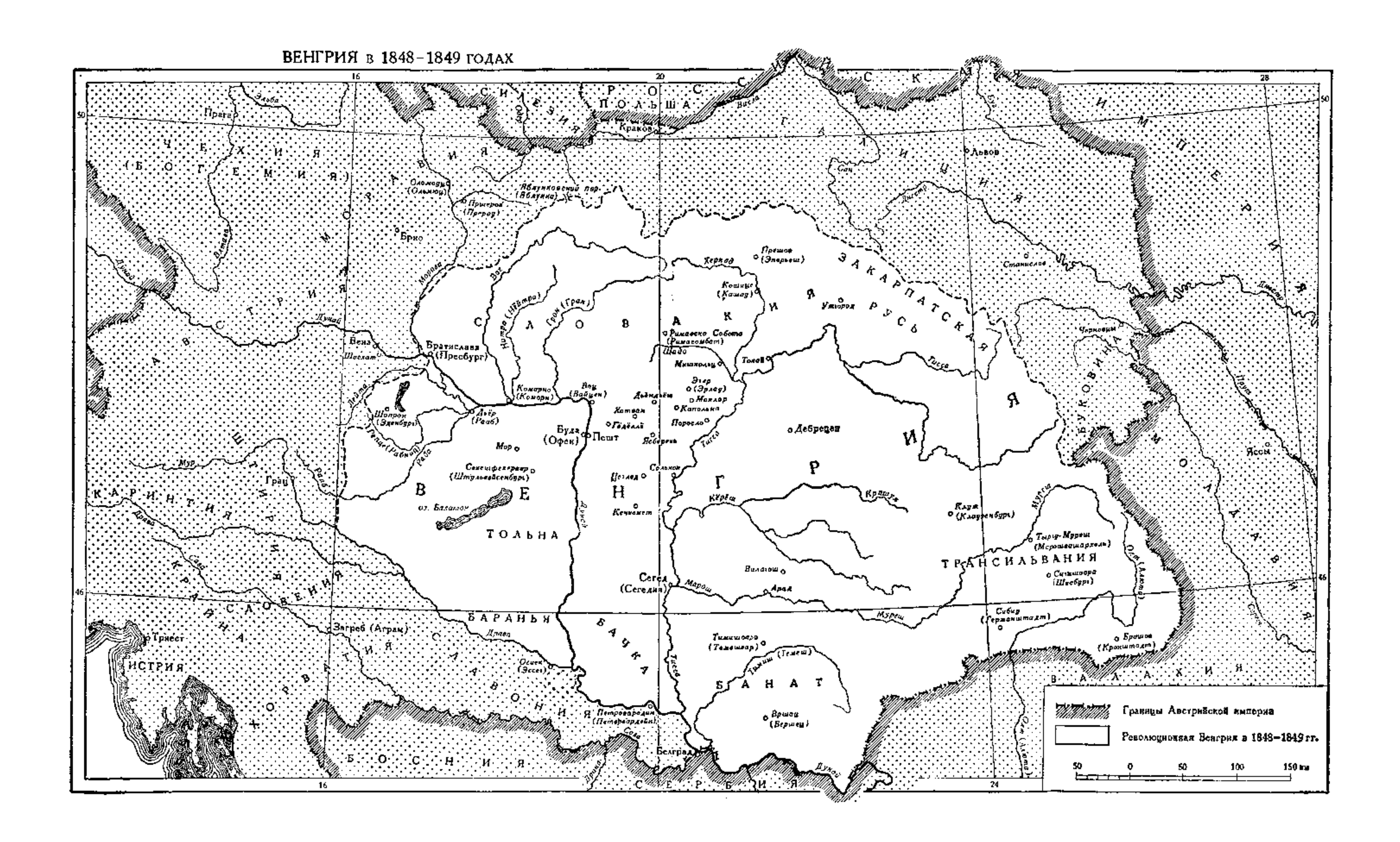
* ВЕНГРИЯ

Кёльн, 18 мая. В тот самый момент, когда с действительным вторжением русских венгерская война становится войной *европейской,* мы вынуждены прекратить наши сообщения о дальнейшем ее ходе. Нам лишь остается в кратком обзоре еще раз представить нашим читателям ход этой величественной восточноевропейской революционной войны.

Вспомним, что еще перед февральской революцией, осенью 1847 г. руководимый *Кошутом* Пресбургский сейм вынес ряд революционных постановлений: о праве продажи земельной собственности, о свободе передвижения крестьян, о выкупе феодальных повинностей, об эмансипации евреев, о равномерном налоговом обложении всех классов. Он разрешил жителям Хорватии и Славонии официально пользоваться во внутренних делах своим родным языком. Наконец, потребовав отдельного ответственного министерства для Венгрии, сейм сделал первый шаг к *отделению Венгрии* — в тот самый день, когда в Париже началась февральская революция (22 февраля).

Февральская революция разразилась. И в результате было сломлено сопротивление венского правительства требованиям венгров. На следующий день после венской революции, 16 марта, дано было согласие на образование самостоятельного венгерского министерства, и тем самым связь между Венгрией и Австрией была сведена к личной унии.

Сделавшись самостоятельной, венгерская революция стала теперь быстро развиваться. Были уничтожены все политиче-

ВЕНГРИЯ в 1848–1849 ГОДАХ
Границы Австрийской империи
Революционная Венгрия в 1848–1849 гг.
50
0
50
100
150 км
ЧЕХИЯ
(БОГЕМИЯ)
МОРАВИЯ
СИЛЕЗИЯ
ПОЛЬША
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГАЛИЦИЯ
АВСТРИЯ
ШТИРИЯ
КАРИНТИЯ
КРАЙНА
СЛОВЕНИЯ
ИСТРИЯ
ХОРВАТИЯ
СЛАВОНИЯ
БОСНИЯ
СЕРБИЯ
ВАЛАХИЯ
МОЛДАВИЯ
БУКОВИНА
ЗАКАРПАТСКАЯ РУСЬ
СЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
БАНАТ
БАЧКА
БАРАНЬЯ
ТОЛЬНА
Прага
Краков
Львов
Брно
Вена
Братислава (Пресбург)
Буда (Офен)
Пешт
Дебрецен
Сегед (Сегедин)
Загреб (Аграм)
Триест
Белград
Ясcы
Ужгород
оз. Балатон

ские привилегии, введено всеобщее избирательное право, отменены безвозмездно, при компенсации со стороны государства, все феодальные повинности, барщина и десятина, заключен союз с Трансильванией. Добились назначения Кошута министром финансов и смещения мятежного бана Елачича.

Между тем австрийское правительство вновь стало оправляться. В то время как мнимоответственное министерство в Вене оставалось бессильным, камарилья инсбрукского двора все более укреплялась, опираясь на императорскую армию в Италии, на национальные притязания чехов, хорватов и сербов, на закоснелую ограниченность русинских крестьян.

17 июня началось сербское восстание в Банате и Бачке, поднятое с помощью денег и эмиссаров двора. 20 июня Елачич имел аудиенцию у императора в Инсбруке и был вновь назначен баном. Возвратившись в Хорватию, он отказался подчиняться венгерскому правительству и 25 августа объявил ему войну.

Предательство габсбургской камарильи было совершенно очевидно. Венгры попытались еще раз вернуть императора на конституционный путь. Они послали в Вену депутацию из 200 членов сейма; император ответил уклончиво. Возбуждение росло. Народ требовал гарантий и добивался перемены министерства. Предатели, сидевшие также и в пештском министерстве, были удалены, и 20 сентября Кошут был назначен министром-президентом. Но уже четыре дня спустя наместник императора, палатин эрцгерцог Стефан бежал в Вену, а 26-го император опубликовал известный манифест к венграм, в котором, смещая министерство как мятежное, назначил мадьярофоба Елачича правителем Венгрии и посягнул на важнейшие революционные завоевания Венгрии.

Манифест, не контрассигнованный ни одним венгерским министром, был объявлен Кошутом недействительным.

Между тем Елачич, которому благоприятствовали дезорганизация и предательство, господствовавшие в офицерском корпусе и генеральном штабе — формально венгерских, а по существу староимператорских, — продвинулся до Штульвейсенбурга*. Здесь венгерская армия, несмотря на предательство своего командного состава, разбила Елачича и погнала его на австрийскую территорию, вплоть до самых стен Вены. Император и старый предатель Латур решили послать Елачичу

* Венгерское название: Секешфехервар. *Ред.*

подкрепление и при помощи немецких и славянских войск вновь завоевать Венгрию. Но 6 октября разразилась венская революция, которая на время положила конец императорско-королевским планам.

Кошут тотчас же отправился с венгерским корпусом на помощь венцам. Но у Ленты его удержали от немедленного продвижения как нерешительность венского рейхстага и предательство его собственных офицеров, так и плохая организация его войска, состоявшего большей частью из ополчения. В конце концов он был вынужден арестовать сотню-другую офицеров, отправить их в Пешт и нескольких из них расстрелять. Лишь после этого он решился перейти в наступление. Но было уже поздно: Вена пала, и венгерские недисциплинированные ополченцы были при Швехате отброшены регулярными австрийскими войсками.

В течение шести недель не было военных действий между императорскими и венгерскими войсками. В то время как обе армии всячески укрепляли свои силы, ольмюцская камарилья осуществила давно подготовлявшийся переворот. Идиота Фердинанда, скомпрометировавшего себя уступками революции и ставшего уже непригодным, она заставила отречься и возвела на трон свое орудие — юношу Франца-Иосифа, сына Софии. Ссылаясь на венгерскую конституцию, пештский сейм не признал этой перемены на троне.

Наконец, в середине декабря начались военные действия. Императорская армия к этому времени почти окружила Венгрию. Наступление велось со всех сторон.

Из Австрии были двинуты южнее Дуная три корпуса под личным верховным командованием фельдмаршала Виндишгреца, численностью, по меньшей мере, в 90000 человек. Из Штирии по левому берегу Дравы шел Нугент приблизительно с 20000 человек, из Хорватии по правому берегу Дравы на Банат шел Дален с 10000 человек. В самом Банате сражалось несколько пограничных полков, гарнизон Темешвара*, сербское ополчение и сербский вспомогательный корпус Кничанина, всего 30000—40000 человек под командованием Теодоровича и Рукавина. В Трансильвании стоял Пухнер с 20000—25000 человек и вторгшийся из Буковины Малковский с 10000— 15000 человек. Наконец, из Галиции по направлению к верховьям Тиссы наступал Шлик с армией в 20000—25000 человек.

Таким образом, императорская армия насчитывала в совокупности, по меньшей мере, 200000 человек регулярных войск,

* Румынское название: Тимишоара. *Ред.*

большей частью уже побывавших под огнем, не считая славянских, румынских и саксонских ополченцев и национальных гвардейцев, принимавших участие в боях на юге и в Трансильвании.

Этим колоссальным боевым силам Венгрия могла противопоставить армию, состоявшую, быть может, всего из 80000— 90000 человек обученных войск, в том числе 24000 человек, служивших ранее в императорской армии и, кроме того, 50000 — 60000 человек весьма неорганизованных гонведов и ополченцев — армию, командный состав которой состоял большей частью из таких же предателей, как и офицеры, арестованные Кошутом на Лейте.

Но если из Австрии, подавляемой при помощи насилия, пока нельзя было взять ни одним рекрутом больше, если в финансовом отношении Австрия была разорена и почти не имела денег, то венгры еще могли располагать богатыми ресурсами. Энтузиазм венгров в борьбе за свободу, еще более усиливаемый национальной гордостью, рос с каждым днем, предоставляя в распоряжение Кошута количество добровольцев, неслыханное для маленького народа в 5 миллионов человек. Венгерский печатный станок предоставил к услугам Кошута неисчерпаемый денежный источник, и каждый венгр принимал эти национальные ассигнации как звонкую серебряную монету. Оружейные и пушечные заводы работали полным ходом. Армии не хватало только оружия, опыта и хороших командиров, и все это надо было создать в течение нескольких месяцев. Следовательно, дело заключалось только в том, чтобы выиграть время, завлечь императорскую армию в глубь страны, где она была бы изнурена беспрестанной партизанской войной и ослаблена, вследствие необходимости оставлять в своем тылу сильные гарнизоны и другие войсковые отряды.

Этим объясняется план венгров: медленно отступать в глубь страны, в постоянных стычках обучать рекрутов и, в крайнем случае, проложить между собой и неприятелем линию Тиссы с ее непроходимыми болотами, этими естественными преградами, охватывающими ядро венгерской земли.

По всем расчетам венгры должны были в течение двух-трех месяцев продержаться в районе между Пресбургом* и Пештом, даже против превосходящих сил австрийцев. Но тут наступили сильные морозы, которые на много месяцев сковали все реки и болота ледяным покровом, способным выдержать продвижение даже тяжелых орудий. Тем самым были устранены

* Словацкое название: Братислава. *Ред.*

все благоприятные для обороны условия местности; все возведенные венграми укрепления сделались бесполезными и подверглись опасности обхода. Так случилось, что не прошло и двадцати дней, как венгерская армия была отброшена от Эденбурга* и Пресбурга к Раабу**, от Рааба к Мору, от Мора к Пешту, вынуждена была очистить даже Пешт и фактически уже в самом начале кампании отступить за Тиссу.

Остальные корпуса постигла та же судьба, что и главную армию. На юге Нугент и Дален все дальше развивали свое наступление против занятого венграми Эссега***, а сербы все более приближались к линии реки Марош. В Трансильвании Пухнер соединился при Марош-вашархель**** с Малковским. На севере Шлик продвинулся от Карпат до Тиссы и через Мишкольц установил связь с Виндишгрецем.

Австрийцы, казалось, почти покончили с венгерской революцией. Две трети Венгрии и три четверти Трансильвании были у них в тылу, и венграм одновременно были нанесены удары с фронта, с флангов и с тыла. Еще несколько миль дальнейшего продвижения, и все императорские корпуса сомкнулись бы во все более суживающийся круг, в котором Венгрия задохнулась бы, словно в кольце удава.

Задача состояла теперь в том, чтобы — пока с фронта Тисса представляла собой на некоторое время непреодолимую для врага преграду — с какой-нибудь стороны облегчить себе положение.

Это сделано было с двух сторон: в Трансильвании— Бемом, в Словакии — Гёргеем. Оба осуществили маневры, в которых показали себя талантливейшими полководцами современности.

Бем прибыл 29 декабря в Клаузенбург*****, единственный пункт Трансильвании, находившийся еще в руках венгров. Быстро сосредоточив здесь приведенные с собой подкрепления, остатки разбитых венгерских и секлерских[352] войск, он выступил по направлению к Марош-вашархель, разбил австрийцев и погнал Малковского сперва через Карпаты в Буковину, а отсюда в Галицию, где он дошел до Станислава. Затем, быстро повернув обратно в Трансильванию, Бем стал преследовать Пухнера, остановившегося в своем отступлении лишь в нескольких милях от Германштадта. Несколько стычек, несколько быстрых переходов в разных направлениях — и в руках

* Венгерское название: Шопрон. *Ред.*
** Венгерское название: Дьёр. *Ред.*
*** Сербское название: Осиек. *Ред.*
**** Румынское название: Тыргу-Муреш. *Ред.*
***** Румынское вазвание: Клуш. *Ред.*

Бема оказалась вся Трансильвания, кроме двух городов — Германштадта и Кронштадта*. Последние были бы тоже взяты, если бы в страну не были призваны русские. Перевес, который получился в результате прибытия 10000 человек русских вспомогательных войск, заставил Бема отступить на территорию секлеров. Там он стал организовывать восстание секлеров, и когда это ему удалось, он оставил продвинувшегося до Шесбурга** Пухнера возиться с секлерским ополчением, сам же обошел позиции Пухнера, двинулся прямо на Германштадт, выбил оттуда русских, разбил шедшего следом Пухпера, двинулся на Кронштадт и занял последний без единого выстрела.

Тем самым Трансильвания была завоевана и тыл венгерской армии освобожден. Естественная линия укреплений, образуемая Тиссой, нашла теперь свое продолжение и дополнение в Карпатском горном хребте и Трансильванских Альпах от Ципса до границ Баната.

В это же время Гёргей совершил такой же триумфальный поход в Северо-Западной Венгрии. Прорвавшись с одним корпусом из Пешта в Словакию, он в течение двух месяцев держал в страхе действовавшие против него с трех сторон корпуса генералов Гёца, Чорича и Симунича. Когда же стало невозможно удерживать свои позиции против превосходящих сил противника, он пробился через Карпаты в Эперьеш и Кашау***. Здесь он зашел в тыл Шлика, заставил последнего быстро покинуть свои позиции и всю свою операционную базу и отступить к главной армии Виндишгреца; Гёргей же спустился вдоль Хернада к Тиссе и соединился с главной венгерской армией.

Эта главная армия, которой теперь командовал Дембинский, также перешла Тиссу и отбросила неприятеля по всей линии. Она дошла до Хатвана, в 6 милях от Пешта, но здесь усиленная концентрация неприятельских войск снова заставила венгерскую армию отступить. После ожесточенных оборонительных боев у Капольны, Маклара и Поросло она опять отступила за Тиссу, как раз в тот момент, когда Гёргей у Токая приближался к Тиссе. Соединение обоих корпусов послужило сигналом к новому блестящему наступлению венгров. Из тыла прибыли новые обученные рекруты — подкрепление для венгерской действующей армии. Были сформированы польские и

* Румынские названия: Сибиу и Брашов. *Ред.*
** Румынское название: Сигишоара. *Ред.*
*** Словацкие названия: Прешов и Кошице. *Ред.*

немецкие легионы, выросли или привлечены были способные командиры, и вместо прежней лишенной руководства, неорганизованной массы, действовавшей в декабре, императорской армии была вдруг противопоставлена сконцентрированная, храбрая, многочисленная, хорошо организованная армия с превосходным командованием.

Тремя корпусами венгры переправились через Тиссу. Правое крыло (Гёргей) двинулось северной стороной, обошло у Эперьеша преследовавшую его раньше дивизию Рамберга и быстро отогнало ее через Римасомбат* к главной императорской армии. Последняя была разбита Дембинским при Эрлау**, Дьёндьёше, Гёдёллё и Хатване и поспешно отступила к Пешту. Наконец, левое крыло (Феттер), выбив Елачича из Кечкемета, Сольнока и Цегледа, разбило его у Ясберень, заставив его также отступить к стенам Пешта. Здесь императорская армия расположилась вдоль Дуная от Пешта до Вайцена***, тогда как мадьяры охватывали ее широким полукругом.

Чтобы не подвергать Пешт бомбардировке со стороны Буды, венгры прибегли к своему испытанному средству — выбивать австрийцев из их позиций больше маневрами, чем открытыми фронтальными атаками. Гёргей взял Вайцен и отбросил австрийцев за Гран и Дунай, разбил Вольгемута между Граном и Нёйтрой**** и освободил, таким образом, осажденный императорскими войсками Коморн*****. Императорские войска должны были решиться на поспешный отход, так как их линии отступления оказались под угрозой. Новый главнокомандующий Вельден отступил в направлении Рааба и Пресбурга, и Елачич, чтобы успокоить своих крайне строптивых хорватов, должен был поспешно отправиться с ними вниз по Дунаю в Славонию.

При своем отступлении, походившем скорее на беспорядочное бегство, Вельден (в особенности его арьергард под командованием Шлика) и Елачич потерпели еще ряд значительных поражений. Пока корпус Елачича медленно и с трудом пробивался через комитаты Тольна и Баранья, Вельден получил возможность сконцентрировать в Пресбурге обломки своей армии, обломки, которые вообще не обладают никакой серьезной способностью к сопротивлению.

* Словацкое название: Римавска-Собота. *Ред.*
** Венгерское название: Эгер. *Ред.*
*** Венгерское название: Вац. *Ред.*
**** Словацкие названия: Грон и Нитра. *Ред.*
***** Венгерское название: Комаром. *Ред.*

Одновременно с этими поразительными победами венгров над главной австрийской армией Мориц Перцель двинулся из Сегедина* и Тольны на Петервардейн**, освободил его от осады, овладел Бачкой и вторгся в Банат, чтобы соединиться здесь с продвигавшимся из Трансильвании Бемом. Последний взял уже Арад и осадил Темешвар. Перцель располагается в Вершеце*** около самой турецкой границы, так что в несколько дней Банат был завоеван. В то же время секлеры прикрывают укрепленные горные проходы Трансильвании, а ополчение — верхневенгерские горные проходы, Гёргей же стоит со значительными силами в горном проходе Яблунка на моравско-галицийской границе.

Словом, еще несколько дней, и победоносная мадьярская армия, гоня перед собой обломки мощной австрийской армии, с триумфом вступила бы в Вену и навсегда уничтожила бы австрийскую монархию.

Отделение Венгрии от Австрии было уже решено 14 апреля в Дебрецене. Союз с поляками был открыто провозглашен с середины января и стал реальностью, благодаря вступлению 20000—30000 поляков в венгерскую армию. Союз с австрийскими немцами, существовавший уже со времени венской революции 6 октября и битвы при Швехате, сохранялся и поддерживался также включением немецких легионов в венгерскую армию, равно как стратегическим и политическим положением, диктовавшим мадьярам необходимость взятия Вены и революционизирования Австрии, чтобы таким путем обеспечить признание провозглашенной ими независимости.

Таким образом, венгерская война очень скоро потеряла присущий ей вначале национальный характер, и именно благодаря своему, казалось бы, чисто национальному шагу, благодаря провозглашению независимости, эта война приняла определенно европейский характер. Союз с поляками во имя освобождения обеих стран, союз с немцами во имя революционизирования Восточной Германии получили определенный характер, солидный фундамент лишь тогда, когда Венгрия отделилась от Австрии и этим возвестила распад австрийской монархии. Независимая Венгрия, восстановленная Польша, немецкая Австрия в качестве революционного центра Германии, Ломбардия и Италия, добившиеся своей независимости, —

* Венгерское название: Сегед. *Ред.*
** Сербское название: Петроварадин. *Ред.*
*** Сербское название: Вршац. *Рвд.*

с осуществлением этих планов была бы разрушена вся восточноевропейская система государств: Австрия исчезла бы, Пруссия растворилась бы, а Россия была бы оттеснена к границам Азии.

Священный союз должен был поэтому напрячь все силы, чтобы преградить дорогу угрожающей восточноевропейской революции. Русская армия подступила к границам Трансильвании и Галиции. Пруссия заняла богемско-силёзскую границу, пропустила русских через свою территорию в Прерау*, и через несколько дней первый русский армейский корпус стоял на территории Моравии.

Венгры, хорошо зная, что через несколько недель им придется иметь дело с многочисленными свежими боевыми силами, не двинулись на Вену с такой быстротой, как это ожидалось вначале. Они не могли взять Вену, так же как и Пешт, фронтальной атакой, не прибегая к обстрелу города, а пойти на обстрел они не могли. Как у Пешта, они снова были вынуждены предпринять обходные движения, а для этого требовалось время, требовалась уверенность, что им самим не будут угрожать с флангов и с тыла. Но как раз тут-то русские угрожали им с тыла. С другой стороны, при прямом наступлении на Вену, можно было ожидать сильных и быстрых натисков со стороны отрядов армии Радецкого.

Венгры поступили поэтому очень умно, когда, вместо быстрого движения на Вену, они ограничились тем, что все более очищали Венгрию от императорских войск, охватывали их большой дугой от Малых Карпат до уступов Штирийских Альп, выставили большой корпус у Яблунки, укрепили и прикрыли галицийские горные проходы, развили наступление против Буды и быстро произвели новый набор в 250000 человек, особенно во вновь завоеванных западных комитатах. Таким путем они обеспечивают свои фланги и тыл и формируют армию, которой так же нечего бояться подошедшего русского подкрепления, как некогда столь многочисленной императорской армии. Эта прославленная черно-желтая армия вступила в Венгрию в количестве 200000 человек, а обратно вернулись едва ли 50000 Человек; остальные пали, были ранены, больны, попали в плен или перешли на сторону венгров.

Правда, русские угрожают еще более колоссальными армиями: ожидают прибытия 120000, а по другим сведениям—170000 человек. Согласно сообщению «Triester

* Чешское название: Пршеров. *Ред.*

Freihafen», подвижная действующая армия намного превышает 500000 человек. Но известна склонность русских к преувеличениям: из указываемых цифр обычно лишь половина числится в воинских списках, а из числящихся в воинских списках опять-таки менее половины имеется налицо. Австрия может быть довольна, если русская помощь, за вычетом войск, необходимых для оккупации Польши, даст 60000— 70000 действительного состава. А с таким количеством венгры справятся.

Венгерская война 1849 года имеет очень много сходства с польской войной 1830—1831 годов. Но первая отличается от второй тем, что все те обстоятельства, которые были тогда против поляков, действуют теперь в пользу венгров. Известно, что Лелевель тогда безуспешно настаивал на том, чтобы, во-первых, освобождением крестьян и евреев привязать массы населения к революции и, во-вторых, поднятием восстания во всей старой Польше втянуть в войну все три участвовавшие в разделе державы и сделать войну *европейской. Венгры начали с того,* что было проведено в Польше только тогда, когда было уже *слишком поздно.* Революция в общественных отношениях внутри, уничтожение феодализма было первым мероприятием в Венгрии. Вовлечение Польши и Германии в войну было вторым мероприятием, и тем самым европейская война стала фактом. Она началась вступлением первого *русского* корпуса на германскую территорию, а с вступлением на территорию Германии первого *французского* батальона в этой войне наступит решительный поворот.

Именно вследствие того, что венгерская война стала европейской, она вступает во взаимодействие со всеми остальными факторами европейского движения. Ее ход оказывает влияние пе только на Германию, но и на Францию и Англию. Нельзя ожидать, что английская буржуазия потерпит превращение Австрии в русскую провинцию. Точно так же несомненно, что французский народ не станет спокойно взирать на то, как контрреволюция подступает все ближе и ближе к границам Франции. Каков бы ни был исход выборов во Франции, армия, во всяком случае, высказалась за революцию. А в данный момент дело решает армия. Если армия хочет войны — а она ее хочет, — то война будет.

И война наступит. Париж стоит на пороге революции, будь то в результате выборов или в результате уже происшедшего у избирательной урны братания армии с революционной партией. И в то время как в Южной Германии образуется ядро будущей немецкой революционной армии, что мешает Пруссии

принять активное участие в венгерской кампании, — Франция готовится к тому, чтобы активно вмешаться в борьбу. Дело решится в течение немногих недель, быть может, нескольких дней. И вскоре французская, венгерско-польская и немецкая революционные армии будут праздновать на поле битвы у стен Берлина свой праздник братства.

Написано Ф. Энгельсом. 18 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 19 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

*«МОЕМУ НАРОДУ»

Кёльн, 18 мая. «Моему народу!» Не — «Моей доблестной армии!» Уж не разбиты ли русские? Не повернул ли ветер в другую сторону и не сбил ли он снова, как в марте прошлого года, военную фуражку с головы «неослабленного» слуги России? Не разразилось ли вновь всеобщее восстание находящихся на осадном положении «верноподданных»?

В 1813 г. «в бозе почивший» старик* также черпал в *продвижении казаков* мужество, необходимое для того, чтобы покончить со своей жалкой ролью труса и с кровавыми карами революционной империи; и тогда — несмотря на наличие казаков, башкир и «доблестной армии», прославившейся в сражениях при Йене и Магдебурге и сдачей Кюстрина 150 французам[353], — лишь лживые обещания, данные в *«Воззвании к моему народу»,* сделали возможным крестовый поход Священного союза против наследников французской революции. А теперь! Разве вторжение казаков на немецкую территорию не придало вновь укрепившемуся Гогенцоллерну мужество, необходимое для того, чтобы отказаться от роли труса, которую он играл после мартовских дней, чтобы устранять «клочок бумаги», поставленный революцией «между ним и его народом»? Разве «Моя доблестная армия» не отомстила достойным образом революции, храбро учинив в Дрездене, Бреславле, Познани, Берлине и на Рейне расправу над безоружными, женщинами и детьми с помощью шрапнели и адского камня?

* — Фридрих-Вильгельм III. *Ред.*

Разве недавно октроированная военно-полевая хартия не упраздняет снова, *«даже без осадного положения»,* последние трусливые уступки, сделанные в марте, —отмену цензуры, свободу союзов, вооружение народа?

Нет, сын героя Йены и Магдебурга все еще не чувствует себя в достаточной безопасности, несмотря на союз с казаками, несмотря на привилегию убийств и военно-полевого суда, предоставленную разнузданной «доблестной» солдатской своре. *Неослабленная корона испытывает страх,* она апеллирует «К моему народу», она «чувствует себя вынужденной» обращаться еще к попранному, придавленному осадным положением и обстрелянному картечью *«народу»* с призывом о поддержке против «внутренних и внешних врагов».

«В это столь тяжелое время Пруссия призвана защитить Германию от внутренних и внешних врагов. Поэтому я уже сейчас призываю Мой народ к оружию. Дело идет о том, чтобы восстановить порядок и закон в нашем государстве и в остальных немецких государствах, где требуется наша помощь. Дело идет о том, чтобы создать единство Германии, защитить ее свободу от террористического господства партии, которая хочет принести нравственность, честь и верность в жертву своим страстям, партии, которой удалось запутать часть народа в сетях обмана и заблуждений».

«В этом суть королевского обращения», — вопит полицейская гадина Дюмон. И в самом деле, продажные полицейские клакеры Дюмона нашли истинную «суть».

«Внешние враги»! Это «партия террора», партия ужаса* для храброго Гогенцоллерна, вызывает необходимость нашего вторжения в *«остальные* **немецкие** *государства».* Народ Рейнской провинции, Силезии и Саксонии призывается «во имя немецкого *единства»* положить конец революционным движениям в других *немецких* государствах — в Бадене, Баварии и Саксонии! И с этой целью снова преподносится приманка, какой Гогенцоллерн осчастливил народ в 1813 г., снова залогом выставляется уже испытанное «королевское слово», и «народу» обещается кастрированное признание франкфуртской конституции, равно как и «охрана права и свободы» от «безбожников». «Я и Моя династия хотим служить господу». Разве испытанное уже в качестве залога «гогенцоллернское королевское слово» не стоит крестового похода против «партии ужаса для многообещающей короны»?

Могущественный вассальный князь русского императора отозвал прусских депутатов из Франкфурта только для того, чтобы стать теперь, согласно своему мартовскому обещанию,

* В оригинале игра слов: «Schreckenspartei» и «Partei des Schreckens». *Ред.*

«во главе Германии». Согласительное собрание и октроированная палата были разогнаны, «клочок бумаги» был заменен военно-полевой конституцией и палаческими военными судами только для того, чтобы гарантировать народу «охрану права и свободы»!

И свобода печати подавляется, в Эрфурте печать подвергнута *цензуре,* во всей Познани, в Бреславле, в силезских провинциальных городах газеты просто закрыты, так же, как в самом Берлине закрыта «National-Zeitung». В Дюссельдорфе de jure* вновь введена цензура, de facto** печать совершенно упразднена (дюссельдорфские газеты, «Neue Rheinische Zeitung» и т. д.). «Свободным» подданным октроированы в конце концов только грязные полицейские гадины в лице «Kolnische Zeitung» и берлинской газетки висельников***. И все это для того, чтобы не было ни малейшего сомнения в ценности «королевского слова»!

И в самом деле, слово Гогенцоллерна стоит того, чтобы ради укрепления королевского мужества народ надел военный мундир и чтобы, согласно закону о ландвере, оставленные дома жены, «во избежание нищенства», получали ежемесячно королевскую милостыню в один талер.

Написано 18 мая. 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 19 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — юридически. *Ред.*
** — фактически. *Ред.*
*** — «Neue Preusische Zeitung» («Kreuz-Zeitung»). *Ред.*

К КЁЛЬНСКИМ РАБОЧИМ

На прощание мы предостерегаем вас против какого бы то ни было путча в Кёльне. При военном положении в Кельне вы потерпели бы жестокое поражение. На примере Эльберфельда вы видели, как буржуазия посылает рабочих в огонь, а потом самым подлым образом предает их. Осадное положение в Кёльне деморализовало бы всю Рейнскую провинцию, а осадное положение явилось бы необходимым следствием всякого восстания с вашей стороны в данный момент. Ваше спокойствие приведет пруссаков в отчаяние.

Редакторы «Neue Rheinische Zeitung», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!**

Редакция «Neue Rheinische Zeitung»

Написано 18 мая 1849 г.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 19 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Neue Rheinische Zeitung

Organ der Demokratie.

№ 301. Köln, Samstag, den 19. Mai. 1849.

Abschiedswort der Neuen Rheinischen Zeitung.

Kein offner Hieb in offner Schlacht –
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Niedertracht
Der schmutzigen West-Kalmücken!
Aus dem Dunkel flog der tödtende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche –
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche!

Auf der Lippe den Trotz und den zuckenden Hohn,
In der Hand den blitzenden Degen,
Noch im Sterben rufend: „Die Rebellion!" –
So bin ich mit Ehren erlegen.
O, gern wohl bestreuten mein Grab mit Salz
Der Preuße zusammt dem Czaar –
Doch es schicken die Ungarn, es schickt die Pfalz
Drei Salven mir über die Bahre!

Und der arme Mann im zerriss'nen Gewand,
Er wirft auf mein Haupt die Schollen;
Er wirft sie hinab mit der fleißigen Hand,
Mit der harten, der schwielenvollen.
Einen Kranz auch bringt er aus Blumen und Mai'n,
Zu ruh'n auf meinen Wunden;
Den haben sein Weib und sein Töchterlein
Nach der Arbeit für mich gewunden.

Nun Ade, nun Ade, du kämpfende Welt,
Nun Ade, ihr ringenden Heere!
Nun Ade, du pulvergeschwärztes Feld,
Nun Ade, ihr Schwerter und Speere!
Nun Ade – doch nicht für immer Ade!
Denn sie tödten den Geist nicht, ihr Brüder!
Bald richt' ich mich rasselnd in die Höh',
Bald kehr' ich reisiger wieder!

Wenn die letzte Krone wie Glas zerbricht,
In des Kampfes Wettern und Flammen,
Wenn das Volk sein letztes „Schuldig!" spricht,
Dann stehn wir wieder zusammen!
Mit dem Wort, mit dem Schwert, an der Donau, am Rhein, –
Eine allzeit treue Gesellin
Wird dem Throne zerschmetternden Volke sein
Die Geächtete, die Rebellin!

F. FREILIGRATH.

An die Arbeiter Kölns.

Wir warnen Euch schließlich vor jedem Putsch in Köln. Nach der militärischen Lage Kölns wäret ihr rettungslos verloren. Ihr habt in Elberfeld gesehen, wie die Bourgeoisie die Arbeiter ins Feuer schickt und sie hinterher aufs Niederträchtigste verräth. Der Belagerungszustand in Köln würde die ganze Rheinprovinz demoralisiren und der Belagerungszustand wäre die nothwendige Folge jeder Erhebung von Eurer Seite in diesem Augenblicke. Die Preußen werden an Eurer Ruhe verzweifeln.

Die Redakteure der Neuen Rheinischen Zeitung danken Euch beim Abschiede für die ihnen bewiesene Theilnahme. Ihr letztes Wort wird überall und immer sein: Emancipation der arbeitenden Klasse!

Die Redaktion der Neuen Rhein. Zeitung.

Deutschland.

* Köln, 18. Mai. [illegible]

Köln, den 11. Mai 1849.

Königl. Regierung.

An den Königl. Polizeidirektor Herrn Geiger hier.

Proklamation an die Frauen.

[illegible]

Georg Weerth

Страница последнего номера «Neue Rheinische Zeitung»

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ

31 МАЯ — ИЮЛЬ 1849

В РЕДАКЦИЮ «FRANKFURTER JOURNAL»

Прошу уважаемую редакцию *«Frankfurter Journal»* поместить в Вашей газете на видном месте и крупным шрифтом нижеследующее заявление; если это можно сделать только на условиях платного объявления, то соответствующую сумму прошу отнести на счет *И. Вейдемейера,* редактора «Neue Deutsche Zeitung»[354].

Бинген, 31 мая.

Д-р Карл Маркс

ЗАЯВЛЕНИЕ

Редакция «Neue Rheinische Zeitung» считает себя обязанной сообщить своим корреспондентам и публике, что она не имеет ничего общего с газеткой, выходящей в *Кёльне* под названием *«Westdeutsche Zeitung»*[355]. Нижеподписавшаяся редакция оставляет за собой право сообщить особо о том, когда и где будет снова выходить «Neue Rheinische Zeitung».

Редакция «Neue Rheinische Zeitung»
Карл Маркс. Эрнст Дронке. Фридрих Энгельс.
Ф. Фрейлиграт. Георг Веерт. Ф. Вольф. В. Вольф

Написано К. Марксом 31 мая 1849 г.

Заявление напечатано в «Neue Deutsche Zeitung» №№ 129 и 133; 2 и 7 июня 1849 г.; во втором выпуске «Neue Kolnische Zeitung» № 126, 3 июня 1849 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

* РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ В ПФАЛЬЦЕ И БАДЕНЕ [356]

Кайзерслаутерн, 2 июня. Контрреволюционные немецкие газеты всячески стараются очернить революцию в Пфальце и Бадене. Они не стыдятся утверждать, будто цель всего восстания сводится к тому, чтобы «предать французам» Пфальц, Баден и косвенно всю Германию. Таким путем они стремятся воскресить старую контрреволюционную ненависть к французам, ведущую свое начало с так называемого доброго старого времени, рассчитывая, что это позволит им оттолкнуть от нас наших немецких братьев в Северной и Восточной Германии. Но почему-то как раз те самые грязные, лживые газетки, которые упрекают Пфальц и Баден в том, что они продались Франции, приветствуют *русское вторжение* в Венгрию, прохождение русских войск через Пруссию и даже новый Священный союз между Россией, Австрией и Пруссией. Сошлемся в доказательство только на одну из этих газет — на «Kolnische Zeitung».

Итак, если для подавления венгерской свободы русские вступают на немецкую, на прусскую землю, — это не государственная измена! Если прусский король заключает союз с хорватами и русскими, чтобы растоптать копытами казацких лошадей последние остатки немецкой свободы, — это не государственная измена! Если все мы, если вся Германия от Немана до Альп предана и продана трусливыми деспотами русскому царю — это не государственная измена! Но вот если Пфальц пользуется симпатиями французского и в особенности эльзасского народа, если он не отворачивается с глупым самодовольством от выражения этого сочувствия, если он посылает в Париж людей для ознакомления с настроением во Франции, с

предстоящим новым поворотом в политике Французской республики[357] — это, конечно, измена отечеству, это государственная измена, это означает продать Германию Франции, «наследственному врагу», «врагу империи»! Так рассуждают контрреволюционные газеты.

Да, почтенные господа «божьей милостью», Пфальц и Баден действовали именно так, и они нисколько не стыдятся своих действий. Да, если это — государственная измена, то все население Пфальца и Бадена состоит из двух с половиной миллионов государственных преступников. Поистине, не для того парод Пфальца и Бадена совершил революцию, чтобы в предстоящей великой борьбе между свободным Западом и деспотическим Востоком стать на сторону деспотов. Народ Пфальца, как и народ Бадена, совершил свою революцию, потому что он не хочет быть соучастником гнусного удушения свободы, которым так позорно запятнали себя за последние месяцы Австрия, Пруссия и Бавария, потому что он не позволил превратить и себя в орудие порабощения своих братьев. Армия Пфальца и Бадена безоговорочно примкнула к движению; она отказалась от своей присяги вероломным государям и перешла, как один человек, на сторону народа. Ни граждане, ни солдаты не желают сражаться против свободы вместе с хорватами и казаками. Если деспотам из Ольмюца, Берлина и Мюнхена еще удастся найти солдат, павших так низко, что они готовы поставить себя на одну доску с башкирами, пандурами, хорватами и тому подобным разбойничьим сбродом и сражаться под одним знаменем с этими ордами варваров, — тем хуже. Как нам это ни больно, мы будем смотреть на этих наемников не как на наших немецких братьев, а как на казаков и башкир, и нам нет дела до того, что во главе их стоит предатель — бывший имперский военный министр[358].

Да и вообще смешно говорить о «государственной измене» и прочих обвинениях, напоминающих травлю демагогов, в настоящий момент, когда европейская война, *народная война,* стучится в дверь. Через несколько недель, быть может ужо через несколько дней, армии республиканского Запада и порабощенного Востока столкнутся друг с другом на немецкой земле в решающем бою. Германию — вот до чего довели ее государи и буржуазия! — Германию даже не спросят, согласна ли она на это. Германия не будет *активно участвовать* в войне, война обрушится на нее помимо ее воли, без возможности сопротивления с ее стороны. Таково почетное положение Германии в предстоящей европейской войне, благодаря мартовским правителям, мартовским палатам и не в меньшей степени благодаря

мартовскому Национальному собранию. О *немецких* интересах, о *немецкой* свободе, *немецком* единстве, *немецком* благосостоянии не может быть и речи, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей *Европы.* Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли вы быть *свободными* или хотите быть *под пятой России?* А контрреволюционные газеты еще толкуют о какой-то «государственной измене», как будто Германию, которая скоро будет превращена в пассивную арену борьбы двух армий, еще *можно каким-то образом предать!* Бесспорно, в прошлом году дело обстояло иначе. В прошлом году немцы могли начать борьбу против русского гнета, они могли освободить поляков и перенести таким образом войну на *русскую* территорию, воевать за счет *России.* Но теперь, благодаря нашему государю, война будет вестись на *нашей* земле и за *наги* счет, теперь дело обстоит так, что европейская освободительная война явится в то нее время для Германии гражданской войной, в которой немцы будут драться против немцев.

Вот чем мы обязаны предательству наших государей и дряблости наших народных представителей, и если что можно назвать государственной изменой, так именно это! Короче — в великой освободительной войне, распространяющейся по всей Европе, Пфальц и Баден будут на стороне свободы против рабства, на стороне революции против контрреволюции, на стороне народа против государей, на стороне революционной Франции, Венгрии и Германии против абсолютистской России, Австрии, Пруссии и Баварии. И если господам «нытикам» угодно называть это государственной изменой, то во всем Пфальце и во всем Бадене никому нет дела до их воплей.

Написано Ф. Энгельсом 2 июня 1849 г.

Напечатано в газете «Bote fur Stadt und Land» №110, 3 июня 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

13 ИЮНЯ

Париж, 21 июня

Вы достаточно хорошо знаете население Парижа, чтобы a priori[*] считать пресловутое обвинение в трусости смехотворным. Тем не менее я понимаю, что события 13 июня кажутся совершенно необъяснимыми, особенно в Германии, и должны давать повод для всевозможных недоброжелательных кривотолков.

Главным действующим лицом 13 июня был не *народ,* а *«Гора»*[359]. Впрочем, за спиной «Горы» в свою очередь стоял тайный комитет[360], который толкал ее вперед и в той или иной степени заставлял Ледрю-Роллена играть эту главную роль.

Главной ошибкой «Горы» была ее *уверенность в победе.* Она до такой степени была проникнута этой уверенностью, что надеялась добиться всего с помощью мирной демонстрации. Тем самым она предоставила правительству возможность одержать победу над ней, не вступая с ней в бой. Процессия, которая проходила от Шато д'О через бульвары, была совершенно безоружной. Правительство, со своей стороны, полностью осведомленное через шпионов обо всех деталях, отдало секретный приказ национальной гвардии, венсеннским стрелкам и другим воинским частям незаметно запять все важные пункты. Процессия была в полном смысле слова окружена, и даже в том случае, если бы она была вооружена, она не смогла бы оказать никакого сопротивления. А ведь она была безоружной! *Шангарнье,* который заранее принял все необходимые меры, оказался настолько умен, что не отдал приказа бить сигнал тревоги.

[*] — заранее. *Ред.*

Как по мановению жезла, все решающие пункты сразу оказались заняты войсками. Отсюда вам должно быть ясно, что безоружная толпа рассеялась в разные стороны в поисках оружия; но и склады оружия, приготовленные на случай восстания, были уже захвачены правительством и находились под охраной войск. Таким образом, восстание было предупреждено с помощью хитрости. — Вот и весь секрет этого неслыханного в истории французской революции дня. Возможно, вы читали в немецких газетах о *баррикадах,* которые были взяты без труда. Эти баррикады состояли всего-навсего из нескольких стульев, которые были брошены на улицу, чтобы на мгновенье преградить путь кавалерии, рубившей саблями безоружных людей.

Были и некоторые другие обстоятельства, сделавшие неизбежным позорный исход 13 июня.

В тот самый момент, когда в Консерватории искусств[361] Ледрю-Роллен и его единомышленники были заняты тем, что конституировались в качестве временного правительства, тайный социалистический комитет занимался этим же делом. Он хотел провозгласить себя Коммуной. Таким образом, еще до свержения существующей власти восстание уже распалось на два лагеря, и, что особенно важно: *народная партия* не была партией *«Горы».* Один этот факт сам по себе многое вам разъяснит. Тайный комитет хотел начать восстание еще за несколько дней до этого, выступив ночью. Таким образом правительство было бы застигнуто врасплох. Однако *«Гора»* и находившиеся в союзе с ней «друзья конституции» (партия «National»)[362] воспротивились этому. Они сами хотели взять инициативу в свои руки. Выступление Ледрю-Роллена в палате[363] должно было служить залогом того, что «Гора» решилась на серьезные действия. Так, с одной стороны, была сломлена активная сила, которая побуждала к немедленным действиям, и подготовлена мирная демонстрация. С другой стороны, народ, увидев, что Ледрю-Роллен столь явно скомпрометировал себя в Национальном собрании, решил, что у Ледрю-Роллена имеются огромные связи в армии, а также глубоко продуманный и далеко идущий план и т. п. Как же, должно быть, был удивлен народ, когда обнаружилось, что могущество Ледрю-Роллена было лишь иллюзией, а меры предосторожности и наступательные действия были предприняты только правительством. Вы видите, как обе революционные партии взаимно обессиливали и обманывали друг друга. Воспоминания народа о более чем двусмысленном поведении «Горы» и, в частности, Ледрю-Роллена в мае и июне, наконец холера, которая особенно свирепствовала в рабочих кварталах, довершили остальное.

В общем и целом, 13 июня 1849 года — это только возмездие за июнь 1848 года. Тогда пролетариат был покинут «Горой», теперь «Гора» была покинута пролетариатом.

Как ни тяжел для нашей партии во всей Европе день 13 июня, этот день имеет то положительное, что контрреволюционная партия Национального собрания без большого кровопролития, если не считать Лиона[364], добилась *единовластия.* Эта партия не только распадется на свои составные части — ее крайняя фракция скоро приведет к такому положению, когда она сама будет стремиться к тому, чтобы отделаться от обременительной видимости республики, и тогда вы увидите, *как она будет сметена единым дуновением, и повторится февраль, но с еще большей силой.*

Написано К. Марксом 21 июня 1849 г.

Напечатано в газете «Der Volksfreund» № 26, 29 июня 1849 г.

Подпись: К. М—кс.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 11, 1955 г.

К. МАРКС
РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «PRESSE»

Заметка относительно моего пребывания в Париже, которую Вы поместили в «Presse» от 26 июля и которую текстуально воспроизвели другие газеты, содержит факты, до такой степени искаженные, что я вынужден ответить на нее в нескольких словах.

Прежде всего, «Neue Rheinische Zeitung», владельцем[365] и главным редактором которой я был, ни разу не была закрыта. Ее выход был приостановлен на пять дней вследствие осадного положения. Как только осадное положение было снято, газета вновь появилась и продолжала выходить в течение последующих семи месяцев. Прусское правительство, увидев невозможность закрыть газету на законном основании, прибегло к своеобразному средству — устранило ее владельца, т. е. запретило мне пребывание в Пруссии. Вопрос о законности этой меры решит прусская палата депутатов, которая должна вскоре собраться.

После того как мне было запрещено пребывание в Пруссии, я отправился сперва в великое герцогство Гессен, пребывание в котором, как и в остальной Германии, мне вовсе не было запрещено. Если же я приехал в Париж, то отнюдь не в качестве эмигранта, как это утверждает Ваша газета, а вполне добровольно, имея на руках исправный паспорт и преследуя единственную цель — пополнить материалы, собранные мной для труда по истории политической экономии, который я начал еще пять лет тому назад.

Я также не получал приказа покинуть Париж *немедленно;* мне было дано время для того, чтобы заявить протест министру внутренних дел. Этот протест я заявил и жду его результатов[366].

Примите и пр.

Д-р К. Маркс

Написано около 27 июля 1849 г.

Напечатано в газете «La Presse» 30 июля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА
И
Ф. ЭНГЕЛЬСА

Первая страница рукописи К. Маркса «Заработная плата»

К. МАРКС

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА [367]

[А]

Уже было изложено:

1) Заработная плата = цене товара.

Итак, определение заработной платы в общем совпадает с общим определением цены.

Человеческая деятельность = товару.

Проявление жизни — жизнедеятельность — является лишь средством; обособленное от этой деятельности существование — целью.

2) Как товар, заработная плата зависит от конкуренции, от спроса и предложения.

3) Само предложение зависит от издержек производства, т. е. от рабочего времени, необходимого для производства товара.

4) Обратное отношение между прибылью и заработной платой. Противоположность двух классов, экономическое существование которых выражается в прибыли и заработной плате.

5) Борьба за повышение или понижение заработной платы. Ассоциация рабочих.

6) Средняя или нормальная цена труда, минимум, имеет силу только для класса рабочих, а не для отдельного рабочего. Коалиции рабочих для сохранения заработной платы.

7) Влияние на заработную плату отмены налогов, покровительственных пошлин, уменьшения армий и т. д. Минимум, определенный в среднем = цене необходимых жизненных средств.

[B]

ДОБАВЛЕНИЯ

I. Аткинсон

1. *Handloomweavers*[*]. (Работают по 15 часов в сутки.) (Таких полмиллиона.)[368]

«Нищета, в которой пребывают ручные ткачи, есть неизбежный удел всех занимающихся таким видом труда, которому легко обучиться и которому всегда угрожает опасность быть вытесненным более дешевыми средствами производства. Кратковременное прекращение спроса при столь большом предложении вызывает кризис. То, что одна отрасль труда становится бесполезной, а другая возникает, вызывает *временные страдания.* Пример работающих вручную хлопчатобумажных ткачей в округе Дакка в Индии: вследствие конкуренции английских машин умирают с голоду или вынуждены вернуться к сельскому хозяйству». (Выдержка из речи д-ра Боуринга в палате общин в июле 1835 года.)[369]

(Воспользоваться этим примером перехода от одного занятия к другому для полемики против фритредерской дряни.[370])

2. Сказать кое-что относительно *теории народонаселения.*

3. Влияние изменившегося и более развитого разделения труда на определение заработной платы.

II. Карлейль

1. Следует принимать во внимание не только количество wages[**]. По своему качеству она тоже изменяется, определяется игрой случая.

2. Преимуществом заработной платы является то, что рабочего с работодателем связывает только необходимость, выгода, торговля. Уже нет ничего патриархального, как в средние века.

Законы о бедных, истребление крыс, chargeable labourers[371].

3. Наибольшая часть труда не является skilled labour[***].

4. Вся теория мальтузианцев и экономистов сводится к тому, что рабочие в силах уменьшить спрос, воздерживаясь от деторождения.

---

[*] — Ткачи, работающие на ручных станках. *Ред.*
[**] — заработной платы. *Ред.*
[***] — квалифицированным трудом. *Ред.*

III. Мак-Куллох

«Поденная плата, которую зарабатывает рабочий, — обычный размер прибыли для собственника машины, называемой *человеком,* включая сюда и сумму, необходимую для того чтобы to replace das wear und tear of the machines*, или, что то же самое, для замены старых и утративших свою работоспособность рабочих новыми»[372].

IV. Джон Уэйд

1. «Если цель заключается в том, чтобы сделать из рабочего машину, из которой можно извлечь наибольшее количество труда в данном занятии, то нет более действенного способа, чем разделение труда»[373].

2. Понижение заработной платы побуждает рабочих либо уменьшать свои расходы, либо повышать производительность своего труда, например на машинных фабриках (и вообще), если они работают в продолжение большего числа часов, или — у ремесленников, ручных ткачей и т. д., — если они производят больше в один и тот же час. Но именно потому, что их. заработная плата понизилась, так как уменьшился спрос, они увеличивают предложение в неблагоприятный момент. Вследствие этого заработная плата падает еще ниже, а затем являются буржуа и говорят: «Если бы только эти люди хотели работать!»

3. Вообще, всеобщим законом является то, что не может существовать *двух рыночных цен,* а именно господствует *более низкая* рыночная цена (при одинаковом качестве).

Предположим, что имеется 1000 одинаково искусных рабочих; 50 без работы; в таком случае цена определяется не 950 занятыми, а 50 незанятыми.

Однако этот закон *рыночной цены* довлеет над товаром труд более тяжко, чем над другими товарами, так как рабочий не может положить свой товар на склад, а должен продавать свою жизнедеятельность или, будучи лишен средств к жизни, — умереть.

Продающийся товар труд отличается от других товаров в особенности своим *преходящим характером,* тем, что его нельзя *накоплять,* и тем, что его *предложение* нельзя так же легко увеличивать или уменьшать, как это может быть сделано в отношении других продуктов.

---

* — возместить износ машин. *Ред.*

4. Гуманность капиталистов заключается в том, чтобы покупать как можно больше труда по возможно более дешевой цене. Сельскохозяйственный рабочий получает больше летом, чем зимой, хотя зимой он нуждается в большем количестве пищи, топлива, в более теплой одежде.

5. Например, отмена *воскресных дней* явилась бы чистой потерей для рабочих. Хозяева стараются снизить заработную плату таким образом, что, сохраняя ее номинальный размер, они заставляют работать, например, на четверть часа дольше, сокращают время на обед и т. п.

6. Заработная плата определяется модами, сменой времен года и колебаниями в ходе торговли[374].

7. Если рабочий, вытесненный машиной, переходит в другую отрасль труда, то, как правило, это *худшая* отрасль. Он никогда не возвращается к своему прежнему положению.

Машина и разделение труда заменяют дорогой труд более дешевым.

Рабочим предлагали:

1) сберегательные кассы; 2) обучиться всем возможным видам труда (таким образом, если бы оказался избыток предложения рабочих в одной отрасли труда, он тотчас же оказался бы во всех).

8. В периоды застоя:

a) прекращение работы; b) понижение заработной платы; c) та же самая заработная плата[375] при меньшем количестве рабочих дней в неделю.

9. Относительно combinations of trade[*] следует заметить:

1) Расходы рабочих. (Издержки.) Изобретение машин вследствие коалиций. Иное разделение труда. Понижение заработной платы. Deplacement[**] фабрик в другие местности.

2) Если бы всем им удалось удержать заработную плату на такой высоте, что прибыль упала бы значительно ниже средней прибыли в других странах или что капитал возрастал бы медленнее, то промышленность страны разорилась бы, а рабочие вместе с хозяевами — и того больше.

Хотя понижение какого-либо налога не приносит рабочим никакой пользы, его повышение, наоборот, вредит им. Положительная сторона роста налогов в буржуазно развитых странах

[*] — профессиональных объединений. *Ред.*
[**] — Перемещение. *Ред.*

заключается в том, что вследствие этого мелкие крестьяне и мелкие собственники (ремесленники и т. д.) разоряются и выбрасываются в ряды рабочего класса.

———

Влияние ирландцев в Англии, немцев в Эльзасе на заработную плату.

V. Баббедж

Trucksystem[376].

VI. Эндрью Юр [377]

Всеобщий принцип современной промышленности: заменять взрослых детьми, искусных рабочих — неискусными, мужчин — женщинами.

———

Уравнивание заработной платы. Главная отличительная черта современной промышленности.

VII. Росси [378]

Г-н *Росси* полагает:

Фабрикант дисконтирует рабочему лишь его долю продукта, потому что рабочий не в состоянии ожидать продажи последнего. Это есть спекуляция, которая непосредственно к процессу производства не имеет никакого отношения. Если рабочий может сам содержать себя до продажи продукта, то после этого он, как associe*, добьется своей доли,

Следовательно, заработная плата не является составным элементом продукта, подобно капиталу и земле. Она является лишь случайным признаком, формой нашего социального состояния. Заработная плата не входит в состав капитала.

Заработная плата не является фактором, безусловно необходимым для производства. Она может исчезнуть при другой организации труда.

[VIII.] Шербюлье

1. «Увеличение производительного капитала не влечет за собой непременно увеличения доли, идущей на approvisionnement** рабочих. Количество сырья и машин может

* — компаньон. *Ред.*
** — содержание. *Ред.*

увеличиваться, а доля, идущая на approvisionnement рабочих, уменьшаться.

Цена труда зависит: a) от абсолютного количества производительного капитала, b) от соотношения между различными элементами капитала — два социальных факта, на которые воля рабочих не может оказывать никакого влияния.

2 Не столько *абсолютное* потребление рабочего, сколько его *относительное* потребление делает его положение счастливым или несчастным. За пределами необходимого потребления *ценность* наших наслаждений *по существу относительна»*[379].

———

Когда говорят о понижении или повышении заработной платы, никогда не следует упускать из виду всего мирового рынка и положения рабочих в различных странах.

———

Уравнительные и прочие попытки установить справедливую заработную плату.

———

Минимум заработной платы сам изменяется и все более и более понижается. Пример с водкой.

[IX.] Брей

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ [380]

Троякого рода орудие в руках деспотизма и капитала.

1. Деньги притекают обратно в национальный банк, он извлекает прибыль, опять ссужая их капиталистам.

2. Золотая цепь, на которой правительство держит значительную часть рабочего класса.

3. Кроме того, таким путем в руки капиталистов, как таковых, дается новое оружие.

———

Если заработная плата однажды понизилась, она уже никогда не поднимается до своей первоначальной высоты. Абсолютная и относительная заработная плата.

[C]

I. Как влияет рост производительных сил на заработную плату?

(См. **VI, 3**)*

Машины; разделение труда.

Труд упрощается. Издержки его производства уменьшаются. Он становится дешевле. Конкуренция между рабочими возрастает.

Переход от одной отрасли к другой. Относительно этого — сам д-р Боуринг говорит в парламенте в 1835 г. о работающих вручную хлопчатобумажных ткачах округа Дакка в Индии.

Новый вид труда, куда вытесняется рабочий, — хуже прежнего; более подчиненный. Труд взрослых заменяется трудом детей, труд мужчин — трудом женщин, труд более искусных рабочих — трудом менее искусных рабочих.

Либо увеличивается количество часов труда, либо понижается заработная плата.

Конкуренция между рабочими состоит не только в том, что один продает себя дешевле, чем другой, но и в том, что один работает за двоих.

Рост производительных сил вообще имеет своим следствием:

a) что положение рабочего по сравнению с положением капиталиста относительно ухудшается, и ценность наслаждений относительна. Ведь сами наслаждения суть не что иное, как социальные наслаждения, отношения, соотношения;

b) рабочий становится все более односторонней производительной силой, которая производит в возможно меньшее время как можно больше. Искусный труд все более и более превращается в простой труд;

c) заработная плата становится все более и более зависимой от мирового рынка, а положение рабочих — все более неустойчивым;

d) в производительном капитале доля, приходящаяся на машины и на сырье, возрастает гораздо быстрее, чем доля, идущая на approvisionnement рабочих. Увеличение производительного капитала, следовательно, не сопровождается соответствующим увеличением спроса на труд.

Заработная плата зависит:

α) от массы производительного капитала вообще;

β) от соотношения между его составными частями.

---

* См. настоящий том, стр. 592—597. *Ред.*

Рабочий не имеет никакого влияния ни на то, ни на другое.

(Если бы не было колебаний заработной платы, то рабочий ничего не выигрывал бы от развития цивилизации, его положение оставалось бы неизменным.)

Относительно конкуренции рабочих с машинами следует заметить, что рабочие, занимающиеся ручным трудом (например, работающие вручную хлопчатобумажные ткачи), страдают еще больше, чем машинные рабочие, непосредственно занятые на фабриках.

Всякое развитие новой производительной силы оказывается в то же время оружием против рабочих. Например, все улучшения в средствах сообщения облегчают конкуренцию рабочих в различных местностях и превращают местную конкуренцию в общенациональную и т. д.

Удешевление всех товаров, которое, впрочем, не касается самых непосредственных жизненных средств, приводит к тому, что рабочий носит сборное тряпье, и его нищета приобретает окраску цивилизации.

II. Конкуренция между рабочими и предпринимателями

α) Для того, чтобы определить относительную заработную плату, следует заметить, что талер для рабочего и талер для предпринимателя имеют разную стоимость. Рабочий вынужден все покупать хуже и дороже. На его талер можно купить не так много товара и не такой хороший товар, как на талер предпринимателя. Рабочий вынужден быть *мотом* и покупать и продавать вопреки всем экономическим принципам. Здесь мы вообще должны заметить, что мы имеем в виду лишь одну сторону, а именно самое *заработную плату.* Но эксплуатация рабочего начинается сызнова, как только он начинает обменивать цепу своего труда на другие товары.

Epiciers*, залогоприниматели, домовладельцы — tout le monde l'exploite encore une fois**.

β) Распоряжаясь средствами занятости [Beschaftigungsmittel], предприниматель распоряжается жизненными средствами рабочего, т. е. жизнь рабочего зависит от него; как рабочий низводит даже свою жизнедеятельность до простого средства существования.

γ) Товар труд имеет большие недостатки по сравнению с другими товарами. Для капиталиста при конкуренции с рабочими дело идет только о прибыли, для рабочего — о существовании.

* — Лавочники. *Ред.*
** — решительно все эксплуатируют его еще раз. *Ред.*

Товар труд имеет *более преходящий* характер, чем другие товары. Его нельзя накоплять. Его *предложение* нельзя так же легко увеличивать или уменьшать, как это может быть сделано в отношении других товаров.

δ) Фабричный режим. Жилищное законодательство. Trucksystem, при которой предприниматель обманывает рабочего тем, что повышает цену товаров, не изменяя номинальной заработной платы.

III. Конкуренция рабочих между собой

a) Согласно всеобщему экономическому закону не может существовать *двух рыночных цен.* Из 1000 одинаково искусных рабочих заработную плату определяют не 950 занятых, а 50 незанятых. Влияние *ирландцев* на положение *английских рабочих* и немцев на положение эльзасских рабочих.

b) Рабочие конкурируют друг с другом не только тогда, когда один предлагает свой труд за более дешевую плату, чем другие, но и тогда, когда один работает за двоих.

Преимущество неженатых рабочих перед женатыми и т. д.

Конкуренция между сельскими и городскими рабочими.

IV. Колебания заработной платы

Они вызываются:

1. Изменениями в модах.
2. Сменой времен года.
3. Колебаниями в ходе торговли.

В случае кризиса

α) рабочим приходится ограничивать свои расходы или увеличивать производительность труда, работая в продолжение большего количества часов или изготовляя больше в один и тот же час. Но так как их заработная плата понизилась, ибо уменьшился спрос на изготовляемый ими продукт, то они делают отношение предложения к спросу еще более неблагоприятным, и тогда буржуа говорит: Если бы только эти люди хотели работать! Тогда заработная плата рабочих падает еще ниже вследствие их чрезмерного напряжения.

β) Во время кризиса:

Полное отсутствие занятости. Понижение заработной платы. Сохранение заработной платы[381] и уменьшение числа рабочих дней.

γ) Во всех кризисах следующее круговое движение по отношению к рабочим:

Предприниматель не может дать занятие рабочим, так как он не может продать свой продукт. Он не может продать свой продукт, так как у него нет покупателей. У него нет покупателей, так как рабочие не могут обменивать ничего, кроме своего труда, и именно поэтому они не могут обменять свой труд.

δ) Когда речь идет о повышении заработной платы, то следует отметить, что всегда надо иметь в виду мировой рынок и что повышение заработной платы сводится на нет тем, что рабочие в других странах лишаются работы.

V. Минимум заработной платы

1. Поденная плата, которую получает рабочий, есть прибыль, которую приносит собственнику его машина, его тело. Сюда включается та сумма, которая необходима для возмещения wear und tear[*] этой машины или, что то же самое, для замены старых, утративших свою работоспособность рабочих новыми.

2. Из минимума заработной платы вытекает, что, например, отмена воскресных дней оказалась бы чистой потерей для рабочего. Он должен был бы зарабатывать свою заработную плату при более тяжелых условиях. Вот цель тех честных филантропов, которые ратуют за отмену воскресных праздников.

3. Хотя минимум заработной платы в среднем определяется ценой самых необходимых жизненных средств, все же следует заметить:

Во-первых, что минимум в различных странах различен, например, картофель в Ирландии[382].

Во-вторых, не только это. Сам минимум имеет свое историческое движение и все более и более понижается до абсолютно наименьшего уровня. Пример с водкой. Первоначально изготовлялась из виноградных выжимок, затем из зернового хлеба, затем из картофельного спирта.

Достижению действительно наиболее низкого уровня минимума содействуют не только

1. общее развитие машинного производства, разделение труда, возрастающая и освобожденная от местных ограничений конкуренция рабочих между собой, — но и

2. рост налогов и рост расходов государственного бюджета, ибо если, как мы видели, отмена какого-нибудь налога не приносит рабочему никакой пользы, то введение всякого нового налога вредит ему, пока минимум заработной платы еще не понизился до последних возможных размеров. А это имеет место

[*] — износа. *Ред.*

при всех расстройствах и осложнениях в гражданских отношениях. Между прочим следует заметить, что рост налогов ускоряет разорение мелких крестьян, мелких буржуа и ремесленников.

Пример — период после освободительной войны[383]. Развитие промышленности, которая производит более дешевые продукты и суррогаты.

3. Этот минимум стремится к выравниванию в различных странах.

4. Если заработная плата однажды понизилась, а затем опять поднимается, то она все-таки уже никогда не поднимается до своей прежней высоты.

Итак, в ходе развития заработная плата понижается двояким образом:

Во-первых, относительно, по отношению к развитию общего богатства.

Во-вторых, абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все более уменьшается.

5. В процессе развития крупной промышленности время все более становится мерой стоимости товаров, а следовательно, и мерой заработной платы. В то же время производство товара труд все дешевеет и стоит все меньше рабочего времени по мере развития цивилизации.

Крестьянин еще располагает свободным временем и может иметь побочный заработок. Но крупная промышленность (не мануфактурная промышленность) уничтожает эту патриархальность. Таким образом, каждый момент жизни, бытия рабочего все более и более становится объектом торговли.

(Теперь еще следующие разделы:

1. Предложения относительно улучшения положения рабочих. Мальтус, Росси и т. д. Прудон, Вейтлинг.

2. Рабочие ассоциации.

3. Положительное значение наемного труда.)

VI. Предложения для облегчения положения

1. Одним из самых излюбленных предложений является система *сберегательных касс.*

Мы вовсе не считаем нужным говорить о том, что большая часть рабочего класса не имеет возможности сберегать.

Цель — по крайней мере, точный экономический смысл сберегательных касс — должна, как говорят, заключаться в том, чтобы рабочие, благодаря своей собственной предусмотрительности и благоразумию, выравнивали благоприятное

для труда время с неблагоприятным, т. е. таким образом распределяли свою заработную плату в том цикле, который совершает промышленное движение, чтобы в действительности их расходы никогда не превышали минимума заработной платы, расходов на самое необходимое для жизни.

Но мы видели, что колебания заработной платы как раз не только революционизируют рабочего, но что, без временного повышения ее по сравнению с минимумом, рабочий остался бы совершенно в стороне от всего развития производства, роста общественного богатства, успехов цивилизации, следовательно для него была бы исключена сама возможность освобождения.

В подобном случае рабочий сам должен превратить себя в буржуазную счетную машину, возвести скупость в систему и придать нищенству постоянный, консервативный характер.

Помимо этого, система сберегательных касс является троякого рода орудием деспотизма:

α) Сберегательная касса есть золотая цепь, на которой правительство держит значительную часть рабочего класса. Таким образом эти рабочие не только оказываются заинтересованными в сохранении существующего строя. Не только возникает раскол между частью рабочего класса, участвующей в сберегательных кассах, и частью, не участвующей в них. Таким образом рабочие сами дают в руки своих врагов оружие для сохранения существующей, порабощающей их организации общества.

β) Деньги притекают обратно в национальный банк, последний опять ссужает их капиталистам, банк и капиталисты участвуют в прибылях и таким образом, благодаря деньгам, которые ссудил им народ за нищенский процент, — что становится могучим рычагом развития промышленности лишь вследствие этой централизации, — увеличивают свой капитал, свою непосредственную власть над народом.

2. Другим излюбленным предложением буржуазии является *образование,* в особенности всестороннее *производственное образование.*

α) Мы не станем указывать на нелепое противоречие, заключающееся в том, что современная промышленность все более и более заменяет сложный труд простым, для которого не нужно никакого образования; мы не станем указывать на то, что она все более принуждает к машинному труду детей с семилетнего возраста и превращает их в источники дохода не только для класса буржуазии, но и для их собственных родителей, пролетариев; фабричная система сделала бесполезными законы о школьном обучении: пример — Пруссия; мы не станем указы-

вать и на то, что умственное образование, если бы рабочий получал его, непосредственно нисколько не влияет на его заработную плату; что образование вообще зависит от условий жизни, что буржуа разумеет под нравственным воспитанием вдалбливание буржуазных принципов и что, наконец, у класса буржуазии нет средств — а если бы даже эти средства имелись, он не стал бы тратить их — на то, чтобы дать народу настоящее образование.

Мы ограничимся тем, что подчеркнем только одну, чисто экономическую точку зрения.

β) Подлинный смысл, который имеет образование у филантропических экономистов, таков: ознакомить каждого рабочего с возможно большим числом отраслей труда, так чтобы, если вследствие применения новых машин или вследствие изменений в разделении труда он будет выброшен из одной отрасли, он смог по возможности легче найти себе применение в другой.

Допустим, что это возможно.

Следствием этого явилось бы то, что, если бы в одной отрасли труда оказался избыток рабочих, то избыток тотчас же получился бы во всех других отраслях труда, и еще скорее, чем прежде, понижение заработной платы в одном производстве непосредственно повлекло бы за собой всеобщее понижение заработной платы.

И без того уже — так как современная промышленность повсюду весьма упрощает труд и делает его таким, что легко научиться выполнять его — повышение заработной платы в одной отрасли промышленности тотчас же вызывает прилив рабочих в эту отрасль промышленности, и понижение заработной платы более или менее непосредственно принимает всеобщий характер.

Мы, разумеется, не можем разбирать здесь многие мелкие паллиативы, предлагаемые со стороны буржуазии*.

3. Но мы должны перейти к третьему предложению, которое практически повлекло за собой весьма важные последствия и постоянно вызывает их, — к *мальтусовской теории.*

Вся эта теория, поскольку мы должны рассмотреть ее здесь, сводится к следующему:

α) Высота заработной платы зависит от отношения рабочих рук, которые предлагаются, к рабочим рукам, которые требуются.

Заработная плата может возрастать двояким образом.

* Здесь в рукописи вписано: «Пауперизм». *Ред.*

Либо, если капитал, приводящий труд в движение, возрастает так быстро, что спрос на рабочих увеличивается быстрее — в быстрее возрастающей прогрессии, — чем их предложение.

Либо, во-вторых, когда народонаселение возрастает так медленно, что конкуренция между рабочими остается слабой, хотя производительный капитал возрастает не быстро.

На одну сторону отношения, на рост производительного капитала вы, рабочие, не можете оказывать никакого влияния.

На другую сторону, наоборот, вполне можете.

Вы можете уменьшить предложение со стороны рабочих, т. е. конкуренцию между рабочими, производя как можно меньше детей.

Для разоблачения всей глупости, низости и лицемерия этой доктрины достаточно следующих замечаний:

β) (Это следует добавить к разделу I: Как влияет рост производительных сил на заработную плату?)

Заработная плата возрастает, если возрастает спрос на труд. Этот спрос возрастает, если возрастает капитал, приводящий труд в движение, т. е. если увеличивается производительный капитал.

К этому здесь следует сделать два основных замечания:

Во-первых: главным условием для повышения заработной платы является рост производительного капитала и как можно более быстрое возрастание его. Следовательно, главным условием для того, чтобы рабочий находился в сносном положении, является то, чтобы он все больше понижал свое положение по сравнению с классом буржуазии, чтобы он как можно больше увеличивал силу своего врага — капитал. Это означает: его положение может быть сносно лишь при условии, что он производит и усиливает враждебную ему силу, свою собственную противоположность. При этом условии, когда он создает эту враждебную ему силу, к нему притекают от последней средства занятости, которые снова делают его частью производительного капитала и рычагом, который усиливает последний и заставляет возрастать в ускоренном темпе.

Попутно заметим: если понято это отношение между капиталом и трудом, то вполне выясняется вся смехотворность фурьеристских и иных попыток их примирения.

Во-вторых: после того как мы таким образом вообще выяснили это извращенное отношение, к этому присоединяется второй, еще более важный элемент.

А именно, что́ означает выражение: рост производительного капитала, и при каких условиях он происходит?

Рост капитала означает накопление и концентрацию капитала. В той самой мере, в какой капитал накопляется и концентрируется, он вызывает:

труд во все возрастающем масштабе и, следовательно, иное разделение труда, которое еще более упрощает труд;

затем введение машин во все возрастающем масштабе и введение новых машин.

Итак, это означает, что, в той мере как возрастает производительный капитал, возрастает:

конкуренция между рабочими, потому что разделение труда упрощается, и всякая отрасль труда становится более доступной для каждого.

Конкуренция между ними возрастает, далее, потому, что им в такой же степени приходится конкурировать с машинами, и из-за машин они лишаются работы. Следовательно, концентрация и накопление производительного капитала, все более увеличивая масштабы производства — причем, далее, вследствие конкуренции предлагаемых капиталов, процент на капитал все более падает, —

влечет за собой следующее:

Мелкие промышленные предприятия гибнут и не могут выдерживать конкуренции с крупными. Целые слои класса буржуазии отбрасываются в ряды рабочего класса. Следовательно, конкуренция между рабочими увеличивается вследствие разорения мелких предпринимателей, неизбежно связанного с ростом производительного капитала.

И в то же время, так как размер процента понижается, мелкие капиталисты, прежде не принимавшие прямого участия в промышленности, вынуждены заняться промышленной деятельностью, т. е. пополнять ряды новых жертв крупной промышленности. Следовательно, и с этой стороны численность рабочего класса увеличивается, и конкуренция между рабочими усиливается.

Так как рост производительных сил вызывает увеличение масштаба труда, то временное перепроизводство становится все неизбежнее, мировой рынок все обширнее, при все более всеобщей конкуренции. Следовательно, кризисы становятся все более и более острыми. При столь внезапном средстве, побуждающем рабочих к вступлению в брак и к размножению, они скучиваются огромными массами, концентрируются, и их заработная плата все более и более колеблется. Следовательно, всякий новый кризис непосредственно вызывает значительное усиление конкуренции между рабочими.

В общем: рост производительных сил, с более быстрыми средствами сообщения, с ускоренным обращением, лихорадочным оборотом капитала, состоит в том, что в одно и то же время может быть произведено больше, и следовательно, по закону конкуренции, должно быть произведено больше. Это означает, что производство происходит при все более тяжелых условиях, и для того, чтобы при этих условиях можно было выдержать конкуренцию, приходится работать во все большем масштабе, капитал все больше должен концентрироваться в руках немногих лиц. И для того, чтобы это производство в большем масштабе было выгодным, разделение труда и машинное производство должны развиваться непрерывно и несоразмерно.

Это производство при все более тяжелых условиях распространяется и на рабочего как на часть капитала. Он должен больше производить при все более тяжелых условиях, т. е. за все меньшую заработную плату работать все больше, при все более снижающихся издержках производства. Таким образом, самый минимум все более и более сводится к большему напряжению сил при минимуме наслаждения жизнью.

Несоответствие возрастает геометрически, не арифметически*.

Следовательно, рост производительных сил сопровождается усилением господства крупного капитала, возрастающим опрощением и упрощением машины, называемой рабочим, возрастающей прямой конкуренцией между рабочими вследствие усиленного разделения труда и применения машин, вследствие премии, открыто назначаемой за производство людей, вследствие конкуренции разорившихся слоев буржуазии и т. д.

Мы можем формулировать это еще проще.

Производительный капитал состоит из трех составных частей:

1) из сырья, которое подвергается обработке;

2) из машин и такого рода материалов, как уголь и т. д., которые нужны для приведения машин в действие, строений и т. д.;

3) из той части капитала, которая предназначена на содержание рабочих.

Как же относятся друг к другу при росте производительного капитала эти три его составные части?

С ростом производительного капитала связана его концентрация, а с нею то, что он может доставлять прибыль лишь при эксплуатации во все возрастающем масштабе.

* Эта фраза написана Марксом на полях рукописи. *Ред.*

Итак, значительная часть капитала будет непосредственно превращена в орудие труда и функционировать как таковое, и чем более возрастают производительные силы, тем больше будет эта непосредственно превращаемая в машины часть капитала.

Рост машинного производства, равно как и рост разделения труда, приводит к тому, что в более короткое время может быть произведено несравненно больше. Следовательно, в том же отношении должен возрастать и запас сырья. При росте производительного капитала необходимо возрастает часть капитала, превращаемая в сырье.

Теперь остается третья часть производительного капитала, предназначенная на содержание рабочих, т. е. часть, превращаемая в заработную плату.

Как же относится рост этой части производительного капитала к двум другим частям?

Результатом более развитого разделения труда является то, что один рабочий производит столько же, сколько прежде три, четыре, пять. Следствием применения машин является то же самое отношение в несравненно большем масштабе.

Следовательно, прежде всего само собой очевидно, что рост частей производительного капитала, превращенных в машины и в сырье, не сопровождается подобным же ростом части капитала, предназначенной на заработную плату. Ведь в таком случае применение машин и более развитого разделения труда не достигло бы своей цели. Итак, отсюда непосредственно вытекает, что часть производительного капитала, предназначенная на заработную плату, не возрастает в такой же степени, как часть его, затраченная на машины и на сырье. Более того. В той же степени, в какой возрастает производительный капитал, т. е. сила капитала как такового, возрастает и несоответствие между капиталом, вложенным в сырье и машины, и капиталом, затраченным на заработную плату. Это, следовательно, означает, что часть производительного капитала, предназначенная на заработную плату, становится все меньше по сравнению с частью капитала, функционирующего в качестве машин и сырья.

После того как капиталист вложил в машины более значительный капитал, он вынужден затрачивать более значительным капитал на покупку сырья вообще и сырья, необходимого для приведения машин в движение. Но если он прежде давал занятие 100 рабочим, то теперь ему, может быть, понадобятся только 50. Иначе ему пришлось бы еще раз, может быть, удвоить другие части капитала, т. е. еще больше увеличить несоответствие. Следовательно, он увольняет 50, или же 100 должны будут

работать за ту же цену, как прежде 50. Итак, на рынке оказываются излишние рабочие.

При усовершенствованном разделении труда должен будет увеличиваться лишь капитал, расходуемый на приобретение сырья. Трех рабочих заменит, может быть, один.

Но предположим наиболее благоприятный случай. Капиталист расширяет свое предприятие таким образом, что он не только может сохранить прежнее число рабочих — а он, конечно, не станет ждать до тех пор, пока окажется в состоянии сделать это, — но даже еще увеличивает их число; тогда, следовательно, пришлось бы чрезвычайно расширить производство, чтобы сохранить то же самое число рабочих или даже еще иметь возможность увеличить это число, и отношение числа рабочих к производительным силам стало относительно бесконечно более несоразмерным[*]. В силу этого перепроизводство ускоряется, и при ближайшем кризисе большее, чем когда-либо, число рабочих лишается работы.

Следовательно, всеобщий закон, необходимо вытекающий из природы отношения между капиталом и трудом, таков, что при росте производительных сил та часть производительного капитала, которая превращается в машины и в сырье, т. е. капитал как таковой, возрастает несоразмерно по сравнению с той частью, которая предназначается на заработную плату; т. е., другими словами: рабочим приходится делить между собой все уменьшающуюся по сравнению со всей массой производительного капитала часть этого капитала. Следовательно, их конкуренция все усиливается. Другими словами:

чем более возрастает производительный капитал, тем более уменьшаются относительно средства занятости или жизненные средства для рабочих, другими словами, тем быстрее еще возрастает рабочее население по отношению к средствам занятости. И притом это несоответствие возрастает в той же степени, в какой возрастает производительный капитал вообще.

Для того чтобы устранить вышеуказанное несоответствие, он должен возрастать в геометрической прогрессии, а чтобы затем это несоответствие было вновь устранено в период кризиса, он возрастает еще больше[**].

Этот закон, вытекающий просто из отношения рабочего к капиталу и, следовательно, превращающий даже самое бла-

[*] Непереводимая игра слов: «... und das Verhaltnis der Arbeiterzahl im Verhaltnis zu den Produktivkraften ist relativ unendlich mehr Misverhaltnis geworden». *Ред.*

[**] Это место не вполне ясно сформулировано в рукописи: «Um das oben angedeutete Misverhaltnis auszugleichen, mus es in geometrischer Proportion vergrosert werden und um es nachher in Zeiten der Krise zu readjustieren, wird es noch mehr vergrosert». *Ред.*

гоприятное для рабочего состояние — быстрый рост производительного капитала — в неблагоприятное, буржуа превратили из общественного закона в закон природы, утверждая, что по закону природы народонаселение возрастает быстрее, чем средства занятости или жизненные средства.

Они не поняли, что рост производительного капитала заключает в себе рост этого противоречия.

Позже мы вернемся к этому.

Производительная сила, в особенности общественная сила самих рабочих, им не оплаченная, направляется даже против них.

γ) Первая нелепость:

Мы видели, что если производительный капитал возрастаем — наиболее благоприятный случай, который предполагают экономисты, — если, следовательно, спрос на труд соответственно возрастает, то из характера современной промышленности и из природы капитала вытекает, что средства занятости для рабочих возрастают не в такой же степени, что те же обстоятельства, которые вызывают рост производительного капитала, еще быстрее заставляют расти несоответствие между предложением труда и спросом на труд, — словом, что рост производительных сил в то же время вызывает рост несоответствия между числом рабочих и количеством средств занятости их. Это не зависит ни от увеличения количества жизненных средств, ни от увеличения народонаселения, если рассматривать это само по себе. Это необходимо вытекает из природы крупной промышленности и из отношения между трудом и капиталом.

Но если производительный капитал возрастает лишь медленно, если он остается неизменным или даже уменьшается, то количество рабочих всегда оказывается слишком большим по отношению к спросу на труд.

В обоих случаях, в самом благоприятном и в самом неблагоприятном, из отношения между трудом и капиталом, из природы самого капитала вытекает, что предложение рабочих всегда будет превышать спрос на труд.

δ) Не говоря уже о той бессмыслице, что весь рабочий класс не может принять решение не производить детей, его положение, наоборот, делает половое влечение главным его наслаждением и односторонне развивает его.

После того как буржуазия свела существование рабочего к минимуму, она еще хочет ограничить минимумом и его воспроизводство.

ε) Впрочем, до какой степени несерьезно относится буржуазия к этим фразам и советам, вытекает из следующего:

Во-первых, современная промышленность, заменяя взрослых детьми, выдает настоящую премию за деторождение.

Во-вторых, крупная промышленность постоянно нуждается в резервной армии незанятых рабочих для периодов чрезмерного производства. Ведь главная цель буржуа по отношению к рабочему вообще заключается в том, чтобы как можно дешевле получить товар труд, что возможно лишь в том случае, если предложение этого товара как можно более превышает спрос на него, т. е. когда оказывается налицо наибольшее перенаселение.

Следовательно, перенаселение соответствует интересам буржуазии, и она подает рабочим благой совет, зная, что он невыполним.

ι) Так как капитал возрастает только тогда, когда он доставляет занятие рабочим, то возрастание капитала включает в себя увеличение численности пролетариата, и, как мы видели, соответственно природе отношения между капиталом и трудом, увеличение численности пролетариата должно происходить относительно еще быстрее.

χ) Между тем вышеупомянутая теория, которая стремится преподнести в качестве закона природы, что население растет быстрее, чем жизненные средства, эта теория тем желаннее для буржуа, что она успокаивает его совесть, вменяет ему жестокосердие в моральную обязанность, превращает общественные явления в явления природы и, наконец, дает ему возможность так же спокойно и бездеятельно созерцать вымирание пролетариата от голода, как любое явление природы, и, с другой стороны, рассматривать нищету пролетариата как его собственную вину и наказывать его за это. Пролетариат, дескать, может разумом обуздать естественный инстинкт и таким образом, посредством нравственного контроля, ограничить закон природы в его вредном развитии.

λ) Применением этой теории можно считать законодательство о бедных. Истребление крыс. Мышьяк. Workhouses*. Пауперизм вообще. Ступальное колесо снова в рамках цивилизации. Варварство появляется вновь, по оно рождается в лоне самой цивилизации и принадлежит ей; поэтому получается варварство, зараженное проказой, варварство как проказа цивилизации. Workhouses — бастилии для рабочих. Отделение жен от мужей.

* — Работные дома. *Ред.*

4) Теперь нам предстоит вкратце упомянуть о тех, которые хотят улучшить положение рабочих путем иного определения заработной платы.

Прудон.

5) Наконец, из замечаний филантропических экономистов о заработной плате следует отметить еще один взгляд.

α) Из других экономистов особенно *Росси* развивал следующие взгляды:

Фабрикант дисконтирует рабочему лишь его долю продукта, потому что рабочий не в состоянии ожидать продажи последнего. Если бы рабочий мог сам содержать себя до продажи продукта, то после этого он, как associe, воспользовался бы своим правом на причитающуюся ему долю, как это происходит между собственно капиталистом и промышленным капиталистом. Следовательно, то, что доля рабочего имеет форму именно заработной платы, является случайностью: это — результат спекуляции, особого акта, совершающегося наряду с процессом производства и вовсе не являющегося его необходимым составным элементом. Заработная плата есть лишь случайная форма современного социального строя. Она не составляет необходимой части капитала. Она не является фактом, необходимым для производства. Она может исчезнуть при другой организации общества.

β) Вся эта премудрость сводится к следующему: если бы рабочие владели достаточным количеством накопленного труда, т. е. достаточным количеством капитала, чтобы не быть вынужденными жить непосредственно продажей своего труда, то форма заработной платы исчезла бы. Это означает: если бы все рабочие были в то же время капиталистами; т. е., следовательно, это значит предполагать и сохранять капитал без противоположности наемного труда, без которой он не может существовать.

γ) Впрочем, это признание следует иметь в виду. Заработная плата не является случайной формой буржуазного производства, а буржуазное производство в целом есть преходящая историческая форма производства. Все его отношения — капитал, как и заработная плата, как и земельная рента, и т. д.—являются преходящими и устранимыми на известной стадии развития.

VII. Рабочие союзы

Одним из моментов в теории народонаселения было ее стремление уменьшить конкуренцию между рабочими. Напротив, союзы рабочих имеют целью *уничтожить* конкуренцию и заменить ее *объединением* рабочих.

Замечания экономистов против союзов правильны:

1) Издержки, которых они требуют от рабочих, в большинстве случаев больше, чем то повышение дохода, которого они хотят добиться. Они не могут долго сопротивляться законам конкуренции. Эти коалиции вызывают появление новых машин, нового разделения труда, перемещение производства из одной местности в другую. Результатом всего этого является понижение заработной платы.

2) Если бы коалициям удалось в одной стране поддерживать цену труда на такой высоте, чтобы прибыль значительно понизилась по сравнению со средней прибылью в других странах или чтобы был задержан рост капитала, то результатом этого явились бы застой и регресс в промышленности, и рабочие были бы разорены вместе со своими предпринимателями. Потому что таково, как мы видели, положение рабочего. Его положение ухудшается скачкообразно, если производительный капитал возрастает, и он наверняка разоряется, если капитал уменьшается или остается неизменным.

3) Все эти возражения буржуазных экономистов, как уже сказано, верны, но они верны лишь с их точки зрения. Если бы в рабочих союзах действительно дело шло только о том, о чем оно, как кажется, и идет, а именно об определении заработной платы, если бы отношение между трудом и капиталом было вечным, то эти коалиции потерпели бы крушение в борьбе с необходимым ходом вещей. Но они являются средством объединения рабочего класса, средством подготовки к ниспровержению всего старого общества с его классовыми противоречиями. И с этой точки зрения правы рабочие, осмеивая мудрых буржуазных наставников, заранее вычисляющих им, каковы будут их потери убитым» и ранеными и денежные затраты в этой гражданской войне. Тот, кто хочет победить врага, не станет обсуждать с ним, во что обойдется война. А то, что рабочие вовсе не так узко смотрят на вещи, экономисты могли бы увидеть даже из того факта, что большую часть коалиций создают наиболее высокооплачиваемые рабочие и что рабочие употребляют все, что они могут выкроить из своей заработной платы, на создание политических и профессиональных ассоциаций и на поддержку этого движения. И если господа буржуа и их экономисты в моменты прилива филантропических чувств столь милостивы, что допускают, чтобы в минимум заработной платы, т. е. жизни, входило некоторое количество чаю или рома, сахару и мяса, то им, наоборот, должно казаться и возмутительным и непонятным, что рабочие включают в этот минимум

некоторые расходы на войну против буржуазии, что они даже получают от своей революционной деятельности величайшее в жизни наслаждение.

VIII. Положительная сторона наемного труда

В заключение мы должны еще обратить внимание на положительную сторону наемного труда.

a) Если говорят о положительной стороне наемного труда, то говорят о положительной стороне капитала, крупной промышленности, свободной конкуренции, мирового рынка, и мне нет надобности разъяснять вам, что без этих производственных отношений не были бы созданы ни средства производства — материальные средства для освобождения пролетариата и основания нового общества, — ни сам пролетариат не достиг бы такого объединения и такой ступени развития, когда он действительно становится способным совершить революцию в старом обществе и революционизировать самого себя. *Уравнивание* заработной платы.

b) Возьмем даже заработную плату в самом предосудительном, что в ней есть, — в том, что моя деятельность становится товаром, в том, что я целиком и полиостью становлюсь объектом продажи.

Во-первых, благодаря этому исчезло все патриархальное, так как лишь торговля, купля и продажа, остается единственной связью, денежное отношение остается единственным отношением между предпринимателями и рабочими.

Во-вторых, ореол святости вообще перестал окружать все отношения старого общества, так как они превратились в чисто денежные отношения.

Точно так же все так называемые высшие виды труда — умственный, художественный и т. д. — превратились в предметы торговли и лишились, таким образом, своего прежнего ореола. Каким огромным прогрессом явилось то, что все полчище священников, врачей, юристов и т. д., следовательно религия, юриспруденция и т. д., стали оцениваться только лишь по их коммерческой стоимости*.

(В-третьих: превратив труд в товар и подчинив его, как таковой, свободной конкуренции, его старались производить по возможности дешевле, т. е. при возможно меньших издержках производства. Благодаря этому для будущей организации общества бесконечно облегчен и упрощен всякий физический труд. — Сделать общие выводы.)

* Здесь в рукописи вписаны следующие слова: «Национальные отношения, классовая борьба, отношения собственности». *Ред.*

В-третьих, вследствие того, что все стало объектом продажи, рабочие констатировали, что все может от них отделяться, отчуждаться, и они впервые стали свободны от подчинения определенному отношению. Преимуществом является то, что рабочий может делать со своими деньгами все, что ему угодно, как в противоположность уплате продуктами, так и в противоположность образу жизни, предписывавшемуся просто принадлежностью к определенному сословию (феодальному).

Написано К. Марксом в конце декабря 1847 г.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Социалистическое хозяйство» в 1924 г. и на языке оригинала в журнале «Unter dem Banner des Marxismus» в 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

* РАБОЧИЙ КЛАСС ФРАНЦИИ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ [384]

Париж. Распайль или Ледрю-Роллен? Социалист или монтаньяр? Вот вопрос, из-за которого партия красной республики раскалывается на два враждебных лагеря[385].

О чем, собственно, идет речь в этом споре?

Обратитесь к газетам монтаньяров, «Réforme», «Révolution», и они вам скажут, что сами не могут разобраться в этом; по их словам, социалисты выдвинули буквально такую же программу непрерывной революции, прогрессивного налога, налога на наследство и организации труда, какую выдвинула Гора; они скажут, что никаких принципиальных разногласий не существует и что весь этот неуместный шум поднят некиими завистниками и честолюбцами, которые злоупотребляют «чистосердечным доверием» народа и из эгоистических соображений возбуждают подозрение против деятелей народной партии.

Обратитесь к газете социалистов «Peuple»[386], и она вам ответит горькими излияниями по поводу невежества пустоголовых монтаньяров, бесконечными юридически-моральноэкономическими трактатами и, наконец, таинственными намеками, что по существу речь идет о новой панацее гражданина Прудона, которая-де скоро обнаружит свое превосходство над старыми социалистическими фразами школы Луи Блана.

Обратитесь, наконец, к рабочим-социалистам, и они вам коротко ответят: «Ce sont des *bourgeois,* les montagnards»[*].

[*] — «Они *буржуа,* эти монтаньяры». *Ред.*

Единственные люди, которые сразу разгадали, в чем тут дело, — это опять-таки рабочие. Они знать ничего не хотят о Горе, так как Гора сплошь состоит из *буржуа.*

Социалистическо-демократическая партия состояла еще до февраля из двух различных фракций: во-первых, из ораторов, депутатов, писателей, адвокатов и т. д. и шедшей за ними довольно значительной массы мелкой буржуазии, которая, собственно, и составляла партию «Réforme»; во-вторых, из массы парижских рабочих, которые никоим образом не были безусловными последователями первых, а наоборот, были их весьма недоверчивыми союзниками, то теснее примыкая к ним, то сильнее от них отдаляясь, смотря по тому, выступали ли деятели «Réforme» более решительно или занимали более колеблющуюся позицию. В последние месяцы существования монархии «Réforme», которая вела в это время полемику с газетой «National», выступала в связи с этим очень решительно, и между нею и рабочими установилась тесная связь.

Поэтому деятели партии «Réforme» вошли во временное правительство также и в качестве представителей пролетариата.

Здесь нет нужды распространяться о том, как, являясь меньшинством во временном правительстве и в силу этого будучи неспособными отстоять интересы рабочих, они только помогали «чистым» республиканцам[387] сдерживать рабочих до тех пор, пока «чистые» республиканцы не организовали вновь государственную власть, ставшую теперь *их* властью, направленной против рабочих; как вождь партии «Réforme», Ледрю-Роллен, находясь под влиянием фраз Ламартина о самопожертвовании и соблазнившись властью, согласился войти в Исполнительную комиссию[388]; как тем самым он расколол и ослабил революционную партию, предоставив часть ее в распоряжение правительства, и таким образом содействовал поражению восстаний в мае и июне; более того, как он сам боролся против них. Обо всем этом нет нужды здесь распространяться. Эти факты еще слишком свежи в памяти.

Короче говоря, после июньского восстания, после падения Исполнительной комиссии и установления неограниченного господства «чистых» республиканцев в лице Кавеньяка, рассеялись все иллюзии партии «Réforme», демократически-социалистической мелкой буржуазии, о дальнейшем развитии республики. Ее толкнули в ряды оппозиции, она вновь стала свободной, вновь выступила в роли оппозиции и возобновила свои старые связи с рабочими.

До тех пор, пока не возникало никаких серьезных вопросов, пока речь шла о разоблачении трусливой, предательской

и реакционной политики Кавеньяка, рабочие могли допускать, чтобы их интересы в печати представлялись «Réforme» и «Révolution sociale et démocratique». Кроме того, «Vraie République»[389] и настоящие рабочие газеты уже были уничтожены осадным положением, тенденциозными процессами и залогами для газет. Точно так же рабочие могли допускать, чтобы Гора представляла их в Национальном собрании. Распайль, Барбес, Альбер были арестованы, Луи Блан и Коссидьер вынуждены были бежать. Часть клубов была закрыта, другие находились под строгим надзором, а старые законы против свободы слова существовали и продолжают существовать до настоящего времени. Газеты ежедневно приводили достаточно примеров, показывающих, как эти законы используются против рабочих. Рабочие, лишенные возможности говорить устами своих собственных представителей, вынуждены были вновь довольствоваться теми, кто представлял их до февраля, — радикальной мелкой буржуазией и ее ораторами.

Но вот возник вопрос о выборе президента. Налицо имеются три кандидата: Кавеньяк, Луи-Наполеон, Ледрю-Роллен. О Кавеньяке у рабочих не могло быть и речи, Человек, который в июне расстреливал их картечью и осыпал зажигательными ракетами, мог рассчитывать только на их ненависть. Луи Бонапарт? За него они могли голосовать только в насмешку, чтобы сегодня голосованием вознести его, а завтра силой оружия опять свергнуть его, а с ним и добропорядочную, «чистую» буржуазную республику. И, наконец, Ледрю-Роллен, который отрекомендовался рабочим как единственный красный, социалистическо-демократический кандидат.

Итак, после опыта временного правительства после 15 мая и 24 июня, от рабочих требовали, чтобы они вновь вынесли вотум доверия радикальной мелкой буржуазии и Ледрю-Роллену? Тем самым людям, которые 25 февраля, когда вооруженный пролетариат господствовал в Париже, когда можно было достигнуть всего, выступали только с высокопарными успокоительными фразами вместо революционных дел, занимались обещаниями и увещеваниями вместо быстрых и решительных мер, тем людям, у которых вместо энергии 93 года были лишь знамя, фразы и наименования 93 года? Тем самым людям, которые вместе с Ламартином и Маррастом взывали: прежде всего надо *успокоить буржуазию,* и которые поэтому забыли, что нужно двигать революцию дальше? Тем самым людям, которые 15 мая оставались в нерешительности и по распоряжению которых 23 июня были доставлены артиллерия из Венсенна и батальоны из Орлеана и Буржа?

И все же народ, быть может, и голосовал бы за Ледрю-Роллена, чтобы голоса не раскололись. Но тут Ледрю-Роллен выступил 25 ноября с речью против Кавеньяка, в которой снова стал на сторону победителей и упрекал Кавеньяка, что тот недостаточно энергично действовал против революции, что у него не было наготове еще больше батальонов против рабочих.

Эта речь окончательно уничтожила всякое доверие рабочих к Ледрю-Роллену. Даже теперь, через пять месяцев после того, как он, можно сказать, испытал на собственной шкуре все последствия июньских боев, даже теперь он все еще выступает против побежденных на стороне победителей и гордится тем, что требовал больше батальонов против инсургентов, чем смог выставить Кавеньяк!

И этот человек, который сожалеет о том, что июньское восстание было недостаточно быстро подавлено, хочет быть вождем партии, которая явилась наследницей погибших июньских бойцов?

После этой речи кандидатура Ледрю-Роллена была обречена на провал среди парижских рабочих. В Париже победила кандидатура его соперника Распайля, выдвинутая еще ранее и пользовавшаяся симпатиями рабочих. Если бы голосование Парижа было решающим, Распайль был бы теперь президентом республики.

Рабочие прекрасно знают, что Ледрю-Роллен еще не сошел со сцены, что он еще может и будет приносить большую пользу радикальной партии. Но он потерял доверие рабочих. За его слабость, мелкое тщеславие, увлечение высокопарными фразами, благодаря чему даже Ламартин подчинял его себе, за все это должны были расплачиваться *они,* рабочие. Никакая польза, которую он может принести в будущем, не в силах изгладить этого из памяти рабочих. Рабочие всегда будут знать, что, если Ледрю-Роллен снова станет действовать энергично, его энергия будет лишь энергией вооруженных рабочих, которые, стоя позади пего, будут его подталкивать.

Вотум недоверия, вынесенный рабочими Ледрю-Роллену, является одновременно вотумом недоверия всей радикальной мелкой буржуазии. Нерешительность, склонность к избитым фразам о devoument* и т. д., забвение революционных действий ради революционных реминисценций —вот качества, характеризующие Ледрю-Роллена и тот класс, который он представляет.

* — самопожертвовании. *Ред.*

Радикальные мелкие буржуа только потому настроены в социалистическом духе, что они ясно видят свою предстоящую гибель, свой переход в ряды пролетариата. Не как мелкие буржуа, владельцы небольшого капитала, а как будущие пролетарии мечтают они об организации труда и о перевороте в отношениях между капиталом и трудом. Дайте им политическую власть, и они скоро забудут об организации труда. Ведь политическая власть, по крайней мере в опьянении первых дней, дает им виды на приобретение капитала, на спасение от угрожающей гибели. Только когда вооруженные пролетарии будут стоять за ними со штыками наперевес, только тогда вспомнят они о своих вчерашних союзниках. Так поступили они в феврале и марте, и Ледрю-Роллен, их вождь, был первым, кто действовал подобным образом. Если сейчас их иллюзии рассеялись, то разве это может изменить отношение рабочих к ним? Если они возвращаются, готовые к раскаянию, то имеют ли они право требовать, чтобы рабочие сейчас, при совершенно иных условиях, опять попались в ловушку?

Что рабочие этого не сделают, что они знают, как им относиться к радикальной мелкой буржуазии, — это они дали ей понять, голосуя не за Ледрю-Роллена, а за Распайля.

Но Распайль — каковы же, собственно, его заслуги перед рабочими? Как можно противопоставлять *его* Ледрю-Роллену как социалиста par excellence*?

Народ прекрасно знает, что Распайль не является официальным социалистом и изобретателем систем. Народ вовсе не хочет официальных социалистов и изобретателей систем, они ему достаточно надоели. В противном случае его кандидатом был бы гражданин Пру дон, а не пылкий Распайль.

Но у народа хорошая память, и он далеко не так неблагодарен, как по скромности своей любят говорить непризнанные вожди реакционеров. Народ прекрасно помнит, что Распайль был первым, кто бросил упрек временному правительству в бездеятельности и в том, что оно занимается только болтовней о республике. Народ не забыл еще «Ami du Peuple»[390] par le citoyen Raspail**. Распайль первый проявил мужество — а для этого действительно требовалось мужество, — выступив по-революционному против временного правительства; кроме того, Распайль вовсе не является представителем какого-либо определенного социалистического couleur***, а борется лишь за

* — по преимуществу. *Ред.*
** — «Друга народа» гражданина Распайля. *Ред.*
*** — оттенка, направления. *Ред.*

социальную *революцию.* Вот почему народные массы Парижа голосуют за Распайля.

Речь идет вовсе не о нескольких мелочных мероприятиях Горы, которые, как она самым торжественным образом провозгласила в манифесте, несут спасение миру. Речь идет о социальной революции, которая даст французам совершенно иные результаты, чем эти бессвязные, уже ставшие шаблонными фразы. Речь идет об энергии, необходимой для осуществления этой революции. Вопрос в том, найдется ли у мелкой буржуазии эта энергия после того, как она уже однажды проявила свое бессилие. И пролетариат Парижа, голосуя за Распайля, отвечает: *нет!*

Этим и объясняется недоумение «Reforme» и «Revolution» по поводу того, что с их фразами соглашаются, но все же не голосуют за Ледрю-Роллена, который провозглашает эти фразы. Эти почтенные газеты, которые считают себя газетами рабочих и все же теперь более, чем когда-либо раньше, являются газетами мелкой буржуазии, не в состоянии, разумеется, понять, что то самое требование, которое в устах рабочих является революционным, в *их* устах — пустая фраза. В противном случае они должны были бы отказаться от своих собственных иллюзий!

А гражданин Прудон и его «Peuple»? Об этом завтра.

Написано Ф. Энгельсом в начале декабря 1848 г.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 7, 1935

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 3, 1940 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

*ПРУДОН

Париж. Вчера мы писали о монтаньярах и социалистах, о кандидатуре Ледрю-Роллена и кандидатуре Распайля, о «Réforme» и о «Peuple» гражданина Прудона. Мы обещали вернуться к Прудону.

Кто такой гражданин Прудон?

Гражданин Прудон — бургундский крестьянин, который переменил много профессий и занимался изучением различных наук. Впервые он привлек к себе внимание публики появившимся в 1840 г. памфлетом: «Что такое собственность?»[391]. Ответ гласил: «Собственность — это кража».

Этот неожиданный вывод поразил французов. Правительство Луи-Филиппа, суровый Гизо, которому чуждо чувство юмора, оказались настолько ограниченными, что посадили Прудона на скамью подсудимых. Но напрасно. Можно было предвидеть, что за такой пикантный парадокс он будет оправдан любым французским судом присяжных. Так оно и случилось. Правительство осрамилось, а Прудон стал знаменитым человеком.

Что касается самой книги, то вся она была в духе приведенного выше вывода. Каждая глава представляла собой удивительный парадокс в такой форме, какой французам еще не приходилось встречать.

В остальном книга состоит частью из морально-юридических, частью из морально-экономических рассуждений. Каждое из них имеет целью доказать, что собственность основана на противоречии. Что касается юридических доводов, то с ними можно согласиться, поскольку нет ничего более легкого, чем

доказать, что вся юриспруденция вообще основана на сплошных противоречиях. Что же касается экономических рассуждений, то они содержат мало нового, а то новое, что в них есть, основано на ложных вычислениях. Тройное правило всюду злостно нарушается.

Однако французы в этой книге не разобрались. Юристы находили ее слишком экономической, экономисты — слишком юридической, и те и другие — слишком морализирующей. Apres tout,—заявили они наконец,—c'est un ouvrage remarquable*.

Но Прудон стремился к еще большему триумфу. После ряда мелких статей, прошедших незамеченными, в 1846 г. вышла, наконец, его «Философия нищеты»[392] в двух огромных томах. В этом произведении, которое должно было увековечить его имя, Прудон применил грубо искаженный философский метод Гегеля для обоснования какой-то странной и совершенно неправильной системы политической экономии и попытался путем всевозможных трансцендентальных фокусов обосновать новую социалистическую систему свободной рабочей ассоциации. Эта система была столь нова, что под названием «Equitable Labour Exchange Bazaars or Offices»[393] она уже успела десяток лет тому назад десяток раз обанкротиться в десятке различных городов Англии.

Это тяжеловесное, пухлое псевдонаучное произведение, в котором были брошены самые грубые упреки не только всем предшествующим экономистам, но и всем предшествующим социалистам, не произвело на легкомысленных французов абсолютно никакого впечатления. Такой манеры изложения и рассуждения им еще не приходилось встречать, и она гораздо менее соответствовала их вкусам, чем курьезные парадоксы предыдущего произведения Прудона. Подобных парадоксов и здесь нашлось немало (так, например, Прудон совершенно серьезно объявил себя «личным врагом Иеговы»[394]), но они погребены под спудом мнимодиалектических рассуждений. Французы опять заявили: «c'est un ouvrage remarquable», и отложили его в сторону. В Германии это произведение было принято, разумеется, с большим почтением.

Маркс выпустил тогда свой столь же остроумный, сколь и основательный труд против Прудона (Карл Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». Брюссель и Париж, 1847[395]) — труд, в тысячу раз более французский по складу мыслей и языку, нежели претенциозная нелепость Прудона.

* — Все же это замечательнее произведение. *Ред.*

Что касается критики существующих общественных отношений, содержащейся в обоих произведениях Прудона, то, прочтя эти произведения, можно со спокойной совестью сказать, что она равна нулю.

Что касается проектов Прудона относительно социального преобразования, то, как уже было сказано, они имеют лишь то преимущество, что уже много лет тому назад блестяще проявили себя в Англии в виде многочисленных банкротств.

Таков был Прудон до революции. В то время как он еще пытался издавать ежедневную газету «Representant du Peuple» без капитала, но с помощью вычислений, которые не уступают вычислениям, игнорирующим тройное правило, парижские рабочие восстали, прогнали Луи-Филиппа и учредили республику.

Благодаря республике Прудон стал сперва «гражданином»; благодаря голосованию парижских рабочих, веривших в его честное имя социалиста, он стал затем народным представителем.

Таким образом, революция вытолкнула гражданина Прудона из области теории в область практики, из его берлоги на форум. Как вел себя этот упрямый, надменный самоучка, который с одинаковым презрением относился ко всем существовавшим до него авторитетам — юристам, академикам, экономистам и социалистам, который объявил всю предшествующую историю нелепостью, а себя самого, так сказать, новым мессией, — как проявил он себя, когда он сам должен был помогать творить историю?

Надо сказать к его чести, что он начал с того, что занял место на крайней левой среди тех самых социалистов и голосовал вместе с теми же самыми социалистами, которых он так глубоко презирал и на которых так резко нападал, называя невеждами и высокомерными глупцами.

Правда, говорят, что на собраниях партии Горы он с новым пылом возобновил свои старые резкие нападки на прежних противников, что он их всех вместе и каждого в отдельности объявил невеждами и фразерами, которые не знают даже азбучных основ того, о чем говорят.

Мы охотно верим этому. Мы охотно верим даже тому, что изложенные с сухой страстностью и самонадеянностью доктринера экономические парадоксы Прудона приводят в немалое замешательство господ монтаньяров. Очень немногие из них являются экономистами-теоретиками, и они в большей или меньшей степени полагаются на маленького Луи Блана; а маленький Луи Блан, хотя он и гораздо более серьезный писатель, нежели непогрешимый Прудон, все же обладает слишком

интуитивным мышлением, чтобы справиться с претенциозными псевдонаучными экономическими положениями Прудона, с его причудливой трансцендентальностью и мнимо-математической логикой. К тому же Луи Блан вскоре был вынужден бежать из Франции, а его паства, беспомощная в области политической экономии, оказалась без защиты и попала в свирепые когти волка-Прудона.

Пожалуй, нет необходимости повторять, что Прудон, несмотря на все эти триумфы, все же остается в высшей степени слабым экономистом. Однако его слабые стороны относятся как раз к той области, в которой несведуще большинство французских социалистов.

Самого большого триумфа, который был им когда-либо пережит, Прудон добился на трибуне Национального собрания. Не помню уж, по какому поводу он взял слово и вызвал озлобление буржуазии в Собрании тем, что в течение полутора часов изливал непрерывный поток чисто прудоновских парадоксов, один сумасброднее другого, причем каждый был рассчитан на то, чтобы грубейшим образом оскорбить самые святые и самые заветные чувства слушателей. И все это преподносилось со свойственным ему сухим педантическим равнодушием, на невыразительном, педантическом бургундском диалекте, самым холодным и невозмутимым тоном в мире. Эффект — виттова пляска взбешенных буржуа — был действительно недурен[396].

Но это был апогей общественной деятельности Прудона. Тем временем он продолжал через свою газету «Représentant du Peuple», которая после горьких опытов с тройным правилом была с трудом создана и вскоре превращена просто в «Peuple», а также в рабочих клубах пропагандировать свою теорию, призванную осчастливить мир. И все это не без успеха. «On ne le comprend pas», — говорили рабочие, — «mais c'est un homme remarquable»[*].

Написано Ф. Энгельсом в начале декабря 1848 г.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 7, 1935

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Большевик» № 14, 1940 г.

[*] — Его не понять, но это замечательный человек. *Ред.*

ДОПОЛНЕНИЕ

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО ЭТЬЕННУ КАБЕ. — ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАРИЖЕ [397]

Гражданин Кабе!

Обращаемся к Вам с просьбой поместить прилагаемое заявление в ближайшем номере «Populaire». Дело идет о том, чтобы не возлагать на коммунистическую партию ответственности за предприятие и образ действий, которые уже успели пробудить среди части немецкой нации старые национальные и реакционные предрассудки против французского народа. Союз немецких рабочих, объединение различных рабочих обществ во всех странах Европы, в которое входят также гг. Гарни и Джонс, вожди английских чартистов, целиком состоит из коммунистов и открыто объявляет себя коммунистическим; так называемое Немецкое демократическое общество в Париже по самой своей сути является антикоммунистическим, поскольку оно заявляет, что не признает антагонизма и борьбы между классом пролетариев и классом буржуазии. Таким образом, речь идет о выступлении, о заявлении в интересах коммунистической партии, и это позволяет нам рассчитывать на Вашу любезность. (Эта записка является конфиденциальной.) Привет и братство

Фридрих Энгельс

Карл Маркс

Нижеподписавшийся комитет считает своим долгом заявить различным ответвлениям *Союза немецких рабочих* в разных странах Европы, что он никоим образом не причастен к действиям, объявлениям и воззваниям, имеющим целью просить

у французских граждан обмундирования, денег и оружия. В Париже *Клуб немецких рабочих* является единственной организацией, поддерживающей связь с *Союзом,* и он не имеет ничего общего с обществом, которое называет себя *Обществом немецких демократов* в Париже и возглавляется гг. Гервегом и фон Борнштедтом.

Центральный Комитет Союза немецких рабочих

(Подписи) ***К. Маркс. К. Шаппер. Г. Бауэр.***

Ф. Энгельс. И. Молль. В. Вольф.

Написано в конце марта 1848 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАРЛ МАРКС

Кёльн, 14 ноября. Когда стало известно, что главный редактор «Neue Rheinische Zeitung», **Карл Маркс,** получил предписание явиться сегодня утром к судебному следователю, во дворе апелляционного суда собралась внушительная масса народа, чтобы выразить свое участие и дождаться результатов. При выходе от следователя Карла Маркса приветствовали громкими возгласами одобрения и проводили до зала Эйзера, где Маркс выразил в нескольких словах благодарность народу за сочувствие и объяснил, что он был вызван только в связи с *окончанием допроса* по делу *Геккера.* Дело в том, что бывший государственный прокурор, а ныне обер-прокурор г-н Геккер считает, что, поместив в «Neue Rheinische Zeitung» документ, подписанный *«Геккер»*[398], Карл Маркс клеветнически объявил его республиканцем.

Напечатано е «Neue Rheinische Zeitung» № 143, 15 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ПРОШЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА
О РАЗРЕШЕНИИ ПРЕБЫВАНИЯ ЕГО В г. БЕРНЕ

(ЧЕРНОВИК)

В СУДЕБНО-ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАНТОНА БЕРН

Позволю себе, согласно указанию паспортного бюро, обратиться с просьбой разрешить мне пребывание в Берне[399].

Я жил в Кёльне (Рейнская Пруссия), занимаясь литературной деятельностью, пока в результате беспорядков, происшедших в этом городе 25 и 26 сентября настоящего года, не оказался привлеченным к начавшемуся судебному следствию[*], причем мне угрожал арест. Этого ареста я избежал только благодаря бегству. Спустя несколько дней был разослан приказ о моем аресте («Kolnische Zeitung» от 1, 2 или 3 октября)[400], чем устанавливается моя принадлежность к политическим эмигрантам. Если потребуется, я могу доставить в Управление копию этого приказа.

Прибыв в Швейцарию, я предпочел гостеприимство кантона и города Берна гостеприимству какого-либо другого города по следующим причинам:

1) Берн расположен достаточно далеко от немецкой границы, что лишает немецкие власти всякого повода утруждать швейцарское правительство претензиями и утверждениями, будто я злоупотребляю правом убежища и подготовляю беспорядки[**].

2) Берн именно теперь дает мне возможность на примере швейцарского Федерального собрания изучать практическое применение конституции, из чего Германия могла бы во всяком случае многое почерпнуть для себя, особенно в момент,

[*] Далее в рукописи перечеркнуто: «против меня по обвинению в призыве к мятежу и т. д. и т. д.». *Ред.*
[**] Далее в рукописи перечеркнуто; «призываю к восстанию против немецкого правительства и т. д.». *Ред.*

когда немецкий народ может оказаться в таком положении, что введет у себя в той или иной море сходную конституцию.

Я надеюсь, что мое изгнание будет не очень продолжительным, ибо, не говоря уже о том, что вряд ли можно рассчитывать на устойчивость теперешнего положения вещей в Пруссии, я имею все основания ожидать оправдательного приговора со стороны кёльнских присяжных. Бегство мое преследовало главным образом цель избежать длительного предварительного заключения. Поэтому я рассчитываю уже будущей весной вернуться в свое отечество.

Что касается средств к существованию, то я ими вполне обеспечен и в случае надобности могу доказать это.

Прилагаю также, согласно указанию паспортного бюро, паспорт, выданный по моей просьбе французским временным правительством, когда я в: апреле настоящего года возвращался из Парижа на родину, и присланный мне сюда из Кёльна.

Пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Управление в моем полном уважении.

Берн, Постгассе № 43. В. у г-на Геберли.

15 ноября 1848 г.

Фридрих Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г., и на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 7, 1935

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ДЕПУТАЦИЯ К ОБЕР-ПРОКУРОРУ ЦВЕЙФЕЛЮ

Кёльн, 22 ноября. Вчера гг. Карл Маркс, Карл Шаппер и Шнейдер II должны были явиться к судебному следователю по делу о воззвании Рейнского окружного комитета демократов (см. «Neue Rheinische Zeitung» № 147)*. Ходили слухи о том, что власти намереваются подвергнуть вызванных в суд немедленному аресту. Какими бы невероятными ни казались эти слухи многим юристам, Народный комитет[401] все же решил направить депутацию к г-ну обер-прокурору Цвейфелю, чтобы выяснить положение. Последний, как и следовало ожидать, заявил делегации, что никакого приказа об аресте вызванных в суд не отдано и что такой приказ может последовать лишь в том случае, если воззвание повлечет за собой мятеж; ибо тогда предусмотренный статьями 209 и 217[402] *проступок* вызванных в суд лиц (проступок, подлежащий пока только рассмотрению суда исправительной полиции) может стать *преступлением.*

Впрочем, депутация, в противовес мнению г-на обер-прокурора, будто на основании упомянутых статей закона *должен* был последовать вызов в суд, заявила, что в настоящее время, когда берлинское Национальное собрание является единственной законной властью в Пруссии, прежде всего следует принять немедленные меры против тех чиновников и учреждений, которые насильственно противодействуют постановлениям Национального собрания или призывают к такому противодействию, как это недавно имело место со стороны обер-президента Эйхмана в Кобленце**.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 150, 23 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том. стр. 33. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 30—32. *Ред.*

СООБЩЕНИЕ О ДОПРОСЕ МАРКСА, ШАППЕРА И ШНЕЙДЕРА II СУДЕБНЫМ СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Кёльн 25 ноября. При допросе судебным следователем Маркса, Шаппера и Шнейдера II по делу о втором воззвании Рейнского окружного комитета демократов* заявление обвиняемых о том, что это воззвание было составлено и подписано ими, было занесено в протокол, на чем следствие было закончено. Никто из обвиняемых не был арестован. Это сообщение должно послужить ответом на различные письма, полученные Окружным комитетом.

Напечатано во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 153, 26 ноября 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том, стр. 33. *Ред.*

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 5 декабря. Несколько дней тому назад главный редактор *«Neue Rheinische Zeitung» Карл Маркс* был снова вызван к судебному следователю. Четыре статьи «Neue Rheinische Zeitung» побудили центральную власть предъявить обвинение в клевете: 1) «Шнапганский», 2) статья из Бреславля о Лихновском, 3) статья, в которой идет речь о *«фальсифицированном»* отчете некоего «комического Штедмана» и 4) опубликование принятого в зале Эйзера «заявления об измене народу», направленного против франкфуртского большинства в связи с шлезвиг-гольштейнским вопросом[403].

«Neue Rheinische Zeitung» с нетерпением ожидает дальнейших обвинений в клевете, исходящих из Берлина, Петербурга, Вены, Брюсселя и Неаполя.

20 декабря будет слушаться первый процесс «Neue Rheinische Zeitung» contra* прокуратуры и жандармов[404].

До сих пор мы не слышали, чтобы какой-либо рейнский прокурор применил какую-либо статью Code penal** ко всем рейнским властям, совершающим явные грубые беззакония.

«Distinguendum est!» «Il faut distinguer»*** — таков девиз храброй рейнской прокуратуры.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 161, 6 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* против. *Ред.*
** — Уголовного кодекса. *Ред.*
*** — «Следует различать». *Ред.*

МАНДАТ ЛОЗАННСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА Ф. ЭНГЕЛЬСУ

Брат!

Ввиду невозможности послать делегата, поручаем тебе быть нашим представителем на рабочем конгрессе в Берне[405]. Как старый борец за интересы пролетариата, ты, конечно, и здесь выполнишь свою задачу, хотя на этот раз тебе не придется иметь дело с буржуа и прочими торгашами; ведь это настоящие пролетарии, вместе с которыми и для которых ты должен действовать. Итак, мы кратко сообщаем тебе наши пожелания относительно центрального союза.

1) Целью объединенных союзов должно быть:

a) Основание центрального союза и центральной кассы.

b) *Социальное* и политическое воспитание рабочих.

c) Установление связи с немецким Рабочим комитетом в Лейпциге[406], чтобы укрепить союз, главным образом, между рабочими.

2) Обязанностью избранного центрального союза должно быть:

a) Установить связь с Рабочим комитетом в Лейпциге.

b) С целью облегчения переписки распространять главным образом газету («Verbruderung»[407]), которую издает Центральный комитет.

c) Ведать центральной кассой и представлять отчет об этом каждые полгода.

d) Немедленно сообщать обо всех значительных событиях братским союзам.

3) Взаимные обязанности братских союзов и обязанности по отношению к центральному союзу:

a) Каждый член ежемесячно платит взнос не более одного батца*, в то же время обе стороны постоянно обмениваются неоплаченными письмами.

b) Каждый филиал союза должен снабжать своих членов билетами.

c) Каждый член союза, у которого есть билет, имеет право вступления в каждый союз, но билет должен быть подписан председателем последнего союза, членом которого этот человек состоял.

Что касается нашего выбора, то мы, как и прежде, считаем бернский союз самым подходящим. В случае, если будет обсуждаться наш последний циркуляр, то он был лишь результатом того, что мы уже этим летом признали бернский союз центральным союзом, но, ввиду отсутствия всякой информации относительно положения вещей, мы созвали здесь собрание, которое выпустило вышеупомянутый циркуляр. Еженедельный взнос в $^{1}/_{2}$ батца мы отвергли потому, что из-за этого уменьшилось бы число членов, и потому доходы не могли бы быть намного более значительными.

От имени 41 члена Союза привет и рукопожатие

Лозанна, 8 декабря 1848 г.

Г. Шнебергер

Бангерт Хр. Хааф

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. 1, Bd. 7, 1935

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — швейцарская монета. *Ред.*

ИЗВЕЩЕНИЕ О ПОДПИСКЕ НА «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» НА ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 1849 г.

Заказы на «Neue Rheinische Zeitung» на следующий квартал, январь — март 1849 г., рекомендуется посылать в ближайшее время, а именно, **кёльнские** — в экспедицию газеты (улица Унтер-Хутмахер, д. № 17); **иногородние —** во все почтовые отделения Германии.

Для Франции подписку принимают: г-н *Ж. А. Александр,* Брандгассе № 28 в *Страсбурге* и улица Нотр Дам де Назарет № 23 в *Париже,* а также королевский главный почтамт в *Ахене;* для Англии — гг. ***И. И.*** *Юэр и* K^{0}, Ньюгейт-стрит № 72 в *Лондоне;* для Бельгии и Голландии — соответствующие королевские почтовые отделения и почтовое бюро в *Льеже*[*].

Благодаря упразднению штемпельных сборов подписная плата понижена и составляет отныне для *Кёльна* **только 1** *талер 7 зильбергрошей* 6 *пфеннигов,* а во всех прусских почтовых отделениях (включая почтовые расходы) — **только 1** *талер* **17** *зильбергрошей* за квартал; для подписчиков в остальной Германии к этому прибавляется соответствующий почтовый сбор.

В составе редакции не произошло никаких изменений.

Вышедшие до сих пор номера «Neue Rheinische Zeitung» за прошлые месяцы являются ее программой. Благодаря своим личным связям с руководителями демократической партии в Англии, Франции, Италии, Бельгии и Северной Америке, редакция имеет возможность давать своим читателям более

[*] В №№ 176—195 «Neue Rheinische Zeitung» этот абзац дан в несколько измененном виде. *Ред.*

правильное и ясное представление о социально-политическом движении за границей, чем какая-либо другая газета. В этом отношении «Neue Rheinische Zeitung» является органом не только немецкой, но и европейской демократии.

Газетные объявления: четырехполосная строка петита или соответствующее ей место — 1 зильбергрош 6 пфеннигов.

Всякого рода объявления получают очень широкое распространение, благодаря обширным связям нашей газеты.

Ответственные издатели «Neue Rheinische Zeitung»

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 172— 195, 19 декабря 1848 г. — 14 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПРОТИВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» ОТЛОЖЕН

Кёльн, 20 декабря. Процесс, затеянный против «Neue Rheinische Zeitung», должен был сегодня разбираться в суде присяжных. Обвиняемые — г-н д-р *Маркс,* главный редактор, г-н *Корф,* ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung», и г-н *Энгельс.* Последний отсутствовал. Они обвинялись в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля и в клевете на жандармов. Процесс был отложен ввиду несоблюдения одного из правил судопроизводства[408].

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 174, 21 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ДРИГАЛЬСКОГО ПРОТИВ « NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 21 декабря. Сегодня д-р *Маркс* был снова вызван к судебному следователю в связи с обвинением в мнимой клевете на «гражданина и коммуниста» г-на *Дригальского*[*]. Какой это по счету новый процесс против «Neue Rheinische Zeitung», — установить трудно ввиду обилия этих процессов.

Все же мы сожалеем, что г-н Дригальский оказался столь неблагодарным по отношению к нам. Ведь только нашим статьям о нем обязан он тем, что на его долю выпала хоть крупица европейской известности. Какая черная неблагодарность, г-н «гражданин и коммунист» *Дригальский!!* Вот признак испорченности нравов в наше время — даже королевско-прусско-коммунистическому сердцу чуждо чувство признательности за оказанные услуги.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 175, 22 декабря 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] См. настоящий том, стр. 58—63. *Ред.*

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА ОТ 15 ЯНВАРЯ 1849 г.

После прочтения и утверждения протокола предыдущего заседания председательствующий Рёзер спрашивает, присутствует ли редактор гражданин Принц, и после ответа, что последний уже ушел, говорит, что его нужно привлечь к ответственности как работника союза в связи с его поведением за последнее время и предпринятыми им изменениями в газете без уведомления о том союза...

Граждане Маркс и Шаппер вносят поддержанное многими предложение, чтобы наряду с гражданином Принцем, как редактором официального органа союза[409], была создана редакционная комиссия, которая должна следить за тем, чтобы этот орган действительно представлял интересы союза и редактировался в духе нашей партии.

Предложение принимается, и в эту редакционную комиссию назначаются граждане Шаппер, Рёзер и Рейф.

Гражданин Вестерман зачитывает присланное из Брюсселя «Заявление» д-ра Готшалька[410] и говорит, что не может согласиться с действиями последнего.

Гражданин Маркс вносит поддержанное Шаппером предложение не рассматривать сейчас этот вопрос, так как сделанное заявление слишком сомнительно и неясно, чтобы сделать из него определенный вывод; для того же, чтобы выяснить этот вопрос, следует назначить комиссию, которая отметит места, кажущиеся ей неясными, и обратится к д-ру Готшальку с письмом, требуя объяснения и разъяснения по этому поводу.

Это предложение встречает общее одобрение; в комиссию предложены и избраны граждане: д-р Маркс, Аннеке, Шаппер, Рёзер и Эссер...

Гражданин Аннеке предлагает обсудить на будущих заседаниях вопрос о выборах, которые должны состояться в скором времени[411].

Гражданин Шаппер полагает, что если бы это произошло месяц тому назад, мы могли бы, быть может, добиться чего-нибудь существенного, как особая партия, но теперь уже слишком поздно, так как мы еще совсем не организованы, и Рабочий союз не смог бы провести выдвинутых им своих собственных кандидатов.

Гражданин Маркс также того мнения, что Рабочий союз как таковой теперь не сможет провести своих кандидатов, и в данный момент дело заключается не в том, чтобы добиться чего-нибудь принципиально существенного, а в том, чтобы выступить против правительства, против абсолютизма, против господства феодалов; но на это способны и простые демократы, так называемые либералы, которые также отнюдь не довольны существующим правительством. Надо брать положение таким, каково оно есть. Так как в настоящий момент важно создать возможно более сильную оппозицию существующему абсолютистскому строю, то уже здравый смысл подсказывает: если ясно, что невозможно отстоять на выборах свои собственные принципиальные взгляды, то следует объединиться с другой партией, которая также находится в оппозиции, чтобы не допустить победы нашего общего врага, абсолютной королевской власти.

После этого было решено принять участие в общих комитетах по выборам, которые должны быть созданы в этом городе после разделения на избирательные округа, и там отстаивать общие демократические принципы.

Для установления более тесной связи между рабочими и демократами назначаются граждане Шаппер и Рёзер, которые должны принимать участие в заседаниях комиссии Демократического общества и делать об этом сообщения на заседании настоящего комитета...

Напечатано в газете «Freiheit, Arbeit»
№ 3, 21 января 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 8 февраля. Как мы уже сообщили в некоторых экземплярах вчерашнего номера нашей газеты, суд присяжных рассмотрел на вчерашнем заседании обвинение против главного редактора *Маркса,* редактора *Энгельса* и ответственного издателя «Neue Rheinische Zeitung» по поводу статьи, помеченной; «Кёльн, 4 июля» (в номере от 5 июля 1848 г.)[412]. Эта статья, в которой шла речь об аресте г-на Аннеке, послужила поводом к обвинению в клевете на жандармов, производивших арест (статья 367 Code pénal[*]), и в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля (статья 222 Code pénal). После непродолжительного совещания суд присяжных *оправдал* всех обвиняемых.

Этот процесс, самый первый из многих возбужденных против «Neue Rheinische Zeitung» процессов, важен тем, что вышеупомянутые статьи 222 и 367 (в связи со статьей 370) на этот раз истолкованы и применены в приговоре суда присяжных совершенно иначе, чем это практиковалось до сих пор в рейнских судах исправительной полиции. Однако, если не считать статей, карающих за прямой призыв к гражданской войне или к мятежу, статьи 222 и 367 являются единственными, которые изобретательной рейнской прокуратуре удалось до сих пор применить к печати. Оправдательный приговор суда присяжных является, таким образом, новой гарантией свободы печати в Рейнской Пруссии.

[*] — Уголовного кодекса. *Ред.*

Мы сообщим нашим читателям сокращенный отчет о заседаниях суда[413], как только это будет возможно.

Сегодня *Маркс* снова предстал перед судом присяжных вместе с *Шнейдером,* депутатом от Кёльна, и *Шаппером* по делу о призыве **к отказу от уплаты налогов,** который они опубликовали в качестве членов Окружного комитета демократов*.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 217, 9 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том, стр. 33. *Ред.*

ДВА ПРОЦЕССА
«NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 8 февраля. Вчера и сегодня в нашем суде присяжных снова состоялись два процесса по делам печати — против Маркса, главного редактора «Neue Rheinische Zeitung», Энгельса и Шаппера, сотрудников этой газеты, а сегодня против Маркса, Шаппера и адвоката Шнейдера II, которые обвиняются в том, что они возбуждали народ против правительства в связи с отказом от уплаты налогов. Наблюдалось необычайное скопление народа. На обоих процессах обвиняемые защищали себя сами и стремились доказать неосновательность обвинения; это им удалось в такой степени, что присяжные вынесли в обоих случаях приговор *те виновны».*

В политических процессах правительству решительно не везет с судом присяжных. Гораздо хуже может быть судьба нескольких офицеров здешнего гарнизона, которые принимали участие в народном движении в сентябре прошлого года, а когда оно кончилось неудачей, бежали через границу в Бельгию; теперь они снова явились и ждут решения по своему делу, которое уже начало разбираться[414].

Напечатано в «Deutsche Londoner Zeitung» № 203, 16 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ БАНКЕТ

Мюльгейм-на-Рейне, 11 февраля (задержано доставкой).

Сегодня здесь состоялся организованный Рабочим союзом демократический банкет. Были приглашены члены кёльнского Рабочего союза и Демократического общества. Музыка и пение сменялись тостами, которые сопровождались продолжительными речами.

Председатель местного Рабочего союза *Бенгель* остановился в своем обширном докладе на связи между настоящим и прошлым. *Лукас* провозгласил тост в честь гостей, особенно в честь людей, которые, подобно присутствующему на банкете главному редактору «Neue Rheinische Zeitung» *Карлу Марксу,* задолго до февральской революции словом и делом отстаивали права рабочего класса. *Шаппер* предложил здравицу за «демократическую республику». *Карл Маркс* говорил об участии немецких рабочих в борьбе во Франции, Англии, Бельгии и Швейцарии. Он предложил тост за *Гладбаха,* одного из немногих депутатов соглашательного собрания, которые действительно представляют интересы народа. *Фридрих Энгельс* посвятил свой тост венграм и Кошуту. *Отт* из Воррингена говорил о конституционном либерализме, об аристократии и демократии, а *Фишбах* — о нищете народных масс и о мерах ее устранения. *Гладбах* в своем выступлении охарактеризовал подвергшееся роспуску Национальное собрание и в энергичных выражениях критиковал его слабость, нерешительность и отсутствие у него революционного духа. Наконец, *Краэ* говорил

о лозунгах февральской революции: «свобода, равенство, братство».

Этот *первый* демократический банкет в Рейнской провинции произвел такое благоприятное впечатление, что он, бесспорно, явится примером для подражания.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 225, 18 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

БАНКЕТ 24 ФЕВРАЛЯ

Кёльн, 27 февраля. Третьего дня в зале Эйзера состоялся банкет по поводу празднования годовщины февральской революции во Франции[415]. Большой зал, вмещающий от двух до трех тысяч человек, был переполнен.

Карл Маркс, единогласно избранный председателем, был вынужден отказаться ввиду своей занятости. По общему желанию *Карл Шаппер* занял председательское место и открыл собрание провозглашением тоста в память жертв, павших во время февральского и июньского восстаний в Париже и других революционных боев 1848 года.

После этого депутат от Кёльна адвокат *Шнейдер* попрощался со своими избирателями. За ним выступил депутат *Гладбах,* который в нескольких словах остановился на причинах последней победы контрреволюции и призвал народные массы Кёльна, в случае каких-либо новых актов насилия против палаты, встать на защиту своих представителей. (Это в ответ на донос в сегодняшнем номере «Kolnische Zeitung»[416].)

Были провозглашены также следующие тосты: Д-р *Риттингхаузен:* за демократически-социальную республику. — *Ф. Энгельс,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за борющихся итальянцев, в первую очередь за Римскую республику. — *К. Крамер:* в память Роберта Блюма. — Депутат франкфуртского Национального собрания *Вёлер:* за немецкую демократию. — Купец *Гуффанти:* за Ледрю-Роллена и французских демократов.—Бывший бомбардир *Функ:* долой тиранов. —Д-р *Вейль:* за присутствующих женщин. — Д-р *Беккер:* за демократов всех наций. — Столяр *Курт:* за Кошута и

венгров. —*Шаппер:* за политических заключенных и эмигрантов, особенно за немцев в Безансоне[417]. — *Карстенс*[*], рабочий: за будущую социальную революцию. — Фердинанд *Вольф,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за право на труд. Рабочий *Хаусман:* за единство. — *К. Крамер:* за Мерославского и польских борцов 1848 года.—Содержатель гостиницы *Камп* из Бонна: за братство всех народов. — Студент *Блюм:* за вуппертальских демократов. — Рабочий *Мюллер:* за Меллине, Тедеско и за остальных 15 осужденных в Антверпене по делу Рискон-Ту[418]. Рабочий *Рёзер:* в память Робеспьера, Сен-Жюста, Марата и других героев 1793 года.

Праздник, который сопровождался музыкой, пением «Марсельезы», песни жирондистов[419] и др., а также выступлением рабочего певческого общества под управлением г-на Херкса, закончился провозглашением здравицы за «всеобщую демократически-социальную республику».

Во время собрания был организован сбор в пользу немецких эмигрантов в Безансоне. Была собрана довольно значительная сумма.

В течение всего вечера войска стояли наготове, а по улицам ходили усиленные патрули, что, между прочим, было вызвано больше драками среди солдат, чем банкетом.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 233, 28 февраля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] — Ф. Лесснер. *Ред.*

БАНКЕТ В ГЮРЦЕНИХЕ

Кёльн, 20 марта. Вчера вечером в Гюрценихе состоялся банкет в честь годовщины баррикадных боев в Берлине в прошлом году. Если даже во время буржуазного концерта, устроенного 18-го этого месяца в «ознаменование обещания» конституции и т. д., самый большой зал нашего города был довольно-таки полон, то вчера этот же зал не мог вместить даже половину нахлынувшей публики. В переполненном зале находилось от пяти до шести тысяч человек, а на улице тысячи желающих напрасно ждали возможности пробраться в помещение. Зал заполнился с такой быстротой, что даже некоторые ораторы только после 9 часов вечера смогли попасть в помещение.

Председательствовавший *Карл Шаппер* открыл собрание провозглашением тоста за суверенный народ, единственный источник всякой законной власти. Далее были провозглашены следующие тосты: *Г. Беккер:* в память жертв 18 и 19 марта; гражданин *Вахтер:* за то, чтобы немецкий Михель поумнел; гражданин *Вейль:* за *полную,* а не половинчатую революцию; гражданин *Риттингхаузен:* долой германского императора; *К. Крамер:* за демократических женщин, присутствующих на нашем банкете; *В. Вольф,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за республики Италии; *Э. Дронке,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за пролетарскую революцию; *П. Нотъюнг:* за победу венгров и Кошута; *Г. Бюргерс,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за ниспровержение Австрии; *Ф. Вольф,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за обвиняемых в Бурже[420]; *Ф. Энгельс,* редактор «Neue Rheinische Zeitung»: за июньских инсургентов в Париже; *К. Шаппер:* за английских чартистов и за их наибо-

лее революционных вождей, Эрнеста Джонса и Дж. Дж. Гарни; *Карл Крамер:* за поляков; *Хр. Эссер,* редактор «Arbeiter-Zeitung»[421]: за красную республику.

Банкет, прошедший очень организованно и спокойно, закончился в 11 часов вечера всеобщей здравицей в честь красной республики. Сравнивая наш банкет с концертом «нытиков» в Гюрценихе 18 этого месяца, мы рады тому, что ни одно торжество в Кёльне не собирало еще столь многочисленной и вместе с тем столь тактичной публики, как банкет, состоявшийся вчера вечером под сенью красного знамени.

Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» № 251, 21 марта 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА ОТ 16 АПРЕЛЯ 1849 г.

Собрание единогласно постановляет:

1) Выйти из объединения демократических обществ Германии и присоединиться к объединению немецких рабочих союзов, Центральный комитет которого находится в Лейпциге[422].

2) С целью более тесного объединения чисто социальной партии поручить комитету до созыва общего рабочего конгресса в Лейпциге созвать в Кёльне провинциальный конгресс всех рабочих союзов Рейнской области и Вестфалии.

3) Послать делегатов на конгресс рабочих союзов Германии, который должен вскоре состояться в Лейпциге.

Напечатано в газете «Freiheif, Bruderlichkeit, Arbeit» № 22, 22 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1849 г.

...5) Во исполнение решения вчерашнего общего собрания: Созвать здесь в первое воскресенье мая конгресс представителей всех рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии.

Комитет назначает для выполнения этого решения временную комиссию для Рейнской провинции и Вестфалии в составе шести членов — граждан К. Маркса, В. Вольфа, К. Шаппера, Аннеке, Эссера и Отто — и поручает им направить соответствующим союзам приглашение с надлежащей мотивировкой...

Напечатано в газете «Freiheit, Bruderlichheit, Arbeit» № 22, 22 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОГО ФИЛИАЛА КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА [423]

1) Принимая во внимание, что д-р Готшальк в газете «Freiheit, Arbeit» изобразил гражданина Карла Маркса другом и единомышленником депутата Франкфуртского собрания Франца Раво, между тем как гражданин Маркс на заседании комитета от 8 февраля высказался в том смысле, что если он в данный момент и поддерживает кандидатуру Раво и Шнейдера II, то он весьма далек от того, чтобы в принципиальном отношении солидаризироваться с этими людьми; напротив, первый как раз в период наибольшего расцвета своей деятельности подвергался беспощадным нападкам со стороны «Neue Rheinische Zeitung»; но в настоящий момент не может быть и речи о красных демократах и бесцветных демократах [blassen Demokraten], ибо пока еще задача состоит главным образом в том, чтобы выступить против абсолютной монархии, и для достижения этой цели красные демократы и бесцветные демократы должны объединиться против «нытиков»;

2) далее, что д-р Готшальк на демократическом конгрессе во Франкфурте выразился в том смысле, что он может склонить кёльнских рабочих к красной монархии, так же как и к красной республике, следовательно изобразил самих рабочих как слепо повинующуюся ему машину;

3) что нападки вышеупомянутой газеты на Раво отличаются в высшей степени подлым, злобным характером, причем ему ставится в упрек его физический недуг, который якобы является притворством;

4) что и прочие выпады этой газеты большей частью совершенно ни на чем не основаны и по своей нелепости не заслужи-

вают того, чтобы их опровергать; тем не менее они обнаруживают мелочную ненависть, злобу и низкий, вероломный характер их автора;

5) что д-р Готшальк, после того как он был оправдан, говорил многим членам Рабочего союза о плане реорганизации Рабочего союза и о своем намерении с этой целью поставить во главе союза себя самого (как председателя) и еще 5 человек по своему выбору в качестве членов комитета, что свидетельствует о деспотических наклонностях и идет вразрез с самыми элементарными демократическими принципами;

6) что, намереваясь осуществить этот новый проект организации, он покинул партию истинных пролетариев и бросился в объятия мелких буржуа, ибо он собирался повысить ежемесячный членский взнос на 5 зильбергрошей;

7) что д-р Готшальк произвел изменения в газете союза — из-за чего она не выходила в течение двух недель[424], — не будучи уполномочен на это союзом, даже не известив об этом союз или его правление; это является нарушением прав союза, которое ничем не может быть оправдано и которое нельзя извинить ни тем, что д-р Готшальк вскоре после этого уехал, ни какой-либо необходимостью или серьезными причинами;

8) что д-р Готшальк после вынесения ему оправдательного приговора, вместо того чтобы оправдать ожидания кёльнских рабочих и снова начать среди них, как раньше, свою прогрессивную деятельность, ко всеобщему удивлению уехал, не сказав им ни единого слова на прощанье и не выразив им благодарности за проявленную ими верность и стойкость;

9) что д-р Готшальк из-за чрезмерной щепетильности добровольно отправился в изгнание и прислал из Брюсселя заявление, которое никак не могло служить ни объяснением, ни оправданием его поведения, так как он, республиканец, говорит в этом заявлении о том, что его возвращение может зависеть только от *«верховного судьи в стране в данное время»* или же от *«голоса народа»,* следовательно считает верховным судьей еще кого-то другого, а не голос всего народа; что он мог подразумевать в данном случае под своим верховным судьей только короля, переходя таким образом прямо на сторону легитимистов и монархистов; что, с другой стороны, в этом заявлении он снова издевается над народом, считая его способным призвать обратно кого бы то ни было, кто признает и обращается к какому-то другому верховному судье, а не к самому голосу народа, что он играет здесь самую жалкую роль лицемера и стремится оставить для себя свободным путь и к королю и к народу;

10) что д-р Готшальк не удостоил ответом просьбу Рабочего союза объяснить это свое так называемое заявление, которое кажется непонятным, и, в частности, указать, кого он подразумевает под «верховным судьей в данное время»;

11) что д-р Готшальк, хотя никто его не призывал, все-таки вернулся в Германию, благодаря чему вся эта история с добровольным изгнанием совершенно теряет смысл и должна представляться плохо рассчитанным предвыборным маневром, если иметь в виду, что в это время его братья и друзья очень энергично действовали в пользу его избрания в берлинскую палату, —

принимая во внимание все это, филиал № 1 кёльнского Рабочего союза заявляет: что он никоим образом не одобряет поведения д-ра Готшалька с того момента, когда ему был вынесен оправдательный приговор здешним судом присяжных, и решительно, с негодованием отметает предположение, будто бы Рабочий союз может дать использовать себя в интересах красной монархии, или позволить ввести себя в заблуждение с помощью злобных нападок на отдельных лиц, или навязать себе председателя и комитет, состоящий из подхалимов, или призвать обратно добровольного изгнанника, который, дабы искупить свою вину, одновременно взывает к милости и короля и народа, или вообще позволить кому бы то ни было обращаться с Рабочим союзом как со сборищем глупых юнцов.

Напечатано в газете «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» № 24, 29 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ КЁЛЬНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА ОТ 23 АПРЕЛЯ 1849 г.

1) Общие собрания впредь будут происходить каждую среду.

2) Утверждается избранная комитетом временная комиссия по созыву в Кёльне конгресса рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии в составе Карла Маркса, Карла Шаппера, Вильгельма Вольфа, Фридриха Аннеке, Эссера и Отто.

Напечатано в газете «Freiheit, Bruderlichheit, Arbeit» № 24, 29 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ КОНГРЕССА РАБОЧИХ СОЮЗОВ

Недавно из состава Окружного комитета демократических союзов Рейнской провинции вышла часть членов, и одновременно здешний Рабочий союз заявил о своем выходе из объединения демократических союзов Рейнской провинции*. Этот шаг вызван убеждением в том, что ввиду разнородности состава этих союзов от них можно ожидать мало пользы для интересов рабочего класса или огромной массы народа.

Тем настоятельнее обнаруживается необходимость тесного сплочения однородных элементов, энергичной совместной деятельности всех рабочих союзов.

С этой целью здешний Рабочий союз счел необходимым в качестве первой меры учредить временную комиссию всех рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии и избрал нижеподписавшихся членами этой комиссии, возложив на них задачу предпринять все необходимые шаги к достижению вышеупомянутой цели.

Временная комиссия настоящим приглашает все рабочие, а также все другие союзы, которые, хотя и не носят пока этого названия, тем не менее *являются решительными сторонниками принципов социальной демократии,* послать своих делегатов на провинциальный конгресс в первое воскресенье следующего месяца **(6 мая)**[425]**.**

На повестке дня будут стоять следующие вопросы:

1) Организация рейнско-вестфальских рабочих союзов;

---

* См. настоящий том, стр. 462 и 640. *Ред.*

2) выборы депутатов на всеобщий конгресс всех немецких рабочих союзов, который должен состояться в Лейпциге в июне месяце;

3) обсуждение и утверждение предложений, которые должны быть вручены депутатам на конгресс в Лейпциге.

Депутатов, избранных на здешний предварительный конгресс, просят явиться со своими мандатами не позже 10 часов утра 6 мая в гостиницу *Симона* «Им Кранц» на Старом рынке.

Кёльн, 24 апреля 1849 г.

К. Маркс *(отсутствует)***. В. Вольф. К. Шаппер.**
Ф. Аннеке. Х. Й. Эссер. Отто

NB. Письменные сообщения просьба посылать по адресу: *Карлу Шапперу,* председателю Рабочего союза, улица Унтер-Хутмахер, д. № 17.

Напечатано в приложении к «Neue Rheinische Zeitung» № 282 и во втором выпуске № 285;

26 и 29 апреля 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЬБА РЕДАКТОРОВ «NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

... Судьба отдельных редакторов «Neue Rheinische Zeitung» такова: Фридрих Энгельс преследуется в уголовном порядке за свое выступление в Эльберфельде; Маркс, Дронке и Веерт, как лица, не являющиеся прусскими подданными, должны покинуть Пруссию; Фердинанду Вольфу и Вильгельму Вольфу угрожает судебное преследование: первому, так как он не выполнил своего воинского долга, а второму — из-за политических преступлений, которые он якобы совершил в свое время в старых провинциях; сегодня судебная палата отклонила просьбу освободить Корфа под залог.

(«Dusseldorfer Zeitung»)

Перепечатано в «Deutsche Zeitung» № 140, 22 мая 1849 г. и в «Trier'sche Zeitung» № 122, 23 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ОТЪЕЗД КАРЛА МАРКСА

Кёльн. Вчера утром бывший главный редактор «Neue Rheinische Zeitung» г-н Карл Маркс в сопровождении некоторых других редакторов покинул Кёльн и направился в район верхнего Рейна; там его деятельность будет такой же плодотворной, какой она была здесь.

Напечатано в «Neue Kolnische Zeitung» № 116, 22 мая 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
«NEUE RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 29 мая. Сегодня суд исправительной полиции вынес приговор по делу, начатому в сентябре прошлого года о клевете на депутатов франкфуртского Национального собрания[426]. Были вызваны в суд К. Маркс, Э. Дронке, Г. Веерт, Г. Беккер, Г. Корф, типографы Диц и Бехтольд. Трое первых не явились. За исключением Корфа, все были оправданы; Корф (как бывший ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung») за оскорбление «комического Штедмана» приговорен к месяцу тюремного заключения и к уплате $^1/_7$ судебных издержек. Суд в очень резкой форме отклонил обвинение против Веерта за Шнапганского-Лихновского.

Напечатано в «Neue Deutsche Zeitung» № 128, 1 июня 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИКАЗ О РОЗЫСКЕ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

На основании распоряжения королевского судебного следователя о приводе следующих лиц настоятельно прошу все гражданские и военные власти, которых это касается, принять меры к розыску лиц, приметы которых описаны ниже и которые бежали, чтобы скрыться от следствия, начатого против них по поводу преступления, предусмотренного статьей 96 Уголовного кодекса, и в случае поимки арестовать и доставить их ко мне, а именно: 1) *Фридриха Энгельса,* редактора «Neue Rheinische Zeitung», родившегося в Бармене, в последнее время проживающего в Кёльне...

Эльберфельд, 6 июня 1849 г.

За обер-прокурора государственный прокурор ***Эйххорн***

Приметы. 1) *Энгельс.* Возраст — от 26 до 28 лет; рост — 5 футов 6 дюймов; волосы— светлые; лоб — высокий; брови — светлые; глаза — голубые; нос и рот — пропорциональные; борода — рыжеватая; подбородок — овальный; лицо — овальное; цвет лица — здоровый; фигура — стройная. Особые приметы: говорит очень быстро, близорук...

Напечатано в «Kolnische Zeitung» № 137, 9 июня 1849 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья К. Маркса «Берлинский кризис» и серия статей «Контрреволюция в Берлине» являются непосредственным откликом на события, относящиеся к подготовке и началу контрреволюционного государственного переворота в Пруссии. 1 ноября 1848 г. король дал отставку министерству Пфуля; к власти пришло открыто контрреволюционное министерство Бранденбурга — Мантёйфеля. 9 ноября был оглашен указ короля о перенесении заседаний прусского Национального собрания из Берлина в захолустный городок Бранденбург. Так начался государственный переворот, завершившийся роспуском Собрания 5 декабря 1848 года. Редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung» развернула кампанию по мобилизации масс с целью отпора готовящемуся контрреволюционному перевороту.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года.

Сразу же по возвращении из эмиграции в Германию Маркс и Энгельс приступили к осуществлению своего проекта — изданию революционного органа печати, в котором они видели могучее орудие воздействия на народные массы. Исходя из конкретных условий Германии, Маркс, Энгельс и их сторонники выступили на политической арене как левое, фактически пролетарское крыло демократии. Тем самым было предопределено и направление «Neue Rheinische Zeitung», которая появилась на свет с подзаголовком «Орган демократии».

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, мобилизовывала их на борьбу с контрреволюцией. Стремясь немедленно осведомлять своих читателей обо всех важнейших событиях германской и европейской революции, редакция часто прибегала к изданию второго выпуска газеты; в случаях, когда материал не умещался на четырех полосах, выпускались приложения к основному номеру, а при получении новых важных известий — экстренные приложения и экстренные выпуски, печатавшиеся в виде листовок. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам революции, писались. как правило, Марксом или Энгельсом. Эти статьи помечены: «*Koln» и

«**Koln». Иногда редакционные статьи, помеченные одной звездочкой, помещались в других отделах газеты (в сообщениях из Италии, Франции, Англии, Венгрии и других стран). Каждый из редакторов газеты, кроме обработки корреспонденции и помощи главному редактору в организационных делах, занимался строго определенным кругом вопросов. Энгельс писал критические обзоры дебатов берлинского и франкфуртского национальных собраний, а также второй палаты прусского ландтага, статьи о революционной войне в Венгрии, о национально-освободительном движении в Италии, о войне в Шлезвиг-Гольштейне, а в ноябре 1848 — январе 1849 г. ряд статей о Швейцарии. Вильгельм Вольф писал статьи об аграрном вопросе в германской революции, о положении крестьян и крестьянском движении, особенно в Силезии, а также вел раздел текущей хроники «По стране». Георг Веерт вел раздел фельетонов в стихах и прозе. Эрнст Дронке одно время являлся корреспондентом «Neue Rheinische Zeitung» во Франкфурте-на-Майне, писал некоторые статьи о Польше, а в марте — мае 1849 г. обзоры сообщений из Италии. Фердинанд Вольф долгое время являлся одним из корреспондентов газеты в Париже. Участие Генриха Бюргерса в газете, по свидетельству Маркса и Энгельса, ограничилось одной статьей, которая к тому же была в корне переработана Марксом. Фердинанд Фрейлиграт, вступивший в редакцию в октябре 1848 г., печатал в газете свои революционные стихотворения.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства. Власти отказались предоставить Марксу право прусского гражданства, чтобы затруднить его пребывание в Рейнской провинции, и возбудили против редакторов газеты, в первую очередь против Маркса и Энгельса, целый ряд судебных дел. После сентябрьских событий в Кёльне военные власти 26 сентября 1848 г. ввели в городе осадное положение и приостановили выход ряда демократических газет, в том числе «Neue Rheinische Zeitung». Энгельс, Дронке и Фердинанд Вольф, которым угрожал арест, были вынуждены временно покинуть Кёльн; Вильгельму Вольфу пришлось на некоторое время уехать в Пфальц, а затем в течение нескольких месяцев скрываться в самом Кёльне от преследований полиции. До января 1849 г., в связи с вынужденным отъездом Энгельса из Германии, основная тяжесть работы в редакции, в том числе и написание передовых статей, легла на Маркса.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к кёльнским рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и повсюду будет: освобождение рабочего класса!». — *1.*

[2] Имеется в виду статья «Министерство Бранденбурга», напечатанная в «Neue Preusische Zeitung» 5 ноября 1848 года.

«Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета») — немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета»), так как в ее заголовке изображен крест. — 2.

[3] *«Теория соглашения»* («Vereinbarungstheorie»), которой прусская буржуазия в лице Кампгаузена и Ганземана оправдывала свое предательство, заключалась в том, что прусское Национальное собрание, оставаясь «на почве законности», должно было ограничиться установлением конституционного строя путем соглашения с короной. — *1.*

[4] Настоящая статья и ряд последующих статей Энгельса были написаны во время его вынужденного пребывания в Швейцарии. 26 сентября 1848 г. в Кёльне было введено осадное положение и отдан приказ об аресте некоторых редакторов «Neue Rheinische Zeitung», в том числе и Энгельса. Энгельс эмигрировал из Пруссии в Бельгию, откуда был тотчас же выслан во Францию. После кратковременного пребывания в Париже Энгельс в октябре пешком направился в Швейцарию (см. его рукопись «Из Парижа в Берн», настоящее издание, т. 5, стр. 499—518). Около 9 ноября Энгельс прибыл в Берн, где оставался до января 1849 года. Находясь в эмиграции, Энгельс систематически посылал в «Neue Rheinische Zeitung» статьи, а также ряд заметок информационного характера. В своих статьях «Бывшее княжество», «Новые представительные учреждения. — Успехи движения в Швейцарии», «Выборы в Федеральный суд», «Портреты членов Федерального совета», «Национальный совет», «Швейцарская пресса» Энгельс яркими красками рисует ограниченность, провинциализм политической жизни тогдашней федеративной швейцарской республики, являвшейся идеалом для южногерманских мелкобуржуазных демократов. — *3*.

[5] *Княжество Нёйенбург и Валендис* (немецкое название Невшателя с владением Валанжен) в 1707—1806 гг. представляло собой карликовое государство, подвластное Пруссии. В 1806 г., во время наполеоновских войн, Невшатель отошел к Франции. В 1815 г. по решению Венского конгресса он был включен в состав Швейцарского союза в качестве 21-го кантона, сохраняя вместе с тем вассальную зависимость от Пруссии. 29 февраля 1848 г. в Невшателе произошла буржуазная революция, положившая конец прусскому господству, и была провозглашена республика. В 1857 г. Пруссия вынуждена была официально отказаться от притязаний на Невшатель. — *3*.

[6] *Святая германдада* — союз испанских городов, созданный в конце XV в. королевской властью, стремившейся использовать буржуазию в борьбе против крупных феодалов, в интересах абсолютизма. С середины XVI в. вооруженные силы святой германдады выполняли полицейские функции. В переносном смысле святой германдадой называли полицию. — *3.*

[7] *«Constitutionnel neuchatelois»* («Невшательский конституционалист») — швейцарская конституционно-монархическая газета, издавалась в Невшателе с 1831 по февраль 1848 года.

«Le Republicain neuchatelois» («Невшательский республиканец») — швейцарская буржуазно-республиканская газета, издавалась с марта 1848 по октябрь 1849 г. в Ла-Шо-де-Фон, а с ноября 1849 по 1856 г. в Невшателе. — *4.*

[8] *Зондербунд* — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками Федерального правительства. — *5.*

[9] Депутаты Союзного сейма, законодательного органа Швейцарии до 1848 г., были связаны такими инструкциями от правительств своих кантонов, которые крайне затрудняли проведение в сейме каких-либо прогрессивных мероприятий. — *5.*

[10] *Moderados* (модерадос — умеренные) — название партии умеренных либералов в Испании, образовавшейся в период буржуазной революции 1820—1823 гг. в результате раскола партии либералов на правое крыло — модерадос и левое крыло — эксальтадос. — *6.*

[11] *«Revue de Geneve et Journal Suisse»* («Женевское обозрение и Швейцарская газета») — орган радикальной партии, издавался в Женеве с 1842 года; под данным названием газета выходила до 1861 года. — *8.*

[12] В 1847 г. Союзный сейм принял новую конституцию, которая превратила Швейцарию из союза государств в союзное государство, уничтожила привилегии монастырей и запретила деятельность ордена иезуитов, Эта победа над феодально-клерикальной реакцией была одержана буржуазией при поддержке народных масс. — *8.*

[13] 24 октября 1848 г. во Фрейбурге (французское название: Фрибур) произошел организованный католическим духовенством мятеж, имевший целью свержение демократического правительства этого кантона, которое пришло к власти в результате разгрома Зондербунда. Мятеж был быстро подавлен. — *9.*

[14] *Вильгельм Телль* — герой народных сказаний об освободительной войне швейцарцев против Габсбургов в конце XIII — начале XIV века; легенды изображают его метким стрелком из лука, убившим австрийского наместника. — *9.*

[15] Намек на слова Фридриха-Вильгельма IV относительно министерства Бранденбурга: «Либо Бранденбург в Собрании, либо Собрание в Бранденбурге». Приводя эти слова, «Neue Preusische Zeitung» в номере от 9 ноября 1848 г. истолковала их таким образом, что «Бранденбург будет в Собрании и Собрание в Бранденбурге». — *10.*

[16] Имеется в виду династия Гогенцоллернов, которая с 1417 г. владела маркграфством Бранденбург. — *10.*

[17] Согласно преданию, император Карл V незадолго до своей смерти устроил церемонию своих собственных похорон и сам принял участии в погребальном обряде. — *10.*

[18] Уголовное уложение Карла V (Constitutio criminalis Carolina), принятое рейхстагом в Регенсбурге в 1532 г., отличалось крайней жестокостью наказаний. — *10.*

[19] Французский король Людовик XVI (Людовик Капет) во время народного восстания 10 августа 1792 г. пытался искать защиты в Национальном собрании. 10 августа была свергнута монархия; через день король был арестован. Конвент, судивший Людовика XVI, признал его виновным в заговоре против свободы нации и безопасности государства и приговорил к смертной казни. 21 января 1793 г. Людовик XVI был гильотинирован. В «Neue Rheinische Zeitung» №№ 19, 21, 22, 26 и 98 от 19, 21, 22, 26 июня и 9 сентября 1848 г. была напечатана серия статей о суде над Людовиком XVI — «Дебаты Национального Конвента о Луи Капете, бывшем короле Франции». — *10.*

[20] Большинство славянских депутатов австрийского рейхстага в 1848 г. принадлежало к буржуазно-помещичьим кругам, которые стремились к созданию союзного славянского государства под главенством монархической Австрии. — *11.*

[21] 9 ноября 1848 г., после того как в прусском Национальном собрании был оглашен королевский указ о перенесении местопребывания Собрания из Берлина в Бранденбург, большинство депутатов правого крыла послушно покинуло зал заседаний. — *11.*

[22] Маркс использует образ из предисловия Гейне к изданной им в 1831 г. книге «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке»: «Галльский петух прокричал теперь во второй раз, и в Германии тоже рассвело»; крик галльского петуха символизирует здесь французскую революцию. — *13.*

[23] Шиллер. «Орлеанская дева», действие III, явление шестое. — *14.*

[24] Шекспир. «Троил и Крессида», действие III, сцена третья. — *14.*

[25] *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник») — ежедневная французская газета, официальный правительственный орган; выходила в Париже с 1789 года. Во время французской буржуазной революция конца XVIII в. была органом революционного правительства. — *14.*

[26] 3 ноября 1848 г. в «Kolnische Zeitung» была напечатана заметка о мнимом африканском племени «хигланов» (Hyghlans), полулюдей-полуобезьян; «многие из них», — говорилось в заметке, — «учатся арабскому языку». В номере от 5 ноября «Neue Rheinische Zeitung» высмеяла это сообщение, сделав, между прочим, замечание, что «это открытие... имеет во всяком случае величайшее значение для партии нытиков, которые в лице хигланов получают достойное подкрепление». О нытиках см. примечание 172. — *14.*

[27] В декабре 1848 г. во Франции должны были состояться президентские выборы согласно конституции, принятой 4 ноября 1848 года. Эта конституция, наделявшая большими полномочиями президента как

главу исполнительной власти, свидетельствовала о растущей контрреволюционности правящего класса — буржуазии, напуганной июньским восстанием парижских рабочих. В результате выборов, состоявшихся 10 декабря, президентом стал Луи Бонапарт. —*15.*

[28] Маркс проводит аналогию между событиями в Париже 20 июня 1789 г. и событиями в Берлине 11 ноября 1848 года. 8 ноября 1848 г. был подписан королевский указ о перенесении заседаний прусского Национального собрания из Берлина в Бранденбург. В ответ на это большинство Национального собрания приняло решение о продолжении заседаний в Берлине. 10 ноября Собрание было изгнано из своего обычного местопребывания — помещения драматического театра — и 11—13 ноября заседало в помещении Стрелкового клуба. — *16.*

[29] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила с 1802 года; в 1848—1849 гг. отражала трусливую и контрреволюционную позицию прусской либеральной буржуазии; вела постоянную ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — *16.*

[30] В «Neue Rheinische Zeitung» № 142 (второй выпуск) и № 143, 14 и 15 ноября 1848 г. была напечатана статья Г. Веерта «Отказ от уплаты налогов в Англии в связи с реформой 1832 года». — *16.*

[31] Это редакционное введение было предпослано Марксом серии статей, опубликованных под названием «Господин Кавеньяк» в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 142 (второй выпуск), 145 (экстренное приложение), 146 и 147 (второй выпуск) от 14, 17, 18 и 19 ноября 1848 года. Статьи представляли собой перепечатку (с некоторыми изменениями) из газеты «La Presse», где они были опубликованы 7—11 ноября 1848 г. под общим названием «Господин Кавеньяк перед комиссией по расследованию обстоятельств восстания 23 июня». — *18.*

[32] Перефразировка прозвища «маленький капрал», которое дали Наполеону I французские солдаты; намек на то, что Луи Бонапарт, находясь в эмиграции в Англии, участвовал в отрядах специальных констеблей, которые сыграли значительную роль в срыве чартистской демонстрации 10 апреля 1848 года. — *18.*

[33] Намек на участие генерала Кавеньяка в завоевании Алжира и на пребывание его там на посту губернатора в 1848 г., ознаменовавшееся кровавым подавлением арабского национально-освободительного движения. Именно эти «подвиги» Кавеньяка создали ему в глазах французской буржуазии репутацию надежного «блюстителя порядка». —*18.*

[34] *«La Presse»* («Пресса») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 года; в 1848—1849 гг. — орган буржуазных республиканцев, позже бонапартистский орган. В 40-х годах XIX в. редактором газеты был Э. Жирарден. — *18.*

[35] *Рейнский окружной комитет демократов,* руководящую роль в котором играл Маркс, направлял деятельность демократических организаций Рейнской провинции и Вестфалии.

В конце июня 1848 г., в связи с решением первого демократического конгресса во Франкфурте-на-Майне, была создана Центральная

комиссия из представителей трех демократических организаций Кёльна — Демократического общества, Рабочего союза и Союза рабочих и работодателей. Эта комиссия временно, вплоть до созыва рейнского конгресса демократов, выполняла функции Окружного комитета. Первый рейнский конгресс демократов, состоявшийся в Кёльне 13— 14 августа 1848 г. при участии Маркса и Энгельса, утвердил состав Центральной комиссии трех демократических союзов Кёльна в качестве Рейнского окружного комитета демократов; деятельность этого комитета была распространена не только на Рейнскую провинцию, но и на Вестфалию. Конгресс принял решение о необходимости вести работу среди фабричных рабочих, а также среди крестьян.

В связи с началом контрреволюционного переворота в Пруссии Рейнский окружной комитет демократов 14 ноября 1848 г., еще до соответствующего решения Национального собрания, призвал население Рейнской провинции к отказу от уплаты налогов.

Обращение Окружного комитета демократов вызвало широкий отклик в Рейнской провинции. Во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 147 от 19 ноября 1848 г. сообщалось о сопротивлении взиманию налогов в городах и сельских местностях — в Витлихе, Бернкастеле, Бонне, Кёльне и Негейме — и в заключение говорилось: «Берлин может быть защищен только революционной энергией провинций, большие провинциальные города, и в частности главные города провинций, могут быть защищены только революционной энергией деревни. *Отказ от уплаты налогов* (как *прямых,* так и *косвенных)* предоставляет *деревне* прекрасную возможность оказать важную услугу революции». — *19.*

[36] Имеется в виду принятый прусским Национальным собранием 28 ас-густа 1848 г. *закон об охране личной свободы* (по аналогии с английским законом 1679 г. его называли Habeas Corpus Act); этот закон с самого начала грубо нарушался прусским правительством. — *20.*

[37] Название статьи взято Марксом из 6-й книги романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». — *23.*

[38] «Neue Preusische Zeitung» имела в девизе крест ландвера, окруженный надписью: «Вперед с богом за короля и отечество». Далее в тексте статьи цитируется «Neue Preusische Zeitung» № 115 от 11 ноября 1848 года. — *23.*

[39] Иронический намек Маркса на некоторое сходство между мероприятиями, которые предлагал прусский министр финансов Ганземан (принудительный заем как средство, стимулирующее денежное обращение), и взглядами голландского биржевого дельца XVIII в. Пинто (биржевая игра как фактор, способствующий обращению). Ср. статью «Законопроект о принудительном займе и его мотивировка» (настоящее издание, т. 5, стр. 278). — *23.*

[40] Министерство Ауэрсвальда — Ганземана (так называемое «министерство дела») стояло у власти с 25 июня до 21 сентября 1848 года.

Летом 1848 г. в Берлине был создан, помимо обычной полиции, отряд вооруженных людей, одетых в штатское, для борьбы с уличными сходками и выступлениями народных масс, а также в целях шпионажа. Этот отряд полицейских называли констеблями по аналогии со

специальными констеблями в Англии, участвовавшими в срыве чартистской демонстрации 10 апреля 1848 года. — *23.*

[41] *Santa casa* (святой дом) — так называлось здание инквизиции в Мадриде. — *23.*

[42] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава VIII. — *26.*

[43] *«Preusischer Staats-Anzeiger»* («Прусский государственный вестник») — газета, основанная в Берлине в 1819 году; с 1819 по апрель 1848 г. являлась полуофициальным органом прусского правительства; с мая 1848 до июля 1851 г. издавалась под данным названием в качестве официального органа прусского правительства.

«Vossische Zeitung» («Фоссова газета») — так называли по имени ее владельца ежедневную газету «Koniglich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen» («Берлинская королевско-привилегировапная газета по вопросам политики и науки»), выходившую под этим названием с 1785 г. в Берлине. В 40-х годах XIX в. газета придерживалась умеренно-либерального направления. — *29.*

[44] Так называемый «квартал тайных советников» — квартал в юго-западной части Берлина, населенный преимущественно прусскими чиновниками. — *29.*

[45] 31 октября 1848 г. в Берлине произошла массовая народная демонстрация в связи с получением известий о зверствах австрийской контрреволюции при подавлении восстания в Вене; демонстрация закончилась провокационным нападением 8-го батальона гражданского ополчения на безоружных рабочих-машиностроителей. Прусская реакция воспользовалась этой провокацией для того, чтобы заменить министерство Пфуля открыто контрреволюционным министерством Бранденбурга. — *29.*

[46] Ратуша была расположена в центральном районе Берлина, который в середине XIX в. сохранял старинное название Кёлльн (Kolln) или Альткёлльн (Altkolln). 14 ноября 1848 г. там заседало прусское Национальное собрание. — *29.*

[47] В связи с этим воззванием был возбужден судебный процесс против членов Рейнского окружного комитета демократов — Маркса, Шаппера и Шнейдера II (см. настоящий том, стр. 254—274). — *33.*

[48] Согласно швейцарской конституции, принятой 12 сентября 1848 г., члены Федерального суда избирались на совместном заседании обеих палат Федерального собрания — Национального совета и Совета кантонов. — *34.*

[49] *«Schweizerische National-Zeitung»* («Швейцарская национальная газета»)— ежедневная буржуазная газета, издавалась в Базеле с 1842 года. — *34.*

[50] Имеется в виду антидемократический мятеж во Фрейбурге (Фрибуре) 24 октября 1848 г. (см. примечание 13). Епископ Марийе был вдохновителем этого мятежа. — *36.*

[51] *«Nouvelliste Vaudois»* («Вестник кантона Во») — швейцарская буржуазная газета, основанная в 1798 г., издавалась в Лозанне до 1914 года; в 40-х годах имела радикальное направление. — *35.*

[52] *«Courrier Suisse»* («Швейцарский вестник») — реакционная газета, издавалась в Лозанне с 1840 по 1853 год. — *35.*

[53] 25 октября 1848 г. епископ Марийе был арестован. 30 октября во Фрейбурге (Фрибуре) состоялась конференция представителей правительств кантонов, входивших в состав епархии (Фрибур, Берн, Во, Невшатель и Женева). На конференции было решено выпустить епископа Марийе на свободу, но запретить пребывание и деятельность его на территории всех пяти кантонов. 13 декабря Марийе был изгнан из страны и пробыл в изгнании до 1856 года. — *36.*

[54] Имеется в виду второй рейнский конгресс демократов, который состоялся в Кёльне 23 ноября 1848 года. На конгрессе обсуждались вопросы, связанные с кампанией за отказ от уплаты налогов, а также вопрос о вовлечении крестьянства в борьбу с контрреволюцией. В работе конгресса принимал участие Маркс. — *39.*

[55] Б связи с письмом государственного прокурора Геккера в редакцию «Neue Rheinische Zeitung», в котором Геккер пытался опровергнуть выдвинутые против пего и обер-прокурора Цвейфеля обвинения, Маркс иронически назвал кёльнскую прокуратуру «новым, многообещающим сотрудником» «Neue Rheinische Zeitung» (см. статью «Судебное следствие против «Neue Rheinische Zeitung»», настоящее издание, т. 5, стр. 182—184). — *41.*

[56] Общегерманское Национальное собрание во Франкфурте 28 июня 1848 г. приняло решение о создании временной центральной власти в составе имперского регента (на этот пост был избран австрийский эрцгерцог Иоганн) и имперского министерства. Временная центральная власть, не обладавшая собственным бюджетом и армией, лишенная какой бы то ни было реальной силы, явилась проводником контрреволюционной политики немецких государей. — *47.*

[57] *«Le National»* («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; в 40-х годах — орган умеренных, буржуазных республиканцев. Ж. Бастид в 1836—1846 гг. был редактором внешнеполитического отдела газеты.

«Revue nationale» («Национальное обозрение») — журнал христианско-демократического направления, издавался Ф. Бюше и Ж. Бастидом в Париже с мая 1847 по июль 1848 года. — *47.*

[58] Поездка Максимилиана Гагерна в Берлин и Шлезвиг по поручению правительства имперского регента для участия в переговорах о перемирии с Данией закончилась полной неудачей, так как Пруссия и Дания совершенно игнорировали представителя бессильной центральной власти.

Маркс сравнивает эту безрезультатную поездку Гагерна с судьбой героини распространенного в Германии в конце XVIII и в начале XIX в. романа И. Т. Хермеса «Путешествие Софии из Мемеля в

Саксонию»: потратив на свое путешествие более десяти лет, она так и не добралась до цели. — *48.*

[59] В апреле 1848 г. в Бадене произошло республиканское восстание, руководителями которого были мелкобуржуазные демократы Ф. Геккер и Г. Струве. Оно началось вторжением республиканских отрядов со стороны швейцарской границы. К концу апреля это плохо подготовленное и плохо организованное восстание было подавлено. — *48.*

[60] *Главный кантон* (Vorort) — так назывался тот из швейцарских кантонов, где происходили заседания Союзного сейма, а позже — Федерального собрания. — *49.*

[61] *Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi* — что б ни творили цари-сумасброды, страдают ахейцы (Гораций. «Послания», книга первая, послание II). — *49.*

[62] Эта нота германской центральной власти главному кантону Берн, датированная 23 октября 1848 г., была опубликована в «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung» 6 ноября 1848 года. — *50.*

[63] *Ринальдо Ринальдини* — герой одноименного романа немецкого писателя Х. А. Вульпиуса; этот роман, принадлежавший к числу так называемых «разбойничьих» романов, появился в конце XVIII в. и пользовался большой популярностью.

Карл Моор — главное действующее лицо драмы Шиллера «Разбойники».

Шиндерганнес (Schinderhannes) — Ганс-живодер, прозвище немецкого разбойника Иоганна Бюклера, жившего в конце XVIII — начале XIX века. — *51.*

[64] Намек на Луи Бонапарта, который спекулировал на своем родстве с Наполеоном I. — *51.*

[65] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава XXI. — *52.*

[66] После поражения баденского республиканского восстания в апреле 1848 г. один из его руководителей Фридрих Геккер эмигрировал в Швейцарию, где жил в деревне Муттенц (кантон Базель) до сентября, когда он уехал в Америку. — *54.*

[67] 20 ноября 1848 г. франкфуртское Национальное собрание приняло постановление, призывавшее центральную власть способствовать через находящихся в Берлине имперских комиссаров назначению министерства, пользующегося доверием страны, т. е. министерства, более приемлемого для прусской буржуазии, чем открыто контрреволюционное министерство Бранденбурга — Мантёйфеля. — *57.*

[68] Эти выражения заимствованы Марксом из обращения Дригальского к населению Дюссельдорфа, которое «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала вслед за данной статьей. В этом документе говорилось:

«Как глубоко преданный богу и моему королю коммунист, настоящим заявляю, что для вспомоществования моим бедным братьям из дюссельдорфской общины я, пока живу здесь, буду ежегодно

выплачивать через здешнее главное казначейство сумму в тысячу талеров ежемесячными взносами местной городской кассе для бедных... Сограждане! Последуйте этому примеру и будьте коммунистами в благородном смысле слова, — и скоро здесь, как и везде, установятся спокойствие, мир и доверие.

Дюссельдорф, 23 ноября. Гражданин фон Дригальский». В связи с данной статьей Маркса Дригальский возбудил судебный процесс против «Neue Rheinische Zeitung», обвиняя ее в клевете (см. настоящий том, стр. 628). — *58.*

69 Имеется в виду заявление дюссельдорфского обер-постдиректора Мауренбрехера против вмешательства гражданского ополчения в работу почты, сделанное 21 ноября 1848 года. — *60.*

70 О законе об охране личной свободы см. примечание 36. — *62.*

71 *Code pеnal* — Уголовный кодекс, принятый во Франции в 1810 г, и введенный в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии; наряду с Гражданским кодексом действовал в Рейнской провинции и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году. — *63.*

72 См. статью «Государственный прокурор «Геккер» и «Neue Rheinische Zeitung»» (настоящее издание, т. 5, стр. 474—479). — *64.*

73 См. статью «Аресты» (настоящее издание, т. 5, стр. 172—174). — *64.*

74 Из стихотворения немецкого поэта конца XVIII — начала XIX в. М. Клаудиуса «Песня о рейнском вине». — *64.*

75 *Диш* — гостиница в Кёльне; *Миленц* — гостиница в Берлине, где 15 ноября 1848 г. заседало прусское Национальное собрание. — *64.*

76 В конце сентября 1848 г. имперский министр юстиции потребовал от кёльнской прокуратуры возбудить судебное преследование против редакции «Neue Rheinische Zeitung» в связи с серией фельетонов, где под именем рыцаря Шнапганского высмеивался известный реакционер князь Лихновский. Фельетоны «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского», написанные Г. Веертом, печатались без подписи в «Neue Rheinische Zeitung» в августе — сентябре, декабре 1848 и в январе 1849 года. — *65.*

77 Избранное на основе конституции 1831 г. правительство кантона Цюрих было свергнуто в результате путча консерваторов и клерикалов 6 сентября 1839 года. После победы на выборах 1845 г. к власти снова пришли либералы. — *66.*

78 S. Franscini. «Statistica della Svizzera». Lugano, 1827; «Nuova statistica della Svizzera», 1848. — *69.*

79 *«Gazette de Lausanne et Journal Suisse»* («Лозаннская газета и Швейцарская газета») — ежедневная буржуазная газета, основанная в Лозанне в 1798 году. — *69.*

80 *Commission du pouvoir exеcutif* (Комиссия исполнительной власти) — правительство Французской республики, созданное Учредительным

собранием 10 мая 1848 г. вместо сложившего свои полномочия временного правительства. Существовала до 24 июня 1848 г., когда была установлена диктатура Кавеньяка. — *70.*

[81] Речь идет об анонимной брошюре «Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung» («Германия в ее глубоком унижении»), вышедшей в Нюрнберге в 1806 году. За издание этой брошюры, направленной против наполеоновского господства и проникнутой патриотическим духом, книготорговец И. Ф. Пальм был расстрелян французскими властями. — *72.*

[82] «Доклад комиссии по австрийским делам в связи с запросами депутатов Венедея, Генриха Симона, Виснера и Бауэрншмида, а также в связи с многочисленными петициями относительно австрийских дел» опубликован в издании: «Verhandlungen der deutschen verfassunggebenden Reichsversammlung zu Frankfurt am Main». Bd. 2, Frankfurt am Main, 1848—1849, S. 602—619 («Протоколы заседаний общегерманского Учредительного собрания во Франкфурте-на-Майне». Т. 2, Франкфурт-на-Майне, 1848—1849, стр. 602—619). — *72.*

[83] *Эйзеле* и *Бейзеле* — комические персонажи из вышедшего анонимно сатирического памфлета И. В. Христерна «Doctor Eisele's und Baron von Beisele's Landtagsreise im April 1847. Genrebilder aus der neuesten Zeitgeschichte». Leipzig, 1847 («Поездка доктора Эйзеле и барона фон Бейзеле на заседания ландтага в апреле 1847 года. Жанровые картинки из современной истории». Лейпциг, 1847). — *73.*

[84] Имеется в виду вышедшая в 1784 г. и неоднократно переиздававшаяся в XIX в. сатирическая поэма К. А. Кортума «Иобсиада. Гротескно-комический эпос в трех частях». Приложенная к ней шуточная дорожная карта представляла собой запутанный лабиринт. — *73.*

[85] Перефразированная строка из стихотворения Шиллера «Кубок» (немецкое название: «Der Taucher» — «Водолаз»). — *73.*

[86] Велькер являлся одним из издателей многотомной работы: «Staats-Lexikon oder Encyclopadie der Staatswissenschaften» («Политический словарь, или Энциклопедия политических наук»), первое издание которой выходило в Альтоне в 1834—1848 годах. — *73.*

[87] Народная песня, обработанная Арндтом. — *74.*

[88] Ария из оперы Россини «Танкред». — *74.*

[89] По решению Венского конгресса (1814—1815) земли по правому и левому берегу Рейна вошли в состав Пруссии. К титулу прусского короля наряду с прочими добавился и титул нижнерейнского великого герцога. В манифесте от 5 апреля 1815 г., выпущенном в связи с присоединением этой области к Пруссии, Фридрих-Вильгельм III дал обещание ввести в Рейнской провинции и во всей стране представительные учреждения. — *80.*

[90] *10 апреля 1848 г.* в Лондоне в результате вмешательства войск и специальных констеблей была сорвана чартистская демонстрация,

целью которой была подача в парламент третьей петиции о принятии Народной хартии.

15 мая 1848 г. с помощью буржуазной национальной гвардии было подавлено революционное выступление парижских рабочих.

25 июня 1848 г. было потоплено в крови восстание парижского пролетариата.

6 августа 1848 г. Милан был занят австрийскими войсками, подавлявшими национально-освободительное движение в Северной Италии.

1 ноября 1848 г. войсками Виндишгреца была взята Вена. — *82.*

[91] При Кустоце (Северная Италия) 25 июля 1848 г. австрийская армия под командованием Радецкого нанесла поражение пьемонтской армии. — *85.*

[92] См. статьи ««Образцовое государство» Бельгия» и ««Образцовое конституционное государство»» (настоящее издание, т. 5, стр. 331—334 и 471—473). — *91.*

[93] *Аякс* — действующее лицо в пьесе Шекспира «Троил и Крессида», образ грубого и кичливого воина. — *92.*

[94] *Зондербунд* — см. примечание 8. — *96.*

[95] *Доктор Бартоло* — персонаж комедий Бомарше «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро», а также одноименных опер Россини и Моцарта. — *102.*

[96] 5 декабря 1848 г. был издан королевский указ о роспуске прусского Национального собрания. В дополнительных пояснениях к этому указу министерство, в частности, обвиняло Собрание в том, что оно не подчинилось указу от 8 ноября о перенесении заседаний Собрания из Берлина в Бранденбург — мере, которая имела якобы целью «обезопасить свободу дебатов народных представителей от анархических движений в столице и от их террористических влияний». — *108.*

[97] *«Согласительным собранием»* («Vereinbarungsversammlung») Маркс и Энгельс называли прусское Национальное собрание, созванное в Берлине в мае 1848 г. для выработки конституции «по соглашению с короной». Приняв эту формулу в качестве основы для своей деятельности, Собрание тем самым отказалось от принципа народного суверенитета. — *109.*

[98] Одновременно с разгоном прусского Национального собрания 5 декабря 1848 г. была опубликована октроированная конституция. По этой конституции вводилась двухпалатная система, причем первая палата с помощью возрастного и имущественного ценза превращалась в привилегированную «палату господ»; к двухстепенным выборам во вторую палату по избирательному закону от 6 декабря 1848 г. допускались только так называемые «самостоятельные пруссаки». Широкие полномочия, которые предоставлялись по конституции королевской власти, и прямое указание на возможность пересмотра статей конституции, — все это облегчало дальнейшее наступление контрреволюции. — *109.*

[99] *Иобсиада* — см. примечание 84. — *109.*

[100] Принц Прусский, один из наиболее ненавистных народу главарей реакционной придворной камарильи, в дни мартовской революции 1848 г. бежал в Англию; однако уже 4 июня 1848 г. он при поддержке министерства Кампгаузена вернулся в Берлин. 6 июня на заседании прусского Национального собрания Кампгаузен пытался изобразить это трусливое бегство как путешествие с познавательной целью. — *110.*

[101] Из стихотворения Гейне «На прибытие ночного сторожа в Париж». —*110.*

[102] Имеется в виду назначение 15 сентября 1848 г. близкого к придворной камарилье генерала Врангеля главнокомандующим Бранденбургским военным округом, куда входил Берлин. Маркграфство Бранденбург, которое являлось первоначальным ядром Пруссии, в средние века состояло из двух частей: Курмарк и Нёймарк; отсюда его название: Марки (Marken). — *110.*

[103] Так Маркс и Энгельс здесь и в других статьях иронически называли Кампгаузена, намекая на подзаголовок известной в то время книги: K. Rotteck. «Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten; fur denkende Geschichtfreunde». Freiburg und Konstanz, 1813—1818 (К. Роттек. «Всеобщая история от зарождения исторического познания до нашего времени; для мыслящих друзей истории». Фрейбург и Констанц, 1813—1818). — *110.*

[104] См. примечание 39. — *110.*

[105] См. статью «Падение министерства Кампгаузена» (настоящее издание, т. 5, стр. 99—100). — *111.*

[106] *Второй Соединенный ландтаг* был созван 2 апреля 1848 г. при министерстве Кампгаузена. Этот сословный орган, созванный с целью соблюдения «законной преемственности», принял закон о выборах в прусское Национальное собрание и дал согласие на заем, в котором отказал правительству Соединенный ландтаг 1847 года. После этого ландтаг 10 апреля 1848 г. был распущен. — *111.*

[107] Намек на Кампгаузена, который в молодости занимался торговлей маслом и зерном, и на Ганземана, который начал свою коммерческую деятельность с торговли шерстью. — *118.*

[108] *Puer robustus sed malitiosus* — здоровенный, но злонравный малый. См. предисловие Гоббса к его книге «De Cive» («О гражданине»), первое издание которой вышло анонимно в Париже в 1642 году. — *120.*

[109] Маркс ссылается здесь на неоднократные лживые обещания прусских королей ввести в стране конституцию и представительные учреждения. Указ от 22 мая 1815 г. обещал создание «народного представительства» — учреждение в Пруссии провинциальных сословных собраний, созыв общепрусского представительного органа и введение конституции. По закону о государственном долге от 17 января 1820 г. заключение государственных займов должно было производиться с согласия сословного представительства (ландтагов). Но эти обещания, данные под давлением буржуазно-оппозиционного движения, остались на бумаге. Все свелось к тому, что по закону от 5 июня 1823 г. были созданы провинциальные

сословные собрания (ландтаги) с ограниченными совещательными функциями. Однако финансовые затруднения вынудили Фридриха-Вильгельма IV издать 3 февраля 1847 г. рескрипты о созыве Соединенного ландтага — сословного органа, состоявшего из представителен всех провинциальных ландтагов Пруссии. Соединенный ландтаг, отказавший правительству в займе, был веко ре распущен. Избирательный закон от 8 апреля 1848 г., изданный в результате мартовской революции в Пруссии, предусматривал созыв Собрания для выработки конституции «по соглашению с короной». Установленный этим законом порядок двухстепенных выборов гарантировал большинство в Собрании представителям буржуазии и прусского чиновничества. — *121*.

[110] Из речи Ганземана на заседании первого Соединенного ландтага 8 июня 1847 года. См. «Preusens Erster Reichstag». Th. 7, Berlin, 1847, S. 55 («Первый прусский рейхстаг». Ч. 7, Берлин, 1847, стр. 55). — *123.*

[111] Имеется в виду роман Гильдебрандта «Куно фон Шреккенштейн, или Пророческое сновидение», изданный в Кведлинбурге в 1821 году. — *123.*

[112] *Черный* и *белый* — цвета государственного флага Пруссии. — *124.*

[113] О констеблях см. примечание 40. — *127.*

[114] Буржуазно-аристократическая бельгийская конституция 1831 **г.**, принятая в результате победы буржуазной революции 1830 г., устанавливала для избирателей высокий имущественный ценз, лишая тем самым широкие народные массы избирательных прав. — *128.*

[115] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — *129.*

[116] Законопроект об отмене существовавшего ранее освобождения дворян, офицеров, духовенства и учителей от уплаты так называемого поразрядного налога был представлен Ганземаном прусскому Национальному собранию 12 июля 1848 года; законопроект об отмене освобождения от уплаты поземельного налога был предложен 21 июля 1848 года. — *129.*

[117] *Фра Дьяволо* (Брат Дьявол) — прозвище известного итальянского разбойника конца XVIII — начала XIX в. Микеле Пецца; персонаж одноименной оперы Обера. — *130.*

[118] См. статьи «Записка Патова о выкупе», «Законопроект об отмене феодальных повинностей» и «Дебаты по поводу действующего законодательства о выкупе» (настоящее издание, т. 5, стр. 110—111, 294—299 и 325—330). — *130.*

[119] Имеется в виду открывшийся 18 августа 1848 г. в Берлине съезд юнкеров, созванный руководителями «Союза для защиты собственности и обеспечения благосостояния всех классов», который был переименован

съездом в «Союз для обеспечения интересов землевладельцев»; съезд этот получил название «юнкерского парламента». — *131.*

[120] 31 июля 1848 г. в небольшом силезском городке Швейднице (польское название: Свидница) была расстреляна демонстрация протеста против притеснений гражданского ополчения со стороны контрреволюционного офицерства. События в Швейднице вызвали отклик во всей Германии. — *132.*

[121] 9 августа 1848 г. прусское Национальное собрание приняло предложение депутата Штейна с поправками депутата Шульца — потребовать от военного министра издания приказа о том, чтобы офицеры, настроенные против конституционных учреждений, «следуя долгу чести», сами подали в отставку. Военный министр Шреккенштейн, вопреки решению Собрания, не издал такого приказа. В связи с этим Штейн вторично внес свое предложение на заседании Национального собрания 7 сентября; в результате голосования этого предложения министерство Ауэрсвальда — Ганземана вынуждено было подать в отставку; при сменившем его министерстве Пфуля приказ в более смягченной форме был, наконец, издан, но и он остался на бумаге. 17 сентября 1848 г. генерал Врангель издал приказ по войскам, свидетельствовавший о намерении прусской военщины перейти в открытое наступление против завоеваний революции. Приказ предписывал обеспечение «общественного спокойствия», угрожал «элементам, выступающим против законности», и призывал солдат сплотиться вокруг офицеров и короля.—*132.*

[122] Выражение из тронной речи прусского короля Фридриха-Вильгельма IV при открытии Соединенного ландтага 11 апреля 1847 года. В этой речи король заявил, что никогда не согласится на введение конституции, которую он назвал «исписанным листком бумаги». — *133.*

[123] Конституционная хартия Людовика XVIII, «дарованная» в 1814 г., содержала параграф 14, гласивший: «король является верховным главой государства». — *133.*

[124] *Magna Charta Libertatum* (Великая хартия вольностей) — грамота, предъявленная английскому королю Иоанну Безземельному восставшими крупными феодалами, использовавшими поддержку рыцарей и горожан. Хартия, подписанная 15 июня 1215 г., ограничивала права короля главным образом в интересах крупных феодалов и содержала некоторые уступки рыцарству и городам; основной массе населения; крепостным крестьянам, эта средневековая сословная хартия не давала никаких прав. — *133.*

[125] *«Frankfurter Journal»* («Франкфуртская газета») — немецкая ежедневная газета, издавалась во Франкфуртена-Майне с XVII в. по 1903 год; в 40-х годах XIX в. — буржуазно-либеральная газета. — *135.*

[126] *«Schweizer Rote»*— сокращенное название газеты «Der aufrichtige und wohlerfahrene Schweizer Bote» («Беспристрастный и хорошо информированный Швейцарский вестник»), издававшейся с 1798 года; с 1804 г. выходила в Аарау (кантон Ааргау).

«Basellandschaftliches Volksblatt» («Народная газета кантона Базель») — швейцарская либеральная газета, издавалась в кантоне Базель с 1835 года. — *137.*

[127] См. статью «Аресты» (настоящее издание, т. 5, стр. 172—174). — *138.*

[128] Так называемый *процесс Рискон-Ту,* происходивший с 9 по 30 августа 1848 г. в Антверпене, был сфабрикован правительством бельгийского короля Леопольда для расправы с демократами. Поводом для процесса послужило происшедшее 29 марта 1848 г. столкновение бельгийского республиканского легиона, который направлялся из Франции на родину, с отрядом солдат неподалеку от французской границы, у деревушки Рискон-Ту. — *140.*

[129] *Кёльнский Рабочий союз* был основан 13 апреля 1848 г. членом кёльнской общины Союза коммунистов А. Готшальком. Союз, насчитывавший сперва около 300 человек, уже к началу мая вырос до 5000 членов, большинство которых составляли рабочие и ремесленники. Во главе союза стоял председатель и комитет, в который входили представители различных профессий. Печатным органом союза являлась газета «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Koln» («Газета кёльнского Рабочего союза»), а с 26 октября 1848 г. — «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» («Свобода, братство, труд»). Союз имел ряд филиалов в городе. После ареста Готшалька председателем союза 6 июля был избран Молль, который занимал эту должность до сентябрьских событий в Кёльне, когда он вынужден был эмигрировать под угрозой ареста. 16 октября председательство в союзе по просьбе рабочих временно взял на себя Маркс. 28 февраля председателем был избран Шаппер, который занимал этот пост до конца мая 1849 года.

Большинство руководящих деятелей Рабочего союза (Готшальк, Аннеке, Шаппер, Молль, Лесснер, Янсен, Рёзер, Нотъюнг, Бедорф) являлись членами Союза коммунистов.

В первый период своего существования Рабочий союз находился под влиянием Готшалька, который, в духе «истинных социалистов», игнорировал значение исторических задач пролетариата в буржуазно-демократической революции, проводил сектантскую тактику бойкота косвенных выборов в общегерманское и прусское национальные собрания и выступал против поддержки демократических кандидатов на выборах. Ультралевые фразы сочетались у Готшалька с весьма умеренными методами борьбы (подача петиций от имени рабочих правительству и в муниципалитет, ориентация только на «законные» формы борьбы, поддержка ряда требований отсталых, зараженных ремесленными предрассудками рабочих и т. д.). Сектантская тактика Готшалька с самого начала встретила отпор со стороны ряда членов союза, поддерживавших тактическую линию Маркса и Энгельса. Под их влиянием в конце июня наступил перелом в деятельности Рабочего союза. С осени 1848 г. кёльнский Рабочий союз развернул большую агитационную работу также и среди крестьян. Члены союза организовывали в окрестностях Кёльна демократические и рабочие союзы, распространяли революционную литературу, в том числе «Требования Коммунистической партии в Германии». Союз поддерживал тесную связь с другими рабочими союзами Рейнской провинции и Вестфалии.

Зимой 1848—1849 гг. Готшальк и его сторонники развернули ожесточенную борьбу, направленную на раскол кёльнского Рабочего союза. В издававшейся ими с января 1849 г. газете «Freiheit, Arbeit» («Свобода, труд») они выступали с резкими нападками и злобными инсинуациями против Маркса и редакции «Neue Rheinische Zeitung». Однако эта раскольническая деятельность не нашла поддержки среди большинства членов союза.

С целью укрепления союза Маркс, Шаппер и другие его руководители провели в январе — феврале 1849 г. его реорганизацию. 25 февраля был принят новый устав, который провозглашал главной задачей союза повышение классовой и политической сознательности рабочих. В апреле комитет Рабочего союза вынес решение обсуждать на заседаниях союза напечатанную в «Neue Rheinische Zeitung» работу Маркса «Наемный труд и капитал».

Политический опыт, приобретенный рабочими в ходе революции, их разочарование в колеблющейся политике мелкобуржуазных демократов, — все это позволило Марксу и Энгельсу весной 1849 г. поставить практически вопрос о подготовке создания пролетарской партии. В связи с этим Маркс и его сторонники организационно порывают с мелкобуржуазной демократией, не отказываясь от совместных действий с ней в борьбе против наступавшей контрреволюции. 16 апреля кёльнский Рабочий союз принял решение выйти из объединения демократических союзов Германии и присоединиться к объединению немецких рабочих союзов с центром в Лейпциге. 6 мая 1849 г. состоялся конгресс рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии.

Однако сложившаяся к тому времени обстановка в Германии (наступление контрреволюции, усиление полицейских репрессий) помешала дальнейшей деятельности кёльнского Рабочего союза по сплочению и организации рабочих масс. После прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung» и отъезда из Кёльна Маркса, Шаппера и других руководителей союза он все более утрачивал политический характер и постепенно превратился в обычное рабочее просветительное общество. — *140.*

[130] Имеется в виду *«Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Koln»* («Газета кёльнского Рабочего союза»), которая выходила в апреле — октябре 1848 года; до июля 1848 г. редактором ее был А. Готшальк, в июле— сентябре И. Молль. На страницах газеты освещалась деятельность кёльнского Рабочего союза и других рабочих союзов Рейнской провинции. 24 октября 1848 г. состоялся судебный процесс, возбужденный против А. Броккер-Эверертса, владельца типографии, в которой печаталась газета. Он был обвинен в том, что в № 12 газеты была напечатана статья «Арест д-ра Готшалька и Аннеке», а в № 13 — статья «Аресты в Кёльне», якобы оскорблявшие честь жандармов и обер-прокурора Цвейфеля. Суд приговорил типографа к тюремному заключению на один месяц и — в случае возобновления издания газеты — к уплате крупного денежного штрафа. С 26 октября кёльнский Рабочий союз стал издавать новый орган — газету «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» (см. примечание 409). — *140.*

[131] *Сентябрьские законы* — реакционные законы, изданные французским правительством в сентябре 1835 года; ограничивали деятельность суда присяжных и вводили суровые меры против печати, В отношении печати предусматривалось увеличение денежных залогов для периодических изданий, вводилось тюремное заключение и крупные денежные штрафы за выступления против собственности и существующего государственного строя. — *141.*

[132] *Первый демократический конгресс* во Франкфурте-на-Майне состоялся 14—17 июня 1848 года; на нем были представлены делегаты 89 демократических и рабочих организаций различных городов Германии. Конгресс принял решение об объединении всех демократических союзов

и о создании в связи с этим окружных комитетов и возглавляющего их Центрального комитета демократов Германии с местопребыванием в Берлине. Членами Центрального комитета были избраны Фрёбель, Рау, Криге, а их заместителями Байрхоффер, Шютте и Аннеке.. Однако из-за слабости и неустойчивости мелкобуржуазного руководства демократическое движение Германии продолжало и после этого решения оставаться распыленным и неорганизованным. — *141.*

[133] «Der Politische Tendenz-Prozes gegen Gottschalk, Anneke und Esser. Verhandelt vor dem Assisen-Hofe zu Koln am 21., 22. und 23. Dezember 1848. Herausgegeben nach den Akten, nach Mittheilungen der Angeklagten und nach stenographischer Aufzeichnung der mundlichen Verhandlungen von M. F. Anneke. Verlag der Expedition der «Neuen Kolnischen Zeitung»» («Тенденциозный политический процесс против Готшалька, Аннеке и Эссера. Разбирался в кёльнском суде присяжных 21, 22 и 23 декабря 1848 года. Издано М. Ф. Аннеке на основании документов, показаний обвиняемых и по стенографической записи устного разбирательства. Издательство экспедиции «Neue Kolnische Zeitung»»), Все цитаты, приведенные в данной статье, Маркс заимствует из этой брошюры.

«Neue Kolnische Zeitung fur Burger, Bauern und Soldatem («Новая Кёльнская газета для горожан, крестьян и солдат») — немецкая революционно-демократическая газета, издавалась в Кёльне с 10 сентября 1848 по 14 июня 1849 г. Ф. Аннеке и Ф. Бёйстом. Газета ставила своей задачей в общедоступной форме вести пропаганду среди трудящихся города и деревни, а также в армии. — *142.*

[134] Речь идет о заседании прусского Национального собрания 4 июля 1848 г., на котором продолжалось обсуждение вопроса о комиссии для расследования событий в Познани. В конце заседания было решено, что этой комиссии предоставляются неограниченные полномочия; после принятия такого решения, означавшего поражение министерства Ауэрсвальда — Ганземана, представители правого крыла стали добиваться, вопреки правилам парламентской процедуры, голосования предложения об ограничении полномочий комиссии. Депутаты левого крыла в знак протеста покинули зал заседаний. Воспользовавшись этим, правые провели предложение, запрещавшее комиссии отправиться в Познань, а также допрашивать свидетелей и экспертов. Тем самым было неправомерно аннулировано первоначальное решение Собрания. — *144.*

[135] *«Deutsche Zeitung»* («Немецкая газета») — ежедневная буржуазно-либеральная газета, орган конституционных монархистов, сторонников объединения Германии под главенством Пруссии. Выходила с 1847 по 1850 г., до октября 1848 г. издавалась в Гейдельберге (под редакцией известного буржуазного историка Гервинуса), затем во Франкфурте-на-Майне.

«Karlsruher Zeitung» («Карлсруэская газета») — ежедневная газета, орган баденского правительства, издавалась в Карлсруэ с 1757 года. — *144.*

[136] Об объединении трех демократических союзов в Кёльне — Демократического общества, Рабочего союза и Союза рабочих и работодателей — см. примечание 35. — *146.*

[137] Сообщение о постановлениях окружных судов в Ратиборе, Бромберге и Мюнстере и постановление высшего трибунала в Берлине были приведены в «Neue Rheinische Zeitung» № 174, 21 декабря 1848 года. — *148.*

[138] *«Die Deutsche Reform, politische Zeitung fur das constitutionelle Deutschland»* («Немецкая реформа, политическая газета для конституционной Германии») — немецкая ежедневная газета, издававшаяся в Берлине в 1848—1851 годах; орган конституционно-монархических кругов. — *149.*

[139] Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена четвертая. — *149.*

[140] Речь идет о перенесении заседаний прусского Национального собрания из Берлина в Бранденбург (см. примечание 1). — *151.*

[141] *«Дикая охота»* — в немецкой мифологии предание о том, что по ночам души умерших под предводительством «дикого охотника» со страшным шумом проносятся по воздуху. Люди, повстречавшиеся с этими духами, вынуждены вечно скитаться вместе с ними. — *151.*

[142] В декабре 1848 г. контрреволюционное австрийское правительство, натолкнувшись на сопротивление рейхстага в вопросе о принудительном займе, обратилось к банку. Однако правительству удалось добиться займа лишь после того, как оно пригрозило банку конфисковать все его наличные денежные запасы. — *152.*

[143] Из стихотворения Шиллера «К радости». — *158.*

[144] Папа Пий IX, чтобы предотвратить рост народного движения, выступил вскоре после своего избрания в 1846 г. инициатором ряда либеральных реформ (частичная амнистия политическим заключенным, отмена предварительной цензуры и т. д.). После народного восстания в Риме Пий IX бежал 24 ноября 1848 г. в крепость Гаэту, находившуюся на территории Неаполитанского королевства. — *158.*

[145] *Гора,* или монтаньяры — партия мелкобуржуазных демократов-республиканцев во главе с Ледрю-Ролленом, которые группировались вокруг газеты *«La Reforme»* («Реформа»), издававшейся в Париже с 1843 по 1850 год; к ним примыкали мелкобуржуазные социалисты во главе с Луи Бланом.

Партия «National» объединяла умеренных, буржуазных республиканцев во главе с Арманом Маррастом, опиравшихся на промышленную буржуазию и связанную с ней часть либеральной интеллигенции; приверженцы этой партии в 40-х годах группировались вокруг газеты *«Le National»* («Национальная газета»), которая выходила в Париже с 1830 по 1851 год.

Династическая оппозиция — оппозиционная группа во французской палате депутатов в период Июльской монархии. Представители этой группы, выражавшие настроения либеральных кругов промышленной и торговой буржуазии, стояли за проведение умеренной избирательной реформы, видя в ней средство для предотвращения революции и сохранения династии Орлеанов. Лидером династической оппозиции был Одилон Барро.

Легитимисты — сторонники свергнутой в 1830 г. династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. В борьбе против господствующей династии Орлеанов, опирав-

шейся на финансовую аристократию и крупную буржуазию, часть легитимистов нередко прибегала к социальной демагогии, выставляя себя защитниками трудящихся от эксплуататоров-буржуа. — *159.*

[146] *«К моим возлюбленным берлинцам»* — воззвание прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, выпущенное утром 19 марта 1848 г., в разгар народного восстания в Берлине.

«*К моему народу и к немецкой нации»* — воззвание Фридриха-Вильгельма IV, выпущенное 21 марта 1848 года. — *170.*

[147] *Фридрихсхайн* — кладбище в Берлине, где были похоронены павшие в баррикадных боях участники восстания 18 марта 1848 года. — *170.*

[148] В ноте, которую майор Вильденбрух, выполнявший секретную миссию прусского короля, вручил 8 апреля 1848 г. правительству Дании, говорилось, что война в Шлезвиг-Гольштейне ведется Пруссией не с целью отторгнуть герцогства от Дании, а единственно с целью борьбы с «радикальными и республиканскими элементами в Германии». Прусское правительство всячески уклонялось от официального признания этого компрометирующего документа. — *171.*

[149] Имеются в виду статьи Ф. Энгельса «Комедия войны» и «Перемирие с Данией» (две статьи) — см. настоящее издание, т. 5, стр. 32—34. 260—263 и 411—415. — *171.*

[150] Под влиянием мартовской революции 1848 г. в Шлезвиге и Гольштейне вспыхнуло национально-освободительное восстание против Дании. В результате вмешательства государств Германского союза во главе с Пруссией начались военные действия против Дании; однако вскоре стало ясно, что прусское правительство не намерено было отстаивать интересы национально-освободительного движения в Шлезвиге и Гольштейне. Перемирие, заключенное в Мальмё 26 августа 1848 г. на 7 месяцев, сводило на нет революционно-демократические завоевания в Шлезвиге и Гольштейне и фактически сохраняло датское господство в герцогствах. Война между Пруссией и Данией возобновилась в конце марта 1849 г., продолжалась до 1850 г. и закончилась победой Дании. Шлезвиг и Гольштейн остались в составе Датского королевства. — *172.*

[151] По приказу прусского генерала Пфуля захваченным в плен участникам познанского восстания 1848 г. брили головы и выжигали ляписом (адским камнем) клеймо на руках и ушах. — *173.*

[152] Речь идет о Фердинанде II, короле Обеих Сицилий, жестоко подавившем 15 мая 1848 г. народное восстание в Неаполе. См. статью Энгельса «Новое геройское деяние династии Бурбонов» (настоящее издание т. 5, стр. 17—19). — *173.*

[153] Войска под командованием Виндишгреца в июне 1848 г. подавили пражское восстание, разгромили к 1 ноября восстание в Вене, а в декабре 1848 г. предприняли поход против национально-освободительного движения в Венгрии, захватив Пресбург (Братиславу) и другие города. — *173.*

[154] В манифесте от 25 июля 1792 г. герцог Брауншвейгский, главнокомандующий австро-прусской армией, действовавшей против революционной Франции, угрожал французскому народу стереть с лица земли Париж. — *174.*

[155] О развиваемых в данной статье взглядах Энгельса на судьбы славянских народов, входивших в состав Австрийской империи, см. предисловие к настоящему тому, стр. XI—XIII. — *175.*

[156] Имеются в виду события в Галиции в феврале 1846 года, когда началось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. В Кракове повстанцам удалось на время одержать победу. Одновременно вспыхнуло крестьянское восстание в Галиции. Австрийским властям, которые демагогически использовали ненависть угнетенных украинских крестьян к польской шляхте, в ряде случаев удалось направить восставших крестьян против польских повстанческих отрядов. После подавления восстания в Кракове было жестоко подавлено и движение галицийских крестьян. — *178.*

[157] *Русины* — введенное буржуазными этнографами и историками и распространенное в XIX в. название украинского населения Галиции, Прикарпатья и Буковины, насильственно оторванного от всего украинского народа; окончательное воссоединение украинского парода произошло после победы СССР в Великой Отечественной войне 1941— 1945 годов. — *178.*

[158] См. серию статей «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте» (настоящее издание, т. 5, стр. 335—388). — *179.*

[159] Имеется в виду победа франков над арабами в 732 г. в битве при Пуатье. — *180.*

[160] В 1241 г, в Силезии произошла битва при Вальштатте (польское название: Добре Поле), в которой монголы одержали победу над немцами и славянами. Однако монголы не воспользовались этой победой и ушли из Силезии в Венгрию. — *180.*

[161] В Праге 2 июня 1848 г. собрался Славянский съезд; на съезде обнаружилась борьба двух тенденций в национальном движении славянских народов, угнетенных империей Габсбургов. Правое, умеренно-либеральное направление, к которому принадлежали руководители съезда (Палацкий, Шафарик), пыталось разрешить национальный вопрос путем сохранения и укрепления Габсбургской монархии. Левое, демократическое направление (Сабина, Фрич, Либельт и др.) решительно выступало против этого и стремилось к совместным действиям с революционно-демократическим движением в Германии и Венгрии. Часть делегатов съезда, принадлежавших к радикальному крылу и принявших активное участие в пражском восстании, подверглась жестоким репрессиям. Оставшиеся в Праге представители умеренно-либерального крыла 16 июня объявили заседания съезда отложенными на неопределенное время.

В Аграме (Загреб) в июне 1848 г. состоялся Сабор южнославянских народов.— *181.*

[162] Из речи Кошута на заседании венгерского парламента 9 ноября 1848 г. — см. газету «Kozlony» («Бюллетень»)от 11 ноября 1848 года.— *185.*

[163] *Черный* и *желтый* — цвета австрийского государственного флага. —*186.*

[164] О статье 370 французского Уголовного кодекса (Code pеnal) — из раздела о клевете — см. в речи Энгельса на процессе «Neue Rheinische Zeitung» (настоящий том, стр. 248—249). — *187.*

[165] Здесь имеются в виду договоры швейцарских кантонов с европейскими государствами о поставке солдат в качестве наемников. Такие договоры заключались с середины XV до середины XIX века; во время ряда буржуазных революций XVIII—XIX вв. швейцарские наемники служили орудием монархической контрреволюции. — *188.*

[166] *«Le Charivari»* («Шаривари») — французская сатирическая газета буржуазно-республиканского направления, издававшаяся в Париже с 1832 года; в период Июльской монархии выступала с едкими нападками на правительство; в 1848 г. поддерживала буржуазно-республиканское правительство и диктатуру Кавеньяка. — *189.*

[167] *«Die Evolution»* («Эволюция») — еженедельная революционно-демократическая газета, орган немецких эмигрантов в Швейцарии, издавалась в Биле (кантон Берн) в 1848—1849 гг. под редакцией И. Ф. Беккера; пробный номер газеты от 1 декабря 1848 г. вышел под названием «Die Revolution» («Революция»). — *191.*

[168] Продолжение этой статьи так и не было написано Энгельсом; в середине января 1849 г. он вернулся в Кёльн. — *191.*

[169] *«Прусский союз сторонников конституционной монархии»,* образовавшийся в июне 1848 г., и его отделения на местах — организации обуржуазившейся части прусских помещиков, а также буржуазии; «Прусские союзы» поддерживали контрреволюционную политику правительства и своей деятельностью заслужили со стороны демократической печати прозвище «общества доносчиков». — *192.*

[170] *«Союзы граждан»* («Burgervereine») — возникшие после мартовской революции в Пруссии организации умеренных буржуазных элементов, ставившие задачу сохранения «законности» и «порядка» в рамках конституционной монархии, а также борьбу с «анархией», т. е. с революционно-демократическим движением. — *193.*

[171] Заключительная статья октроированной конституции 5 декабря 1848 г. и указ о созыве палат предусматривали пересмотр текста конституции палатами до окончательного ее утверждения и принесения ей присяги. — *193.*

[172] В оригинале игра слов: «wuhlt» и «heult» — намек на «Wuhler» и «Heuler». «Wuhler» («смутьяны») — прозвище, которым в 1848—1849 гг. в Германии буржуазные конституционалисты называли демократов-республиканцев; последние, в свою очередь, прозвали своих противников «Heuler» («нытиками»). — *197.*

[173] *Code civil* — Гражданский кодекс Наполеона, принятый в 1804 г., был введен в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии и продолжал действовать в Рейнской провинции после ее присоединения к Пруссии в 1815 году. — *200.*

[174] В Англии в 1649 г. был казнен Карл Стюарт, а в 1688 г. изгнан из страны Яков II Стюарт.

Во Франции династия Бурбонов была свергнута первый раз в 1792 г. и второй раз — в 1830 году.

В Бельгии король Вильгельм Нассауский был свергнут в 1830 году. — *202.*

[175] Торговый договор, заключенный между Пруссией (от имени Таможенного союза) и Голландией 21 января 1839 г., устанавливал низкие ввозные пошлины на голландский сахар, что наносило серьезный ущерб прусской сахарной промышленности, а также торговле германских городов. — *204.*

[176] Намек на Кампгаузена и Ганземана. — *207.*

[177] *Пушты* — венгерские степи в Придунайской низменности между реками Дунаем и Тиссой. — *209.*

[178] *Шильда* — название города, жители которого, шильдбюргеры, герои одноименной немецкой народной книги конца XVI в. («Schildburger»), стали символом филистерской ограниченности и тупости. — *210.*

[179] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая буржуазно-либеральная газета, издавалась в Берлине с 1848 года. — *210.*

[180] Избирательный закон от 8 апреля 1848 г. устанавливал порядок выборов в «собрание для соглашения о прусской конституции» на основе всеобщего избирательного права, ограниченного, однако, системой косвенных (двухстепенных) выборов. Закон от 6 декабря 1848 г., изданный тотчас же после октроированной конституции, предоставлял избирательное право только так называемым «самостоятельным пруссакам» (см. примечание 287). — *210.*

[181] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава VIII.— *211.*

[182] *24 февраля 1848 г.* — день, когда французский народ сверг монархию Луи-Филиппа во Франции.

18 марта 1848 г. — начало революции в Пруссии, баррикадные бои в Берлине. — *214.*

[183] Гёте. «Годы учения Вильгельма Мейстера», книга V, глава шестнадцатая (известно также как стихотворение «Миньона»). — *216.*

[184] О нытиках см. примечание 172. — *219.*

[185] Имеется в виду *Комиссия исполнительной власти* (см. примечание 80). — *222.*

[186] Гёте. «Ночная песнь странника». — *230.*

[187] Тилли, полководец Католической лиги во время Тридцатилетней войны, взяв штурмом 20 мая 1631 г. город Магдебург, отдал его на разграбление солдатам. Город был почти полностью уничтожен пожаром и разорен солдатами, около 30 тысяч горожан было убито. — *232.*

[188] Циркулярная нота прусского правительства от 23 января 1849 г., адресованная всем прусским дипломатам в германских государствах, выдвигала план восстановления центрального органа Германского союза — Союзного сейма, этого реакционного феодального учреждения, навязанного германскому народу по решению Венского конгресса в 1815 году. — *232.*

[189] Судебный процесс «Neue Rheinische Zeitung» состоялся 7 февраля 1849 года. Перед судом присяжных в Кёльне предстали К. Маркс как главный редактор, Ф. Энгельс как соредактор и Г. Корф как ответственный издатель (Gerant) газеты. Им было предъявлено обвинение в том, что в статье «Аресты», напечатанной в «Neue Rheinische Zeitung» № 35 от 5 июля 1848 г. (см. настоящее издание, т. 5, стр. 172—174), якобы содержалось оскорбление обер-прокурора Цвейфеля и клевета на жандармов, производивших аресты Готшалька и Аннеке. Хотя судебное следствие было начато 6 июля, судебный процесс был назначен впервые только на 20 декабря, а затем отложен. Защитником Маркса и Энгельса на судебном процессе 7 февраля выступал адвокат Шнейдер II, защитником Корфа — адвокат Хаген. Суд присяжных оправдал обвиняемых, что, как отмечено в отчете о процессе, «вызвало громкое ликование со стороны присутствующей публики». — *235.*

[190] *Соглашателями* (Vereinbarer) Маркс и Энгельс называли депутатов прусского Национального собрания, созванного для выработки конституции «по соглашению с короной». — *241.*

[191] В № 48 «Neue Rheinische Zeitung» от 18 июля 1848 г. была помещена корреспонденция из Дюссельдорфа, в которой подвергалось резкой критике выступление обер-прокурора Шназе против дюссельдорфского Народного клуба. — *245.*

[192] Маркс имеет в виду разоблачения «Neue Rheinische Zeitung» в связи с арестом Ю. Вульфа (№ 40 от 10 июля 1848 г.), Фалькенхайна (№ 43 от 13 июля 1848 г.) и Йозефа Вольфа (№ 62 от 1 августа 1848 г.). В ответ на последнюю корреспонденцию прокурор Геккер выступил с опровержением («Neue Rheinische Zeitung» № 64 от 3 августа 1848 г.), на что редакция газеты ответила заметкой «Г-н Геккер и «Neue Rheinische Zeitung»» (№ 65 от 4 августа 1848 г.). — *246.*

[193] См. статью «Судебное следствие против «Neue Rheinische Zeitung»» (настоящее издание, т. 5, стр. 183). — *251.*

[194] Имеется в виду реакционная клика (братья Герлах, Радовиц и др.), окружавшая прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. — *252.*

[195] Процесс против Рейнского окружного комитета демократов состоялся 8 февраля 1849 года. Перед судом присяжных в Кёльне предстали К. Маркс, К. Шаппер и адвокат Шнейдер II; им было предъявлено

обвинение в подстрекательстве к мятежу в связи с воззванием этого комитета от 18 ноября 1848 г. об отказе от уплаты налогов (см. настоящий том, стр. 33). Суд присяжных оправдал обвиняемых. — *254.*

196 О «дикой охоте» см. примечание 141. — *264.*

197 О Habeas Corpus Akte см. примечание 36.

Закон о гражданском ополчении, принятый Национальным собранием 13 октября 1848 г., ставил гражданское ополчение в полную зависимость от правительства. Однако и в этом виде существование гражданского ополчения казалось контрреволюции опасным. 12 ноября 1848 г., после вступления войск Врангеля в Берлин, ополчение было там разоружено. — *265.*

198 О приказе по армии, предложенном Штейном, см. примечание 121. — *266.*

199 Unruh. «Skizzen aus Preusens neuester Geschichte». Magdeburg, 1849 (Унру. «Очерки из новейшей истории Пруссии». Магдебург, 1849). — *266.*

200 *Пенсильванские тюрьмы* — тюрьмы с системой одиночного заключения. Первая такая тюрьма была построена в 1791 г. в Филадельфии (США, штат Пенсильвания). В XIX в. система одиночного заключения широко распространилась в Европе; в Германии к этой системе принадлежит построенная в 1844 г. известная тюрьма Моабит в Берлине и целый ряд других. — *276.*

201 7 и 8 февраля 1849 г. состоялись судебные процессы против редакторов «Neue Rheinische Zeitung» и против Рейнского окружного комитета демократов. — *277.*

202 Имеется в виду серия «Политических бесед» Л. Шюккинга, опубликованных в «Kolnische Zeitung» №№ 29, 30, 34 и 35 от 3, 4, 9 и 10 февраля 1849 года. Одно из действующих лиц этих диалогов, Вагнер, говорит, обращаясь к профессору Уриану: «Вы всегда немного прикидывались Мефистофелем». — *277.*

203 *Кассандра* — образ пророчицы в древнегреческом эпосе. — *279.*

204 О «Прусских союзах» см. примечание 169. — *280.*

205 На народном собрании в Нёйссе (близ Дюссельдорфа) 22 ноября 1848 г. Лассаль выступил с речью, в которой призывал оказать в случае необходимости вооруженную поддержку прусскому Национальному собранию. В тот же день Лассаль был арестован. — *286.*

206 *Code d'instruction criminelle* — действовавший в Рейнской провинции французский Уголовно-процессуальный кодекс. Маркс цитирует далее статью 360 этого кодекса. — *287.*

207 О развиваемых в данной статье взглядах Энгельса на судьбы славянских народов, входивших в состав Австрийской империи, см. предисловие к настоящему тому, стр. XI—XIII.—*289.*

[208] «Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag». Koethen, 1848. — *290.*

[209] См. статью Энгельса «Празднество наций в Лондоне» (настоящее издание, т. 2, стр. 587—599), речи Маркса и Энгельса «О Польше», статьи Энгельса «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне», ««Удовлетворенное» большинство», а также «Речь о свободе торговли», произнесенную Марксом в Брюсселе в январе 1848 года (настоящее издание, т. 4, стр. 371—373, 384—387, 391—397 и 404—418). — *293.*

[210] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава VII. — *294.*

[211] *Шокцы* — прозвище сербов, большей частью католиков, населявших Славонию и Южную Венгрию. — *295.*

[212] *Морлаки* — группа сербов в Далмации, в большинстве своем католики. — *296.*

[213] См. статьи Энгельса «Положение в Германии» (настоящее издание, т. 2, стр. 559—579), «Немецкий социализм в стихах и прозе», речь «О Польше», «Три новых конституции», «Несколько слов газете «Riforma»» (настоящее издание, т. 4, стр. 208—248, 372—373, 483—487 и 495— 497). — *299.*

[214] *Славянская липа* — чешское национальное общество, основанное в конце апреля 1848 года. В Праге руководство обществом находилось в руках буржуазных либералов (Шафарик, Гауч), которые после пражского восстания в июне 1848 г. перешли в лагерь контрреволюции, тогда как в провинциальных филиалах имели влияние преимущественно представители радикальной чешской буржуазии. — *302.*

[215] *Сворность* — национальная, преимущественно студенческая организация, возникшая в Чехии в марте 1848 года.

Буршеншафты — немецкие студенческие организации, возникшие под влиянием освободительной войны против Наполеона; выступали за объединение Германии. Наряду с прогрессивными идеями в буршеншафтах были широко распространены идеи крайнего национализма. — *304.*

[216] *Вартбургское празднество* было организовано немецким студенчеством 18 октября 1817 г. в связи с 300-летием Реформации и 4-й годовщиной Лейпцигской битвы 1813 года. Это празднество, на котором проявились националистические настроения, вылилось потом в демонстрацию оппозиционного студенчества против меттерниховского режима. — *304.*

[217] Песня А. Бинцера, написанная в 1819 г. по поводу роспуска студенческого союза в Йене. — *304.*

[218] *Сословные комиссии* были учреждены в Пруссии в 1842 году. Они избирались провинциальными ландтагами из своего состава по сословиям. Сословные комиссии образовывали объединенный орган — Соединенные комиссии, который пользовался совещательными функциями. — *307.*

[219] «Gesetz-Sammlung fur die Koniglichen Preusischen Staaten. 1844». Berlin, S. 96 («Собрание узаконений для прусского королевства. 1844». Берлин, стр. 96). — *308.*

[220] Некоторые неточности в приводимых в статье таблицах и подсчетах исправлены на основании изданной А. Т. Вённгером книги: «Preusens Erster Reichstag». Th. 7, Berlin, 1847 («Первый прусский рейхстаг». Ч. 7, Берлин, 1847). — *308.*

[221] К. A. Kamptz. «Jahrbucher fur die Preusische Gesetzgebung, Rechtswissenschaft und Rechtsverwaltung». Bd. 37, Berlin, 1831, S. 407 (К. А. Кампц. «Ежегодник прусского законодательства, юриспруденции и судопроизводства». Т. 37, Берлин, 1831, стр. 407). — *210.*

[222] «Allgemeines Landrecht fur die Preusischen Staaten», zweiter Theil, zwanzigster Titel, § 333 («Общее прусское право», часть вторая, раздел двадцатый, § 333). — *310.*

[223] О тактике Маркса во время выборов во вторую палату прусского ландтага см. настоящий том, стр. 630. — *318.*

[224] Эта мысль содержится в статье Э. Дронке «Заседание Национального собрания 7 и 8 августа», «Neue Rheinische Zeitung» № 74 от 13 августа 1848 года. — *319.*

[225] *«Schlesische Zeitung»* («Силезская газета») — немецкая ежедневная газета, издавалась в Бреславле с 1742 года; накануне и во время революции 1848 — 1849 гг. — орган конституционно-монархических кругов. — *319.*

[226] Гёте. «Кроткие ксении». — *321.*

[227] 16 и 17 февраля 1849 г. в Кёльне разбиралось дело Кинкеля по обвинению в оскорблении войск прусского гарнизона в Майнце. Кинкель был приговорен к одному месяцу тюрьмы. — *322*.

[228] *«La Reforme»* («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей.

«La Republique» («Республика») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных республиканцев; издавалась в Париже с 26 февраля 1848 по 2 декабря 1851 г. под редакцией Э. Бареста.

«La Revolution democratique et sociale» («Демократическая и социальная революция») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев; издавалась в Париже с 7 ноября 1848 по 13 июня 1849 г. под редакцией Ш. Делеклюза. — *322.*

[229] *«The Northern Star»* («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов, основана в 1837 году; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в редакцию входил также Дж. Гарни. С 1843 по 1850 г. в газете печатались статьи и заметки Ф. Энгельса. —- *323*.

[230] Речь идет об итальянских демократических газетах — *«L'Alba»* («Рассвет»), издававшейся во Флоренции в 1847 — 1849 гг., и *«Il Contemporaneo»* («Современник»), издававшейся в Риме в 1846—1849 гг., а также о буржуазно-либеральной газете *«La Concordia»* («Согласие»), издававшейся в Турине в 1848—1849 годах. — *323.*

[231] В приложении к № 225 «Neue Rheinische Zeitung» дается подробный анализ и критика этой австрийской сводки. На нее ссылается Энгельс и в конце данной статьи. — *327.*

[232] На основе всеобщего избирательного права, завоеванного в результате народного восстания 16 ноября 1848 г. и последующего развития буржуазно-демократической революции в Риме, 21 января 1849 г. было избрано Учредительное собрание, которое 9 февраля лишило папу светской власти и провозгласило республику. Римская республика просуществовала до 3 июля 1849 г., когда она пала под ударами иностранной интервенции. — *330.*

[233] *«Frankfurter Oberpostamts-Zeitung»* («Франкфуртская главная почтовая газета») — немецкая газета, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне с 1619 по 1866 г. и принадлежавшая князьям Турн-унд-Таксис, обладателям почтовой привилегии. В период революции 1848—1849 гг. была органом центральной власти — имперского регента и имперского министерства. — *224.*

[234] *«Revue retrospective ou Archives secretes du dernier Gouvernement»* («Ретроспективное обозрение, или Секретные архивы последнего правительства») — сборник, издававшийся Ж. Ташеро в Париже с 1833 по 1838 ежемесячно и в 1848 г. непериодически. В № 3 этого сборника за 1848 г. опубликована роспись секретных фондов министерства иностранных дел Июльской монархии за 1840, 1842, 1844—1847 годы, в которых значится ежегодная пенсия тайному агенту правительства Гизо, редактору «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung» — К. П. Берли. — *334.*

[235] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *334.*

[236] «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung» в № 44 от 20 февраля 1849 г. цитирует напечатанную в газете «Die Deutsche Reform» корреспонденцию из Парижа. — *334.*

[237] Цитируемый в статье первоначальный текст тронной речи Фридриха-Вильгельма IV при открытии заседаний прусского ландтага был опубликован в экстренном приложении к № 233 «Neue Rheinische Zeitung» 28 февраля 1849 года. В тексте тронной речи, напечатанном в «Neue

Rheinische Zeitung» вслед за данной статьей, это место в исправленном виде гласило: «К моему сожалению оказалось необходимым объявить в столице и ее ближайших окрестностях осадное положение для восстановления законного порядка и общественной безопасности. Соответствующие предложения будут представлены вам, господа, незамедлительно». — *336.*

[238] О сентябрьских законах см. примечание 131. — *336.*

[239] *Белый зал* — помещение в Королевском дворце в Берлине; здесь 26 февраля 1849 г. состоялось первое совместное заседание обеих палат вновь созванного прусского ландтага. — *338.*

[240] Имеются в виду изданные прусским правительством 9 февраля 1849 г. два указа об изменениях в старом промысловом уставе — о введении институтов промысловых советов (Gewerberate) и промысловых судов (Gewerbegerichte). — *340.*

[241] *Gagging laws* (законы о затыкании рта) — так назывались шесть чрезвычайных законов, изданных в Англии в 1819 году; они ограничивали свободу слова, собраний и печати. — *340.*

[242] *«Deutsche Allgemeine Zeitung»* («Немецкая всеобщая газета»)—выходила под данным названием в Лейпциге с 1843 по 1879 год; до лета 1848 г. имела консервативное, затем — либеральное направление. — *342.*

[243] В составленном Руге «Избирательном манифесте радикальной партии реформ в Германии» (апрель 1848 г.) главной задачей общегерманского Национального собрания провозглашалось «редактирование разума событий». — *343.*

[244] Издание этой газеты («Allgemeine demokratische Zeitung») не было осуществлено. — *343.*

[245] *«Die Reform. Organ der demokratischen Partei»* («Реформа. Орган демократической партии») — немецкая газета, орган мелкобуржуазных демократов; издавалась А. Руге и Г. Б. Оппенхеймом под редакцией Э. Мейена с апреля 1848 г. в Лейпциге и Берлине; с лета 1848 г. до начала 50-х годов выходила в Берлине. — *343.*

[246] Так называемые *хлебные законы,* направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев — лендлордов. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. Эта мера и связанное с ней снижение хлебных цен, вызвав некоторое удешевление жизни, привели в конечном счете к снижению заработной платы рабочих и увеличению прибылей буржуазии. — *346.*

[247] Борьба за захват области Орегон на тихоокеанском побережье Северной Америки закончилась в 1846 г. разделом этой области между США и Англией. Таким образом США вышли на побережье Тихого океана. — *346.*

[248] В 1845 — 1849 гг. Англия вела в Индии захватнические войны против государства сикхов; результатом этих войн была аннексия Ост-Индской компанией всего Пенджаба. — *346.*

[249] Критику Марксом и Энгельсом этого выступления Боуринга см. в настоящем издания, т. 4, стр. 257—263, 410, 412. — *346.*

[250] *Petty sessions* (малые сессии) — сессии мировых судов в Англии; рассматривают мелкие дела по упрощенному судопроизводству.

Quarter sessions (квартальные сессии) — съезды мировых судей, заседающие четыре раза в год. — *351.*

[251] *Центральный мартовский союз* во Франкфурте и его филиалы в различных городах Германии были организованы в конце ноября 1848 г. депутатами левого крыла франкфуртского Национального собрания. Маркс и Энгельс, уже начиная с декабря 1848 г., бичевали в «Neue Rheinische Zeitung» половинчатую, нерешительную политику руководивших союзом лидеров мелкобуржуазной демократии, показывая, что эта политика была на руку врагам революции. — *354.*

[252] 4 марта 1849 г. австрийская камарилья, стоявшая за спиной молодого императора Франца-Иосифа I, совершила государственный переворот, навязав стране новую, антидемократическую конституцию; 7 марта был распущен заседавший в Кремзире рейхстаг. — *357.*

[253] Намек на заявление Фридриха-Вильгельма IV в его речи при открытии Соединенного ландтага 11 апреля 1847 г. о том, что он является «наследником неослабленной короны и должен в неослабленном виде передать ее своим преемникам». — *360.*

[254] Под плакатом в первой половине XIX в. подразумевали всякое воззвание, объявление, уведомление, вывешенное на улице для всеобщего обозрения. Плакаты были острым оружием в политической борьбе, средством революционного воздействия на массы. — *360.*

[255] *Черный, красный* и *золотой* — цвета, ставшие символом национально-объединительного движения в Германии. — *361.*

[256] Так называемый закон о *crieurs publics* (уличных продавцах газет), изданный правительством Луи-Филиппа в 1834 г., имел целью затруднить распространение оппозиционных печатных изданий. — *361.*

[257] После присоединения Рейнской области к Пруссии в 1815 г. прусское правительство стремилось внедрить в этой провинции, вместо действовавших там французских буржуазных кодексов, феодальное прусское право посредством целого ряда законов, указов, предписаний, направленных к восстановлению в Рейнской провинции феодальных привилегий дворянства (майоратов), введению прусского уголовного законодательства, законов о браке и т. п. Эти мероприятия, вызывавшие решительную оппозицию в Рейнской провинции, были отменены после мартовской революции указами от 15 апреля 1848 года. — *362.*

[258] Весной 1849 г. в Берлине начала выходить основанная Ганземаном «Constitutionelle Zeitung» («Конституционная газета») — немецкая либерально-буржуазная газета. — *367.*

[259] См. примечание 145. — *377.*

[260] Дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк всех прямых налогов, принятый французским временным правительством 16 марта 1848 г., пал основной своей тяжестью на крестьян. Результатом этой политики буржуазных республиканцев явилось то, что крестьянство отшатнулось от революции и на президентских выборах 10 декабря 1848 г. отдало свои голоса Луи Бонапарту. — *378.*

[261] Имеются в виду первая реставрация Бурбонов в мае 1814 г. и вторая реставрация в июле 1815 г., после неудачной попытки Наполеона I вернуть себе императорский трон («Сто дней»), — *378.*

[262] *«Journal des Debats politiques et litteraires»* («Газета политических и литературных дебатов») — французская ежедневная буржуазная газета, основанная в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии. — *379.*

[263] 15 мая 1848 г. произошло революционное выступление парижских рабочих во главе с Бланки, Барбесом и др. против антирабочей контрреволюционной политики буржуазного Учредительного собрания, которому был предъявлен ряд требований, в том числе выдвинутое Барбесом требование ввести миллиардный налог на богачей. — *379.*

[264] В Бурже 7 марта — 3 апреля 1849 г. слушался процесс участников событий 15 мая 1848 года. В результате этого процесса Барбес 2 апреля 1849 г. был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Бланки был приговорен к 10 годам одиночного заключения, Дефлотт, Собрие, Распайль, Альбер и другие — к различным срокам тюремного заключения и ссылки в колонии. — *379.*

[265] Речь идет о статье «Документ Мартовского союза», напечатанной в «Neue Rheinische Zeitung» № 181 от 29 декабря 1848 г., где разоблачается истинное лицо мелкобуржуазных вожаков из числа франкфуртской левой, которые своей половинчатой политикой помогали контрреволюции. «Neue Rheinische Zeitung» называет их «жирондистами нашей революции». — *382.*

[266] Имеется в виду реакционный «Католический союз» при франкфуртском Национальном собрании, во главе которого стоял Радовиц — лидер крайней правой, «душа прусской контрреволюции», как называл его Маркс (см. настоящий том, стр. 492).—*382.*

[267] Намек на подзаголовок известной в то время книги Роттека (см. примечание 103). — *383.*

[268] Клуб *фельянов* в период французской буржуазной революции конца XVIII в. представлял интересы крупной буржуазии, тесно связанной с королевской властью, а также либерального дворянства, и объединял сторонников конституционной монархии. — *383.*

[269] Карл Фогт, один из руководителей «Мартовского союза» в 1848— 1849 гг., пошел еще дальше, чем это предсказывала ему «Neue

Rheinische Zeitung», — он стал платным агентом Луи Бонапарта. См. памфлет Маркса «Господин Фогт» (1860). — *383.*

[270] Из баллады Г. А. Бюргера «Ленора». — *385.*

[271] Намек на подавление царскими войсками польского восстания 1830—1831 годов. — *385.*

[272] *Имперский суд* — верховная судебная инстанция в Германии XV— XVIII вв.— стал притчей во языцех из-за невероятной волокиты и медлительности, а также из-за продажности его членов. Имперский суд прекратил свое существование в 1806 г., с ликвидацией так называемой Священной Римской империи германской нации. — *386.*

[273] Во время подавления восстания в Познани в конце апреля — начале мая 1848 г. прусские войска потерпели поражение при Милославе и расстреляли польских повстанцев около Врешена (Вжесни) (см. настоящий том, стр. 172—173).

«Победами» прусской армии Энгельс иронически называет кровавое подавление прусскими войсками народных движений в Ангальте в марте 1849 г., в Майнце в мае 1848 г. и восстания во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1848 года. — *386.*

[274] Годовщина восстания парижских рабочих в июне 1848 года. — *388.*

[275] Кампгаузен был одним из акционеров «Rheinische Zeitung», которая издавалась в Кёльне в 1842 — 1843 годах. — *388.*

[276] *Фридрихсхайн* — см. примечание 147. — *389.*

[277] *Сословные собрания* провинций (ландтаги) были учреждены в Пруссии в 1823 году. Они состояли из представителей четырех сословий (князей, дворянства, городов и сельских общин). Избирательный ценз и вся механика выборов обеспечивали большинство в ландтагах дворянству. Ландтаги созывались королем, компетенция их ограничивалась вопросами местного хозяйства и провинциального управления. Ландтаги обладали весьма ограниченными совещательными функциями — они имели право высказывать свое мнение по поводу тех или иных законопроектов, предлагаемых правительством на их обсуждение. В 1843 г., под предлогом введения единого законодательства для Прус-сии, король внес на обсуждение рейнского ландтага новый проект уголовного законодательства, который должен был заменить в Рейнской провинции более либеральный французский Уголовный кодекс. Седьмой рейнский ландтаг (1843) отклонил этот законопроект, заявив, что действующее в Рейнской провинции законодательство вполне соответствует нравам, обычаям и правовым отношениям Рейнской провинции. — *390.*

[278] Намек на рескрипты (патенты) Фридриха-Вильгельма IV от 3 февраля 1847 г. о созыве Соединенного ландтага. — *390.*

[279] *Укермарк* — северная часть провинции Бранденбург (Пруссия), оплот реакционного прусского юнкерства. — *391.*

[280] *Святая германдада* — см. примечание 6. —*392.*

[281] Имеется в виду Венский конгресс (1814—1815), на котором Австрия, Англия и царская Россия, возглавлявшие европейскую реакцию, перекроили карту Европы в целях реставрации легитимных монархий, вопреки интересам национального воссоединения и независимости народов. — *392.*

[282] Так называемые *Соединенные комиссии* из представителей провинциальных ландтагов собрались в январе 1848 г. для обсуждения проекта нового уголовного законодательства. Созывая эти комиссии, прусское правительство рассчитывало видимостью подготовки реформ успокоить нараставшее общественное возбуждение. Деятельность комиссий была прервана развернувшимися в начале марта революционными выступлениями в Германии. — *392.*

[283] Имеется в виду указ прусского короля от 6 марта 1821 г., распространявший на Рейнскую провинцию действие прусского уголовного законодательства относительно государственных преступлений. — *394.*

[284] 5 декабря 1848 г. контрреволюционное правительство Бранденбурга — Мантёйфеля распустило прусское Национальное собрание, опубликовало так называемую октроированную конституцию и назначило созыв палат на 26 февраля 1849 года. — *399.*

[285] *Нытики* — см. примечание 172. — *402.*

[286] Во время кампании против наполеоновской Франции в январе — феврале 1814 г. прусская армия, в числе других войск коалиции, потерпела ряд поражений в Шампани (сражения при Бар-сюр-Об, Сен-Дизье, Монмирае и др.).

Разгром прусской армии под Йеной 14 октября 1806 г., который повлек за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией, показал всю гнилость социально-политического строя феодальной монархии Гогенцоллернов. — *402.*

[287] Избирательный закон от 6 декабря 1848 г. о выборах во вторую палату признавал избирательное право за так называемыми «самостоятельными пруссаками»; эта неопределенная формула предоставляла правительству неограниченные возможности для сужения круга избирателей. — *404.*

[288] *Церковь св. Стефана* в Лондоне — часть Вестминстерского дворца, где в XVI—XIX вв. происходили заседания английской палаты общин.

«Бесподобная палата» — палата депутатов во Франции в 1815— 1816 гг., состоявшая из крайних реакционеров.

Палата 24 февраля 1848 г. — палата депутатов во Франции, пытавшаяся противодействовать развертыванию революции и сохранить монархию, заменив Луи-Филиппа его внуком — графом Парижским, в пользу которого Луи-Филипп отрекся от престола 24 февраля 1848 года. — *405.*

[289] 12 марта 1849 г. сардинский король расторг заключенное 9 августа 1848 г. перемирие с Австрией, и 20 марта возобновились военные действия. Однако уже 23 марта пьемонтская армия была разбита. Карл-

Альберт отрекся от престола. Новый король Виктор-Эммануил II 26 марта заключил перемирие с австрийцами, а 6 августа 1849 г. был заключен мир. — *409.*

[290] Слова из польского национального гимна. — *411.*

[291] Летом 1848 г., во время революции в Северной Италии, Гарибальди предложил свою помощь Карлу-Альберту, Однако добровольческому отряду Гарибальди, брошенному на произвол судьбы командованием пьемонтской армии, пришлось, по существу, сражаться один на один с австрийцами; отряд был разбит и вынужден отступить в Швейцарию. — *412.*

[292] Речь идет о походе итальянских революционеров-эмигрантов, организованном буржуазным демократом Мадзини в 1834 году. Отряд повстанцев вторгся из Швейцарии в Савойю, но был разбит пьемонтскими войсками. — *413.*

[293] Имеется в виду принятый в первом чтении французским Национальным собранием 21 марта 1849 г. закон о запрещении клубов. Этот закон лишал рабочих свободы собраний и свободы союзов. — *414.*

[294] *24 февраля 1848 г.* — день свержения монархии Луи-Филиппа во Франции. — *414.*

[295] В освободительной войне испанского народа против наполеоновского господства решающую роль сыграли народные партизанские отряды.— *416.*

[296] *Верный Эккарт* — герой немецких средневековых сказаний, типичный образ преданного человека, надежного стража. В легенде о Тангейзере он стоит на страже у Венериной горы и предупреждает всех приближающихся об опасности чар Венеры. — *426.*

[297] Речь идет о брошюре Радовица «Deutschland und Friedrich Wilhelm IV». Hamburg, 1848 («Германия и Фридрих-Вильгельм IV». Гамбург, 1848).— *426.*

[298] В основу работы *«Наемный труд и капитал»* положены лекции, которые Маркс читал в Немецком рабочем обществе в Брюсселе во второй половине декабря 1847 года. Сохранилась переписанная рукой И. Вейдемейера и почти полностью соответствующая опубликованному в «Neue Rheinische Zeitung» тексту рукопись под названием «Заработная плата». В начале 1848 г. Маркс сделал попытку опубликовать работу в Брюсселе. Однако издание было прекращено вследствие высылки Маркса из Бельгии.

Впервые работа была опубликована в виде передовых статей в «Neue Rheinische Zeitung» 5—8 и 11 апреля 1849 г. под названием «Наемный труд и капитал». Печатание этих статей было прервано ввиду временного отъезда Маркса из Кёльна, а затем вследствие обострения политической обстановки в Германии и прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung».

Уже эта первая публикация «Наемного труда и капитала» способствовала пропаганде идей научного социализма среди немецких

рабочих. Так, по решению комитета кёльнского Рабочего союза эти статьи Маркса были рекомендованы для обсуждения в рабочих союзах Кёльна и других городов.

После закрытия «Neue Rheinische Zeitung» Маркс намеревался издать «Наемный труд и капитал» отдельной брошюрой, но ему самому осуществить это намерение не удалось. Первое отдельное издание этой работы вышло в Бреславле в 1880 г. без участия Маркса. Второе было выпущено там же в 1881 году. При участии Энгельса и с его кратким вводным замечанием об истории публикации произведения вышло издание 1884 г. в Хоттингене — Цюрихе. Первый перевод «Наемного труда и капитала» был сделан на русский язык (с немецкого издания 1880 г.); он вышел в Женеве в 1883 году.

В 1891 г. под редакцией и с введением Энгельса вышло новое издание брошюры, предназначенное для пропаганды среди рабочих. В текст этого издания Энгельс внес некоторые изменения и дополнения, с целью привести изложение в соответствие с дальнейшим развитием экономического учения Маркса. Относительно новой редакции текста Энгельс во введении писал: «Все внесенные мной изменения относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд,* согласно теперешнему тексту — свою *рабочую силу».* И далее Энгельс обосновывает необходимость этого изменения.

Опубликованный текст «Наемного труда и капитала» остался незаконченным. Частично его дополняет относящаяся к декабрю 1847 г. рукопись Маркса «Заработная плата» (см. настоящий том, стр. 579— 602).

В настоящем томе работа Маркса печатается по тексту, опубликованному в «Neue Rheinische Zeitung». Все существенные изменения, внесенные Энгельсом в отдельное издание 1891 г., приведены в подстрочных примечаниях. Разбивка работы на части дается в соответствии с делением на статьи в «Neue Rheinische Zeitung». —- *428.*

299 Как указывает Энгельс в своем введении к изданию 1891 г., «в печати работа осталась незаконченной; находящееся в конце статьи в № 269 обещание «Продолжение следуете осталось невыполненным вследствие нахлынувших тогда событий —вступления русских в Венгрию, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, Пфальце и Бадене, —-событий, повлекших за собой прекращение выхода самой газеты».— *459.*

300 В «Neue Rheinische Zeitung» №№ 265, 266, 267, 269 и 271 от 6, 7, 8, 11 и 13 апреля 1849 г. была напечатана серия фельетонов Г. Веерта, в которых высмеивалось принятое 28 марта 1849 г. решение франкфуртского Национального собрания об избрании германским императором прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. — *462.*

301 В битве при Новаре (Северная Италия) 23 марта 1849 г. австрийская армия нанесла решающее поражение пьемонтской армии. Об этой битве см. статью Энгельса «Поражение пьемонтцев» (настоящий том, стр. 413—423).

В результате успешного наступления венгерской армии в начале апреля 1849 г. австрийская армия была вынуждена отступить из Пешта, сохранив свой гарнизон в крепости Буда, осада которой затянулась до 2 мая, когда крепость была взята венграми.

«Морским боем» у Эккернфёрде Энгельс иронически называет обстрел немецкой береговой батареей датской эскадры и захват двух

кораблей 5 апреля 1849 г. в гавани Эккернфёрде (Шлезвиг); это событие, не оказавшее сколько-нибудь значительного влияния на ход войны с Данией, изображалось официальной прусской прессой как крупная победа прусских войск.

13 апреля 1849 г. так называемые войска Германского союза взяли штурмом датские укрепления у деревни Дюппель (Шлезвиг). — *463.*

[302] Законы о затыкании рта — см. примечание 241. — 462.

[303] См. «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen der durch das Allerhochste Patent vom 5. Dezember 1848 einberufenen Kammern. Zweite Kammer». Berlin, 1849, S. 462—465 («Стенографический отчет о дебатах палат, созванных по высочайшему указу от 5 декабря 1848 года. Вторая палата». Берлин, 1849, стр. 462—465). — 463.

[304] В Познани после мартовской революции 1848 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание поляков против гнета реакционной Пруссии; в этом движении, наряду с возглавлявшими его шляхетскими элементами, принимали широкое участие крестьяне и ремесленники. Прусское правительство в марте 1848 г. пошло на уступки, обещав создать комиссию для проведения преобразований в Познани: организации польского войска, назначения поляков на административные и другие должности и признания польского языка официальным языком в Познани. Однако королевский указ от 14 апреля 1848 г. установил разделение герцогства Познанского на две части: восточную — польскую и западную — «немецкую», не подлежащую «реорганизации». После кровавого подавления восстания в Познани (апрель — май 1848 г.) демаркационная линия в последующие месяцы переносилась все дальше на восток, захватив в результате почти всю территорию великого герцогства Познанского. Обещанная полякам «реорганизация» так и не была проведена. Маркс и Энгельс резко выступали против подавления прусской реакцией и буржуазной контрреволюцией национально-освободительной борьбы поляков (см. статьи «Новый раздел Польши», «Новая политика в Познани», «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте», настоящее издание, т. 5, стр. 54—55, 97—98 и 335—388).— 464.

[305] Картофельная война — ироническое название продолжавшейся с 1778 по 1779 г. так называемой войны за баварское наследство между Пруссией и Саксонией, с одной стороны, и Австрией — с другой, во время которой военные действия свелись в основном к передвижению войск и ссорам солдат из-за картофеля. — 465.

[306] «Zeitung des Osten» («Восточная газета») — ежедневная демократическая газета, издававшаяся в 1849 г. в Познани деятелем польского национально-освободительного движения, членом Познанского национального комитета В. Стефаньским. — 469.

[307] См статью «Согласительное заседание 15 июня» (настоящее издание, т. 5, стр. 81—82). — 470.

[308] Союз Густава-Адольфа (основан в 1832 г.) — религиозная организация для помощи протестантским общинам в католических областях Германии; Рупп, в прошлом пастор в Кёнигсберге, отстраненный от

должности за критику церковной догматики, был исключен из этого союза в 1846 году. — *472.*

[309] *«Друзья света»* — оформившееся в 1841 г. религиозное течение, направленное против господствовавшего в официальной протестантской церкви пиетизма и свойственного ему крайнего мистицизма и ханжества. Эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии 40-х годов XIX в. реакционными порядками в Германии. В 1846 г. движение «Друзей света» привело к образованию так называемых *«Свободных общин»,* выделившихся из официальной протестантской церкви. — *472.*

[310] Строка из прусского гимна. — *474.*

[311] *Атта Троль* — медведь, главный персонаж одноименной поэмы Гейне. В ряде мест поэмы, особенно в 7 главе, идет речь о ненависти медведя-мизантропа к смеху людей. — *474.*

[312] Лассаль был арестован в Дюссельдорфе 22 ноября 1848 года. Ему было предъявлено обвинение в призыве к вооружению против государственной власти (см. настоящий том, стр. 286—288). Процесс против него всячески затягивался судебными властями Рейнской провинции. В ответ на просьбы Лассаля в письмах Марксу и Энгельсу выступить в его защиту в «Neue Rheinische Zeitung» был опубликован ряд статей о злоупотреблениях и незаконных действиях судебных властей по отношению к Лассалю. Маркс и Энгельс приняли также участие 3 марта в депутации к генеральному прокурору Николовиусу с протестом против затягивания судебного разбирательства по делу Лассаля (сообщение об этом было опубликовано в «Neue Rheinische Zeitung» № 238, 6 марта 1849 года). Суд состоялся 3—4 мая; присяжные оправдали Лассаля. Отчет о процессе был напечатан во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 291, 8 мая 1849 года. — *482.*

[313] 27 апреля 1849 г, прусское правительство распустило вторую палату. Поводом для роспуска послужило одобрение палатой имперской конституции, принятой 27 марта франкфуртским Национальным собранием. — *485.*

[314] Об адском камне см. примечание 151. — *487.*

[315] См. серию статей «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте» (настоящее издание, т. 5, стр. 335—388). — *487.*

[316] *Смутьяны* — см. примечание 172. — *491.*

[317] *Конверсационсхалле* — зал в Берлине, где 27 апреля 1849 г., после роспуска второй палаты прусского ландтага, собрались депутаты левого крыла. С помощью констеблей это собрание было разогнано. — *491.*

[318] Первый раз Лассаль находился в заключении с февраля по август 1848 г. в связи с возбужденным против него процессом; он обвинялся в подстрекательстве к краже шкатулки с документами для использования их в бракоразводном процессе графини Гацфельдт, который Лассаль вел в качестве адвоката с 1846 по 1854 год. — *494.*

[319] Из баллады Шиллера «Порука». — *498.*

[320] Бассерман, депутат франкфуртского Национального собрания, направился 7 ноября 1848 г. в Берлин в качестве одного из комиссаров центральной власти. По возвращении он доложил Собранию 18 ноября, что решительные меры были приняты прусским правительством не без основания, так как-де на улицах Берлина в последнее время появились личности свирепого вида, которые обычно появляются перед анархическими волнениями. Отсюда и пошло ироническое выражение «бассермановские личности». — *498.*

[321] 18 сентября 1848 г. во Франкфурте-на-Майне вспыхнуло народное восстание в знак протеста против ратификации франкфуртским Национальным собранием перемирия с Данией. В тот же день восстание было подавлено с помощью прусских и австрийских войск. Мелкобуржуазные лидеры левого крыла Национального собрания своим трусливым поведением содействовали поражению восстания. — *499.*

[322] 26 сентября 1848 г. власти, напуганные подъемом революционно-демократического движения в Кёльне, ввели там осадное положение «для охраны личности и собственности». Приказом военной комендатуры была запрещена деятельность всех союзов, преследующих «политические и социальные цели», запрещены собрания на улицах и площадях, распущено гражданское ополчение, которому предписывалось сдать оружие, вводились военные суды, приостанавливался выход «Neue Rheinische Zeitung» и ряда других демократических газет. — *507.*

[323] В воскресенье 6 мая 1849 г. в Кёльне состоялись три съезда организаций Рейнской провинции и Вестфалии: съезд рабочих союзов, съезд демократических союзов, а в пригороде Кёльна, Дёйце — съезд конституционно-монархических «союзов граждан». — *508.*

[324] 25 сентября 1848 г. кёльнские власти путем ареста ряда руководителей демократических и рабочих союзов спровоцировали преждевременное выступление рабочих, начавших строить в городе баррикады. Маркс и его сторонники приложили немало усилий, чтобы удержать кёльнских рабочих от преждевременного и изолированного выступления. На другой день в Кёльне под предлогом «охраны личности и собственности» было введено осадное положение. — *509.*

[325] Из стихотворения Гейне «Оборотень» («Der Wechselbalg»). — *519.*

[326] По Оливскому мирному договору 1660 г. Восточная Пруссия, находившаяся до того в вассальной зависимости от польского короля, перешла к курфюрсту Бранденбургскому. — *519.*

[327] Имеется в виду первый раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией, который произошел в 1772 году. — *520.*

[328] Имеется в виду Базельский мир 1795 г., который Пруссия сепаратно заключила с Францией. —*520.*

[329] В 1788 г. по инициативе Бишофсвердера, советника Фридриха-Вильгельма II, в Пруссии были изданы королевские указы, ограничивавшие права печати и свободу вероисповедания. — *520.*

[330] Так называемый *германский Союзный акт,* принятый на Венском конгрессе 8 июня и подтвержденный *венским Заключительным актом* 9 июня 1815 г., содержал туманные обещания конституционных реформ, которые так и остались на бумаге. — *521.*

[331] *Карлсбадские постановления* — ряд реакционных постановлений, выработанных в августе 1819 г. на конференции представителей государств Германского союза в Карлсбаде (Карловы Вары). Эти постановления предусматривали введение во всех германских государствах предварительной цензуры, установление строжайшего надзора над университетами, запрещение студенческих обществ, учреждение центральной следственной комиссии для преследования лиц, заподозренных в оппозиции (так называемых «демагогов»). Вдохновителем этих полицейских мер был австрийский канцлер Меттерних. — *521.*

[332] *Seehandlung* — см. примечание 115. — *521.*

[333] *«Ограниченный разум верноподданных»* — ставшее широко известным в Германии выражение прусского министра внутренних дел фон Рохова. — *521.*

[334] Речь идет о так называемом «Лейнинском прорицании» («Vaticinium Lehninense») — латинской поэме, которая была составлена в конце XVII в., но приписывалась монаху Лейнинского монастыря, жившему в XIII веке. Это своеобразное произведение повествовало о преступлениях правившей в Бранденбурге династии и предсказывало ее гибель.—*522.*

[335] Фридрих-Вильгельм IV, стремившийся к возрождению реакционной феодальной романтики, издал в 1843 г. указ о восстановлении ордена Лебедя — средневекового религиозно-рыцарского ордена, основанного в 1443 г. и распавшегося в эпоху Реформации. Однако этот замысел прусского короля остался неосуществленным. — *522.*

[336] См. примечание 122. — *522.*

[337] *Сан-Суси* — дворец в Потсдаме, одна из резиденций прусских королей. — *523.*

[338] 8 мая 1849 г. в Дрездене было почти полностью подавлено вспыхнувшее 3 мая восстание, которое положило начало борьбе в защиту имперской конституции. — *524.*

[339] В начале мая 1849 г. в Рейнской провинции, баварском Пфальце и в Бадене начались восстания в защиту имперской конституции, принятой франкфуртским Национальным собранием 27 марта 1849 г., но отвергнутой рядом немецких государств во главе с Пруссией. Народные массы видели в имперской конституции единственное еще не уничтоженное завоевание революции. Но восстания, во главе которых стояли главным образом лидеры мелкобуржуазной демократии, носили разобщенный, стихийный характер и были жестоко подавлены к середине июля 1849 года. О характере и ходе этих восстаний, в которых Энгельс принимал личное участие, см. его работу «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, т. 7).— *524.*

[340] В апреле 1849 г. французское буржуазное правительство направило в Италию экспедиционный корпус с целью интервенции против Римской республики и реставрации светской власти папы. 30 апреля 1849 г. французские войска были отброшены от Рима. — *524.*

[341] Маркс имеет в виду тесную связь трех реакционных монархов — прусского короля, русского царя и австрийского императора. — *526.*

[342] Большинство прусского Национального собрания, продолжавшее заседать в Берлине вопреки приказу короля о переводе Собрания в Бранденбург, было разогнано войсками генерала Врангеля 15 ноября 1848 года.

Вторая палата была распущена 27 апреля 1849 г. на основании докладной записки правительства Бранденбурга — Мантёйфеля, санкционированной королем. — *526.*

[343] В крепости Кёнигштейн скрывался бежавший из Дрездена во время восстания в мае 1849 г. саксонский король Фридрих II Август.

«Имперский Макс в Мюнхене» — баварский король Максимилиан II, которого некоторые депутаты франкфуртского Национального собрания выдвигали в качестве кандидата в германские императоры. — *527.*

[344] *Альгуасил* — полицейский офицер в Испании. Эпизод, упомянутый в статье, взят из «Назидательных новелл» Сервантеса («Новелла о беседе собак»). — *539.*

[345] *«Ca ira»* («Дело пойдет на лад») — революционная песня периода французской буржуазной революции конца XVIII века. — *542.*

[346] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», гл. VIII.— *542.*

[347] Имеется в виду оправдание кёльнским судом присяжных редакторов «Neue Rheinische Zeitung» и членов Рейнского окружного комитета демократов на судебных процессах 7 и 8 февраля 1849 года. — *546.*

[348] См. статью «Хюзер» (настоящее издание, т. 5, стр. 15—16). —*547***.**

[349] См. статью К. Маркса «Ответ прусского короля депутации Национального собрания» (настоящее издание, т. 5, стр. 462—463). — *547.*

[350] См. статью К. Маркса «Победа контрреволюции в Вене» (настоящее издание, т. 5, стр. 492—494). — *548.*

[351] См. статью К. Маркса «Государственный прокурор «Геккер» и «Neue Rheinische Zeitung»» (настоящее издание, т. 5, стр. 474—479). — *548.*

[352] *Секлеры*— венгры, живущие в Трансильванских Альпах. — *554.*

[353] О сражении при Йене см. примечание 286.

Прусские крепости Магдебург и Кюстрин в ноябре 1806 г. без боя сдались армии Наполеона. — *561.*

[354] *«Neue Deutsche Zeitung. Organ der Democratie»* («Новая немецкая газета. Орган демократии»)—демократическая газета, выходила в 1848—

1850 гг., до 1 апреля 1849 г. в Дармштадте, а с 1 апреля во Франкфурте-на-Майне. Ответственным редактором газеты до 1 октября 1849 г. был О. Люнинг, а с 1 октября — О. Люнинг, Г. Гюнтер и И. Вейдемейер. — *567.*

[355] *«Westdeutsche Zeitung»* («Западногерманская газета») — немецкая демократическая газета, издававшаяся Г. Беккером в Кёльне с 25 мая 1849 до 21 июля 1850 года. Эта газета, которая стала выходить непосредственно вслед за прекращением выхода «Neue Rheinische Zeitung», претендовала на то, чтобы быть продолжательницей «Neue Rheinische Zeitung»; редакция газеты объявила, что подписчики впредь будут получать «Westdeutsche Zeitung» вместо «Neue Rheinische Zeitung». — *567.*

[356] Статья была написана Энгельсом во время его пребывания в Юго-Западной Германии, куда он направился после прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung». Статья была напечатана в газете пфальцского временного правительства — «Bote fur Stadt und Land» («Вестник для города и деревни»). Вторая статья, написанная Энгельсом, не была опубликована, так как она «встретила возражения, как слишком «возбуждающая»» (см. работу Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», настоящее издание, т. 7). — *568.*

[357] В связи с ожиданием наступления решающих революционных событий во Франции, около 2 июня 1849 г. Маркс отправился в Париж с мандатом Центрального комитета демократов, чтобы представлять германскую революционную партию перед французскими социальными демократами. — *569.*

[358] Речь идет о прусском генерале Пёйкере, который занимал до 10 мая 1849 г. пост военного министра в так называемом имперском правительстве, а затем командовал корпусом имперских войск, подавлявших восстание в Пфальце и Бадене. — *569.*

[359] См. примечание 145. — *571.*

[360] Имеется в виду революционная группа внутри Комиссии двадцати пяти — органа парижского Демократическо-социалистического избирательного комитета,—состоявшая из деятелей рабочих клубов и тайных обществ. Демократическо-социалистический комитет возглавлял в Париже избирательную кампанию Горы по выборам во французское Законодательное собрание 13 мая 1849 года. — *571.*

[361] *Консерватория искусств и ремесел*— учебное заведение в Париже.—*572.*

[362] Имеется в виду *«Демократическая ассоциация друзей конституции»* — организация умеренных, буржуазных республиканцев, созданная членами партии «National» во время избирательной кампании по выборам во французское Законодательное собрание, которые состоялись 13 мая 1849 года. — *572.*

[363] Выступая в Законодательном собрании 11 июня 1849 г., Ледрю-Роллен заявил, что Гора намерена защищать конституцию, если понадобится, силой оружия. — *572.*

[364] Речь идет о кровавом подавлении восстания рабочих в Лионе, вспыхнувшего 15 июня 1849 г. под влиянием событий в Париже 13 нюня 1849 года. -— *573.*

[365] В связи с большими финансовыми и организационными трудностями, возникшими после введения в Кёльне 26 сентября 1848 г. осадного положения и приостановки выхода «Neue Rheinische Zeitung», Маркс был вынужден взять на себя материальную ответственность за издание газеты; он вложил в нее все свои наличные средства и стал таким образом ее фактическим владельцем.—*574.*

[366] После событий 13 июня Париж был объявлен на осадном положении и начались репрессии против демократов и социалистов. В связи с этим французские власти 19 июля 1849 г. уведомили Маркса, что издан приказ о его высылке из Парижа в Морбиан — болотистую, нездоровую местность Бретани. В связи с протестом Маркса высылка была приостановлена. — *574.*

[367] *«Заработная плата»* — рукопись К. Маркса, непосредственно связанная с его незаконченной работой «Наемный труд и капитал» (см. настоящий том, стр. 428—459) и дополняющая эту последнюю.

Рукопись под названием «Заработная плата», хранившаяся в архиве германской социал-демократии, была впервые опубликована лишь в 1924 г. на русском языке в журнале «Социалистическое хозяйство», а в 1925 г. на языке оригинала в журнале «Unter dem Banner des Marxismus». Надпись на обложке найденной рукописи («Брюссель, декабрь 1847 г.»), наличие краткого резюме того, что «уже было изложено», форма изложения и само содержание рукописи дают основание предполагать, что «Заработная плата» представляет собой подготовительный набросок Маркса для последней или для ряда последних лекций, которые он читал во второй половине декабря 1847 г. на собраниях Немецкого рабочего общества в Брюсселе. Это подтверждается также и тем, что во время ее написания Маркс, как об этом свидетельствует его пометка в тексте рукописи, уже готовился к своей известной «Речи о свободе торговли», произнесенной 9 января 1848 г. на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации.

В рукописи «Заработная плата», как и в статьях, опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung», речь идет о продаже рабочим капиталисту своего труда, а не о продаже рабочей силы, как в более поздних экономических работах Маркса. — *579.*

[368] Данные о продолжительности рабочего дня и численности ткачей взяты Марксом из книги Карлейля «Чартизм», где говорится следующее: «Полмиллиона ткачей, работающих на ручных станках по 15 часов ежедневно, тем не менее постоянно не в состоянии обеспечить себе в достаточном количестве самой простой пищи» (Th. Carlyle. «Chartism». London, 1840, p. 31). — *580.*

[369] Речь Боуринга приводится в книге: W. Atkinson. «Principles of Political Economy». London, 1840, pp. 36—38 (У. Аткинсон. «Основы политической экономии». Лондон, 1840, стр. 36—38).—*580.*

[370] Выдержка из выступления Боуринга в палате общин использована Марксом в его речи о свободе торговли, произнесенной 9 января 1848 г. на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации (см. настоящее издание, т. 4, стр. 412—414). —*580.*

[371] Маркс имеет в виду следующее высказывание Карлейля по поводу английских законов о бедных: «Если нищих сделать несчастными, они неизбежно будут погибать массами. Вот секрет, известный всем истребителям крыс: заделайте щели в амбарах, создайте непрерывное мяуканье, тревогу, заставьте действовать крысоловки — и ваши «chargeable labourers» [обременяющие общество бедняки] исчезнут, будут искоренены. Более быстрый способ — мышьяк и, пожалуй, более гуманный...» Тп. Carlyle. «Chartism». London, 1840, p. 17 (Т. Карлейль. «Чартизм». Лондон, 1840, стр. 17). — *580.*

[372] J. R. M'Culloch. «The Principles of Political Economy». Edinburgh, 1825, p. 319 (Дж. Р. Мак-Куллох. «Основы политической экономии». Эдинбург, 1825, стр. 319).— *581.*

[373] J. Wade. «History of the Middle and Working Classes». 3rd. ed., London, 1835, p. 125 (Дж. Уэйд. «История среднего и рабочего классов». 3-е изд., Лондон, 1835, стр. 125). — *581.*

[374] Маркс имеет в виду следующее место из книги Дж. Уэйда: «Количество применяемого труда [the quantity of employment] в каждой отрасли промышленности не постоянно. Оно может изменяться под влиянием смены времен года, перемены мод или превратностей торговли» (см. Дж. Уэйд. Цит. соч., стр. 252). — *582.*

[375] Имеется в виду поштучная форма заработной платы (см. Дж. Уэйд. Цит. соч., стр. 267). — *582.*

[376] *Trucksystem* — система оплаты товарами. Баббедж по этому поводу пишет: «Там, где рабочие получают плату продуктами или вынуждены покупать в лавке хозяина, — там в отношении их совершается много несправедливости, и результатом является большая нищета». «Слишком велик соблазн для хозяина — во время депрессии снизить действительно выплачиваемую заработную плату (путем повышения цен на товары в своей лавке), не уменьшая ее номинального размера, — чтобы он мог этому противостоять». Ch. Babbage. «On the Economy of Machinery and Manufactures». 2nd. ed., London, 1832, p. 304 (Ч. Баббедж. «Об экономической природе машин и фабрик». 2-е изд., Лондон, 1832, стр. 304). — *583.*

[377] A. Ure. «Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle». T. I, Bruxelles, 1836, pp. 34, 35 (Э. Юр. «Философия фабрики, или Промышленная экономия». Т. I, Брюссель, 1836, стр. 34, 35).—*583.*

[378] P. Rossi. «Cours d'economie politique». Bruxelles, 1843, pp. 369, 370 (П. Росси. «Курс политической экономии». Брюссель, 1843, стр. 369, 370). — *583.*

[379] A. Cherbuliez. «Riche ou Pauvre». Paris — Geneve, 1840, pp. 103—104, 105, 109 (А. Шербюлье. «Богатый или бедный». Париж — Женева, 1840, стр. 103—104, 105, 109). — *584.*

[380] J. F. Bray. «Labour's Wrongs and Labour's Remedy». Leeds, 1839, pp. 152, 153 (Дж. Ф. Брей. «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению». Лидс, 1839, стр. 152, 153). — *584.*

[381] См. примечание 375. — *587.*

[382] В своих выписках из книги Карлейля «Чартизм» Маркс приводит следующее место: «В Ирландии около 7 миллионов рабочего населения, третья часть которого, как показывает статистика, ежегодно в течение тридцати недель не имеет в достаточном количестве даже и третьесортного картофеля» (Th. Carlyle. «Chartism». London, 1840, p. 25). —*588.*

[383] Имеется в виду война немецкого народа против наполеоновского господства в 1813—1815 годах. — *589.*

[384] Статьи «Рабочий класс Франции и президентские выборы» и «Прудон», предназначенные Энгельсом для «Neue Rheinische Zeitung», были написаны в начале декабря 1848 г. во время пребывания в Швейцарии; статьи сохранились в рукописи. — *603.*

[385] Речь идет о борьбе внутри революционной демократии Франции в связи с президентскими выборами, назначенными на 10 декабря 1848 года. О монтаньярах см. примечание 145. — *603.*

[386] *«Le Peuple»* («Народ») — французская газета, орган прудонистов, издавалась в Париже в 1848—1850 годах; вначале выходила под названием «Le Representant du Peuple» («Представитель народа»), а с сентября 1848 по 13 июня 1849 г. — под названием «Le Peuple»; редактором газеты был П. Ж. Прудон. — *603.*

[387] Так называемые «чистые» (или трехцветные) республиканцы — французская буржуазная партия. Органом ее была газета «Le National». Во время революции 1848 г. руководители этой партии вошли в состав временного правительства, а затем с помощью Кавеньяка организовали июньскую бойню — расправу с революционным парижским пролетариатом. — *604.*

[388] Имеется в виду *Комиссия исполнительной власти* — см. примечание 80. — *604.*

[389] *«La vraie Republique»* («Истинная республика») — ежедневная французская политическая и литературная газета, орган мелкобуржуазных республиканцев; под данным названием издавалась в Париже с 26 марта по 21 августа 1848 г., когда была запрещена; с 29 марта по 13 июня 1849 г. издавалась под названием «Journal de la vraie Republique»; в редакцию входили Барбес, Торе, Пьер Леру, Жорж Санд. — *605.*

[390] *«L'Ami du Peuple en 1848»* («Друг народа в 1848 году») — французская революционно-демократическая газета, издавалась в Париже с 27 февраля по 14 мая 1848 г. под редакцией Ф. Распайля. — *607.*

[391] P. J. Proudhon. «Qu' est-ce que la propriete? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement». Paris, 1840 (П. Ж. Прудон. «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти». Париж, 1840). — *609.*

[392] P. J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I—II, Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Т. I—II, Париж, 1846). —*610.*

[393] *Equitable Labour Exchange Bazaars or Offices* (Базары или пункты для справедливого обмена продуктов труда) были основаны кооперативными обществами рабочих в различных городах Англии; в 1832 г. это движение было возглавлено Р. Оуэном, основавшим такой базар в Лондоне; на этих базарах продукты труда обменивались при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени. Эти предприятия, представлявшие собой утопическую попытку организовать безденежный обмен в условиях товарно-капиталистического хозяйства, вскоре обанкротились. — *610.*

[394] Это выражение взято из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка», гл. XXIII. —*610.*

[395] K. Marx. «Misere de la philosophie. Reponse a la Philosophie de la misere de M. Proudhon». Paris et Bruxelles, 1847 (см. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185). — *610.*

[396] Об этой речи Прудона см. статью «Речь Прудона против Тьера» (настоящее издание, т. 5, стр. 321—324). — *612.*

[397] Письмо Маркса и Энгельса Этьенну Кабе и заявление против Немецкого демократического общества публикуются по фотокопии рукописи, предоставленной в распоряжение Института марксизма-ленинизма Историческим музеем в Монтрёе (Франция, департамент Сены). Так как эти документы были получены после выхода 5 тома, к которому они относятся хронологически, они публикуются в настоящем томе в виде дополнения.

Судя по тому, что заявление и письмо написаны рукой Энгельса, оба эти документа составлены в конце марта 1848 г., после приезда Энгельса в Париж. В это время Маркс, Энгельс и другие члены Центрального комитета Союза коммунистов вели борьбу против Немецкого демократического общества, руководители которого Гервег и Борнштедт намеревались с помощью организованного во Франции легиона импортировать в Германию республику. В связи с этой затеей бывший редактор «Deutsche-Brusseler-Zeitung» Борнштедт был 16 марта исключен из Союза коммунистов.

По инициативе руководителей Союза коммунистов в начале марта 1848 г. в Париже был основан Клуб немецких рабочих, устав которого был составлен Марксом. С помощью Клуба Маркс и Энгельс стремились сплотить немецких рабочих-эмигрантов в Париже, разъяснить тактику пролетариата в буржуазно-демократической революции и в противовес авантюристической затее Гервега и Борнштедта организовать возвращение немецких рабочих на родину поодиночке для участия там в революционной борьбе.—*613.*

[398] См. примечание 72. — *617.*

[399] В ответ на это прошение Энгельса кантональный совет Берна 9 декабря 1848 г. предоставил ему право убежища. — *618.*

[400] По требованию имперского министра юстиции кёльнская прокуратура возбудила судебное следствие против Энгельса в связи с его выступлениями на народных собраниях в Кёльне в сентябре 1848 года. Приказ об аресте Энгельса см. в настоящем издании, т. 5, стр. 547.—*618.*

[401] *Народный комитет* был избран 13 ноября 1848 г. на народном собрании в Кёльне, созванном в знак протеста против перенесения заседаний прусского Национального собрания из Берлина в Бранденбург. В число членов комитета вошли Маркс, а также Бёйст, Нотъюнг, Вейль, Шнейдер II и другие. Задачей комитета было добиться поддержки кёльнским муниципальным советом Национального собрания, а также возвращения оружия, отнятого в сентябре у кёльнского гражданского ополчения. В случае отказа муниципального совета удовлетворить эти требования должно было последовать смещение городских властей. Народный комитет приступил к реорганизации ландвера, который должен был стать независимым от правительства и военных властей, была также сделана попытка сформировать добровольческий отряд из рабочих. Эти мероприятия проводила особая комиссия, связанная с вновь созданным комитетом ландвера. Народный комитет проводил также большую работу в близлежащих сельских местностях, призывая к организованному отказу от уплаты налогов. — *620.*

[402] Имеются в виду статьи действовавшего в Рейнской провинции французского Уголовного кодекса (Code penal): статья 209 — о сопротивлении представителям государственной власти и 217 — о подстрекательстве к мятежу. — *620.*

[403] Поводом для обвинения, предъявленного имперским министерством Марксу, Корфу и др., в клевете на депутатов франкфуртского Национального собрания послужили: 1) серия фельетонов Г. Веерта «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского», печатавших-. ся без подписи в «Neue Rheinische Zeitung» в августе — сентябре, декабре 1848 и в январе 1849 года; 2) корреспонденция из Бреславля в № 95 «Neue Rheinische Zeitung» от 6 сентября 1848 г. о предвыборных махинациях князя Лихновского; 3) корреспонденция из Франкфурта в № 102 «Neue Rheinische Zeitung» от 14 сентября 1848 г., разоблачавшая фальсифицированный отчет депутата франкфуртского Национального собрания Штедмана о голосовании по поводу перемирия с Данией; 4) опубликованное в № 110 «Neue Rheinische Zeitung» от 23 сентября 1848 г. решение народного собрания в Кёльне, где депутаты франкфуртского Национального собрания, голосовавшие за перемирие с Данией, обвинялись в измене народу (см. настоящее издание, т. 5, стр. 543—544). — *622.*

[404] Назначенный на 20 декабря 1848 г. процесс «Neue Rheinische Zeitung» был отложен (см. настоящий том, стр. 627) и состоялся 7 февраля 1849 г. (см. настоящий том, стр. 235—253 и примечание 189). — *622.*

[405] Первый конгресс рабочих союзов и секций демократического Немецкого национального союза Швейцарии состоялся в Берне 9—11 декабря 1848 года. — *623.*

[406] Речь идет о Центральном комитете немецких рабочих, который был избран на рабочем конгрессе, состоявшемся в Берлине 23 августа — 3 сентября 1848 года. Этот конгресс был созван по инициативе ряда рабочих организаций. Составленная под влиянием Стефана Борна программа конгресса ставила перед рабочими задачу добиваться осуществления ряда узко профессиональных требований, отвлекая

их тем самым от революционной борьбы. Центральный комитет немецких рабочих находился в Лейпциге. Наряду с Борном в него входили Швеннигер и Кик. — *623.*

[407] *«Die Verbruderung. Correspondenzblatt aller deutschen Arbeiten* («Братство. Корреспондентский листок всех немецких рабочих») — орган Центрального комитета немецких рабочих, издавался в Лейпциге с октября 1848 по июнь 1850 г. два раза в неделю; до мая 1849 г. журнал редактировал С. Борн. — *623.*

[408] Защитник Маркса и Энгельса адвокат Шнейдер II потребовал отложить судебное разбирательство ввиду того, что извещение о процессе не было своевременно (за десять дней) вручено обвиняемым. — *627.*

[409] Органом кёльнского Рабочего союза после прекращения выхода «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Koln» (см. примечание 130) была газета *«Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit»* («Свобода, братство, труд»). Она издавалась в Кёльне с 26 октября 1848 г. два раза в неделю. Издателем газеты был заместитель председателя кёльнского Рабочего союза П. Г. Рёзер, а ответственным редактором В. Принц. В конце декабря 1848 г., в результате вмешательства Готшалька в дела газеты, ее издание было прервано. С 14 января 1849 г. стала выходить газета *«Freiheit, Arbeit»* («Свобода, труд»), издателем которой стал типограф Броккер-Эверертс. Ответственный редактор этой газеты Принц, будучи сторонником Готшалька, вел линию на раскол кёльнского Рабочего союза. Принц не подчинился назначенной на заседании комитета кёльнского Рабочего союза 15 января редакционной комиссии в составе Шаппера, Рёзера и Рейфа; поэтому на заседании комитета 29 января было принято решение не считать газету «Freiheit, Arbeit» органом союза и возобновить издание газеты «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit», назначив ее редактором X. Й. Эссера. Издание газеты «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit» возобновилось 8 февраля и продолжалось до середины 1849 года. Газета «Freiheit, Arbeit» продолжала выходить до 17 июня 1849 года; она выступала с резкими нападками и злобными инсинуациями против Маркса и редакции «Neue Rheinische Zeitung». — *629.*

[410] В заявлении Готшалька, написанном в Брюсселе 9 января 1849 г. и опубликованном 18 января в газете «Freiheit, Arbeit», он оправдывал свое «добровольное изгнание» тем, что, несмотря на оправдательный приговор суда присяжных (см. примечание 423), многие его сограждане остаются убежденными в его виновности. Он заявлял, что возвратится только по зову «верховного судьи в стране в данное время» или по зову своих сограждан. Оценку этого заявления см. в постановлении первого филиала кёльнского Рабочего союза (настоящий том, стр. 643—644). — *629.*

[411] Согласно указу от 5 декабря 1848 г., на 22 января были назначены выборы выборщиков, а на 5 февраля 1849 г. — выборы депутатов во вторую палату прусского ландтага. — *630.*

[412] Имеется в виду статья «Аресты» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 172— 174). — *631.*

[413] Сокращенный отчет о заседаниях суда был опубликован в «Neue Rheinische Zeitung» № 221, 14 февраля 1849 года. Приводимые в этом отчете речи Маркса и Энгельса см. в настоящем томе, стр. 235—253.—*632.*

[414] Речь идет о лейтенантах Адамском и Нитхаке, которые принимали участие в сентябрьских событиях в Кёльне и в ноябре 1848 г. были избраны в Народный комитет (см. примечание 401). В связи с угрозой ареста они бежали в Бельгию, но там были арестованы и по этапу переправлены во Францию. После добровольного возвращения в Германию они 14 декабря были преданы военному суду. Относительно Адамского известно, что 29 мая 1849 г. военный суд лишил его офицерского звания и приговорил к девятимесячному заключению в крепости. — *633.*

[415] На заседании комитета кёльнского Рабочего союза 15 февраля 1849 г. по предложению Энгельса было принято решение назначить комиссию в составе Шаппера, Рёзера и Рейфа, которая установила бы связь с одним из демократических обществ для организации банкета по случаю годовщины февральской революции во Франции. — *636.*

[416] В «Kolnische Zeitung» от 27 февраля 1849 г. была напечатана корреспонденция о банкете 24 февраля. В заметке, в частности, говорилось: «Среди ораторов особенно отличился депутат Гладбах своими громовыми речами против дома Гогенцоллернов, графа Бранденбурга и других». — *636.*

[417] Имеется в виду группа участников восстания в Бадене в апреле 1848 г., эмигрировавших в Безансон (Франция); позже эта группа в виде так называемой безансонской роты во главе с Виллихом приняла участие в баденско-пфальцском восстании 1849 года. — *637.*

[418] См. примечание 128. — *637.*

[419] Речь идет о патриотической французской песне «Les Girondins» («Жирондисты»), популярной в период февральской революции 1848 года; эта песня известна также по рефрену «Mourir pour la patrie» («Умереть за отечество»). — *637.*

[420] См. примечание 264. — *638.*

[421] Имеется в виду газета *«Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit»* (см. примечание 409). — *639.*

[422] См. примечание 406. — *640.*

[423] В этом постановлении подвергается критике позиция Готшалька во время революции 1848—1849 годов. Уже с самого начала обнаружились разногласия Готшалька с тактической линией Маркса и Энгельса. В июле 1848 г. Готшальк вместе с Аннеке и X. И. Эссером был арестован и затем предан суду по обвинению в «подстрекательстве к вооруженному восстанию против королевской власти». 21—23 декабря состоялся судебный процесс. Под давлением общественного мнения присяжные вынуждены были оправдать обвиняемых. После освобождения

из заключения Готшальк проводил активную политику, направленную на раскол кёльнского Рабочего союза. Настоящее постановление было одобрено комитетом кёльнского Рабочего союза 24 апреля 1849 года. — *642.*

[424] О вмешательстве Готшалька в дела органа кёльнского Рабочего союза, газеты «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit», см. примечание 409. — *643.*

[425] Согласно сообщениям газет («Deutsche Allgemeine Zeitung» от 10 мая 1849 г., «Trier'sche Zeitung» от 12 мая 1849 г.), конгресс рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии действительно состоялся в назначенный день, в воскресенье 6 мая 1849 года. — *646.*

[426] См. примечание 403. — *650.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(ноябрь 1848—август 1849)

1848

Ноябрь	Ввиду отсутствия Энгельса и ряда других редакторов газеты, покинувших Кёльн в связи с угрозой ареста, почти вся работа по редактированию «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты») падает на Маркса. В то же время он принимает активное участие в деятельности кёльнского Рабочего союза в качестве его председателя, а также в работе Демократического общества и Рейнского окружного комитета демократов, мобилизуя народные массы на активное сопротивление наступающей контрреволюции.
Около 7 ноября	Энгельс, находящийся в Швейцарии, переезжает из Лозанны в Невшатель.
7 ноября	Энгельс посылает Марксу статью о Невшательской республике под названием «Бывшее княжество». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 11 ноября.
8 ноября	В связи с готовящимся контрреволюционным переворотом в Пруссии Маркс пишет статью «Берлинский кризис», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 9 ноября.
Около 9 ноября	Энгельс из Невшателя переезжает в Берн.
9 ноября	Энгельс пишет статью «Новые представительные учреждения. — Успехи движения в Швейцарии». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 15 ноября.
11—13 ноября	Маркс пишет серию статей «Контрреволюция в Берлине», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung»

12 (в двух выпусках) и 14 ноября. Маркс призывает народные массы ответить на действия контрреволюции отказом от уплаты налогов, видя в этом средство организованного революционного давления народа на правительство.

13 ноября На народном собрании в Кёльне избирается Народный комитет, в число членов которого вошел Маркс. Задачей комитета была организация и вооружение масс для борьбы против взимания налогов и против готовившегося в Пруссии государственного переворота.

Маркс участвует в собрании кёльнского Демократического общества; он зачитывает только что полученную телеграмму из Вены о казни Роберта Блюма; это известие вызывает взрыв возмущения в зале.

14 ноября Допрос Маркса судебным следователем по делу об «оскорблении» прокурора Геккера. Перед зданием суда собирается масса народа, чтобы выразить Марксу свое сочувствие. По окончании допроса народ сопровождает Маркса в зал Эйзера, где он благодарит собравшихся за сочувствие и поддержку.

От имени Рейнского окружного комитета демократов Маркс и Шнейдер II обращаются с воззванием ко всем демократическим союзам Рейнской провинции, предлагая организовывать народные собрания и призвать население к отказу от уплаты налогов. Для обсуждения дальнейших мероприятий Окружной комитет назначает на 23 ноября конгресс рейнских демократов. Воззвание публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 15 ноября.

15 ноября Маркс пишет статью «Министерство — на скамье подсудимых», которая публикуется в тот же день в экстренном выпуске «Neue Rheinische Zeitung».

Энгельс обращается в судебно-полицейское управление кантона Берн с просьбой разрешить ему пребывание в Берне.

17 ноября В «Neue Rheinische Zeitung» опубликована статья Маркса «Исповедь благородной души».

Маркс выпускает экстренное приложение к «Neue Rheinische Zeitung», в котором призывает население не платить никаких налогов правительству. С 19 ноября по 17 декабря все номера газеты выходят с призывом «Долой налоги!!!».

18 ноября Маркс пишет статью «Приказ Эйхмана», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 19 ноября.

От имени Рейнского окружного комитета демократов Маркс, Шаппер и Шнейдер II выпускают второе воззвание, в котором призывают население повсеместно оказывать всеми средствами сопротивление насильственному взиманию налогов, организовывать вооруженные отряды, создавать органы народной власти в виде коми-

тетов безопасности. Воззвание публикуется в «Neue Rheinische Zeieung» 19 ноября.

20 ноября Маркс и два других члена Рейнского окружного комитета демократов — Шаппер и Шнейдер II — получают приказ явиться 21 ноября к судебному следователю для допроса. Им предъявляется обвинение «в открытом призыве к мятежу» в связи с воззванием об отказе от уплаты налогов.
Маркс, Шаппер и Шнейдер II выпускают новое воззвание, в котором, сообщая о своем вызове в суд, предостерегают рейнских демократов от преждевременных выступлений. Воззвание публикуется в «Neue Rheinische Zeifcung» 21 ноября.

21 ноября Допрос Маркса судебным следователем в связи с призывом Рейнского окружного комитета демократов к отказу от уплаты налогов.
Судебная палата кёльнского окружного суда выносит решение отложить дело Энгельса и других участников сентябрьских событий в Кёльне (Вахтера, Бюргерса и др.) до их явки в суд.

22 ноября Маркс пишет статью «Франкфуртское собрание», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 23 ноября.

23 ноября Маркс принимает участие в работе второго рейнского конгресса демократов, на котором обсуждаются вопросы, связанные с кампанией за отказ от уплаты налогов. Особое внимание конгресс уделяет работе демократов в деревне, считая необходимым вовлечь крестьянские массы в борьбу против контрреволюции. Конгресс утвердил решения Окружного комитета демократов и дал делегатам соответствующие инструкции.
В «Neue Rheinische Zeitung» публикуется статья Энгельса «Выборы в Федеральный суд».

24 ноября Маркс пишет статьи «Дригальский — законодатель, гражданин и коммунист» и «Три судебных процесса против «Neue Rheinische Zeitung»», которые публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 26 ноября.
Энгельс посылает в Кёльн статьи «Германская центральная власть и Швейцария» и «Портреты членов Федерального совета». Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 26 и 29 ноября.

29 ноября Маркс пишет статью «Революционное движение в Италии», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeifcung» 30 ноября.
В письме к Энгельсу Маркс просит его написать для «Neue Rheinische Zeitung» статьи о Прудоне, о событиях в Венгрии и о федеративной республике на примере Швейцарии.

Начало декабря Энгельс пишет статьи «Рабочий класс Франции и президентские выборы» и «Прудон», которые остались неопубликованными.

Около 2 декабря Маркс снова вызывается на допрос к судебному следователю по поводу ряда статей в «Neue Rheinische Zeitung»: серии фельетонов «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского», написанных Г. Веертом и печатавшихся без подписи, корреспонденции из Бреславля о предвыборных махинациях Лихновского, корреспонденции из Франкфурта, разоблачавшей фальсифицированный отчет депутата франкфуртского Национального собрания Штедмана, а также опубликованного в «Neue Rheinische Zeitung» решения народного собрания в Кёльне 20 сентября 1848 года.

6 декабря В связи с роспуском прусского Национального собрания Маркс пишет статью «Вторая стадия контрреволюции». Статья публикуется 7 декабря в экстренном выпуске «Neue Rheinische Zeitung».

Энгельс пишет статью «Национальный совет», которая публикуется в газете 10 декабря.

8 декабря Лозаннский Рабочий союз поручает Энгельсу, «как старому борцу за интересы пролетариата», быть его представителем на первом конгрессе немецких рабочих союзов в Швейцарии, который должен был открыться в Берне 9 декабря.

9 декабря Энгельс получает разрешение на проживание в Берне.

9—29 декабря Маркс пишет серию статей «Буржуазия и контрреволюция», в которых подводит итоги мартовской революции, характеризует расстановку классовых сил в Германии к концу 1848 года и разоблачает предательскую роль прусской буржуазии. Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 10, 15, 16 и 31 декабря.

19 декабря В «Neue Rheinische Zeitung» публикуется извещение о подписке на газету на первый квартал 1849 г., где подчеркивается, что «Neue Rheinische Zeitung» является органом не только немецкой, но и европейской демократии.

20 декабря Назначенное на 20 декабря слушание в суде присяжных дела Маркса — главного редактора «Neue Rheinische Zeitung», Корфа — ответственного издателя и Энгельса — редактора газеты, обвиняемых в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля и в клевете на жандармов (в связи со статьей «Аресты», опубликованной в газете 5 июля), откладывается по формальным причинам.

21 декабря Маркса вызывают к судебному следователю в связи со статьей «Дригальский — законодатель, гражданин и

	коммунист», опубликованной 26 ноября в «Neue Rheinische Zeitung».
21—22 декабря	Маркс пишет статью «Процесс Готшалька и его товарищей», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 22 и 23 декабря.
24 декабря	В «Neue Rheinische Zeitung» публикуется статья Маркса «Прусская контрреволюция и прусское судейское сословие».
31 декабря	Маркс пишет статью «Революционное движение», в которой подводит итоги развития революции в Европе в 1848 году, анализирует перспективы пролетарской революции во Франции и в Англии и подчеркивает то влияние, которое она должна оказать на революционное и национально-освободительное движение в Европе. Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 1 января 1849 года.

1849

4 января	Маркс пишет статью «Буржуазный документ» по поводу выпущенной кёльнским муниципальным советом рабочей книжки (регламента для рабочих, занятых на городских работах). Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 5 января.
8 января	Маркс пишет статью «Новогоднее поздравление», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 9 января.
11 января	Энгельс пишет статью «Швейцарская пресса». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 17 января.
13 января	В «Neue Rheinische Zeitung» печатается статья Энгельса «Борьба в Венгрии».
15 января	Маркс принимает участие в заседании комитета кёльнского Рабочего союза. В своем выступлении Маркс разъясняет, почему рабочие должны поддерживать демократических кандидатов на предстоящих выборах во вторую палату прусского ландтага.
Середина Января	Энгельс возвращается из Швейцарии в Кёльн и снова целиком включается в работу редакции [«Neue Rheinische Zeitung».
20—21 января	Маркс пишет полемическую статью «Монтескьё LVI», в которой разоблачает демагогические предвыборные обещания «Kolnische Zeitung» («Кёльнской газеты»)— разрешить социальный, вопрос с помощью октроированной конституции. Маркс призывает рабочих и мелкую буржуазию избирать только тех депутатов,

которые будут решительно выступать против отживших феодальных порядков. Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 21 и 22 января.

21 января — Энгельс пишет статью «Прусский приказ об аресте Кошута», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 28 января.

25—27 января — Маркс пишет направленную против прусских либералов статью «Берлинская «National-Zeitung» — первичным избирателям». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 26 и 28 января.

26 января — Допрос Энгельса судебным следователем в связи с сентябрьскими событиями в Кёльне. В результате допроса было заявлено, что Энгельсу больше не предъявляется никаких обвинений.

29 января — Маркс участвует в заседании комитета кёльнского Рабочего союза, на котором принимается решение о возобновлении издания печатного органа союза «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit», в противовес газете «Freiheit, Arbeit», ставшей органом сектантской группы Готшалька.

30 января — Маркс пишет статью ««Kolnische Zeitung» о выборах», в которой доказывает необходимость совместной борьбы пролетариата, городской мелкой буржуазии и крестьянства за демократическую республику. Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 1 февраля.

Около февраля — В помещении редакции «Neue Rheinische Zeitung» происходит совещание по случаю приезда в Германию Иосифа Молля в качестве эмиссара лондонского Центрального комитета Союза коммунистов. На совещании, в котором принимают участие Маркс и Энгельс, обсуждается вопрос о реорганизации Союза коммунистов.

Начало февраля — Маркс и Энгельс встречаются в редакции «Neue Rheinische Zeitung» с руководителем общества Рабочее братство Стефаном Борном, находящимся проездом в Кёльне.

3 февраля — Маркс пишет статью «Кампгаузен», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 4 февраля.

4 февраля — На общем собрании кёльнского Рабочего союза сообщается о том, что Маркс и Энгельс предложили регулярно читать для членов союза бесплатные лекции на социальные темы. В целях создания более крепкой рабочей организации с твердым уставом и структурой собрание принимает решение о реорганизации Рабочего союза.

7 февраля — Маркс и Энгельс выступают с речами на судебном процессе, возбужденном против «Neue Rheinische Zeitung»

по обвинению в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля и в клевете на жандармов (в статье «Аресты», опубликованной в газете 5 июля 1848 года). Маркс и Энгельс используют этот судебный процесс для того, чтобы публично заклеймить прусское правительство, совершившее контрреволюционный переворот. Суд присяжных выносит Марксу, Энгельсу и ответственному издателю газеты Корфу оправдательный приговор. Речи Маркса и Энгельса на суде публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 14 февраля.

8 февраля Маркс выступает в кёльнском суде присяжных на процессе, возбужденном против него, Шаппера и Шнейдера II по обвинению «в подстрекательстве к мятежу», на основании написанного ими воззвания Окружного комитета демократов 18 ноября 1848 года. В своей речи Маркс доказывает, что народ вправе ответить революцией на контрреволюционные действия королевской власти. Всем обвиняемым выносится оправдательный приговор. Речь Маркса на суде публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 25 и 27 февраля.

10 февраля Маркс пишет статью «Разделение труда в «Kolnische Zeitung»», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 11 февраля.

Маркс пишет первую статью «Лассаль», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 11 февраля. В дальнейшем Маркс и Энгельс публикуют в газете ряд статей о процессе Лассаля.

11 февраля Маркс и Энгельс присутствуют на демократическом банкете, устроенном Рабочим союзом в Мюльгейме (Рейнская провинция). Маркс произносит речь об участии немецких рабочих в революционных боях во Франции, Англии, Бельгии и Швейцарии. Энгельс в своем выступлении приветствует революционных борцов в Венгрии. Член Рабочего союза Лукас провозглашает тост в честь тех демократов, которые, подобно Марксу, еще задолго до февральской революции отстаивали права рабочего класса.

14—15 февраля Энгельс пишет статью «Демократический панславизм». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 15 и 16 февраля.

15 февраля На заседании комитета кёльнского Рабочего союза Энгельс вносит предложение организовать банкет по случаю годовщины февральской революции во Франции; предложение Энгельса принимается.

16—21 февраля Маркс пишет статьи «Прусское финансовое хозяйство при Бодельшвинге и компании» и «Еще раз о старопрусском финансовом хозяйстве». Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 17 и 23 февраля.

17 февраля	Энгельс пишет статью ««Kolnische Zeitung» о борьбе мадьяр», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 18 февраля.
24 февраля	Маркс и Энгельс принимают участие в банкете, посвященном празднованию годовщины февральской революции во Франции. Энгельс произносит тост в честь борющихся итальянцев, за Римскую республику.
28 февраля	Отчет о происходивших 7 и 8 февраля судебных процессах с текстом речей Маркса и Энгельса выходит отдельной брошюрой в издании экспедиции «Neue Rheinische Zeitung» под заглавием «Два политических процесса».
2—3 марта	На квартиру к Марксу являются два унтер-офицера кёльнского гарнизона, которые, прибегая к угрозам, требуют назвать автора заметки в «Neue Rheinische Zeitung» о капитане Уттенхофене. Маркс отвечает на это категорическим отказом. 3 марта он направляет резкий протест по этому поводу коменданту города Кёльна.
7 *марта*	В передовой статье «Neue Rheinische Zeitung» «Экономическое положение» анализируется развитие английской экономики накануне 1848 г. и освещается вопрос о влиянии революции 1848 года на состояние торговли и промышленности.
10— 15 марта	Маркс пишет статьи «Мартовский союз» и «Франкфуртский мартовский союз и «Neue Rheinische Zeitung»», которые публикуются 11 и 17 марта.
11 марта	На собрании первичных избирателей в зале Гюрцених в Кёльне Маркс выбирается членом комитета, который должен осуществлять постоянную связь с депутатами второй палаты. Собрание принимает адрес к депутатам второй палаты, требуя от них добиться отмены осадного положения в Берлине и положить конец диктатуре сабли.
13—23 марта	В передовых статьях «Neue Rheinische Zeitung» Маркс подвергает резкой критике законопроекты министерства Бранденбурга — Мантёйфеля о клубах и собраниях, о плакатах и о печати, посредством которых сводились на нет демократические свободы, завоеванные в дни мартовской революции 1848 года.
16 марта	Энгельс пишет статью «Проект адреса второй палаты», которая публикуется в тот же день в экстренном приложении к «Neue Rheinische Zeitung». В дальнейшем Энгельс пишет ряд статей с критикой дебатов второй палаты прусского ландтага.
18 марта	В написанной Марксом заметке сообщается, что «Neue Rheinische Zeitung» будет отмечать годовщину

не мартовской революции в Берлине, а восстания парижских рабочих — 25 июня 1848 года. Заметка публикуется во втором выпуске «Neue Rheinische Zeitung» 18 марта.

19 марта На многолюдном банкете в зале Гюрцених в Кёльне, организованном в связи с годовщиной баррикадных боев в Берлине, Энгельс произносит тост в честь июньских инсургентов в Париже.

25 марта Энгельс пишет статью «Дебаты в Берлине по вопросу об адресе», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 30 марта.

27 марта Энгельс пишет статью «Война в Италии и Венгрии», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 28 марта.

29 марта В связи с предложением прусского министра внутренних дел о высылке Маркса из Кёльна обер-президент Рейнской провинции Эйхман, признавая желательность этой меры, выражает, однако, опасение, что это может вызвать волнения в городе; он советует выждать более благоприятного момента для высылки Маркса не только из Кёльна, но и из Пруссии.

30 марта — 3 апреля Энгельс пишет три статьи под названием «Поражение пьемонтцев», в которых, анализируя ход войны Пьемонта с Австрией, показывает, что избавить Италию от австрийского господства может только подлинная национальная революционная война, всеобщее восстание народа. Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 31 марта, 1 и 4 апреля.

5—11 апреля Маркс публикует в «Neue Rheinische Zeitung» свою работу «Наемный труд и капитал», в основу которой были положены лекции, прочитанные им во второй половине декабря 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Он стремится в популярной форме вскрыть сущность капиталистической эксплуатации и показать непримиримую противоположность интересов капиталистов и наемных рабочих.

11 апреля Комитет кёльнского Рабочего союза принимает решение включить в программу дискуссионных вечеров своих филиалов вопрос о заработной плате, использовав для этого публикуемую в «Neue Rheinische Zeitung» работу Маркса «Наемный труд и капитал».

14 апреля Маркс совместно с Шаппером, В. Вольфом и Аннеке выходит из Рейнского окружного комитета демократических союзов. Маркс и его сторонники организационно порывают с мелкобуржуазной демократией, не отказываясь от совместных действий с ней в борьбе против наступавшей контрреволюции. Они ставят перед собой задачу объединить рабочие союзы и на их базе

практически приступить к созданию самостоятельной массовой рабочей партии. Заявление публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 15 апреля.

Около 15 апреля — 8 мая Маркс предпринимает поездку по городам Северо-Западной Германии и Вестфалии. Он посещает Бремен, Гамбург, Билефельд, Хамм, встречается с коммунистами и демократами, знакомится с революционной обстановкой на местах и принимает меры к тому, чтобы достать денежные средства для продолжения издания «Neue Rheinische Zeitung». Во время отсутствия Маркса газетой руководит Энгельс.

16 апреля Под влиянием Маркса и его сторонников кёльнский Рабочий союз на своем собрании единогласно постановляет выйти из объединения демократических обществ Германии и присоединиться к объединению рабочих союзов, Центральный комитет которого находился в Лейпциге. В целях более тесного сплочения рабочих союзов собрание решает созвать в Кёльне конгресс всех рабочих союзов Рейнской области и Вестфалии.

17 апреля Комитет кёльнского Рабочего союза избирает Маркса во временную комиссию по подготовке конгресса всех рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии, который назначается на 6 мая.

19—23 апреля Энгельс пишет две статьи о дебатах второй палаты прусского ландтага — «Заседание второй палаты в Берлине 13 апреля» и «Дебаты по поводу закона о плакатах». Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 20, 22 и 27 апреля.

20 апреля В «Neue Rheinische Zeitung» помещается сообщение, что ввиду отъезда Маркса из Кёльна временно прекращается печатание его работы «Наемный труд и капитал». Обострение политической обстановки в Германии и прекращение выхода «Neue Rheinische Zeitung» помешали Марксу закончить опубликование своего труда.

23 апреля Общее собрание кёльнского Рабочего союза утверждает временную комиссию по созыву конгресса рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии в составе Маркса, Шаппера, В. Вольфа, Аннеке, Эссера и Отто.

28 апреля Энгельс пишет статьи «Роспуск второй палаты» и «Познань». Статьи публикуются в «Neue Rheinische Zeitung» 29 апреля.

29 апреля Газета кёльнского Рабочего союза «Freiheit, Bruderlichkeit, Arheit» публикует решение первого филиала союза, в котором осуждается поведение Готшалька по отношению к Рабочему союзу и его враждебные выпады против Маркса.

30 апреля — Энгельс пишет статью «Контрреволюционные планы в Берлине», которая печатается в «Neue Rheinische Zeitung» 1 мая.

Первая половина мая — «Neue Rheinische Zeitung» освещает на своих страницах ход народных восстаний в Саксонии, Рейнской провинции, Вестфалии, Пфальце, Бадене.

4 — 6 мая — В статьях «Съезд рейнских городов» и «Они хотят осадного положения», опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung», Энгельс предупреждает рабочих Кёльна о намерении правительства спровоцировать беспорядки 6 мая во время съездов различных партий, в том числе и конгресса рабочих союзов, чтобы иметь повод для введения осадного положения. Энгельс призывает рабочих не поддаваться на провокации властей и не вступать в борьбу в неблагоприятных для них условиях.

7 мая — Энгельс пишет статью о новом революционном подъеме в Саксонии, Пфальце и Рейнской Пруссии и о революционной борьбе в Венгрии, под названием «Прусская армия и революционное восстание народа». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 8 мая.

9 мая — По возвращении в Кёльн из поездки по различным городам Германии Маркс пишет статью «Подвиги Гогенцоллернов», которая публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 10 мая.
Энгельс пишет статью «Наступление контрреволюции и развитие революции». Статья публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» 10 мая.

Около 10 мая — Энгельс разрабатывает план действий для обеспечения победы восстания в Рейнской провинции.

10 мая — В связи с начавшимся в Эльберфельде восстанием Энгельс едет в Золинген, откуда вместе с отрядом революционных рабочих направляется в Эльберфельд.

11 мая — Энгельс прибывает в Эльберфельд, где Комитет безопасности поручает ему руководить работами по возведению оборонительных сооружений и наблюдать за всеми баррикадами в городе, а также за артиллерией. Энгельс требует от Комитета безопасности вооружить рабочих и обложить буржуазию принудительным налогом на содержание вооруженных отрядов.
Прусское правительство издает приказ о высылке Маркса из Пруссии, рассчитывая таким путем прекратить выход «Neue Rheinische Zeitung».

14—15 мая — Комитет безопасности в Эльберфельде под давлением местной буржуазии, боявшейся, как бы Энгельс не провозгласил красную республику, и добивавшейся его ареста, предлагает Энгельсу покинуть город. Поведение Комитета вызывает возмущение рабочих. Они

просят Энгельса остаться, обещая «защищать его ценою своей жизни».

15 мая — Энгельс, трезво оценивая обстановку и не желая вносить раскол в лагерь восставших, покидает Эльберфельд и приезжает в Кёльн.

16 мая — Марксу вручается приказ о его высылке из пределов Пруссии.

Около 17 мая — Издается приказ об аресте Энгельса в связи с его участием в эльберфельдском восстании.

17 мая — В «Neue Rheinische Zeitung» появляется подробный отчет об эльберфельдских событиях. Газета выражает благодарность эльберфельдским рабочим за симпатию, проявленную к ее редактору — Энгельсу, и заверяет их, что в момент будущей решающей битвы между рабочими и буржуазией Энгельс, как и все редакторы «Neue Rheinische Zeitung», окажется на боевом посту, и никакая сила не вынудит его оставить этот пост.
Приказ об аресте вынуждает Энгельса покинуть Кёльн; он направляется в Юго-Западную Германию, где происходило революционное восстание.

Около 19 мая — Маркс за счет подписных денег, собственных средств и продажи принадлежавшей ему скоропечатной машины выплачивает долги «Neue Rheinische Zeitung» наборщикам, печатникам, бумагопродавцам, конторщикам, корреспондентам, персоналу редакции и т. д.

19 мая — В связи с высылкой Маркса из Пруссии и преследованием Энгельса и других редакторов газеты, выходит последний, 301 номер «Neue Rheinische Zeitung», отпечатанный красной краской. В газете опубликована статья Маркса «Полицейское уничтожение «Neue Rheinische Zeitung»» и статья Энгельса «Венгрия». В прощальном обращении к кёльнским рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и повсюду будет; *освобождение рабочего класса!».*

19—20 мая — После прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс приезжают во Франкфурт-на-Майне, где побуждают левых депутатов Национального собрания стать во главе вооруженного восстания в Юго-Западной Германии, призвать революционную армию Бадена и Пфальца во Франкфурт и поставить общегерманское Национальное собрание под влияние восставшего населения и восставшей армии. Этот план не встретил поддержки у мелкобуржуазных депутатов Собрания.

20 или 21 мая — Маркс и Энгельс приезжают в Баден. В Мангейме, Людвигсхафене и Карлсруэ они стремятся убедить руководителей движения в необходимости напра-

вить баденскую революционную армию во Франкфурт и придать восстанию общегерманский характер. Мелкобуржуазные демократы, стоявшие во главе движения, отвергли предложения Маркса и Энгельса.

Около 23—24 мая Маркс и Энгельс направляются в Пфальц. Они едут в Шпейер, а затем в Кайзерслаутерн, где находилось временное правительство. Ввиду того, что восстание развернулось под лозунгом защиты имперской конституции и возглавлялось лидерами мелкобуржуазной демократии, Маркс и Энгельс отказываются от всякого официального участия в руководстве движением.

29 мая Суд исправительной полиции в Кёльне выносит оправдательный приговор Марксу, Дронке, Веерту и др., обвинявшимся в клевете на депутатов Франкфуртского собрания в связи со статьей в «Neue Rheinische Zeitung» от 14 сентября 1848 г., в которой разоблачался фальсифицированный отчет депутата Штедмана о голосовании по поводу перемирия с Данией.

Конец мая Маркс и Энгельс направляются в Бинген. По пути их арестовывают гессенские солдаты по подозрению в участии в восстании и отправляют в Дармштадт, а оттуда во Франкфурт-на-Майне. Во Франкфурте Маркс и Энгельс были освобождены и вновь возвратились в Бинген.

31 мая Маркс пишет заявление от имени всех редакторов «Neue Rheinische Zeitung», в котором сообщает, что они не имеют ничего общего с «Westdeutsche Zeitung» («Западногерманской газетой»). Заявление публикуется 2 июня в «Neue Deutsche Zeitung» («Новой немецкой газете»), а также в других немецких газетах.

Около 2 июня Маркс, ожидая наступления решающих революционных событий во Франции, отправляется в Париж с мандатом Центрального комитета демократов, чтобы представлять германскую революционную партию перед французскими социальными демократами.

Энгельс отправляется в Кайзерслаутерн с намерением жить там первое время в качестве политического эмигранта, а в случае, если вспыхнет борьба, «занять в этом движении то место, которое только и могла занять «Neue Rheinische Zeitung», — место солдата».

Временное правительство Пфальца предлагает Энгельсу различные гражданские и военные должности. Он отклоняет все предложения, соглашаясь только написать несколько статей для газеты «Bote fur Stadt und Land» («Вестник для города и деревни»), издаваемой временным правительством Пфальца.

2 июня Энгельс пишет статью «Революционное восстание в Пфальце и Бадене», которая появляется 3 июня в газете «Bote fur Stadt und Land». Так как вторую его статью

	редакция признает слишком «возбуждающей», Энгельс берет статью обратно и отказывается от дальнейшего сотрудничества в газете.
Около 3 июня	Маркс приезжает в Париж.
После 3 июня	Маркс восстанавливает и расширяет свои связи с руководителями клубов и тайных рабочих организаций, а также с представителями французских демократов.
6 июня	Прусское правительство издает приказ о розыске Энгельса, подлежащего аресту.
7 июня	В письме к Энгельсу Маркс сообщает о напряженной революционной обстановке в Париже и просит Энгельса регулярно информировать его о положении дел в Германии.
13 июня — 11 июля	Энгельс направляется через Нёйштадт в Оффенбах, чтобы вступить в баденско-пфальцскую армию — в отряд добровольцев под командованием Виллиха. Он принимает непосредственное участие в революционных боях, развернувшихся в Бадене и Пфальце. Будучи адъютантом Виллиха, Энгельс составляет вместе с ним планы военных операций и руководит выполнением особенно сложных и опасных боевых заданий. Он лично участвует в четырех сражениях, в частности в крупном сражении при Раштатте.
21 июня	Маркс пишет статью «13 июня» о неудачном выступлении мелкобуржуазных демократов в Париже. Статья публикуется в немецкой демократической газете «Volkstreunt» («Друг народа») 29 июня.
12 июля	После поражения баденско-пфальцского восстания отряд, в котором сражался Энгельс, последним переходит границу Швейцарии.
29 июля	Маркс получает уведомление от французских властей, что издан приказ о его высылке из Парижа в Морбиан— болотистую, нездоровую местность Бретани.
24 июля	Энгельс приезжает в Веве (кантон Во).
25 июля	Энгельс посылает письмо жене Маркса в Париж, в котором выражает беспокойство о судьбе Маркса ввиду слухов об его аресте и сообщает о своем участии в повстанческих военных действиях в Бадене и Пфальце.
Около 27 июля	В открытом письме редактору газеты «La Presse» Маркс опровергает опубликованные в этой газете неверные сведения о закрытии «Neue Rheinische Zeitung» и о последующей деятельности ее редактора. Письмо публикуется в газете «La Presse» 30 июля.

Около 1 августа	Маркс пишет Энгельсу письмо, в котором выражает радость по случаю получения от него известий, советует Энгельсу написать историю баденско-пфальцского восстания и сообщает о своих переговорах относительно издания в Берлине политико-экономического журнала.
Около 20 августа	После месячного пребывания в Веве Энгельс переезжает в Лозанну.
23 августа	В письме к Энгельсу Маркс сообщает, что его высылают из Парижа в болотистую местность Бретани. В связи с этим Маркс решает эмигрировать в Лондон. Он предлагает Энгельсу также приехать в Лондон, чтобы совместно издавать там журнал.
24 августа	Маркс уезжает из Парижа в Лондон.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Л

М

П

Р

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

Декабрь

Март

Апрель

Май

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ И ДОКУМЕНТЫ

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Дополнение

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *С. 3. Левиовой*

при участии *Б. А. Крылова* и *Ю. Т. Харитонова.*

Помощники подготовителя *М. А. Кочеткова* и *Г. Л. Багатурия.*

Редактор *Е. А. Степанова*

*

Сдано в набор 15 /VI 1956 г. Подписано

к печати 6/II 1957 г. Формат $60X92^{1}/_{16}$.

Физ. печ. л. $49^{1}/_{4}$*+ 4 вклейки—*$^{1}/_{2}$ п. л. *У слоен.*

печ. л. 49,75. Уч.-изд. л. 43,4. Заказ № 1341.

Тираж 200000 экз. Цена 10 руб.

*

Государственное издательство

политической литературы.

Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

*

Министерство культуры СССР.

Главное управление

полиграфической промышленности.

2-я *типография «Печатный Двор»*

имени А. *М. Горького.*

Ленинград, Гатчинская, 26.